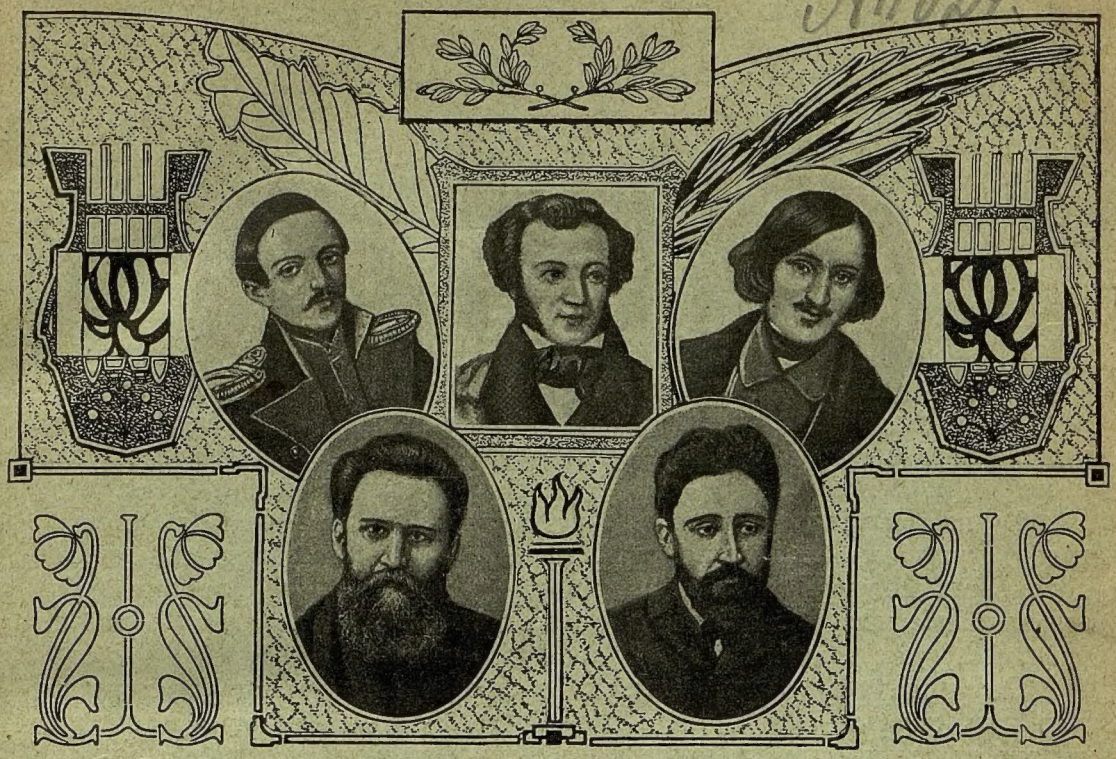
1941

ПРОВЕРЕНО
1939 г.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.



НОВЪ.

КНИГА ДЛЯ ЗАНЯТІЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ВЪ ШКОЛѢ И СЕМЬѢ. ЧТЕНІЕ И МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БЕСѢДЪ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ.

Книжка третья.

Цѣна 75 коп.

Со многими рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Айвазовскаго, Богданова-Бѣльскаго, Левитана, Маковскаго, Рѣпина, Саврасова, Шильдера, Шишкина, Ярошенко и др.

Уч. Комит. Мин. Нар. Пр. **допущена** къ классному употребленію въ начальныхъ училищахъ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Предлагаемый настоящей книгой матеріалъ распадается по своему содержанію на слѣдующія шесть частей: 1) Изъ жизни дѣтей и взрослыхъ, 2) Природовѣдѣніе, 3) Родиновѣдѣніе, 4) Четыре времени года, 5) Разсказы изъ нашего прошлаго, и 6) Практическія упражненія въ развитіи письменной рѣчи.

Въ первой части помѣщены произведенія (въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи) художественной литературы. При выборѣ ихъ имѣлось въ виду дать дѣтямъ такой художественный матеріалъ, который, удовлетворяя эстетическимъ требованіямъ, могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать достиженію болѣе широкихъ образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей.

Ставя одной изъ задачъ школьныхъ занятій по литературѣ ознакомленіе дѣтей съ жизнью людей, мы признаемъ болѣе цѣлесообразнымъ освѣщать дѣтямъ тѣ лишь стороны человѣческой души и человѣческой дѣятельности, которыя не только могутъ представить интересъ для дѣтей, но и могутъ быть должнымъ образомъ поняты и оцѣнены маленькимъ читателемъ. Отрицательныя явленія въ жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ группъ мы не считаемъ правильнымъ совершенно скрывать отъ дѣтскаго взора. Но не на нихъ должно быть сосредоточено главное вниманіе дѣтей. Главное вниманіе должно быть направлено на положительныя стороны въ жизни человѣка. Причины зла, присущаго нашей жизни, въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть поняты дѣтьми; одно же констатированіе зла, влекущее только къ безплодному терзанію дѣтской души, дающее въ результатѣ болѣзненную слезливость или напускную сентиментальность, не можетъ быть оправдано какъ воспитательное средство.

Такихъ педагогическихъ воззрѣній держались мы, подбирая литературный матеріалъ. Аксаковъ, Пушкинъ, Гончаровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Маминъ-Сибирякъ, Короленко—вотъ писатели, произведенія которыхъ мы больше всего предлагаемъ юному читателю «Нови». Эти произведенія мы сгруппировали въ два отдѣла: первый отдѣлъ, состоящій изъ мелкихъ вещей, предназначается для чтенія съ учителемъ; второй, состоящій изъ болѣе крупныхъ произведеній, долженъ быть прочитанъ учениками самостоятельно, когда учитель будетъ занятъ съ первымъ или вторымъ отдѣленіемъ класса. Отчетъ въ прочитанномъ самостоятельно ученики дадутъ на слѣдующемъ урокѣ.

Вторую часть книги составляетъ матеріалъ естественно-историческаго содержанія. Проработка его должна, съ одной стороны, сообщить ученикамъ положительныя знанія, съ другой—пріучить учениковъ къ самостоятельному наблюденію и изученію окружающей природы.

491.7(082)
Т-82

Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.

1956

НОВЪ.

Книга для занятій по русскому языку въ школѣ и семьѣ.

Чтеніе и матеріалъ для бесѣдъ и письменныхъ работъ.

Инв. № 29669.

Книжка третья.

Б. 1987 г.

ПРОВЕРЕНО ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

Со многими рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Айвазовскаго, Богданова-Бѣльскаго, Левитана, Маковскаго, Рѣпина, Саврасова, Шильдера, Шишкина, Ярошенко и др.

И
1812

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1910.

I. Изъ жизни дѣтей и взрослыхъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Прыжокъ.

I.

Одинъ корабль обошелъ вокругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта корчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ двѣнадцатилѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣяться ли ему, или плакать. Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на нее, но она еще злѣе рвала шляпу.

Матросы громче стали смѣяться, а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его, въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу, взобралась выше.

— Такъ не уйдешь же ты отъ меня!—закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его, полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ, и онъ не отставалъ. Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самаго верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладины, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать ее нельзя было иначе, какъ выпустивъ изъ рукъ веревку и мачту.

Но мальчикъ очень раззадорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ всѣ смотрѣли и смѣялись тому, что выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидали, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину, покачивая руками,—всѣ замерли отъ страха.

Стоило ему только оступиться— и онъ бы вдребезги разбился объ палубу. Да если бъ даже онъ и не оступился, а дошелъ до края перекладины и взялъ пляшу, то трудно было бы ему повернуться и дойти назадъ до мачты. Всѣ молча смотрѣли на него и ждали, что будетъ.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и запатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ. Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же прицѣлился въ сына и закричалъ: „Въ воду! Прыгай сейчасъ въ воду! Застрѣлю!“ Мальчикъ шатался, но не понималъ: „Прыгай, или застрѣлю!.. Разъ, два“... и какъ только отецъ крикнулъ: „три“— мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море, и не успѣли волны закрыть его, какъ уже двадцать молодцовъ спрыгнули съ корабля въ море. Секундъ черезъ сорокъ — онѣ долги показались всѣмъ — вынырнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидѣлъ это, то вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобы никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

Л. Н. Толстой.

Вопросы. На сколько частей можно раздѣлить этотъ разсказъ? О чемъ говорится въ каждой части?

Акула.

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно, и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу, крикнулъ: „Купаться!“ и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ, и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и, что было силы, поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: „Не выдавай! Понатужься!“

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: „акула!“—и всѣ мы увидали въ водѣ спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— Назадъ! назадъ! вернитесь! акула! — закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный, какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ нее и, сгибая весла, понеслись, что было силы, къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20 шаговъ.

Мальчики сначала не слыхали того, что имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услыхали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ перевернулъ хоботъ, прилегъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошелся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Л. Н. Толстой.

Задача. Раздѣлить разсказъ на части и придумать заголовокъ къ каждой части.

Задача. Придумайте разсказъ къ картинкѣ.

Совѣсть заговорила.

I.

Лѣтній день такой былъ свѣтлый, солнечный.

Гриша проснулся въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Все утро онъ былъ веселъ и игралъ на дворѣ: сначала возился съ лохматымъ Медвѣдкой, потомъ игралъ „въ лошадки“ съ кучеровымъ сыномъ и, наконецъ, оставшись одинъ, началъ швырять камешки въ воробьевъ.

Вдругъ, въ самый разгаръ его бѣготни за воробьями, у воротъ показалась какая-то дѣвочка въ короткомъ рваномъ платьѣ и въ черной дырявой кофточкѣ, покрытой заплатами. Густыя пряди бѣлокурыхъ льняныхъ волосъ свѣшивались ей на лобъ, на щеки и падали на плечи. Ноги ея были босы и всѣ въ пыли.

На одной ея рукѣ болталась корзина.

— Баринъ... миленькой! подай милостыньку Христа ради,—робко проговорила дѣвочка, увидавъ Гришу.

Гриша въ ту минуту собирался швырнуть камешкомъ въ воробьевъ, но остановился и подошелъ къ дѣвочкѣ.

— Ты нищенка?—спросилъ онъ ее, отирая рукой потъ съ лица.

— Да... нищенка... Подай, баринъ, миленькой!—промолвила дѣвочка.

Гриша съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

Дѣвочка была очень невзрачная, такая маленькая, худенькая, съ загорѣлымъ лицомъ; въ ея большихъ и впалыхъ голубыхъ глазахъ и во всемъ лицѣ замѣчалось какое-то болѣзненное, жалобное выраженіе. Дѣвочка, казалось, была чрезвычайно запугана, боязлива, и ея тоненькій голосокъ дрожалъ отъ волненія.

Гриша разыгрался и расшалился не въ мѣру.

— Тебѣ хлѣба надо? Да?—спросилъ онъ, зажимая камень въ кулакъ.—Подставляй руку.

Дѣвочка недовѣрчиво протянула къ нему свою крохотную, худенькую ручонку.

— На, бери! — крикнулъ шалунъ и положилъ ей въ руку камень.

Дѣвочка не бросила камень и ничего не сказала; она только посмотрѣла на сѣрый камешекъ, потомъ сквозь слезы взглянула на Гришу и, понуривъ голову, тихо пошла далѣе по пыльной пустынной дорогѣ.

Дѣвочка рѣшительно ничѣмъ не обидѣла Гришу: ни словомъ, ни взглядомъ, ни движеніемъ, а между тѣмъ Гришѣ вдругъ стало невесело, и лицо его омрачилось, какъ будто на него пала тѣнь. Что за чудо? Что случилось? Вокругъ Гриши все такъ же хорошо и свѣтло, какъ было и до прихода нищей. Солнце такъ же ярко, небо такъ же ясно, теплый, легкій вѣтерокъ такъ же пріятно вѣетъ въ лицо, и воробьи чирикаютъ такъ же и летаютъ взадъ и впередъ, но Гриша не смотритъ на нихъ. Гриша былъ вовсе не злой, не жестокій мальчикъ. Онъ просто слишкомъ расшалился, захотѣлъ пошутить съ нищей, но шутка вышла худая.

Гриша бѣгомъ бросился въ кухню, самъ отрѣзалъ толстый ломоть хлѣба и выбѣжалъ за ворота. Онъ взглянулъ направо, взглянулъ

налѣво,—дѣвочки нѣтъ, не видать, и слѣдъ простылъ. Онъ пустился по дорогѣ въ поле. По обѣимъ сторонамъ дороги поднималась золотистая рожь. Въ полѣ было тихо, только жаворонокъ пѣлъ въ голубыхъ небесахъ. Гриша бѣжитъ и заглядываетъ туда и сюда, но дѣвочки нѣтъ, не видать. Гриша, наконецъ, задохся и остановился... Упила! Не догнать!..

Гриша, усталый, возвратился на дворъ и, держа въ рукѣ ломоть хлѣба, прислонился къ приворотному столбу.

Ему стало очень-очень грустно. Онъ все посматривалъ въ поле, все думалъ, не покажется ли вдали дѣвочка. Но ея нѣтъ! „Какая она маленькая, худенькая,—раздумывалъ Гриша.—Она просила у меня кусокъ хлѣба. Она, можетъ-быть, голодная“. Глаза его затуманились, по щекамъ потекли слезы, и сквозь слезы, какъ сквозь сѣрую дымку, мерещилась ему желтая, колосистая рожь, и надъ нею—голубое небо.

Подайте ему эту дѣвочку! Подайте ему эту нищенку! Онъ дастъ ей хлѣба, принесетъ ей булокъ, подаритъ ей всѣ свои серебряныя деньги, отдастъ ей всѣ свои игрушки, отдастъ ей все, все.

Дѣвочка исчезла безслѣдно, унеся съ собою сѣрый камешекъ, пропала, точно ее никогда и не бывало на свѣтѣ. Вѣроятно, эта дѣвочка была изъ какой-нибудь дальней деревни.

П. В. Засодимскій.

Вопросы. У кого заговорила совѣсть? Объясните выраженіе: „заговорила совѣсть“.

Пословица. Не обижай голыша, у него та же душа.

Украла.

I.

Какъ только учитель вошелъ въ классъ, то сейчасъ же замѣтилъ, что тамъ происходитъ что-то необычайное: ученики и ученицы роемъ осадили кого-то и про что-то горячо и громко толковали; голоса были не ласковые, сердитые, сразу ничего нельзя было понять. Видно было только, что дѣти на кого-то сердятся, кого-то укоряютъ. Какъ только нѣкоторыя изъ нихъ замѣтили учителя, послышалось шептаніе: „Василь Дмитричъ пришелъ... Учитель пришелъ“... Дѣти стихли, и всѣ повернулись къ учителю. Онъ подошелъ и спросилъ:

— Что тутъ у васъ такое?

Всѣ молчали, стоя въ кучѣ около одной парты. На этой партѣ сидѣла Саша: она была ученица перваго года, дочь сельскаго писаря-пьяницы. Она сидѣла, низко опустивши голову и вперивъ взглядъ свой на столъ. Ея худенькое въ веснушкахъ лицо было блѣдно, какъ полотно; она схватилась руками за столъ, словно боялась, что ее куда-то насильно потянутъ.

Учитель еще разъ спросилъ:

— Что жъ у васъ тутъ такое?

Тутъ заговорила Фрося. Фрося была подруга и пріятельница Саши; отецъ ея былъ приказчикомъ въ экономіи. Она выглядѣла дѣвочкой здоровой, хорошо кормленой,—она всегда приносила изъ дому вкусную ѣду: пирожки, лепешки, коржи и всякую всячину. Училась она плохо, но была очень веселаго права и говорила не иначе, какъ смѣясь. И теперь она, усмѣхаясь, сказала:

— Да вотъ Сашка...—и сейчасъ же фыркнула и не договорила.

Учитель спросилъ:

— Ну, что жъ дальше?

— Украла у меня хлѣбъ,—договорила Фрося и совсѣмъ разсмѣялась, и ея маленькіе свѣтлые глазки отъ смѣха прищурились и совсѣмъ закрылись толстыми щеками.

II.

Эта новость очень поразила и удивила учителя: подобныхъ случаевъ еще не бывало въ школѣ.

Сашу онъ никогда ни въ чемъ не подозрѣвалъ. Она казалась ему дѣвочкой боязливой, можетъ-быть, запуганною своимъ отцомъ.

Учитель взглянулъ на Сашу и спросилъ:

— Правда это?

Она молчала и сидѣла неподвижно, какъ каменная. Учитель понялъ, что Фрося сказала правду. Тутъ Фрося затараторила:

— Она не впервой крадетъ, она сколько разъ у меня таскала: только положишь сумку на мѣсто, она и тащитъ; да я все молчала, а вотъ уже сегодня вижу — ухватила хлѣбъ и побѣжала изъ школы на дворъ да зашла за дерево и ѣстъ тамъ. Я подбѣжала къ ней, а она какъ испугается. „Не сказывай, говоритъ, учителю: я тебѣ картинку принесу“.

Учитель опять спросилъ:

— Что же, Саша, правда это?

Но та все молчала и сидѣла неподвижно. Одинъ изъ старшихъ учениковъ заговорилъ грубо:

— Да что тамъ спрашивать? Развѣ и такъ не видать, что правда. Ишь, что выдумала — красть! Выгнать ее изъ школы, да и все.

Ученики закричали:

— Да, да, выгнать!

Тогда учитель мягко сказалъ:

— Зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, что она крадетъ, а вы либо мы подумаемъ на кого-либо другого.

Другіе сказали:

— Этакъ ничего нельзя будетъ приносить въ школу, коли красть будутъ.

— А развѣ хорошо будетъ, какъ всѣ будутъ говорить на школьниковъ, что они крадутъ?—добавляли третьи.

Учитель сказалъ:

— Вотъ что, ребята, вы уже рѣшили выгнать Сашу изъ школы, а еще не знаете путемъ, въ чемъ дѣло. А можетъ-быть, оно и не такъ было.

Прежде надо выслушать, что Саша скажетъ.

Большой школьникъ началъ было снова:

— Да что тамъ слушать, развѣ и такъ не видно!

Но его сейчасъ же прервали другіе:

— Молчи, Василій Дмитріевичъ правду говоритъ; все-таки надо знать, что она скажетъ.

III.

Всѣ головы повернулись къ Сашѣ, всѣ взоры уставились на нее. Всѣ дожидались отъ нея слова. Она какъ-то съежилась, такъ что голова у нея ушла въ плечи, и прищурилась, будто она ожидала, что вотъ-вотъ ее ударятъ, хотя и знала, что въ школѣ никто драться не будетъ.

Учитель сказалъ опять:

— Ну, что же, Саша, скажи—мы ждемъ.

Молчитъ.

Учитель снова:

— Не думай, что мы хотимъ нападать на тебя: намъ надо только знать правду, можетъ-быть, еще и не такъ было, какъ они говорятъ; да я и въ самомъ дѣлѣ думаю, что это не такъ.

— Правда, правда! — воскликнула вдругъ Саша.—Я украла!

И она зарыдала...

Въ большой классной комнатѣ стояли молча шестьдесятъ человѣкъ, не шевелясь, а среди нихъ, припавши головой къ столу, горько плакала маленькая бѣлокурая дѣвочка. Она долго плакала, и всѣ молчали, пока она не успокоилась немного. Тогда учитель, сѣвши около нея, спросилъ:

— Зачѣмъ же ты это сдѣлала?

Но она все молчала и снова понурилась. Учитель видѣлъ, что сказать причину, почему она это сдѣлала, ей было такъ же трудно, какъ и признаться; однако она переспилла себя, — видимо, она хотѣла что-то сказать и шевелила губами, но не рѣшалась.

Наконецъ проговорила:

— Ѣсть хотѣла...

— Развѣ ты дома не ѣла?

— Нѣтъ, не ѣла.

— Почему?

Она снова замолчала— и вдругъ неожиданно опять горько заплакала и сквозь слезы сказала:

— У насъ... у насъ... нечего ѣсть... Отецъ ничего не приноситъ изъ волости... все пропиваетъ... Мы ѣдимъ... су... сухари уже другую недѣлю...

И больше она ничего не могла сказать.

Давно было время начинать урокъ.

Учитель тихо взялъ Сашу за руку и, сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ, повелъ ее въ свою комнату, чтобы она тамъ успокоилась. Какъ только онъ вернулся въ классъ, съ десятокъ рукъ протянулись къ нему, и въ каждой рукѣ была какая-нибудь ѣда.

— Возьмите! Дайте ей! Пусть поѣстъ!

Учитель посмотрѣлъ на дѣтей. Мальчики были взволнованы, нѣкоторыя дѣвочки плакали. Онъ взялъ все, что дѣти надавали, и отнесъ Сашѣ. Но она ничего не хотѣла ѣсть и все плакала. Онъ, сколько могъ, утѣшилъ ее, а самъ пошелъ въ классъ и велѣлъ пѣть молитву предъ ученіемъ. Какъ только запѣли молитву, онъ потихоньку ввелъ въ классъ Сашу.

Саша послѣ этого случая долго стыдилась смотрѣть въ глаза учителю.

Но ни онъ ни школьники никогда не напоминали ей про то, что случилось. Да и не надо было напоминать. Дѣвочки-подруги ее любятъ и часто даютъ ей ѣсть то, что приносятъ изъ дому. И она изрѣдка беретъ (да и то только, чтобы не обидѣть подругъ), хотя часто сидитъ на сухомъ хлѣбѣ.

Въ этомъ году она выдержитъ послѣдній экзаменъ и выйдетъ изъ школы разумною и честной дѣвушкой.

Гринченко.

Задача. Перечислите дѣтей, которыя упоминаются въ разсказѣ. Обсудите дѣйствія каждаго изъ нихъ.

Черемуха.

Одна черемуха выросла на дорожкѣ изъ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я рубить или не рубить ее: мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вершка три въ отрубѣ и сажени четыре

въ вышину, вся развилистая, кудрявая, и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ.

Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, уже онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюналъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. „Нечего дѣлать, видно, судьба“, подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, упершись съ мужикомъ въ дерево и пытался свалить его. Мы качнули; дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время, точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и, какъ будто заплакало, — затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

„Эхъ! штука-то важная!“ сказалъ мужикъ. „Живо жалко!“ А мнѣ было такъ жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

Л. Толстой.

Задача. Передать разсказъ отъ третьяго лица.

Олененокъ.

I.

Три дня бродилъ Емеля въ лѣсу съ Лыскомъ, и все напрасно: оленя съ теленкомъ не попадалось. Старикъ чувствовалъ, что выбивается изъ силъ, но вернуться съ пустыми руками не рѣшался: онъ боялся огорчить своего больного внучка Гришутку, — вѣдь онъ обѣщался раздобыть для него желтенькаго олененка. Лыско тоже пріунылъ и совсѣмъ отощалъ.

Приходилось заночевать въ лѣсу у огонька третью ночь.

Только на четвертый день, когда и охотникъ и собака совсѣмъ выбились изъ силъ, они совершенно случайно напали на слѣдъ оленя съ теленкомъ. Это было въ густой еловой заросли на скатѣ горы. Прежде всего Лыско отыскалъ мѣсто, гдѣ кочевалъ олень, а потомъ разнюхалъ и запушенный слѣдъ въ травѣ.

„Матка съ теленкомъ,—думалъ Емеля, разглядывая на травѣ слѣды большихъ и маленькихъ копытъ,— сегодня утромъ были здѣсь... Лыско, пищи, голубчикъ!“

II.

День былъ знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву съ высунутымъ языкомъ. Емеля едва таскалъ ноги. Но вотъ знакомый трескъ и шорохъ... Лыско упалъ въ траву и не шевелился. Въ ушахъ Емели стоятъ слова больного внучка: „Дѣдко, добудь теленка... и непремѣнно чтобы былъ желтенькій“. Вотъ и матка... Это былъ великолѣпный олень-самка. Онъ стоялъ

на опушкѣ лѣса и пугливо смотрѣлъ прямо на Емелю.

Кучка жужжавшихъ насѣкомыхъ крутилась надъ оленемъ и заставляла его вздрагивать.

„Нѣтъ, ты меня не обманешь“, думалъ Емеля, выползая изъ своей засады.

Олень давно почуялъ охотника, но смѣло слѣдилъ за его движеніями.

„Это матка меня отъ теленка отводитъ“, подумалъ Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старикъ хотѣлъ прицѣлиться въ оленя, онъ осторожно пробѣжалъ нѣсколько саженъ далѣе и опять остановился. Емеля снова подползъ со своей винтовкой. Опять медленное подкрадываніе, и опять олень скрылся, какъ только Емеля хотѣлъ стрѣлять.

„Не уйдешь отъ теленка“, шепталъ Емеля, терпѣливо выслѣживая звѣря въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эта борьба человѣка съ животнымъ продолжалась до самаго вечера.

III.

Благородное животное десять разъ рисковало жизнью, стараясь отвести охотника отъ спрятавшагося олененка; старый Емеля и сердился и удивлялся смѣлости своей жертвы. Вѣдь, все равно, она не уйдетъ отъ него! Сколько разъ ему приходилось убивать такимъ образомъ жертвовавшую собою мать. Лыско, какъ тѣнь, ползъ за хозяиномъ и, когда тотъ совсѣмъ потерялъ оленя изъ виду, осторожно ткнулъ его своимъ горячимъ носомъ. Старикъ оглянулся и присѣлъ: въ десяти саженяхъ отъ него, подъ кустомъ жимолости, стоялъ тотъ самый желтенькій теленокъ, за которымъ онъ бродилъ цѣлыхъ три дня. Это былъ прехорошенькій олененокъ, всего нѣсколькихъ недѣль, съ желтымъ пушкомъ и тоненькими ножками; красивая головка была откинута назадъ, и онъ вытягивалъ тонкую шею впередъ, когда старался захватить вѣточку повыше.

Охотникъ съ замираніемъ сердца взвелъ курокъ и прицѣлился въ голову маленькому животному... Еще одно мгновеніе—и маленькій олененокъ покатился бы по травѣ съ жалобнымъ предсмертнымъ крикомъ, но именно въ это мгновеніе старый охотникъ припомнилъ, съ какимъ геройствомъ защищала теленка его мать, припомнилъ, какъ мать его любимца внучка Гришутки спасла сына отъ волковъ своимъ тѣломъ, отдавъ за него свою жизнь... Ребенокъ спас-

ся какимъ-то чудомъ. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своимъ тѣломъ, и Гришутка остался живъ.

Вспомнилъ все это старый Емеля, и точно что оборвалось у него; онъ опустилъ ружье. Олененокъ попрежнему ходилъ около куста, ощипывая листочки и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнулъ—маленькое животное скрылось въ кустахъ съ быстротой молніи.

— Ишь какой бѣгунъ!..—говорилъ старикъ, задумчиво улыбаясь. — Только его и видѣлъ: какъ стрѣла... Вѣдь убѣжалъ, Лыско, нашъ олененокъ-то. Ну, ему, бѣгуну, еще надо подрасти... Ахъ ты, какой шустрый!..

Старикъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все улыбался, припоминая бѣгуна.

IV.

На другой день Емеля подходилъ къ своей избушкѣ.

— А... дѣдко, принесъ теленка?—встрѣтилъ его Гриша, ждавшій все время старика съ петерпѣніемъ.

— Нѣтъ, Гришуха... видѣлъ...

— Желтенькій?

— Желтенькій самъ, а мордочка черная. Стоитъ подъ кусточкомъ и листочки пощипываетъ... Я прицѣлился...

— И промахнулся?

— Нѣтъ, Гришуха: пожалѣлъ малаго звѣря... матку пожалѣлъ... какъ свистну, а онъ, теленокъ-то, какъ стреканетъ въ чащу—только его и видѣлъ. Убѣжалъ, пострѣлъ этакій!..

Старикъ долго разсказывалъ мальчику, какъ онъ искалъ теленка по лѣсу три дня, и какъ тотъ убѣжалъ отъ него. Мальчикъ слушалъ и весело смѣялся вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ.

И когда они легли спать, больной мальчикъ, засыпая, нѣсколько разъ спрашивалъ старика:

— Такъ онъ убѣжалъ, олененокъ-то?

— Убѣжалъ, Гришуха...

— Желтенькій?

— Весь желтенькій, только мордочка черная да копытца.

Мальчикъ такъ и уснулъ, и всю ночь видѣлъ маленькаго желтаго олененка, который весело гулялъ по лѣсу со своею матерью; а старикъ спалъ на печкѣ и тоже улыбался во снѣ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Задача. Передать содержаніе каждой части.

На волю.

I.

Яшу послали отнести заказъ.

Это было весной, въ самое вербное гулянье. Снѣгъ давно весь растаялъ и повсюду стояли лужи, въ которыхъ съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ купались голуби.

Миновавъ темный переходъ, Яша вышелъ къ наружному фасаду Гостинаго двора и вдругъ остановился, пораженный невиданной имъ дотолѣ картиной. Вербный торгъ былъ въ самомъ разгарѣ: толпа народа медленно колыхалась, подобно волнующемуся морю, сплошь застилала все видимое пространство и была такъ густа, что Яша съ его огромной картонкой еле-еле могъ протискиваться сквозь нее. Яркіе лучи солнца весело освѣщали пеструю картину, придавая ей праздничный видъ, а надо всѣмъ, какъ бы неудержимо

стремясь къ небу, колыхались гроздья красныхъ и синихъ шаровъ.

Вдоволь налюбовавшись на всякія диковинки, Яша, наконецъ, пробрался ближе къ мостовой, гдѣ стояли птичники, предлагавшіе свой живой товаръ, да такъ и застрялъ тамъ около клѣтокъ.

Изъ всѣхъ тварей мальчикъ больше всего любилъ птицъ. Яша на минуту забылъ о дѣлѣ, по которому его послали, и остановился, разинувъ ротъ, передъ грудами клѣтокъ, въ которыхъ бились, взлетая грудью къ солнцу, маленькія разноперыя плѣнницы. Какихъ-какихъ тутъ только не было птицъ! Былъ тутъ и задумчивый красногрудый снѣгирь и глазастый сѣро-красный клестъ, продѣлывавшій разныя штуки своими цѣпкими лапками и расщепленнымъ своимъ толстымъ клювомъ; была веселая нарядная синичка, гордившаяся своимъ опереньемъ передъ сосѣдкой, скромной пѣночкой; былъ маленькій сѣрый пухлякъ, грустно прикурнувшій на жердочкѣ и, должно-быть, сильно тосковавшій по родимому сосновому лѣсу; было множество чижиковъ, шумно и беззаботно прыгавшихъ по крохотнымъ клѣткамъ и разсыпавшихъ скорлупу конопляныхъ сѣмянъ.

Около клѣтокъ толпилось особенно много народу. Большинство глазѣло и слушало птичій писк и верещанье, но нѣкоторые покупали маленькихъ плѣнницъ и тутъ же выпускали ихъ на волю.

Въ особенности вниманіе Яши привлекъ одинъ богатый господинъ, пріѣхавшій съ дѣтьми на парѣ своихъ лошадей. Этотъ господинъ купилъ десятка три птицъ, и дѣти выпускали ихъ по очереди. Яша видѣлъ, какъ одинъ за другимъ вылетали чижики и снѣгири, высоко взлетали къ солнцу и чуть замѣтными точками пропадали въ блѣдно-голубомъ небѣ.

Сердце Яши радостно билось за птичекъ; онъ былъ увѣренъ, что каждая сейчасъ же полетитъ въ родную сторону и найдетъ свой домъ; онъ все ждалъ, когда дойдетъ очередь до того пухляка, который попрежнему грустно сидѣлъ на жердочкѣ и даже не клевалъ корма. Но дѣтямъ, должно-быть, наскучила забава, они стали проситься домой. Господинъ расплатился съ продавцомъ, лакей усадилъ всѣхъ въ коляску, и она помчалась по Невскому. Понуривъ голову, Яша отошелъ отъ птицъ, вспомнивъ, что и такъ потерялъ много времени, почти бѣгомъ пустился на Лиговку.

И всю дорогу не переставалъ думать о томъ, что станется съ бѣдной сѣрой птичкой, и отчего господинъ, выпустившій столько птицъ на волю, не выпустилъ и этого пухляка, который, несомнѣнно, тосковалъ болѣе другихъ.

Вечеромъ Яшѣ посчастливилось: ему удалось раздобыть цѣлый гривенникъ — и на другой день онъ уже опять былъ на вербномъ гуляньи. Тутъ было все то же, что и вчера; опять такъ же, какъ вчера, лучи солнца освѣщали толпу гулявшихъ. Тамъ и тутъ, въ разныхъ концахъ слышались выстрѣлы дѣтскихъ пистолетовъ, писк, крикъ, кудахтанье, и попрежнему высоко надъ головами, словно готовясь каждую минуту улетѣть въ небо, плавно колыхались гроздья воздушныхъ шаровъ.

Но сегодня Яша уже не глазѣлъ по сторонамъ. Крѣпко сжимая въ

кулакѣ гривенникъ, онъ неудержимо стремился къ тому мѣсту, гдѣ расположились торговцы птицами. Протискавшись съ трудомъ къ самымъ клѣткамъ, Яша глазами сталъ искать своего пухляка и нашелъ его въ прежней клѣткѣ, попрежнему грустно сидѣвшимъ на жердочкѣ.

— Дяденька! а, дяденька! — заговорилъ мальчикъ, притрогиваясь къ рукаву старика-торговца.—Дяденька, что стоитъ птичка?

— Какая тебѣ птичка?—сердито повелъ на него глазами старикъ.

— А вотъ эта сѣренькая... пухлякъ...

— Пухлякъ? Эта птичка дешева! Что же съ тебя?.. Давай двугривенный.

— Дяденька, у меня двугривеннаго нѣтъ.

— А нѣтъ, такъ нечего зря лѣзть! Проваливай!

— У меня только гривенникъ, дяденька!

— Гривенникъ не велики деньги! Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Бери птицу!

Сердце мальчика забилось отъ радости, когда старикъ засунулъ руку въ клѣтку и, поймавъ пухляка, передалъ его въ дрожащія Яшины руки. Птичка была такъ мала и такъ худа, что Яша боялся раздавить ее. Съ осторожностью пронеся ее нѣсколько шаговъ, Яша раскрылъ ладонь, давая возможность пухляку вспорхнуть и улетѣть. Но не тутъ-то было. Птичка и не думала улетать! Она преспокойно сидѣла на ладони: „шши!“ — птичка повернула головку, посмотрѣла на него и осталась сидѣть.

„Бѣдный, онъ озябъ, — думалъ мальчикъ, — вотъ отогрѣется на рукѣ и полетитъ“. Миновавъ Троицкій мостъ, Яша направился черезъ Александровскій паркъ. Снѣга нигдѣ не было. Теплый вѣтерокъ мягко шелестилъ гибкими сучьями деревьевъ, на которыхъ готовились развернуться разбухшія почки. По лужайкамъ, кой-гдѣ на пригрѣвѣ, сквозь сухую прошлогоднюю траву пробивалась новая, зеленая, среди которой уже кудрявилась крапива.

Яша присѣлъ отдохнуть на скамейку. Кругомъ него не было ни души. Солнце ласково грѣло спину мальчику. Онъ вспомнилъ о деревнѣ, объ отцовскомъ домѣ, и ему стало грустно. Вотъ бы теперь уѣхать туда! Какъ тамъ хорошо, привольно! Поди-ка, ужъ начали пахать, огороды раздѣлывать. И скворцы, поди, прилетѣли, хлопочутъ, гнѣзда вьютъ!

Какая-то птичка чирикнула надъ головой Яши въ вѣтвяхъ старой липы, и мальчикъ почувствовалъ, что пухлякъ зашевелился на его ладони.

„Вотъ теперь попробовать выпустить!“ подумалъ Яша и раскрылъ ладонь.

Сѣренькая птичка съ удивленіемъ озиралась вокругъ и вдругъ чирикнула въ отвѣтъ той, которая сидѣла на липѣ. Затѣмъ пухлякъ отряхнулся, вытянулъ маленькую головку и совершенно неожиданно спорхнулъ съ руки на ближайшую вѣтку. Яша поднялъ голову и слѣдилъ съ замираніемъ сердца. Сѣренькая птичка, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поднималась все выше и выше, и все громче и громче становилось ея чириканье, словно она благодарила мальчика за дарованную ей свободу. Солнечный лучъ пронизалъ густые сучья дерева, откуда-то пролетѣлъ теплый вѣтерокъ, пахнулъ въ лицо

Яши, и мальчикъ увидѣлъ, какъ сѣренькая птичка, достигнувъ верхушки дерева, взмахнула своими маленькими крылышками и потонула въ голубоватой дали. Яша съ восторгомъ и грустью смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— На волю! Улетѣла на волю!— шепталъ онъ, и ему казалось, что все вокругъ него шептало это чудное слово:—на волю.

К. Баранцевичъ.

Задача. Составить планъ разсказа.

Саша.

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.
Выспится Саша, поднимется рано,
Черныя косы завяжетъ у стапа
И убѣжитъ, и въ просторѣ полей
Сладко и вольно дышится ей.
Та ли, другая предъ нею дорожка,
Смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;
Да и чего побоится она?..
Все такъ спокойно; вокругъ тишина;
Сосны вершинами машутъ привѣтно;
Кажется, шепчутъ, струясь незамѣтно,
Волны подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей:
„Путникъ усталый! бросайся скорѣй
Въ наши объятья; мы добры и рады
Дать тебѣ, сколько ты хочешь, прохлады“.
Полемъ идешь — все цвѣты да цвѣты;
Въ небо глядишь — съ голубой высоты
Солнце смѣется... Ликуетъ природа.
Всюду приволье, покой и свобода.
Саша сбирала цвѣты полевые,
Съ дѣтства любимые, сердцу родные;
Каждую травку сосѣднихъ полей
Знала по имени. Правилось ей
Въ пестромъ смѣшеніи звуковъ знакомыхъ
Птицъ различать, узнавать насѣкомыхъ.
Время къ полудню, а Саши все нѣтъ.
„Гдѣ же ты Саша? простынетъ обѣдъ.
Сашенька! Саша!..“ Съ желтѣющей нивы
Слышатся пѣсни простой переливы;
Вотъ раздалося „ау!“ вдалекѣ;
Вотъ надъ колосьями въ синемъ вѣнкѣ
Черная быстро мелькнула головка...
„Вишь ты, куда забѣжала, плутовка!
Эй!.. Да никакъ колосистую рожь
Переросла наша дочка! Такъ что жъ!“
Такъ разсуждая, идутъ старики
Сашѣ навстрѣчу; въ кустахъ у рѣки
Смирно присядутъ, подкрадутся ловко,
Съ крикомъ внезапнымъ: „Попалась, плутовка!“
Сашу поймаютъ, и весело имъ
Свидѣться съ дитяткомъ бойкимъ своимъ...
Въ зимнія сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру въ салазки
Саша садилась, летѣла стрѣлой,
Полная счастья, съ горы ледяной!
Нянька кричитъ: „Не убейся, родная!“
Саша, салазки свои погоняя,
Весело мчится. На полномъ бѣгу

На бокъ салазки — и Саша въ снѣгу!
Выбьются косы, растреплется шубка,—
Снѣгъ отряхаетъ, смѣется, голубка!
Не до ворчанья и нянѣ сѣдой:
Любитъ она ея смѣхъ молодой.

Н. А. Некрасовъ.

Вопросы. 1) Какъ проводила Саша утро?
2) Любила ли она природу?
3) Изъ чего это видно?
4) Какъ относились старики-родители къ Сашѣ?
5) Что дѣлала Саша зимой?
6) Каково жилось Сашѣ въ родительскомъ домѣ?

За грибами.

I.

Лѣто стояло жаркое и грозное. Чуть не всякій день шли дожди, сопровождаемые молніей и такими громовыми ударами, что весь домъ дрожалъ. Вслѣдствіе такихъ частыхъ, хотя непродолжительныхъ перемокъ, необыкновенно много появилось грибовъ. Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось „мостъ-мостомъ“, какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу со своими пчелами, взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно ломать грузди. Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшились отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичьей и многихъ дворовыхъ женщинъ.

Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинами изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли впередъ. Какъ только съѣхали со двора, на всѣхъ экипажахъ начался веселый говоръ, превратившійся потомъ въ громкую болтовню и хохотъ; когда же отъѣхали отъ дома съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело.

II.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканья, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ. Тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на шагъ, ходили по молодому лѣсу неподалеку другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: „Здѣсь непремѣнно должны быть грузди, такъ и пахнетъ груздями,— и вдругъ закричала: —Ахъ, я наступила на нихъ!“ Мы съ отцомъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это ея грузди, что она нашла ихъ и что пусть мы ищемъ другой слой. Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала оттуда грузди и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогднихъ полусгнившихъ листьевъ, поросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой съ жаромъ

охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: „Посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки, и какъ пахнутъ! Осторожно снимай ихъ — они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ обросли!“ Въ самомъ дѣлѣ, молоденькіе груздочки были какъ-то особенно миловидны и издавали острый запахъ. — Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы напо́лнили свои корзинки одними молодыми груздями.

С. Т. Аксаковъ.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Родился въ 1791 г., умеръ въ 1859 г.

Ягоды.

I.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться которою позволяли намъ вдоволь. Мать сама была большая охотница до этихъ ягодъ, и мы, вмѣсто прежнихъ безцѣльныхъ прогулокъ, стали ѣздить въ поле по ягоды. Это удовольствіе было для меня совершенно неизвѣстно, и сначала очень мнѣ нравилось, но скоро наскучило; всѣ же окружавшіе меня, и мужчины и женщины, постоянно занимались этимъ дѣломъ очень горячо. Мы ѣздили за клубникой цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Мокей оставался въ своей кухнѣ; но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда уже возвращался къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ.

У насъ съ сестрицей были прекрасные берестовые бурачки съ крышечками, испещренные вытисненными на нихъ узорами. Милая моя сестрица не умѣла брать ягодъ, то-есть не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ, какъ ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачокъ, говорила: „Ну, барышня, опять набрала зеленухи!“ и потомъ наполняла бурачокъ ягодами изъ своего кузова; у меня же оказалась претензія, что я умѣю брать ягоды: это, конечно, было несправедливо. Вслѣдствіе той же претензіи я всегда заявлялъ, что сестрица не сама брала и что я видѣлъ, какъ Параша насыпала ей бурачокъ своими ягодами.

II.

По возвращеніи домой начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій чистый липовый лубокъ; самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки; изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія пастилы: русскими назывались пастилы толстыя, сахарныя или медовыя, процѣженныя сквозь рѣдинку, а татарскими — тонкія, какъ кожа, со всѣми ягодными сѣмечками, довольно кислыя на вкусъ. Эти приготовленія занимали меня сначала едва ли не болѣе собиранія, но, наконецъ, и они наскучили. Болѣе всего любилъ я смотрѣть, какъ мать варила варенье въ мѣдныхъ блестящихъ тазахъ на таганѣ, подъ которымъ разводился огонь,— можетъ-быть, потому, что снимаемыя съ кипящаго таза сахарныя пѣнки большею частью отдавались намъ съ сестрицей; мы съ ней обыкновенно сидѣли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, нетерпѣливо ожидая, когда масса ягодъ и сахаръ начнутъ вздуваться, пузыриться и покрываться бѣловатою пеленою.

С. Т. Аксаковъ.

Задача. Составьте разсказъ о томъ, какъ вы ходили за ягодами или за грибами.

Солдаткино житье.

Мы жили бѣдно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила въ старомъ чупрунѣ и худенькой панёвѣ, а голову завязывала какой-то ветошкой. и подъ горломъ у ней висѣлъ мѣшочекъ. Бабушка любила и жалѣла меня больше матери. Отецъ мой былъ въ солдатахъ. Говорили про него, что онъ много шилъ и за то его отдали въ солдаты. Я какъ сквозь сонъ помню, онъ приходилъ къ намъ на побывку. Изба наша была тѣсная и подпертая въ серединѣ рогулиной, и я помню, какъ я лазилъ на эту подпорку, оборвался и разбилъ себѣ лобъ объ лавку. И до сихъ поръ мѣтина эта осталась у меня на лбу.

Въ избѣ были два маленькія окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Дворъ нашъ былъ тѣсный и раскрытый. Въ серединѣ стояло старое корыто. На дворѣ была только одна старая кособокая лошаденка; коровы у насъ не было, были двѣ плохонькія овчёнки и одинъ ягнёнокъ. Я всегда спалъ съ этимъ ягнёнкомъ. Ѣли мы хлѣбъ съ водою. Работать у насъ было некому; мать моя всегда жаловалась отъ живота, а бабушка—отъ головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька,

и то въ свою долю, а не въ семью, покупала себѣ наряды и собиралась замужъ.

Помню я, мать стала больнѣе, и потомъ родился у ней мальчикъ. Мамушку положили въ сѣни. Бабушка заняла у сосѣда крупицъ и послала дядю Нефёда за попомъ. А сестра пошла собирать народъ на крестины.

Собрался народъ, принесли три ковриги хлѣба. Родня стала разставлять столы и покрывать скатертями. Потомъ принесли скамейки и ушатъ съ водой. И всѣ сѣли по мѣстамъ. Когда пріѣхалъ священникъ, кумъ съ кумой стали впереди, а позади стала тётка Акулина съ мальчикомъ. Стали молиться, потомъ вынули мальчика, и священникъ взялъ его и опустилъ въ воду. Я испугался и закричалъ: „Дай мальчика сюда!“ Но бабушка разсердилась на меня и сказала: „Молчи, а то побью“.

Священникъ окунулъ его три раза и отдалъ теткѣ Акулинѣ. Тетка завернула его въ миткаль и отнесла къ матери въ сѣни.

Потомъ всѣ сѣли за столы, бабушка наложила каши двѣ чашки, налила постное масло и подала народу. Когда всѣ наѣлись, вылѣзли изъ-за столовъ, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошелъ къ матери и говорю: „Ма, какъ его зовутъ?“

Мать говоритъ: „Такъ же, какъ тебя“. Мальчикъ былъ худой; ножки, ручки у него были тоненькія, и онъ все кричалъ. Когда ни проснешься ночью, онъ все кричитъ, а мамушка все баюкаетъ, припѣваетъ. Сама кряхтитъ, а все поетъ.

Одинъ разъ ночью я проснулся, и слышу—мать плачетъ.

Бабушка встала и говоритъ: „Что ты, Христосъ съ тобой!“

Мать говоритъ: „Мальчикъ померъ“.

Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла чистую рубашечку, подпоясала и положила подъ святые. Когда разсвѣло, бабушка вышла изъ избы и привела дядю Нефёда. Дядя принесъ двѣ старенькія тесинки и сталъ дѣлать гробикъ. Сдѣлалъ маленькое домовище и положилъ мальчика туда. Потомъ мать сѣла къ гробику и тонкимъ голоскомъ стала причитать и завыла. Потомъ дядя Нефёдъ взялъ гробикъ подъ мышку и понесъ хоронить.

Только у насъ и было радости, какъ мы няньку отдавали замужъ. Пріѣхали къ намъ разъ мужики и принесли съ собой коврigу хлѣба и вина. И стали подносить свое вино матери. Мать выпила. Дядя Иванъ отрѣзалъ ломоть хлѣба и подалъ ей. Я стоялъ подлѣ стола, и мнѣ захотѣлось хлѣбушка. Я нагнулъ мать и сказалъ ей на ухо. Мать засмѣялась, а дядя Иванъ говоритъ: „Что онъ, хлѣбца?“—и отрѣзалъ мнѣ большой ломоть. Я взялъ хлѣбъ и ушелъ въ чуланъ. А нянька сидѣла въ чуланѣ. Она стала меня спрашивать: „Что тамъ мужики говорятъ?“ Я сказалъ: „Вино пьютъ“. Она засмѣялась и говоритъ. „Это они меня сватаютъ за Кондрашку“.

Потомъ собрались играть свадьбу. Всѣ встали рано. Бабушка топила печку, мать мѣсила пироги, а тетка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась въ новые коты, надѣла сарафанъ красный и платокъ хорошій и ничего не дѣлала. Потомъ, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и

пришло къ намъ много народу,— полная изба.

Потомъ подъѣхали къ нашему двору три пары съ колоколами. И на задней парѣ сидѣлъ женихъ Кондрашка въ новомъ кафтанѣ и въ высокой шапкѣ. Женихъ слѣзъ съ телѣги и пошелъ въ избу. Надѣли на няньку новую шубу и вывели ее къ жениху. Посадили жениха съ невѣстой за столъ, и бабы стали ихъ величать. Потомъ вылѣзли изъ-за стола, помолились Богу и вышли на дворъ. Кондрашка посадилъ няньку въ телѣгу, а самъ сѣлъ въ другую. Всѣ посажались въ телѣги, перекрестились и поѣхали. Я вернулся въ избу и сѣлъ къ окну ждать, когда свадьба вернется. Мать дала мнѣ кусочекъ хлѣбца; я поѣлъ да тутъ и заснулъ. Потомъ меня разбудила мать, говоритъ: „ѣдутъ!“ — дала мнѣ скалку и велѣла сѣсть за столъ. Кондрашка съ нянькой вошли въ избу и за ними много народу, больше прежняго. И на улицѣ былъ народъ, и всѣ смотрѣли къ намъ въ окна. Дядя Герасимъ былъ дружкою; онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Вылѣзай“. Я испугался и хотѣлъ лѣзть, а бабушка говоритъ: „Ты покажи скалку и скажи: а это что?“ Я такъ и сдѣлалъ. Дядя Герасимъ положилъ денегъ въ стаканъ и налилъ вина и подалъ мнѣ. Я взялъ стаканъ и подалъ бабушкѣ. Тогда мы вылѣзли, а они сѣли.

Потомъ стали подносить вино, студень, говядину; стали пѣть пѣсни и плясать. Дядѣ Герасиму поднесли вина; онъ выпилъ немного и говоритъ: „Что-то вино горько“. Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цѣловать. Долго играли пѣсни и плясали, а потомъ всѣ ушли, и Кондрашка повелъ няньку къ себѣ домой.

Послѣ этого мы стали еще бѣднѣе жить. Продали лошадь и послѣднихъ овецъ, и хлѣба у насъ часто не было. Мать ходила занимать у родныхъ. Вскорѣ и бабушка померла. Помню я, какъ матушка по ней выла и причитала: „Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула свое дитятко безсчастное? Гдѣ я ума-разума возьму, какъ мнѣ вѣкъ прожить?“ И такъ она долго плакала и причитала.

Одинъ разъ пошелъ я съ ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идетъ солдатъ съ сумочкой за плечами. Онъ подошелъ къ ребятамъ и говоритъ: „Вы изъ какой деревни, ребята?“ Мы говоримъ: „Изъ Никольскаго“. — „А что, живетъ у васъ солдатка Матрена?“ А я говорю: „Жива, она мнѣ матушка“. Солдатъ поглядѣлъ на меня и говоритъ: „А отца своего видалъ?“ Я говорю: „Онъ въ солдатахъ, не видалъ“. Солдатъ и говоритъ: „Ну, пойдемъ, проводи меня къ Матренѣ, я ей письмо отъ отца привезъ“. Я говорю: „Какое письмо?“ А онъ говоритъ: „Вотъ пойдемъ, увидишь“.—„Ну, что же, пойдемъ“.

Солдатъ пошелъ со мной, да такъ скоро, что я бѣгомъ за нимъ не поспѣвалъ. Вотъ пришли мы въ свой домъ. Солдатъ помолился Богу и говоритъ: „Здравствуйте!“ Потомъ раздѣлся, сѣлъ на конникъ и сталъ оглядывать избу и говоритъ: „Что же, у васъ семьи только-то?“ Мать оробѣла и ничего не говоритъ, только смотритъ на солдата. Онъ и говоритъ: „Гдѣ жъ матушка?“—а самъ заплакалъ. Тутъ мать подбѣжала къ отцу и

стала его цѣловать. И я тоже взлѣзъ къ нему на колѣни и сталъ его обшаривать руками. А онъ пересталъ плакать и сталъ смѣяться.

Потомъ пришелъ народъ, и отецъ со всѣми здоровался и разсказывалъ, что онъ теперь совсѣмъ по билету вышелъ.

Когда пригнали скотину, пришла и нянька и поцѣловалась съ отцомъ. А отецъ и говоритъ: „Это чья же молодая бабочка?“ А мать засмѣялась и говоритъ: „Свою дочь не узналъ“. Отецъ позвалъ ее еще къ себѣ и поцѣловалъ и спрашивалъ, какъ она живетъ. Потомъ мать ушла варить яичницу, а няньку послала за виномъ. Нянька принесла штофчикъ, заткнутый бумажкой, и поставила на столъ. Отецъ и говоритъ: „Это что?“ А мать говоритъ: „Тебѣ вина“. А онъ говоритъ: „Нѣтъ, ужъ пятый годъ не пью; а вотъ яичницу подавай!“ Онъ помолился Богу, сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть. Потомъ онъ говоритъ: „Кабы я не бросилъ пить, я бы и унтеръ-офицеромъ не былъ, и домой бы ничего не принесъ, а теперь слава Богу“. Онъ досталъ въ сумкѣ кошель съ деньгами и отдалъ матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потомъ, когда всѣ разошлись, отецъ легъ спать на задней лавкѣ и меня положилъ съ собой, а мать легла у насъ въ ногахъ. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ я уснулъ.

Поутру мать говоритъ: „Охъ, дровъ-то у меня нѣтъ!“ А отецъ говоритъ: „Топоръ есть?“—„Есть, да щербатый, плохой“. Отецъ обулся, взялъ топоръ и вышелъ на дворъ. Я побѣжалъ за нимъ.

Отецъ сдернулъ съ крыши жердь положилъ на колоду, взмахнулъ топоромъ, живо перерубилъ, принесъ въ избу и говоритъ: „Ну, вотъ тебѣ и дрова, топи печь; а я нынче пойду — пріищу купить избу да лѣсу на дворъ. Корову также купить надо“.

Мать говоритъ: „Охъ, денегъ много на все надо“.

А отецъ говоритъ: „А работать будемъ. Вонъ мужикъ-то растетъ!“ Отецъ показалъ на меня.

Вотъ отецъ помолился Богу, поѣлъ хлѣба, одѣлся и говоритъ матери: „А есть яички свѣжія, такъ испеки въ золѣ къ обѣду“. И пошелъ со двора.

Отецъ долго не ворочался. Я сталъ проситься у матери за отцомъ. Она не пускала. Я хотѣлъ уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сѣлъ на печку и сталъ плакать. Тутъ отецъ вошелъ въ избу и говоритъ: „О чемъ плачешь?“ Я говорю: „Я хотѣлъ за тобой бѣчь, а мать меня не пустила, да еще побила“, — и еще пуще заплакалъ. Отецъ засмѣялся, подошелъ къ матери и сталъ ее бить нарочно, а самъ приговаривалъ: „Не бей Ѳедьку, не бей Ѳедьку!“ Мать нарочно будто заплакала, отецъ засмѣялся и говоритъ: „Вотъ вы съ Ѳедькой какіе на слезы слабые, сейчасъ плакать“. Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня съ собой рядомъ и закричалъ: „Ну, теперь давай намъ, мать, съ Ѳедюшкой обѣдать: мы ѣсть хотимъ“.

Мать дала намъ каши и яицъ, и мы стали ѣсть. А мать говоритъ: „Ну, что же,—пструбъ?“ А отецъ говоритъ: „Купилъ: восемьдесятъ цѣлковыхъ, липовый, бѣлый какъ стекло. Вотъ дай срокъ, му-

жикамъ купимъ винца, они мнѣ и свезутъ воскреснымъ дѣломъ".

Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить.

Л. Н. Толстой.

Задачи. 1) Раздѣлить разсказъ на части и написать заголовки.

2) Письменно изложить содержаніе той части разсказа, которая особенно понравилась.

На хуторѣ.

I.

Тарасъ былъ простой крестьянскій мальчикъ. Однако ему недурно жилось на свѣтѣ.

Правду сказать, Тарасу приходилось чуть не круглый годъ бѣгать босикомъ и въ одной рубашкѣ. Но зато въ большіе холода мать всегда давала ему свой старый тулупъ, а отецъ—сапоги. Да и долгая ль у нихъ зима на югѣ, въ ихъ степи? Вѣдь это не то, что на сѣверѣ, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или Архангельскѣ. А зато весной да лѣтомъ да ранней осенью что за житье на ихъ хуторѣ!

Хуторъ стоялъ на берегу тихой степной рѣчки. Рѣчка эта противъ ихъ хутора разливалась такъ широко, что выходило какъ будто озерко. Берегъ былъ отлогій, песчаный; песокъ чистый, бѣлый. Дѣти цѣлый день на берегу возятся, плещутся въ водѣ, собираютъ раковинки, камешки.

— А ну, Тарасъ, — чуть скажетъ, бывало, его старый дѣдъ,— поѣдемъ завтра рапенько, половимъ рыбки...

Тарасъ колесомъ ходитъ отъ радости. Еще совсѣмъ ночь, ни одинъ пѣтухъ не пѣлъ, а дѣдъ уже будитъ Тараса; трудно Тарасу подниматься такъ рано, однако поднимается. Лодка ждетъ ихъ, тихонько покачиваясь подъ самымъ бережкомъ, подъ зелеными вѣтвями вербы. Сѣли, поплыли. Тихо-тихо еще все и на землѣ и на водѣ. Заря только еще начинаетъ разгораться.

— Ай-ай! — вдругъ кричитъ Тарасъ.

Дѣдъ даже вздрагиваетъ.

— Что съ тобой, внучекъ, что ты?

— Щука, дѣдушка! Какая щука! Выскочила изъ воды, хлопъ хвостомъ, — и нѣту!

— Ну, сиди смирно, то не наша щука, наши впереди, — говоритъ дѣдъ.

Вотъ и приплыли. Солнышко уже выглянуло. Хорошо-то какъ, весело! Тамъ гудитъ, тамъ щебечетъ, тамъ свиститъ, и на селѣ, видно, проснулись: вонъ, слышно, конь ржетъ, волъ реветъ, пѣтухи поютъ...

Все готово для уженья. Червяковъ еще съ вечера накопалъ Тарасъ, стоитъ только насадить на удочки.

— Здѣсь, здѣсь садись, Тарасикъ, между кувшинками закидывай: тутъ окуни на солнышкѣ грѣются. А я межъ камыша сяду,— говоритъ дѣдъ.

Сидитъ Тарасъ, все смотритъ на свой поплавокъ, глазъ не сводитъ. Вдругъ по поплавку — и дальше, дальше,—пронеслась какая-то тѣнь. Мальчикъ поднимаетъ голову, смотритъ, что за птица летитъ. У дѣда бы спросить, такъ разсердится, что рыбу пугаешь...

— Чего зѣваешь? — сердито шепчетъ дѣдъ. — Клюетъ: тяни, тяни скорѣй!.. Вѣдь упустилъ-таки, этакого окуня упустилъ!— вскрикиваетъ дѣдъ съ досады.— Стоитъ тебя брать послѣ этого!

Стыдно Тарасу, такъ стыдно. Поскорѣе насаживаетъ новаго червяка, и уже не зѣваетъ.

А солнце такъ и припекаетъ. По зеленой травкѣ шевелятся нѣсколько окуней, линей, плотичекъ.

— Ну, будетъ, внучекъ, на сей день. Тащи изъ лодки котелокъ, будемъ ушку варить, позавтракаемъ.

А Тарасу уже давно надоѣло сидѣть, и ѣсть хочется.

Опять же любитъ онъ огонь разводить, — до страсти любитъ! Живехонько насбиралъ дровецъ, и вотъ ужъ отъ котелка валитъ паръ, да такой вкусный, что слюнки текутъ.

Деревенскіе мальчики. Съ карт. *Н. П. Богданова-Бѣльскаго.*

II.

Бываетъ и такъ, что дѣдъ удитъ рыбу, а Тарасъ полѣзетъ въ воду съ другими мальчуганами, — одному скучно, — раковъ ловить. Иной разъ ракъ такъ ущипнетъ, что ой-ой! Зато какъ принесетъ матери къ обѣду пять-шесть десятковъ раковъ, оно и хорошо: надоѣстъ все бураки, да бураки, да картофель, да капуста. Хоть отецъ Тараса былъ по-крестьянскому и не изъ блѣдныхъ, а все же мясное далеко не всегда и по праздникамъ бывало!

А опять же если въ лѣсъ пойти за земляникой — развѣ дурно?

Что за славный лѣсъ былъ около ихъ хутора! Зайдешь и не вышелъ бы. Горлинка воркуетъ въ кустахъ; пчелы гудятъ промежъ пахучей зелени; соловей поетъ— разсыпается; а цвѣтовъ, а итичекъ,—рай, да и только! Еще и до земляники не добрались мальчуганы, а ужъ и зайца видѣли, и ежа поймали, и гнѣздо съ мали-

новками нашли. А вотъ и земляника—да красная, да сочная, да сладкая? Кто въ ротъ себѣ убираетъ ягоду, а кто и въ шапку кладетъ,—домашнихъ полакомить.

— Ловите, братчики, ловите, голубчики!—отчаяннымъ голосомъ вопитъ Тарасъ.

— Что, что?—кричатъ товарищи, сбѣгаясь со всѣхъ сторонъ.

— Да красивое жъ, красивое: глазки свѣтленькіе, хвостъ мохнатый, само не то желтое, не то красное!..

А между тѣмъ бѣлка, надѣлавшая такой переполохъ, уже давно юркнула въ листву, и слѣдъ простылъ. Одинъ мальчикъ, который кинулся было на крикъ, запнулся за пень, перекувыркнулся черезъ голову и всю свою землянику разсыпалъ до ягодки. И смѣхъ и горе!

Не хочется Тарасу ни на рѣку ни въ лѣсъ,—можно сходить на пасѣку къ старому Степану. Онъ хоть и сердитый съ виду и говоритъ, будто бранится, а любитъ, когда къ нему дѣти приходятъ. Большая у него пасѣка, хорошая. На солнышкѣ рядочками стоятъ ульи чистенькіе, гладенькіе, трава вездѣ выкошена, все подчищено.

Посреди пасѣки образъ; а сзади и хатка Степанова. Выглядываетъ Тарасъ въ пасѣку изъ-за плетня; видитъ, ходитъ старый промежъ ульевъ; туда заглянетъ, тамъ подберетъ. Пчелы тучкой вьются надъ нимъ.

„И какъ это онѣ его не покусаютъ?“ думаетъ Тарасъ.

— Добрый день, дѣдушка!—окликаетъ онъ стараго Степана.

— А, это ты, мальчуганъ! Ну, что у васъ дома, все ладно?

— Все, спаспбо вамъ, дѣдушка,—говоритъ мальчикъ, а самъ все стоитъ, поглядываетъ черезъ плетень. А ужъ старый знаетъ, чего онъ поглядываетъ.

— Медку, небось, хочется? Знаю я васъ, лакомки... Ну, ужъ иди, иди, попотчую.

Да, наконецъ, развѣ нельзя и у себя на огородѣ поиграть всласть?

За огородомъ сестра Наталья ходитъ, и ходитъ не кое-какъ.

Чего-чего нѣтъ на томъ огородѣ: бураки и капуста, лукъ и чеснокъ, картофель, а промежъ овощей гвоздики полныя да разноцвѣтный макъ, розы, всякія пахучія травки.

И не перечтешь и не припомнишь всѣхъ мѣстъ, куда можно побѣжать Тарасу и позабавиться вволю. А тамъ косовица пришла,—надо на лугъ сѣно сгребать; тамъ жниво,—надо помогать хлѣбъ свозить; тамъ дыни и арбузы пора убирать съ баштана. Дѣла-то, дѣла сколько!

Въ Тарасовой семьѣ было кому работать, и потому Тараса не принуждали къ работѣ, какъ другихъ мальчиковъ, его однолѣтковъ. Такъ вѣдь иная работа веселѣе всякой игры.

А. Ефименко.

Задача. Опишите наружность мальчиковъ, нарисованныхъ на картинкѣ, на стр. 23.

Къ нянѣ.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно-давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота,

На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.

А. С. Пушкинъ.

Возвращеніе на родину.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочной дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелекъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, чего отроду со мною не случалось. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ вожжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ: восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворять двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты, и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно.

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

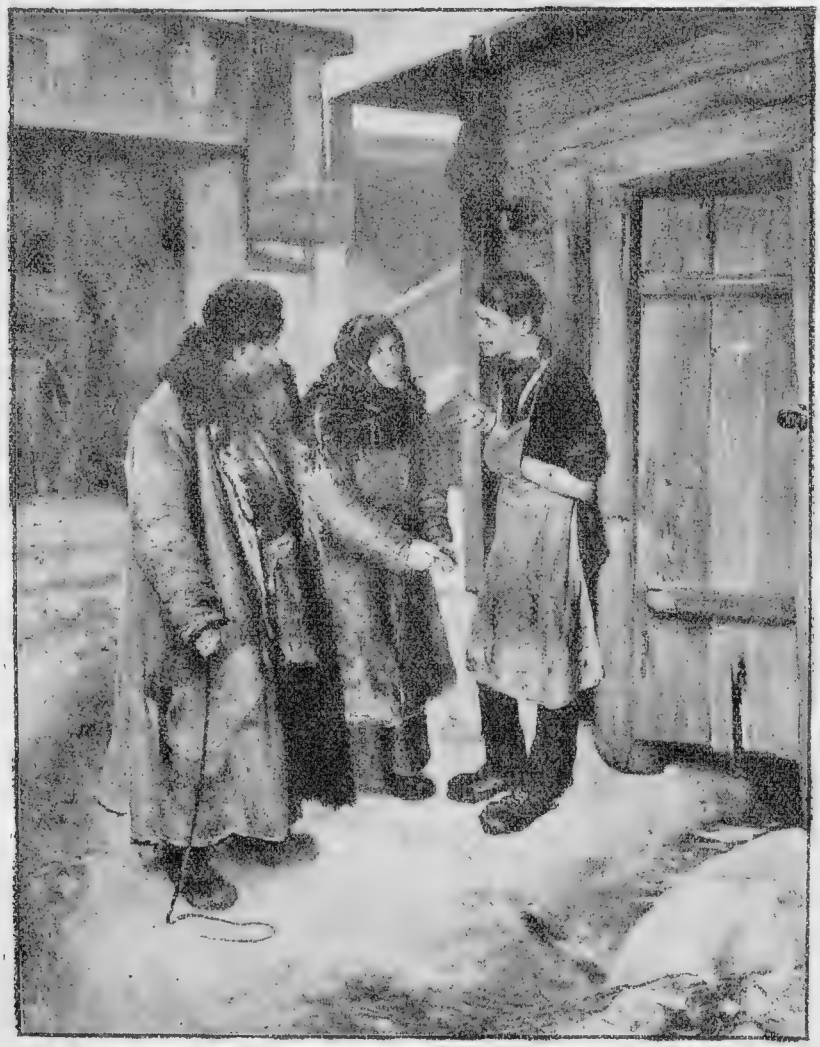
Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь; мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, — замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: „Какъ ты постарѣла“. И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: „Какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!“ Повели меня на заднее крыльцо; навстрѣчу мнѣ вы-

шла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отрастившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому назадъ родился. *А. С. Пушкинъ.*

Задача. Раздѣлите разсказъ на двѣ части и придумайте заглавія къ нимъ.

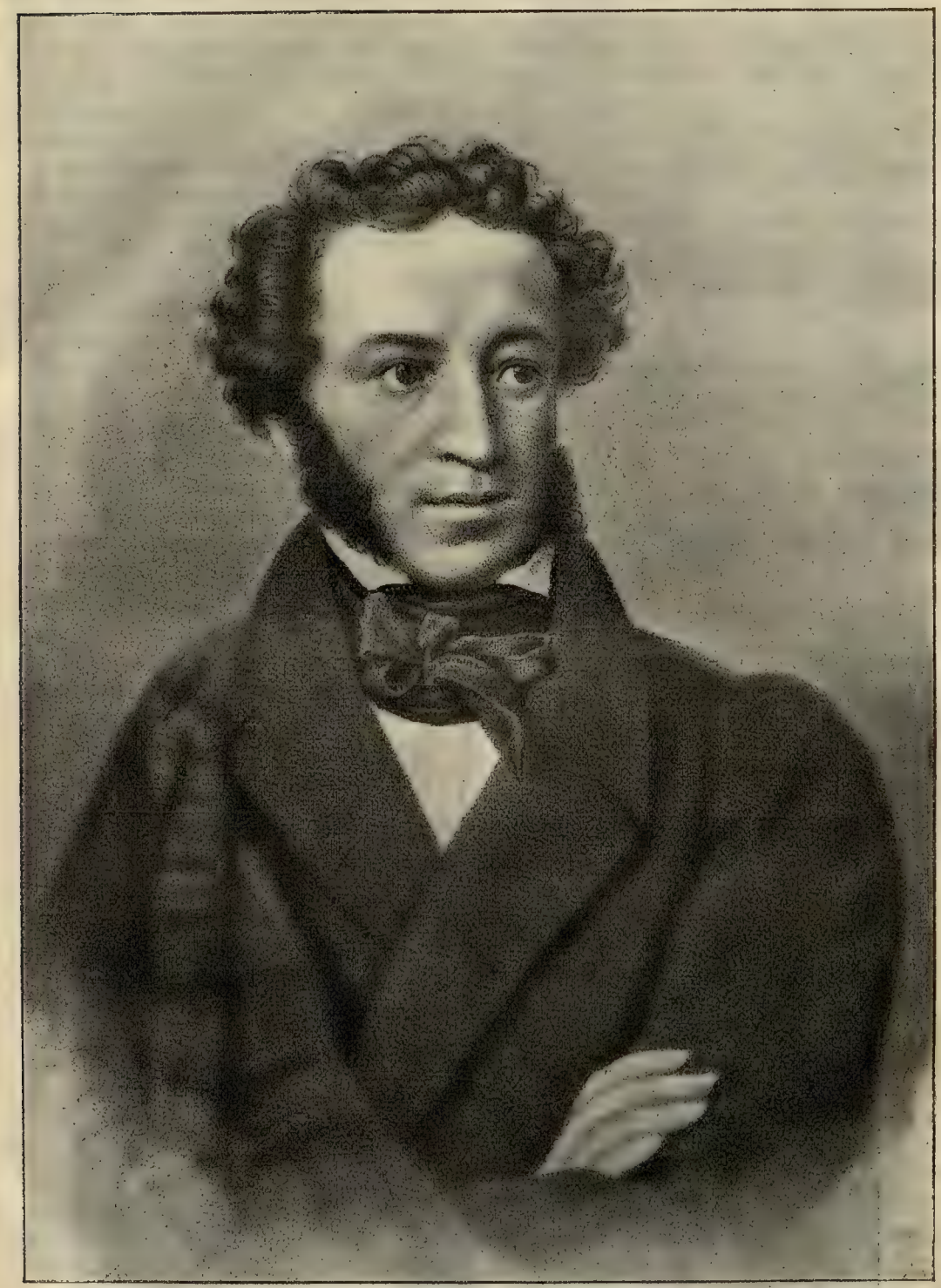
Дѣтство веселое.

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы—
Только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила;
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой.
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.



На свиданіи съ сыномъ. Съ карт. *К. В. Лебедева.*

Задача. Придумайте разсказъ къ картинѣ.



Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
(Родился въ 1799 году, умеръ въ 1837 году.)

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая—
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный — ни свиста ни шума;
Смотрятъ деревья угрюмо-угрюмо!
Сердце мое замираетъ—дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.
Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
— Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою...
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня занестрѣло,
Сплю и не сплю я... лампада горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.
Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы, веселье и сонъ и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье!
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

И. С. Никитинъ.

Въ бурю.

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, надъ колыбелью
Наклонясь, стояла.
А въ саду сердито
Выла буря злая,
Надъ окномъ деревья
Темныя качая.
И колючей вѣткой
Ель въ окно стучала,
Какъ стучитъ порою
Путникъ запоздалый.
Дождь шумѣлъ; раскаты
Слышалися грома;
И гремѣлъ, казалось,

Задача. Разскажите, что изображено на картинкѣ.

Онъ надъ крышей дома.
На малютку сына
Нѣжно мать глядѣла;
Колыбель качая,
Тихо пѣсню пѣла:
„Ахъ! Уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлетъ
Сладко въ колыбели.
Ты, гроза Господня,
Не буди ребенка;
Пронеситесь, тучи
Черныя, сторонкой!
Бурь еще не мало
Впереди, быть-можетъ.
И не разъ забота
Сонъ его встревожитъ".
Спи, дитя, спокойно...
Вотъ гроза стихаетъ;
Матери молитва
Сонъ твой охраняетъ.
Завтра, какъ проснешься
И откроешь глазки,
Снова встрѣтишь солнце
И любовь и ласки!

А. Н. Плещеевъ.

Дѣтство Ильи Ильича Обломова.

I.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело.

Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ.

Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ.

Наконецъ удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери.

Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару? Потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу.

Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему молитвы.

Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?—вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька,— торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу.

Потомъ шли къ отцу, потомъ — къ чаю.

II.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою „дѣвчонку", которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старички.

Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили Илью Ильича, начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ.

Послѣ того началось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками.

Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпустила гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное — не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей.

Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеной потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

III.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ уже давно на дворѣ.

Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный, зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ.

Ему страсть хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ“, а господа не ходятъ.

Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его.

Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ уже надо было спѣшить разрушать его замыслы взлѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и — чего Боже сохрани! — въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! — говорила нянька.

И цѣлый день, и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ-быть, угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзвъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмиритъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Л ѣ т о. Съ карт. *А. М. Васнецова.*

IV.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи,— отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло?— спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собою весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать.

Ребенокъ тоже шагнулъ раза два; еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору.

Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери.

— Няня! Не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! Уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку — будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

— У, баловень!—тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.

И. А. Гончаровъ.

Вопросъ. Что было хорошаго и дурного въ воспитаніи Обломова?

Какъ учился Обломовъ.

Илья Ильичъ началъ учиться лѣтъ тринадцати или четырнадцати.

Онъ учился въ селѣ Верхлёвѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ.

Какъ только Илья Ильичъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барчонка къ нѣмцу везти!

Сердце дрогнетъ у него. Онъ, печальный, приходитъ къ матери. Та знаетъ отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю.

Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро: напекутъ ему булочекъ и кренделькова, отпустятъ съ нимъ солепья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься,— говорили обломовцы:— обѣдать-то дадутъ супу, да жаркого да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то *морген-фри* [1])—носъ утри.

Впрочемъ, Ильѣ Ильичу снятся большіе такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывавшаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и съ пріятной новостью:

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ: стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему:

— Сегодня родительская недѣля,—не до ученья: блины будемъ печь.

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты?—и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома,—скажетъ она,—а тамъ—что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ—неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю.

Развѣ только иногда слуга или дѣвка, которымъ достанется за барчонка, проворчатъ:

— У, баловень! Скоро ли провалишься къ своему нѣмцу?

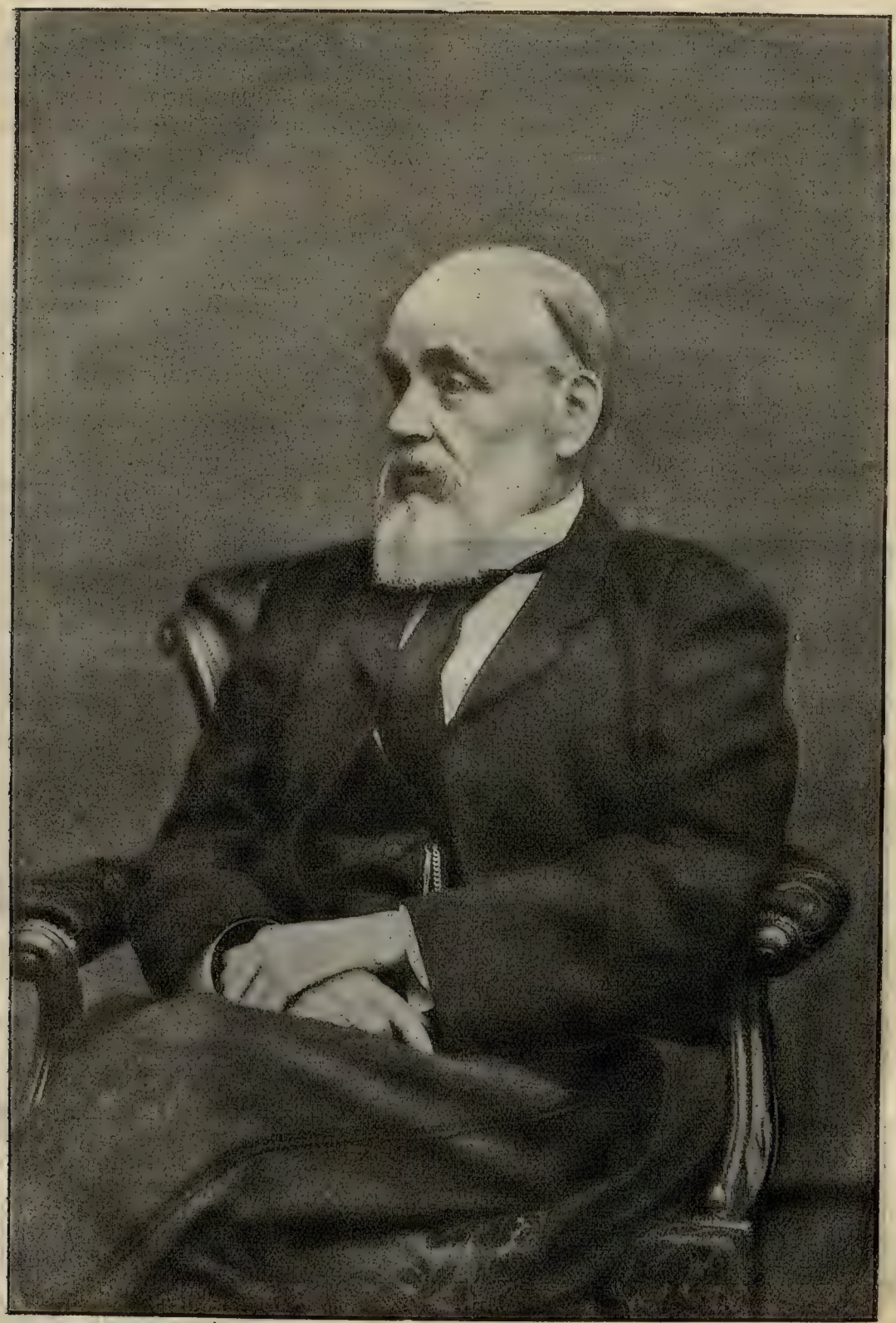
Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

— Пріѣхала, дескать, Марья Саввична или Наталья Ѳадеевна гостить или Кузовковы со своими дѣтьми, такъ пожалуйте домой!

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до Страстной недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ—не

---

[1]) Завтра утромъ.



Иванъ Александровичъ Гончаровъ.
Родился въ 1812 году, умеръ въ 1891 году.

стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ вырастетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

— Долго ли до грѣха?—говорили отецъ и мать. — Ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья, какъ изъ больницы, воротится: жирокъ весь пропадетъ, жиденькій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да, — замѣтитъ отецъ, — ученье-то не свой братъ: хоть кого въ баранiй рогъ свернетъ!

И. А. Гончаровъ.

Вопросы. 1) Кто одѣвалъ И. И. утромъ?

2) Кто училъ И. И. молиться?

3) Что думалъ И. И. во время молитвы?

4) Кто жилъ въ домѣ Обломовыхъ и какъ относились его обитатели къ И. И?

5) Куда пошелъ Обломовъ послѣ чая?

6) Что дѣлалъ И. И. на дворѣ?

7) Какъ относилась къ И. И. нянька?

8) Былъ ли Илья Ильичъ любознателенъ?

9) Откуда это видно?

10) Въ чемъ выражались заботы матери объ И. И.

11) Опишите характеръ И. И.

12) Какъ учился Обломовъ?

13) У кого учился И. И.?

14) Любилъ ли онъ ученье?

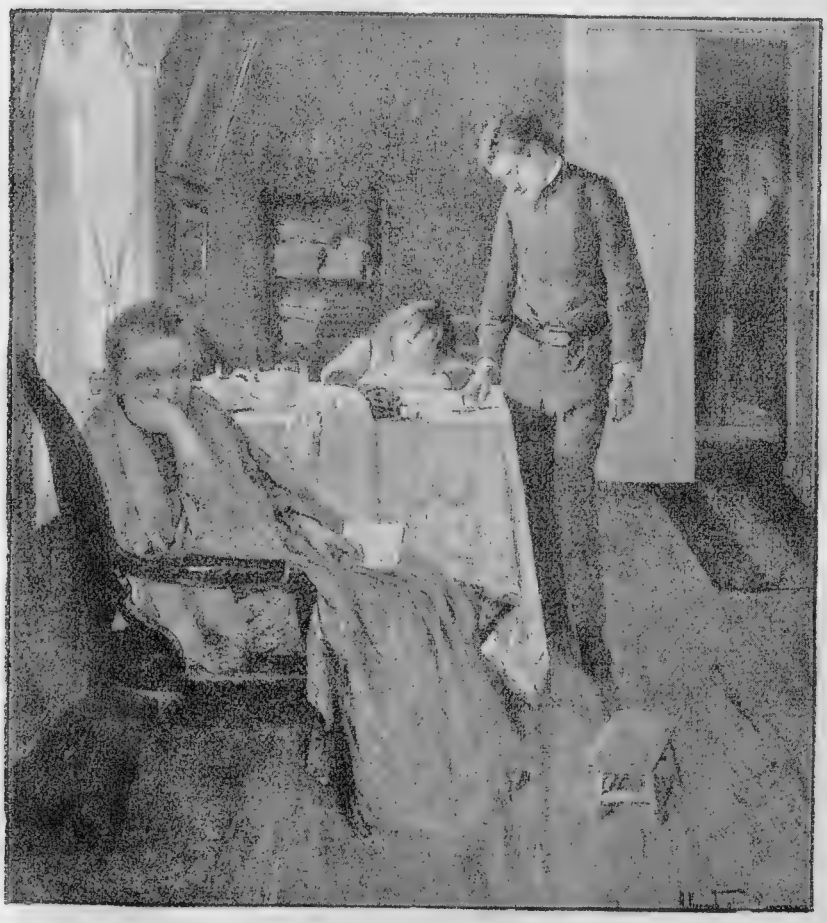
15) Охотно ли мать отпускала И. И. въ школу?

16) Какъ относились къ ученью въ Обломовкѣ?

17) Можно ли назвать такое отношеніе серьезнымъ?

18) Могло ли интересовать ученье И. И. при такомъ отношеніи?

19) Почему обломовцы не понимали пользы образованія?



Опять провалился. Съ карт. *А. М. Карина.*

Задача. Придумайте разсказъ къ этой картинкѣ.

Задача. Разскажите, что было

хорошо и дурно въ жизни Обломова.

Ермило-мельникъ.

Садись, а мы послушаемъ,
Какой такой Ермилъ.
„А вотъ какой: спротскую
Держалъ Ермило мельницу
На Унжѣ. По суду
Продать рѣшили мельницу:
Пришелъ Ермило съ прочими
Въ палату на торги.
Пустые покупатели
Скорешько отвалилися,
Одинъ купецъ Алтынниковъ
Съ Ермиломъ въ бой вступилъ.
Не отстаетъ, торгуется,
Паноситъ по копеечкѣ;
Ермило, какъ разсердится—
Хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копеечку;
Пошло у нихъ сраженіе:
Купецъ его копейкою,
А тотъ его рублемъ!
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да вышла тутъ оказія:
Тотчасъ же стали требовать
Задатковъ третью часть,
А третья часть—до тысячи.
Съ Ермиломъ денегъ не было:
Ужъ самъ ли онъ сплошалъ,
Схитрили ли подьячіе,
А дѣло вышло дрянь!
Повеселѣлъ Алтынниковъ:
„Моя, выходитъ, мельница!“
—Нѣтъ!—говоритъ Ермилъ.
Подходитъ къ предсѣдателю:—
Нельзя ли вашей милости
Помѣшкать полчаса?“
— Что въ полчаса ты сдѣлаешь?—
„Я деньги принесу!“
— А гдѣ найдешь? Въ умѣ ли ты?
Верстъ тридцать пять до мельницы,
А черезъ часъ присутствію
Конецъ, любезный мой! —
„Такъ полчаса позволите?“
— Пожалуй, часъ промѣшкаемъ!—
Пошелъ Ермилъ; подьячіе
Съ купцомъ переглянулися,
Смѣются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришелъ Ермило (въ городѣ
Тотъ день базарный былъ),
Сталъ на возъ, видимъ: крестится,
На всѣ четыре стороны
Поклонъ,—и громкимъ голосомъ
Кричитъ: „Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вамъ скажу!“
Притихла площадь людная,
И тутъ Ермилъ про мельницу
Народу разсказалъ:
„Давно купецъ Алтынниковъ
Присватывался къ мельницѣ,
Да не плошалъ и я;
Разъ пять справлялся въ городѣ,
Сказали: съ переторжкою
Назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселкомъ не рука:
Пріѣхалъ я безъ грошика,
Анъ глядь—они спроворили
Безъ переторжки торгъ!
Схитрили души подлыя,
Да и смѣются, нехристи:
„Что часомъ ты подѣлаешь?
Гдѣ денегъ ты найдешь?“
Авось, найду, Богъ милостивъ!
Хитры, сильны подьячіе,
А міръ ихъ поспьнѣй;
Богатъ купецъ Алтынниковъ,
А все не устоять ему
Противъ мірской казны—
Ее, какъ рыбу изъ моря,
Вѣка ловить—не выловить.
Ну, братцы! видитъ Богъ,
Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
Не дорога мнѣ мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу вѣрите,
Такъ выручайте, что ль!..“
И чудо сотворилося:

На всей базарной площади
У каждаго крестьянина.
Какъ вѣтромъ полу лѣвую
Заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелилось,
Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ, кто чѣмъ богатъ.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,—
Усѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
Цѣлковиковъ, лобанчиковъ,
Прожженой, битой, трепаной
Крестьянской ассигнаціи;
Ермило бралъ—не брезговалъ
И мѣдянымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать,
Когда тутъ попадалася
Иная гривна мѣдная
Дороже ста рублей!
Ужъ сумма вся исполнилась.
А щедрота народная
Росла: „Бери, Ермилъ Ильичъ,
Отдашь, не пропадетъ!“
Ермилъ народу кланялся
На всѣ четыре стороны,
Въ палату шелъ со шляпою,
Зажавши въ ней казну.
Сдивилися подьячіе,
Позеленѣлъ Алтынниковъ,
Какъ онъ сполна всю тысячу
Имъ выложилъ на столъ!..
Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ,—
Пошли юлить подьячіе,
Съ покупкой поздравлять!
Да не таковъ Ермилъ Ильичъ:
Не молвилъ слова лишняго,
Копейки не далъ имъ!
Глядѣть весь городъ съѣхался,
Какъ въ день базарный — пятницу.
Черезъ недѣлю времени,
Ермилъ на той же площади
Разсчитывалъ народъ.
Упомнить гдѣ же всякаго?
Въ ту пору дѣло дѣлалось
Въ горячкѣ, второпяхъ!
Однако споровъ не было,
И выдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще — онъ самъ разсказывалъ —
Рубль лишній, чей — Богъ вѣдаетъ! —
Остался у него.

Ярмарка. Съ карт. *Б. М. Кустодіева.*

Весь день съ мошной раскрытою
Ходилъ Ермилъ, допытывалъ,
Чей рубль?—да не пашелъ.
Ужъ солнце закатилося,
Когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тронулся,
Отдавъ тотъ рубль слѣпымъ...
Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ".

Н. А. Некрасовъ.

Буканъ.

Буканомъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ называли дурачка Яшу.

Буканомъ дурачка Яшу прозвали за то, что онъ всѣхъ насѣкомыхъ называлъ буканами, а птицъ—воронами. Комнатная муха—буканъ, пчела—буканъ, мотылекъ—буканъ, комаръ—буканъ и т. д. Это почему-то тоже всѣхъ забавляло, и дурачка Яшу тысячу разъ спрашивали одно и то же:

— А червякъ тоже буканъ?

— Буканъ...

— И змѣя?

— Не знаю.

Всю свою жизнь дурачокъ Яша провелъ въ городѣ и ни разу не бывалъ за городомъ, а поэтому и не имѣлъ никакого понятія о томъ, что такое змѣя. И это казалось всѣмъ очень забавнымъ.

Но главной потѣхой были разговоры о службѣ. Дурачокъ Яша всю жизнь искалъ себѣ службу и, конечно, не находилъ. Онъ предлагалъ всѣмъ свои услуги съ трогательной довѣрчивостью.

— Какую же тебѣ службу, Буканъ?

— А такую... Буду стараться.

— А какое жалованье желаешь получать?

— Четыре недѣли на мѣсяцъ, а пятую спать...

Д. Н. Мамынъ-Сибирякъ.
Родился въ 1852 году.

Разъ, когда мы высыпали послѣ занятій веселой гурьбой на улицу, Буканъ встрѣтилъ насъ у подъѣзда училища.

— Здравствуй!.. — добродушно поздоровался онъ со всѣмъ нашимъ училищемъ.

— А, Буканъ, здравствуй...

Мы его по обыкновенію обступили и засыпали вопросами.

— Какъ живешь, Буканъ?..

— Ничего, слава Богу... На службу поступилъ.

— На какую?

— Чиновникъ теперь... да... И жалованье каждый мѣсяцъ и награда къ празднику...

— Какая же у тебя служба?

— Служба хорошая... Я открылъ часовой магазинъ.

Мы всѣ, конечно, расхохотались, а съ нами весело хохоталъ и старый Буканъ.

— Какіе же у тебя часы, Буканъ?

— А вотъ...

Буканъ вытащилъ изъ-за пазухи какую-то деревянную малиновую коробочку и съ гордостью намъ показалъ.

— Это не часы, Буканъ...

— Нѣтъ, часы... Они у меня днемъ и ночью ходятъ.

Онъ осторожно открылъ крышку своей коробки, и мы увидѣли суетливо бѣгавшаго по ея дну маленькаго жучка. Это выходило ужъ совсѣмъ забавно.

— Буканъ, продай свои часы!..

— А куши...

— Сколько стоятъ?

— Сто рублей!..

Какой-то шалунъ ударилъ старика подъ руку, и его часы полетѣли на землю. Всѣ, конечно, бросились вразсыпную, а Буканъ поднялъ свои часы, посмотрѣлъ, тутъ ли жучокъ, и успокоился.

— Здравствуй... — протянулъ онъ.—Иду на службу.

Онъ и здоровался и прощался однимъ словомъ „здравствуй“.

— Копейку возьми за свои часы, — предлагалъ кто-то.

Но Буканъ не обращалъ уже больше на насъ никакого вниманія.

Прошло недѣли двѣ. Буканъ ходилъ по всему городу со своими часами и былъ совершенно счастливъ.

Разъ утромъ, когда мы собирались въ нашу школу, у воротъ на деревянной скамеечкѣ, гдѣ дежурилъ ночной сторожъ, сидѣлъ старый Буканъ и горько плакалъ.

— Буканъ, что случилось?

Онъ тихо всхлипывалъ, какъ всхлипываютъ маленькія дѣти, и, ничего не отвѣчая, показалъ намъ свои часы. На днѣ деревянной коробочки лежалъ мертвый жукъ... Я какъ сейчасъ вижу убитаго горемъ старика и его заплаканное лицо, по которому катились мелкія старческія слезинки. Кто не видалъ, какъ плачутъ люди? Но тутъ передъ нами плакалъ не-

Задача. Придумайте разсказъ къ картинкѣ.

счастный сумасшедшій Буканъ, тотъ самый, надъ которымъ мы привыкли шутить и смѣяться.

Всѣмъ какъ-то сразу сдѣлалось совѣстно. Вѣдь плакалъ не сумасшедшій, а живой человѣкъ. Да, именно тотъ человѣкъ, котораго мы по своей ребячьей глупости до этого момента не замѣчали. Всѣмъ сдѣлалось и жаль старика и совѣстно за себя.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Вопросы. 1) Кого называли Буканомъ?

2) Почему онъ получилъ такое названіе?

3) Какъ относились къ нему школьники?

4) Какой характеръ былъ у Букана?

5) Что случилось съ Буканомъ?

6) Какъ отнеслись школьники къ его горю?

Перебендя.

Перебендя старый, хилый—
Кто его не знаетъ?
Онъ шатается повсюду
Съ кобзой да играетъ.
А того, кто имъ играетъ,
Люди уважаютъ:
Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.
Онъ и днюетъ и ночуетъ
Въ полѣ, сиротина,
Нѣтъ избы у горемыки;
Шутитъ съ нимъ судьбина,
Издѣвается надъ старымъ,
А кобзарь ни слова,
Сядетъ гдѣ-нибудь, затянетъ:
„Не шуми, дуброва!“
Запоетъ, да и припомнитъ,
Что онъ сиротина;
Потоскуетъ, погорюетъ,
Сидя подъ лозиной.

Вѣтеръ вѣетъ — повѣваетъ,
По полю гуляетъ.
На могилѣ Перебендя
Пѣсни распѣваетъ.
Степь широкая, какъ море,
Вкругъ него синѣетъ;
За могилою могила,
Дальше — чуть виднѣетъ...
Старый усъ съ сѣдой чуприной
Вѣтеръ развѣваетъ;
То приляжетъ и внимаетъ,

„Бандуристъ“. Съ карт. *В. Е. Маковскаго.*

Какъ кобзарь играетъ,
Какъ сердце смѣется, какъ очи рыдаютъ...
Послушаетъ, встанетъ — и вновь повѣваетъ...
Старикъ пріютился въ степи, на могилѣ,
Чтобъ вихри по полю слова разносили,
Чтобъ люди не слышали слова благого,
Затѣмъ, что то слово есть Божіе слово:
То съ Господомъ сердце бесѣду ведетъ,
То сердце Господнюю славу поетъ;
А душа на тучѣ по свѣту гуляетъ,
Орломъ сизокрылымъ летаетъ, ширяетъ,
И небо лазурное крыльями бьетъ;
Подымется къ солнцу, летитъ, воспрошаетъ:
Гдѣ солнце почуетъ, какъ солнце встаетъ;
Послушаетъ моря, что дѣлаетъ море;
На гору — и спроситъ: „чего ты нѣма?“
И снова на небо, подальше отъ горя,
Затѣмъ, что на свѣтѣ нѣтъ мѣста уже
Тому, кто все знаетъ, тому, кто все чуетъ:
Что думаетъ море, гдѣ солнце почуетъ,
Никто пріютитъ бѣдняка не беретъ,
Какъ солнце, межъ ними одинъ онъ избранный.
Всѣ знаютъ его; онъ на свѣтѣ живетъ;
А если бъ узнали, что онъ, безталанный,
Поетъ на могилѣ, съ волной говоритъ—
Въ немъ Божіе слово они бъ осмѣяли,
Глупцомъ бы назвали, изъ хаты прогнали.
„Пускай онъ, сказали бы, надъ моремъ сидитъ!“

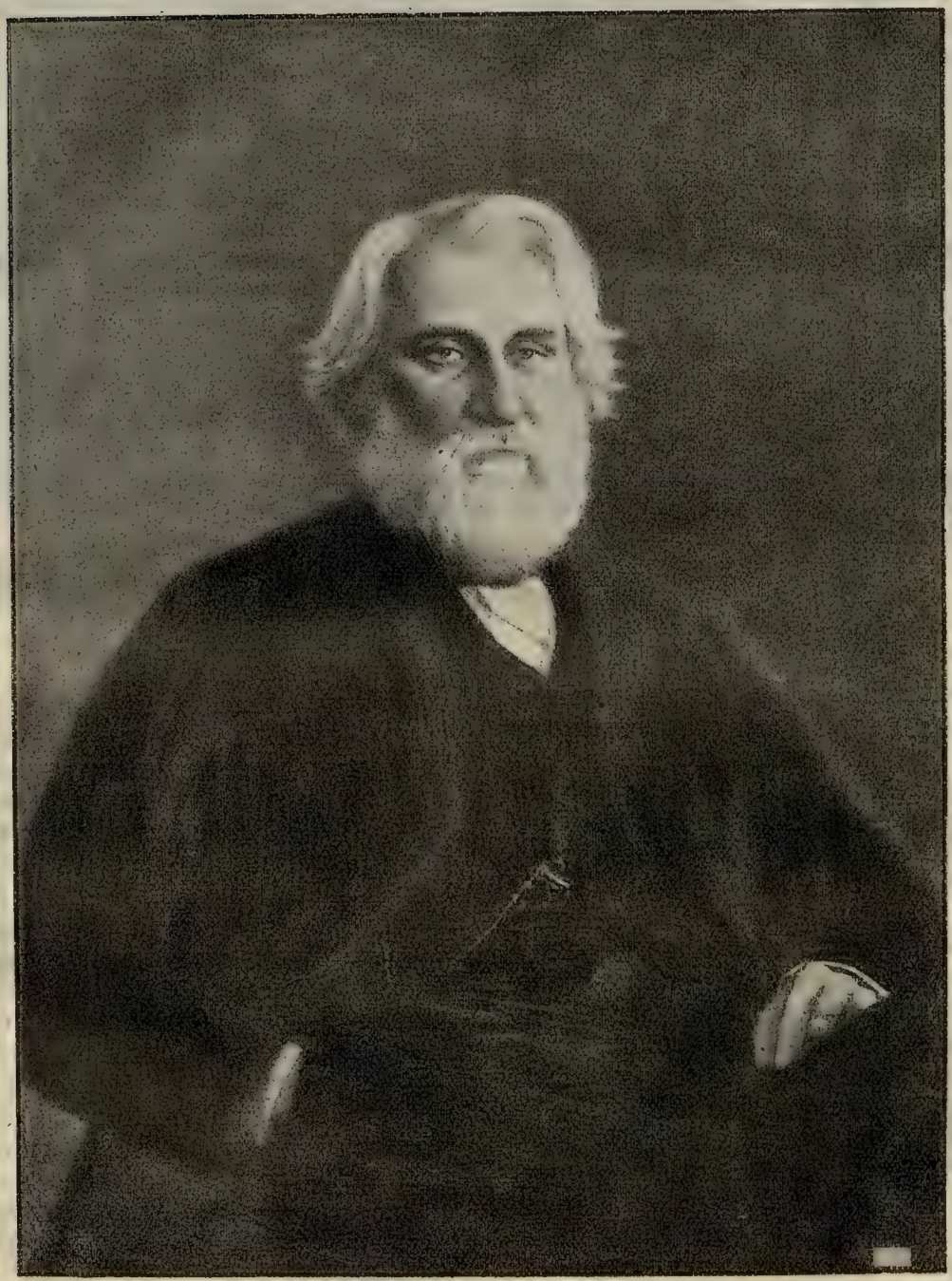
Вотъ такой-то Перебендя
Старый да капризный!
Грянетъ „Горлицу“, а кончитъ
Плачемъ, укоризной.

Т. Г. Шевченко.

Пріѣздъ въ родное гнѣздо.

Подъѣзжая къ родному гнѣзду, я не узнавалъ себя. Я никакъ не воображалъ, чтобъ мнѣ такъ легко обошлась разлука съ Петербургомъ, и такъ радостно было снова увидѣть деревню, гдѣ протекло мое дѣтство. Все, что казалось мнѣ тогда тягостнымъ, досадливымъ, исчезло какъ бы само собою. Теплое чувство къ матери пробуждалось во мнѣ въ первый разъ съ такой силой. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось обнять ее... Я ждалъ минуты, когда увижу стараго Николая, носившаго меня на рукахъ, и другихъ дворовыхъ, которые меня ласкали. Сердце мое окончательно размягчилось, когда, при въѣздѣ на послѣдній пригорокъ, передо мной открылась долина рѣчки Смедвы, сама Смедва блеснула въ своихъ изгибахъ, замкнутыхъ зеленѣющими склонами съ ихъ рощами, — когда въ глубинѣ обрисовался темный, старый садъ съ его липовыми аллеями и подлѣ него—крыша нашего дома...

Когда тарантасъ въѣхалъ на дворъ, матушка стояла на крыльцѣ и махала платкомъ, изъ-за ея плеча выглядывалъ чепецъ бабушки; Николай, окончательно посѣдѣвшій,



Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
Родился въ 1818 году, умеръ въ 1883 году.

бѣлый, какъ лунь, и дворовые окружили меня. Послѣ обниманій и цѣлованій мы вошли въ домъ, показавшійся мнѣ несравненно меньше, чѣмъ казался въ дѣтствѣ. Начались разспросы... Затѣмъ матушка отвела меня въ комнату, заблаговременно для меня приготовленную; она выходила частью въ садъ, частью на поворотъ дороги, огибавшей Смедву, осѣненную съ этой стороны столѣтними ветлами.

Не помню, чтобы я когда-нибудь чувствовалъ себя болѣе счастливымъ.

Д. В. Григоровичъ.

Задача. Раздѣлите разсказъ на части. Придумайте заглавіе къ каждой части.

Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною то золотымъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю, не струился душный воздухъ; назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ! Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. „Ну скорѣй же, скорѣй! — думалось мнѣ. Сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! Двинься, покажись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленіе!“

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнѣла.

И вотъ по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять—бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній—та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже *два* платка мелькаютъ, *два* комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полетомъ *два* бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря и пошла потѣха!

Я едва домой добѣжалъ. Визжитъ вѣтеръ, мечется, какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя, облака; все закружилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отвѣсными столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ, какъ изъ пушки, отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но вотъ подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краешкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя—и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ-быть, спасъ.

Нахохлились оба—и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ...

И. Тургеневъ.

Старые друзья.

Задача. Придумайте разсказъ къ картинкѣ.

Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва пробивавшіяся крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой— и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился благоговѣя.

Да, не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

„Любовь,—думалъ я,—сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь".

И. С. Тургеневъ.

Вопросы. 1) Кого увидалъ авторъ на аллеѣ сада?
2) Что хотѣла сдѣлать собака?
3) Кто бросился на защиту воробья отъ собаки?
4) Что чувствовалъ старый воробей при видѣ собаки?
5) Что побудило его на этотъ поступокъ?
6) Что почувствовалъ Трезоръ при видѣ храбрости стараго воробья?
7) Какое впечатлѣніе произвелъ поступокъ стараго воробья на автора?

Планъ. I. Вступленіе.
1) Возвращеніе съ охоты.
2) Безпокойство Трезора.
3) Причина этого безпокойства.
II. Поступокъ стараго воробья.
1) Желаніе защитить своего дѣтеныша.
2) Причина этого желанія.
III. Смущеніе собаки.
1) Поступокъ Трезора.
2) Причина его.
IV. Впечатлѣніе Тургенева.
1) Поступокъ Тургенева.
2) Чувство его.
3) Заключеніе: главная мысль.

Тревоги маленькой куропатки.

I.

Вы знаете, что мы, куропатки, живемъ выводками, что мы гнѣздимся на поляхъ, въ бороздкахъ, откуда легко можно подняться при малѣйшей опасности: мы летимъ тогда вразсыпную.

Насъ было здѣсь очень много; превесело жилось намъ. Мы устроились на лужайкѣ, у опушки большого лѣса, гдѣ корму намъ было вдоволь: съ обѣихъ же сторонъ отъ нашего жилья было прекрасное убѣжище въ кустахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я оперилась и выучилась бѣгать, я чувствую себя вполнѣ счастливой: одно только безпокоило меня немного — это грозное открытіе охоты, о которомъ наши матушки уже начали перешептываться между собою. Одинъ старый перепелъ изъ нашего птичьяго села говаривалъ мнѣ всегда по этому случаю:

— Не бойся, краснушка. Будь только со мною въ день открытія

охоты, и ты увидишь, что ничего съ нами не случится.

Мой пріятель уже старикъ, но еще очень пронырливый и бойкій, хотя на груди его уже видна подкова и перья мѣстами посѣдѣли. Онъ часто водилъ меня къ опушкѣ лѣса. Тамъ стоялъ маленькій домикъ, притаившійся среди густыхъ дубовъ, тихій и постоянно запертый.

— Взгляни хорошенько на этотъ домикъ, малютка! — говорилъ онъ мнѣ.— Когда ты увидишь, что изъ трубы поднимается дымъ, что двери и ставни отперты, тогда намъ будетъ плохо.

На слѣдующее утро, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, я слышала, какъ изъ борозды кто-то звалъ меня шопотомъ:

— Краснушка! Краснушка!

Это былъ мой пріятель — старый перепелъ. Онъ тревожно глядѣлъ по сторонамъ.

— Пойдемъ скорѣе, — сказалъ онъ,— и дѣлай то, что я.

II.

Мы направились къ лѣсу, и мимоходомъ я замѣтила, что изъ трубы маленькаго домика выходилъ дымокъ; въ окнахъ былъ свѣтъ; передъ открытою дверью стояли охотники съ ружьями, а подлѣ нихъ прыгали собаки. Какъ разъ въ то время, какъ мы проходили, одинъ изъ охотниковъ сказалъ:

— Обойдемъ до завтра поля, а послѣ пойдемъ въ лѣсъ.

Тогда я поняла, почему мой старый товарищъ повелъ меня прежде всего въ дубраву; но сердце все-таки билось при мысли о нашихъ бѣдныхъ друзьяхъ.

Мой товарищъ спрятался за молодой дубъ; я усѣлась рядомъ съ нимъ; оттуда, изъ-за листьевъ, мы могли высматривать, что дѣлаютъ охотники.

Въ поляхъ шла страшная стрѣльба. При каждомъ выстрѣлѣ я закрывала глаза, совершенно ошеломленная; а когда я рѣшалась ихъ снова открывать, то видѣла все то же большое поле, гдѣ не было ни одного кустика; видѣла тѣхъ же страшныхъ собакъ, которыя бѣгали, обнюхивали каждую травку, рылись въ сѣнѣ и вертѣлись какъ бѣшеныя; видѣла я тѣхъ же охотниковъ, которые слѣдили за собаками, ругались, кричали, а ихъ ружья блестѣли на солнцѣ. Разъ мнѣ показалось, что изъ одного маленькаго облака дыма посыпались листья, хотя вокругъ не было ни одного дерева. Мой пріятель шепнулъ мнѣ, что это не

листья, а птичьи перья; и правда, въ ста шагахъ отъ насъ одна несчастная сѣрая куропатка съ окровавленной головой упала въ борозду.

III.

Можно было подумать, что лѣсъ спалъ въ эти часы. Тишина стояла въ маленькомъ болотцѣ, куда олени ходятъ пить. Кролики тоже всѣ куда-то попрятались.

О, я никогда не забуду этого перваго выстрѣла въ лѣсу!.. На корѣ деревьевъ оставались отъ выстрѣла слѣды, а листья рѣшетились, какъ отъ апрѣльскаго града. Какой-то кроликъ испуганно перескочилъ черезъ дорогу. Бѣлочка свалилась съ дерева и разронила недозрѣвшіе орѣхи. Тяжело летя, пронеслись два-три жирныхъ фазана, а подъ низенькими кустиками, въ сухихъ листьяхъ, послышался шумъ: страшный выстрѣлъ разбудилъ, перепугалъ и взволновалъ все живущее въ лѣсу. Полевыя мышки попрятались по своимъ норкамъ. Рогачъ, выйдя изъ дупла нашего дерева, остановился въ недоумѣніи и выкатилъ затѣмъ отъ ужаса свои большіе глупые глаза. И кузнечики, и шмели, и бабочки, и другія маленькія насѣкомыя метались во всѣ стороны... Одинъ маленькій чудакъ - кузнечикъ съ пурпуровыми крыльями подсѣлъ даже къ самому моему клюву; но я была въ такой тревогѣ, что и не воспользовалась его испугомъ.

Старый перепелъ былъ попрежнему спокоенъ. Онъ чутко прислушивался къ лаю собакъ и къ выстрѣламъ и дѣлалъ мнѣ знакъ, когда собаки приближались, и тогда мы отходили немного подальше и хорошенько прятались въ листвѣ.

У меня и до сихъ поръ еще передъ глазами тѣ мѣстечки, по которымъ мы проходили; я прекрасно помню и холмикъ, гдѣ жили кролики, со множествомъ норокъ у подножія пожелтѣвшихъ деревьевъ, и большую стѣну изъ дубовъ, позади которой, казалось, всюду скрывается смерть, и маленькую зеленую тропинку, по которой наша маменька-куропатка не разъ водила весь выводокъ гулять по майскому солнышку.

Какъ во снѣ я увидѣла эту маленькую тропинку въ ту минуту, какъ ее переходила высокая лань на нѣжныхъ ножкахъ и съ широко раскрытыми глазами. Затѣмъ я увидѣла то болото, куда мы обыкновенно прилетаемъ партіями по пятнадцати или тридцати штукъ съ полей, чтобы напиться и усыпать свои лоснящіяся перышки блестящими капельками воды... Посреди этого болота росли очень густые ольховые кусты, и на этотъ-то островокъ мы и усѣлись. Собаки должны бы были имѣть волшебное чутье, чтобы отыскать насъ тутъ.

Мы уже были на немъ съ минуту, когда притащилась на трехъ лапахъ косуля, оставляя за собой кровавый слѣдъ на мху. Это было такъ грустно, что я спрятала свою голову подъ листья; но нельзя было не слышать, какъ бѣдная раненая, въ лихорадкѣ, задыхаясь, пила изъ болота...

IV.

День кончался. Выстрѣлы удалялись и становились рѣже. Затѣмъ все стихло: охота была окончена. Тогда мы осторожно вернулись на поле, чтобы узнать о нашихъ товарищахъ. Проходя

мимо маленькаго домика, я увидѣла нѣчто ужасное: на краю рва лежали рядомъ, одинъ подлѣ другого, рыжеватые зайцы и маленькіе сѣрые кролики съ бѣлыми хвостиками. Ихъ маленькія лапки, сложенныя смертью, точно умоляли о пощадѣ, ихъ потускнѣвшіе глаза точно плакали. Тутъ же лежали и красныя и сѣрыя куропатки; у нѣкоторыхъ была на груди подкова, какъ у моего стараго друга, у другихъ же,— такихъ молодыхъ, какъ я,— былъ еще пушокъ подъ крыльями. Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе мертвой птицы! Въ крыльяхъ вѣдь всегда столько жизни! Невольно вздрагиваешь, видя ихъ сложенными и холодными... Большой прекрасный олень, казалось, спокойно спалъ; его маленькій розовый язычокъ высовывался изо рта, словно желая еще лизать.

И охотники стояли тутъ же, наклонившись надъ этой бойней; они весело считали убитыхъ, тащили къ своимъ сумкамъ эти окровавленныя лапы, эти растерзанныя крылья, не обращая вниманія на свѣжія раны. Собаки, связанныя для дороги, сжимали губы и рвались, какъ будто имъ еще хотѣлось броситься въ кусты.

Дорогой мы видѣли много несчастныхъ маленькихъ звѣрьковъ, убитыхъ случайно дробинками и оставленныхъ на добычу муравьямъ: полевыхъ мышекъ, съ мордочкой въ пыли, сорокъ, ласточекъ, убитыхъ дробью на лету; онѣ лежали на спинкѣ и протягивали свои маленькія похолодѣвшія лапки къ ясной, холодной, сырой осенней ночи, которая такъ быстро спускается на землю! Но всего ужаснѣе было слышать, какъ на опушкѣ лѣса, на краю луга и въ рѣчномъ тростникѣ никто не отвѣчалъ на тревожные и грустные призывы оспротѣвшихъ птицъ.

Ни у моего товарища ни у меня не хватило духу запѣть по обыкновенію прощальную пѣсенку кончавшемуся дню.

А. Додэ.

На войнѣ.

I.

Я помню, какъ мы бѣжали по лѣсу, какъ жужжали пули, какъ падали отрываемыя ими вѣтки, какъ мы пробирались сквозь кусты боярышника. Выстрѣлы стали чаще. Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее тамъ и сямъ. Сидоровъ, молоденькій солдатикъ первой роты („какъ онъ попалъ въ нашу цѣпь?“ мелькнуло у меня въ головѣ), вдругъ присѣлъ къ землѣ и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами. Изо рта у него текла струя крови. Да, я это хорошо помню. Я помню также, какъ уже почти на опушкѣ, въ густыхъ кустахъ, я увидѣлъ... *его*. Онъ былъ огромный толстый турокъ, но я бѣжалъ прямо на него, хотя я слабъ и худъ. Что-то хлопнуло, что-то, какъ мнѣ показалось, огромное пролетѣло мимо: въ ушахъ зазвенѣло. „Это онъ въ меня выстрѣлилъ“, подумалъ я. А онъ съ воплемъ ужаса прижался спиною къ густому кусту боярышника. Можно было обойти кустъ, но отъ страха онъ не помнилъ ничего и лѣзъ на колючія вѣтви. Однимъ ударомъ я вышибъ у него ружье, другимъ воткнулъ куда-то свой штыкъ. Что-то не то зарычало, не то застонало. Потомъ я побѣжалъ дальше. Наши кричали „ура“,

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.
Родился въ 1855 году, умеръ въ 1888 году.

падали, стрѣляли. Помню, и я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, уже выйдя изъ лѣсу, на полянѣ. Вдругъ „ура“ раздалось громче, и мы всѣ сразу двинулись впередъ. То-есть не мы, а наши, потому что я остался. Мнѣ это показалось страннымъ. Еще страннѣе было то, что вдругъ все исчезло; всѣ крики и выстрѣлы смолкли. Я не слышалъ ничего, а видѣлъ что-то синее; должно-быть, это было небо. Потомъ и оно исчезло.

II.

Я приподнимаюсь и сажусь. Это дѣлается трудно, когда обѣ ноги перебиты. Нѣсколько разъ приходится отчаиваться: наконецъ со слезами на глазахъ, выступившими отъ боли, я сажусь.

Надо мною — клочокъ черно-синяго неба, на которомъ горитъ большая звѣзда и нѣсколько маленькихъ; вокругъ что-то темное, высокое. Это — кусты. Я въ кустахъ: меня не нашли!

Я чувствую, какъ шевелятся корни волосъ на моей головѣ.

Однако какъ это я очутился въ кустахъ, когда они застрѣлили меня на полянкѣ? Должно-быть, раненый, я переползъ сюда, не помня себя отъ боли. Странно только, что теперь я не могу пошевельнуться, а тогда сумѣлъ дотащиться до этихъ кустовъ. А, быть-можетъ, у меня тогда была только одна рана, и другая пуля доконала меня уже здѣсь.

Блѣдныя розоватыя пятна заходили вокругъ меня. Большая звѣзда поблѣднѣла, нѣсколько маленькихъ исчезли. Это всходитъ луна. Какъ хорошо теперь дома!..

Какіе-то странные звуки доходятъ до меня... Какъ будто бы кто-то стонетъ. Да, это стонъ. Лежитъ ли около меня какой-нибудь такой же забытый, съ перебитыми ногами или съ пулею въ животѣ? Нѣтъ, стоны такъ близко, а около меня, кажется, никого нѣтъ... Боже мой, да вѣдь это — я самъ! Тихіе жалобные стоны; неужели мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ больно? Должно-быть, только я не понимаю этой боли, потому что у меня въ головѣ туманъ, свинецъ. Лучше лечь опять и

уснуть, спать, спать... Только проснусь ли я когда-нибудь? Это все равно.

Въ ту минуту, когда я собираюсь ложиться, широкая блѣдная полоса луннаго свѣта ясно озаряетъ мѣсто, гдѣ я лежу, и я вижу что-то темное и большое, лежащее шагахъ въ пяти отъ меня. Кое-гдѣ на немъ видны блики отъ луннаго свѣта. Это пуговицы или амуниція. Это или трупъ или раненый.

Все равно, я лягу...

Нѣтъ, не можетъ быть. Наши не ушли. Они здѣсь, они выбили турокъ и остались на этой позиціи. Отчего же нѣтъ ни говора ни треска костровъ? Да вѣдь я отъ слабости ничего не слышу. Они навѣрно здѣсь.

„Помогите!!. Помогите!“

Дикіе, безумные, хриплые вопли вырываются изъ моей груди, и нѣтъ на нихъ отвѣта. Громко разносятся они въ ночномъ воздухѣ. Все остальное молчитъ. Только сверчки трещатъ попрежнему неугомонно. Луна жалобно смотритъ на меня круглымъ лицомъ.

Если бы *онъ* былъ раненый, онъ очнулся бы отъ такого крика. Это трупъ. Нашъ или турокъ? Ахъ, Боже мой! будто не все равно?.. И сонъ опускается на мои воспаленные глаза.

Однако становится жарко. Солнце жжетъ. Я открываю глаза, вижу тѣ же кусты, то же небо. Да, это турокъ, трупъ. Какой огромный! Я знаю его, это тотъ самый...

За что я его убилъ?

Онъ лежитъ здѣсь мертвый, окровавленный. Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть-можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ?..

А я? И я также... Я бы даже помѣнялся съ нимъ. Какъ онъ счастливъ: онъ не слышитъ ничего, не чувствуетъ ни боли отъ ранъ, ни смертельной тоски, ни жажды... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра; вокругъ нея кровь. *Это сдѣлалъ я.*

Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ.

И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его? Чѣмъ я виноватъ? За что меня мучитъ жажда? Жажда! Кто знаетъ, что значитъ это слово! Даже тогда, когда мы шли по Румыніи, дѣлая въ ужасные сорока-градусные жары переходы по пятидесяти верстъ, тогда я не чувствовалъ того, что чувствую теперь. Ахъ, если бы кто-нибудь пришелъ!

Боже мой! Да у него въ этой огромной флягѣ, навѣрно, есть вода! Но надо добраться до него. Чего это будетъ стоить! Все равно, доберусь.

Я ползу. Ноги волочатся, ослабѣвшія руки едва двигаютъ неподвижное тѣло. До трупа сажени двѣ, но для меня это больше не больше, а хуже десятковъ верстъ. Все-таки нужно ползти. Горло горитъ, жжетъ, какъ огнемъ. Да и умрешь безъ воды скорѣе. Все-таки, можетъ-быть...

И я ползу. Ноги цѣпляются за землю, и каждое движеніе вызы-

ваетъ нестерпимую боль. Я кричу, кричу съ воплями, а все-таки ползу. Наконецъ вотъ и онъ. Вотъ фляга... въ ней есть вода— и какъ много! Кажется, больше полфляги. О! воды мнѣ хватитъ надолго... до самой смерти!

Ты спасаешь меня, моя жертва!.. Я началъ отвязывать флягу, опершись на одинъ локоть, и вдругъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ лицомъ на грудь своего спасителя. Отъ него уже слышенъ сильный трупный запахъ.

III.

Я напился. Вода была теплая, но не испорчена, и притомъ ея было много. Я проживу еще нѣсколько дней.

Ну, и что же? Если я проживу еще дней пять-шесть, что будетъ изъ этого? Наши ушли, болгаре разбѣжались. Дороги близко нѣтъ. Все равно—умирать. Только вмѣсто трехдневной агоніи я сдѣлалъ себѣ недѣльную.

Нѣтъ, не нужно падать духомъ; буду бороться до конца, до послѣднихъ силъ. Вѣдь если меня найдутъ, я спасенъ. Быть-можетъ, кости не тронуты; меня вылѣчатъ. Я увижу родину, мать, Машу...

Господи, не дай имъ узнать всю правду! Пусть думаютъ, что я убитъ наповалъ. Что будетъ съ ними, когда они узнаютъ, что я мучился два, три, четыре дня!

Голова кружится; мое путешествіе къ сосѣду меня совершенно измучило. А тутъ еще этотъ ужасный запахъ! Какъ онъ почернѣлъ... Что будетъ съ нимъ завтра или послѣзавтра? И теперь я лежу здѣсь только потому, что нѣтъ силы оттащиться. Отдохну и поползу на старое мѣсто; кстати, вѣтеръ дуетъ оттуда и будетъ относить отъ меня зловоніе.

Я лежу въ совершенномъ изнеможеніи. Солнце жжетъ мнѣ лицо и руки. Накрыться нечѣмъ. Хоть бы ночь поскорѣе; это, кажется, будетъ вторая.

Мысли путаются, и я забываюсь...

Я очнулся въ девизіонномъ лазаретѣ. Надо мною стоятъ доктора, сестры милосердія и, кромѣ нихъ, я вижу еще знакомое лицо знаменитаго петербургскаго профессора, наклонившагося надъ моими ногами. Его руки въ крови. Онъ возится у моихъ ногъ недолго и обращается ко мнѣ:

— Ну, счастливъ вашъ Богъ, молодой человѣкъ! Живы будете! Одну ножку-то мы отъ васъ взяли; ну, да вѣдь это пустяки. Можете вы говорить?

Я могу говорить и разсказываю имъ все, что здѣсь написано.

В. М. Гаршинъ.

Родная.

Покинувъ родину и домъ, она
пошла
Туда, куда текли всѣ русскія дружины.
Подъ ветхимъ рубищемъ въ душѣ
она несла
Безцѣнный кладъ любви, участья
и кручины.
Тяжелъ былъ дальній путь, и зной
ее палилъ,
И вѣтеръ дулъ въ лицо, и въ
полѣ дождь мочилъ;
Она жъ все шла да шла, съ мольбой усердной къ Богу, —
И къ подвигамъ нашла желанную
дорогу.
Ужъ скрылся позади рубежъ земли
родной...

Чу! слышенъ битвы громъ, холмовъ дымятся склоны:
Восторгъ отчаянной и дикой обороны.
Съ редутовъ Гривицы и Плевны роковой
На русскіе полки огнемъ и смертью дышитъ;
Но чуткая любовь не грохотъ въ битвѣ слышитъ,
Не ей твердыни брать, не ей смирять враговъ...
Мужичкѣ-странницѣ иные внятны звуки,
Иной съ побоищъ къ ней несется громкій зовъ —
Томящій жажды клика и вопли смертной муки.
И вотъ она въ огнѣ: визжитъ надъ ней картечь,
Рои летаютъ пуль, гранаты съ трескомъ рвутся.
Увѣчья, раны, смерть!
Но ей ли жизнь беречь?
Кругомъ мольбы и стонъ—и рѣки крови льются!
Страдальцевъ изъ огня, изъ схватки боевой,
Она уноситъ прочь, полна чудесной силы,
И жаждущихъ поитъ студеною водой,
И роетъ мертвецамъ съ молитвою могилы.
Какъ звать ее? Богъ вѣсть,—да и не все ль равно?
Лучъ славы надъ ея не блещетъ головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русскіе зовутъ ее „родною“.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Свѣтлое будущее.

Придетъ пора — исчезнетъ злоба,
Одной ликующей семьей
Подъ знамя свѣта и свободы
Стекутся мирные народы,
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ высокихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смуть жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ.

Сестра милосердія.

„И это мое ученье“!

На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на полѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!..

С. Г. Фругъ.

Нарушеніе завѣта.

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: яко же возлюбихъ вы, да и вы возлюбите себѣ (Іоан. XIII гл., ст. 34).

И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной
Медлительной, усталою стопой;
На теменп полей безплодныхъ и нѣмыхъ,
И труповъ каждую бѣлѣющую груду
Смѣняла груда тѣлъ другихъ.
Кружились стаи черныхъ птицъ,
въ своей тревогѣ жадной,
Готовыя начать въ долинѣ злобы пиръ,
И было имя той долины безотрадной—
Подлунный міръ.
И шелъ Онъ, шелъ печальною долиной,
И шелъ Онъ—праведникъ на всей землѣ единый,
Учитель кроткій и благой.
Съ понуреннымъ челомъ, закрывъ глаза рукою,
Ланиты оросивъ струею жгучихъ слезъ,
Въ себѣ, въ своей груди, измученной тоскою,
Онъ всѣ страданья міра несъ.
А въ памяти Его далекія, иныя,
Вѣка безсмертія вѣнчавшія собой,
Картины яркія и образы живые
Всплывали пестрою гурьбой...
Вставали передъ Нимъ долины Галилеи
И галилеяниnъ, вмѣстившій Божество
Въ свою земную плоть,—Сіонъ и фарисеи
И проповѣдь нагорная Его.

Любовь великая Его одушевляла—
Свѣтлѣе свѣтлыхъ звѣздъ, какъ горный снѣгъ чиста
И шествіе Его лучами озаряла
Отъ Назарета до креста.
Свершилось... Крестный путь... Голгоѳское страданье...
И пролилась людьми Божественная кровь,—
Но въ обновленный міръ еще свѣтлѣй сіянье
Лила воскресшая любовь!
Вѣка, прошли вѣка... конецъ тысячелѣтью;
Второе—новое — склонилось подъ исходъ;
И снова теменъ міръ, опутанъ старой сѣтью
Грѣховъ, проклятій и невзгодъ.
Забытъ святой завѣтъ — завѣтъ любви небесной,
И въ братьевъ мрачная вселилася вражда,—
И Богочеловѣкъ идетъ подъ ношей крестной,
Но — для послѣдняго суда!
А силы темныя крикливой стаей жадной
Давно-давно вершатъ на стогнахъ жизни пиръ,
И кровью залитой долиной безотрадной
Лежитъ весь міръ,

Аполлонъ Коринфскій.

Христіанка.

I.

Спитъ гордый Римъ, одѣтый мглою,
Въ тѣни разросшихся садовъ;
Полны глубокой тишиною
Ряды нѣмыхъ его дворцовъ.
Весенней полночи молчанье
Царитъ на сонныхъ площадяхъ;
Луны дрожащее сіянье
Въ рѣчныхъ колеблется струяхъ.
И Тибръ, блестящей полосою
Катясь межъ темныхъ береговъ,
Шумитъ задумчивой струею
Вдаль убѣгающихъ валовъ.
Въ рукахъ распятіе сжимая,
Въ сѣдыхъ стѣнахъ тюрьмы сырой
Спитъ христіанка молодая,
На грудь склонившись головой.
Безплодны были всѣ старанья
Ея суровыхъ палачей:
Ни обѣщанья ни страданья
Не сокрушили вѣры въ ней.
Безчеловѣчною душою
Судьи на смерть осуждена,
Назавтра предъ иным Судьею
Предстанетъ въ небесахъ она...
И вотъ, полна святымъ желаньемъ
Все въ жертву Богу принести,
Она идетъ къ концу страданья,
Къ концу тернистаго пути...
И снятся ей поля родныя,
Шатры лимоновъ и дубовъ,
Рѣки изгибы голубые
И юныхъ лѣтъ пріятный кровъ;
И прежнихъ мирныхъ наслажденій
Она переживаетъ дни,—
Но ни тревогъ ни сожалѣній
Не пробуждаютъ въ ней они.
На все земное безъ участья
Она привыкла ужъ смотрѣть;
Не нужно ей земного счастья,
Ей въ жизни нечего жалѣть...
И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Все, чѣмъ красна ея дорога,
Что ей свѣтило на пути.

II.

Подиявшись гордо надъ рѣкою
Дворецъ Перона мирно спитъ;
Вокругъ зеленою семьею
Рядъ стройныхъ тополей стоитъ;
Въ душистомъ мракѣ утопая,
Спокойной нѣгой дышитъ садъ;
Въ его тѣни, струей сверкая,
Ключи студеные журчатъ.
Вдали зубчатой полосою
Уходятъ горы въ небеса,

И, какъ плащомъ, одѣты мглою,
Стоятъ священные лѣса.
Все спитъ... Одинъ Альбинъ угрюмый
Стоитъ въ раздумьи у окна...
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва молодая
Къ нему на судъ приведена,
Душа проснулася живая
Отъ подавляющаго сна.
И казнь Маріи изрекая,
Дворца и Рима гордый сынъ,
Онъ, самъ того не сознавая,
Ужъ былъ въ душѣ христіанинъ.
И рѣчи узницы прекрасной
Съ вниманьемъ жаднымъ онъ ловилъ,
И свѣтъ отрадный, тихій, ясный,—
Свѣтъ вѣры душу озарилъ.
Любовь и вѣра побѣдили
Въ немъ заблужденья прежнихъ дней
И душу гордую смирили
Чудесной силою своей.

IV.

Заря блестящими лучами
Зажглась на небѣ голубомъ,
И свѣтъ огнистыми волнами
Блеснулъ причудливо кругомъ;
За нимъ, вѣнцомъ лучей сіяя,
Проснулось солнце за рѣкой
И, свѣтлымъ ликомъ выплывая,
Сверкаетъ гордо надъ землей...
Проснулся Римъ... Народъ толпами
Въ амфитеатръ, шумя, спѣшитъ,
И черни пестрыми толпами
Циркъ, полный доверху, кишитъ;
И въ ложѣ, убранной богато,
Въ пурпурной мантіи своей,
Залитый въ серебро и злато,
Сидитъ Неронъ въ кругу друзей.
Подавленъ безотрадной думой,
Альбинъ, патрицій молодой,
Какъ ночь, прекрасный и угрюмый,
Межъ нихъ сіяетъ красотой.
Толпа шумитъ нетерпѣливо
На отведенныхъ ей мѣстахъ,
Но—данъ знакъ, и дверь визгливо
На ржавыхъ подалась петляхъ,—
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Вослѣдъ за ней походкой смѣлой
Вошла, съ распятіемъ въ рукахъ,
Страдалица въ одеждѣ бѣлой,
Съ спокойной твердостью въ очахъ...
И вмигъ всеобщее движенье
Смѣнилось мертвой тишиной,
Какъ дань нѣмого восхищенья
Предъ неземною красотой.
Альбинъ, поникнувъ головою,
Весь блѣдный, словно тѣнь, стоялъ...

. . . . . .

И вдругъ предъ стихнувшей толпою
Раздался голосъ неземной:
„Въ послѣдній разъ я открываю
Мои дрожащія уста:
Прости, о Римъ, я умираю
За вѣру въ моего Христа.
И въ эти смертныя мгновенья,
Монмъ прощая палачамъ,
За нихъ послѣднія моленья
Несу я къ горнимъ небесамъ:
Да не осудитъ ихъ Спаситель
За кровь пролитую мою.
Пусть призоветъ и ихъ Учитель
Въ Свою избранную семью!
Пусть свѣточъ чистаго ученья
Въ сердцахъ холодныхъ Онъ зажжетъ
И свѣтъ любви и примиренья
Въ ихъ души мрачныя прольетъ!..“
Она замолкла,—и молчанье
У всѣхъ царило на устахъ:

Казалось, будто состраданье
Въ ихъ черствыхъ вспыхнуло сердцахъ.
. . . . . .
Вдругъ на аренѣ предъ толпою
Съ огнемъ въ очахъ предсталъ Альбинъ
И молвилъ: „Я умру съ тобой...
О Римъ, и я христіанинъ!“...

С. Я. Надсонъ.

Басни дѣдушки Крылова.

Лисица и виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ:
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя какъ яхонты горятъ,
Лишь то бѣда—висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймѣтъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою:
„Ну, что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь“.

Вопросы. Правильно ли говорила лисица про виноградъ? Почему она такъ говорила?

Лжецъ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ-быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ,—говоритъ,—что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ ни сѣетъ.
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ —
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору“.
— Что за диковина!—пріятель отвѣчалъ.—
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли, черезъ рѣку тотъ мостъ,

Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—провалится и въ воду упадетъ;
Но, кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.—
„А какова у васъ рѣка?“
— Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
Вѣдь съ гору, кажется, ты какъ сказалъ о немъ?—
„Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ“.
— Повѣрить трудно!
Однакожъ, какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо...—
„Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;
Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать ни сѣсть!“
— Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ, мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...—
„Послушай-ка, — тутъ перервалъ мой лжецъ;—
Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду“.

Задача. Передайте все то, что говорилъ лжецъ.

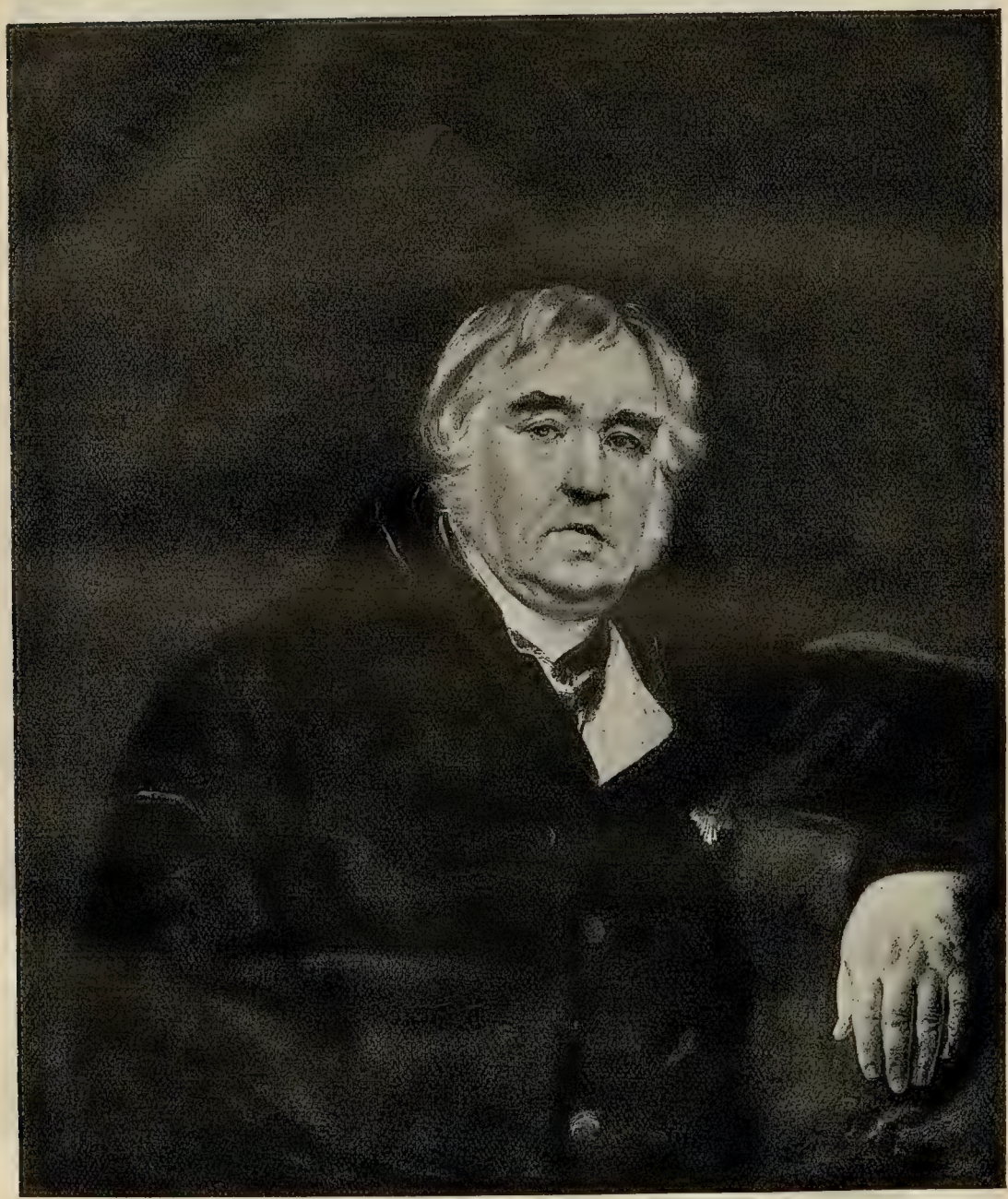
Зеркало и Обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько Медвѣдя толкъ ногой.
„Смотри-ка, — говорятъ, — кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какія у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь признайся: есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть!
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.
— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?—
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Вопросъ. Что осмѣивается въ этой баснѣ?

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.



Иванъ Андреевичъ Крыловъ.
Родился въ 1768 году, умеръ въ 1847 году.

Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?"
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ,
На тысячу ладовъ тянулъ, переливался;
То пѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью [1]) отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры [2]):
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно! — говоритъ. — Сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился".
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Вопросъ. Какихъ людей нужно разумѣть подъ Осломъ?

Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать
И, правду-истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ
И насъ какъ будто бы простыхъ гусей гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!"
— А вы хотите быть за что отличены?—
Спросилъ прохожій ихъ. „Да наши предки..."—Знаю
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли? —
„Да наши предки Римъ спасли!"
— Все такъ, да вы что сдѣлали такое?—
„Мы? Ничего!" — Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ подѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

[1]) Свирѣль—музыкальный инструментъ.
[2]) Аврора—утренняя заря.

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ,
Пожалуйста, покушай!“
— Сосѣдушка, я сыть по горло.—
„Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей же ей, на славу сварена!“
— Я три тарелки съѣлъ. — „И, полно, что за счеты,
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она!
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку!.. Да кланяйся, жена!“
Такъ потчевалъ сосѣдь-Демьянъ сосѣда-Фоку
И не давалъ ему ни отдыху ни сроку,
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой —
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!
Вскричалъ Демьянъ. — Зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись.
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка.
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Чижъ и Голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня,
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался;
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
„Не стыдно ль,—говоритъ,—средь бѣла дня попался!
Не провели бы такъ меня,
За это я ручаюсь смѣло“.
Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ сплокъ! И дѣло:
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая:
За шкуру онъ свою дрожалъ,—
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.

Онъ радъ бы въ первыя тутъ
шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ: „Васенька, мой другъ,
скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ мо-
ихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страш-
ный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной". — Проси
скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ, — котъ-
Васька говоритъ.
„То такъ, да у него я ободралъ
барана".
— Ну, попытайся жъ у Демьяна.—
„Боюсь, что на меня и онъ сер-
дитъ:
Я у него унесъ козленка".
— Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ
Трофимъ.—
„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и
встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится
за ягненка!"
— Ну, плохо жъ! Но, авось, тебя
укроетъ Климъ!—
„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я
теленка!"
— Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ
деревнѣ насолилъ!—
Сказалъ тутъ Васька Волку.—
Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь
сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не
столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли
они.
И правы—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни.

Пустынникъ и Медвѣдь.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный,
одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко
ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить
не всякій.
Утѣшно намъ и грусть и радость
раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а тем-
ная дубрава,
Пригорки, ручейки и мурава шел-
кова?"
Прекрасны, что и говорить,
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ
молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Случилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у
сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство
свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ
Медвѣдемъ онъ,
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ — поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И слово за слово знакомятся они.
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало раз-
говору,
Иль присказокъ иль шуточекъ ка-
кихъ.
И какъ бесѣда шла у нихъ, —
Я по сію не знаю пору;
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ,
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ
очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.

Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тоскнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ Медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный,
Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ соснн,
А я постерегу тебя здѣсь у досугу".
Пустынникъ былъ сговорчивъ:
легъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла,
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя, вострухуу!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

Задача. Выразите главную мысль басни кратко. Подберите пословицу къ баснѣ.

Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась,
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ наслонялась,
Въ сору, въ навозѣ извалялась,
Въ помояхъ по уши досыта накупалась
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
„Ну, что жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?—
Свинью спросилъ пастухъ.—
Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого".
Хавронья хрюкаетъ: „Ну, право, порятъ вздоръ,
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ".

Вопросы. Правильно ли судила свинья про барскій домъ? Почему она такъ судила? Какая разница въ разсужденіи свиньи про барскій дворъ и лисицы про виноградъ?

Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А отъ людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки,
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ оближетъ.—

Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тфу, пропасть!—говоритъ она.—
И тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ
врякъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ".
Мартышка тутъ съ досады и съ
печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Вопросъ. Какихъ людей разумѣетъ авторъ подъ Мартышкой, не умѣвшей обращаться съ очками.

Квартетъ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ [1]).
Достали нотъ, баса, альта, двѣ
скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ
свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а
толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой! — кричитъ
Мартышка.—Погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не
такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись
противъ альта.
Я, прима, сяду противъ вторы!
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!"
Разсѣлись, начали квартетъ;
Опъ все-таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте жъ, я сыскалъ се-
кретъ!—
Кричитъ Оселъ.—Мы, вѣрно, ужъ
поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ".
Послушались Осла: усѣлись чинно
въ рядъ,
А все-таки квартетъ нейдетъ на
ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ
разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ
прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему,
чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;
„Пожалуй,—говорятъ,—возьми на
часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ
привесть:
И ноты есть у насъ и инстру-
менты есть.
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!"
— Чтобъ музыкантомъ быть, такъ
надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,—
Имъ отвѣчаетъ Соловей. —
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

Задача. Выразите главную мысль басни кратко.

Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ
дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и
не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же
трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ
И слышно за версту проказу;
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное
число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попро-
сить совѣта
И говоритъ: „Сосѣдъ, что за при-
чина эта?
Деревья-таки я ломать могу,

[1]) Квартетъ—музыкальная пьеса, которую исполняютъ сразу на четырехъ инструментахъ.

А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?"
— Въ томъ,—отвѣчалъ сосѣдъ,—
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.

Двѣ собаки.

„Дворовый вѣрный песъ,
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣвъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ,
Къ ней ластятся, какъ будто бы къ родиѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
„Ну, что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?"
— На счастье грѣхъ роптать,—
Жужутка отвѣчаетъ.—
Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ:
Живу въ довольствѣ и добрѣ
И ѣмъ и пью на серебрѣ.
Рѣзвлюся съ барином, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану...
Ты какъ живешь?—„Я,—отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ.—
Живу попрежнему: терплю и холодъ
И голодъ.
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь, подъ заборомъ, сплю и мокну подъ дождемъ:
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?" — Чѣмъ служишь? Вотъ прекрасно!
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу. —
На заднихъ лапкахъ я хожу.

Прудъ и Рѣка.

„Что это,—говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ: —
Какъ на тебя ни взгляпешь,
А воды все твои текутъ!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки:
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ.
Но картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ.
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ;
Да это, право, все пустое!
Зато я въ плистыхъ и мягкихъ берегахъ.
Какъ барыня въ пуховикахъ.
Лежу и въ негѣ и въ покоѣ;
Не только что судовъ или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каковъ тяжелъ
челнокъ.
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется
листокъ,
Когда его ко мнѣ забросить вѣ-
терокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь
такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету
мірскую—
И философствую сквозь сонъ".
— А философствуя, ты помнишь
ли законъ,—
Рѣка на это отвѣчаетъ,—
Что свѣжесть лишь вода движень-
емъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши
покой,
Послѣдую сему уставу;
Зато по всякій годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь
вхожу и въ славу,
И буду, можетъ-быть, еще я вѣки
течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ
поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ
рѣчь.—
Слова ея сбылись: она течетъ по-
нынѣ,
А бѣдный прудъ годъ отъ году
все глохъ,
Заволочетъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Вопросъ. Кого нужно разумѣть подъ Прудомъ и кого подъ Рѣкой?

Пословицы русскаго народа.

1) Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. 2) Передъ Богомъ всѣ равны. 3) На Бога надѣйся, а самъ не плошай! 4) Кто добро творитъ, того Богъ благословитъ. 5) Кто сирыхъ напитаетъ, тотъ Бога знаетъ. 6) Не проси у богатаго, проси у тороватаго. 7) Дождикъ вымочитъ, а красно солнышко высушитъ. 8) Добрый человѣкъ лучше каменнаго моста. 9) Торопись на доброе дѣло, а худое само приспѣетъ. 10) Ласково слово, что весенній день. 11) Чужую бѣду на бобахъ разведу, а къ своей и ума не приложу. 12) Не до шутокъ рыбкѣ, коли крючкомъ подъ жабру хватаютъ. 13) Лучше съ убыткомъ торговать, чѣмъ съ барышомъ воровать. 14) Что посѣяно, то и взойдетъ. 15) Правда свѣтлѣе солнца. 16) Правда дороже золота. 17) Безъ правды не живутъ люди, а только маятся. 18) Правду говори, что дрова руби. 19) На кнутѣ далеко не уѣдешь. 20) Не налагай гнѣвъ, наложи милость. 21) Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. 22) Незнаніемъ закона никто не отговаривайся! 23) Ѣдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю! 24) Умный товарищъ — половина дороги. 25) Рыбамъ вода, птицамъ воздухъ, а человѣку земля. 26) Съ родной сторонки и ворона мила. 27) На родной сторонѣ и камешекъ знакомъ. 28) На чужой сторонѣ и весна не красна. 29) Русскій человѣкъ хлѣбъ-соль водитъ. 30) Золотое время — молодыя лѣта. 31) Не смѣйся надъ старымъ, и самъ будешь старъ. 32) Стараго воробья на мякинѣ не обманешь. 33) Глупому сыну не въ помощь наслѣдство. 34) Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ. 35) Братская любовь пуще каменныхъ стѣнъ. 36) Здоровье дороже богатства. 37) Гласъ народа—гласъ Божій. 38) Семеро одного не ждутъ. 39) Малъ языкъ, да всѣмъ

тѣломъ владѣетъ. 40) Сперва подумай, а тамъ и скажи! 41) Кто грамотѣ горазд, тому не пропасть. 42) Побольше грамотныхъ, поменьше дураковъ. 43) Написано перомъ, не вырубить и топоромъ. 44) Наука учитъ только умнаго. 45) Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ. 46) Гдѣ умъ, тамъ и толкъ. 47) И сила уму уступаетъ. 48) Доброта безъ разума пуста. 49) Чужимъ умомъ въ люди не выйдешь. 50) Живи всякъ своимъ умомъ! 51) Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего. 52) Муравей не великъ, а горы конаетъ. 53) Долгъ платежомъ красенъ. 54) Съ міру по ниткѣ—голому рубаха. 55) Капля по каплѣ и камень долбитъ. 56) 57) Не тѣснота губитъ, а лихота. 58) Безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ изба не становится. 59) Четыре угла дому на строеніе, четыре времени году на совершеніе. 60) Хозяинъ добръ и домъ хорошъ; хозяинъ худъ и въ домѣ то жъ. 61) Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. 62) Домъ красится хозяиномъ. 63) Безъ хозяина домъ — сирота. 64) И мышь въ свою норку тащитъ корку. 65) Дитя хоть и криво, да отцу-матери мило. 66) Легко чужими руками жаръ загребать. 67) Что городъ, то норовъ; что деревня, то обрядня; что дворъ, то говоръ. 68) Цыплятъ по осени считаютъ. 69) Уговорецъ родной братецъ всѣмъ дѣламъ. 70) Живи просто, выживешь лѣтъ со сто. 71) Береги платье снова, а честь смолоду! 72) Чужой бѣдой сытъ не будешь. 73) Не стыдно молчать, когда нечего сказать. 74) Добрая слава въ углу сидитъ, худая слава по дорожкѣ бѣжитъ. 75) Не ищи красоты, ищи доброты. 76) Гордымъ быть, глупымъ слыть. 77) Спесивый высоко мостится, да низко ложится. 78) Гдѣ любовь, тутъ и Богъ. 79) Умъ истиною просвѣтляется, сердце любовью согрѣвается. 80) Одна головня и въ полѣ гаснетъ, а ворошокъ курится. 81) Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ. 82) Не куни деревни, куни сосѣда. 83) Худое дѣло обидѣть сосѣда. 84) Хорошій гость хозяину въ почетъ. 85) Хлѣбъ-соль на столѣ, а руки свои. 86) Хлѣбъ всему голова. 87) За обѣдомъ соловей, а послѣ обѣда воробей. 88) Мельница сильна водой, а человѣкъ—ѣдой. 89) Для чашниковъ да бражниковъ бываетъ много праздниковъ. 90) Лѣнивому всегда праздникъ. 91) На праздникъ и у комара сусло. 92) Январь — году начало, зимѣ середка. 93) Февраль воду подпуститъ, мартъ подберетъ. 94) Въ мартѣ курица изъ лужицы напьется. 95) Въ апрѣлѣ земля прѣетъ. 96) Мѣсяцъ май — коню сѣна дай, а самъ на печь полѣзай. 97) Мѣсяцъ іюнь ау. Закромы въ амбарахъ пусты. 98) Іюль—макушка лѣта, сѣнозарникъ, страдникъ. 99) Въ августѣ мужику три заботы: и косить, и пахать, и сѣять. 100) Въ сентябрѣ одна ягода, и то горькая рябина. 101) Октябрь ни колеса ни полоза не любитъ. 102) Козьма-Демьянъ 1-го ноября съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ. 103) Декабрь годъ кончаетъ, зиму начинаетъ. 104) Господь повелѣлъ отъ земли кормиться. 105) Рожь говоритъ: „Сѣй меня въ золу, да въ пору!“ Овесъ говоритъ: „Топчи меня въ грязь, буду князь!“ 106) Лѣто припасиха, а зима подбериха. 107) Въ осень и у вороны копна,

не только у тетерева. 108) Въ осень и у воробья пиво. 109) Береги носъ въ большой морозъ. 110) Весной безпольице, лѣтомъ страдныя работушки, осень бездоржица, зимой зимушка студеная.

Задачи. Выпишите пословицы: 1) объ ученьѣ, 2) о родинѣ, 3) о правдѣ, 4) о трудѣ, 5) о дружбѣ, 6) о временахъ года.

Загадки.

1) Летитъ орелъ, во рту огонь, по концецъ хвоста человѣчья смерть. 2) Есть поле сіянское, въ немъ много скота монастырскаго, одинъ пастухъ, словно ягодка. 3) Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица. 4) Поутру въ сажень, въ полдень съ пядень, а къ вечеру черезъ поле хватаетъ. 5) Выросло дерево отъ земли до неба, на этомъ деревѣ 12 сучковъ, на каждомъ сучкѣ по 4 кошеля, въ каждомъ кошелѣ по семи яицъ, а седьмое красное. 6) Стучитъ, гремитъ, вертится, ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ. 7) Безъ рукъ, безъ ногъ, подъ окномъ стучитъ, въ избу просится. 8) Тонокъ, дологъ, голенастъ, а въ травѣ не видать. 9) Скатерть бѣла, весь свѣтъ одѣла.—Летитъ—молчитъ, сядетъ—молчитъ, а помретъ да сгніетъ, такъ и зареветъ. 10) Вечеромъ наземь слетаетъ, ночь на землѣ пребываетъ, утромъ опять улетаетъ. 11) Я не самъ по себѣ, а сильнѣе всего и страшнѣе всего, и всѣ любятъ меня и всѣ губятъ меня. 12) Ѣду-ѣду,—слѣду нѣту; рѣжу-рѣжу,—крови нѣту; рублю-рублю,—щепокъ нѣту. 13) Въ землѣ родился, въ огнѣ крестился, на воду палъ, весь пропалъ. 14) Лежитъ брусъ, во всю Русь, а станетъ, до неба достанетъ. 15) Самъ не видитъ, а другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счетъ знаетъ. 16) Зимой и лѣтомъ однимъ цвѣтомъ. 17) Около гладко, въ серединѣ сладко, про ту сласть есть у насъ снасть. 18) Маленькій, удаленькій, сквозь землю прошелъ, красну шапочку нашелъ. 19) Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ. 20) Сидитъ дѣдъ, многими шубы одѣтъ: кто его раздѣваетъ, тотъ самъ слезы проливаетъ. 21) Ни окошекъ ни дверей, полна горница людей. 22) Самъ алый, сахарный, кафтанъ зеленый, бархатный. 23) Антипка низокъ, на немъ сто ризокъ. 24) Маленькій, горбатенькій, все поле обскакалъ. 25) Рѣжутъ меня, вяжутъ меня, бьютъ нещадно, колесуютъ—пройду огонь и воду, и концецъ мой—ножъ и зубы. 26) Два братца вѣкъ бѣгутъ, два братца вѣкъ нагоняютъ. 27) Поднять можно, а черезъ избу перекинуть нельзя. 28) Летитъ птичка-гоголекъ черезъ Божій теремокъ; сама себѣ говоритъ: моя силка горитъ.

Разгадки вразбивку. Небо, звѣзды и мѣсяцъ. Ружье. Тѣнь. Годъ. Небеса и солнце. Вѣтеръ. Часы. Снѣгъ. Дождь. Вода. Огонь. Роса. Верстовой столбъ. Дорога. Соль. Грибъ. Орѣхъ. Сосна. Лукъ. Морковь. Арбузъ. Огурецъ. Хлѣбъ. Серпъ. Кочанъ капусты. Пчела и свѣча. Колеса. Пухъ.

Задачи. Выпишите загадки: 1) о животныхъ; 2) о временахъ года; 3) о земледѣльческихъ орудіяхъ; 4) о растеніяхъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

I.

Двѣнадцатаго августа 18.. года, ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра, Карлъ Ивановичъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой—изъ сахарной бумаги на палкѣ—по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Ивановича. Онъ же въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

„Положимъ,—думалъ я,—я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? Вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня; а я меньше всѣхъ: оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь,—прошепталъ я,—какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... Противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка—какіе противные!“

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисеромъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа повернулся къ намъ.

— Вставайте, вставайте, дѣти! Пора! Мама уже въ залѣ!—крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Ивановичъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки.

— Ну, ну, лѣнивецъ!—говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запря-

талъ голову подъ подушки, изъ всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.

— Ахъ, оставьте, Карлъ Иванович!—закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Ивановичъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?.. Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Ивановича и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто maman умерла и ее несутъ хоронить. Все я это выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокоивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Ивановичъ оставилъ меня, и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай, маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окно, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьезный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

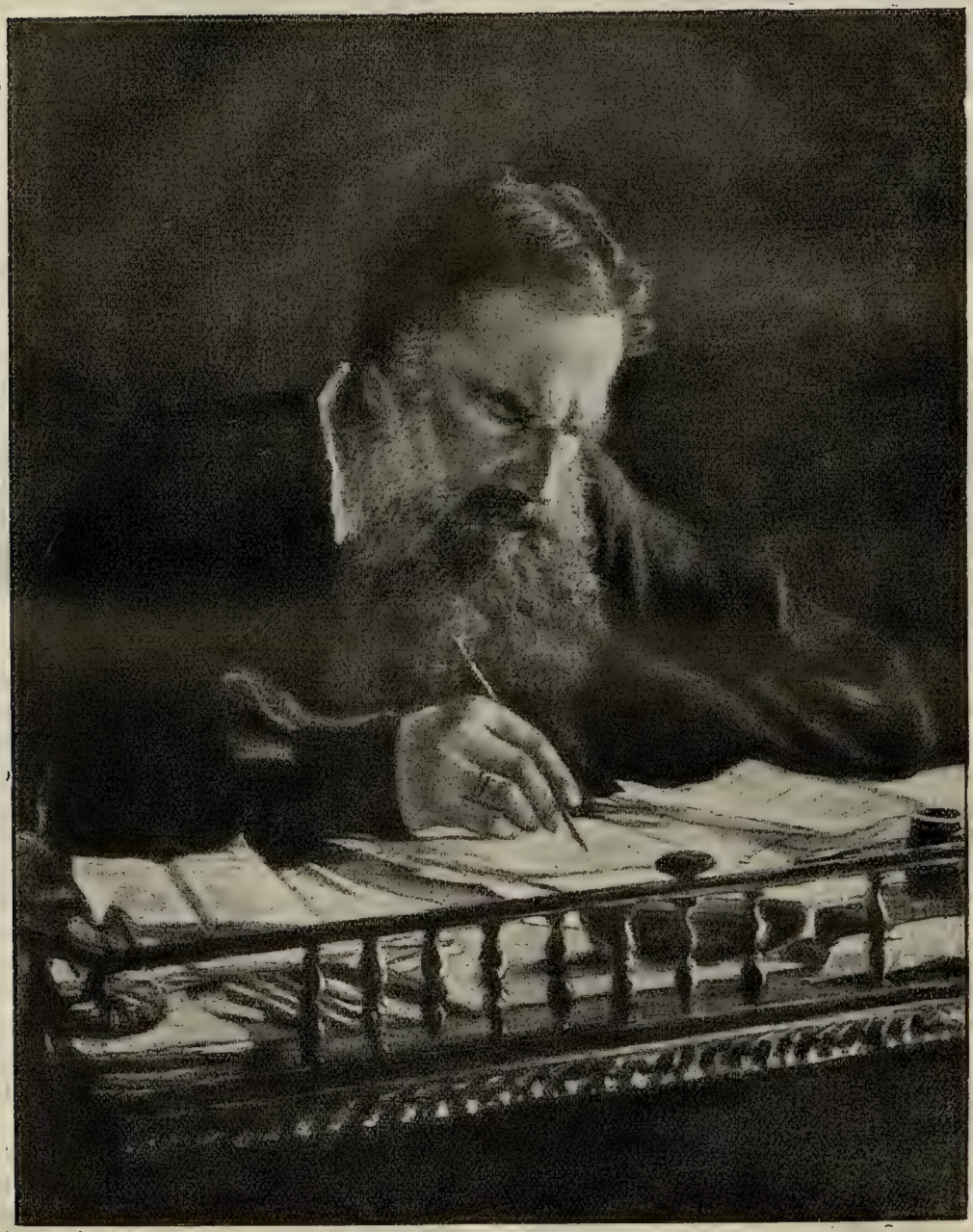
— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

— Скоро ли вы будете готовы? — послышался изъ классной голосъ Карла Ивановича.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Ивановичъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и, еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Ивановичъ съ очками на носу и книгой въ рукѣ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна — наша, дѣтская, другая — Карла Ивановича, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги— учебныя и неучебныя; однѣ стояли, другія лежали.



Левъ Николаевичъ Толстой.
Родился въ 1828 году.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это—кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь вижу я передъ собой длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшій тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ кресель; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка, зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Ивановича совѣсть чиста и душа покойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь — Карлъ Ивановичъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ орлиномъ носу; голубые полузакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно его равномѣрное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: „бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ—одинъ-одинешенекъ и никто его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ сирота. И исторія его жизни какая ужасная! Я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю—ужасно быть въ его положеніи!“ И такъ жалко станетъ, что, бывало, подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: „lieber Карлъ Иванычъ!“ Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ; всегда приласкаетъ, и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — новенькая, *собственная,* употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками — маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: „забылъ про меня Карлъ Ивановичъ: ему, должно-быть, покойно

сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, а каково мнѣ?“ И начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю—право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванною черною клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашеныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой—стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ—лѣсъ; далеко видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Ивановичъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: „когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю?“ Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Ивановичъ сердится за ошибки.

Карлъ Ивановичъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстукъ и повелъ насъ внизъ здороваться съ матушкой.

II.

Матушка сидѣла въ гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайникъ, другою—кранъ самовара, изъ котораго вода текла черезъ верхъ чайника на поднось. Но хотя она смотрѣла пристально, она не замѣчала этого, не замѣчала того, что мы вошли.

Такъ много возникаетъ воспоминаній прошедшаго, когда стараешься воскресить въ воображеніи черты любимаго существа, что сквозь эти воспоминанія, какъ сквозь слезы, смутно видишь ихъ. Это слезы воображенія. Когда я стараюсь вспомнить матушку такою, какою она была въ это время, мнѣ представляются только ея каріе глаза, выражающіе всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шеѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ вьются маленькіе волоски, шитый бѣлый воротничокъ, нѣжная сухая рука, которая такъ часто меня ласкала и которую я такъ часто цѣловалъ; но общее выраженіе ускользаетъ отъ меня.

Налѣво отъ дивана стоялъ старый англійскій рояль; передъ роялемъ сидѣла черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодною

водой пальчиками, съ замѣтнымъ напряженіемъ разыгрывала этюды. Подлѣ нея, вполоборота сидѣла Марья Ивановна въ чепцѣ съ розовыми лентами, въ голубой кацавейкѣ и съ краснымъ сердитымъ лицомъ, которое приняло еще болѣе строгое выраженіе, какъ только вошелъ Карлъ Ивановичъ.

Карлъ Ивановичъ, не обращая на это ровно никакого вниманія, по своему обыкновенію, съ нѣмецкимъ привѣтствіемъ подошелъ прямо къ ручкѣ матушки. Она опомнилась, тряхнула головой, какъ будто желая этимъ движеніемъ отогнать грустныя мысли, подала руку Карлу Ивановичу и поцѣловала его въ морщинистый високъ, въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку.

— Хорошо ли спали дѣти?

Карлъ Ивановичъ былъ глухъ на одно ухо, а теперь отъ шума за роялемъ вовсе ничего не слыхалъ. Онъ нагнулся ближе къ дивну, оперся одной рукой о столъ, стоя на одной ногѣ, и съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась верхомъ утонченности, приподнялъ шапочку надъ головой и сказалъ:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карлъ Ивановичъ, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снималъ красной шапочки, но всякій разъ, входя въ гостиную, спрашивалъ на это позволенія.

— Надѣньте, Карлъ Иванович... Я васъ спрашиваю, хорошо ли спали дѣти? — сказала maman, подвинувшись къ нему и довольно громко.

Но онъ опять ничего не слыхалъ, прикрылъ лысину красною шапочкой и еще милѣе улыбался.

— Постойте на минутку, Мими,—сказала maman Марьѣ Ивановнѣ съ улыбкой: — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, какъ ни хорошо было ея лицо, оно дѣлалось несравненно лучше, и кругомъ все какъ будто веселѣло. Если бы въ тяжелыя минуты жизни я хоть мелькомъ могъ видѣть эту улыбку, я бы не зналъ, что такое горе. Мнѣ кажется, что въ одной улыбкѣ состоитъ то, что называютъ красотою лица: если улыбка прибавляетъ прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не измѣняетъ его, то оно обыкновенно; если она портитъ его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мной, maman взяла обѣими руками мою голову и откинула ее назадъ, потомъ посмотрѣла пристально на меня и сказала:

— Ты плакалъ сегодня?

Я не отвѣчалъ. Она поцѣловала меня въ глаза и спросила:

— О чемъ ты плакалъ?

— Это я во снѣ плакалъ, maman, — сказалъ я, припоминая со всѣми подробностями выдуманный сонъ и невольно содрогаясь при этой мысли.

Разлука.

Въ двѣнадцатомъ часу утра коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по-дорожному, то-есть штаны были всунуты въ сапоги и старый сюртукъ туго-натуго подпоясанъ кушакомъ. Онъ стоялъ въ бричкѣ и укладывалъ шинели и подушки подъ сидѣнье; когда оно ему казалось высоко, онъ садился на подушки и припрыгивая обминалъ ихъ.

— Сдѣлайте божескую милость, Николай Дмитричъ, нельзя ли къ

вамъ будетъ баринову щикатулку положить?—сказалъ запыхавшійся камердинеръ папа, высовываясь изъ коляски,—она маленькая...

— Вы бы прежде говорили, Михей Иванычъ,—отвѣчалъ Николай скороговоркой и съ досадой, изо всѣхъ силъ бросая какой-то узелокъ на дно брички.—Ей-Богу, голова и такъ кругомъ идетъ, а тутъ еще вы съ вашими щикатулками,—прибавилъ онъ, приподнявъ фуражку и утирая съ загорѣлаго лба крупныя капли пота.

Дворовые мужчины въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ; женщины въ затрапезахъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ — сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ, державъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой, видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ красными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепейникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурые кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо, положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же вожжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку, даже, чтобы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовыя разномастныя, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Одинъ изъ нихъ, выставляя свои косматыя, оплывшія ноги, жмурили глаза и дремали; другія отъ скуки чесали другъ друга или щипали листья и стебли жесткаго темно-зеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ—однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? Кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Иванычемъ? И для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

„Что я за нѣжёнка? Авось, не замерзну. Хоть бы поскорѣй это все кончилось. Сѣсть бы и ѣхать“.

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать?—сказала вошедшая съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ Наталья Саввишна, обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе; но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя, замѣтно, не интересовали ни того ни другого: что нужно купить для дома? Что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ: „кушать готово“, остановившись у притолоки, сказалъ: „Лошади готовы“. Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло—„какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь“.

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула, и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Саввишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь, вижу я плѣшивую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сгорбленную добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ, и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ!—сказалъ папа,—вѣдь не навѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно! — сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все, и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что, полагая, что она теперь обратится ко мнѣ, я совался впередъ, но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ „пожалуйте ручку - съ“, звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ отвращенію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Саввишну, когда она, вся въ слезахъ, прощалась со мной.

Странно то, что я, какъ теперь, вижу всѣ лица дворовыхъ, и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія, можетъ-быть, оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на

нее. Мнѣ казалось, что, если бъ я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

„Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?.. Ну, въ послѣдній разъ!“ сказалъ я самъ себѣ, и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы стукнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко-крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствіе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами—заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на плеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы; заглянулъ даже на козлы, чтобъ узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которою я разстался, можетъ-быть, навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили—кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

„Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими — и ту жалко. Все, все жалко! А бѣдная maman?“ И слезы опять навертывались на глаза; но не надолго.

Л. Н. Толстой.

Перепелка.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

Дѣло было лѣтомъ. Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ въ южной Россіи. Кругомъ хутора на нѣ-

сколько верстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя, зеленыя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ овраговъ; кой-гдѣ подъ самой кручью виднѣлись роднички съ чистой, какъ слеза, водою; къ нимъ вели протоптанныя тропинки, и возлѣ воды на сырой грязцѣ перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрьковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ, и какъ только не былъ занятъ по хозяйству—и погода стояла хорошая—онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Онъ часто бралъ меня съ собою... Большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ черезъ плечо фляжку, и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ сапоги; но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ, и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ — такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора—съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ. Но отецъ объявилъ мнѣ, что раньше двадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ, и ружье онъ мнѣ дастъ одноствольное, и стрѣлять позволитъ только жаворонковъ. Этихъ жаворонковъ въ нашихъ мѣстахъ водилось множество; бывало, въ хорошій солнечный день цѣлые десятки ихъ вились на ясномъ небѣ, поднимаясь все выше и выше и звеня, какъ колокольчики. Я глядѣлъ на нихъ, какъ на свою будущую добычу, и прицѣливался въ нихъ палочкой, которую носилъ на плечѣ замѣсто ружья. Попасть въ нихъ очень легко, когда они въ двухъ, трехъ аршинахъ отъ земли останавливаются въ воздухѣ и трепещутся, прежде чѣмъ вдругъ плюхнуть въ траву.

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту, подъ самый Петровъ день. Въ то время молодыя куропатки еще малы бываютъ, отецъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно, и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. Когда я ходилъ туда съ сестрой или съ горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ: я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: „пиль!“ и изъ-подъ самаго носа Трезора выскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю, точно она была раненая, или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею... Онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ: онъ боялся, что зацѣ-

пить дробью собаку. И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ—и цапъ! схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. Я подскочилъ. „Что это, — говорю, — она раненая была?“ — „Нѣтъ, — отвѣтилъ мнѣ отецъ: — она не была раненая; а у ней, должно-быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать“.—„Для чего же она это дѣлаетъ?“ спросилъ я. — „А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла: ужъ слишкомъ притворилась, и Трезоръ ее поймалъ“. — „Такъ она не раненая?“ спросилъ я опять. „Нѣтъ... но живой ей не быть... Трезоръ ее, должно-быть, давнулъ зубомъ“. Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку, и глядѣла на меня съ боку своимъ каримъ глазкомъ. И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: „За что я умирать должна? За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла; маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше — и вотъ попалась! Бѣдняжка я! Бѣдняжка! Несправедливо это! Несправедливо!“

„Папаша, -сказалъ я.—да, можетъ-быть, она не умретъ“... и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: „Нѣтъ! Вотъ посмотри: у ней сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза“. Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза, я заплакалъ. „Чему ты?“ спросилъ отецъ и засмѣялся. „Жаль мнѣ ее,—сказалъ я.—Она долгъ свой исполняла, а ее убили! Это несправедливо“.—„Она схит-

рить хотѣла, — отвѣтилъ мнѣ отецъ.—Только Трезоръ ее перехитрилъ". — „Злой Трезоръ! — подумалъ я... да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ не добрымъ.—Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать—такъ не слѣдовало Трезору ее поймать!" Отецъ хотѣлъ было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется ли она? Однако она не шевелилась. „Напрасно, братъ,—сказалъ отецъ,—ее не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается". Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку, головка опять упала. „Тебѣ все ее жаль?" спросилъ меня отецъ. „А кто же маленькихъ кормить будетъ?" спросилъ я въ свою очередь. Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня. „Не безпокойся,—говоритъ,—самецъ-перепелъ, отецъ ихъ, выкормитъ. Да вотъ постой,—прибавилъ онъ:—никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ... Ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть".

И точно... въ травѣ въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды тѣсно, рядышкомъ лежали четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки,—и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышатъ... точно дрожатъ! А ужъ оперились; пуху на нихъ нѣтъ, только хвостики еще очень короткіе. „Папа! Папа!—закричалъ я благимъ матомъ.—Отзови Трезора! А то онъ ихъ тоже убьетъ!"

Отецъ крикнулъ на Трезора и, отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать; вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку... „Смотрите, молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!" Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу. „Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку?" спросилъ я его. „Изволь. Но что ты хочешь съ ней дѣлать?" — „Я хочу ее похоронить!" — „Похоронить?!" — „Да; возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ; я ей могилочку вырою". Отецъ удивился. „Чтобъ дѣтки къ ней на могилку ходили?" спросилъ онъ. „Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — а такъ... мнѣ хочется. Ей будетъ тутъ хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда!" Отецъ ни слова не промолвилъ; досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку, поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку— и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. Скоро мы съ отцомъ пошли дальше; но я все оглядывался... Крестъ былъ бѣленькій и далеко видѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я на небѣ; и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у ней маленькій золотой вѣнчикъ; и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала.

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился. Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ

ихъ увелъ, ихъ отецъ; и когда въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ... И я подумалъ: „Нѣтъ, папа добрый!“

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ, и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье! Однако, когда я выросъ, я тоже началъ стрѣлять; но настоящимъ охотникомъ никогда не сдѣлался. Вотъ еще, что меня отучило.

Разъ мы вдвоемъ съ товарищемъ охотились на тетеревовъ. Нашли выводокъ. Матка вскочила, мы выстрѣлили и попали въ нее; но она не упала, а полетѣла дальше, вмѣстѣ съ молодыми тетеревятами. Я было хотѣлъ пойти за ними, но товарищъ сказалъ мнѣ: „Лучше здѣсь присѣсть и подманить ихъ... всѣ сейчасъ здѣсь будутъ“. Товарищъ отлично умѣлъ свистать, какъ свищутъ тетерева. Мы присѣли; онъ сталъ свистать. И точно: сперва одинъ молодой откликнулся, потомъ другой, и вотъ слышимъ мы: сама матка квохчетъ, да нѣжно такъ и близко. Я приподнялъ голову и вижу; сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшитъ, спѣшитъ, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце! И тутъ я самому себѣ показался такимъ злодѣемъ!.. Всталъ и захлопалъ въ ладоши. Тетерка тотчасъ же улетѣла, и молодые затихли. Товарищъ разсердился; онъ за сумасшедшаго меня счелъ... „Ты, молъ, испортилъ всю охоту!“

Но мнѣ съ того дня все тяжелѣй и тяжелѣй стало убивать и проливать кровь.

И. С. Тургеневъ.

Бѣжинъ лугъ.

I.

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія бѣлыя лохматыя собаки съ злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, из-

рѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозняка и разомъ исчезнетъ; острыя длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Кругомъ не слышалось почти никакого шума...

Тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не-могли примириться съ моимъ

присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня.

II.

Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились „картошки“. Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все также напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Илюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что жъ ты такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя,—отвѣчалъ Илюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица,— а слышалъ... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? — спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ [1]).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— А какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ [2]).

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михеевскимъ, да съ Ивашкой косымъ, да съ другимъ Ивашъ-

[1]) „Рольней“ и „черпальней“ на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины подъ колесомъ.

[2]) „Лисовщики“ гладятъ, скоблятъ бумагу.

кой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять — какъ есть вся смѣна. Ну, а пришлося намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надемотрщикъ, запретилъ, говорить: что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться: завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что, молъ, ребята, ну, какъ домовой придетъ?.. И не успѣлъ онъ, Авдей-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ: застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то [1]) спущены. Дивимся мы: кто жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла: однако колесо повертѣлось, повертѣлось, да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ,—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ—ничего... Вдругъ, глядь у одного чана форма [2]) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

— Вишь, какъ! — промолвилъ Павелъ. — Чего жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

III.

— А что, — спросилъ Ѳедя, — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула,—прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки,— должно-быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся, наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься,—и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго-долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ острымъ хохотомъ, и слабый шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! — шепнулъ Илья.

[1]) „Дворцомъ“ называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

[2]) Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

— Эхъ вы, вороны!—крикнулъ Павелъ. — Чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Что же ты? — сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, — началъ Илюша, — что намеднись у насъ, на Варнавицахъ, приключилось?

— На плотинѣ-то? — спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ уже нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли [1]) водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ-быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ— бугорочекъ... Вотъ, на дняхъ, зоветъ приказчикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ они у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмеленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: семъ, возьму его, что ему тутъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять; барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то, псарю: что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить, говорить: „Бяша, бяша!“ А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы да ему тоже: „Бяша, бяша“...

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!..“ Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра и, уцѣпившись

[1]) По-орловскому: змѣи.

за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ же сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? Что такое?—спросили мальчики.

— Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь:—такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ, волкъ,—прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

IV.

Я невольно полюбовался Павлушей, онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!“ думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? — спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много,—отвѣчалъ Павелъ,—да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикурнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣлый голубокъ налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать, отъ дома отбился,—замѣтилъ Павелъ.—Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, — промолвилъ Костя,—не праведная ли это душа летѣла на небо? Ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ-быть,—проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, Павлуша,—началъ Ѳедя,—что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное? [1])

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же!

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи. „Кому теперь ѣсть,—говоритъ,—наступило свѣтопреставленіе“. Такъ шти и потекли. А у насъ, на деревнѣ, такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самаго Тришку [2]) увидятъ.

---

[1]) Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затменіе.

[2]) Въ повѣрьѣ о „Тришкѣ“, вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь!—съ жаромъ подхватилъ Илюша. — Ну, братъ, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ, въ деревнѣ, сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ, такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ; такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять христіане: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ — такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ; ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай, какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладоши затренещется — онѣ съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христіанскій... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну-да,—продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ,— такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ— вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: „Ой, Тришка идетъ! Ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой да черезъ плетень да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дороѳеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „Авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубъ пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились!.. А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

V.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... „Что это?“

— Это цапля кричитъ, — спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля,—повторилъ Костя.— А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного,—ты, можетъ-быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ—знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью [1]) выходитъ,—

[1]) Сугибель—крутой поворотъ въ оврагѣ.

тамъ вѣдь есть бучило[1]); знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Чего бы это такое было? Ась?

— Въ этомъ бучилѣ въ запрошломъ лѣтѣ Акима-лѣсника утопили воры, — замѣтилъ Павлуша,—такъ, можетъ-быть, его душа жалобится.

— А вѣдь и то, братцы мои,— возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза. — Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія,—продолжалъ Павелъ, — которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? Ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой.)— Экъ ее! — невольно произнесъ Костя.—Словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ— нѣмой, — подхватилъ Илюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ,..

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? — насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть, но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ-водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился.

[1]) Бучило—глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ.

— Эхъ, ты!—воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами.—Пфу!..

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась?—замѣтилъ Павелъ.— Право!

— Не бранись: смотри, услышитъ,—замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте на Божьи звѣздочки, что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

VI.

Мальчики пріутихли. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Чего это?—спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда жъ они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— Развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза...

Ужъ болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: утро зачиналось. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня. Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки.

И. С. Тургеневъ.

Задача. Составьте планъ.

Сохачъ.

„Переломъ“ зимы на весну всегда вызывалъ въ Сохачѣ какую-то смутную тревогу, какъ у человѣка, который собирается куда-то въ далекій путь. Ему казалось, что и кругомъ разлита эта же тайная тревога, полная ожиданія, точно ждутъ дорогихъ гостей и боятся обрадоваться. Долго крѣпится зима и точно собрастъ послѣднія силы, чтобъ удержать все въ мертвомъ оцѣпенѣніи. Но гдѣ-то незримо уже работаетъ весеннее тепло, подтачивающее зимній снѣгъ снизу и сверху. Для Сохача весна начиналась съ первой проталинкой, появлявшейся гдѣ-нибудь на солнечномъ угрѣвѣ. Какъ только выглянула такая проталинка—все и пошло: косачи отдѣляются отъ тетерекъ, рябчики съ ольховыхъ зарослей уходятъ въ ельники, куропатка начинаетъ мѣнять болѣе зимнее перо на красное лѣтнее, по раннимъ утреннимъ зорямъ слышится въ глухомъ лѣсу любованье-бормотанье глухаря. Тогда же начинаютъ линять зайцы, волки забиваются въ глухую лѣсную чащу, выходитъ изъ берлоги медвѣдь, дикія козы любятъ поиграть на солногрѣвахъ, — все живетъ, все хочетъ жить, все полно радостей весенней тревоги. По озерамъ тоже идетъ своя работа: стоитъ еще ледъ, а рыба уже поднимается съ глубокихъ зимнихъ мѣстъ, ищетъ прорубей и полой воды, рвется къ устьямъ рѣчонокъ. Налимъ, щука, окунь, плотва, — всѣ почуяли приближавшуюся весну.

Такъ было всегда, такъ будетъ и такъ же было сейчасъ. Возвращаясь отъ Тараса Семеныча на свою сайму, Сохачъ говорилъ Чуйкѣ:

— Глупый ты песъ, и больше ничего. Вотъ и насъ всѣхъ не будетъ, а Малиновыя горы останутся, и лѣсъ, и звѣрь, и птица... Такъ-то! Сколько ни жри мяса, а помирать придется... Вотъ оно какое дѣло-то... Предѣлъ, значитъ. Мы тутъ въ томъ родѣ, какъ гости, значитъ, озорничать и не надобно. Тебя въ гости позвали, а ты, напримѣрно, звѣрство свое оказываешь...

Чуйка закусила на саймѣ у Тараса Семеныча свѣжей козлятины и только моргала глазами. Что же, пусть хозяинъ разговариваетъ и ворчитъ, а козлятина все-таки вкусная... Чуйка любила хозяина и не могла понять, почему онъ никогда не кормитъ ее мясомъ.

Вмѣстѣ съ весной у Сохача начинались и волненія, особенно по ночамъ. Выйдетъ старикъ изъ избы ночью и стоитъ. Тихо-тихо кругомъ, и вдругъ прокатится по горамъ выстрѣлъ.

— Тарасъ Семенычъ глухаря застрѣлилъ,—думаетъ вслухъ старикъ и качаетъ головой.—Ахъ, нехорошо!..

Иногда выстрѣлы повторялись—это значило, что Тарасъ Семенычъ

бьетъ тетеревовъ на току. Нѣтъ жалости у Тараса Семеныча...

— Въ этакое-то время бить птицу, когда она радуется, — укоряетъ Сохачъ пріятеля.—Ну, есть у тебя стыдъ?—Ахъ, Тарасъ Семенычъ...

Въ періодъ весенней охоты Тарасъ Семенычъ дѣлался сумрачнымъ и не любилъ спорить, а больше отмалчивался. Да и о чемъ тутъ было говорить, ежели человѣкъ не понимаетъ?.. Сохачъ объяснялъ это настроеніе по-своему.

— Ты поглядѣлъ бы на себя-то: звѣрь звѣремъ, — говорилъ онъ. — Настоящій волкъ... Скоро на людей будешь бросаться. Ну, что молчишь, какъ березовый пень?

— А что я буду съ тобой разговаривать? Тебѣ съ твоими-то разговорами прямо надо въ монастырь итти...

— Монастырь - то вѣдь не стѣны, а душа. И ты вѣдь тоже очувствуешься когда-нибудь.

— Очувствуюсь?..

— Непремѣнно... Иначе нельзя.

— По какой такой причинѣ?

— А по той самой, что такъ и жить нельзя... Какую ты птицу теперь бьешь? Она зимовала, натерпѣлась холоду и стужи, дождалась тепла, а ты ее и слопалъ... Ты будешь лопать, я буду лопать, всѣ другіе прочіе будутъ лопать—что же тогда будетъ-то? Вотъ погоди, разорветъ тебя когда-нибудь...

Сохачъ смотрѣлъ на все кругомъ, какъ на свое собственное хозяйство, и считалъ себя отвѣтственнымъ за каждую убитую птицу. Божья тварь всякая птица, и за нее придется дать отвѣтъ. Старикъ часто любовался на убитыхъ Тарасомъ Семенычемъ глухарей, а особенно на косачей. Ужъ и красива птичка... Вся наряженная да изукрашенная, точно на праздникъ куда собралась. И всѣ въ одно перо. Не отличишь одной отъ другой. А сколько въ ней страху было... Всего береглась, всего боялась, соблюдала себя и вдругъ ничего не надо. Ахъ, нехорошо обижать

Уральскій видъ.

Божью тварь! Она вотъ только сказать не умѣетъ, какъ боится каждаго человѣка, потому что нѣтъ страшнѣе звѣря въ лѣсу. Волкъ, и тотъ сытый не кипется, а человѣкъ будетъ бить безъ конца. Убилъ и счастливъ. Больше ничего и не нужно.

Но и этого было мало. Тарасъ Семенычъ назоветъ охотниковъ, и тѣ примутся стрѣлять. Господа оказывали себя еще похуже мужика, потому что и зайцевъ стрѣляютъ, и куликовъ, и сорокъ —

кто только подвернется подъ руку. Удивительнѣе всего для Сохача было то, что нѣкоторые господа и дичи не ѣли, а только стрѣляли. И псовъ такихъ же наведутъ: тоже не будетъ ѣсть никакой лѣсной птицы, хоть ты его убей. Тарасъ Семенычъ добывалъ охотой свой хлѣбъ, а господа проливали кровь для собственнаго удовольствія. Послѣдняго Сохачъ никакъ не могъ понять. И вѣдь не злые господа, а вотъ какое удовольствіе себѣ придумали. Наконецъ Сохачъ рѣшилъ, что господа просто не знаютъ, какъ это грѣшно. Улучивъ какъ-то время, старикъ пришелъ на сайму къ Тарасу Семенычу, гдѣ у охотниковъ былъ устроенъ привалъ, и заговорилъ о грѣхѣ. Его выслушали и только посмѣялись.

— Такъ грѣшно, дѣдушка?

— Большой грѣхъ...

— А ежели птица комара съѣстъ или червяка, это—тоже грѣхъ?

— Для птицы не грѣхъ, потому какъ она не умѣетъ добывать себѣ хлѣбъ. Рукъ у нея, у птицы, нѣтъ—вотъ главная причина. Ну, она и воспитываетъ себя разной мошкой да червячками... Ей свой законъ, а человѣку свой.

Одинъ сѣдой баринъ похлопалъ Сохача по плечу и проговорилъ:

— Подумай, дѣдко: такъ ли?

— А совѣсть, баринъ?

О совѣсти охотники ничего не сказали Сохачу. „Вѣроятно, не хотѣли“... какъ подумалъ старикъ.

V.

Не успѣла хорошенько устроиться своя зимняя птица, какъ налетѣли гости съ далекой теплой стороны. Сохачъ всегда караулилъ, какъ покажется первая стая. На озерѣ къ этому времени появлялись уже ржавыя полыньи, ледъ отъ береговъ отставалъ, и горныя бойкія рѣчки начинали бунтовать. Въ среднемъ Уралѣ весна обыкновенно начинается дружно, и въ какихъ-нибудь недѣли двѣ вся картина мѣняется. Когда снѣгъ стаетъ, кругомъ все желто, вездѣ является палый осенній листъ, сучья и разный соръ, вообще, полный безпорядокъ, какъ въ домѣ передъ большимъ праздникомъ, когда все чистятъ, моютъ и убираютъ, а потомъ сразу все покроется яркой весенней зеленью, запестрѣетъ цвѣтами и приметъ праздничный видъ. Да, хорошо тогда въ горахъ...

Сохачъ ждалъ дорогихъ гостей дни и ночи. Какая же весна безъ перелетной птицы? Плохо спится по ночамъ старику, выйдетъ изъ избы, присядетъ на завалинку и слушаетъ. Въ одну изъ такихъ весеннихъ ночей, на разсвѣтѣ, онъ услышалъ, наконецъ, какъ въ воздухѣ далеко и протяжно пронеслось печальное курлыканье—это летѣлъ журавлиный косякъ.

— Слава Тебѣ, Господи, — вслухъ молился Сохачъ. — Привелъ Господь еще разъ полюбоваться на перелетную вольную птичку. Слава Тебѣ, Господи...

Журавли прилетали почти раньше всѣхъ, какъ вѣстовые. За ними уже быстро двинулись всѣ остальныя. Малиновыя горы съ испоконъ вѣка служили для перелетной птицы становищемъ. Она здѣсь отдыхала и кормилась. За журавлями прилетѣли лебеди, потомъ гуси, потомъ утки, закричали жадныя чайки, и все озеро точно сразу ожило. Не было уголка, гдѣ бы не копошилась птица. Полыньи были покрыты точно живымъ серебромъ.

— Ну, теперь птица ледъ разобьетъ, — рѣшилъ Сохачъ, вѣрившій, что послѣдній ледъ на озерѣ разбивается именно птицей. — Не выстоять ему передъ такой силой-мечью. Крыломъ птица разобьетъ ледъ...

Въ этотъ весенній перелетъ горныя озера подъ Малиновыми горами представляли единственное зрѣлище, потому что служили сборнымъ пунктомъ для десятковъ тысячъ всевозможной водоплавающей птицы, которая здѣсь и отдыхала послѣ далекаго пути и кормилась, чтобы летѣть дальше на сѣверъ. На лѣто здѣсь оставалась только ничтожная часть. По ночамъ на озерѣ, когда птица кормилась, поднимался такой шумъ, что не слышно было человѣческаго голоса. Сохачъ просиживалъ на берегу своего озера цѣлыя ночи и не могъ налюбоваться. То-то хлопочутъ, кричатъ, наговариваютъ каждая по-своему, и всѣ понимаютъ другъ друга. Большая птица, какъ лебеди и гуси, держалась подальше отъ береговъ и не мѣшалась съ остальной мелюзгой, какъ утки, гагары и чайки.

— У большой птицы и ума больше, — соображалъ Сохачъ. — Вонъ какъ гуси-то сторожатся... Точно солдаты на караулѣ. А утки какъ будто и подешевле будутъ... Куда, молъ, намъ за дорогой птицей.

И мѣста выбирали себѣ разныя: гусь не иначе возьметъ, какъ крѣпкое мѣсто, куда приступу нѣтъ. Лебеди тоже, а остальная мелочь выбирала мѣста для гнѣздъ чуть не подъ самымъ берегомъ. Только бы гдѣ-нибудь приткнуться, а тамъ ужъ все равно.

— И какъ это они всѣ раздѣляются промежъ себя,—удивлялся Сохачъ;—которой летѣть дальше, которой оставаться, которой какимъ мѣстомъ владѣть... Нѣтъ, чтобы драка была или безпорядокъ, а все же на совѣсть, по чести.

Послѣдней прилетала болотная птица, начиная съ крошечныхъ куличковъ - песочниковъ, ходившихъ на проволочныхъ ножкахъ, и кончая неуклюжими цаплями. Послѣ озера ожили и всѣ болота, гдѣ теперь жила каждая кочка. Писк, стрекотанье, призывающіе голоса... Какъ торопливо вились гнѣзда, чтобы не потерять ни одного дня. Сѣверное лѣто такое короткое, и приходилось торопиться.

— Кто ее учитъ, Божью птичку? — удивлялся Сохачъ.

Много лѣтъ онъ прожилъ въ лѣсу и каждую весну не могъ надивиться. Все устроено такъ премудро, только вотъ сказать никто не умѣетъ, да и онъ тоже.

Вмѣстѣ съ перелетной птицей появились коршуны и ястреба. Они провожали птичьи косяки и вырывали живую добычу. Много наносили бѣды лисицы, горностаи и ласки, которые любили полакомиться птичьими яйцами и самой птицей. То тамъ, то сямъ попадались растрепанныя перья и пухъ. Сохачъ обходилъ свои владѣнія и только качалъ головой, когда находилъ эти слѣды хищничества. Птичка летѣла тысячи верстъ, хлопотала, вила гнѣздо и несла яйца точно только для того, чтобы попасть въ зубы лисѣ или въ когти ястребу. Это ужъ совсѣмъ обидно, а главное—несправедливо. Мысль о правдѣ неотступно преслѣдовала Сохача, и онъ никакъ не могъ понять, для чего существуютъ такіе разбойники, какъ волки, лисицы, ястреба, щуки и

во главѣ ихъ всѣхъ Тарасъ Семенычъ. Если бы ихъ не было совсѣмъ — другая бы жизнь пошла. А съ другой стороны, разъ они существуютъ, значитъ, и они для чего-то нужны. Вѣдь ни одна травка не вырастетъ напрасно. Все предусмотрѣно, все разсчитано, все устроено по закону—въ послѣднемъ Сохачъ былъ глубоко убѣжденъ.

Весенняя суматоха скоро закончилась. Караваны перелетной птицы улетѣли дальше, и только ничтожная часть осталась въ Малиновыхъ горахъ и на горныхъ озерахъ. Да и эту оставшуюся птицу нельзя было видѣть, потому что самки сидѣли на яйцахъ, а самцы забрались въ крѣпкія лѣсныя мѣста, заросли и гущи, гдѣ происходила линька — весеннее перо мѣнялось на обыкновенное. Исключеніе представляли одни селезни, которые беззаботно плавали по озерамъ. Сохачъ цѣлые дни бродилъ теперь по лѣсу и горнымъ лугамъ, собирая цѣлебныя горныя травы. Много было такихъ травъ и много въ нихъ было пользы... Съ нимъ бродила Чуйка. Бѣдная собака страшно мучилась, потому что вездѣ слышала притаившуюся погнѣздамъ дичь. Идетъ-идетъ и остановится, какъ вкопанная. Глаза горятъ, вся дрожитъ, а Сохачъ только погрозитъ пальцемъ.

— Ты у меня смотри, озорникъ... Нельзя птичку трогать. Слышишь, глупый песъ? Теперь птичка дѣтокъ выхаживаетъ!.. Понимаешь?

Чуйка грустно виляла хвостомъ и дѣлала видъ, что понимаетъ и соглашается.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Задача. Напишите, какъ Сохачъ относился къ животнымъ.

Музгарко.

I.

Старикъ лежалъ на своей лавочкѣ, у печи, закрывшись старой дохой изъ вылѣзшихъ оленьихъ шкуръ. Было рано или поздно—онъ не зналъ, да и знать не могъ, потому что свѣтало поздно, а небо еще съ вечера было затянуто низкими тучами. Вставать ему не хотѣлось: въ избушкѣ было холодно, а у него уже нѣсколько дней болѣли и спина и ноги. Спать онъ тоже не хотѣлъ, а лежалъ такъ, чтобы провести время. Да и куда ему было торопиться? Его разбудило осторожное царапанье въ дверь, — это проснлся Музгарко, небольшая пестрая вогульская собака, жившая въ этой избушкѣ уже лѣтъ десять.

— Я вотъ тебѣ задамъ, Музгарко!..—заворчалъ старикъ, кутаясь въ свою доху съ головой.— Ты у меня поцарапайся...

Собака на время перестала скоблить дверь своей лапкой, потомъ вдругъ взвыла протяжно и жалобно.

— Ахъ, чтобъ тебя волки съѣли!—обругался старикъ, поднимаясь съ лавки.

Онъ въ темнотѣ подошелъ къ двери, отворилъ ее и все понялъ — отчего у него болѣла спина и отчего завыла собака. Все, что можно было разсмотрѣть въ пріотворенную дверь, было покрыто снѣгомъ. Да, онъ ясно теперь видѣлъ, какъ въ воздухѣ кружилась живая сѣтка изъ мягкихъ пушистыхъ снѣжинокъ. Въ избѣ было темно, а къ снѣгу все видно — и зубчатую стѣнку стоявшаго за рѣкой лѣса, и надувшуюся, почернѣвшую рѣку,

и каменистый мысъ, выдавшійся въ рѣку круглымъ уступомъ. Умная собака сидѣла передъ раскрытой дверью и такими умными, говорящими глазами смотрѣла на хозяина.

— Ну, что же, значитъ, конецъ!..—отвѣтилъ ей старикъ на нѣмой вопросъ собачьихъ глазъ.— Ничего, братъ, не подѣлаешь... Шабашъ!..

Собака вильнула хвостомъ и тихо взвизгнула тѣмъ ласковымъ визгомъ, которымъ встрѣчала одного хозяина.

— Ну, шабашъ, но что подѣлаешь, Музгарко! Прокатилось наше красное лѣтечко, а теперь заляжемъ въ берлогѣ...

На эти слова послѣдовалъ легкій прыжокъ, Музгарко очутился въ избушкѣ раньше хозяина.

— Не любишь зиму? А?—разговаривалъ старикъ съ собакой, растопляя старую печь, сложенную изъ дикаго камня. — Не нравится? А?..

II.

Пока старикъ растоплялъ печь, уже разсвѣло. Сѣрое зимнее утро занялось съ такимъ трудомъ, точно невидимому солнцу было больно свѣтить. Въ избушкѣ едва можно было разсмотрѣть дальнюю стѣну, у которой тянулись широкія нары, устроенныя изъ тяжелыхъ деревянныхъ плахъ. Единственное окно, наполовину залѣпленное рыбьимъ пузыремъ, едва пропускало свѣтъ.

Музгарко сидѣлъ у порога и терпѣливо наблюдалъ за хозяиномъ, изрѣдка виляя хвостомъ. Но и собачьему терпѣнію бываетъ конецъ, и Музгарко опять тихонько взвизгнулъ.

— Сейчасъ, не торопись,—отвѣтилъ ему старикъ, подвигая къ огню чугунный котелокъ съ водой.—Успѣешь...

Музгарко легъ и, положивъ остромордую голову въ переднія лапы, не спускалъ глазъ съ хозяина. Когда старикъ накинулъ на плечи дырявый пошитокъ, собака радостно залаяла и бросилась въ дверь.

— То-то вотъ у меня поясница третій день болитъ, — объяснилъ старикъ собакѣ на ходу.—Оно и вышло, что къ ненастью. Вона какъ снѣжокъ подваливаетъ...

За одну ночь все кругомъ совсѣмъ измѣнилось,—лѣсъ казался ближе, рѣка точно сузилась, а низкія зимнія облака ползли надъ самой землей и только не цѣплялись за верхушки елей и пихтъ. Вообще, видъ былъ самый печальный, а пушинки снѣга продолжали кружиться въ воздухѣ и беззвучно падали на помертвѣвшую землю.

— Скоро обозъ придетъ,—объяснилъ старикъ собакѣ.—Привезутъ намъ съ тобой и хлѣба, и соли, и пороху... Вотъ только избушка наша совсѣмъ развалилась, Музгарко.

III.

Осенній день коротокъ. Старикъ все время проходилъ около своей избушки, поправляя и то и другое, чтобы лучше ухорониться на зиму. Въ одномъ мѣстѣ мохъ вылѣзъ изъ пазовъ, въ другомъ бревно подгнило, въ третьемъ уголъ совсѣмъ осѣлъ и, того гляди, отвалится. Давно бы ужъ новую избушку пора ставить, одному, все равно, ничего не подѣлать.

— Какъ-нибудь, можетъ, перебьюсь зиму, — думалъ старикъ вслухъ, постукивая топоромъ въ стѣну. — А вотъ обозъ придетъ, такъ тогда...

Выпавшій снѣгъ всѣ мысли старика сводилъ на обозъ, который приходилъ по первопутку, когда вставали рѣки.

Людей онъ только и видѣлъ одинъ разъ въ году. Было о чемъ подумать... Музгарко отлично понималъ каждое слово хозяина и при одномъ словѣ „обозъ“ смотрѣлъ вверхъ рѣки и радостно взвизгивалъ, точно хотѣлъ отвѣтить, что вонъ, молъ, откуда придетъ обозъ-то, изъ-за мыса.

IV.

Кончивъ работу, старикъ сѣлъ на обрубокъ дерева подъ окномъ избушки и задумался. Собака сѣла у его ногъ и положила свою умную голову къ нему на колѣни. О чемъ думалъ старикъ? Первый снѣгъ всегда и радовалъ его и наводилъ тоску, напоминая старое, что осталось вонъ за тѣми горами, изъ которыхъ выбѣгала р. Студеная. Тамъ у него былъ и свой домъ, и семья, и родные были, а теперь никого не осталось. Всѣхъ онъ пережилъ, и вотъ гдѣ привелъ Богъ покончить вѣкъ: умретъ — некому глаза закрыть. Охъ, тяжело старое одиночество, а тутъ лѣсъ кругомъ, вѣчная тишина и не съ кѣмъ слова сказать. Одна отрада оставалась: собака. И любилъ же ее старикъ, гораздо больше, чѣмъ любятъ люди другъ друга. Вѣдь она была для него все и тоже любила его. Не одинъ разъ случалось такъ, что на охотѣ Музгарко жертвовалъ своей собачьей жизнью за хозяина, и уже два раза медвѣдь помялъ его за отчаянную храбрость.

— А вѣдь старъ ты сталъ, Музгарко,—говорилъ старикъ, гладя собаку по спинѣ.—Вонъ, и спина прямая стала, какъ у волка, и зубы притупились, и въ глазахъ муть... Эхъ, старикъ, старикъ, съѣдятъ тебя зимой волки!.. Пора, видно, намъ съ тобой и помирать...

Собака была согласна помирать. Она только тѣснѣе прижималась всѣмъ тѣломъ къ хозяину и жалобно моргала. А онъ сидѣлъ и все смотрѣлъ на почернѣвшую рѣку, на глухой лѣсъ, зеленой стѣной уходившій на сотни верстъ туда, къ студеному морю, на чуть брезжившія горы въ верховьяхъ Студеной,—смотрѣлъ и не шевелился, охваченный своей тяжелой стариковской думой.

V.

Стала и Студеная. Горная холодная вода долго не замерзаетъ, а потомъ ледъ вездѣ проѣдается полыньями. Это ключи изъ земли

бьютъ. Запасалъ теперь старикъ свѣжую рыбу, которую можно было сейчасъ морозить, какъ рябчиковъ. Лиха бѣда въ томъ, что времени было мало. Того и гляди, что подвалитъ обозъ.

— Скоро, Музгарко, харчъ намъ придетъ...

Собственно, хлѣбъ у старика вышелъ еще до заморозковъ, и онъ подмѣшалъ къ остаткамъ ржаной муки толченую сухую рыбу. Ѣсть одно мясо или одну рыбу было нельзя. Дня черезъ три такъ отобьетъ, что потомъ въ ротъ не возьмешь. Конечно, самоѣды и вогулы питаются одной рыбой, такъ они къ этому привычны, а русскій человѣкъ хлѣбный, и не можетъ по-ихнему.

Обозъ пришелъ совершенно неожиданно. Старикъ спалъ ночью, когда заскрипѣли возы, и послышался крикъ:

— Эй, дѣдушка, живъ ли ты?.. Принимай гостей... Давно не видались.

Старика больше всего поразило то, что Музгарко прокараулилъ дорогихъ жданныхъ гостей. Обыкновенно онъ чуялъ ихъ, когда обозъ еще былъ версты за двѣ, а нынче не слыхалъ. Онъ даже не выскочилъ на улицу, чтобы полаять на лошадей, а стыдливо спрятался подъ хозяйскую лавку и не подалъ голоса.

— Музгарко, да ты въ умѣ ли? — удивлялся старикъ. — Проспалъ обозъ... Ахъ, нехорошо!

Собака выползла изъ-подъ лавки, лизнула его въ руку и опять скрылась: она сама чувствовала себя виноватой.

— Эхъ, старъ сталъ: нюхъ потерялъ, — замѣтилъ съ грустью старикъ. — И слышитъ плохо на лѣвое ухо.

VI.

Обозъ состоялъ изъ возовъ пятидесяти... На Печорку чердынскіе купцы отправляли по нервопутку хлѣбъ, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свѣжую рыбу. Дѣло было самое спѣшное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше другихъ,—шла дорогая печорская семга.

Обозъ долженъ былъ сломать трудную путину въ двѣ недѣли, и ямщики спали только во время кормежекъ, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назадъ, тогда ужъ и спать почти не приходилось. А дорога черезъ Волокъ была трудная, особенно горами. Дорога скверная, каменистая, сани некованныя, а по рѣчкамъ вездѣ наледи и промоины. Много тутъ погублено хорошихъ лошадей, а людямъ приходилось работать, какъ нигдѣ: вывозить воза въ гору на себѣ, добывать ихъ изъ воды, вытаскивать изъ раскатовъ. Только одни колвинскіе ямщики и брались за такую проклятую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда.

VII.

Въ зимовьѣ на Студеной обозъ дѣлалъ передышку: вмѣсто двухчасовой кормежки лошади здѣсь отдыхали цѣлыхъ четыре. Казарму старикъ подтопилъ заранѣе; ямщики, пустивъ лошадей къ корму, завалились спать на деревянныхъ нарахъ ямщичьимъ мертвымъ сномъ. Не спалъ только молодой приказчикъ, еще въ первый разъ ѣхавшій на Печору. Онъ сидѣлъ у старика въ избушкѣ и разговаривалъ.

— И не страшно тебѣ въ лѣсу, дѣдушка?

— А чего бояться, Христосъ съ нами! Привычное наше дѣло. Въ лѣсу выросли...

— Да какъ не бояться: одинъ въ лѣсу...

— А у меня песикъ есть. Вотъ вдвоемъ и коротаемъ время. По зимамъ вотъ волки одолѣваютъ, такъ онъ мнѣ впередъ сказываетъ, когда придутъ они въ гости. Чуетъ... И дошлая: сама подманиваетъ волковъ. Они бросятся за ней, а ихъ изъ ружья... Умнѣйшая собака: только вотъ не скажетъ, какъ человѣкъ. Я съ ней всегда разговариваю, а то, пожалуй, и говорить разучишься...

— Зачѣмъ же песикъ подъ лавкой-то лежитъ?

— А устыдился, потому обозъ прокараулилъ, старъ сталъ... Два раза меня отъ медвѣдя ухранилъ: медвѣдь-то на меня, а онъ его и остановитъ. Прежде я съ рогатиной ходилъ на медвѣдя, когда еще въ силѣ былъ, и какъ одинъ меня починилъ, ну, я ужъ изъ ружья норовлю его свалить. Тоже его надо умѣючи взять: смышлястый звѣрь.

— Ну, а зимой-то, поди, скучно въ избушкѣ сидѣть?

— Привычное дѣло... Вотъ только праздникъ когда, такъ скучновато. Добрые люди въ храмѣ Божьемъ, а у меня волки обѣдню завываютъ. Ну, я тогда свѣчку затеплю передъ образомъ, и самъ служу, пою... Со слезами тоже молюсь.

Славный этотъ приказчикъ, молодой такой, и все ему надо знать, Старикъ обрадовался живому человѣку и все разсказывалъ про свою одинокую жизнь въ лѣсу.

— У меня по веснѣ праздникъ бываетъ, милый человѣкъ, когда съ теплаго моря птица прилетитъ. И сколько ея летитъ, — туча... По Студеной-то точно ея насыпано... Всякаго сословія птица: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на зарѣ, такъ стонъ идетъ по Студеной. И нѣтъ лучше твари, какъ перелетная птица: самая Божья тварь... Большія тыщи верстъ летитъ, тоже устанетъ, затощаетъ и мѣсту рада. Прилетѣла, вздохнула денекъ и сейчасъ гнѣзда налаживать... А я хожу и смотрю: мнѣ Богъ гостей прислалъ. Одного только у меня не хватаетъ, родной человѣкъ,—который годъ прошу ямщиковъ, чтобы пѣтушка мнѣ привезли... Зимой-то ночи долгія, конца нѣтъ, а пѣтушокъ-то и сказалъ бы, который часъ на дворѣ.

— Въ слѣдующій разъ я тебѣ привезу самаго горластаго, дѣдушка, какъ дьяконъ будетъ орать.

— Ахъ, родной, то-то уважилъ бы старика... Втроемъ бы мы вотъ какъ зажили! Скучно, когда по зимамъ мертвая тишь встанетъ, а тутъ бы пѣтушокъ, глядишь, и развеселилъ... Тоже не простая тваринка пѣтушокъ-то: другой такой нѣтъ, чтобы часы сказывала. На потребу человѣку пѣтушокъ сотворенъ.

Приказчика звали Флегонтомъ. Онъ оставилъ старому Елескѣ и муки, и соли, и новую рубаху, и пороху, а на обратномъ пути съ Печоры привезъ подарокъ.

VIII.

— Я тебѣ часы привезъ, дѣдушка,—весело говорилъ онъ, подавая мѣшокъ съ пѣтухомъ.

— Ахъ, кормилецъ, ахъ, родной... Да какъ я тебя благодарить

буду? Ну, пошли тебѣ Богъ всего, чего самъ желаешь. Поди, и невѣста гдѣ-нибудь подгляжена, такъ любовь да совѣтъ...

— Есть такой грѣхъ, дѣдушка,— весело отвѣтилъ Флегонтъ, встряхивая русыми кудрями.—Ну, оставайся съ Богомъ.

Ушелъ обозъ въ обратный путь, и остался старикъ съ пѣтушкомъ. Радости-то сколько... Пестренькій пѣтушокъ, гребешокъ красненькій—ходитъ по избушкѣ, каждое перышко играетъ. А ночью какъ гаркнетъ... То-то радость и утѣшеніе. Каждое утро сталъ Елеска теперь разговаривать съ своимъ пѣтушкомъ, а Музгарко ихъ слушаетъ.

— Что, завидно тебѣ, старику? — дразнитъ Елеска собаку. — Только твоего и ремесла, что лаять... А вотъ ты по-пѣтушиному спой!..

IX.

Замѣтилъ старикъ, какъ будто заскучалъ Музгарко. Понурый такой ходитъ... Неможется что-то собакѣ. Должно полагать, ямщики сглазили.

— Музгарушко, да что это съ тобой попритчилось? Гдѣ болитъ?..

Лежитъ Музгарко подъ лавкой, положилъ голову между лапами и только глазами моргаетъ.

Всполошился старикъ: накатилась бѣда нежданая. А Музгарко все лежитъ, не ѣстъ, не пьетъ и не подаетъ голосу.

— Музгарушко, милый!..

Вильнулъ хвостомъ Музгарко, подползъ къ хозяину, лизнулъ руку и тихо взвылъ. Охъ, плохо дѣло...

Ходитъ вѣтеръ по Студеной, наметаетъ саженные сугробы снѣга, завываетъ въ лѣсу, точно голодный волкъ, и избушка Елески совсѣмъ потонула въ снѣгу. Торчитъ безъ малаго одна труба, да вьется изъ нея синяя струйка дыма...

Вотъ пурга уже двѣ недѣли; не выходитъ изъ своей избушки старикъ и все сидитъ надъ больной собакой. А Музгарко лежитъ и едва дышитъ: пришла Музгаркина смерть.

— Кормилецъ ты мой... — плачетъ старикъ и цѣлуетъ вѣрнаго друга.—Родной ты мой... Ну, гдѣ болитъ?

Ничего не отвѣчаетъ Музгарко, какъ раньше. Онъ давно почуялъ свою смерть и молчитъ... Плачетъ, убивается старикъ, и помочь нечѣмъ: отъ смерти лѣкарства нѣтъ. Ахъ, горе какое лютое привалилось... Съ Музгаркой умерла послѣдняя надежда старика, и ничего, ничего не осталось для него, кромѣ смерти. Кто теперь будетъ искать бѣлку, кто облаетъ глухаря, кто выслѣдитъ оленя? Смерть безъ Музгарки, ужасная, голодная смерть!

X.

Воетъ пурга, а старикъ вспоминаетъ, какъ жилъ онъ съ Музгаркой, какъ ходилъ на охоту и промышлялъ себѣ добычу. Куда онъ безъ собаки?

А тутъ еще волки... Учуяли бѣду, пришли къ избушкѣ и завыли. Цѣлую ночь такъ-то выли, надрывая душу. Некому теперь пугнуть ихъ, облаять, подманить на выстрѣлъ... Вспоминается старику случай, какъ одолѣвалъ его медвѣдь-шатунъ. Шатунами называютъ медвѣдей, которые во-время не залегли съ осени въ берлогу и бродятъ по лѣсу. Такой шатунъ— самый опасный звѣрь. Вотъ и повадился медвѣдь къ избушкѣ:

учуялъ запасы у старика. Какъ ночь, такъ и придетъ. Два раза на крышу залѣзалъ и лапами разгребалъ снѣгъ. Потомъ выворотилъ дверь въ казармѣ и утащилъ цѣлый ворохъ запасенной старикомъ рыбы. Озлобился на него старикъ за озорство, зарядилъ винтовку пулей и вышелъ съ Музгаркой. Медвѣдь такъ и прянулъ на старика и навѣрно бы его смялъ подъ себя, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ бы въ него выстрѣлить, но спасъ Музгарко. Ухватилъ онъ звѣря сзади и посадилъ, а Елескина пуля не знала промаха. Да мало ли было случаевъ, когда собака спасала старика...

XI.

Музгарко издохъ передъ самымъ Рождествомъ, когда морозъ трещалъ въ лѣсу. Дѣло было ночью. Елеска лежалъ на своей лавочкѣ и дремалъ. Вдругъ его точно что-то кольнуло. Вскочилъ онъ, вздулъ огня, зажегъ лучину, подошелъ къ собакѣ — Музгарко лежалъ мертвый... Елеска похолодѣлъ: это была его смерть.

— Музгарко, Музгарко...—повторилъ несчастный старикъ, увидя мертваго друга.—Что я теперь буду дѣлать безъ тебя?

Не хотѣлъ Елеска, чтобы волки съѣли мертваго Музгарку, и закопалъ его въ казармѣ. Три дня онъ долбилъ мерзлую землю, сдѣлалъ могилу и похоронилъ въ ней вѣрнаго друга.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Вопросы. 1) Какъ проводили день старикъ и Музгарко?
2) Почему они не любили зиму?
3) Почему старику былъ пріятенъ приходъ обоза?
4) Кѣмъ былъ Музгарко для старика?
5) Почему старикъ любилъ Музгарку?
6) Какъ проводили зиму старикъ и собака?
7) Почему собака проспала приходъ обоза?
8) Легко ли было ямщикамъ ѣхать съ обозомъ?
9) Почему собака во время стоянки обоза лежала подъ лавкой?
10) Какую пользу приносилъ пѣтухъ?
11) Что случилось съ Музгаркой?
12) Что потерялъ старикъ со смертью Музгарки?
13) Какую пользу приносилъ ему Музгарко?

Слѣпой мальчикъ.

I.

Однажды слѣпой мальчикъ Петрусь былъ одинъ на холмикѣ надъ рѣкой. Солнце садилось, въ воздухѣ стояла тишина, только мычаніе возвращающагося въ деревню стада долетало сюда. Мальчикъ только что пересталъ играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера. Онъ забылся на минуту, когда вдругъ чьи-то легкіе шаги вывели его изъ дремоты. Онъ съ неудовольствіемъ приподнялся на локоть и прислушался. Шаги остановились у подножія холмика. Походка была ему незнакома.

— Мальчикъ! — услышалъ онъ вдругъ возгласъ дѣтскаго голоса.— Не знаешь ли, кто это тутъ сейчасъ игралъ?

Слѣпой не любилъ, когда нарушали его одиночество. Поэтому онъ отвѣтилъ на вопросъ не особенно любезнымъ тономъ:

— Это я...

— Какъ хорошо!—сказала дѣвочка.

Слѣпой промолчалъ.

— Что жъ вы не уходите?— спросилъ онъ затѣмъ, слыша, что непрошенная собесѣдница продолжаетъ стоять на мѣстѣ.

— Зачѣмъ же ты меня гонишь?—спросила дѣвочка своимъ чистымъ и простодушно-удивленнымъ голосомъ.

Звуки этого спокойнаго дѣтскаго голоса пріятно дѣйствовали на слухъ слѣпого; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ въ прежнемъ тонѣ:

— Я не люблю, когда ко мнѣ приходятъ...

Дѣвочка засмѣялась.

— Вотъ еще!.. Смотрите-ка! Развѣ вся земля твоя и ты можешь кому-нибудь запретить ходить по землѣ?

— Мама приказала всѣмъ, чтобы сюда ко мнѣ не ходили.

— Мама?—переспросила задумчиво дѣвочка.—А моя мама позволила мнѣ ходить надъ рѣкой.

Мальчикъ, нѣсколько избалованный всеобщей уступчивостью, не привыкъ къ такимъ настойчивымъ возраженіямъ. Вспышка гнѣва прошла по его лицу; онъ приподнялся и заговорилъ быстро и возбужденно:

— Уйдите, уйдите, уйдите!..

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, но въ это время отъ усадьбы послышался голосъ слуги, звавшаго мальчика къ чаю. Онъ быстро сбѣжалъ съ холмика.

— Ахъ, какой гадкій мальчикъ! — услышалъ онъ за собой искренне негодующее замѣчаніе.

На слѣдующій день, сидя на томъ же мѣстѣ, мальчикъ вспомнилъ о вчерашнемъ столкновеніи. Въ этомъ воспоминаніи теперь не было досады. Напротивъ, ему даже захотѣлось, чтобы опять пришла эта дѣвочка съ такимъ пріятнымъ, спокойнымъ голосомъ, какого онъ никогда еще не слыхалъ. Знакомыя ему дѣти такъ громко кричали, смѣялись, дрались и плакали, но ни одинъ изъ нихъ не говорилъ такъ пріятно. Ему стало жаль, что онъ обидѣлъ незнакомку, которая, вѣроятно, никогда болѣе не вернется.

Дѣйствительно, дня три дѣвочка совсѣмъ не приходила. Но на четвертый день Петрусь услышалъ

В. Г. Короленко.
Родился въ 1853 году.

ея шаги внизу, на берегу рѣки. Она шла тихо.

— Послушайте! — окликнулъ онъ, когда она съ нимъ поравнялась.—Это опять вы?

Дѣвочка не отвѣтила. Камешки попрежнему шуршали подъ ея ногами. Въ дѣланной беззаботности ея голоса, напѣвавшаго пѣсню, мальчику слышалась еще незабытая обида.

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, незнакомка остановилась. Двѣ-три секунды прошло въ молчаніи. Она перебирала въ это

время букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который держала въ рукахъ, а онъ ждалъ отвѣта. Въ этой остановкѣ и послѣдовавшемъ за нею молчаніи онъ уловилъ оттѣнокъ умышленнаго пренебреженія.

— Развѣ вы не видите, что это я? — спросила она, наконецъ, съ большимъ достоинствомъ, покончивъ съ цвѣтами.

Этотъ простой вопросъ больно отозвался въ сердцѣ слѣпого. Онъ ничего не отвѣтилъ, и только его руки, которыми онъ упирался въ землю, какъ-то судорожно схватились за траву. Но разговоръ уже начался, и дѣвочка, все стоя на томъ же мѣстѣ и занимаясь своимъ букетомъ, опять спросила:

— Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?..

— Іохимъ выучилъ, — отвѣтилъ Петрусь.

— Очень хорошо! Только... отчего ты такой сердитый?

— Я... не сержусь на васъ, — сказалъ мальчикъ тихо.

— Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ...

— Я не умѣю играть съ вами, — отвѣтилъ онъ, потупившись.

— Не умѣешь играть?.. Почему?

— Такъ.

— Нѣтъ, почему же?

— Такъ, — отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился.

Ему не приходилось еще никогда говорить съ кѣмъ-нибудь о своей слѣпотѣ, и простодушный тонъ дѣвочки, предлагавшей съ наивной настойчивостью этотъ вопросъ, отозвался въ немъ опять тупой болью.

Незнакомка поднялась на холмикъ.

— Какой ты смѣшной! — заговорила она, усаживаясь рядомъ съ нимъ на травѣ. — Это ты, вѣрно, оттого, что еще со мной не знакомъ. Вотъ узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это съ безпечною ясностью, и мальчикъ услышалъ, какъ она бросила къ себѣ въ передникъ груду цвѣтовъ.

— Гдѣ вы взяли цвѣты? — спросилъ онъ.

— Тамъ, — мотнула она головой, указывая назадъ.

— На лугу?

— Нѣтъ, тамъ.

— Значитъ, въ рощѣ. А какіе это цвѣты?

— Развѣ ты не знаешь цвѣтовъ?.. Ахъ, какой ты странный... Право, ты очень странный...

Мальчикъ взялъ въ руки цвѣтокъ. Его пальцы быстро и легко тронули листья и вѣнчикъ.

— Это лютикъ, — сказалъ онъ, — а вотъ это фіалка.

Потомъ онъ захотѣлъ тѣмъ же способомъ ознакомиться и со своей собесѣдницей: взявъ лѣвою рукой дѣвочку за плечо, онъ правой сталъ ощупывать ея волосы, потомъ вѣки и быстро пробѣжалъ пальцами по лицу, кое-гдѣ останавливаясь и внимательно изучая незнакомыя черты.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что дѣвочка, пораженная удивленіемъ, не могла сказать ни слова; она только глядѣла на него широко открытыми глазами, въ которыхъ отражалось чувство, близкое ужасу. Только теперь она замѣтила, что въ лицѣ ея новаго знакомаго есть что-то необычайное. Глаза мальчика глядѣли куда-то безъ всякаго отношенія къ тому, что онъ дѣлалъ, и въ нихъ странно переливался отблескъ закатывавшагося солнца. Все это показалось дѣвочкѣ на

одну минуту просто тяжелымъ кошмаромъ. Высвободивъ свое плечо изъ руки мальчика, она вдругъ вскочила на ноги и заплакала.

— Зачѣмъ ты пугаешь меня, гадкій мальчикъ?—заговорила она гнѣвно, сквозь слезы.—Что я тебѣ сдѣлала?.. Зачѣмъ?..

Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, озадаченный, съ низко опущенною головой, и чувство досады и униженія наполнило жгучею болью его сердце. Въ первый разъ еще пришлось ему испытать униженіе калѣки; въ первый разъ узналъ онъ, что его тѣлесный недостатокъ можетъ внушать не одно сожалѣніе, но и испугъ. Чувство жгучей боли и обиды подступило къ горлу мальчика; онъ упалъ на траву и заплакалъ. Плачъ этотъ становился все сильнѣе, судорожныя рыданія потрясали все его маленькое тѣло.

Дѣвочка, которая сбѣжала уже съ холмика, услышала эти глухія рыданія и съ удивленіемъ повернулась. Видя, что ея новый знакомый лежитъ лицомъ къ землѣ и горько плачетъ, она почувствовала участіе, тихо взошла на холмикъ и остановилась надъ плачущимъ.

— Послушай,—заговорила она тихо,—о чемъ ты плачешь? Ты, вѣрно, думаешь, что я пожалуюсь? Ну, не плачь, я никому не скажу.

Слово участія и ласковый тонъ вызвали въ мальчикѣ еще бо́льшую нервную вспышку плача.

Тогда дѣвочка присѣла около него на корточки и стала успокаивать его понемногу, гладя рукой его волосы. Потомъ она приподняла его голову и стала вытирать платкомъ его заплаканные глаза, точно мать, которая успокаиваетъ огорченнаго ребенка.

— Ну, ну!—говорила она.—Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалѣешь, что напугалъ меня...

— Я не хотѣлъ напугать тебя,—отвѣтилъ онъ, глубоко вздыхая, чтобы подавить нервные приступы.

— Хорошо, хорошо! Я не сержусь... Ты вѣдь больше не будешь,—говорила она, приподнимая его съ земли и стараясь его усадить рядомъ съ собою.

Онъ повиновался. Теперь мальчикъ сидѣлъ, какъ прежде, лицомъ къ сторонѣ заката, и когда дѣвочка опять взглянула на это лицо, освѣщенное красноватыми лучами солнца, оно опять показалось ей страннымъ. Въ глазахъ мальчика еще стояли слезы, но глаза эти были попрежнему неподвижны; черты лица то и дѣло передергивались отъ нервныхъ спазмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ виднѣлось недѣтское, глубокое и тяжелое горе.

— А все-таки ты очень странный...—сказала она съ задумчивымъ участіемъ.

— Я не странный,—отвѣтилъ мальчикъ съ жалобной гримасой.—Нѣтъ, я не странный... Я... я... слѣпой!

— Слѣпо-ой?—протянула она нараспѣвъ, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчикомъ, нанесло невзгладимый ударъ въ ея маленькое сердце.—Слѣпо-ой?—повторила она еще болѣе дрогнувшимъ голосомъ, и, какъ будто ища защиты отъ охватившаго всю ее неодолимаго чувства жалости, она вдругъ обвила шею мальчика руками, прислонилась къ нему лицомъ и, въ свою очередь, горько и неутѣшно заплакала.

II.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Дѣвочка перестала плакать и только по временамъ еще всхлипывала, перемогаясь. Полными слезъ глазами она смотрѣла, какъ солнце, будто вращаясь въ раскаленной атмосферѣ заката, погружалось за темную черту горизонта. Мелькнулъ еще разъ золотой обрѣзъ огненнаго шара, потомъ брызнули двѣ-три горячія искры, и темныя очертанія дальняго лѣса всплыли вдругъ непрерывною синеватою чертой.

Съ рѣки потянуло прохладой, и тихій миръ наступающаго вечера отразился на лицѣ слѣпого; онъ сидѣлъ съ опущенной головой и, видимо, удивленный этимъ выраженіемъ горячаго сочувствія.

— Мнѣ... жалко... — все еще всхлипывая, вымолвила, наконецъ, дѣвочка въ объясненіе своей слабости.

Потомъ, нѣсколько овладѣвъ собою, она сдѣлала попытку перевести разговоръ на посторонній предметъ, къ которому они оба могли отнестись равнодушно.

– Солнышко сѣло, — произнесла она задумчиво.

— Я не знаю, какое оно,—былъ печальный отвѣтъ.—Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму?.. тоже не знаешь?

— Мать знаю. Я всегда издалека узнаю ея походку.

— Да, да, это правда! И я съ закрытыми глазами узнаю свою мать.

Разговоръ принялъ болѣе спокойный характеръ.

— Знаете,—заговорилъ слѣпой съ нѣкоторымъ оживленіемъ,—я вѣдь чувствую солнце и знаю, когда оно закатилось.

— Почему ты знаешь?

— Потому что... видишь ли... Я самъ не знаю почему...

— А-а! — протянула дѣвочка, повидимому, совершенно удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, и они оба помолчали.

— Я могу читать,—первый заговорилъ опять Петрусь,—и скоро выучусь писать перомъ.

— А какъ же ты?.. — начала было дѣвочка и вдругъ застѣнчиво смолкла, не желая продолжать щекотливаго допроса. Но онъ ее понялъ.

— Я читаю въ своей книжкѣ,— пояснилъ онъ,—пальцами.

— Пальцами? Я бы никогда не выучилась читать пальцами... Я и глазами плохо читаю.

— А я могу читать даже по-французски.

— По-французски!.. И пальцами... Какой ты умный!—сказала она.—Однако я боюсь, какъ бы ты не простудился. Вонъ надъ рѣкой какой туманъ.

— А ты сама?

— Я не боюсь. Что мнѣ сдѣлается?

— Ну, и я не боюсь. Развѣ можетъ быть, чтобы мужчина простудился скорѣе женщины? Дядя Максимъ говоритъ, что мужчина не долженъ ничего бояться: ни холода, ни голода, ни грома, ни тучи.

— Максимъ?.. Это который на костыляхъ?.. Я его видѣла. Онъ страшный.

— Нѣтъ, онъ нисколько не страшный. Онъ добрый.

— Нѣтъ, страшный! — убѣжденно повторила она. — Ты не знаешь, потому что не видалъ его.

— Какъ же я его не знаю? Онъ меня всему учитъ.

— Бьетъ!

— Никогда не бьетъ и не кричитъ на меня... никогда...

— Это хорошо. Развѣ можно бить слѣпого мальчика? Это было бы грѣшно.

— Да вѣдь онъ и никого не бьетъ,—сказалъ Петрусь, прислушиваясь нѣсколько разсѣянно, такъ какъ его чуткое ухо гаслышало шаги слуги Іохима.

Дѣйствительно, рослая фигура хохла зарисовалась чрезъ минуту на холмистомъ гребнѣ, отдѣлявшемъ усадьбу отъ берега, и его голосъ раскатился далеко въ тишинѣ вечера.

— Па-ны-чу-у-у!

— Тебя зовутъ, — сказала дѣвочка поднимаясь.

— Да. Но мнѣ не хотѣлось бы итти.

— Иди, иди! Я къ тебѣ завтра приду. Теперь тебя ждутъ и меня тоже.

III.

Дѣвочка точно исполнила свое обѣщаніе и даже раньше, чѣмъ Петрусь могъ на это разсчитывать. На слѣдующій же день, сидя въ своей комнатѣ за обычнымъ урокомъ съ дядей Максимомъ, онъ вдругъ поднялъ голову, прислушался и сказалъ съ оживленіемъ:

— Отпусти меня на минуту. Тамъ пришла дѣвочка.

— Какая еще дѣвочка? — удивился Максимъ и пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ къ выходной двери.

Дѣйствительно, вчерашняя знакомка Петруся въ эту самую минуту вошла въ ворота усадьбы и, увидя проходившую по двору Анну Михайловну, мать мальчика, свободно направилась прямо къ ней.

— Что тебѣ, милая дѣвочка, нужно? — спросила Анна Михайловна, думая, что ее прислали по дѣлу.

Маленькая женщина солидно протянула ей руку и спросила:

— Это у васъ есть слѣпой мальчикъ?.. Да?..

— У меня, милая, да, у меня!— отвѣчала Анна Михайловна, любуясь ея ясными глазами и свободой ея обращенія.

— Вотъ видите ли... Моя мама отпустила меня къ нему. Могу я его видѣть?

Въ эту минуту Петрусь самъ подбѣжалъ къ ней, а на крыльцѣ показалась фигура Максима.

— Это вчерашняя дѣвочка, мама! Я тебѣ говорилъ, — сказалъ мальчикъ, здороваясь.— Только у меня теперь урокъ.

— Ну, на этотъ разъ дядя Максимъ отпуститъ тебя,—сказала Анна Михайловна:—я у него попрошу.

Съ этого дня между дѣтьми завязались ближайшія отношенія. Дѣвочка, которую звали Эвелиной, приходила ежедневно въ усадьбу, а чрезъ нѣкоторое время она тоже поступила ученицей къ Максиму. Совмѣстное обученіе оказалось очень полезнымъ для обоихъ.

Вообще эта дружба была настоящимъ даромъ благосклонной судьбы. Теперь мальчикъ не искалъ уже полнаго уединенія; онъ нашелъ то общеніе, котораго не могла ему дать любовь взрослыхъ.

В. Г. Короленко.

Вопросы: 1) Когда и гдѣ встрѣтился Петрусь съ Эвелиной?

2) Почему онъ сначала встрѣтилъ ее непривѣтливо?

3) Почему онъ показался Эвелинѣ страннымъ?

4) Почему знакомство съ дѣвочкой сначала принесло слѣпому большое огорченіе?

5) Какъ отнеслась дѣвочка, когда узнала, что ея новый знакомый слѣпой?

6) Какія у нихъ установились потомъ отношенія?

Въ лѣсу.

Въ лѣсу стояла та особенная тишина, которая бываетъ только осенью. Неподвижно висѣли мохнатыя вѣтви, не качалась ни одна вершина, не слышалось ничьихъ шаговъ, лѣсъ стоялъ молча, задумчиво прислушиваясь къ своей собственной вѣковой думѣ.

И, когда, отломившись отъ роднаго дерева, мертвая сухая вѣточка падала, переворачиваясь и цѣпляясь пожелтѣвшими иглами за живыя, зеленыя, чуть вздрагивающія вѣтви, было далеко слышно.

Между стволами вѣковыхъ сосенъ мелькало что-то живое. Кто-то беззвучно шелъ, и прошлогодняя хвоя, толсто застилавшая землю мягко поглощала шаги. Но когда нога попадала въ тонко-затянутую ледкомъ лужицу, раздавался звонкій трескъ.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, туго подпоясанный узкимъ ремнемъ, за которымъ торчалъ топоръ, въ огромныхъ, должно-быть, отцовскихъ сапогахъ, наклонялся, присѣдалъ на корточки, что-то цѣплялъ за вѣтки и стволы, и когда шелъ дальше, позади на землѣ оставался цѣлый рядъ волосяныхъ петель и въ нихъ краснѣли прицѣпленныя ягоды.

Мальчикъ ставилъ силки, внимательно запоминая мѣстность въ лѣсномъ лабиринтѣ.

Молчаливый лѣсной сумракъ посвѣтлѣлъ въ одной сторонѣ, и межъ деревьевъ блеснулъ водный просторъ. Съ крутого песчанаго берега открылось озеро. Необозримо уходило оно, отодвинувъ лѣса до синяго горизонта.

Безчисленныя стада утокъ, гусей, лебедей, нырковъ и всякой пролетной водяной и болотной птицы съ крикомъ, шумомъ и гамомъ возлись на водѣ, шумно подымались густыми чернѣющими тучами, заслоняя и воду, и далеко синѣющій лѣсъ, и изумрудные острова, и далеко тянулись вереницами.

Мальчикъ съ минуту постоялъ на берегу и пронзительно два раза свистнулъ. Озеро ожило. Какъ будто множество спрятавшихся людей засвистало и отозвалось со всѣхъ сторонъ, и надъ водой, все ослабляясь, понеслись замирающіе тонкіе звуки. Птица рванулась, взрывая воду, шумомъ заглушая умирающее эхо.

— Стало-быть, не пришелъ,— проговорилъ мальчикъ, вынулъ изъ-за пояса топоръ и сталъ рубить деревья, сваливая въ воду возлѣ берега.

Онъ работалъ ловко и быстро, сочныя щепы летѣли изъ-подъ топора, и эхо не умолкая и съ разныхъ сторонъ повторяло удары.

— Аа-ахъ, холодная!..— проговорилъ мальчикъ, пожимаясь, когда, скинувъ сапоги и засучивъ шаровары, полѣзъ въ воду, которая, какъ ножомъ, рѣзала острымъ холодомъ.

И торопливо стаскивая съ обрубленными вѣтвями стволы, сталъ вязать гибкимъ тальникомъ плотъ. Черезъ минуту стянутыя вмѣстѣ бревна неуклюже высовывались изъ воднаго зеркала.

Мальчуганъ перенесъ на плотъ пукъ волосяныхъ силковъ и суму съ хлѣбомъ, уперся шестомъ, и плотъ, сдвинувшись тихонько, поплылъ отъ берега. Длинныя травы колебались и тянулись въ прозрачно-холодной водѣ, цѣпляясь и обвиваясь вокругъ шеста. Птицы съ неумолкаемымъ шумомъ безъ перерыва подымались съ озера, какъ будто сама вода рождала изъ глубины, и все больше и больше чернѣющая косая туча ихъ заслоняла и лѣсъ, и небо, и синѣющую даль.

Далеко отошелъ берегъ, и кругомъ необозримо разстилалось серебряное зеркало съ висѣвшими въ глубинѣ его облаками, печальнымъ сѣрымъ небомъ и опрокинутыми прибрежными лѣсами. Шестъ пересталъ доставать дно, которое далеко внизу виднѣлось сквозь чистую, какъ слеза, воду, и мальчикъ, крѣпко упираясь посинѣлыми отъ холода ногами, бурлилъ шестомъ, работая, какъ весломъ.

Низкое холодное солнце передвинулось къ самому лѣсу, когда плотъ ткнулся въ берегъ острова. Мальчикъ обулся и направился въ лѣсъ.

На стволахъ сосенъ бѣлѣли зарубки, которыя онъ сдѣлалъ нѣсколько дней назадъ. Лѣсъ былъ глухой, угрюмый, безъ тропокъ, безъ слѣда человѣчьяго, но мальчикъ шелъ легко и увѣренно, поглядывая на бѣлыя отмѣтины.

Въ чащѣ возлѣ кустарника неподвижно висѣла птица, свѣсивъ крылья и вытянувъ вверхъ шею.

Тонкая волосяная петля, захлестнутая за вѣтку, туго стягивала шею.

Мальчикъ высвободилъ мертвую птицу и бросилъ въ мѣшокъ. Но мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, мѣшокъ наполнялся птицами, которыхъ онъ вынималъ изъ силковъ.

Между кустарниками быстро мелькнуло и пропало что-то пушисто-красное. Мальчикъ бросился туда. На вѣткѣ неподвижно висѣла полуобъѣденная птица.

— Аххъ ты!..—сердито проговорилъ мальчикъ, осматривая объѣденную птицу и лисьи слѣды подъ деревомъ,—ладно, ужо приготовлю тебѣ гостинца.

Всѣ остальные силки оказались пустыми, или въ нихъ торчали однѣ объѣденныя головы и шеи.

Надо было собираться назадъ. Солнце сѣло. Мрачно и угрюмо стояли сосны. Стояла неподвижная, полная таинственности тишина. Мальчикъ торопился выбраться къ озеру, но лѣсъ упорно держалъ его, и все глуше и темнѣе становилось кругомъ.

„Какъ бы не заблудиться!“ тревожно мелькнуло въ головѣ, и онъ напряженно всматривался, но бѣлѣвшихъ прежде зарубовъ уже не было видно.

Наконецъ темнота слегка раздвинулась, и темнымъ блескомъ едва блеснула у берега вода. Мальчикъ прислушался: надъ потонувшимъ въ темнотѣ озеромъ стояла такая же мертвая тишина, какъ и въ лѣсу, только дышало оно мракомъ, холодомъ и сыростью.

Онъ сталъ ходить по берегу разыскивая плотъ, но вездѣ былъ все тотъ же пустынный молчаливый берегъ, такъ же едва поблескивала черная вода, и стояла дышавшая холодомъ и сыростью тишина.

— Окказія!.. Что будешь дѣлать?..

Мальчикъ прошелъ немного въ лѣсъ, сталъ на колѣни, пощупалъ вылѣзавшій изъ земли смолистый

корень, вырубилъ его, высѣкъ кремнемъ огня, зажегъ корень и помахалъ, чтобъ разгорѣлся.

Багровое пламя, струясь и колеблясь, дымно бѣжало, и въ лѣсу трепетно забѣгали тѣни, и въ багрово вспыхнувшей водѣ отразились покраснѣвшія вершины сосенъ.

Недалеко показался изъ красной воды уголъ плота.

Мальчикъ загасилъ огонь. И разомъ водворилась кромѣшная, непроглядная, чернильная тьма. Мальчикъ сложилъ на плотъ мѣшокъ съ провизіей, обгорѣвшій корень и оттолкнулся шестомъ.

Шестъ уходилъ все глубже и глубже, переставая доставать дно, и слегка бурлилъ водой. Плотъ тихо и беззвучно подвигался впередъ среди нѣмой тишины, среди непроглядnаго мрака.

Словно мертвое, заколдованное царство простиралось вокругъ на сотни верстъ, и не слышно было человѣческаго голоса, ни всплеска рыбы, ни писка птицъ. Шестъ бурлилъ, не доставая дна, и пѣнилъ невидимую воду, и тихонько колыхался плотъ, заброшенный и одинокій среди пустыннаго воднаго простора, среди холоднаго ночного мрака.

— Что жъ это... никакъ къ берегу не прибьешься!..

Мальчикъ тревожно стеръ потъ со лба и оглянулся: даже краевъ плота не видно. Поднялъ голову— та же густая непроницаемая молчаливая тѣнь,—ни одной звѣзды.

— Аххъ ты, Боже мой!—хлопнулъ себя по бедрамъ, поплевывая на руки, и опять принялся работать шестомъ.

Время уходило, стали ныть руки и плечи, а кругомъ все та же молчащая, холодная ночь, все такъ же неизвѣстно гдѣ блуждающій плотъ.

Хоть бы крикъ, хоть бы всплескъ! Ни одного живого существа.

Теперь онъ уже не представлялъ себѣ, гдѣ берегъ, къ которому онъ ѣхалъ, и гдѣ тотъ, отъ котораго отчалилъ. Все одинаково кругомъ безмолвно-мертво. Работалъ наугадъ, лишь бы не остаться безъ дѣла и не отдаться отчаянію.

Бревна отъ постоянной работы колыхались и стали расходиться подъ ногами. Наскоро связанный плотъ готовъ былъ развалиться. Мальчикъ съ отчаяніемъ работалъ, каждую минуту ожидая, что, какъ ключъ, пойдетъ между высвободившимися бревнами въ холодную воду и ляжетъ на далекое мертвое дно.

Онъ сѣлъ на корточки, положилъ шестъ и... заплакалъ. Заплакалъ безпомощными дѣтскими слезами, потому что въ этомъ огромномъ черномъ погребѣ не было выхода.

— Дядька-а-а Силантi-i-й!..— закричалъ онъ тонкимъ дѣтскимъ голосомъ.

Тысячу разъ повторила ночная темнота:

„... а-а-нні-і-ій!..“

Въ ту же секунду, заглушая умирающее эхо, зашумѣли тысячи невидимыхъ крылъ. Ночная тишина заполнилась непрерывающимся полетомъ. Мальчикъ съ радостью прислушивался: это были первые звуки, нарушившіе давившее мертвое молчаніе.

Онъ торопливо высѣкъ огонь и зажегъ остатокъ полуобгорѣлаго смолистаго корня. Багровое пламя разомъ оттѣснило темноту и легло свѣтлымъ кругомъ, но ничего не открыло, кромѣ воды. Только упавшій въ глубину красный свѣтъ

обманчиво озарилъ далекое дно и сонно дремлющихъ рыбъ.

Куда плыть? Гдѣ берегъ?

Остатокъ корня, треща и капля кипящей смолой, сталъ жечь пальцы. Мальчикъ бросилъ. Зашипѣвъ, мгновенно погасъ огонь. Темнота мертво сомкнулась со всѣхъ сторонъ. Шумъ крыльевъ смолкъ, и снова водворилось въ неподвижной темнотѣ неподвижное мертвое молчаніе. Но теперь не было такъ страшно,—и на водѣ и въ водѣ было множество живыхъ существъ.

Онъ опять сталъ наугадъ работать шестомъ, осторожно упираясь, чтобы не нарушить связей, въ бревна плота и вдругъ пріостановился и чутко прислушался: среди темноты стояла та же тишина, но почудилось легкое, почти неуловимое дуновеніе проснувшагося среди ночи вѣтерка.

Торопливо и обрадованно мальчикъ намочилъ слюной палецъ и, поднявъ, сталъ медленно поворачивать. Съ той стороны, откуда неуловимо тянулъ вѣтерокъ, въ пальцѣ почувствовалось ощущеніе холода. Быстро схвативъ шестъ, онъ сталъ гнать плотъ по направленію вѣтерка. Сердце радостно билось,—теперь онъ уже не будетъ кружить по озеру.

Вотъ о дно стукнулъ шестъ. Становилось мельче и мельче. Гдѣ-то недалеко берегъ.

Мальчикъ изо всѣхъ силъ налегъ на шестъ, но подъ ногами заскрипѣли бревна, лопнули связи, плотъ разошелся, и холодная густая, какъ кисель, вода охватила по поясъ.

Въ первую секунду захватило дыханіе. Мучительно-холодная острая вода вливалась за сапоги, за шаровары, и взмокшая рубаха липла къ тѣлу. Зубы стучали неудержимой мелкой дрожью. Мальчикъ схватилъ сумку съ провизіей, поднялъ надъ головой, прихватилъ мѣшокъ съ птицами къ поясу и, щупая ногой, сталъ пробираться среди холодной кромѣшной темноты. Мельчало. Уже ниже колѣнъ пѣнится и бурлитъ вода. Наконецъ берегъ.

Онъ дрожалъ, какъ листъ, и ноги сводило судорогой. Не теряя времени, онъ наломалъ еловыхъ и сосновыхъ вѣтвей, высѣкъ огня, и костеръ весело запылалъ, бросая багровый отсвѣтъ на воду, на деревья, на печально покачивающіяся, расплывшіяся бревна плота, и тѣни трепетали и прыгали между деревьями. Паръ валилъ отъ мокраго платья.

Въ лѣсу кто-то ходилъ. Подъ тяжелыми ступнями ломались вѣтви, трещалъ валежникъ, и чье-то сердитое урчаніе недовольно нарушало ночной покой.

— Шатунъ! ахъ ты... носитъ тебя нелегкая!..—и мальчикъ прислушивался къ треску ломаемыхъ медвѣдемъ вѣтокъ, усердно подбрасывая въ разгорѣвшійся костеръ, чтобъ отогнать непрошеннаго гостя.

Огонь огромнаго костра бушевалъ, пламя торопливо бѣжало, и въ багровыхъ просвѣтахъ лѣса то тутъ, то тамъ чудились маленькіе злые глазки, вытянутая морда, прижатыя уши.

Мальчикъ вложилъ два пальца въ ротъ, какъ-то особенно пронзительно свистнулъ и загоготалъ:

— О-го-го-го!

„О-о-о-о-о!“ далеко покатилось и отозвалось вмѣстѣ съ свистомъ по озеру, и опять безчисленно зашумѣли тысячи крылъ, и кто-то ходилъ по лѣсу, трещалъ валежникъ, и чудилось чье-то сердитое урчаніе.

Мальчикъ поворачивалъ къ огню то спину, то бока, то ноги, пока отъ нихъ не пересталъ итти паръ. Потомъ пожевалъ краюшку хлѣба, примостился у огня и... стало ему казаться, изъ лѣсу вышелъ медвѣдь, оскалилъ зубы, расхохотался и сталъ ѣсть въ мѣшкѣ наловленныхъ тетерокъ. Поѣлъ тетерокъ и принялся за мальчиковы ноги; отъѣлъ ноги, чихнулъ, отеръ лапой морду, сѣлъ на плотъ и поплылъ по озеру. Плыветъ по озеру, смотритъ на него мальчикъ, а это не мѣдвѣдь, а дядя Силантій. И будто стоитъ дядя Силантій и трясетъ его:

— Эй, вставай, Митюха, разоспался... солнце-то гдѣ!..

Раскрылъ Митя глаза, вскочилъ, видитъ—солнце поднялось надъ соснами, залило и лѣсъ, и озеро, и острова. А надъ озеромъ стоитъ неумолкаемый гамъ, плескъ, стонъ, и стаи пролетной птицы черными вереницами носятся надъ водой, и возлѣ чуть дышитъ полупотухшій костеръ.

— А я думалъ медвѣдь.

— Какой медвѣдь?

— Да ночью шатунъ все шатался по лѣсу... Я было пропалъ на озерѣ вчера: обознался, темь, не видать, куда плыть. Кабы не вѣтерокъ, пропалъ бы: плотъ-то подо мной разсѣлся.

— Ночью отчаливаешь, огонь на берегу зажигай, онъ и будетъ призначать направленіе,

— Ахъ, я дуракъ!.. И вѣрно!.. А я зажегъ корень да потушилъ... ну темь, хоть глазъ коли, не видать, куда ѣхать.

Они забрали птицу, заткнули за поясъ топоры и отправились домой.

А. Серафимовичъ.

Вопросы. 1) Какой видъ имѣлъ лѣсъ осенью?
2) Кто нарушилъ тишину лѣса?
3) Что дѣлалъ мальчикъ въ лѣсу?
4) Красиво ли было озеро?
5) Какъ переправился Митя черезъ озеро?
6) Что случилось съ мальчикомъ въ лѣсу?
7) Что чувствовалъ онъ когда заблудился?
8) Въ чемъ заключалась опасность положенія Мити?

Пожаръ на кораблѣ.

I.

О чемъ только ни перемечталъ въ теченіе вахты молодой мичманъ, и какія только воспоминанія, хорошія и поэтическія, ни приходили въ его голову! Но къ концу вахты южная ночь точно околдовала и его, и онъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, чтобъ не поддаться дремѣ... Онъ нарочно ходилъ взадъ и впередъ, боясь прислониться къ поручнямъ, такъ какъ зналъ по опыту, что, прислонись онъ на минутку, и тотчасъ же задремлетъ. Бывали такія оказіи! Околдовывали его эти тихія, нѣжныя ночи и въ тропикахъ, гдѣ дулъ вѣтеръ, а тутъ...

Мичманъ вдругъ остановился: странный запахъ ошеломилъ его. Онъ потянулъ носомъ... Нѣтъ сомнѣнія, дымъ и острый запахъ гари.

„Господи, что это такое?“ подумалъ онъ, и бросился съ мостика на палубу. А ужъ боцманъ, перескакивая черезъ спящихъ, бѣжалъ къ нему навстрѣчу.

— Ваше благородіе!—тревожно проговорилъ боцманъ,—нехорошо пахнетъ.

— То-то и я слышу... Откуда пахнетъ?

— Будто изъ-подъ палубы, ваше благородіе...

Принесли фонари. Легкія струйки дыма вырывались изъ-подъ плотно закрытаго люка, въ передней части трюма, гдѣ находился грузъ.

— Открыть люкъ!

Едва нѣсколько человѣкъ приподняли тяжелую крышу, покрывавшую одно изъ отверстій грузового пространства, какъ густые клубы дыма вырвались изъ него, и внизу блеснуло пламя.

— Барабанщика! Пожарную тревогу!—скомандовалъ объятый ужасомъ молодой офицеръ и послалъ сигнальщика разбудить капитана.

Не прошло и полминуты, какъ среди тишины раздалась частая тревожная дробь пожарной тревоги.

И вмигъ сонный корабль сталъ живымъ и освѣтился фонарями. Всѣ, какъ бѣшеные, ринулись по своимъ мѣстамъ. Черезъ двѣ, три минуты часть команды была съ топорами, а другая у помпъ, или переносныхъ пожарныхъ трубъ.

Капитанъ, по обыкновенію невозмутимый и серьезный, давалъ приказанія. Только скулы его бѣлобрысаго лица двигались быстрѣе, да глаза возбужденно горѣли.

— Руби палубу!.. Заливай здѣсь!—командовалъ онъ рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ.

Нѣсколько десятковъ топоровъ рубили палубу около люка. Всѣ помпы дѣйствовали и выбрасывали воду въ клубы густого чернаго дыма, изъ-подъ котораго вырывалось пламя, все больше и больше.

— Залита ли крюйтъ-камера?—спросилъ капитанъ старшаго офицера.

— Залита, Арнольдъ Арнольдовичъ!—отвѣчалъ старшій офицеръ.

— Осмотрите остальной трюмъ... Поднять всѣ люки!

Подняли другіе люки. Дымъ, правда, слабый, поднимался и изъ нихъ.

— Воды! воды! Качай сильнѣе, ребята! — кричалъ капитанъ. Завязалась отчаянная борьба людей съ огнемъ.

Капитанъ былъ теперь блѣденъ, какъ полотно, сознавая весь ужасъ положенія. Очевидно, что-нибудь тлѣло внизу уже давно, и теперь было трудно бороться съ огнемъ.

Но онъ не падалъ духомъ. Надежда спасти судно не покидала его.

Онъ самъ ринулся въ трюмъ черезъ другой люкъ, чтобъ посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится остальной грузъ, и вышелъ оттуда мрачный. И тамъ все горѣло внизу.

Онъ отдалъ приказаніе выбрасывать еще не загорѣвшійся грузъ за бортъ. Но скоро это сдѣлалось невозможнымъ. Матросы задыхались въ дыму.

Помпы все время работали, вода лилась, но пожаръ въ трюмѣ не утихалъ. Еще нѣсколько времени— и загорѣлось самое судно. Пылала палуба, загорѣлись смолистыя снасти. Огонь поднимался наверхъ. Начала горѣть передняя мачта.

Капитанъ понялъ, что борьба невозможна и что пора спасать людей. Попрежнему, полный самообладанія, онъ приказалъ бросить всѣ работы и спускать гребныя суда на воду. Отдавая приказанія объ этомъ, онъ не забылъ ни одной мелочи: распорядился, чтобы на всякую шлюпку была взята провизія, боченки съ прѣсной водой и запасныя весла и паруса.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ старшему штурману спасти шканечный журналъ [1]), инструменты и карты, а ревизору — денежный сундукъ.

Благодаря наружному спокойствію финляндца - капитана, на транспортѣ не было никакой паники; все дѣлалось какъ на ученьи. Люди, занятые спускомъ шлюпокъ, работали съ лихорадочной поспѣшностью; другіе носили запасы провизіи, боченки съ водой, паруса и весла. Никто, казалось, въ эти минуты не думалъ объ опасности очутиться на шлюпкахъ въ океанѣ, въ пятистахъ миляхъ отъ берега Америки.

Передняя часть „Діаны“ уже вся пылала въ огнѣ, озаряя свѣтомъ частицу океана. Всѣ были на кормѣ транспорта. Баркасъ и два катера, совсѣмъ готовые, держались у борта, за кормой.

Капитанъ спустился въ свою каюту, торопливо сдернулъ со стѣны два портрета—молодой жены и крошки мальчика, сунулъ въ карманъ кошелекъ съ деньгами и хотѣлъ было уходить, какъ замѣтилъ своего вѣстового Захарку, усердно завязывающаго чемоданъ съ пожитками капитана.

— Ты что это?

— Ваши вещи собираю, вашескобродіе.

— Брось!

— Можно спасти, вашескобродіе.

— Не надо. Уходи отсюда.

Захарка съ недоумѣніемъ взглянулъ на капитана и выбѣжалъ изъ каюты.

Арнольдъ Арнольдовичъ прощальнымъ, полнымъ грусти взглядомъ обвелъ свою каюту — эту удобную комфортабельную каюту, въ которой онъ еще вчера чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ, и выбѣжалъ наверхъ.

II.

— Всѣ ли здѣсь? — спросилъ онъ старшаго офицера.

— Ребята!—съ грустной суровостью проговорилъ капитанъ,— мы сдѣлали все, что могли, чтобы спасти судно. Вы боролись такъ же мужественно съ огнемъ, какъ и со штормами... Спаспбо, ребята!

— Рады стараться, вашескобродіе!—гаркнули въ отвѣтъ матросы.

— Теперь намъ предстоитъ болѣе тяжелое плаваніе на шлюпкахъ. Будьте такими же молодцами, приготовьтесь къ лишеніямъ и слушайтесь своихъ офицеровъ. Помните, что, если каждый исполнитъ свой долгъ, — мы можемъ спастись... Не ропщите, если порціи пищи и воды придется уменьшить... И я и всѣ офицеры будутъ ѣсть столько же, сколько каждый изъ васъ... Съ собой лишняго ничего не брать... Оставить все... Господа офицеры, я васъ объ этомъ же прошу.

Всѣ, кто думалъ спасать имущество, побросали его на палубу.

— Теперь сажайте людей на шлюпки, Иванъ Иванычъ!—обратился капитанъ къ старшему офицеру.—Не суетись, ребята!.. Садись въ порядкѣ!—прибавилъ онъ и самъ поднялся на мостикъ, чтобы слѣдить за посадкой людей.

Матросы спускались по штормъ-трапу въ суровомъ безмолвіи; никто не ронялъ ни слова. Сперва сошли больные съ фельдшеромъ и врачомъ, потомъ — остальные матросы и офицеры, распредѣленные по шлюпкамъ.

---

[1]) Журналъ, въ который заносятся всѣ событія на суднѣ.

Пылала уже и гротъ-мачта. Впереди за ней все было объято пламенемъ. На мостикъ сыпались искры. Но капитанъ не оставлялъ своего поста, пока всѣ не сѣли въ шлюпки.

Тогда и онъ, едва сдерживая слезы, съ выраженіемъ горя на своемъ серьезномъ лицѣ, сошелъ съ мостика, съ котораго пять лѣтъ управлялъ любимымъ судномъ, и, взглянувъ любовнымъ взоромъ на горѣвшую „Діану“, спустился на баркасъ.

— Отчаливай! — скомандовалъ онъ.

Гребцы взялись за весла. Взоры всѣхъ обратились къ пылающему кораблю, который трещалъ, изрыгая пламя и сыпля искры среди безмолвія океана и окружающаго мрака ночи.

III.

Только теперь, казалось, моряки сознали ужасъ своего положенія. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сняли шапки и благоговѣйно крестились. По многимъ лицамъ текли слезы. Мысли о смерти пробѣгали въ головахъ.

А пламя разгоралось все ярче и ярче. Словно горѣлъ гигантскій факелъ среди океана. Прошло еще десятокъ минутъ, и вдругъ раздался глухой трескъ, и огненные снопы съ шипѣніемъ упали въ воду. „Діана“ исчезла изъ глазъ. Все вдругъ погрузилось въ темноту.

— О Господи! — шептали на шлюпкахъ матросы и снова крестились.

Маленькіе огоньки трехъ шлюпокъ тихо двигались одинъ за другимъ въ близкомъ разстояніи.

Весла, опускаясь въ воду, взрывали снопы блестящаго фосфорическаго свѣта, и капли, падавшія съ нихъ, казались брильянтами.

Плавная, но, несмотря на штиль, все-таки большая зыбь старика-океана стремительно качала крохотныя скорлупки, грозя ихъ проглотить. Но шлюпки легко прыгали по зыби: рулевые смотрѣли во всѣ глаза. По временамъ съ баркаса, шедшаго впереди этой маленькой флотиліи, жгли фейерверки, чтобы шлюпки не разлучились. Онѣ и безъ того не отставали одна отъ другой и жались другъ къ другу, словно бы ища спасенія въ тѣсномъ сосѣдствѣ.

А чудная ночь попрежнему вѣяла прохладой. И яркія звѣзды мигали сверху. И усталыхъ несчастныхъ моряковъ клонило ко сну. Они дремали, посмѣнно чередуясь на веслахъ.

IV.

Прошло двѣ недѣли, и маленькая флотилія еще была цѣла, направляясь полосою штиля къ американскому берегу. Каждое утро среди океана раздавалась утренняя молитва моряковъ, и въ полдень съ баркаса объявляли результатъ астрономическихъ наблюденій старшаго штурмана. До берега оставалось еще 100 миль. Но изъ семидесяти человѣкъ надежду увидѣть берегъ могли имѣть лишь сорокъ. Тридцать матросовъ и четыре офицера уже умерли отъ изнуренія и палящаго зноя. И оставшіеся въ живыхъ, казалось, съ покорностью ждали смерти, теряя надежду на спасеніе. Провизіи оставалось такъ мало, что на каждаго человѣка приходилось по маленькому кусочку солонины, по сухарю и по полкружкѣ воды въ день.

Капитанъ, исхудавшій и состарѣвшійся въ эти двѣ недѣли, напрасно старался поднять духъ моряковъ. Гребцы съ трудомъ опускали весла, и шлюпки безпомощно качались на океанѣ. Томимые жаждой, съ воспаленными глазами, жадно вглядывались моряки на горизонтъ, въ надеждѣ увидать судно. Но горизонтъ былъ пустъ. Одно небо да океанъ, океанъ да небо и сверху это жестокое палящее солнце, а съ боку, совсѣмъ близко у шлюпокъ, то и дѣло показывались акулы, ожидая поживы.

По временамъ многіе бредили и галлюцинировали. Имъ казалось, что они видятъ судно, и они съ дикою радостью кричали:

— Парусъ! парусъ!

И простирали исхудалыя руки, и на изможденныхъ лицахъ свѣтились радостныя, счастливыя улыбки... Но видѣнья исчезали, и снова отчаяніе являлось на смѣну радости.

Каждый день уносилъ новую жертву. Теперь къ смерти товарища относились съ тупымъ равнодушіемъ.

Многіе завидовали покойникамъ: по крайней мѣрѣ, они не страдаютъ отъ зноя и жажды. Находились даже люди, которые радовались, что убавился лишній ротъ.

Мертвеца кто-нибудь осѣнялъ крестомъ, и его сталкивали за бортъ. На глазахъ у всѣхъ акулы разрывали мертвое тѣло. Ужасъ охватывалъ зрителей. Каждый изъ нихъ думалъ, что придетъ и его чередъ быть истерзаннымъ.

И это особенно сокрушало матросовъ.

Такъ прошло еще три дня, три ужасныхъ, мучительныхъ дня.

Порядокъ и послушаніе еще кое-какъ сохранились, и матросы хоть и роптали и жаловались на голодъ и жажду, но довольствовались тѣми крошечными порціями солонины, сухарей и воды, которыя имъ выдавали офицеры. Провизія и вода находились подъ ихъ непосредственнымъ присмотромъ.

Но терпѣніе даже терпѣливыхъ русскихъ матросовъ истощалось. Чувствовалось, что скоро исчезнетъ дисциплина и забудется всякое чувство любви къ ближнему. И дѣйствительно, однажды ночью пять обезумѣвшихъ отъ голода матросовъ, пользуясь тѣмъ, что бывшіе на катерѣ двое офицеровъ заснули, вытаскали изъ бочки нѣсколько большихъ кусковъ солонины и съѣли ихъ и затѣмъ выпили большую часть воды.

Угроза старшаго офицера разстрѣлять виновниковъ нѣсколько подѣйствовала. Они просили прощенія, но отъ этого было не легче. Провизіи на катерѣ оставалось на два дня и то при самой микроскопической дачѣ...

Еще два дня, а тамъ голодная смерть...

Но вдругъ на разсвѣтѣ дня, когда была роздана послѣдняя провизія и на катерѣ оставалось десятка два матросскихъ сухарей, раздался чей-то радостный крикъ:

— Судно!.. Судно!..

И одновременно тотъ же крикъ раздался и съ двухъ другихъ шлюпокъ.

Безумная радость оживила несчастныхъ. Всѣ крестились и плакали. Взоры, полные надежды, были устремлены на горизонтъ.

Употребляя нечеловѣческія усилія, тѣ, у кого еще сохранились кое-какія силы, стали грести къ кораблю, бѣлые паруса котораго

ясно вырисовывались на горизонтѣ. Въ то же время со всѣхъ шлюпокъ не переставали махать флагами, привязанными къ поднятымъ весламъ. Стрѣляли изъ ружей и маленькой пушки на баркасѣ.

Прошелъ часъ, другой. Надежда смѣнялась отчаяніемъ, отчаяніе—надеждой. Замѣтятъ ли съ судна шлюпки?

И вдругъ среди безмолвія океана раздалось слабое „ура!“ Съ корабля отчалила шлюпка и шла къ бѣдствующимъ морякамъ.

Черезъ нѣсколько времени тридцать изможденныхъ страдальцевъ уже были на палубѣ французскаго купеческаго корабля.

К. М. Станюковичъ.

Задача. Составьте планъ для пересказа.

Сигналъ.

I.

Семенъ Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключъ—гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метелъ, болтовъ, костылей; дали двѣ книжечки съ правилами и расписаніе поѣздовъ. Первое время Семенъ ночи не спалъ, все расписаніе твердилъ: поѣздъ еще черезъ два часа пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки и все смотритъ и слушаетъ, не дрожатъ ли рельсы, не шумитъ ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читалъ по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Дѣло было лѣтомъ; работа не тяжелая, снѣгу отгребать не надо. Да и поѣзда на той дорогѣ рѣдки; обойдетъ Семенъ свою версту два раза въ сутки, кое-гдѣ гайки попробуетъ подвинтить, щебенку подровняетъ, водяныя трубы посмотритъ и идетъ домой хозяйство свое устраивать. Въ хозяйствѣ только у него помѣха была: что ни задумаетъ сдѣлать, обо всемъ дорожнаго мастера проси, а тотъ начальнику дистанціи доложитъ; пока просьба вернется, время и ушло. Стали Семенъ съ женою даже скучать.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семенъ съ сосѣдями-сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все смѣнить его собирались: едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, посрединѣ между будками на обходѣ; Семенъ шапку снялъ, поклонился.

— Добраго, — говоритъ, — здоровья, сосѣдъ!

Сосѣдъ поглядѣлъ на него съ боку.

— Здравствуй!—говоритъ.

Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собою встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семенъ.

— Что это, — говоритъ, — у тебя, молодица, мужъ неразговорчивый?

Помолчала баба, потомъ говоритъ:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сой-

дутся Семенъ съ Василіемъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и разсказываютъ про свое житье-бытье. Василій все больше помалчивалъ, а Семенъ и про деревню свою и про походъ разсказывалъ.

— Не мало,—говоритъ,—я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ - судьбу Господь дастъ, такъ ужъ и есть. Такъ-то, братецъ Василій Степанычъ.

А Василій Степанычъ трубку объ рельсъ выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнѣе и злѣе человѣка. Волкъ волка не ѣстъ, а человѣкъ человѣка живьемъ съѣдаетъ.

— Ну, братъ, волкъ волка ѣстъ, это ты не говори.

— Къ слову пришлось, и сказалъ. Все-таки нѣту твари жесточе. Не людская бы злость да жадность—жить бы можно было. Всякій тебя за живое ухватить норовитъ, да кусъ отхватить, да слопать.

Задумался Семенъ.

— Не знаю, — говоритъ, — братъ. Можетъ, оно и такъ, а коли и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бога положеніе.

— А коли такъ, — говоритъ Василій,—нечего намъ съ тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на Бога взваливать, а самому сидѣть да терпѣть, — это, братъ, не человѣкомъ быть, а скотомъ. Вотъ тебѣ мой сказъ.

Повернулся и пошелъ, не простившись. Всталъ и Семенъ.

— Сосѣдъ, — кричитъ, — за что же ругаешься?

Не обернулся сосѣдъ, пошелъ. Долго смотрѣлъ на него Семенъ, пока на выемкѣ на поворотѣ стало Василія не видно. Вернулся домой и говоритъ женѣ:

— Ну, Арина, и сосѣдъ же у насъ—зелье, не человѣкъ.

Однако не поссорились они; встрѣтились опять и попрежнему разговаривать стали, и все о томъ же.

— Э, братъ, кабы не судьба, не сидѣли бы мы съ тобой въ будкахъ этихъ,—говоритъ Василій.

— Что жъ въ будкѣ... ничего, жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эхъ, ты! много жилъ, мало нажилъ; много смотрѣлъ, мало увидѣлъ. Бѣдному человѣку, въ будкѣ тамъ или гдѣ, какое ужъ житье! Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василій Степанычъ,—двѣнадцать рублей.

— А я тринадцать съ полтиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу, отъ правленія всѣмъ одно полагается: пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, отопленіе, освѣщеніе. Кто же это намъ съ тобой двѣнадцать или тамъ тринадцать съ полтиной опредѣлилъ, позволь тебя спросить? А ты говоришь — жить можно! Ты пойми, не о полуторахъ тамъ или трехъ рубляхъ разговоръ идетъ. Хоть бы и всѣ пятнадцать платили. Былъ я на станціи въ прошломъ мѣсяцѣ: директоръ проѣзжалъ, такъ я его видѣлъ. Имѣлъ такую честь. Ѣдетъ себѣ въ отдѣльномъ вагонѣ; вышелъ на платформу, стоитъ. Да и не останусь я здѣсь долго, уйду куда глаза глядятъ.

— Куда же ты уйдешь, Степанычъ? Отъ добра добра не ищутъ. Тутъ тебѣ и домъ, и тепло, и земляцы маленько. Жена у тебя работница...

— Землицы! посмотрѣлъ бы ты на землицу мою. Ни прута на ней нѣту. Посадилъ было весной капустки, такъ и то дорожный мастеръ пріѣхалъ: „Это, — говоритъ, — что такое? Почему безъ допошенія? Почему безъ разрѣшенія? Выкопать, чтобъ и духа ея не было“. Пьяный былъ. Въ другой разъ ничего бы не сказалъ, а тутъ втемяшилось... „Три рубля штрафу!“

Помолчалъ Василій, потянулъ трубочку и говоритъ тихо:

— Немного еще, зашибъ бы я его до смерти.

— Ну, сосѣдъ, и горячъ ты, я тебѣ скажу.

— Не горячъ я, а по правдѣ говорю и размышляю. Да еще дождется онъ у меня, красная рожа. Самому начальнику дистанціи жаловаться буду. Посмотримъ.

И точно, пожаловался.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать, — ревизію дѣлали, — такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ порядокъ привести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили; на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка-сторожиха и старика своего выгнала травку подчищать. Работалъ Семенъ цѣлую недѣлю; все въ исправность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху мѣдную кирпичомъ до сіянія оттеръ. Работалъ и Василій. Пріѣхалъ начальникъ дистанціи на дрезинѣ, четверо рабочихъ рукоять вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ, только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ, подскочилъ Семенъ, отрапортовалъ по-солдатски. Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь? — спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто шестьдесятъ четвертомъ номерѣ кто?

Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридоновъ.

— Спиридоновъ, Спиридоновъ... а! это тотъ самый, что въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну, ладно, посмотримъ Василія Спиридонова. Трогай!

Налегли рабочіе на рукояти; пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семенъ на нее и думаетъ: „Ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра“.

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видитъ, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что виднѣется. Сталъ Семенъ присматриваться — Василій: въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленькій, щека платкомъ завязана.

— Сосѣдъ, куда собрался? кричитъ Семенъ.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко; лица на немъ нѣту: бѣлый, какъ мѣлъ, глаза дикіе; говорить началъ—голосъ обрывается.

— Въ городъ, — говоритъ, — въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... вотъ что! Жаловаться, стало-быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ... братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь

разбилъ. Пока живъ, не забуду, не оставлю такъ.

Взялъ его за руку Семенъ.

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ-судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю; но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все, — съ дрезины сошелъ, — въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать, все какъ слѣдуетъ исправилъ. Ѣхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричать: „Тутъ,—говоритъ,— правительственная ревизія, такой сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать. Тутъ, — говоритъ, — тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!“ Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дастъ онъ мнѣ... а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ. Уѣхали они, опамятовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ. Да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ! Не знаю, найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь: завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди, ушелъ Василій, и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала, извелась совсѣмъ, поджидаючи мужа. На третій день проѣхала ревизія; вагонъ багажный и два перваго класса, а Василія все нѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семенъ его хозяйку: лицо отъ слезъ пухлое. глаза красные.

— Вернулся мужъ? — спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

II.

Научился Семенъ когда-то, еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ въ таловой палкѣ сердце, дырки, гдѣ надо, высверлитъ, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ и такъ славно наладитъ, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копейки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка; на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ; спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было, тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чиликаютъ да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семенъ немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семенъ скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ участкѣ не было. „Что бы это значило?“ думаетъ. Выходитъ онъ на опушку — передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь поды-

мается: наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ — и человѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ, — не можетъ. Видитъ онъ Василія, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василій Степанычъ! Отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ, поставимъ рельсъ, никто не узнаетъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха!

Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ, палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ничѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семенъ къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ, — вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу—до будки сто саженъ не больше осталось, — слышитъ, на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи, спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семенъ: хватитъ паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и вдребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать саженъ, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя. Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не поспѣешь.

Не добѣжалъ Семенъ до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ — зачѣмъ; дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ— рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища, перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семенъ рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь: видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума, одна мысль въ го-

ловѣ: „Не устою, упаду, уроню флагъ: пройдетъ поѣздъ черезъ меня... Помоги, Господи, пощли смѣну...“

И стало черно въ глазахъ его и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.

— Вяжите меня,—говоритъ:— я рельсъ отворотилъ.

В. М. Гаршинъ.

Задача. Сравните Василія съ Семеномъ.

По слѣдамъ оленя.

I.

Стояла сильная жара. Янъ вышелъ на охоту за птицами и блуждалъ среди безконечныхъ лѣсныхъ зарослей и прогалинъ, покрывающихъ пустынную мѣстность вблизи Кербери, посящую названіе „Песчаныхъ холмовъ“. Солнечные лучи нагрѣли воду въ многочисленныхъ болотистыхъ прудахъ, и Янъ направился къ „Роднику слѣдовъ“, единственному мѣсту, гдѣ онъ могъ найти холодную воду.

На берегу родника его вниманіе привлекъ изящный слѣдъ маленькаго копыта, рѣзко оттиснутый на тинѣ.

Яну никогда раньше не приходилось видѣть подобныхъ слѣдовъ, тѣмъ не менѣе, онъ вздрогнулъ отъ удовольствія, угадавъ, что это былъ слѣдъ дикаго оленя.

— Олени больше не водятся на этихъ холмахъ, — говорили Яну колонисты.

Но когда выпалъ первый снѣгъ, Янъ, вспомнивъ о видѣномъ имъ на берегу родника слѣдѣ оленьяго копыта, перекинулъ спокойно ружье за плечи и сказалъ себѣ:

— Я буду шататься по холмамъ каждый день, пока не убью оленя.

Янъ былъ высокій, крѣпкій двадцатилѣтній парень; онъ не могъ еще считаться заправскимъ охотникомъ, но онъ былъ неутомимымъ ходокомъ и отличался рѣдкою настойчивостью.

Непзмѣнно каждый день Янъ взбирался на холмъ, отыскивая оленя; каждый день ему приходилось отмѣривать десятки миль по снѣгу, и все же съ наступленіемъ ночи онъ возвращался въ свою избушку, не видавъ оленьяго слѣда.

Но терпѣніе все превозмогаетъ: послѣ долгихъ, тяжелыхъ скитаній по южнымъ холмамъ Янъ наткнулся, наконецъ, на оленьи слѣды — слѣды давніе и едва замѣтные, но несомнѣнные слѣды оленя!—и онъ снова вздрогнулъ отъ удовольствія, какъ лѣтомъ.

Онъ быстро побѣжалъ по слѣду, несясь все впередъ и впередъ по трудному, утомительному пути среди безчисленныхъ зарослей и холмовъ.

Оленьи слѣды становились все яснѣе и замѣтнѣе.

Нагнувшись и не поднимая головы, онъ все время внимательно присматривался къ слѣдамъ, и поэтому былъ чрезвычайно пораженъ внезапнымъ появленіемъ двухъ съ-

рыхъ животныхъ съ большими ушами, ускакавшихъ съ маленькой прогалины, на которую вышелъ Янъ. Они вскочили на бывшую вблизи насыпь и, поворотивъ головы, глядѣли на Яна.

Какое поразительное зрѣлище представляли эти животныя! Они какъ бы парализовали Яна своими кроткими глазами, выраженіе которыхъ онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ. Охотникъ понялъ, кто предъ нимъ. Вѣдь онъ цѣлыя недѣли страстно выжидалъ этой встрѣчи! И, несмотря на это, все-таки встрѣча оказалась неожиданной; всѣ его планы разсѣялись, какъ дымъ, и онъ стоялъ пораженный восторженнымъ удивленіемъ.

— О - о - о! — вырвался тихій вздохъ изъ его груди.

Въ то время, какъ Янъ глядѣлъ на оленей, они повернули головы, но Яну продолжало казаться, что онъ чувствуетъ ихъ взглядъ на себѣ.

Между тѣмъ олени, выбравъ болѣе ровное мѣсто, начали спрыгивать съ насыпи и снова вскакивать на нее, какъ будто забавляясь. Они, казалось, совсѣмъ забыли о Янѣ и, едва прикасаясь копытами земли, безъ всякаго видимаго усилія подпрыгивали на высоту шести-семи футовъ. Янъ стоялъ неподвижно, обвороженный странной игрой этихъ легконогихъ, покрытыхъ сѣрою шерстью созданій. Въ ихъ движеніяхъ не было замѣтно ни страха ни поспѣшности, и Янъ рѣшилъ наблюдать ихъ игру, пока они не начнутъ убѣгать.

„Вѣдь должны же они,— думалъ онъ, — въ концѣ-концовъ, испугаться и начать бѣжать тѣми гигантскими прыжками, о которыхъ онъ столько наслышался отъ старыхъ охотниковъ“.

И лишь замѣтивъ, что силуэты оленей дѣлаются все менѣе ясными, Янъ понялъ, что они уже убѣгаютъ отъ него, что они уже спасаются отъ опасности.

Олени поднимались все выше и выше на холмъ; когда имъ приходилось огибать какой-либо крутой кряжъ скалы, тѣла ихъ граціозно изгибались; временами, когда передъ ними раскрывалась глубокая расщелина, которую нужно было перескочить,— казалось, что эти безкрылыя птицы на нѣсколько мгновеній повисали въ воздухѣ.

Янъ не могъ оторвать глазъ отъ оленей, пока они не исчезли совсѣмъ; ему и въ голову не пришла мысль выстрѣлить по нимъ.

II.

Прошелъ годъ. Наступилъ новый охотничій сезонъ, и Янъ почувствовалъ снова пробужденіе охотничьей страсти; страсть эта разгоралась яркимъ пламенемъ благодаря доходившимъ до него слухамъ.

Разсказывали, что на холмахъ появился громадный олень; его даже прозвали „оленемъ Песчаныхъ холмовъ“. Много ходило разсказовъ о его необычайной величинѣ и быстротѣ; о вѣнчавшихъ его голову громадныхъ вѣтвистыхъ рогахъ, мощныхъ, какъ бы вылитыхъ изъ бронзы, съ верхушками, блиставшими, какъ слоновая кость.

Немудрено, что съ первымъ же выпавшимъ снѣгомъ Янъ отправился на охоту, сопровождаемый нѣсколькими товарищами, которыхъ онъ успѣлъ заразить своею страстью. Они подъѣхали въ са-

няхъ къ Сосновому холму и разошлись въ разныя стороны съ условіемъ встрѣтиться снова ко времени заката солнца.

Но такъ какъ оленій слѣдъ не попадался вблизи холма, Янъ вышелъ изъ зарослей и направился къ долинѣ Кеннеди, гдѣ, по слухамъ, недавно видали громаднаго оленя.

Пройдя нѣсколько миль, онъ, дѣйствительно, напалъ на крупный оленій слѣдъ, который очень рѣзко отпечатался на снѣгу и прерывался громадными скачками. Янъ понялъ сразу, что предъ нимъ слѣдъ „оленя Песчаныхъ холмовъ“, о которомъ ходило столько разсказовъ.

Охотникъ почувствовалъ внезапный приливъ силъ, и, какъ волкъ, помчался по слѣду.

Янъ, впрочемъ, зналъ, что ему не удастся добраться до Соснового холма въ назначенный срокъ; товарищи едва ли будутъ ждать его такъ долго. Но это нимало не безпокоило его: онъ обладалъ желѣзными ногами и выносливостью хорошей охотничьей собаки. Десять миль были для него пустякомъ: онъ могъ охотиться цѣлый день и, возвращаясь домой, не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Эти одинокія скитанія по пустыннымъ холмамъ наполняли его сердце какой-то дикой восторженной радостью.

Не заставъ товарищей на условленномъ мѣстѣ, Янъ даже обрадовался, почувствовавъ себя вполнѣ свободнымъ.

О, какой чудный закатъ удалось ему видѣть въ этотъ день въ долинѣ Кеннеди: снѣгъ переливался багровыми лучами, и высокіе тополи стояли облитые пурпурнымъ золотомъ! Какъ хороша была прогулка по быстро темнѣвшему лѣсу, когда наступили сумерки, и на небѣ показалась луна!

— Это лучшіе дни моей жизни,— повторялъ онъ: — это мои золотые дни!

Приближаясь къ Сосновому холму, Янъ закричалъ громко и протяжно: „У-р-р-р-а!“

— Можетъ-быть, они еще тамъ,— сказалъ онъ. Но въ сущности онъ издалъ этотъ крикъ, чтобы дать исходъ жизнерадостному чувству, переполнявшему все его существо.

Въ это время вмѣсто отклика товарищей до его слуха донесся отдаленный вой волковъ съ долины Кеннеди. Янъ, дурачась, издалъ отвѣтный вой, подражая волкамъ. Волки дружно отвѣтили ему, и, на этотъ разъ прислушавшись къ вою, онъ понялъ, что они собрались въ стаю и бѣгутъ по чьему-то слѣду. Такой вой они издаютъ обыкновенно лишь въ погонѣ за

добычей. Вой слышался все ближе и ближе, повторяемый эхомъ окружавшаго Яна лѣса. Внезапно въ его головѣ мелькнула мысль: „Вѣдь они на моемъ слѣду! Они гонятся *за мной!*“

Тропинка, по которой онъ шелъ, вилась теперь по небольшой прогалинкѣ. Въ такой холодъ было немыслимо спасаться на вершинѣ какого-либо дерева, и Янъ, выйдя на середину прогалины, сѣлъ на освѣщенномъ луной снѣгу, крѣпко сжимая одной рукой стволъ ружья и нащупывая другой патроны. Сердце его сжималось отъ новаго, страшнаго ощущенія. Изъ лѣса доносился глубокій мелодическій вой... Все ближе и ближе... Но вотъ этотъ вой принялъ другой характеръ и затѣмъ внезапно смолкъ. Благодаря лунѣ было свѣтло, какъ днемъ: волки, вѣроятно, увидали Яна и остановились у края прогалины. Справа послышался трескъ вѣтки, слѣва— заглушенный вой, и затѣмъ снова настала тишина.

Янъ чувствовалъ, что онъ окруженъ, что волки слѣдятъ за нимъ, спрятавшись за деревьями. Но напрасно онъ напрягалъ зрѣніе, стараясь прицѣлиться: волки были умны и не показывались. Янъ тоже былъ уменъ и сидѣлъ спокойно; стоило ему побѣжать, и стая бросилась бы на него.

Вѣроятно, это была небольшая стая, рѣшившая на своемъ военномъ совѣтѣ оставить Яна въ покоѣ. Подождавъ около двадцати минутъ, Янъ поднялся и отправился домой.

На пути домой онъ подумалъ: „Ну, теперь я знаю, что долженъ чувствовать олень, когда онъ слышитъ за собой звуки шаговъ и щелканье взводимаго курка“.

III.

Охотничій сезонъ уже близился къ концу, когда Янъ въ одно морозное утро отправился въ большой сосновый лѣсъ. На пути ему встрѣтился дровосѣкъ, разсказавшій Яну о своей встрѣчѣ въ лѣсу съ ланью и гигантскимъ оленемъ, у котораго, по словамъ дровосѣка, „былъ цѣлый лѣсъ роговъ на головѣ“.

Янъ отправился прямо къ указанному ему дровосѣкомъ лѣсу и, дѣйствительно, вскорѣ напалъ на слѣды; одинъ изъ нихъ напоминалъ слѣдъ, который Янъ когда-то видалъ у ручья, другой — громадный слѣдъ — несомнѣнно, принадлежалъ „оленю Песчаныхъ холмовъ“.

Въ Янѣ снова пробуждался звѣрь: онъ готовъ былъ завыть, подобно волку, попавшему на горячій слѣдъ.

Слѣды шли чрезъ лѣса и холмы, и по нимъ мчался Янъ, или скорѣе волкъ, въ котораго превратился охотникъ.

Освободясь отъ излишней одежды и мѣшавшихъ ему вещей, Янъ безшумно подвигался впередъ и впередъ, какъ змѣя, напавшая на слѣдъ зайца. Весь день олени кружились, переходя съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей и лишь изрѣдка останавливаясь, чтобы съѣсть немного снѣга, замѣнявшаго имъ воду.

Внезапно вдали отъ того мѣста, гдѣ былъ Янъ, что-то мелькнуло среди кустарниковъ.

„Можетъ-быть, это птица“, подумалъ Янъ, притаившись и внимательно всматриваясь. На сѣромъ фонѣ кустарниковъ немного выдѣлялся какой-то предметъ, и Яну

сначала показалось, что это просто бревно, на одномъ концѣ котораго подшимались суковатыя вѣтви. Но вотъ сѣрое пятно, привлекавшее вниманіе Яна, шевельнулось, суковатыя вѣтви на мгновеніе поднялись выше, и Янъ задрожалъ... Ему сразу стало ясно, что это сѣрое пятно въ кустарникахъ—олень, „олень Песчаныхъ холмовъ“!..

Какъ онъ былъ величественъ и полонъ жизни! Янъ глядѣлъ на него съ благоговѣйнымъ восторгомъ: это былъ король, облеченный въ мѣховую мантію, съ пышной короной роговъ на головѣ. Стрѣлять въ него теперь, когда онъ отдыхалъ, не подозрѣвая опасности, было страшнымъ преступленіемъ... Но Янъ вѣдь жаждалъ этой встрѣчи цѣлые мѣсяцы. Предъ нимъ былъ предметъ его страстныхъ исканій, и Янъ долженъ былъ стрѣлять.

Душевное волненіе росло съ каждымъ мгновеніемъ — и нервы Яна не выдержали: поднятое ружье задрожало въ его рукахъ, онъ не могъ хорошо прицѣлиться. Дыханіе его дѣлалось прерывистымъ, Янъ почти задыхался: вѣдь все зависѣло отъ того момента, когда онъ нажметъ курокъ!

Янъ опустилъ наведенное ружье... Все его тѣло конвульсивно вздрагивало отъ волненія. Прошло нѣсколько мгновеній, и Янъ снова овладѣлъ собой: его рука не дрожала болѣе, глаза ясно различали цѣль. И чего онъ такъ волнуется— вѣдь передъ нимъ всего лишь олень!..

Но въ это мгновеніе олень повернулъ голову, и Янъ ясно различилъ его задумчивые глаза, большія уши и ноздри.

„Неужели ты рѣшишься убить меня?“ казалось, говорилъ этотъ безоружный король, когда его взглядъ остановился на Янѣ. Янъ снова растерялся... По его тѣлу пробѣжала дрожь...

Наконецъ волкъ, сидѣвшій внутри Яна, заставилъ его выстрѣлить.

Выстрѣлъ былъ неудаченъ. Олень вскочилъ,—возлѣ него показалась лань. Другой выстрѣлъ — опять неудачный... Вслѣдъ за тѣмъ цѣлый рядъ выстрѣловъ... Но олени уже успѣли скрыться, быстро спрыгивая съ одного низкаго холма на другой.

IV.

„Возлѣ Керберн показалась масса оленей; недавно тамъ видали огромнаго оленя“.

Такія свѣдѣнія, между прочимъ, заключались въ письмѣ, полученномъ Яномъ, уѣхавшимъ на западъ, гдѣ ему пришлось вести монотонную жизнь, совсѣмъ не отвѣчавшую его вкусамъ. Письмо было получено въ началѣ охотничьяго сезона, когда Яномъ и безъ того начали овладѣвать приступы охотничьей лихорадки. Если раньше онъ еще колебался, то это письмо было послѣднимъ толчкомъ, прекратившимъ колебанія. Вскорѣ желѣзный конь уносилъ его къ роднымъ холмамъ; затѣмъ нѣсколько часовъ верховой ѣзды — и онъ былъ дома. И снова начались безконечныя охотничьи прогулки.

Вскорѣ до него дошла вѣсть, что вблизи одного озера, лежавшаго далеко на западной сторонѣ, видали оленье стадо, состоявшее изъ семи оленей, при чемъ ихъ вожакъ отличался колоссальными размѣрами.

Янъ, вмѣстѣ съ тремя другими охотниками, отправился въ са-

ияхъ къ дальнему озеру. Охотники вскорѣ напали на оленьи слѣды; шесть изъ нихъ были различныхъ размѣровъ, седьмой же, очень крупный, несомнѣнно, принадлежалъ знаменитому „оленю Песчаныхъ холмовъ“.

Какъ властно заговорилъ въ этихъ людяхъ кровожадный дикарь каменнаго вѣка, несмотря на обманчивую оболочку культуры! Съ какими жадными, горящими глазами пустились они по слѣдамъ!

Уже приближалась ночь. Они настигли стадо. Несмотря на настойчивыя требованія Яна, товарищи его не хотѣли оставить саней.

Вскорѣ на вершинѣ снѣжнаго холма они нашли свѣжіе слѣды. Очевидно, олени стояли здѣсь, обернувшись къ охотникамъ, а затѣмъ бросились въ разныя стороны. Прыжки ихъ достигали разстоянія въ двадцать пять футовъ. Звѣря все-таки не увидали, хотя шли дальше по слѣдамъ.

Ночь застигла охотниковъ, и они поспѣшно устроили привалъ среди снѣговъ.

Утромъ погоня продолжалась. Они пришли къ мѣсту почевки оленей: семь темныхъ, оттаявшихъ ямокъ ясно говорили, что тутъ лежали животныя.

Янъ со своимъ товарищемъ Дуффомъ вскорѣ напалъ на слѣдъ двухъ оленей. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что одинъ изъ нихъ именно тотъ великанъ-вожакъ, который уже два года не давалъ покоя Яну.

Они настигли животныхъ въ лѣсной чащѣ, но еще мгновеніе — и олени исчезли, разбѣжались въ разныя стороны. Янъ велѣлъ Дуффу преслѣдовать лань, а самъ поспѣшилъ въ ту сторону, куда скрылся олень-исполинъ.

Солнце склонилось. Янъ находился въ неизвѣстной ему мѣстности, кое-гдѣ поросшей лѣсомъ. Онъ угналъ оленя далеко отъ привычныхъ ему мѣстъ. Звѣрь былъ уже близокъ, и Янъ ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ увидитъ его, какъ вдругъ вдали раздался выстрѣлъ, затѣмъ другой — и олень спасся отъ охотника безумно стремительными прыжками. Догнать его было немыслимо. Онъ могъ мчаться съ такою быстротою очень долго.

Янъ вернулся и скоро нашелъ товарища. Дуффъ выстрѣлилъ два раза въ лань. Онъ говорилъ, что, навѣрно, попалъ въ нее во второй разъ. Итакъ, они отправились по слѣдамъ лани.

Въ полумилѣ они замѣтили на слѣдахъ кровь; но потомъ опять ничего не было видно, а слѣды стали какъ будто больше и явственнѣе. Поднималась метель, снѣгъ заметалъ ихъ; все же Янъ успѣлъ разобрать, что то были уже слѣды не раненой лани, а оленя, ея рогатаго друга. Надо было удостовѣриться, разрѣшить сомнѣніе: пришлось возвращаться обратно по слѣдамъ. Да, Янъ былъ правъ. Большой олень прибѣгъ на этотъ разъ къ той старой уловкѣ преслѣдуемаго звѣря, которую хорошо знаютъ опытные охотники: онъ искусно возвратился по своимъ слѣдамъ къ раненой подругѣ, чтобы дать ей возможность скрыться стороною, въ противоположномъ направленіи.

Охотники не поддались обману. Они разыскали слѣды раненаго животнаго и, какъ жадные волки, устремились дальше.

Олень, увидѣвъ, что его попытка отвлечь вниманіе преслѣдователей оказалась неуспѣшной, вернулся къ своей подругѣ. На закатѣ охот-

ники увидѣли ихъ пробирающихся вмѣстѣ по снѣжному склону холмовъ. Лань шла медленно, низко опустивъ голову. Ея товарищъ тревожно бѣжалъ впередъ, какъ будто не понимая, почему она отстаетъ; потомъ возвращался къ ней и ласково лизалъ ее, какъ будто приглашалъ поспѣшить.

Но охотники уже настигли ихъ. Завидѣвъ враговъ, олень потрясъ рогами, сталъ метаться туда и сюда и, наконецъ, умчался, какъ будто сознавая, что защита и борьба были бы безполезны.

Когда люди подошли, лань сдѣлала усиліе, чтобы подняться; но слабость ея была такъ велика, что она тутъ же свалилась. Дуффъ вынулъ ножъ. Яну раньше никогда не случалось думать о томъ, для чего, собственно, у него и у всѣхъ охотниковъ за поясомъ длинный ножъ. Бѣдная лань обратила къ своимъ врагамъ большіе блестящіе глаза. Въ нихъ стояли слезы. Но она не стонала, не испустила ни единаго крика. Янъ отвернулся, закрылъ лицо руками; Дуффъ съ ножомъ подошелъ къ ланп и совершилъ ужасное дѣло, что-то такое, чего нельзя высказать словами...

Янъ оцѣпенѣлъ, Дуффъ позвалъ его. Онъ медленно вернулся.

Подруга великана-оленя лежала безъ движенія на снѣгу. Когда они стали уходить, вдали мелькнула какая-то большая тѣнь и скрылась за холмами.

Черезъ часъ люди пришли съ санями и подняли убитую лань съ покраснѣвшаго отъ ея крови снѣга. Кругомъ на снѣгу они увидѣли свѣжіе крупные слѣды, и снова вдали, на бѣлѣющихъ холмахъ, въ темнотѣ ночи мелькнула и скрылась большая и темная тѣнь.

Какія печальныя, тяжелыя думы тѣснились въ эту ночь въ головѣ Яна при свѣтѣ костра! *Человѣкъ* проснулся въ немъ и язвилъ и упрекалъ кровожаднаго звѣря! Такъ *это* называется охотою?.. Къ *этому* онъ стремился?.. Послѣ долгихъ дней возбужденія, послѣ цѣлаго ряда неудачъ (благословенныхъ неудачъ!) онъ достигъ-таки желанной цѣли: прекрасное, измученное животное было обращено въ окровавленный, отвратительный трупъ...

V.

Но впечатлѣнія ночи разсѣялись съ наступленіемъ утра. Надъ холмами раздавался протяжный вой, и Янъ прислушивался къ нему. Его угнетала мысль, что, быть-можетъ, волкъ выслѣживаетъ оставленнаго имъ звѣря.

Компанія охотниковъ отправилась къ ближней усадьбѣ. Янъ придумывалъ, подъ какимъ бы предлогомъ ему остаться одному? Снова попался имъ на пути свѣжій слѣдъ оленя-великана, и юноша не вытерпѣлъ: онъ весь загорѣлся жаждою преслѣдованія.

— Я долженъ еще разъ увидѣть его,—твердилъ онъ про себя.

Остальнымъ надоѣло мерзнуть на трескучемъ морозѣ. Янъ взялъ себѣ изъ общихъ припасовъ маленькій чугунъ, одѣяло, кое-что изъ съѣстного и разстался съ товарищами.

— Прощайте! — крикнулъ онъ, уходя.

— Желаемъ удачи!

Сани и охотники скрылись изъ виду на холмистой равнинѣ. Янъ былъ одинъ. Никогда еще не испытывалъ онъ такого остраго чувства одиночества. Онъ скитался и прежде недѣли и мѣсяцы въ пу-

стынныхъ мѣстахъ одинъ-одинешенекъ, безъ товарищей, но никогда не страдалъ такъ, какъ теперь. Тяжелое чувство угнетало его. Сердце сжималось, когда онъ окидывалъ взоромъ безконечную нѣмую снѣжную пустыню. Онъ готовъ былъ побѣжать за товарищами, окликнуть ихъ, но гордость остановила его.

Потомъ они скрылись изъ виду: было поздно бѣжать за ними или звать ихъ. А потому онъ зашагалъ по слѣдамъ оленя,—по этой безконечной, не дававшей ему покоя, цѣпи слѣдовъ, во власти которыхъ онъ находился въ продолженіе двухъ лѣтъ. Эти слѣды покрыли своею легкою, запутанною сѣтью всѣ окрестные холмы и поля.

Янъ снова поддался этому неодолимому темному чувству и устремился въ поиски за оленемъ.

Янъ провелъ день въ безплодныхъ поискахъ оленьяго слѣда. Ночью онъ развелъ огонь и пожалѣлъ, что судьба не наградила его теплой пушистой шерстью. Онъ отморозилъ себѣ щеки и пальцы на ногахъ: отмороженныя мѣста болѣли и горѣли. Но Янъ и не помышлялъ о возвращеніи домой. Тайная надежда, что онъ въ этотъ разъ выслѣдитъ оленя, удерживала его въ пустынѣ.

На другое утрое какое-то странное, непонятное предчувствіе заставило его блуждать по пустынной равнинѣ, гдѣ не могло быть слѣдовъ оленя. И что же! Онъ внезапно увидѣлъ передъ собою ложбину, гдѣ, очевидно, ночевали олени. Шесть потемнѣвшихъ ямокъ, еще не занесенныхъ снѣгомъ, говорили о ночевкѣ большого оленя и его семьи.

Не успѣлъ Янъ пройти и полверсты, какъ изъ-за длинной гряды холмовъ, окутанныхъ туманомъ, выглянуло пять темныхъ головъ съ приподнятыми ушами, и показался вожакъ съ великолѣпными вѣтвистыми рогами. Это видѣніе мелькнуло и скрылось. Янъ не успѣлъ прицѣлиться, какъ животныя разбѣжались и исчезли за холмами.

Большой олень собралъ свою семью и бродилъ съ нею по снѣжнымъ холмамъ, когда завидѣлъ своего врага. И тогда онъ подалъ знакъ—разсыпаться по долинѣ, и всѣ мгновенно умчались въ разныя стороны.

Яну хотѣлось только одного—настигнуть ихъ вожака. Онъ направился къ узкой ложбинѣ, поросшей кустарникомъ и высокими лозинами, гдѣ протекалъ Сосновый родникъ.

— Онъ здѣсь, онъ скрывается тутъ и сторожитъ меня, но я его поймаю,—твердилъ Янъ.

Онъ не сводилъ глазъ съ чащи. Черезъ полчаса темная тѣнь отдѣлилась отъ лозинъ и осторожно взобралась на холмистую гряду. Когда олень исчезъ изъ виду, Янъ быстро пересѣкъ равнину и, обойдя ее, устремился навстрѣчу звѣрю. Но олень оказался дальновиднѣе охотника. Онъ угадалъ его обходъ и успѣлъ умчаться по прежнимъ своимъ слѣдамъ.

Олень хорошо понималъ, что дѣло идетъ о его жизни. Самый сильный и быстрый въ бѣгѣ олень ослабѣваетъ, если погоня продолжается нѣсколько дней сряду. Неутомимый охотникъ можетъ дождаться той минуты, когда звѣрь выбьется изъ силъ и самъ дастся ему въ руки.

Итакъ, Янъ преслѣдовалъ его безъ-устали по снѣжнымъ полямъ и холмамъ. Олень обманывалъ его,

возвращался по своимъ слѣдамъ, скрывался въ чащѣ съ подвѣтренной стороны, чтобы учуять приближающагося охотника задолго до того времени, какъ его глаза различатъ его въ чащѣ. Звѣрь обманывалъ человѣка, вводилъ его туда и сюда, внезапно исчезалъ, задавалъ ему неразрѣшимыя загадки. Но Янъ съ какимъ-то ожесточеніемъ выслѣживалъ его, распутывалъ его хитрости, разыскивалъ настоящій слѣдъ.

И большой олень выбился, наконецъ, изъ силъ, измучился до того, что не могъ уже ни ѣсть ни спать; въ ужасѣ отъ неумолимаго преслѣдованія онъ ослабѣлъ и изнемогъ, и прыжки его стали меньше: онъ готовъ былъ сдаться врагу.

VI.

Наконецъ олень и охотникъ очутились въ небольшомъ лѣсу, со всѣхъ сторонъ окруженномъ болотами. Три дороги вели въ этотъ лѣсъ, который, казалось, былъ предназначенъ для послѣдней, страшной встрѣчи оленя и Яна.

Осторожно прокрался Янъ по второй тропѣ, снялъ съ себя кафтанъ и поясъ, повѣсилъ на кустъ, а самъ пробрался назадъ къ болоту и съ величайшими предосторожностями, боясь хрустнуть вѣткою, побрелъ по третьей дорогѣ и спрятался въ кустахъ. Немного погодя, онъ тихо свистнулъ, какъ свиститъ птица сойка при приближеніи опасности.

Олени всегда слѣдятъ за крикомъ сойки. Изъ своей засады Янъ видѣлъ, какъ большой олень, настороживъ уши, пробирался на пригорокъ, чтобъ осмотрѣться. Тихій свистъ Яна превратилъ его въ неподвижную статую. Но кусты и деревья загораживали его.

Олень постоялъ нѣсколько минутъ, втягивая ноздрями воздухъ и вглядываясь вдаль. Онъ былъ обращенъ спиною къ Яну и, очевидно, не подозрѣвалъ его близости. Вѣтеръ зашевелилъ рукава кафтана на кустѣ. Олень быстро спустился съ пригорка и, неслышно ступая между деревьями, тихо, безшумно исчезъ.

Янъ напрягалъ свой слухъ до послѣдней степени, чтобы уловить, куда онъ ушелъ. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, всѣ жилки въ немъ трепетали, сердце стучало, въ рукѣ было готовое ружье.

Онъ тихо, осторожно приподнялся, и въ то же мгновеніе въ трехъ саженяхъ отъ него такъ же тихо поднялся, словно выросъ изъ земли, большой олень, „олень Песчаныхъ холмовъ“!

Пара великолѣпныхъ темныхъ глазъ смотрѣла на Яна; вѣтвистые рога увѣнчивали истинно-царственную голову; стройное тѣло стояло неподвижно, словно окаменѣло.

Янъ и „олень Песчаныхъ холмовъ“ встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу. Жизнь его была теперь въ рукахъ Яна.

Олень стоялъ, какъ изваяніе, онъ стоялъ и смотрѣлъ прямо въ глаза Яну своими большими, ясными, правдивыми глазами.

Ружье дрогнуло въ рукѣ Яна. Онъ поднялъ его и снова опустилъ, потому что олень не сводилъ съ него своего яснаго взора, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на него.

И Янъ тогда почувствовалъ, что волненіе его утихаетъ, что зубы уже не стучатъ у него, что въ немъ разливается какое-то спокойствіе и радость.

„Стрѣляй, стрѣляй скорѣй! Вѣдь ты этого добивался!“ говорилъ въ немъ какой-то голосъ, но голосъ этотъ звучалъ такъ неувѣренно, такъ слабо.

И Янъ вспомнилъ одну страшную ночь, когда его преслѣдовала стая волковъ, когда онъ, изнемогая отъ усталости, въ ужасѣ ждалъ ихъ приближенія; онъ вспомнилъ убитую лань и снѣгъ, обагренный ея кровью,—кровью преступнаго убійства. Ему вспомнились глаза умирающей лани, ея робкій, умоляющій взглядъ, которымъ она какъ будто хотѣла сказать: „Какое зло я вамъ сдѣлала?“

Мысль объ убійствѣ казалась теперь невозможной. Янъ смотрѣлъ на оленя, и олень не сводилъ съ него своихъ умныхъ ясныхъ глазъ. Казалось, они читали въ глазахъ и сердцахъ другъ у друга. Не могъ Янъ отнять у него жизни, и то, что давно уже зарождалось въ его душѣ, что незамѣтно въ ней укрѣплялось и зрѣло, заговорило вдругъ властно и громко.

Этотъ голосъ говорилъ:

„Бѣдное, чудное животное! Долго были мы врагами, я былъ преслѣдователемъ, ты—жертвою; но теперь все перемѣнилось. Жизнь твоя въ моихъ рукахъ, но ты не бойся меня. Мы—братья, прекрасное созданіе, только я старше и сильнѣе тебя. И если бы сила моя могла всегда оберегать тебя, ты никогда не зналъ бы опасности.

„Ступай, безъ страха броди по лѣсистымъ холмамъ—никогда болѣе не стану я преслѣдовать тебя съ волчьимъ чувствомъ въ груди, съ жестокостью и алчностью дикаго звѣря.

„Ступай спокойно, безъ страха.

„Никогда болѣе намъ не придется встрѣтиться. Но если бы ты могъ почаще смотрѣть въ мои глаза, я знаю, что все звѣрское исчезло бы изъ моей души.

„Никогда болѣе не придется намъ встрѣтиться. Прощай“.

Сетонъ-Томпсонъ.

Вопросы: 1. Что чувствовалъ Янъ, когда былъ на охотѣ?

2. Почему Янъ не рѣшился убить оленя?

3. Какія чувства боролись въ Янѣ?

4. Какое чувство взяло верхъ?

5. Припомните содержаніе разсказа «По слѣдамъ оленя» и скажите свое мнѣніе объ охотѣ.

6. Что вы можете сказать въ защиту охоты?

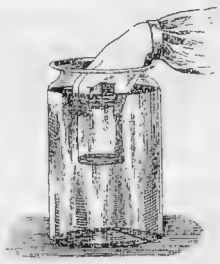
II. Природовѣдѣніе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

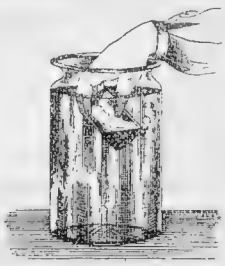
Воздухъ.

Гдѣ бы мы ни были на землѣ, насъ вездѣ окружаетъ воздухъ. Воздуха мы не видимъ, но всегда чувствуемъ его присутствіе. При каждомъ дыханіи онъ наполняетъ намъ легкія и очищаетъ нашу кровь. Если бы воздухъ не попадалъ въ наши легкія, мы умерли бы, задохнулись. Воздуха мы не видимъ вокругъ себя потому, что онъ *прозраченъ* и *безцвѣтенъ*. Хотя, когда его очень много, онъ имѣетъ голубоватый цвѣтъ. Въ ясный день надъ нами разстилается голубое небо. Это и есть воздухъ. Надъ землей онъ поднимается на нѣсколько десятковъ верстъ и вотъ въ такомъ большомъ количествѣ онъ и кажется намъ голубымъ.

Воздуха мы не видимъ и не слышимъ, пока онъ спокоенъ, но если мы побѣжимъ, то почувствуемъ, какъ воздухъ дуетъ (ударяетъ) намъ въ лицо; слышимъ, какъ онъ свиститъ мимо ушей. Чѣмъ быстрѣе мы будемъ бѣжать, тѣмъ сильнѣе воздухъ будетъ ударять намъ въ лицо, тѣмъ лучше мы будемъ чувствовать его присутствіе вокругъ насъ. Возьмите листъ бумаги и махните имъ передъ пламенемъ горящей свѣчи. Пламя отклонится въ ту сторону, въ которую вы махнули бумагой, хотя бумага и не коснулась его. Отчего это произошло? Бумага всколыхнула воздухъ около свѣчи, онъ пришелъ въ движеніе и отклонилъ пламя. Возьмите пустой стаканъ, опрокиньте его дномъ вверхъ и осторожно начните погружать въ сосудъ съ водой. Вода поднимется въ стаканѣ, но немного, а дальше не пойдетъ, сколько



Воздухъ не пускаетъ воду въ стаканъ.



Воздухъ выходитъ изъ стакана въ видѣ блестящихъ шариковъ.

бы мы ни погружали стаканъ въ воду. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ стаканѣ есть воздухъ. Онъ немного сжался, когда вода изъ сосуда стала входить въ стаканъ, а потомъ больше сжиматься уже не могъ и не пустилъ воду. Но стоитъ этотъ же стаканъ опустить въ воду немного наискось, чтобы воздухъ изъ него могъ выйти, тогда вода быстро наполнитъ стаканъ, а воздухъ изъ него, булькая въ водѣ, выйдетъ наружу въ видѣ блестящихъ шариковъ.

Воздухъ проникаетъ всюду, въ самыя мельчайшія скважины. Онъ находится даже въ водѣ. Онъ расходится въ ней такъ же, какъ расходится сахаръ или соль. Когда нагрѣваютъ воду, то на ея поверхности появляются пузырьки, которые лопаются сейчасъ же, какъ только появятся. Это выходитъ изъ воды воздухъ. Если бы въ водѣ не было воздуха, то въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ не могли бы жить рыбы и другія животныя, потому что воздухъ нуженъ для дыханія не только человѣку, но и всему живому на землѣ.

Мы уже говорили, что надъ землей воздухъ разстилается на нѣсколько десятковъ верстъ, покрывая ее какъ бы густою пеленою. Эту воздушную пелену называютъ воздушнымъ океаномъ или *атмосферой*.

Что же такое воздухъ? Ученые такія вещества, какъ воздухъ, называютъ веществами *газообразными* или просто *газами*, въ отличіе отъ тѣлъ *твердыхъ*, какъ, напр., дерево, камень, металлы и т. п., и *жидкихъ*, какъ молоко, вода, чай, спиртъ.

Вопросы. Что на землѣ повсюду окружаетъ насъ? Почему мы не видимъ воздуха? Что такое небо, которое разстилается надъ нами? Какъ можно доказать, что воздухъ дѣйствительно существуетъ? Кому нуженъ воздухъ? Какъ называется воздухъ, окружающій землю? Какія бываютъ тѣла? Назовите нѣсколько твердыхъ тѣлъ? жидкихъ? Къ какимъ тѣламъ принадлежитъ воздухъ?

Вѣтеръ.

Что такое вѣтеръ? Мы видимъ, какъ онъ поднимаетъ столбы пыли по дорогѣ, какъ качаетъ деревья и рябитъ воду, но самаго вѣтра мы не видимъ. Не видимъ же мы его потому, что не видимъ воздуха, вѣдь вѣтеръ—это движущійся воздухъ. Чѣмъ сильнѣе движется

Вѣтряная мельница.

воздухъ, тѣмъ сильнѣе дуетъ вѣтеръ. Воздухъ очень рѣдко бываетъ спокоенъ, по большей части онъ, хоть не сильно, но движется, колеблется, поэтому рѣдко и не бываетъ вѣтра. Стоитъ только внимательно посмотрѣть на листья деревьевъ, чтобы убѣдиться, что почти всегда есть вѣтеръ: они почти всегда движутся. Вѣтеръ имѣетъ разную силу, смотря по тому, тихо или быстро движется воздухъ. Человѣкъ давно уже сталъ пользоваться силой вѣтра и заставилъ его работать на себя.

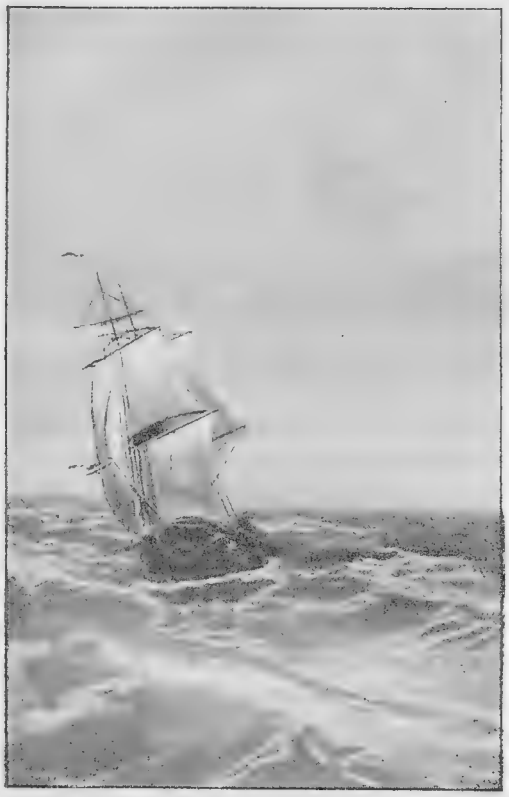
Вѣтеръ вертитъ крылья мельницы. Крылья вертятъ тотъ стержень, къ которому они придѣланы, стержень же вертитъ жерновъ, а жернова уже перетираютъ, мелютъ, зерна.

Вѣтеръ заставляютъ выкачивать воду изъ колодцевъ: прикрѣпятъ къ валу, къ которому придѣланы крылья, какъ у вѣтряныхъ мельницъ, веревку съ ведромъ. Вѣтеръ вертитъ крылья. Крылья вертятъ валъ, на него наматывается веревка и поднимаетъ ведро, полное воды.

Вѣтеръ гонитъ тучи по небу, гонитъ корабли по морямъ. Въ лѣтніе дни вѣтеръ приноситъ намъ прохладу,—приноситъ тучи съ освѣжающимъ дождемъ.

Зимой при вѣтрѣ бываетъ очень холодно.

Когда вѣтеръ очень сильно дуетъ, мы называемъ его бурей. Бури иногда



Вѣтеръ гонитъ корабли по морю.

приносятъ много вреда, особенно на морѣ.

Вопросы. Что такое вѣтеръ? Почему мы не видимъ вѣтра? Какую пользу приноситъ намъ вѣтеръ? Какъ дѣйствуетъ вѣтеръ на погоду лѣтомъ и зимой?

Задача. Наблюдайте и записывайте каждый день, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ. Черезъ годъ по этимъ записямъ опредѣлите, въ какую сторону чаще дуетъ вѣтеръ зимой и въ какую—лѣтомъ.

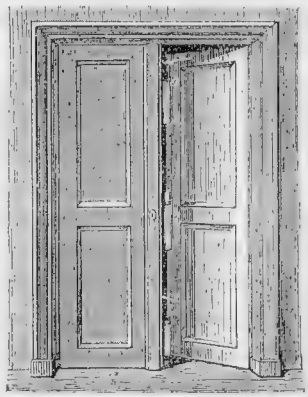
Отчего бываетъ вѣтеръ.

Если отворите дверь изъ теплой комнаты въ холодныя сѣни, то вы увидите, какъ въ теплую комнату повалитъ холодный воздухъ. Вы почувствуете, что изъ холодныхъ сѣней дуетъ вѣтеръ, т.-е. движется воздухъ въ теплую комнату. Поднесите свѣчу къ растворенной двери вверху, и пламя ея наклонится къ сѣнямъ; опустите потомъ свѣчку внизъ—пламя наклонится къ теплой комнатѣ. Наверху идетъ теплый воздухъ, дуетъ теплый вѣтеръ, а внизу дуетъ холодный вѣтеръ.

Земля нагрѣвается солнцемъ, но не повсюду солнце грѣетъ одинаково. Есть страны, гдѣ солнце круглый годъ грѣетъ словно лѣтомъ, но есть и такія страны, куда оно не заглядываетъ по цѣлымъ недѣлямъ. Отъ такого неравномѣрнаго нагрѣванія земли солнцемъ и бываютъ вѣтры.

Воздухъ на горячей поверхности земли нагрѣвается, а на холодной поверхности охлаждается. Нагрѣвшись отъ земли, воздухъ становится легче и поднимается вверхъ, а его мѣсто занимаетъ болѣе холодный воздухъ, который притекаетъ изъ сосѣднихъ мѣстъ. Это теченіе или движеніе воздуха и есть вѣтеръ.

Можетъ-быть, кто изъ васъ замѣтилъ, что днемъ дуетъ вѣтеръ съ рѣки, а ночью съ берега на рѣку. Это бываетъ вотъ отчего: земля днемъ скорѣе нагрѣвается, чѣмъ вода, а отъ этого днемъ надъ водою воздухъ будетъ холоднѣе, чѣмъ надъ землею; холодный воздухъ потянетъ на берегъ и вытѣснитъ оттуда теплый воздухъ кверху,—оттого днемъ вѣтеръ дуетъ съ рѣки.



Опытъ со свѣчей.

Какъ только зайдетъ солнце, то земля станетъ простывать и остынетъ скорѣе, чѣмъ вода; тогда надъ землею будетъ воздухъ холоднѣе, чѣмъ надъ водою, и потянетъ съ берега на рѣчку и будетъ тѣснить оттуда теплый воздухъ кверху,—оттого ночью вѣтеръ дуетъ съ берега.

Вопросы. Куда отклонится пламя свѣчи, если поднести ее къ верхней части полуотворенной двери? къ нижней? Отчего это происходитъ? Вездѣ ли одинаково нагрѣвается воздухъ на земной поверхности? Что отъ этого происходитъ? Въ какое время сутокъ вѣтеръ дуетъ съ воды на сушу? Въ какое время съ суши на воду? Почему въ комнатѣ на полу холоднѣе, чѣмъ у потолка?

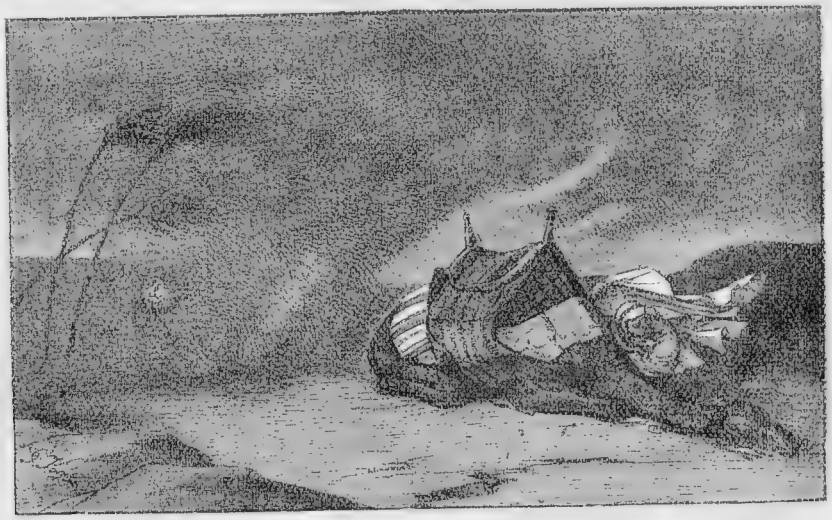
Задачи. Возьмите пушинку и бросьте ее близко отъ раскрытой дверки печи во время топки. Куда полетитъ пушинка? Почему? Зажгите свѣчу и поднесите ее къ открытой дверки растопленной печи. Что произойдетъ съ пламенемъ свѣчи? Почему?

Смерчъ на морѣ.

Какіе бываютъ вѣтры.

Иногда вѣтеръ проносится надъ землей съ такою силой, что вырываетъ съ корнями большія деревья, срываетъ крыши и причиняетъ людямъ не мало бѣдствій. Такой вѣтеръ называется вихремъ и ураганомъ Иногда ураганъ поднимаетъ на землѣ столбъ песку или на морѣ столбъ воды, который съ шумомъ и грохотомъ несется впередъ. Такой столбъ называется *смерчемъ*.

Когда сильный вѣтеръ дуетъ зимою надъ равниной, то онъ производитъ *буранъ*, тогда деревни и села скрываются подъ громадными сугробами снѣга, поѣзда останавливаются на цѣ-



Вѣтеръ засыпаетъ пескомъ путника въ пустынѣ.

лыя сутки, и пассажиры, застигнутые такой метелью, терпятъ голодъ и мерзнутъ отъ стужи. Когда же сильный вѣтеръ дуетъ въ мѣстахъ, покрытыхъ песками, тогда цѣлыя тучи песку летятъ по воздуху, закрываютъ собою солнце и засыпаютъ на пути все, что только имъ попадаетъ. Такъ, съ незапамятныхъ временъ вѣтеръ ведетъ свое разрушеніе въ мѣстахъ, покрытыхъ песками, и въ глубинѣ песковъ немало погребено человѣческихъ жизней; извѣстно, что въ древности, за двѣ тысячи четыреста лѣтъ до насъ, въ пустынѣ Сахарѣ было засыпано пескомъ цѣлое войско персидскаго царя; пятьдесятъ тысячъ человѣкъ были похоронены живыми.

Буранъ.

I.

Я приближался къ Оренбургу. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и, наконецъ, снялъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ! не прикажешь ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Что за бѣда!

— А вишь, тамъ что? (ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ-вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облако, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ объяснилъ мнѣ, что облако предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облака обратились въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ— и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. „Ну, баринъ, — закричалъ ямщикъ, — бѣда! буранъ!“..

II.

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихрь. Вѣтеръ выл съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

„Что жъ ты не ѣдешь?“ спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—„Да что ѣхать? — отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка. — Невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ“. Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: „И охота была не слушаться, — говорилъ онъ сердито:— воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ себѣ до утра; буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!“ Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть

признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго кружения метели...

Проказы вѣтра.

I.

Вихрь или смерчъ иногда бываетъ такой силы, что переноситъ вещи далеко съ одного мѣста на другое.

Лѣтъ сто тому назадъ смерчъ такъ позабавился надъ жителями одной страны. Среди всеобщаго затишья вдругъ налетѣлъ вихрь. Только что успѣлъ онъ промчаться, какъ изъ необычайной черной тучи полились потоки... самой настоящей пшеницы.

Пшеницы выпало довольно много,— болѣе тысячи пудовъ.

Оказалось, что передъ тѣмъ вихрь разрушилъ въ другой странѣ цѣлый десятокъ хлѣбныхъ амбаровъ. Смерчь подхватилъ зерна, взвился съ ними подъ облака и перенесъ ихъ за тысячи верстъ. Затѣмъ смерчъ ослабѣлъ. Вихрь уже не поддерживалъ зеренъ, и они стали падать внизъ, къ немалому изумленію и страху невѣжественныхъ и суевѣрныхъ людей.

II.

Еще большій переполохъ причинилъ одинъ разъ смерчъ между итальянцами.

Въ одномъ изъ городковъ Италіи [1]) среди бѣлаго дня (въ 2 ч. пополудни) вдругъ потемнѣло небо. Оно продолжало темнѣть, и скоро пришлось зажигать въ домахъ огни. Затемнила небо надвигавшаяся туча. Скоро туча стала принимать красный, а затѣмъ ярко-кровавый цвѣтъ!..

Суевѣрные люди рѣшили, что началось свѣтопреставленіе. На улицахъ, на площадяхъ открыто каялись въ

[1]) Италія—государство въ Европѣ.

Засыпаетъ.

грѣхахъ, рыдали. Страхъ еще болѣе увеличился, когда сверкнула молнія, громыхнулъ громъ и полились потоки кровяного дождя.

Кровавымъ этотъ дождь можно было назвать по цвѣту его капель. Невѣжественные итальянцы были совершенно неправы, утверждая впослѣдствіи, что они сами были очевидцами, какъ съ неба дождемъ лилась кровь.

Ученые изслѣдовали эти „кровяные“ дожди, и, конечно, въ его струяхъ не было и капли крови, зато вода его содержала массу животныхъ и растеній буро-краснаго цвѣта. Каждое такое животное и растеніе настолько мало, что невооруженнымъ глазомъ его и не замѣтишь. Они водятся въ прудахъ. Въ лѣтнее время они такъ быстро размножаются, что вода на поверхности пруда принимаетъ совершенно красновато-бурый цвѣтъ. „Прудъ ржавѣетъ“, говорятъ въ этомъ случаѣ и, конечно, не пугаются.

Какимъ же образомъ эти красно-бурыя животныя и растенія очутились на облакахъ?

Смерчъ поднялъ воду изъ ржаваго пруда въ облако, вѣтеръ угналъ облако за сотни и тысячи верстъ вмѣстѣ съ милліардами крошечныхъ красно-бурыхъ животныхъ и растеній, затѣмъ облако опустилось на землю въ видѣ дождя; вмѣстѣ съ водой попадали и тѣ крошечныя животныя, которыя ввели въ заблужденіе суевѣрныхъ людей.

Бывали случаи, когда вѣтеръ подхватывалъ тучу саранчи и несъ ее за море. Сильные вѣтры уносятъ и птицъ, и бабочекъ, и жуковъ. Случалось не разъ и такъ, что смерчъ налеталъ на такое поле, гдѣ водилось много червяковъ, гусеницъ, лягушекъ. Смерчъ закручивалъ ихъ, поднималъ высоко къ небу и уносилъ съ собою. Высоко надъ землей вѣтеръ дуетъ всегда сильнѣе, потому что ему нѣтъ тамъ никакой помѣхи. Вѣтеръ подхватывалъ тамъ животныхъ и, пока они падали, относилъ ихъ все дальше и дальше въ сторону. Такъ летаютъ по воздуху иныя животныя, которыя сами даже не могутъ летать. Бывали случаи, что ихъ относило на многіе десятки и даже сотни верстъ. Наконецъ они падали съ неба *дождемъ*, на удивленіе людямъ. Напримѣръ, въ 1806 году въ Германіи [1]) вдругъ стали падать съ неба раки. 18 іюня 1841 году въ Швеціи [2]) полтора часа падала съ неба вмѣстѣ съ дождемъ рыба,—колюшки, окуни, щуки, плотва. Рыбы упало такъ много, что она покрыла одно помѣстье сплошнымъ пластомъ. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ пластъ былъ толщиною въ четверть аршина. Нечего и говорить, что рыба была мертва; но раки, лягушки, саранча, червяки падаютъ иногда и живые.

Въ 1827 году въ Тверской губ. вдругъ посыпались дождемъ съ облаковъ червяки (гусеницы). Это привело народъ въ ужасъ. Дождь изъ червяковъ иные считали несомнѣннымъ колдовствомъ и наваждeніемъ, потому что никто не могъ понять, какъ попали на облака червяки. А попали они туда потому, что далеко отъ Тверской губерніи ихъ завертѣлъ и поднялъ къ облакамъ смерчъ.

Задача. Разскажите про проказы вѣтра.

Погода.

I.

Всякій видитъ туманъ, какъ онъ стелется по землѣ, но не всякій знаетъ, откуда и какъ берется онъ. Замѣтили ли вы, что когда дышишь въ теплой комнатѣ зимою или лѣтомъ днемъ на дворѣ, то пару не видно, а когда

1) Государство въ Европѣ.
2) Тоже.

дыхнешь въ холодной комнатѣ, либо на дворѣ зимой или же рано весной или осенью, то изо рта покажется, будто дымъ или туманъ. Точно такъ же паръ идетъ и отъ воды, будетъ ли то рѣка, озеро, прудъ, море — все равно, и когда тепло, то этого пара отъ воды не видно, а когда холодно, то онъ и показывается туманомъ. Это оттого, что паръ на холодѣ сгущается и потому дѣлается видимымъ. Если отворить зимою дверь изъ теплой комнаты въ сѣни, то по полу теплой комнаты пойдетъ туманъ. Это потому, что паръ, который есть въ комнатѣ, сгустился отъ холоднаго воздуху, идущаго низомъ изъ холодныхъ сѣней въ теплую комнату. Надъ болотами и прудами въ лѣтній день не видно тумана, потому что тогда тепло, а когда къ ночи похолодѣетъ, то паръ сгустится и будетъ туманъ. Когда же туманъ еще болѣе сгустится, то обращается въ воду и садится на все въ видѣ капель. Такъ, если дыхнешь на сухое, холодное стекло, оно потускнѣетъ, т.-е. покроется мельчайшими капельками воды. Значитъ паръ на холодномъ стеклѣ обратится въ воду. Говорятъ, что ночью окна плачутъ. Дѣйствительно, если рано утромъ посмотрѣть на окна, то и на самомъ дѣлѣ на стеклахъ увидишь капли, похожія на слезы. Это оттого, что въ комнатѣ всегда есть паръ, потому что тамъ всегда есть вода или что-нибудь другое влажное, паръ этотъ садится на стекла, которыя ночью снаружи остываютъ и дѣлаются холодными, а мы уже знаемъ, что паръ на холодныхъ предметахъ обращается въ маленькія капли воды. Когда же на дворѣ бываетъ очень холодно, то эти капли на стеклахъ замерзаютъ и образуютъ узоры, иногда очень красивые. Такимъ образомъ туманъ — это водяные пары, которые отъ холода сгустились и сдѣлались видимыми для глаза. Тамъ, гдѣ больше на землѣ влаги, чаще бываютъ и туманы.

II.

Когда туманъ поднимется кверху, то онъ кажется намъ въ видѣ облака или тучи. Дѣйствительно, облака и тучи—это тотъ же туманъ, только поднявшійся кверху. Это хорошо знаютъ люди, которые поднимались на воздушномъ шарѣ высоко надъ землею. Очень часто шаръ поднимается выше тучъ и облаковъ, и вотъ, когда онъ пролетаетъ черезъ нихъ, то кажется, будто онъ окруженъ туманомъ.

Изъ тумана образуются облака.

Посмотримъ теперь на дождь. Какъ паръ изо рта обращается на стеклѣ въ капельки, такъ и облако, поднимаясь вверхъ, если не разгонитъ его вѣтеръ, обращается въ небольшія капельки; капельки эти держатся въ воздухѣ пока еще малы и легки, но какъ только онѣ увеличатся, сдѣлаются болѣе тяжелыми, то онѣ уже не въ состояніи будутъ держаться въ воздухѣ и будутъ падать на землю. Вотъ вамъ и дождь.

Случается иногда, что по всѣмъ примѣтамъ собрались дождевыя тучи. Вдругъ поднимется вѣтеръ и разгонитъ ихъ, а иногда, когда совсѣмъ не ожидаешь, въ ясную и хорошую погоду, налетитъ вѣтеръ, нагонитъ тучи,

и пойдетъ дождь. Все зависитъ отъ того, какой подуетъ вѣтеръ. Если въ воздухѣ много водяныхъ паровъ и подуетъ вѣтеръ холодный, пары сгустятся, обратятся въ капли—пойдетъ дождь; если же подуетъ теплый вѣтеръ, пары разрѣдятся еще больше и понесутся по вѣтру — дождя не будетъ.

Иногда во время дождя на небѣ появляется радуга — круглая полоса, составленная изъ семи яркихъ цвѣтовъ: краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, голубого, синяго и лиловаго. Радуга бываетъ тогда, когда одна часть неба покрыта тучами и изъ нихъ идетъ дождь, другая же часть неба ясная и тамъ свѣтитъ солнце. Солнечные лучи освѣщаютъ падающія капли дождя и получается радуга. Радугу можно сдѣлать самому, стоитъ набрать въ ротъ воды, выйти на солнце и, ставши къ нему задомъ, брызнуть — получится хоть маленькая, но настоящая радуга.

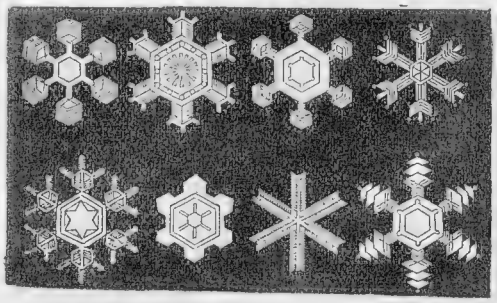
III.

Откуда берутся роса, иней и снѣгъ? Все это образуется изъ водяныхъ паровъ. Лѣтомъ по ночамъ бываетъ холоднѣе, нежели днемъ, а потому паръ садится водяными каплями на все — на траву, на листья деревьевъ, на землю; это и есть роса; всего обильнѣе осѣдаетъ паръ въ тихую, ясную ночь. Облачная ночь теплѣе, чѣмъ ясная, значитъ—и паровъ въ такую ночь садится меньше, и росы тогда менѣе, чѣмъ въ ночь ясную, а иногда даже и совсѣмъ не бываетъ. Облачная ночь теплѣе оттого, что тепло, которымъ земля нагрѣвается отъ солнца днемъ, выходитъ изъ нея ночью и, дойдя до облаковъ, опять отбрасывается къ землѣ. Вѣтеръ ночью тоже не даетъ парамъ осѣдать какъ слѣдуетъ, принося тепло или разнося пары, — и въ этомъ случаѣ роса не такъ бываетъ обильна, какъ въ тихую, ясную ночь.

Зимою такъ же, какъ и лѣтомъ, падаетъ роса, но только сейчасъ же и замерзаетъ: это—*иней*. Въ дорогѣ зимою усы и борода у человѣка, шерсть на лошадяхъ—все покрывается инеемъ, потому что отъ вспотѣвшихъ коней идетъ паръ, который тутъ же, на мѣстѣ, замерзаетъ и кажется намъ инеемъ. То же и съ человѣкомъ. Когда онъ дышитъ, выдыхаетъ изъ себя паръ, то послѣдній отъ холоду и замерзаетъ на усахъ и бородѣ.

Снѣгъ тоже образуется изъ водяныхъ паровъ. Положимъ, у насъ наступаютъ холода, а въ тепломъ краю еще тепло.

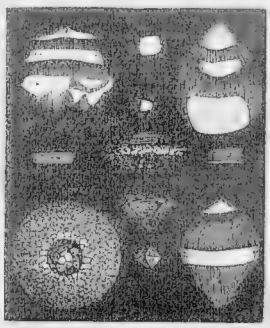
Вотъ оттуда подулъ къ намъ вѣтеръ, а извѣстно, что такой вѣтеръ не можетъ быть совсѣмъ безъ паровъ; когда же онъ съ парами, то тѣ капельки, изъ которыхъ образуются туманъ и облака, встрѣтивши нашъ морозъ, разомъ смерзаются въ снѣжинки, и эти снѣжинки падаютъ на землю, потому что не могутъ держаться на воздухѣ. Снѣгъ тихо падаетъ и одѣваетъ всю землю чистымъ и бѣлымъ ковромъ. Какъ становится красиво кругомъ! Вотъ на рукавъ вашей шубы упала одна, другая, третья снѣжинка. Всмотритесь въ нихъ хорошенько. Какія это хорошенькія, правильныя, шестиугольныя звѣздочки!



Снѣжинки.

Вглядитесь, всѣ онѣ разныя, и одна красивѣе другой!

Иногда дождевыя тучи собираются очень высоко; случается, что капли дождя изъ такихъ тучъ, падая на землю, встрѣчаютъ на своемъ пути холодные слои воздуха; проходя черезъ нихъ капли замерзаютъ и въ видѣ маленькихъ льдинокъ падаютъ на землю: это — *градъ*.



Градины.

Вопросы. Что такое туманъ? Гдѣ на землѣ чаще бываютъ туманы? Что такое облако и тучи? Какъ образуется дождь? Что такое радуга? Изъ сколькихъ цвѣтовъ состоитъ она? Назовите по порядку эти цвѣта? Какъ самому устроить радугу? Что такое роса? Въ какія ночи росы садится больше? Что такое иней? Какъ образуется снѣгъ? Что такое градъ?

Климатъ.

Когда мы выходимъ изъ комнаты наружу, подъ открытое небо, то всегда обращаемъ вниманіе на погоду, т.-е. тепло ли на дворѣ или холодно, свѣтитъ солнце или небо закрыто облаками и идетъ дождь, сыро или сухо, тихо или дуетъ вѣтеръ. Тепло, холодъ, вѣтеръ, сухость и сырость, вообще погода, мѣняются каждый день, а иногда и по нѣскольку разъ въ день. Кромѣ того, погода еще болѣе измѣняется смотря по временамъ года. При этомъ, однако, измѣненія погоды повторяются каждый годъ довольно правильно. Напримѣръ, у насъ въ средней Россіи наибольшая жара бываетъ лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, дожди чаще всего идутъ осенью, весна наступаетъ въ концѣ марта мѣсяца и т. д.

Всѣ измѣненія погоды въ какой-нибудь странѣ называются *климатомъ*.

Каждая страна имѣетъ свой климатъ. Есть, напримѣръ, страны, въ которыхъ дожди идутъ очень часто, чуть не каждый день. Въ такихъ странахъ, говорятъ, *сырой* климатъ. А есть такія, въ которыхъ почти круглый годъ не бываетъ дождя. Это—страны съ *сухимъ* климатомъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ зима бываетъ теплая, а лѣто не слишкомъ жаркое, — климатъ *умѣренный*; а въ другихъ—зима очень холодная, а лѣто короткое. Климатъ здѣсь будетъ *холодный*. Есть и такія страны, въ которыхъ зимы не бываетъ вовсе, — климатъ *теплый*.

Вопросы. Что такое климатъ? Какіе бываютъ климаты? Какой климатъ въ той мѣстности, гдѣ вы живете?

Изъ чего состоитъ воздухъ.

I.

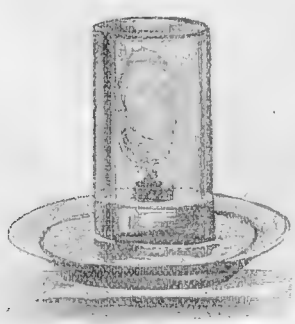
Мы говорили, что воздухъ—тѣло газообразное, что безъ него не можетъ жить ни одно живое существо. Сдѣлаемъ такой опытъ. Въ стеклянную банку посадимъ мышь. Въ первое время съ ней ничего не произойдетъ. Она будетъ бѣгать такъ же, какъ и на волѣ. Попробуемъ теперь трубкой вытянуть изъ банки воздухъ. Мышь потеряетъ сознаніе и упадетъ. Если за этимъ тотчасъ же опять въ банку впустить воздуху, мышь оживетъ и будетъ бѣгать; если же безъ воздуха продержать ее минуты двѣ, она околѣетъ, задохнется. Попробуйте зажать себѣ ротъ и носъ, чтобы воздухъ не проходилъ черезъ горло въ легкія, вы

Мышь, задохнувшаяся въ банкѣ, изъ которой вытянули воздухъ.

замѣтите, что въ такомъ состояніи можно пробыть одну, много двѣ минуты. Точно такъ же и подъ водой человѣкъ можетъ пробыть не болѣе двухъ минутъ, а затѣмъ нужно вобрать въ себя свѣжаго воздуха, чтобы не потерять сознаніе и не задохнуться. Ученые узнали, что для человѣка нуженъ не весь тотъ воздухъ, который онъ вдыхаетъ, а только одна его часть.

II.

Возьмемъ сосудъ, наполненный водой. На поверхность воды пустимъ пробку, а на нее положимъ кусочекъ фосфору. Фосфоръ зажжемъ и накроемъ стеклянной банкой. Фосфоръ горитъ, выдѣляя бѣлый дымъ, но подъ банкой онъ скоро потухаетъ. Бѣлый дымъ опустится въ нижнюю часть банки—на воду и растворится въ ней. По мѣрѣ его растворенія въ банку



Вода поднялась на одну пятую часть.

станетъ входить вода. Когда растворится весь дымъ, вода займетъ приблизительно пятую часть банки. Это произошло потому, что $^1/_5$ часть бывшаго тамъ воздуха сгорѣла, и мѣсто сгорѣвшей части воздуха заняла вода. $^4/_5$ части воздуха не сгорѣло, остались въ стаканѣ и не пустили на свое мѣсто воду. Та часть воздуха, которая сгорѣла, называется *кислородомъ*, а оставшаяся, которая не могла горѣть — *азотомъ*. Такимъ образомъ воздухъ есть смѣсь двухъ газовъ: кислорода и азота. Легко догадаться, какого газа въ воздухѣ больше. Такъ какъ вода, занявшая въ стаканѣ мѣсто кислорода, заняла только $^1/_5$ часть стакана, а вся остальная часть была занята другимъ газомъ — азотомъ, то, слѣдовательно, кислорода въ воздухѣ въ 4 раза меньше, чѣмъ азота.

III.

Возьмемъ двѣ стеклянныя банки съ узкими горлышками вверху; одну банку наполнимъ чистымъ кислородомъ, а другую—чистымъ азотомъ. Посмотримъ на свѣтъ ту и другую банку, мы увидимъ, что и тотъ и другой газъ прозрачны, банки какъ будто пустыя. Если мы затѣмъ понюхаемъ черезъ горлышко банки кислородъ и азотъ, то замѣтимъ, что они не имѣютъ и запаха. Попробуемъ на языкъ оба газа, увидимъ, что они не имѣютъ и вкуса. Такимъ образомъ, по внѣшнему виду оба эти газа какъ бы ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга; они *безцвѣтны, прозрачны, безвкусны и не имѣютъ запаха*. На самомъ же дѣлѣ между ними огромная разница. Возьмемъ лучинку, зажжемъ ее съ одного конца, дадимъ немного погорѣть, потомъ задуемъ пламя, на концѣ лучинки останется раскаленный уголь; теперь эту лучинку съ раскаленнымъ концомъ опустимъ въ кислородъ, лучинка тот-

часъ же вспыхнетъ и будетъ очень сильно горѣть. Вынемъ затѣмъ лучинку изъ кислорода и быстро, пока еще она горитъ, опустимъ въ азотъ. Лучинка погаснетъ, горѣніе тотчасъ же прекратится.

Сдѣлаемъ другой опытъ: раскалимъ докрасна желѣзную проволоку и быстро опустимъ ее въ банку съ кислородомъ. Проволока будетъ горѣть, разбрасывая во всѣ стороны яркія искры. Въ кислородѣ, значитъ горитъ даже и желѣзо. Опустимъ въ банку съ кислородомъ какое-нибудь маленькое животное — птицу или мышь; животное не задохнется, оно будетъ только сильнѣе дышать; попробуемъ опустить это же животное въ банку съ азотомъ и мы увидимъ, что дыханіе у него прекратится и, если продержать его тамъ нѣсколько минутъ, то оно совсѣмъ задохнется. Вотъ какая рѣзкая разница между кислородомъ и азотомъ. Кислородъ поддерживаетъ и горѣніе и дыханіе, а азотъ не поддерживаетъ ни того ни другого. Если бы въ воздухѣ совсѣмъ не было кислорода, а былъ бы одинъ азотъ, то все живое на землѣ погибло бы, задохлось, наступила бы смерть для всего живущаго. Точно такъ же безъ кислорода на землѣ не было бы и огня. Кислородъ, такимъ образомъ, поддерживаетъ жизнь на землѣ. Его поэтому и называютъ *животворящимъ* газомъ; азотъ, наоборотъ, называютъ газомъ *мертвящимъ*, потому что въ немъ всякая жизнь прекращается.

Кислородъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что его частицы стремятся всегда соединяться съ частицами другихъ тѣлъ; къ чему бы онъ ни коснулся, онъ почти все окисляетъ, или дѣлаетъ ржавымъ, или производитъ тлѣніе, или же, наконецъ, горѣніе. Когда вы замѣтите, что вашъ блестящій ножичекъ потускнѣлъ, сталъ сѣрымъ, темнымъ, — знайте, что виной тому кислородъ: это онъ уже дѣлалъ свою окислительную работу. А если вы оставите ножикъ надолго въ сыромъ мѣстѣ, то кислородъ начнетъ разъѣдать лезвее ножа, превращая его мало-по-малу въ прежнюю ржавчину. Когда кислородъ соединяется съ деревомъ, онъ приводитъ его въ тлѣніе и обращаетъ въ гнилушку. При обыкновенномъ теплѣ кислородъ окисляетъ дерево медленно. Но если теплоту довести до степени жара, то дерево будетъ на нашихъ глазахъ бурѣть, трескаться, чернѣть, превращаться въ уголь, и пойдетъ дымъ; кислородъ въ этомъ случаѣ совершитъ свою работу быстро. Если жаръ еще нѣсколько усилить, то кислородъ проявитъ свою работу вдругъ — въ видѣ пламени. Кислородъ при этомъ какъ будто пожираетъ дерево.

Желѣзная проволока горитъ въ кислородѣ.

Но что же тутъ, собственно, происходитъ? А происходитъ то, что кислородъ жадно, т.-е. съ необычайной силой и быстротой сцѣпляется, или соединяется съ углистыми частицами дерева и, соединившись, незримо улетаетъ изъ пламени въ воздухъ.

Когда кислородъ соединился съ углемъ, то онъ его *окислилъ*, и теперь образовался уже новый газъ — окисленный уголь. Его называютъ проще — однимъ словомъ: углекислота. Помѣщенное въ чистую углекислоту животное, напр., мышь, будетъ задыхаться и можетъ даже умереть, если вы не по-

спѣшите впустить въ сосудъ вмѣсто углекислоты кислорода; кислородъ тотчасъ же оживитъ мышку.

VI.

Углекислый газъ постоянно образуется въ тѣлѣ животныхъ и выходитъ вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ. Онъ не поддерживаетъ жизни, и животное въ этомъ газѣ быстро задыхается. Въ запертой комнатѣ, въ которой скопилось много народу, воздухъ всегда скоро портится. Тамъ становится душно, тяжело дышать. Почему? Потому, что въ такой комнатѣ накопляется мало-по-малу углекислый газъ.

Въ обыкновенномъ воздухѣ тоже есть углекислый газъ, но его тамъ очень мало; примѣрно, четыре части его приходится на 10 тысячъ частей обыкновеннаго воздуха. Но количество его постоянно мѣняется. Въ городахъ, гдѣ скопляется много народу, углекислаго газа больше, чѣмъ за городомъ. Оттого-то лѣтомъ, пользуясь лѣтними каникулами, кто можетъ, уѣзжаетъ за городъ въ деревню или на дачу. Еще меньше углекислоты высоко надъ землею—въ горахъ, но всего меньше ея надъ моремъ. Въ воздухѣ надъ самымъ моремъ углекислаго газа совсѣмъ нѣтъ. Поэтому-то такъ легко и дышится на морѣ. Углекислый газъ вреденъ для человѣка. Для растенія же углекислый газъ положительно необходимъ: они имъ питаются, выдѣляя при этомъ полезный для человѣка газъ—кислородъ. Такимъ образомъ растенія, поглощая углекислый газъ, очищаютъ воздухъ и обогащаютъ его кислородомъ, а поэтому они, помимо ихъ красоты, полезны для человѣка и заслуживаютъ съ его стороны тѣмъ болѣе тщательнаго ухода за ними и разсадки ихъ какъ на окнахъ въ цвѣточныхъ банкахъ, такъ и около домовъ.

Вопросы: Изъ какихъ двухъ газовъ состоитъ воздухъ? Чѣмъ сходны между собою кислородъ и азотъ? Какое различіе между ними? Какъ иногда называютъ кислородъ и какъ азотъ? Что было бы на землѣ, если бы воздухъ состоялъ только изъ азота? А если бы изъ одного кислорода? Какой газъ иногда бываетъ примѣшанъ къ воздуху? Почему лѣтомъ въ деревнѣ жить здоровѣе, чѣмъ въ городѣ? Почему лѣсной воздухъ полезенъ для здоровья и какимъ образомъ комнатныя растенія очищаютъ воздухъ? Что надо сдѣлать, чтобы тлѣющіе предметы разгорѣлись яркимъ пламенемъ?

Задача. Опрокиньте стаканъ надъ горящею свѣчею,—что произойдетъ? Почему?

Вредный воздухъ.

(Быль).

I.

Въ селѣ Никольскомъ въ праздникъ народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодецъ былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась объ стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говоритъ старостѣ:

— Александръ! слазяй, батюшка, въ колодецъ,—я бадью упустила.

Александръ сказалъ:

— Ты упустила, ты и доставай.

Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ,—только, чтобы онъ спускалъ ее.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— Ну, пойдемъ. Ты теперь натощакъ, такъ я удержу: а послѣ обѣда и не удержать.

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодецъ, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего

аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: „Еще, что ли?“ Скотница кричала оттуда: „Еще немного“.

II.

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла: онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодецъ и увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ, но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодецъ.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое,—но никто не зналъ, что дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодецъ, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: „тащи его назадъ!“—и Ивана вытащили.

III.

Онъ какъ мертвый висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было синебагровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый: но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ. Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лѣзть нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье, но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его за два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали осматривать колодецъ, то узнали, что точно, — внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Вода.

I.

Вода необходима для всего живого на землѣ — и для растеній и для животныхъ. Безъ нея не можетъ жить и самое маленькое насѣкомое, не можетъ расти и самая маленькая травка. Въ безводныхъ мѣстахъ виденъ только камень да песокъ. Такія мѣста не даромъ называются пустынями. Вода совсѣмъ не похожа на сушу; по сушѣ можно ходить, а въ водѣ мы тонемъ. У воды поверхность вся ровная, а у суши поверхность неровная: она то понижается и образуетъ углубленія, то повышается и образуетъ холмы и горы. По сушѣ въ низкихъ мѣстахъ текутъ ручейки, рѣчки и рѣки. Всѣ они бѣгутъ туда, куда понижается суша. Чѣмъ круче склонъ, по которому бѣжитъ вода, тѣмъ быстрѣй она течетъ. Въ углубленіяхъ вода останавливается, шесть аршинъ глубины, и только на

наполняетъ ихъ и образуетъ пруды и озеры, въ очень большихъ впадинахъ земли вода собралась въ моря и океаны. Лужица въ маленькой ямкѣ можетъ быть такъ мала, что черезъ нее легко перепрыгнуть; многія же озера такъ велики, что и другого берега ихъ не видно, а черезъ моря или океанъ надо ѣхать на пароходѣ нѣсколько дней, чтобы добраться до другого берега.

II.

Вода — жидкость. Жидкостью называется все, что можно лить: молоко, уксусъ, керосинъ, постное масло—все это жидкости. Мы беремъ кувшинъ воды и выливаемъ его въ тазъ. Вода принимаетъ форму таза, въ который налита. Нальешь воду въ чашку, она приметъ форму чашки, нальешь въ квадратную коробку, вода приметъ форму коробки. Однимъ словомъ, вода и всякая жидкость принимаетъ форму того сосуда, въ который налита.

Съ твердымъ тѣломъ, съ камнемъ, съ деревомъ, со льдомъ этого не бываетъ. Твердое тѣло, во что бы его ни положили, не измѣнитъ своей формы.

Если бы въ днѣ или въ боку таза была дырка, вода тотчасъ бы потекла въ эту дырку. Съ твердыми тѣлами этого тоже не бываетъ.

Вопросы. Чѣмъ жидкость отличается отъ твердаго тѣла? Какую форму принимаетъ жидкость, налитая въ какой-нибудь сосудъ? Наблюдайте и скажите, благодаря какимъ причинамъ спокойная и ровная поверхность стоячей воды приходитъ въ движеніе и становится неровной?

Три вида воды.

I.

Если воду нагрѣть, изъ нея сдѣлается паръ. Вы видали, какъ паръ клубами вырывается изъ носика чайника съ кипящей водой или изъ дырочки въ крышкѣ самовара? Когда кипитъ вода, изъ нея поднимаются крошечныя частички ея, — это и есть паръ. Частички воды, образующія паръ, такъ малы, что, даже глядя въ кипящій котелъ, ихъ не увидишь.

Когда же паръ вылетѣлъ изъ котла, то въ холодномъ воздухѣ мельчайшія частички воды соединяются въ маленькія кучки, и тогда ихъ уже можно видѣть. Тогда надъ кипящимъ котломъ стоитъ какъ будто туманъ или густое бѣлое облако.

Превратившись въ паръ, вода занимаетъ больше мѣста, чѣмъ прежде. Каждая изъ крошечныхъ частицъ воды въ пару очень горяча. Каждая толкаетъ своихъ сосѣдокъ, какъ только можетъ. Отъ этого каждой частичкѣ нужно очень много мѣста. Вотъ почему крышка надъ чайникомъ съ кипящей водой подпрыгиваетъ: пару тѣсно въ чайникѣ подъ крышкой, паръ хочетъ вырваться, приподнимаетъ крышку и вырывается въ щелку. Вырвется паръ, крышка опускается. Снова накопится подъ крышкой достаточно пару, чтобы приподнять крышку, и вновь вырвется паръ на волю.

Если паръ запереть крѣпко и не давать ему выхода, то онъ можетъ даже разорвать и очень крѣпкій котелъ. Люди умѣютъ пользоваться такой силой пара, умѣютъ заставить паръ работать на себя. Маленькія частички пара напираютъ съ такой силой, что могутъ заставить вертѣться колеса тяжелаго паровоза и двигать длинный рядъ нагруженныхъ вагоновъ, могутъ вертѣть колеса различныхъ машинъ на фабрикахъ, на заводахъ и тому подобное.

Въ воздухѣ вокругъ насъ всегда есть водяной паръ. Мы его не видимъ, пока частичекъ воды не слишкомъ много; когда же водяныхъ паровъ соберется слишкомъ много, они образуютъ высоко въ небѣ облака или во-

кругъ насъ—туманъ. Ночью водяные пары изъ воздуха опускаются на землю росой; часто утромъ трава отъ росы дѣлается совершенно мокрая.

Въ паръ можно превратить не одну воду, а и другія жидкія и твердыя тѣла. Если вы будете нагрѣвать молоко, оно будетъ испаряться; если вы нагрѣете свинецъ, онъ сначала расплавится въ жидкость, а затѣмъ будетъ превращаться въ паръ, но для этого свинецъ надо очень сильно нагрѣть.

Когда вода очень остываетъ, то становится твердою, становится льдомъ. Мы всѣ знаемъ, что ледъ бываетъ прозрачный и гладкій. Весело зимою скользить на конькахъ по гладкому блестящему льду! Въ жаркихъ странахъ, гдѣ вода никогда не замерзаетъ, дѣти не знаютъ веселаго катанья на конькахъ.

Мы зовемъ льдомъ замерзшую воду. Когда становится тепло, ледъ начинаетъ таять. Кусокъ твердаго льда превращается въ воду.

Когда вода мерзнетъ, ей надо больше мѣста, чѣмъ прежде. Если въ бутылку налить воды и вынести на морозъ, то ее разорветъ. Это произойдетъ оттого, что вода, замерзая, расширится и стѣнки бутылки не выдержатъ этого напора—бутылка лопнетъ.

Не одну воду можно, остудивъ, сдѣлать твердымъ тѣломъ. Вы видали, какъ масло на сковородѣ застываетъ, когда остываетъ кушанье. Вы знаете, что на холодѣ молоко замерзаетъ и дѣлается твердымъ. Вы видали блестящую жидкость въ градусникахъ—ртуть. Есть такія холодныя страны на землѣ, гдѣ эта ртуть зимой замерзаетъ и дѣлается твердой, какъ желѣзо. Такимъ образомъ, одно и то же тѣло, напр., вода, можетъ принимать три вида или три состоянія: *твердое, жидкое и газообразное.*

Вопросы. Какія три состоянія можетъ принимать вода? Что нужно дѣлать съ водой, чтобы обратить ее въ паръ? Что нужно дѣлать съ ней, чтобы обратить въ ледъ? Почему прыгаетъ крышка чайника съ кипящей водой? Что произойдетъ съ бутылкой, если она доверху будетъ наполнена водой и вода замерзнетъ? Почему? Можно ли кадку или боченокъ, наполненные водой, оставить на морозѣ? Почему?

Задачи. Наблюдайте и скажите, какого цвѣта ледъ въ большихъ кускахъ? Какой толщины бываетъ ледъ на рѣкѣ?

Путешествіе воды.

I.

Кому только не нужна вода! И травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человѣку. Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большія моря и океаны.

Но въ моряхъ вода горькая и соленая, да не всѣ и живутъ у самаго моря. Какъ же очистить воду? Какъ перенесть ее за тысячи верстъ? Какъ поднять на высокія горы?

Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими теплыми лучами передѣлываетъ солнышко воду въ легкіе пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, поднимаются кверху и кажутся намъ серебряными облаками на голубомъ небѣ.

II.

Подымутся пары облаками; но не стоять же имъ надъ моремъ! Выходитъ тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ легкія перышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, села, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣется, какъ сквозь сито,

мелкими каплями дождя или замерзаетъ и летитъ пушистыми снѣжинками.

III.

Освѣжитъ вода луга и нивы и начнетъ просачиваться въ землю. Въ землѣ, капля за каплей, собирается она въ маленькія струйки. Струйка льетъ къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъподъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключомъ. Бьетъ ключъ и льется по землѣ ручейкомъ. Прорoетъ себѣ ручеекъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ: встрѣтится со своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ — сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ, а къ нимъ по дорогѣ пристаетъ третій, четвертый, пятый товарищъ...

Глядишь, уже порядочная рѣчка течетъ въ зеленыхъ берегахъ. Поитъ рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колеса, носитъ бревенчатые плоты и легкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ уже играютъ веселыя рыбки, блестя серебристою чешуею.

IV.

Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою—сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третья, четвертая... И вотъ огромная рѣка съ множествомъ притоковъ пробѣгаетъ изъ края въ край большое государство или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжелыя барки, нагруженныя доверху товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя села и торговые города, одинъ богаче другого. Несетъ рѣка большія богатства изъ страны въ страну, въ далекое море, и вноситъ въ нее своимъ широкимъ устьемъ уже не маленькія лодки, а большіе корабли, одѣтые парусами, словно крыльями.

Много воды вливаетъ рѣка въ море, а солнце все работаетъ: опять подымаетъ воду въ облака и разсылаетъ ее по цѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель.

Вопросы. Что дѣлаютъ съ водой солнечные лучи? Что дѣлается съ парами? Что они образуютъ? Кто разноситъ облака въ разныя стороны? Какъ изъ облаковъ вода падаетъ на землю? Что дѣлаетъ вода на землѣ. Что образуется изъ ключей? А изъ ручейковъ?

Поговорка. *Вода и землю точитъ и камень долбитъ.*

Изъ чего состоитъ вода.

Сдѣлаемъ такой опытъ. Возьмемъ стеклянную банку съ узкимъ горлышкомъ, положимъ туда кусочки желѣза, или желѣзныя опилки, нальемъ немного воды, потомъ прибавимъ сѣрной кислоты (купороснаго масла). Отъ желѣза сейчасъ же станутъ подниматься и выдѣляться изъ жидкости въ банкѣ пузырьки какого-то безцвѣтнаго газа, который скоро будетъ выходить наружу изъ узкаго горлышка банки. Подождемъ минутъ десять, затѣмъ зажжемъ спичку и поднесемъ ее къ горлышку банки. Газообразное вещество, которое выходитъ изъ горлышка, загорится почти невидимымъ, но очень жаркимъ пламенемъ. Если мы затѣмъ надъ пламенемъ этого газа подержимъ стеклянную крышку, то на ней осядутъ водяныя капли. Вода образовалась изъ газа, онъ какъ бы *родилъ* воду, поэтому и газъ этотъ называютъ *водородомъ*. Вода образовалась изъ горящаго водорода, а мы знаемъ, что если какое-нибудь вещество горитъ, то это значитъ, что оно соединяется съ кислородомъ. Такимъ обра-

зомъ водородъ, соединяясь съ кислородомъ, даетъ воду, значитъ вода состоитъ изъ водорода и кислорода.

Водородъ, какъ и кислородъ,—газъ; онъ также безцвѣтенъ и безвкусенъ.

Онъ самый легкій изъ всѣхъ газовъ, онъ въ 15 разъ легче обыкновеннаго воздуха.

Если пузырь, надутый воздухомъ, опустить въ воду, то онъ тотчасъ же всплыветъ на поверхность воды, потому что онъ легче ея, такъ и пузырь, надутый водородомъ на землѣ, не останется на ней, а будетъ стремиться подняться все выше и выше отъ земли, въ верхніе слои воздуха. Это потому, что водородъ легче воздуха, и пузырь, надутый водородомъ, всплываетъ въ воздухѣ, какъ пузырь, надутый воздухомъ, всплываетъ на поверхность воды.

Мы уже сказали, что водородъ горитъ. Пламя водорода слабо свѣтитъ, но зато даетъ очень сильный жаръ. Жаръ пламени керосина, спирта — шутка въ сравненіи съ жаромъ водороднаго пламени. Въ немъ плавятся всѣ металлы, даже золото. Если въ пламя водорода внести кусокъ мѣла, то онъ скоро такъ разогрѣется, что станетъ свѣтиться ослѣпительно-яркимъ, бѣлымъ, какъ солнце, свѣтомъ.

Зажигать водородъ очень опасно. Если водородъ смѣшается съ воздухомъ, то получится очень опасное взрывчатое вещество — гремучій газъ. Вотъ почему, когда добываютъ водородъ, то прежде, чѣмъ зажечь выходящій изъ горлышка банки водородъ, нужно выждать нѣсколько времени, пока въ банкѣ совсѣмъ не останется воздуха, смѣшаннаго съ водородомъ, иначе весь приборъ взорветъ.

Вопросы. Изъ чего состоитъ вода? Какими свойствами обладаетъ водородъ? Что такое гремучій газъ? Почему онъ опасенъ? Когда можно зажигать выходящій изъ банки водородъ при его добываніи? Почему пузырь съ водородомъ стремится улетѣть кверху?

Ошибка.

(Разсказъ мальчика).

Я прочиталъ въ книжкѣ, какъ добываютъ водородъ и рѣшилъ самъ продѣлать этотъ опытъ.

Недолго думая, я наскоро досталъ себѣ четвертную стеклянную бутыль, горсть желѣзныхъ опилокъ, стеклянную трубочку, пробку и пузырекъ сѣрной кислоты или такъ называемаго купороснаго масла. Всѣ эти матеріалы я собиралъ въ разныхъ мѣстахъ: и у учителя, и въ лавкѣ, и дома. Продѣлавъ въ пробкѣ дырочку, я туго вставилъ туда стеклянную трубку.

Къ несчастію, я поспѣшилъ. Сдѣлай я все обдуманнѣе, я бы не былъ теперь кривымъ и смотрѣлъ бы на міръ Божій, какъ и всѣ люди, двумя глазами.

Лишь только я влилъ въ бутыль разведенной сѣрной кислоты, какъ она перемѣшалась съ кусками цинка и опилками, вся эта смѣсь закипѣла, какъ на огнѣ, и водородъ милліонами пузырей сталъ выдѣляться изъ потемнѣвшей жидкости. Я поспѣшилъ заткнуть бутыль пробкой, снабженной трубочкой, и сейчасъ же зажегъ спичку и пламя ея приблизилъ къ трубкѣ. Тутъ произошло нѣчто ужасное, чего я никакъ не ожидалъ. Даже теперь, много лѣтъ спустя, не могу безъ содроганія вспомнить того ужаса, которымъ наполнилось тогда все существо мое!

Раздался оглушительный взрывъ, сильнѣе и страшнѣе котораго я не могу себѣ представить и я, окровавленный, какъ снопъ, безъ чувствъ повалился на полъ. Казалось, что не только я, нашъ домъ и наше село, но и весь міръ погибъ отъ этого взрыва! По крайней мѣрѣ, мнѣ казалось такъ, когда я падалъ, пораженный и оглушенный взрывомъ.

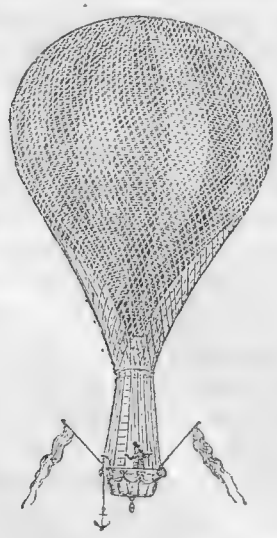
Когда меня привели въ чувство, я узналъ, что осколкомъ стеклянной бутыли у меня вышибло глазъ и что я теперь на всю жизнь останусь кривымъ. Острая боль въ моемъ глазу не могла итти въ сравненіе съ ощущеніемъ той горькой обиды, которая овладѣла моимъ сердцемъ: мнѣ было до слезъ жалко своего глаза, было обидно, больно и я проливалъ обильный потокъ слезъ изъ моего единственнаго глаза, въ то время, какъ другой обливался кровью...

Одежда моя вся была облита сѣрною кислотою и сыпалась, какъ зола.

Какъ люди летаютъ по воздуху.

I.

Мы говорили, что, если пузырь наполнить водородомъ, то онъ полетитъ кверху, потому что водородъ въ 15 разъ легче воздуха. Пузырь, наполненный имъ, будетъ плавать въ воздухѣ такъ же, какъ пузырь, надутый воздухомъ, плаваетъ въ водѣ. Люди воспользовались легкостью водорода, чтобы летать по воздуху. Водородомъ наполняютъ воздушные шары, на которыхъ и поднимаются вверхъ.



Аэростатъ или воздушный шаръ.

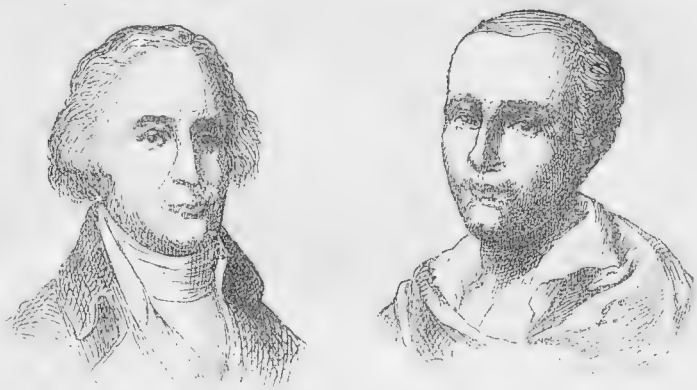
Воздушный шаръ съ нагрѣтымъ воздухомъ.

II.

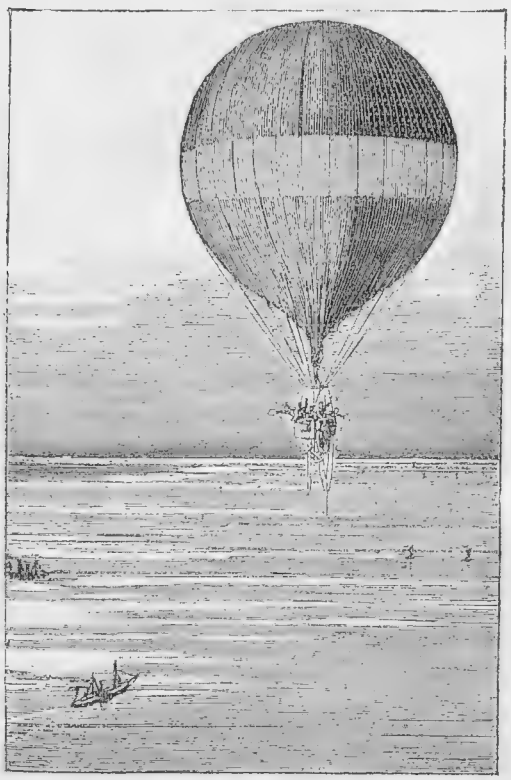
Воздушные шары или аэростаты дѣлаются изъ водорода; сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ того воздуха, который тяжелѣе водорода. А когда выскочитъ наверхъ, въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь водѣ. Раньше воздушные шары дѣлали изъ горячаго воздуха. Изъ горячаго воздуха дѣлали воздушные шары вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ, въ горлышкѣ придѣлываютъ клокъ хлопка, хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не достигнетъ воздуха, который легче горячаго воздуха въ шарѣ.

III.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы, братья Монгольфьеры, выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку, и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду, полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали шары наполнять водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.



Братья Монгольфьеры.



Воздушный шаръ подъ облаками.

Для того, чтобы летать на шарѣ, подвязываютъ подъ него корзину, и въ эту корзину садятся подвое, потрое и даже по восьми человѣкъ и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда захочешь, въ шарѣ сдѣланъ клапанъ. Тотъ, кто летитъ, можетъ потянуть за веревку, идущую отъ клапана, и открыть его, тогда часть газа изъ шара выйдетъ. Если шаръ поднялся слишкомъ высоко, и тотъ, кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ,—газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того, въ корзинкѣ всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче и онъ пойдетъ кверху. Если, кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу не ладно,—или рѣка или лѣсъ,—то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, шаръ становится легче и опять поднимается.

Въ настоящее время люди научились дѣлать такіе воздушные шары, которыми можно управлять, т.-е. заставлять ихъ летѣть не только кверху, но и въ сторону, куда нужно. Раньше шары поднимались только кверху, а потомъ уже летѣли помимо воли человѣка въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ, теперь люди умѣютъ управлять воздушными шарами.

Вопросы. Какъ называются воздушные шары, на которыхъ люди летаютъ по воздуху? Чѣмъ ихъ наполняютъ? Кто выдумалъ воздушные шары? Какіе воздушные шары стали дѣлать теперь?

Теплота.

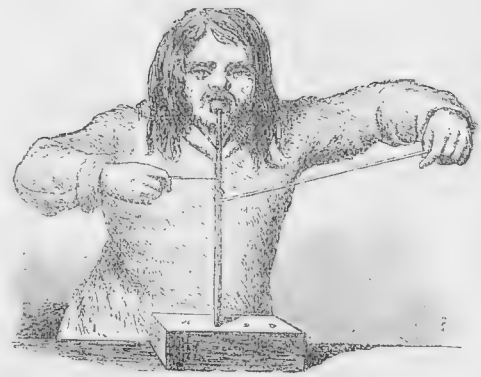
I.

Тепло и холодъ хорошо знакомы каждому. Всякій человѣкъ чувствуетъ, тепло ему или холодно. Чтобы узнать, тепелъ предметъ или холоденъ, нужно до него дотронуться, на глазъ не узнаешь, каковъ предметъ. Не разъ случалось обжечься, взявшись за горячую вещь, потому что по виду не всегда узнаешь, насколько она нагрѣта. *Теплота* есть въ каждомъ предметѣ, но только въ одномъ предметѣ ея больше, въ другомъ меньше, поэтому намъ и кажется, что одинъ предметъ теплѣе, другой—холоднѣе.

Нѣтъ на землѣ такого холоднаго предмета, въ которомъ совсѣмъ не было бы теплоты; не бываетъ такого мороза, чтобы въ воздухѣ вовсе не осталось тепла. Для жизни теплота такъ же необходима, какъ воздухъ, безъ нея на землѣ все было бы мертво и неподвижно. Откуда же берется на землѣ теплота? Конечно, больше всего отъ солнца; всѣ мы чувствуемъ, какъ оно грѣетъ, и видимъ, какъ весною оживаетъ земля отъ теплоты его лучей. Зимою же, когда солнце даетъ мало тепла, мы топимъ печи въ домахъ. Печь нагрѣвается, когда въ ней горитъ какое-нибудь топливо, значитъ, тепло появляется не только отъ солнца, но также отъ горѣнія. Всякій горящій предметъ даетъ теплоту: грѣетъ и костеръ и зажженная лампа.

II.

Но ничто не загорается само собой. Чтобы растопить печь, зажечь лампу или лучину, нужны спички; спичка



Дикарь добываетъ огонь треніемъ.

вспыхиваетъ, если потереть ее обо что-нибудь головкой, намазанной сѣрой и фосфоромъ; фосфоръ при треніи легко загорается и зажигаетъ сѣру, а потомъ и самую спичку. Можно зажечь и просто два куска дерева, если долго и сильно тереть ихъ одинъ о другой. Такъ добываютъ огонь дикари.

Не такъ давно вмѣсто спичекъ употребляли огниво: огонь высѣкали, ударяя кускомъ стали о кремень; отъ удара появлялась искра, которая зажигала трутъ. Эта искра есть не что иное, какъ отскочившій кусочекъ стали, раскалившійся вслѣдствіе удара о кремень. Когда лошадь быстро бѣжитъ по мостовой, то изъ-подъ копытъ ея часто летятъ искры оттого, что подковы ударяютъ о твердые камни. Отъ *удара* одного тѣла о другое всегда появляется теплота: когда мы бьемъ молотомъ по наковальнѣ, то и молотъ и наковальня нагрѣваются.

Замѣчено еще, что теплота получается при *гніеніи* какого-нибудь тѣла. Если зерновый хлѣбъ ссыпать въ амбаръ, не просушивъ хорошенько, то онъ начнетъ гнить, „погоритъ“, какъ говорятъ крестьяне. И, дѣйствительно, гніеніе походитъ на медленное горѣніе: гніющее тѣло такъ же чернѣетъ и затѣмъ распадается, какъ и горящее. Но измѣненіе гніющаго тѣла происходитъ медленнѣе, чѣмъ при горѣніи, и тепло выдѣляется не такъ замѣтно,

какъ при горѣніи. Однако бывали случаи, что загнившая внутри копна сѣна загоралась вслѣдствіе гніенія.

Итакъ, солнце, треніе, ударъ, гніеніе и горѣніе вызываютъ теплоту, почему ихъ и называютъ *источниками тепла.*

Можно подумать, что и одежда — источникъ тепла, потому что и она будто бы грѣетъ. Правда, намъ теплѣе зимою въ шубѣ, но можетъ ли самая теплая шуба согрѣть камень? Растаетъ ли подъ ней снѣгъ или ледъ? Самый лучшій мѣхъ не даетъ тепла; подъ нимъ можетъ согрѣться только живое существо, въ самомъ тѣлѣ котораго есть теплота. Значитъ, одежда сама по себѣ не есть источникъ тепла; она только сохраняетъ въ тѣлѣ ту теплоту, которая въ немъ уже есть.

Вопросы. Что нужно сдѣлать, чтобы узнать, теплъ предметъ или холоденъ? Откуда берется теплота на землѣ? Перечислите источники тепла? Какъ добываютъ огонь дикари? Служитъ ли источникомъ теплоты одежда? Отчего загорается ось телѣги, если колесо не подмазано? Отчего пила дѣлается горячею, когда ею пилятъ?

Задачи. Возьмите кусокъ стали и ударьте имъ о кремень. Замѣтьте, что получится.

Какъ теплота переходитъ отъ одного предмета къ другому.

Подержимъ въ рукѣ мѣдную монету — она согрѣется; возьмемъ кусочекъ льду—онъ начнетъ таять, а рукѣ будетъ холодно, потому что теплота будетъ передаваться отъ руки льду. Мы постоянно замѣчаемъ, что одно тѣло отдаетъ теплоту другому, которое холоднѣе его; нальемъ кипятку въ стаканъ — стекло стакана тотчасъ же нагрѣется; опустимъ въ кипятокъ металлическую ложечку — она станетъ горячей; возьмемся за нее — теплота передается рукѣ, и мы можемъ обжечься. Если всунемъ въ печку конецъ желѣзной кочерги и оставимъ ее тамъ, то скоро и другой конецъ ея настолько нагрѣется, что за него нельзя будетъ взяться.

Однако не по всѣмъ тѣламъ теплота можетъ расходиться одинаково скоро. Возьмемъ три палочки: мѣдную, деревянную и стеклянную и будемъ нагрѣвать конецъ каждой на свѣчкѣ; по мѣдной теплота скоро разойдется, и вся палочка нагрѣется такъ, что ее нельзя будетъ держать въ рукѣ; стеклянная нагрѣвается на одномъ концѣ, а за другой ее можно будетъ держать въ рукѣ; въ деревянной же палочкѣ одинъ конецъ можетъ даже загорѣться, въ то время, какъ другой будетъ оставаться холоднымъ. Изъ этого мы узнаемъ, что не по всѣмъ тѣламъ теплота распространяется одинаково или, какъ говорятъ, не всѣ тѣла одинаково *проводятъ тепло.*

II.

Пробуя разныя тѣла, мы легко убѣдимся, что всѣ металлы хорошо проводятъ тепло, другія тѣла, какъ напримѣръ, кость и стекло, — хуже, и, наконецъ, есть тѣла, которыя совсѣмъ плохо проводятъ тепло, напримѣръ: дерево, бумага, шерсть, пухъ, воздухъ. Тѣла, которыя скоро проводятъ теплоту, называются *хорошими проводниками* теплоты; тѣ же, по которымъ тепло распространяется медленно, называются *дурными проводниками* теплоты. Металлы—хорошіе проводники тепла, а дерево, бумага, мѣхъ, воздухъ — дурные. Поэтому деревянная ложка въ горячемъ кушаньѣ не нагрѣвается, какъ серебряная; зато на металлической ложкѣ кушанье скорѣе стынетъ, отдавая свою теплоту ложкѣ. Хорошіе проводники тепла скорѣе нагрѣваются и скорѣе остываютъ, чѣмъ дурные. Поэтому желѣзная печь сильно раскаляется, но быстро остываетъ;

изразцовая же печь нагрѣвается медленно, но держитъ тепло долго.

Дурные проводники тепла могутъ служить защитою отъ холода; мѣховая одежда не даетъ теплотѣ уходить изъ нашего тѣла; деревянныя стѣны домовъ защищаютъ отъ мороза лучше, чѣмъ каменныя. Вода, снѣгъ и ледъ также дурные проводники тепла. Поэтому зимою вода на днѣ рѣки не такъ остываетъ и бываетъ теплѣе, чѣмъ у поверхности; на большой глубинѣ вода сохраняетъ теплоту и въ самые сильные морозы, отчего рыбы и держатся зимою ближе ко дну. Ледъ также предохраняетъ воду рѣкъ и озеръ отъ сильнаго охлажденія. Снѣгъ зимою защищаетъ отъ мороза озимые посѣвы; въ безснѣжныя зимы они часто вымерзаютъ. Воздухъ — также одинъ изъ самыхъ дурныхъ проводниковъ тепла. На зиму вставляютъ двойныя рамы, и слой воздуха, находящійся между рамами, не пропускаетъ тепла изъ комнатъ.

Вопросы. Какіе примѣры доказываютъ, что теплота переходитъ изъ одного предмета въ другой? Всѣ ли тѣла одинаково хорошо проводятъ теплоту? Назовите нѣсколько хорошихъ проводниковъ тепла и нѣсколько худыхъ? Почему люди зимой дѣлаютъ себѣ суконную и шерстяную одежду? Зачѣмъ зимою вставляютъ двойныя рамы? Какой ложкой горячѣе ѣсть—деревянной или металлической и почему? Почему у самовара дѣлаютъ деревянныя ручки? Почему на чердакѣ подъ желѣзной крышей зимою холодно, а лѣтомъ жарко? Почему въ просторной одеждѣ теплѣе, чѣмъ въ обтянутой? Отчего, когда снѣгъ попадаетъ на лицо или на руку, онъ таетъ, а когда попадаетъ на шубу, то остается? Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони похолодѣютъ? Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до лѣта? Отчего зимой при вѣтрѣ зябнешь сильнѣе, чѣмъ безъ вѣтра?

Какъ измѣняются отъ тепла предметы.

Тепла нельзя видѣть, но горячій предметъ отъ холоднаго иногда можно отличить съ перваго взгляда. Напримѣръ, когда отъ воды, стоящей на плитѣ, идетъ клубами паръ, то всякій знаетъ, что вода очень горяча; если кусокъ желѣза свѣтится краснымъ или бѣлымъ свѣтомъ, то за такое желѣзо никто не возьмется рукою, зная, что оно сильно нагрѣто. Итакъ, невидимая теплота производитъ иногда въ тѣлахъ видимыя перемѣны, по которымъ легко отличить горячее тѣло отъ холоднаго. Теплота бываетъ причиною многихъ явленій; но не всѣ перемѣны, производимыя ею въ тѣлахъ, легко замѣтить.

Нагрѣтый шаръ не проходитъ въ кольцо, въ которое до нагрѣванія проходилъ.

Если, напримѣръ, возьмемъ мѣдный шаръ и подержимъ его нѣкоторое время надъ пламенемъ спиртовой лампочки, шаръ скоро нагрѣется, но и горячій будетъ имѣть совершенно такой же видъ, какъ прежде. Однако въ немъ отъ нагрѣванія произойдетъ перемѣна, которую мы легко можемъ замѣтить, если сдѣлаемъ такой опытъ: возьмемъ металлическій кружокъ съ такимъ прорѣзомъ, чтобы нашъ шаръ какъ разъ могъ пройти въ него; холодный шаръ, опущенный въ этотъ кружокъ, свободно пройдетъ въ него; когда же мы сильно нагрѣемъ его, то онъ остановится въ прорѣзѣ; прорѣзъ сталъ для него тѣсенъ. Такъ какъ съ кружкомъ ничего не дѣлали, то, очевидно,

перемѣна произошла въ самомъ шарѣ: отъ нагрѣванія онъ сдѣлался больше. Мѣди къ нему не могло прибавиться, и вѣсъ его остался тотъ же, но отъ тепла шаръ раздался, расширился, частицы мѣди раздвинулись. Когда шаръ охладится, онъ опять пройдетъ въ прорѣзъ. Этотъ опытъ указываетъ, что мѣдь отъ нагрѣванія расширяется, а отъ охлажденія—сжимается. Ученые пробовали нагрѣвать различныя твердыя тѣла и, посредствомъ многихъ опытовъ убѣдились, что твердыя тѣла вообще отъ нагрѣванія расширяются, а отъ охлажденія—сжимаются.

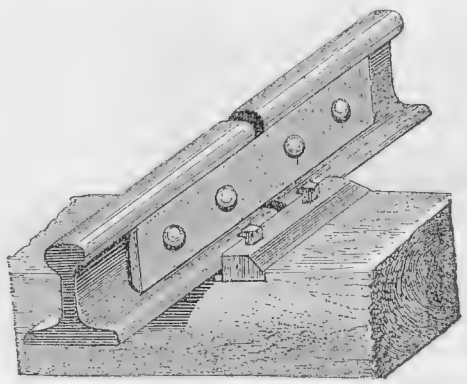
II.

Люди давно замѣтили свойство тѣлъ расширяться при нагрѣваніи и умѣютъ пользоваться этимъ свойствомъ. Бочаръ, прежде чѣмъ набить на бочку желѣзный обручъ, разогрѣваетъ его. Горячій обручъ легко входитъ на бочку, а затѣмъ, охладившись, сжимается и крѣпко стягиваетъ боковыя дощечки. Такимъ же способомъ надѣваютъ желѣзныя шины на колеса.

Когда строятъ желѣзную дорогу, то кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами; такъ дѣлаютъ потому, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ тепла расширяются не только твердыя тѣла, но также жидкія и газообразныя.

Изъ жидкостей самое большое значеніе имѣетъ для человѣка вода. Нагрѣваніе воды производится ежедневно во всякомъ хозяйствѣ, но рѣдко кто задумывается надъ тѣмъ, какъ нагрѣвается вода, и какія явленія при этомъ происходятъ. Поставимъ на горячую плиту котелокъ съ водою. Сначала нагрѣется дно котла, потомъ теплота станетъ передаваться его стѣнкамъ. По металлическимъ стѣнкамъ котла теплота разойдется скоро, потому что металлы — хорошіе проводники тепла; вода же проводитъ тепло медленно, но въ ней отъ нагрѣванія происходитъ другое явленіе. Бросимъ въ котелокъ съ водой древесныхъ опилокъ или мелкихъ бумажекъ. Мы скоро замѣтимъ, что опилки или бумажки ста-



Скрѣпленіе рельсъ.

нутъ то опускаться ко дну, то снова подыматься. Очевидно, въ водѣ происходитъ движеніе; частицы ея безпрестанно поднимаются и опускаются. Если перестанемъ нагрѣвать воду, то и замѣченное нами движеніе въ ней мало-по-малу прекратится. Нетрудно понять причину этого явленія: нагрѣвшаяся внизу вода, расширяясь, становится легче холодной и потому поднимается вверхъ, уступая свое мѣсто болѣе плотной холодной водѣ, которая и опускается на дно; нагрѣвшись тамъ, она, въ свою очередь, поднимается кверху, а на ея мѣсто спускается менѣе нагрѣтая вода. Такое движеніе частицъ воды въ котлѣ распространяетъ теплоту въ ней отъ низу до верху по всей водѣ. Если бы нагрѣваніе шло сверху, то теплота въ водѣ распространялась бы медленнѣе,

вся вода нагрѣлась бы очень не скоро. Если, напримѣръ, станемъ нагрѣвать воду въ стеклянной трубочкѣ сверху, то вода можетъ закипѣть вверху, внизу же она попрежнему останется холодной. При нагрѣваніи жидкости въ сосудѣ, нагрѣвается и расширяется не только жидкость, но и сосудъ; несмотря на это, мы все-таки ясно замѣчаемъ расширеніе жидкости; значитъ, жидкости при нагрѣваніи расширяются сильнѣе, чѣмъ твердыя тѣла. Еще сильнѣе расширяются при нагрѣваніи газообразныя тѣла. Частицы газовъ, какъ извѣстно, очень подвижны; онѣ и безъ нагрѣванія постоянно стремятся разойтись, при нагрѣваніи же это стремленіе усиливается. Изъ газообразныхъ тѣлъ самое большое значеніе для человѣка имѣетъ воздухъ. Въ комнатѣ теплый воздухъ всегда собирается наверху, а холодный остается внизу; это происходитъ потому, что теплый воздухъ, стремясь расшириться, становится рѣже и легче и подымается наверхъ. Когда топятъ печь, то воздухъ, находящійся въ ней, раздается отъ нагрѣванія, становится легче и поднимается вверхъ по трубѣ, уступая мѣсто наружному воздуху, который течетъ въ печь изъ комнаты. Чѣмъ больше въ трубѣ столбъ нагрѣтаго рѣдкаго воздуха, тѣмъ сильнѣе устремляется въ печь внѣшній воздухъ; поэтому на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ въ печахъ должна быть сильная тяга воздуха, всегда дѣлаютъ высокія трубы.

Итакъ, мы узнали, что всѣ тѣла при нагрѣваніи расширяются—меньше всѣхъ твердыя тѣла, жидкія—сильнѣе больше и всѣхъ газообразныя.

Вопросы. Какъ измѣняются тѣла отъ теплоты? Какія изъ тѣлъ расширяются отъ теплоты сильнѣе, какія—слабѣе? Почему въ самоварѣ уголь кладутъ внизу трубы, а не вверху? Почему на заводахъ и фабрикахъ дѣлаютъ высокія трубы? Отчего лопается стаканъ, если нальешь въ него кипятокъ?

Задачи. Вбейте въ дощечку два гвоздика въ такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы между ними только-только проходила монета. Нагрѣйте монету и попробуйте продвинуть ее между гвоздиками. Пройдетъ ли она? Объясните это. Когда въ самоварѣ вода начинаетъ слегка нагрѣваться, попробуйте, какая часть самовара теплѣе—верхняя или нижняя. Объясните это.

Какъ измѣряютъ теплоту.

I.

Иногда бываетъ необходимо знать теплоту точно, положимъ, насколько нагрѣтъ воздухъ, вода или другое тѣло. Точно опредѣлить теплоту тѣла, это значитъ опредѣлить его *температуру*. Для этого употребляютъ особый приборъ, который называется *термометромъ*. Слово термометръ не русское, по-русски будетъ *тепломѣръ*.

Термометръ состоитъ изъ узенькой стеклянной трубочки съ шарикомъ на концѣ; весь шарикъ и часть трубочки наполняютъ ртутью. Пока трубка еще не запаяна, нагрѣваютъ шарикъ съ ртутью. Ртуть, раздавшись отъ нагрѣванія, поднимется въ трубкѣ и вытѣснитъ весь воздухъ, тогда верхній конецъ трубки запаиваютъ. Охладившись, ртуть опять опустится, но въ оставшемся надъ нею пространствѣ уже не будетъ воздуха.

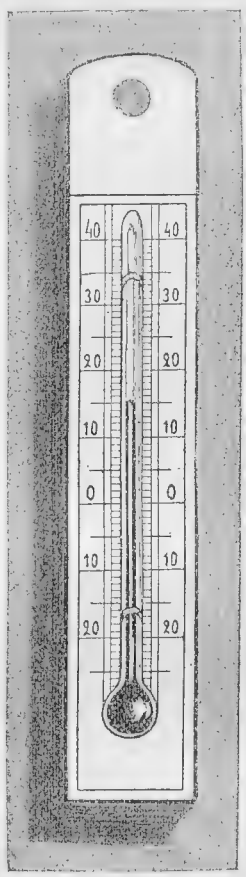
Ртуть въ трубкѣ кажется намъ ровнымъ блестящимъ столбикомъ. При малѣйшемъ нагрѣваніи шарика столбикъ этотъ повышается, а при охлажденіи опускается. Возьмемъ шарикъ въ руку—ртуть поднимется въ трубкѣ; вынесемъ термометръ на холодъ или погрузимъ шарикъ въ его холодную воду—ртуть будетъ опускаться до тѣхъ поръ, пока сама не охладится до такой же степени, какъ окружающій ее воздухъ. Такимъ образомъ высота стол-

бика ртути можетъ указывать степень нагрѣванія воздуха, окружающаго термометръ, или другого тѣла, можетъ показывать температуру.

Чтобы можно было точно обозначать температуру при помощи термометра, къ нему придѣлываютъ дощечку, на которой намѣчены дѣленія,— это такъ называемые *градусы*; при нихъ поставлены цифры. Одно дѣленіе обозначается цифрою 0. Противъ этого дѣленія останавливается конецъ ртути въ трубкѣ, когда температура такова, что ледъ и снѣгъ таютъ, а вода замерзаетъ. Черту эту, намѣченную 0, называютъ *точкой таянія или замерзанія*. Чтобы найти точку замерзанія, термометръ опускаютъ въ тающій ледъ. Ртуть въ термометрѣ, охлаждаясь, будетъ опускаться до тѣхъ поръ, пока сама не сдѣлается такой же холодной, какъ тающій ледъ; тогда она останавливается и остается на одной высотѣ, пока не растаетъ весь ледъ; на этой высотѣ и отмѣчаютъ точку замерзанія, т.-е. 0. Затѣмъ находятъ *точку кипѣнія*, т.-е. высоту, на которой стоитъ ртуть въ трубкѣ термометра при температурѣ, нужной для кипѣнія воды. Для обозначенія точки кипѣнія, термометръ держатъ въ парахъ кипящей воды и отмѣчаютъ точку, до которой поднимется столбикъ ртути. Противъ этой точки и ставятъ 80. Точки кипѣнія и замерзанія называются *постоянными*, потому что вода кипитъ всегда при одной и той же температурѣ, и ледъ таетъ также при опредѣленной степени тепла.

Разстояніе между двумя постоянными точками на термометрѣ дѣлятъ на 80 равныхъ частей, называемыхъ градусами, отчего термометръ называютъ также *градусникомъ*. Градусы отмѣчаютъ и ниже точки замерзанія для обозначенія температуры болѣе холодной или, какъ говорятъ, болѣе низкой, чѣмъ температура тающаго льда.

Если въ воздухѣ настолько тепло, что ртуть стоитъ, напримѣръ, на 15-мъ дѣленіи выше 0, то говорятъ, что температура воздуха равна 15-ти градусамъ тепла и обозначаютъ эту температуру такимъ образомъ +15°; если же ртуть стоитъ на 15-мъ дѣленіи ниже 0, то при цифрѣ 15 ставится минусъ:



Термометръ.

— 15° означаетъ 15 градусовъ мороза. Такъ устроилъ термометръ ученый Реомюръ. Термометръ Реомюра часто употребляется для измѣренія температуры воздуха; безъ термометра совершенно нельзя обойтись тамъ, гдѣ важно поддерживать опредѣленную температуру, какъ, напримѣръ, въ больницахъ или оранжереяхъ. Другой ученый, Цельсій, противъ точки кипѣ-

нія воды поставилъ цифру 100 и раздѣлилъ пространство между точками кипѣнія и замерзанія на 100 частей. Термометръ Цельсія употребляютъ доктора для измѣренія температуры крови больного, что даетъ возможность судить о ходѣ болѣзни. Извѣстно, что у здороваго человѣка температура крови равняется $+37^0$ Цельсія (или $28^1/_2$ по Реомюру); у больного же, при жарѣ, температура повышается и держитъ при опасныхъ случаяхъ до 41^0 и даже 42^0. Градусы Реомюра обозначаются французской буквой R, а градусы Цельсія просто буквой Ц.

Вопросы. Чѣмъ измѣряется температура? Какіе бываютъ градусники? Чѣмъ отличается градусникъ Реомюра отъ градусника Цельсія? При скольких градусахъ таетъ ледъ? Зачѣмъ, прежде чѣмъ запаять стеклянную трубку у градусника, нагрѣваютъ ртуть до тѣхъ поръ, пока она не наполнитъ всей трубки? Что такое точка кипѣнія? Какія точки въ градусникѣ называются постоянными? При какой температурѣ кипитъ вода по термометру Цельсія? Реомюра?

Задачи. Если опустите термометръ въ горячую воду, то увидите, что ртуть сначала опустится, а уже послѣ начнетъ подниматься. Чѣмъ объяснить это? Повѣсьте градусникъ подъ потолкомъ и черезъ полчаса запишите, сколько градусовъ онъ будетъ показывать. Затѣмъ повѣсьте тотъ же градусникъ внизу, подъ стуломъ, и черезъ полчаса запишите, сколько онъ покажетъ. Опредѣлите разницу температуръ у потолка и на полу.

Запишите въ теченіе дня три раза температуру воздуха: въ 7 ч. утра, въ 1 ч. пополудни и въ 9 ч. вечера. Полученныя числа сложите и раздѣлите на 3, получите среднюю температуру воздуха за день. Градусникъ при этомъ нужно помѣщать въ тѣни. Если въ семь часовъ утра было $+4^0$, въ часъ $+15^0$ и въ девять часовъ $+8^0$, то $\frac{4+15+8}{3}=+9^0$ будетъ средней температурой дня.

Когда складываютъ градусы тепла и холода, то поступаютъ такъ: изъ большого числа вычитаютъ меньшее и разность пишутъ со знакомъ большого числа. Напримѣръ: въ 7 часовъ утра было -2^0, въ часъ дня $+5^0$ и въ девять часовъ $+3^0$. Средняя температура будетъ: $\frac{+5+3-2}{3}=\frac{6}{3}=+2^0$.

Высчитайте и запишите среднюю температуру каждаго мѣсяца въ году. Высчитайте и запишите среднюю температуру вашей мѣстности за годъ.

Великій работникъ — паръ.

I.

Станемъ нагрѣвать воду въ открытомъ сосудѣ, въ которомъ погруженъ градусникъ; по мѣрѣ нагрѣванія воды, ртуть градусника будетъ подниматься. Когда она поднимется до 80° на термометрѣ Реомюра, и вода при этомъ закипитъ, то какъ бы долго мы послѣ этого ни кипятили воду, ртуть выше 80° не пойдетъ. Если же налить воду въ котелокъ, плотно закупорить его пробкой, сквозь которую пропущенъ термометръ, то мы увидимъ, что ртуть въ немъ, по мѣрѣ нагрѣванія воды, будетъ подниматься все выше; теперь она уже не остановится на 80°, а пойдетъ и дальше.

Чтобы понять, почему это происходитъ, нужно помнить, что вода, обращаясь въ паръ, пріобрѣтаетъ новое свойство — упругость, т.-е. стремится расшириться во всѣ стороны и давитъ на всѣ препятствія, мѣшающія такому расширенію.

Въ закрытомъ котлѣ, когда вода нагрѣется до 80°, паръ начинаетъ выдѣляться въ большомъ количествѣ, а такъ какъ ему нѣтъ выхода, то онъ начинаетъ давить во всѣ стороны, т.-е. на стѣнки котла и на воду въ котлѣ; чѣмъ больше накопляется пара, тѣмъ сильнѣе онъ давитъ на воду и не пускаетъ новый паръ выдѣляться изъ

воды; поэтому притекающее отъ огня тепло, которое раньше тратилось на переводъ воды въ паръ, переходя въ воду, продолжаетъ нагрѣвать ее дальше, и ртуть въ термометрѣ поднимается выше 80°. Нагрѣваясь выше 80°, вода, наконецъ, снова начнетъ выдѣлять изъ себя паръ, который, присоединяясь къ прежнему, еще болѣе увеличиваетъ давленіе пара на воду; теперь, чтобы снова небольшая часть воды обратилась въ паръ, ей нужно нагрѣться еще до большаго числа градусовъ и т. д.

Такимъ образомъ чѣмъ больше пара накопляется въ котлѣ, тѣмъ сильнѣе надо грѣть воду, чтобы изъ нея могъ снова выдѣляться паръ. Если такое нагрѣваніе продолжать довольно долго, то давленіе пара, или, иначе говоря, его упругость настолько возрастетъ, что паръ съ силой вытолкнетъ пробку изъ котелка; если же пробка поставлена очень плотно, то паръ можетъ разорвать котелъ, какъ бы толсты ни были его стѣнки. Вотъ этой-то силой упругости пара и воспользовались люди: они заставили его работать на фабрикахъ и заводахъ, двигать паровозы и пароходы.

II.

Люди давно замѣчали силу пара, но воспользоваться ей и заставить работать на пользу человѣка удалось одному англичанину лѣтъ 150 тому назадъ. Имя этого великаго изобрѣтателя Уаттъ. Онъ былъ сынъ простого рабочаго. Еще мальчикомъ Уаттъ любилъ подолгу присматриваться къ окружающимъ явленіямъ и размышлять надъ тѣмъ, что онъ видѣлъ.

Такъ однажды онъ просидѣлъ больше часу предъ чайникомъ, въ которомъ на огнѣ кипятили чай. Онъ смотрѣлъ на чайникъ, какъ на какое-то чудо.

— О чемъ ты думаешь? — спросила его мать. — Вѣдь ты уже цѣлый часъ

Д. Уаттъ.

смотришь на крышку чайника, какъ на какое-то волшебство, и ничего не дѣлаешь. Займись же чѣмъ-нибудь!

О чемъ же думалъ Уаттъ? Онъ видѣлъ, какъ пары поднимали крышку чайника вверхъ, и она то и дѣло подскакивала. Накопится въ чайникѣ паръ, некуда ему дѣться, надавитъ онъ на крышку, и крышка поднимется. Выйдетъ паръ, и крышка упадетъ на прежнее мѣсто. Снова накопится паръ, и снова повторится то же самое, и крышка будетъ стучать; и такъ до тѣхъ поръ, пока будетъ горѣть огонь, и останется вода въ чайникѣ. Многіе и до Уатта видѣли это, но не всѣ думали объ этомъ. Уаттъ же не только смотрѣлъ, но и размышлялъ. Въ чайникѣ, думалъ онъ, мало пару, а все-таки паръ поднимаетъ крышку. А если бы кипятить большой котелъ, то пару было бы много, и онъ поднималъ бы не только легкія, но и тяжелыя вещи. Если бы къ крышкѣ большого котла придѣлать стальной прутъ, то паръ сталъ бы поднимать крышку, а крышка поднимала бы прутъ; если бы прутъ прикрѣпить къ колесамъ, то паръ поднималъ бы крышку, крышка подни-

мала бы прутъ, а прутъ вертѣлъ бы колеса. Если бы на эти колеса поставить этотъ котелъ, то онъ повезъ бы самъ себя, безъ лошадей по землѣ, безъ парусовъ и веселъ по водѣ. И мальчикъ размечтался о томъ, какъ онъ взнуздаетъ вольный паръ и станетъ управлять имъ. И Уаттъ мечталъ о томъ, какъ онъ устроитъ и пароходы и паровозы, какъ дешево и скоро будутъ ѣздить люди и по землѣ и по водѣ, какъ паръ будетъ и молоть, и пилить, и рубить, и ткать, и прясть, и дѣлать всякія другія работы.

III.

Когда Уаттъ выросъ, онъ исполнилъ многое изъ того, о чемъ мечталъ въ дѣтствѣ. Правда, и до него многіе пробовали устроить *паровую машину*. Но Уаттъ придумалъ самую удобную для своего времени, самую выгодную и самую прочную машину. Нелегко далось ему это изобрѣтеніе: надо было обдумать каждую гайку, каждый винтикъ, каждую трубку, каждый гвоздь. Но какъ бы то ни было, а труды его увѣнчались успѣхомъ, и что самое важное — починъ былъ сдѣланъ. Продолжать начатое было уже гораздо легче.

Впервые паровая машина была примѣнена къ движенію станковъ на фабрикахъ и заводахъ. До изобрѣтенія паровой машины промышленность развивалась очень медленно: на фабрикахъ и заводахъ станки были ручные; только близъ большихъ рѣкъ строились заводы, въ которыхъ станки приводились въ движеніе водой, помощью большихъ водяныхъ колесъ. Съ изобрѣтеніемъ паровой машины явилась сила, которой можно пользоваться въ любомъ мѣстѣ; явились затѣмъ пароходы, паровозы. Сработанные на фабрикахъ и заводахъ товары стало легко перевозить куда угодно для продажи. Промышленность быстрыми шагами пошла впередъ. Прошло всего 80 лѣтъ послѣ смерти Уатта, а паровыя машины распространились уже по всему свѣту.

Теперь паръ вертитъ колеса машинъ на всевозможныхъ фабрикахъ. Паровыя мельницы мелютъ муку, паровыя лѣсопилки пилятъ дрова. Паровыя машины пашутъ землю, косятъ луга, убираютъ, молотятъ хлѣбъ. Да всего не перечтешь, что дѣлаетъ паръ.

Вопросы. Какая разница получается, когда кипятятъ воду въ открытомъ и въ закрытомъ сосудахъ? Какая можетъ быть сила пара? Кто изобрѣлъ паровую машину? Какъ воспользовался человѣкъ силой пара?

Стефенсонъ — изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ.

I.

Въ Англіи, недалеко отъ города Ньюкестля, лежатъ каменноугольныя копи. Добываніемъ угля заняты цѣлые поселки углекоповъ. Живутъ углекопы бѣдно, ѣдятъ впроголодь, ютятся въ тѣсныхъ и грязныхъ каморкахъ. Лѣтъ за сто до нашего времени въ одной изъ такихъ каморокъ, въ семьѣ углекопа Стефенсона, родился ребенокъ. Его назвали Георгомъ. Мальчикъ провелъ дѣтство, какъ всѣ дѣти рабочихъ: игралъ и бѣгалъ съ ребятишками, няньчилъ младшихъ братьевъ, былъ на посылкахъ у старшихъ. Были у него и забавы: смастеритъ мельничное колесо на рѣчкѣ, проложитъ деревянные рельсы и возитъ по нимъ повозку, устроитъ какую-нибудь диковинную машину. Когда Георгъ подросъ, его отдали сначала въ пастухи, а потомъ пристроили на копахъ. Здѣсь все его интересовало: и паровая машина, поднимавшая грузъ, и деревянные рельсы, и устройство копей. Машину онъ скоро такъ хорошо изучилъ,

что лучше мастера умѣлъ разобрать и починить ее. На копяхъ скоро замѣтили его способности, стали поручать ему разныя починки, повысили въ должности и прибавили жалованье.

II.

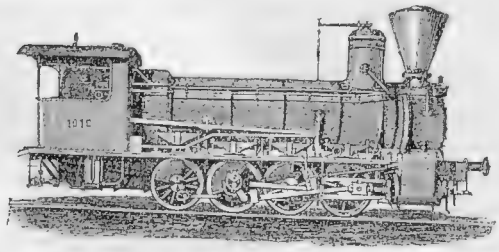
Георгу въ это время было уже 17 лѣтъ; онъ былъ безграмотенъ, какъ большинство его товарищей, и страстно хотѣлъ научиться грамотѣ. И вотъ отыскалъ онъ по сосѣдству школу и сговорился съ учителемъ, что будетъ ходить къ нему по вечерамъ. Кончитъ свою дневную работу, едва успѣетъ перекусить дома и бѣжитъ въ школу; поучится часа три, вернется домой и до глубокой ночи одинъ читаетъ и пишетъ. Въ одну зиму научился Стефенсонъ всему тому, что зналъ учитель; дальше надо было добиваться самому. Только книгъ не на что было покупать Георгу: весь его заработокъ уходилъ въ семью отца. Тогда онъ придумалъ себѣ новую статью дохода: занялся сапожнымъ мастерствомъ, бралъ въ починку старую обувь и на вырученныя деньги покупалъ себѣ книги. Вскорѣ Стефенсонъ женился и сталъ работать еще усерднѣе. Кромѣ своей должности на копяхъ, онъ находилъ время и таскать грузъ на пристани, и шить обувь, и слесарничать, и даже сдѣлался часовщикомъ: разобралъ свои испорченные часы, исправилъ ихъ и потомъ на весь округъ прославился какъ хорошій часовщикъ, — такъ велики въ немъ были способности механика. Конечно, не оставлялъ онъ и ученья: онъ покупалъ книги, особенно такія, въ которыхъ описывались разныя машины, и въ свободныя минуты читалъ, учился, дѣлалъ разные опыты и модели. На копяхъ его оцѣнили особенно послѣ того, какъ онъ однажды исправилъ

Стефенсонъ.

водокачальную машину и выкачалъ воду, чуть не затопившую шахту. Кромѣ того, онъ придумалъ особенную безопасную лампу для подземныхъ работъ. И начальство и товарищи-рабочіе любили и уважали даровитаго самоучку; послѣдніе зачастую заходили въ его домикъ, разсматривали его модели, слушали его объясненія. Когда у Стефенсона родился сынъ, отецъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, дать ему хорошее образованіе. Онъ на себѣ видѣлъ, какъ трудно учиться въ зрѣлые годы, и когда ребенокъ подросъ, онъ отдалъ его въ лучшую школу. Возвращаясь домой, мальчикъ пересказывалъ отцу, что слышалъ на урокахъ, и отецъ учился вмѣстѣ съ нимъ тому, чему не успѣлъ научиться въ дѣтствѣ. Такъ какъ жалованье Стефенсонъ получалъ теперь уже порядочное, то у него оставалось больше свободнаго времени, и онъ еще усерднѣе принялся за изученіе механики.

III.

Особенно интересовала Стефенсона мысль о томъ, какъ бы легче перевозить тяжести, и нельзя ли приспособить къ этому силу пара. Если паровая машина поднимаетъ тяжести со дна шахты, не можетъ ли она и возить тяжести по рельсамъ, вмѣсто лошадей? Такія попытки дѣлались и до Стефенсона, но всѣ были неудачны, и было рѣшено, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ. Но у даровитаго Стефенсона созрѣлъ въ головѣ уже цѣлый планъ, не даромъ онъ сидѣлъ дома надъ своими моделями; надо было только выполнить этотъ планъ. Одинъ богатый человѣкъ далъ денегъ, такъ какъ задуманное дѣло не могло стоить дешево; Стефенсонъ съ жаромъ принялся за работу. Скоро былъ готовъ локомотивъ, проложены рельсы, и первая желѣзная дорога, на удивленіе всѣмъ, была готова. Правда, локомотивъ былъ очень неуклюжъ, тяжелъ, двигался медленно, но дѣло было начато, и новый способъ оказался много выгоднѣе перевозки тяжестей на лошадяхъ. Вскорѣ стали прокладывать такіе пути и въ другихъ мѣстахъ и приглашали Стефенсона вести работы. Первыя дороги всѣ были очень коротки; по нимъ возили только грузъ. Да и это дѣло казалось такимъ новымъ, небывалымъ, что Стефенсу приходилось выносить не мало насмѣшекъ, недовѣрія, затрудненій и даже опасностей. Чего только ни говорили завистники и недоброжелатели: одни увѣряли, что Стефенсонъ помѣшанъ, и его надо засадить въ сумасшедшій домъ; другіе говорили, что его выдумка опасна; третьи увѣряли, что желѣзныя дороги разоряютъ край; были и такіе, которые считали это дѣло нечистымъ, разсказывали, что Стефенсонъ водится съ дьяволомъ. Сколько разъ случалось, что на Стефенсона и его помощниковъ нападали вооруженные люди, грозили ему, портили работу. Но этотъ человѣкъ труда и сильной воли не падалъ духомъ и продолжалъ свое дѣло, придумывая все новыя улучшенія и въ паровикѣ и въ рельсовомъ пути. Наконецъ Стефенсону было поручено провести желѣзнодорожную линію на довольно большое протяженіе, между двумя городами. Работа была нелегкая: приходилось осушать болота, дѣлать насыпи, строить мосты, прорывать горы. Хорошихъ рабочихъ на это новое дѣло тогда еще не было, и Стефенсонъ долженъ былъ самъ входить во всѣ мелочи: и работать, и указывать, и составлять чертежи и планы. Когда дорога была окончена, и по ней прошелъ первый поѣздъ съ пассажирами, то вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ былъ рѣшенъ. Теперь уже никому не приходило въ голову называть Стефенсона помѣшаннымъ; о даровитомъ инженерѣ-самоучкѣ заговорилъ весь міръ. Послѣ этого успѣха Стефенсона и его сына, сдѣлавшагося также извѣстнымъ инженеромъ, приглашали всюду, гдѣ затѣвали строить желѣзную дорогу, такъ что можно смѣло сказать, что много желѣзныхъ дорогъ въ Англіи было построено руками самого Стефенсона.



Паровозъ настоящаго времени.

IV.

Извѣстность Стефенсона росла, а съ нею увеличивались и средства. Но ни слава ни деньги нисколько не измѣнили его. Онъ жилъ попрежнему въ

своемъ скромномъ домикѣ, обрабатывалъ свой садъ, читалъ свои книги и охотно бесѣдовалъ съ приходившими къ нему рабочими. Этотъ „царь желѣзныхъ дорогъ“, котораго знали далеко за предѣлами отечества, котораго вездѣ встрѣчали съ большими почестями, для рабочихъ оставался все тѣмъ же „добрымъ Георгомъ“, къ которому они шли за совѣтомъ и помощью. И Стефенсонъ щедрою рукою давалъ эту помощь; зная, какъ важно для рабочаго ученіе, онъ на свои средства устроилъ нѣсколько школъ, читаленъ, библіотекъ; для престарѣлыхъ рабочихъ онъ завелъ богадѣльни, пріюты; для бѣдныхъ устроилъ сберегательныя кассы; даровитыхъ учениковъ школы онъ посылалъ въ высшія училища, и многіе изъ этихъ дѣтей рабочихъ потомъ вышли хорошими инженерами. Такъ прошла жизнь знаменитаго самоучки,—жизнь, полная мысли, труда и заботы о людяхъ-братьяхъ. Когда на 68 году Стефенсонъ умеръ, все населеніе одѣлось въ трауръ, вездѣ были прекращены работы, закрыты лавки. Тысячная толпа въ безмолвіи провожала гробъ человѣка, который сумѣлъ заслужить и всемірную извѣстность и горячую любовь каждаго, кто зналъ его.

Задача. Разскажите, какъ вы ѣздили по желѣзной дорогѣ.

Желѣзная дорога.

Что есть въ землѣ.

Глина.

I.

Мы уже знаемъ, что самый верхній слой земли, въ которомъ коренятся растенія, называется почвой. Знаемъ также, что почва состоитъ изъ глины, песку и перегноя.

Въ землѣ глины очень много, она встрѣчается такъ часто, что, вѣроятно, всякому приходилось ее видѣть; особенно памятна она должна быть тѣмъ, кому случалось ходить и ѣздить по немощенымъ дорогамъ. Тамъ, гдѣ лежитъ мокрая вязкая глина, ходить очень трудно, да часто и ѣхать не лучше: глина такъ облѣпитъ колеса, что они перестаютъ вертѣться; поневолѣ приходится бросить телѣгу и пріѣзжать за ней, когда дорога просохнетъ. Если въ пахотной землѣ много глины, то на хорошій урожай съ такой земли надѣяться нельзя: во время дождей и таянія снѣга глинистая земля, впитывая въ себя много воды, излишекъ ея задерживаетъ на

поверхности въ видѣ лужъ, которыя и стоятъ до тѣхъ поръ, пока отъ солнечной теплоты вода въ нихъ не испарится; часть хлѣбныхъ зеренъ, посѣянныхъ въ такую почву, отъ излишней влаги вымокнетъ, сопрѣетъ; во время сухой погоды глина, просыхая, начинаетъ трескаться и вырываетъ при этомъ молодые нѣжные всходы.

II.

Откуда берется глина? Въ землѣ залегаетъ много крѣпкихъ каменныхъ породъ; въ низкихъ мѣстахъ онѣ покрыты сверху почвою, въ высокихъ же мѣстахъ эти каменныя породы бываютъ совершенно открыты и часто составляютъ высокія горы. Какъ бы крѣпки ни были камни такихъ горъ, они все-таки растрескиваются отъ вліянія солнечной теплоты и воздуха. Въ образующіяся трещины попадаетъ вода, которая, замерзая, превращается въ ледъ; при этомъ она настолько расширяется, что помѣститься въ трещинѣ не можетъ и разрываетъ камень; осколки его при паденіи внизъ раздробляются еще больше. У подошвы горы эти осколки камней оказываются еще болѣе измельченными отъ дѣйствія воды и воздуха; здѣсь ихъ подхватываютъ потоки воды; вода перетираетъ ихъ другъ о друга и сноситъ въ низкія мѣста, гдѣ они и отлагаются въ видѣ мелкаго песку и въ видѣ глины; глина осаждается по берегамъ рѣкъ, въ болѣе спокойныхъ мѣстахъ, гдѣ вода течетъ медленно. Въ такихъ именно мѣстахъ всего чаще и находятъ глину.

III.

Въ сухомъ видѣ глина тверда и хрупка; она легко разламывается руками на мелкіе кусочки. Если эти отдѣльные кусочки напитать водою, которой глина принимаетъ въ себя довольно много, то они сдѣлаются мягкими и такими лѣпкими, что ихъ можно руками смять въ одинъ комокъ и изъ него уже вылѣпить какую угодно фигурку. Если такую глиняную фигурку поставить на солнце, то вся вода изъ нея испарится, и изъ мягкой она сдѣлается твердою, какъ бы каменною. Изъ глины люди выдѣлываютъ кирпичъ, черепицу и разную посуду.

Вопросы. Что называется почвой? Изъ какихъ частей состоитъ почва? Каковъ цвѣтъ глины? Откуда берется глина? Хорошо ли глина пропускаетъ сквозь себя воду? Откуда это видно? Плодородна ли глина? На что употребляется глина?

Задача. Возьмите нѣкоторое количество земли изъ сада или съ поля, облейте ее такимъ же количествомъ чистой воды и тщательно перемѣшайте полученную смѣсь. При постоянномъ размѣшиваніи вылейте ее въ стеклянную бутылку и, оставивъ ее въ покоѣ, дайте здѣсь осѣсть содержимому жидкости.—Что замѣтите вы по прошествіи нѣкотораго времени? Что осѣло на самомъ днѣ, что выше и что на самомъ верху? Подышите на сухую глину и обратите при этомъ вниманіе на ея запахъ. Разыщите сухія глинистыя поверхности въ природѣ, что замѣтите вы на нихъ?

Песокъ.

Песокъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ зернышекъ, или песчинокъ. Песчинка блеститъ, какъ стекло. Она очень тверда: ножъ не беретъ ея. На стеклѣ песчинка оставляетъ царапину. Съ водою песокъ не даетъ вязкаго, липкаго тѣста. Изъ мокраго мелкаго песку можно, правда, приготовить пирожокъ, но онъ скоро высыхаетъ и разсыпается. Песокъ вбираетъ въ себя гораздо меньше воды, чѣмъ глина, и легко пропускаетъ воду насквозь. Черезъ крупный песокъ вода проходитъ какъ сквозь сито. Песокъ сыпучъ и рыхлъ, а потому песчаная почва

весьма слабо держитъ корни растеній. Она также легко поднимается и разносится вѣтрами. Песокъ быстро высыхаетъ и легко пропускаетъ воду, а потому песчаная почва почти всегда суха. Растенія же больше всего нуждаются въ водѣ: они все принимаютъ изъ земли не иначе, какъ вмѣстѣ съ водою. Песчаная почва безплодна.

Изъ песку дѣлаютъ стекло. Песокъ смѣшиваютъ съ золою растеній и всыпаютъ въ большіе горшки. Горшки ставятъ въ печь такъ, чтобы ихъ охватывало сильное пламя. Отъ жара песокъ плавится и дѣлается полужидкимъ, прозрачнымъ тѣстомъ. Изъ горячаго расплавленнаго стекла и приготовляютъ различныя стеклянныя издѣлія.

Вопросы. Какого цвѣта бываетъ песокъ? Что больше удерживаетъ воду: глина или песокъ? Можетъ ли родникъ протекать по песчаному слою? Почему? Плодородна ли песчаная почва? Почему? Что быстрѣе просыхаетъ: влажная глина или влажный песокъ? Какъ отдѣлить глину отъ песка, если они смѣшаны?

Перегной.

Трава гніетъ къ осени; деревья и кусты сбрасываютъ листъ; жуки, черви, улитки и другія животныя умираютъ и гніютъ. Отъ этого всего на землѣ постоянно копится гниль, или перегной, который примѣшивается къ землѣ сверху. Если бросить растеніе въ огонь, то оно сгораетъ, т.-е. уходитъ въ воздухъ дымомъ, оставляя за собою только очень немного золы. Перегной образовался изъ листьевъ, стебельковъ и корешковъ растеній, а потому онъ и горитъ въ огнѣ. Песокъ и глина въ огнѣ не горятъ. Въ хорошей пахотной землѣ всегда есть перегной. Чѣмъ больше его, тѣмъ почва плодороднѣе, потому что перегной даетъ растеніямъ хорошую пищу. У насъ, на югѣ, во многихъ губерніяхъ залегаетъ толстымъ пластомъ черноземъ. Онъ состоитъ изъ глины съ пескомъ, но въ немъ такъ много перегноя, что вся почва получаетъ темный цвѣтъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земли не черноземныя, на поля возятъ навозъ.

Вопросы. Откуда получается перегной? Полезенъ ли перегной для растеній? Что нужно сдѣлать, когда въ почвѣ мало перегноя?

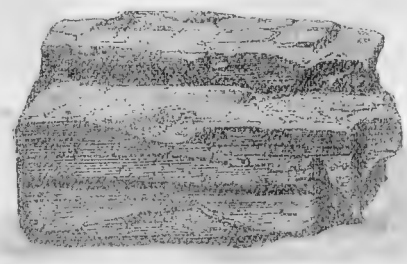
Каменный уголь.

I.

Во многихъ мѣстахъ глубоко подъ землею залегаетъ каменный уголь; его добываютъ изъ-подъ земли и разсылаютъ по всей Россіи. Огромнымъ фабрикамъ и заводамъ трудно было бы существовать безъ каменнаго угля; дрова слишкомъ дороги, да и не даютъ такого большого жара, какъ каменный уголь. Кромѣ того, изъ него выгоняютъ особый газъ, которымъ освѣщаютъ улицы и дома.

Каменный уголь лежитъ обыкновенно пластами между слоями песчаниковъ и глины. Пласты угля бываютъ различной толщины отъ одного дюйма до трехъ саженей.

Каменный уголь твердъ, какъ камень, но хрупокъ, легко разбивается. Сорта угля бываютъ различны. Самый лучшій каменный уголь называется антрацитомъ, болѣе мягкіе сорта называются курнымъ углемъ.

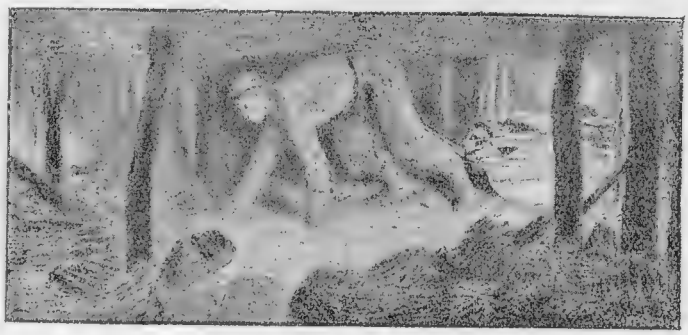


Каменный уголь.

Работы въ шахтѣ.

II.

Какъ же добывается каменный уголь? Если уголь лежитъ неглубоко подъ землей, то роютъ колодецъ до угольнаго пласта и тамъ отбиваютъ уголь. Отбитый въ колодцѣ уголь вытаскиваютъ въ ящикахъ наверхъ. Какъ только колодецъ начнетъ углубляться, его бросаютъ и роютъ почти рядомъ новый. Такъ добываютъ уголь, если онъ лежитъ близко къ поверхности земли. Но это бываетъ рѣдко; обыкновенно уголь залегаетъ на довольно большой глубинѣ подъ землею; тогда для добыванія его прорываются глубокіе колодцы, или шахты, иногда до одной версты глубиною. Отъ каждой шахты идутъ подъ землей на разной глубинѣ низкія и темныя галлереи, образуя часто нѣсколько этажей; онѣ выбиты въ пластахъ угля; чтобы потолки ихъ не обваливались, они подперты деревянными балками; стѣны выложены камнемъ. Рабочіе выбиваютъ уголь ломами и молотками и въ тачкахъ и вагонахъ подвозятъ его къ шахтѣ; тамъ уголь складываютъ въ корзины или деревянныя бадьи и поднимаютъ вверхъ. Въ шахту спускаются или по узенькой лѣстницѣ, вьющейся по стѣнамъ, или въ деревянной бадьѣ, двигающейся внизъ по цѣпи. Бадья быстро несется внизъ; тьма и сырость охватываютъ человѣка въ подземельѣ; мелькаютъ отверстія боковыхъ ходовъ, тускло свѣтятся въ нихъ лампочки рудокоповъ. Во всѣ стороны разбѣгаются низкія галлереи: есть и большія, широкія, по которымъ лошади перевозятъ вагончики съ углемъ, есть и глухія, узкія, гдѣ рудокопъ можетъ только лежа выбивать ломомъ каменный уголь. Жара и духота здѣсь невыносимыя, такъ что рабочимъ приходится раздѣваться. Иногда каменныя породы, залегающія между пластами каменнаго угля, такъ тверды, что труд-



„Шахтеръ“. Съ карт. *И. А. Касаткина.*

но разбивать ихъ ломомъ и киркой; тогда сверлятъ дыру, закладываютъ туда порохъ и посредствомъ зажженнаго фитиля взрываютъ.

При этомъ бываютъ и несчастные случаи, если взрывъ произойдетъ раньше времени и рабочіе не успѣютъ отбѣжать или если они, не дождавшись взрыва, подойдутъ къ мѣсту, гдѣ заложенъ порохъ.

Вопросы. На что идетъ каменный уголь? Откуда его добываютъ? Какъ добываютъ каменный уголь?

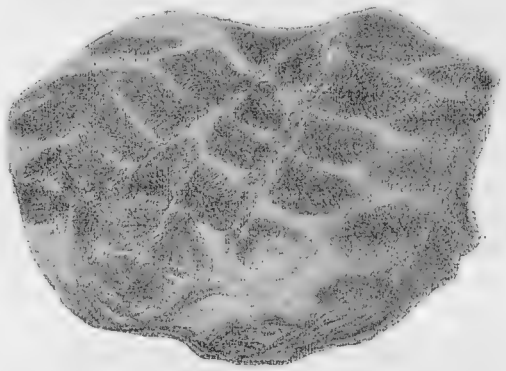
Откуда взялся каменный уголь?

I.

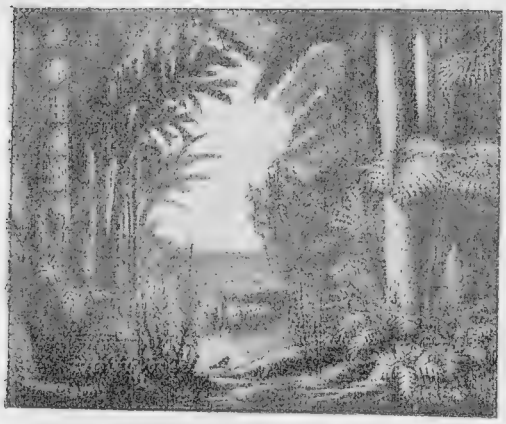
Откуда же взялся каменный уголь, который такими огромными массами лежитъ глубоко подъ землею? Каменный уголь лежитъ въ землѣ всегда пластами среди другихъ горныхъ породъ, напримѣръ, глины, песку и т. п. Въ слояхъ глины, лежащей подъ пластомъ угля, часто можно замѣтить множество черныхъ жилокъ, разбѣгающихся во всѣ стороны и напоминающихъ корни растеній. Въ песчаныхъ слояхъ надъ пластами угля встрѣчаются иногда большіе куски угля въ видѣ стволовъ деревьевъ. Кора на нихъ сохранилась вполнѣ ясно; развѣтвленія вполнѣ напоминаютъ сучья, въ нѣкоторыхъ слояхъ видны отпечатки стеблей и листьевъ. У ученыхъ не остается никакого сомнѣнія, что каменный уголь представляетъ остатки прежнихъ растеній, которыя когда-то, очень давно, существовали на землѣ. Въ природѣ часто можно наблюдать, какъ остатки растеній перегниваютъ и превращаются мало-по-малу въ бурое или черное вещество. Такое перегниваніе растеній подъ водою постоянно происходитъ въ прудахъ, болотахъ и рѣкахъ.

II.

Въ моховыхъ болотахъ нижніе слои мха, пропитавшись водою, постепенно отрываются и опускаются на дно. Въ водѣ гніеніе идетъ очень медленно, но мало-по-малу на днѣ все больше накопляется темно-бураго перегноя. Это — торфъ. Съ теченіемъ времени торфа накопляется такъ много, что болото высыхаетъ и превращается въ толстый пластъ торфа. Такія высохшія болота называются торфяниками; въ нихъ торфъ лежитъ пластомъ нерѣдко 16—18 аршинъ толщиною. Торфъ хорошо горитъ, и его часто употребляютъ, какъ топливо, нарѣзывая кирпичами и высушивая на солнцѣ. Когда осушаютъ торфяникъ, то верхній слой его всегда состоитъ изъ сухого мха и травы желто-зеленаго цвѣта; подъ нимъ идетъ буроватый рыхлый слой, похожій на грубый войлокъ; еще глубже торфъ становится темнѣе, плотнѣе, какъ будто тотъ же войлокъ, плотнѣе слежавшійся. Нижній же слой представляетъ плотную, совершенно черную массу, въ которой уже нельзя различить ни одного листочка ни одного стебелька растенія.



Отпечатки на каменномъ углѣ стеблей и листьевъ.



Первобытный лѣсъ, изъ котораго образовался настоящій каменный уголь.

III.

Добывая торфъ, замѣтили, что въ иныхъ мѣстахъ между его пластами попадается много остатковъ вѣтвей и стволовъ деревьевъ, которые превратились въ плотное, почти черное вещество, называемое бурымъ углемъ. Между пластами бураго такъ же, какъ и каменнаго угля, часто попадаются стволы деревьевъ, отпечатки шишекъ, иголъ, листьевъ и т. п. Иногда, раскапывая почву, находятъ такимъ образомъ цѣлый лѣсъ, зарытый во внутренность земли; въ слояхъ глины находятъ поразительно ясные отпечатки листьевъ, жилокъ, иголъ, водорослей и т. п. Нашли также въ пластахъ, рядомъ съ каменнымъ углемъ, и остатки животныхъ, существовавшихъ въ тѣ времена; такъ, напр., попадаются очень часто огромныя ящерицы, рыбы и насѣкомыя.

Каждый годъ добывается на землѣ огромное количество каменнаго угля, но въ землѣ остаются еще скрытыми неисчерпаемые запасы его. Образованіе угля происходитъ въ разныхъ странахъ и въ наше время. Въ огромныхъ мрачныхъ лѣсахъ Сибири и въ непроходимыхъ первобытныхъ лѣсахъ жаркихъ странъ продолжаютъ и теперь уноситься водою деревья. Деревья эти опускаются на дно и нагромождаются тамъ. Пройдутъ вѣка, и изъ нихъ образуются новые пласты каменнаго угля.

Вопросы. Изъ чего образовался каменный уголь? Чѣмъ можно доказать это? Что такое торфъ? На что онъ идетъ? Образуется ли теперь каменный уголь?

Соль.

I.

Соль, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и водою, составляетъ первую насущную потребность человѣка, необходимую ему для поддержанія жизни; поэтому вы можете видѣть ее на столѣ одинаково какъ въ убогой хижинѣ, такъ и въ роскошныхъ палатахъ. Соль находится почти во всѣхъ жидкостяхъ и тканяхъ человѣческаго тѣла. Недостатокъ ея въ тѣлѣ порождаетъ болѣзни, и потому соль должна быть причислена къ питательнымъ веществамъ.

Добываніе соли подъ землей.

Соль не только придаетъ вкусъ пищѣ, но также предохраняетъ ее отъ порчи. Солью солятъ мясо, рыбу, икру, овощи, когда желаютъ сохранить ихъ на долгое время.

Но соль нужна человѣку не для одной только приправы къ пищѣ. Изъ соли добываютъ соду, а сода необходима для приготовленія мыла и стекла. Изъ соли добываютъ вещество (хлоръ), которое употребляется при бѣленіи тканей. Глазурь на глиняной посудѣ дѣлаютъ иногда изъ соли; для этого въ накаленную печь, гдѣ обжигается глиняная посуда, бросаютъ горсть соли, которая отъ жара превращается въ паръ, садится на глину, дѣйствуетъ на поверхность ея и образуетъ глазурь. Трудно перечислить всѣ производства, при которыхъ употребляется соль, какъ полезное вещество.

II.

И у насъ и въ чужихъ краяхъ каменная соль лежитъ иногда подъ землей, какъ каменный уголь, пластомъ. Пласты каменной соли бываютъ иногда очень толсты, во много саженъ.

Если соль лежитъ глубоко подъ землею, то, чтобы достать ее, выкапываютъ глубокія *шахты* и подземные ходы.

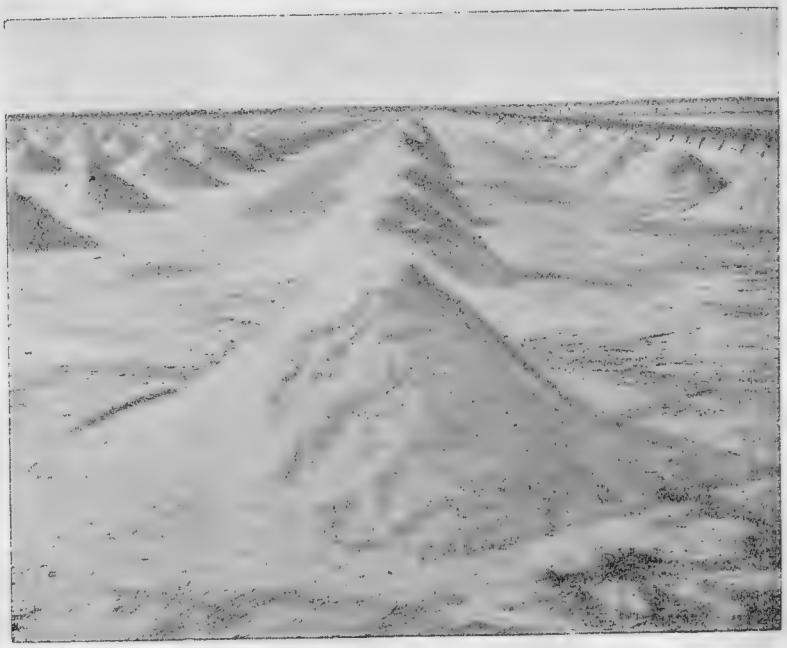
Чистая соль безцвѣтна и прозрачна, какъ стекло, но въ землѣ она часто окрашена примѣсями въ желтый, бурый или зеленый цвѣтъ.

Хотя каменная соль лежитъ въ землѣ во многихъ мѣстахъ, но большая часть той соли, какую мы употребляемъ въ пищу, получается не изъ земли, а изъ воды.

Въ приморскихъ странахъ и получаютъ соль изъ морской воды. Для этого пользуются лѣтними жарами. На низкомъ берегу выкапываютъ много большихъ, но неглубокихъ ямъ и пропускаютъ въ нихъ морскую воду. Лѣтомъ, въ жаркіе дни, вода быстро испаряется и дѣлается все гуще и гуще, а соль садится на дно и стѣнки ямъ.

У насъ, въ Россіи (въ нижнихъ частяхъ Дона и Волги), есть озера съ соленой водой. Весной, когда много воды, озера не даютъ соли. Во время же лѣтняго зноя вода въ озерахъ дѣлается такою густою, что часть соли выдѣляется въ видѣ соляной коры. Ее снимаютъ и складываютъ на берегу въ кучи. Такъ получаютъ очень много хорошей чистой соли.

Вопросы. На что идетъ соль? Откуда она добывается?



Добытая изъ воды соль въ кучахъ.

Задача. Попробуйте растворять соль въ холодной водѣ и въ горячей. Въ какой водѣ соль растворяется легче?

Загадка. На водѣ родится, на огнѣ вырастаетъ, съ матерью увидится, опять умираетъ.

Горныя породы.

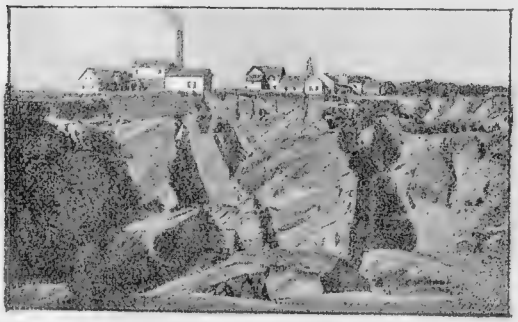
I.

Кромѣ песку и глины, о которыхъ мы говорили, существуютъ еще и другія горныя породы.

Твердую горную породу можно найти вездѣ. Въ гористыхъ мѣстахъ она нерѣдко выглядываетъ изъ-подъ почвы. Вдоль берега океана и въ ущельяхъ вода мѣстами смыла почву и оставила скалистый слой, ничѣмъ не прикрытый, такъ что горную породу тамъ можно прекрасно разглядѣть.

Знаете ли вы, что такое каменоломня? Это — мѣсто, гдѣ добываютъ камень для построекъ. Обломки камней, которые долго валяются на поверхности земли, дѣлаются грязными и легко крошатся. Воздухъ и вода уже начали ихъ превращать въ почву. Чтобы достать прочный и чистый камень, люди устраиваютъ каменоломни.

Для этого они сначала счищаютъ прочь всю почву. Потомъ порохомъ взрываютъ горную породу, пока не доберутся до того камня, который людямъ надо добыть. Потомъ уже аккуратно отламываютъ камни, стараясь, чтобы они выходили такой величины, какая нужна. Наломавши камня, рабочіе молотками и долотами обтесываютъ камень, какъ имъ нужно.



Каменоломня.

II.

Для постройки берутся разные сорта камня. Для насъ всего интереснѣе разсмотрѣть гранитъ, потому что его чаще всего встрѣтишь. Гранитомъ мостятъ улицы, изъ гранита часто дѣлаютъ тротуары, фундаменты большихъ домовъ и такъ далѣе.

Достаньте кусокъ гранита и разсмотрите его внимательно. Онъ кажется пестрымъ отъ зернышекъ краснаго и чернаго цвѣта. Посмотримъ, что это за зернышки.

Вотъ одно совсѣмъ свѣтленькое зернышко, похожее на кусочекъ стекла. Оно такое жесткое, что его нельзя поцарапать стальнымъ ножомъ. Это кварцъ.

Въ нашемъ кусочкѣ гранита есть и черненькія зернышки. Если ихъ разсмотрѣть внимательно, то окажется, что ихъ можно расщепить на тоненькія, упругія пластиночки. Это слюда.

Въ гранитѣ есть и еще минералъ. Онъ свѣтлый, но не прозрачный, какъ кварцъ. Со всѣхъ сторонъ у него блестящія грани. Этотъ минералъ называютъ полевымъ шпатомъ.

Возьмите молотокъ и толките кусочекъ гранита, пока не получите мелкій порошокъ. Смойте пыль и чешуйки слюды; тогда у васъ останется чистый песокъ, такой, какой бываетъ на морскомъ берегу.

Природа тоже крошитъ скалы въ порошокъ, но дѣлаетъ это совсѣмъ не такъ. Ей надо очень много времени, чтобы кусокъ гранита обратить въ песокъ.

Песокъ, который мы видимъ на морскомъ берегу, по большей части со-

Кусокъ гранита, если посмотрѣть на него въ увеличительное стекло.

стоитъ изъ крупинокъ кварца. Кварцъ очень твердый минералъ. Когда полевой шпатъ въ гранитѣ разрушается, то зерна кварца разсыпаются и образуютъ песокъ.

Слюда тоже прочнѣе полевого шпата и ее часто можно найти лѣтомъ въ ручьяхъ. Когда вода прозрачна, то видно, какъ свѣтленькія пластинки слюды движутся по дну вмѣстѣ съ теченіемъ. Онѣ блестятъ, какъ золото.

Изъ пластинокъ слюды дѣлаютъ окошки въ печахъ, когда нужно заглядывать въ печь, не открывая ея дверокъ. Для этого, конечно, берутъ пластинки слюды безъ сравненія больше, чѣмъ тѣ, которыя мы находимъ въ гранитѣ.

Въ окошечки въ печахъ вставляютъ слюду, а не стекло потому, что слюда не лопается и не плавится отъ сильнаго жара.

Находящійся въ гранитѣ полевой шпатъ въ концѣ-концовъ превращается въ глину.

Когда песчинки въ пескѣ сильно сдавливаются и слипаются такъ, что крѣпко пристаютъ другъ къ другу, то изъ нихъ дѣлается камень. Онъ называется песчаникомъ. Песчаники употребляются на постройки.

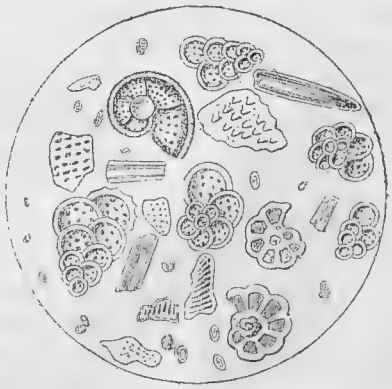
III.

Есть еще одна интересная для васъ горная порода—известнякъ. Его можно узнать потому, что онъ гораздо мягче другихъ камней, и еще потому, что стоитъ капнуть на него кислоты, чтобы тотчасъ же на немъ запѣнились и зашипѣли пузырьки. Если посмотрѣть на известнякъ подъ микроскопомъ, то можно увидать въ немъ остатки раковинъ. Известнякъ образовался изъ раковинъ мелкихъ животныхъ, живущихъ въ морѣ.

Известнякъ обжигаютъ въ особыхъ печахъ, и изъ него тогда дѣлается известь. Мягкій, морающій известнякъ совершенно бѣлаго цвѣта называется мѣломъ.

Мраморъ—это особый сортъ известняковъ. Изъ мрамора дѣлаютъ памятники и фундаменты и лѣстницы дорогихъ зданій.

Вопросы. Кромѣ песка и глины, какія еще бываютъ горныя породы? Гдѣ залегаютъ горныя породы? Гдѣ онѣ выходятъ наружу? Что дѣлаютъ съ твердыми горными породами воздухъ и вода? Какъ называется мѣсто, гдѣ добываютъ горныя породы? Какая твердая горная порода встрѣчается чаще другихъ? Изъ чего состоитъ гранитъ? Что образуется изъ кварца? Полевого шпата? Гдѣ можно встрѣтить слюду? На что идетъ гранитъ? Что



Кусочекъ известняка подъ микроскопомъ.

такое песчаникъ? Какая еще часто встрѣчается горная порода? Какъ узнать известнякъ? Изъ чего образовался известнякъ? Что дѣлаютъ изъ известняка? Что такое мраморъ?

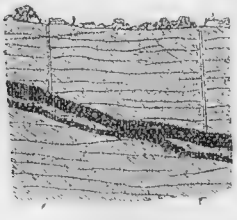
Металлы.

Кромѣ горныхъ породъ, въ землѣ находятся еще металлы. Нѣкоторые металлы вы, конечно, видѣли, напр., *желѣзо, мѣдь, золото, серебро.*

На свѣтѣ есть еще нѣсколько разныхъ металловъ. Какъ вы думаете, откуда они всѣ берутся? Мы не можемъ пойти въ горы и подобрать тамъ прямо кусокъ желѣза или олова или серебра. Почти всѣ металлы надо не только найти, но еще выдѣлить изъ того камня, съ которымъ они соединены или смѣшаны. Надъ такими камнями, надъ „рудой“ приходится много поработать, чтобы добыть изъ нея чистый металлъ, да и руду надо искать умѣючи, потому что незнающій человѣкъ, увидя желѣзную или мѣдную или какую-нибудь другую руду, и не подумаетъ, что изъ этого камня можно достать желѣзо, мѣдь, олово.

Только золото часто встрѣчается кусочками въ пескѣ, да и то такими крошечными кусочками, что надо хорошо знать, въ какихъ мѣстахъ можно надѣяться найти золото, чтобы начать разыскивать его. Да и то безъ особыхъ машинъ, хоть и не мудреныхъ, золото въ пескѣ не разыщешь.

Металлы добываютъ изъ земли, но ихъ рѣдко находятъ въ верхнемъ слоѣ почвы. Металлы добываютъ обыкновенно изъ твердой горной породы, чаще всего въ горахъ.



Горная жила.

Въ долинахъ руды обыкновенно лежатъ глубоко подъ слоями почвы. Въ горахъ же дождь уже смылъ почву, во многихъ мѣстахъ оставивъ голую горную породу. Вотъ туда и слѣдуетъ итти искать металлы и камни.

II.

Вотъ человѣкъ, который можетъ разсказать намъ кое-что о минералахъ (камни и металлы — все это — минералы). Онъ потратилъ много лѣтъ на выкапываніе ихъ изъ-подъ земли,—это рудокопъ.

Рудокопъ говоритъ, что руды лежатъ тоненькими, узкими слоями въ какой-нибудь другой горной породѣ. Эти слои, или жилы, спускаются въ землю иногда очень глубоко. Рудокопу приходится прорыть сотни саженъ, забираясь въ глубь земли вслѣдъ за жилой. Подъ землю не доходитъ дневной свѣтъ, и приходится работать съ лампочкой.

Подземные ходы, которые прокапываютъ рудокопы, называются шахтами. Шахты очень похожи на глубокіе колодцы, отъ которыхъ идутъ подъ землей во всѣ стороны подземные коридоры. Шахта тянется подъ землей иногда на цѣлыя версты. Въ глубокой шахтѣ бываетъ жарко, душно, сыро. Вода каплетъ со стѣнъ и потолка. Работаетъ рудокопъ киркой, отбивая камень за камнемъ.

Очень тяжело рудокопу цѣлый день дышать сырымъ, спертымъ воздухомъ, но еще тяжелѣй ему не видѣть цѣлыми недѣлями солнца и свѣта, такъ какъ рано утромъ спускается онъ въ шахту и лишь подъ вечеръ выбирается изъ нея.

И сколько несчастій грозитъ рудокопу! Можетъ обвалиться сводъ шахты и раздавить его, можетъ рудокопъ вдругъ, выбивая руду, пробить путь подземному потоку, и тогда вдругъ хлынетъ вода и зальетъ шахту со всѣ-

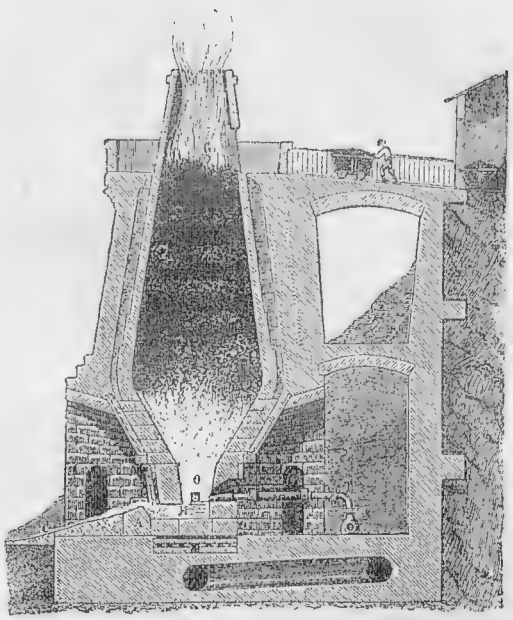
ми работающими въ ней людьми. Да и разныя другія бѣды могутъ случиться съ рудокопомъ подъ землею.

III.

Но вотъ руда вынута на поверхность земли. Если это желѣзная руда, то ее посылаютъ на особые заводы, гдѣ въ огромныхъ доменныхъ печахъ на страшно сильномъ огнѣ расплавляютъ руду. Тогда желѣзо изъ руды, какъ самая тяжелая часть ея, опускается книзу, а всѣ остальныя части расплавленной руды всплываютъ наверхъ. Если откроютъ дыру въ нижней части печи, то изъ нея потечетъ расплавленный металлъ (чугунъ), а если открыть дыру въ печи выше, то изъ нея вытекаютъ разныя примѣси, такія, которыя были въ рудѣ, и такія, какія положили въ печь люди, чтобы расплавить руду.

Изъ печи вытекаетъ не чистое желѣзо, а чугунъ, изъ котораго уже дѣлаютъ желѣзо.

Золото ищутъ или въ твердой горной породѣ или въ золотоносныхъ пескахъ. Золотоносную горную породу сначала особыми машинами дробятъ въ мелкій песокъ. Затѣмъ на особыхъ машинахъ промываютъ этотъ песокъ съ золотомъ водой. Песокъ уносится водой, а тяжелыя золотыя песчинки остаются.



Разрѣзъ доменной печи. Въ самой нижней части особенно сильный жаръ. Видна справа труба, по которой идетъ въ печь воздухъ, чтобъ сильнѣй раздувать огонь. Слѣва, гдѣ буква А—отверстіе, черезъ которое выпускаютъ чугунъ. Сверху подвозятъ и подбрасываютъ уголь, руду и проч.

Вопросы. Какъ вообще называются камни и металлы? Назовите, какіе вы знаете металлы? Какой металлъ чаще другихъ встрѣчается въ природѣ въ чистомъ видѣ? Въ большинствѣ же случаевъ въ какомъ видѣ встрѣчаются металлы? Что такое руда? Какъ изъ руды добываютъ чистый металлъ, напр., желѣзо?

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Въ зеленомъ царствѣ.

Главныя части растеній.

I.

Назовите, какія вы знаете растенія—деревья, растенія—кустарники, растенія травы?

Каждое растеніе имѣетъ двѣ главныя части: *подземную*, находящуюся въ почвѣ, и *надземную*. Подземная часть растенія—это корень съ его развѣтвленіями, надземная — стебель или стволъ съ сучьями, вѣтвями и листьями.

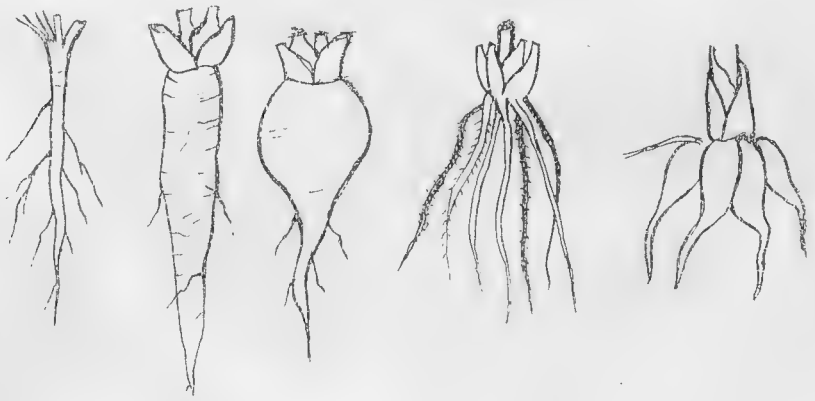
Корни растенія служатъ ему двѣ службы: во-первыхъ, они кормятъ, питаютъ его пищей, которую сосутъ изъ земли; во-вторыхъ, они прикрѣпляютъ растеніе къ матери-землѣ и служатъ ему опорой противъ бурь и непогодъ. Отнимите у растенія корни, и оно умретъ, не получая изъ земли пищи, первый порывъ вѣтра опрокинетъ его на землю.

Стволъ или стебель растенія служитъ также двѣ службы: на немъ находятся сучья или вѣтви съ листьями и плодами, и въ то же время онъ проводитъ къ нимъ ту пищу, которую берутъ изъ земли корни. Стволъ и сучья дерева покрыты корой, которая служитъ имъ какъ бы непромокаемой одеждой и защитой отъ дождя, зимняго холода и непогоды.

II.

Листья составляютъ, конечно, самое лучшее украшеніе дерева и даютъ ему ту прелесть, которою каждый изъ насъ любуется, въ особенности весной, когда дерево, послѣ долгаго зимняго сна, уберется въ свою свѣжую, нѣжно-зеленую одежду. Но, украшая дерево, листья служатъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ

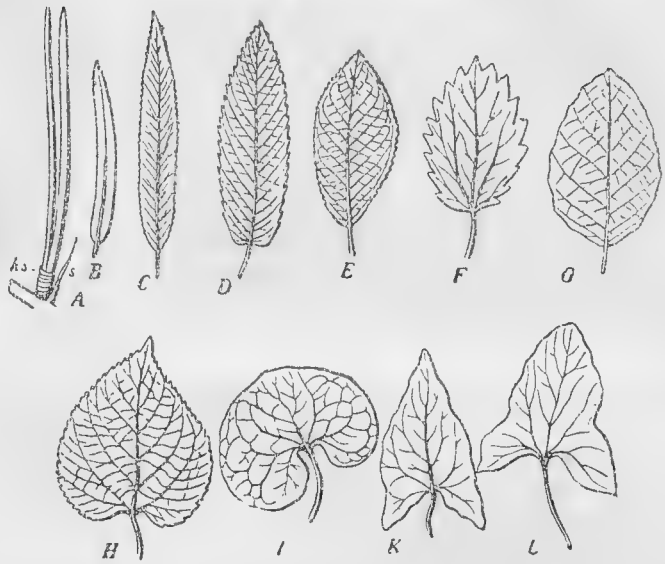
Различные виды корней.



Задача. Нарисуйте каждый изъ этихъ корней.

и очень важную службу: они, подобно корнямъ, тоже питаютъ дерево, добывая ему пищу изъ окружающаго воздуха, при помощи солнечнаго свѣта. Изъ этой, добытой изъ воздуха, пищи и при помощи соковъ, поднявшихся изъ корней, листья вырабатываютъ разныя вещества, которыя идутъ на ростъ дерева.

Различная форма листьевъ.



A — игольчатые листья сосны; *B* — линейный листъ тисса; *C*—ланцентный листъ ивы; *D* — продолговатый листъ настоящаго каштана; *E*—элептическій листъ черемухи; *F*—овальный листъ кропивы жгучей; *G* — яйцевидный листъ бука; *H* — сердцевидный листъ липы; *I* — почковидный листъ подорѣшника; *K*—стрѣловидный листъ полевого вьюнка; *L*—копьевидный листъ щавеля.

Форма или фигура листьевъ бываетъ очень разнообразна. Каждое дерево—напримѣръ, дубъ, береза, кленъ, осина—имѣетъ особую форму листа, такъ что сколько существуетъ разныхъ породъ деревьевъ, столько же существуетъ и разнообразныхъ формъ листьевъ. Но главныхъ формъ листьевъ только двѣ: плоская—въ видѣ пластинки съ черешкомъ, и иглистая—въ формѣ иглы. Какое бы мы ни взяли изъ нашихъ деревьевъ, листъ его непремѣнно будетъ имѣть одну изъ этихъ двухъ главныхъ формъ: онъ будетъ или плоскій или иглистый. Большая часть нашихъ деревьевъ имѣетъ листъ въ формѣ пластинки съ черешкомъ. Таковы, напримѣръ, дубъ, береза, липа, ольха, осина и многія другія. Иглистую же форму листа имѣютъ у насъ лишь немногія породы деревьевъ, и въ томъ числѣ знакомыя всѣмъ сосна и ель. Листъ, имѣющій форму пластинки съ черешкомъ, такъ и называется обыкновенно просто листомъ; иглистый же листъ называется также *хвоей*. По этимъ двумъ главнымъ формамъ листа всѣ наши деревья раздѣляются на *лиственныя* и *хвойныя*. Лиственныя деревья еще тѣмъ отличаются отъ хвойныхъ, что роняютъ осенью свой листъ, тогда какъ хвойныя и зимою остаются зелеными. Исключеніе составляетъ одно только наше хвойное дерево — лиственница, которая тоже сбрасываетъ каждую осень свою мягкую, нѣжную хвою, весною же снова одѣвается новой хвоей.

Различная форма листьевъ.

a—тройчатый листъ ракитника, *b* — пильчатосложный листъ конскаго каштана, *c* — непарноперистый листъ шиповника, *d* — парноперистый листъ сочевичника.

Цвѣты и плоды служатъ дереву для размноженія: изъ цвѣтовъ происходятъ плоды, въ плодахъ вызрѣваютъ сѣмена. Сѣмя, посѣянное въ

землю, даетъ новое дерево того же рода.

Вопросы. Какъ раздѣляются всѣ наши деревья? Назовите нѣсколько лиственныхъ деревьевъ? хвойныхъ? Какую службу дереву несетъ корень? стволъ? листья? цвѣты и плоды?

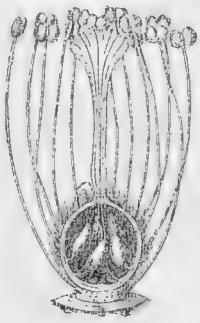
Задача. Соберите по листу съ березы, дуба, осины, липы, вяза, яблони, ели, сосны; разсмотрите ихъ; нарисуйте форму каждаго изъ нихъ. Опишите форму каждаго изъ нихъ.

Самая важная часть растенія.

I.

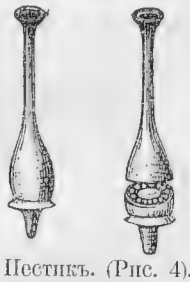
Цвѣтокъ самая важная часть растенія. Въ цвѣткѣ образуется сѣмя, изъ сѣмени вырастетъ новое растеніе. Не было бы сѣмени, не вырастало бы и новое растеніе. У нѣкоторыхъ растеній цвѣты очень красивы, многіе съ пріятнымъ запахомъ; вспомните розу, резеду, левкой и другіе. Возьмемъ какой-нибудь цвѣтокъ и посмотримъ, какъ онъ устроенъ. Вотъ, напримѣръ, цвѣтокъ шиповника: прекрасный цвѣтокъ, лучшее украшеніе нашихъ садовъ, съ тонкимъ запахомъ и крупными розовыми лепестками. Внутри цвѣтка находится цѣлый кружокъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ ниточекъ съ желтыми головками, а въ самой серединѣ этого круга съ глубокаго дна цвѣтка поднимаются другія нити. Эти нити хорошо замѣтны, если разрѣзать цвѣтокъ вдоль (рис. 1). Каждая изъ среднихъ нитей продолжается въ глубину цвѣтка и оканчивается расширеніемъ (рис. 2). Нити, которыя сидятъ снаружи, называются тычинками, а внутреннія — пестиками. Наверху каждая тычинка заканчивается маленькой головкой (рис. 3); въ этой головкѣ созрѣваетъ пыльца, почему головка называется пыльникомъ. Когда пыльникъ созрѣетъ, онъ лопается, пыльца высыпается и попадаетъ на верхушки пестиковъ. Верхушка пестика (рис. 4) называется рыльцемъ, въ немъ есть отверстіе, идущее черезъ весь пестикъ до нижняго его конца. Когда пыльца изъ пыльника попадаетъ на рыльце пестика, то она проходитъ внутрь до самаго дна, гдѣ и образуется тогда сѣмя.

Разрѣзъ цвѣтка вдоль. (Рис. 1).



Тычинки и пестики. (Рис. 2).

Тычинка. (Рис. 3).



Пестикъ. (Рис. 4).

II.

Безъ пыльцы сѣмя въ пестикѣ образоваться не можетъ. Сѣмя бываетъ всегда лучше, если пыльца съ одного

цвѣтка попадетъ на пестикъ другого цвѣтка. Пыльцу съ цвѣтка на цвѣтокъ переноситъ вѣтеръ и чаще всего насѣкомыя—пчелы, бабочки и др. Насѣкомыхъ привлекаютъ къ себѣ цвѣты красивымъ видомъ, запахомъ и иногда сладкимъ сокомъ, который бываетъ внутри цвѣтка. Насѣкомыя перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ и переносятъ на своихъ лапкахъ и брюшкѣ пыльцу съ одного цвѣтка на другой. Цвѣты бываютъ разнаго вида, но всѣ они имѣютъ однѣ и тѣ же главныя части: тычинки и пестикъ. И только очень немногіе состоятъ изъ однихъ лепестковъ; у такихъ цвѣтовъ и сѣмени не бываетъ, ихъ и называютъ поэтому пустоцвѣтомъ: они цвѣсти цвѣтутъ, а сѣмени не приносятъ. Есть растенія, у которыхъ цвѣтовъ совсѣмъ не бываетъ, но такихъ немного. У насъ, напримѣръ, папоротникъ, грибы, мохъ. Они вырастаютъ не изъ сѣмени, а изъ споръ. Споры—это мелкія крупинки, внутри которыхъ нѣтъ зародыша будущаго растенія. Споры образуются въ особыхъ мѣшечкахъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ у безцвѣтковыхъ растеній.

Вопросы. Какая самая важная часть растенія? Перечислите части цвѣтка. Гдѣ образуется сѣмя? Когда сѣмя бываетъ лучше? Кто способствуетъ перенесенію пыльцы съ одного цвѣтка на другой? Назовите растенія, у которыхъ совсѣмъ не бываетъ цвѣтовъ? Что такое споры?

Насѣкомыя и растенія.

I.

Зачѣмъ цвѣтамъ ихъ яркій нарядъ? Зачѣмъ ароматъ и сладкій сокъ? Всѣ эти прелести для бабочекъ, пчелъ, шмелей, различныхъ жуковъ и мухъ. Увидитъ пчела яркій цвѣтокъ или услышитъ его запахъ еще издали, зажужжитъ, полетитъ прямо къ нему, подлетитъ и запуститъ въ него свой длинный язычокъ, чтобы добыть изъ самой глубины цвѣтка сладкій сокъ. Пока она возится съ этимъ цвѣткомъ, всю ее обсыплетъ желтая цвѣточная пыль, или „пыльца“. Полетитъ теперь пчела дальше, къ другому цвѣтку, за новой „взяткой“, а на своихъ волосахъ попесетъ съ собою и цвѣточную пыль. Снова подлетитъ она къ цвѣтку, снова запуститъ въ него язычокъ и, навѣрное оставитъ теперь въ этомъ

Пчела сосетъ сладкій сокъ изъ цвѣтка.

второмъ цвѣткѣ нѣсколько пылинокъ, принесенныхъ съ собою. Такъ насѣкомыя, посѣщая цвѣты, разносятъ изъ цвѣтка въ цвѣтокъ ихъ желтую пыль, а цвѣтамъ это только и надо.

II.

Безъ пыльцы не можетъ созрѣть ни одно сѣмечко въ пестикѣ. Пылинка должна попасть на кончикъ пестика. Она должна пустить какъ бы корешокъ внутрь этого пестика. То, что находится внутри ея, должно по этому корешку спуститься въ самую глубь пестика, дойти до маленькаго зародыша сѣмечка, лежащаго въ глубинѣ. Оно должно слиться съ этимъ зародышемъ вмѣстѣ, только тогда зародышъ начнетъ расти и мало-по-малу превращаться въ зрѣлое сѣмечко.

У всякаго растенія пылинки свои, отличающіяся отъ пылинокъ другихъ растеній. Вотъ почему пылинка каждаго растенія, чтобы былъ изъ нея прокъ, должна непремѣнно попасть на пестикъ того же растенія: пылинка гороха—на пестикъ гороха, пылинка фасоли—на пестикъ фасоли, пылинка картофеля — на пестикъ картофеля и т. д.

Кто слѣдилъ за шмелями и пчелами, тотъ могъ замѣтить, что каждая пчела или шмель любятъ посѣщать одни и тѣ же цвѣты. Если пчела сѣла на клеверъ, то, слетѣвши съ него, она снова сядетъ на клеверъ, другая будетъ перелетать съ горошка на горошекъ, третья—съ мяты на мяту,—словомъ, всегда на тѣ же цвѣты. Точно такъ же и другія насѣкомыя не любятъ мѣнять цвѣтовъ безъ причины. Если имъ понравились одни изъ цвѣтовъ, то долго они не измѣняютъ имъ. Вотъ почему цвѣты спокойно имъ отдаютъ свою пыль. Они знаютъ, что эта пыль достигнетъ своего назначенія: она перенесется на такой же цвѣтокъ, хотя и другого растеньица, и и не погибнетъ безъ пользы.

Вопросы. Зачѣмъ растеніямъ нужны яркій цвѣтъ и пріятный запахъ ихъ цвѣтовъ? Что переносятъ насѣкомыя съ цвѣтка на цвѣтокъ? Какого порядка придерживаются насѣкомыя, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ? Почему это важно?

Изъ жизни растеній.

Что есть въ почвѣ.

Припомните, что мы говорили о томъ, какъ растеніе начинаетъ жить? Откуда получаетъ пищу молодое растеньице? Что нужно, чтобы сѣмя проросло? Откуда получаетъ пищу взрослое растеніе? Посмотримъ теперь, что есть въ почвѣ.

I.

Выроемъ въ полѣ ямку длиною, шириною и глубиною въ 4 верш. Всю землю изъ ямки принесемъ домой, просѣемъ ее сквозь рѣдкое рѣшето, чтобы отдѣлить камешки и остатки жнивья, а потомъ, хорошенько перемѣшавъ землю на столѣ, отвѣсимъ отъ нея на тарелочку немножко побольше фунта, а именно 100 золотниковъ.

Если теперь отвѣшанную часть поставить на ночь не въ очень жаркую печь, а утромъ взвѣсить снова, то земля потянетъ не 100, а только, положимъ, 85 золотниковъ; значитъ 15 золотниковъ вѣсила вода, испарившаяся при высыханіи земли.

II.

Теперь разсыплемъ ту же самую просушенную землю на чистую сковороду, поставимъ на горячіе уголья и будемъ слегка помѣшивать ее на сковородѣ ножомъ или вилкой. Скоро мы почувствуемъ пригорѣлый запахъ и увидимъ, какъ отъ поджариваемой земли начнетъ отдѣляться дымъ. Это сгораетъ перегной, или, какъ его называютъ ученые люди, органическое вещество почвы. Оно образовалось отъ давно сгнившаго жнивья, корней, запаханнаго навоза и т. п.

Всѣ эти гніющія вещества придаютъ почвѣ темный цвѣтъ, и чѣмъ ихъ будетъ здѣсь больше, тѣмъ земля окажется чернѣе; торфъ, черноземъ, луговыя кочки и садовая земля содержатъ перегноя больше, нежели песчаныя, глинистыя и суглинистыя почвы.

Послѣ того, какъ дымъ и запахъ при накаливаніи исчезнутъ, снимемъ сковородку съ огня, дадимъ ей остынуть и потомъ свѣшаемъ землю опять: оказывается, что вмѣсто 85 у насъ оста-

лось только 75 золотниковъ; слѣдовательно, въ почвѣ было 10 золотниковъ органическаго вещества, или перегноя.

При сгораніи органическаго вещества вмѣстѣ съ дымомъ улетучился и находившійся въ почвѣ невидимый глазомъ особый газъ, называемый *азотомъ*.

III.

Оставшіеся послѣ прокаливанія 75 золотниковъ почвы положимъ въ стаканъ съ водой и разотремъ эту землю, до того, чтобы въ стаканѣ получилось очень жидкое, какъ сливки, тѣсто. Если затѣмъ прилить къ этой жидкости нѣсколько капель соляной кислоты, (въ родѣ уксуса), то жидкость начнетъ шипѣть, какъ шипитъ въ водѣ негашеная известь. И въ нашей жидкости шипѣніе происходитъ оттого, что находящаяся въ землѣ известь начинаетъ растворяться въ соляной кислотѣ, точно такъ же, какъ растворяются въ водѣ соль или сахаръ.

Шипѣніе въ стаканѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока вся известь не растворится. Послѣ того, какъ песокъ и глина осядутъ на дно стакана, жидкость сливаютъ, остатокъ высушиваютъ въ печкѣ и взвѣшиваютъ снова. Оказывается, что соляная кислота взяла 5 золотниковъ. Это мы узнали потому, что наша почва вѣситъ теперь не 75, какъ послѣ прокаливанія, а только 70 золотниковъ.

VI.

Чтобы раздѣлить этотъ остатокъ на составныя части, его растираютъ молоткомъ въ мелкій порошекъ и снова бросаютъ въ высокій, но узкій стаканъ съ водой и взбалтываютъ палочкой. Находящійся въ землѣ песокъ быстро осядетъ на дно, а глина будетъ держаться надъ нимъ въ видѣ мути. Сольемъ осторожно эту муть въ другой стаканъ, и къ песку прибавимъ еще чистой воды и опять взмутимъ, давъ песку осѣсть, а мутную воду сольемъ туда же, куда слили жидкость въ первый разъ.

Продолжая прибавлять воду, взбалтывать и сливать муть до тѣхъ поръ, пока вода будетъ совершенно прозрачною, можно достигнуть того, что въ первомъ стаканѣ останется одинъ чистый песокъ.

Если послѣ того, какъ песокъ совершенно высохнетъ въ печкѣ, его взвѣсить, то окажется, что песку въ нашей почвѣ содержалось 45 золотниковъ, остальные же 25 золотниковъ мы отмутили въ отдѣльную чашку въ видѣ глины.

Это легко и провѣрить: стоитъ только дать мутной водѣ, слитой въ отдѣльную чашку, отстояться. Тогда глина осядетъ на дно. Послѣ того чистую воду слѣдуетъ слить, а глину высушить и взвѣсить, — глина потянетъ 25 золотниковъ.

V.

Такимъ образомъ въ 100 частяхъ (золотникахъ) принесенной съ поля почвы мы нашли:

1. Воды	15	част.	(золотн.).
2. Перегноя, или органическихъ веществъ	10	„	„
3. Извести.	5	„	„
4. Песку	45	„	„
5. Глины.	25	„	„
Всего . . .	100	част.	(золотн.).

Мы уже знаемъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода. Ученые сумѣли разложить на составныя части перегной, известь, песокъ и глину и узнали, что въ составъ почвы входятъ слѣдующія вещества: кислородъ, водо-

родъ, азотъ, углеродъ, калій, кальцій, магній, желѣзо, сѣра и фосфоръ.

Вотъ какія вещества входятъ въ составъ почвы, изъ которой растенія берутъ себѣ пищу.

Задачи. Перечислите, какія вещества входятъ въ составъ почвы?

Возьмите нѣкоторое количество земли изъ сада, облейте ее такимъ же количествомъ чистой воды и тщательно перемѣшайте полученную смѣсь. При постоянномъ размѣшиваніи вылейте ее въ бутылку изъ бѣлаго стекла съ длиннымъ горлышкомъ и, оставивъ ее въ покоѣ, дайте осѣсть содержимому жидкости. Что замѣтите вы по прошествіи нѣкотораго времени? Что осѣло на самомъ днѣ, что выше и что на самомъ верху?

Чѣмъ питаются растенія?

Вещества, которыя входятъ въ составъ почвы, составляютъ главную пищу растеній. Безъ нихъ ни одно наше ни полевое ни луговое растеніе жить не можетъ; безъ нихъ оно умираетъ.

„Да правда ли все это? Вѣрно ли, что всѣ эти вещества питаютъ растенія?“

А вотъ посмотримъ.

Такъ какъ всѣ эти вещества, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, продаются въ любой аптекѣ, то купимъ ихъ въ небольшихъ количествахъ. Затѣмъ хорошенько перемѣшаемъ ихъ съ самымъ безплоднымъ пескомъ и высыплемъ песокъ въ горшочекъ.

Посадивъ затѣмъ сюда нѣсколько сѣмянъ какого-нибудь растенія, напримѣръ, гречихи, мы увидимъ, что изъ сѣмянъ, при постоянной поливкѣ песка, вырастетъ и созрѣетъ настоящее растеніе.

Однако гречиха вырастетъ только въ томъ случаѣ, когда къ песку прибавлены всѣ названныя выше вещества; но если бы здѣсь не хватало хотя одного изъ нихъ, напримѣръ, калія, то посѣянное гречичное зерно дало бы очень хилое растеніе; точно такъ же хилое растеніе вышло бы и изъ сѣмени, посѣяннаго въ голый песокъ.

Если вмѣсто песка съ примѣсью питательныхъ веществъ въ горшокъ насыпать луговой или полевой земли, то гречиха въ такой землѣ вырастетъ какъ слѣдуетъ.

B *A*

Въ банку *B* и въ банку *A* посадили гречиху, при чемъ въ банку *A* положили всѣ вещества, нужныя для растенія, а въ банку *B* не положили одного изъ нихъ (калія) и вотъ въ то время, какъ въ банкѣ *A* гречиха выросла хорошо, въ банкѣ *B* она едва показалась.

Значитъ, въ такой почвѣ имѣются всѣ вещества, о которыхъ мы говоримъ; если бы здѣсь недоставало хотя одного изъ нихъ, то гречиха не выросла бы.

Но если только этими веществами и питается растеніе, то чѣмъ же объяснить слѣдующее обстоятельство; мы бросили въ песокъ-то одну щепоть, одинъ, можно сказать, золотникъ всѣхъ этихъ веществъ, а вѣдь гречкхи-то у насъ выросло цѣлый кустъ, и если ее выдернуть изъ горшка да положить на вѣсы, то она потянетъ, пожалуй, больше фунта.

Постараемся объяснить и это недоразумѣніе; узнаемъ, чего такъ много въ каждомъ растеніи и задерживаются ли въ немъ вещества, полученныя имъ изъ почвы, не уходятъ ли они куда-нибудь, напримѣръ, въ воздухъ.

Составъ растенія.

I.

Накосимъ ровно 100 фунтовъ травы и, подсушивъ ее сначала на солнцѣ, положимъ для полной просушки въ слабо натопленную печь, откуда всѣ горячіе уголья выгребены. Когда трава окончательно просохнетъ, свѣшаемъ снова.

Изъ 100 фунтовъ зеленой массы ея усохнетъ около 80 фунтовъ, останется сухого сѣна только 20 фунтовъ.

Это произошло оттого, что вода, находившаяся въ зеленой массѣ травы, при высушиваніи испарилась въ воздухъ.

II.

Если теперь высушенные 20 фунтовъ сѣна мы сожжемъ на желѣзномъ листѣ и взвѣсимъ остатокъ, то золы окажется всего лишь около полутора фунтовъ, а 18 съ половиной фунтовъ сгорѣло и въ видѣ дыма исчезло въ воздухѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всякое растеніе состоитъ изъ трехъ главныхъ частей:

1) воды,

2) золы и

3) горючаго вещества, теряющагося при сгораніи въ воздухѣ. Эту горючую часть растенія ученые люди называютъ, такъ же, какъ и сгорающую часть земли, *органическимъ веществомъ*.

III.

Хотя зола и кажется намъ простымъ, однороднымъ порошкомъ, однако сама по себѣ она состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ частей.

При помощи очень сложныхъ приборовъ и опытовъ ученые люди нашли, что зола большинства нашихъ растеній имѣетъ тѣ же вещества, какія мы нашли и въ почвѣ, а именно: калій, кальцій, магній, желѣзо, сѣра и фосфоръ.

Сгорѣвшее органическое вещество растенія мы могли наблюдать при этомъ опытѣ только въ видѣ дыма. Сжигая растенія въ различныхъ приборахъ и собирая дымъ въ отдѣльные пузырьки и бутылочки, ученые люди узнали, что и онъ, т.-е. дымъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ трехъ веществъ: углерода, кислорода и азота.

Когда мы просушивали свѣжую траву, изъ нея выдѣлилась вода, состоящая, какъ мы уже знаемъ, изъ водорода и кислорода.

IV.

Углеродъ представляетъ собой очень твердую массу, похожую на камень; но въ чистомъ видѣ углеродъ встрѣчается рѣдко, а между тѣмъ въ соединеніи со многими другими веществами его можно найти въ природѣ на каждомъ шагу,—такъ, напримѣръ, обыкновенный древесный уголь, главнымъ образомъ, состоитъ изъ различныхъ соединеній углерода.

Для каждаго растенія углеродъ требуется въ громадныхъ количествахъ.

Два остальныхъ вещества, ушедшихъ при сжиганіи растенія въ воздухъ, кислородъ и азотъ, видѣть глазами невозможно, потому что каждое изъ нихъ представляетъ собой совершенно безцвѣтный газъ, безъ вкуса и запаха.

Эти газы въ чистомъ видѣ тоже въ природѣ никогда не встрѣчаются, но въ соединеніи между собой и со многими другими веществами ихъ, какъ и углеродъ найдемъ вездѣ: всякая чистая вода состоитъ изъ двухъ частицъ водорода и одной частицы кислорода;

воздухъ, окружающій насъ повсюду, состоитъ изъ 79 частей азота и 21 части кислорода.

V.

Человѣкъ и всѣ животныя, вдыхаютъ въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ кислородъ, который, соединяясь внутри нашего организма съ углеродомъ принятой пищи, превращается въ другой газъ — углекислоту.

Углекислота очень вредна для человѣка и всѣхъ животныхъ: отъ нея они задыхаются.

На растенія углекислота дѣйствуетъ совершенно обратнымъ образомъ: посредствомъ особыхъ, незамѣтныхъ для простого глаза отверстій, такъ называемыхъ устьицъ, листъ растенія или дерева поглощаетъ изъ воздуха большое количество углекислоты, и какъ только этотъ газъ попадаетъ сюда, то разлагается на свои составныя части: углеродъ и кислородъ. Первый изъ нихъ, т.-е. углеродъ, остается въ самомъ растеніи и переходитъ, главнымъ образомъ, въ древесину, а кислородъ выдыхается обратно.

Слѣдовательно, растеніе, поглощая такой удушливый газъ, какъ углекислота, очищаетъ воздухъ отъ дурной примѣси.

Этимъ-то объясняется чистота воздуха лѣтомъ въ лѣсу, гдѣ много листьевъ.

Если бы не было растеній, то люди и животныя своимъ дыханіемъ поглотили бы въ теченіе многихъ тысячелѣтій изъ воздуха такъ много кислорода и выдѣлили бы такое количество углекислоты, что жить стало бы совсѣмъ невозможно; растенія же избавляютъ насъ отъ смерти, забирая себѣ углекислоту, а кислородъ возвращаютъ намъ обратно.

VI.

Такимъ образомъ мы узнали, что и въ растеніе вводятъ тѣ же 10 веществъ, которыя мы встрѣчали въ почвѣ, а именно: водородъ, кислородъ, углеродъ, азотъ, калій, кальцій, магній, желѣзо, сѣра и фосфоръ.

Но изъ всѣхъ этихъ десяти веществъ большинство растеній беретъ прямо изъ воздуха только одинъ углеродъ, а остальныя вещества ему доставляютъ корни изъ почвы. Однако изъ нихъ, какъ мы убѣдились при взвѣшиваніи отдѣльныхъ частей травы, только одна вода (водородъ и кислородъ) входитъ въ составъ растенія въ большомъ количествѣ, а всѣ остальныя находимъ въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Вопросы. Изъ какихъ главныхъ веществъ состоитъ растеніе? Откуда это видно? Изъ чего состоитъ зола? Изъ чего состоитъ органическое вещество растеній? Что представляетъ собой углеродъ въ чистомъ видѣ? Разскажите, какъ растенія очищаютъ воздухъ?

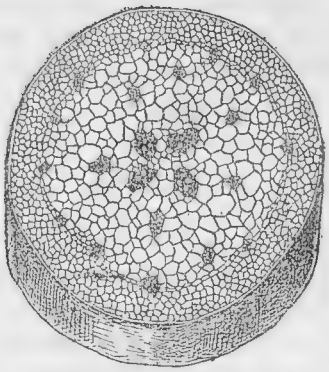
Какъ построены растенія.

I.

Вырѣжемъ острымъ ножомъ тоненькій ломтикъ изъ молодой вѣточки и посмотримъ его подъ увеличительнымъ стекломъ. Мы увидимъ, что весь этотъ ломтикъ внутри раздѣленъ множествомъ перегородочекъ на очень маленькія ячейки.

Изъ какой бы части растенія мы ни вырѣзали такой ломтикъ, мы увидимъ, что онъ состоитъ изъ ячеекъ. Такимъ образомъ, все растеніе сложено изъ этихъ ячеекъ, въ родѣ того, какъ стѣны каменныхъ домовъ сложены изъ кирпичей или какъ пчелиные соты изъ ячеекъ, наполненныхъ медомъ.

Иногда ячейки эти бываютъ такъ велики, что ихъ можно видѣть и безъ увеличительнаго стекла. Возьмемъ, напримѣръ, апельсинъ. Снимемъ съ него корку и отломимъ отъ него одинъ

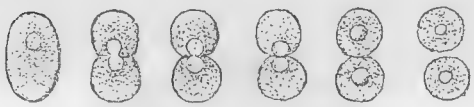


Ломтикъ изъ вѣточки растенія.

ломтикъ. Каждый ломтикъ окруженъ со всѣхъ сторонъ тонкою кожицей. Если ее сорвать, то мясо апельсина довольно легко разрывается на совершенно одинаковые мелкіе кусочки или пузырьки. Это и есть тѣ ячейки, о которыхъ мы говорили. Каждый такой пузырекъ наполненъ сокомъ, стѣнки же его очень тонки. Если пузырекъ раздавить между пальцами, то изъ него вытечетъ весь сокъ, а на пальцѣ останется одна стѣнка пузырька, — тончайшая пленочка. Итакъ, всѣ растенія состоятъ изъ маленькихъ ячеекъ, или, какъ ихъ называютъ, „клѣточекъ“, въ которыхъ можно отличить стѣнку и внутренній сокъ.

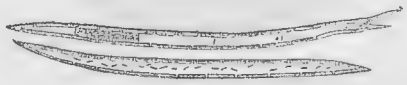
II.

Клѣточки у разныхъ растеній и въ разныхъ частяхъ одного и того же растенія могутъ быть очень различны. Однѣ клѣточки имѣютъ видъ крошечныхъ кирпичиковъ, другія вытянуты въ видѣ тончайшихъ трубочекъ, какъ, напримѣръ, клѣточки въ жилкахъ листьевъ, третьи, наконецъ, сплющены въ видѣ лепешекъ или пластинокъ. У однѣхъ клѣточекъ стѣнки очень тонки, у другихъ, наоборотъ, онѣ такъ толсты, что внутри клѣточки почти не остается свободнаго мѣста. Изъ такихъ клѣточекъ съ очень толстыми и твердыми стѣнками построена большая часть ствола и вѣтвей у нашихъ деревьевъ и кустовъ. Очень часто въ стѣнкахъ клѣточекъ находятся дырочки различной величины и различной формы, и черезъ нихъ сокъ можетъ переходить изъ одной клѣточки въ другую. Всѣ клѣточки растеній, какъ бы онѣ ни



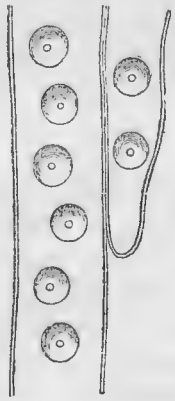
Клѣтка и ея дѣленія.

были различны, вначалѣ имѣли очень простой видъ: онѣ имѣли форму крошечныхъ кубиковъ и даже круглыхъ пузырьковъ. Только потомъ, разрастаясь и старѣя, онѣ измѣнили свою простую



Удлиненныя клѣтки растенія.

форму. Иногда длинныя клѣточки соединяются между собою такъ, что образуютъ прямыя трубочки—сосуды.



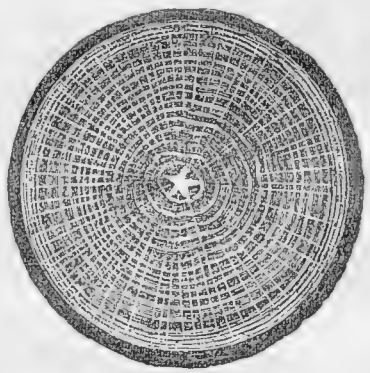
Отверстіе въ стѣнкахъ клѣточки.

Вопросы. Что можно различить въ каждой клѣточкѣ растенія? Во что иногда обращаются клѣточки растенія? Что иногда замѣчается въ стѣнкахъ клѣточки? Какимъ образомъ сокъ изъ одной клѣточки переходитъ въ другую.

Сосуды.

I.

Клѣточки растеній, развиваясь и соединяясь другъ съ другомъ, образуютъ иногда длинныя трубочки, которыя называются сосудами.



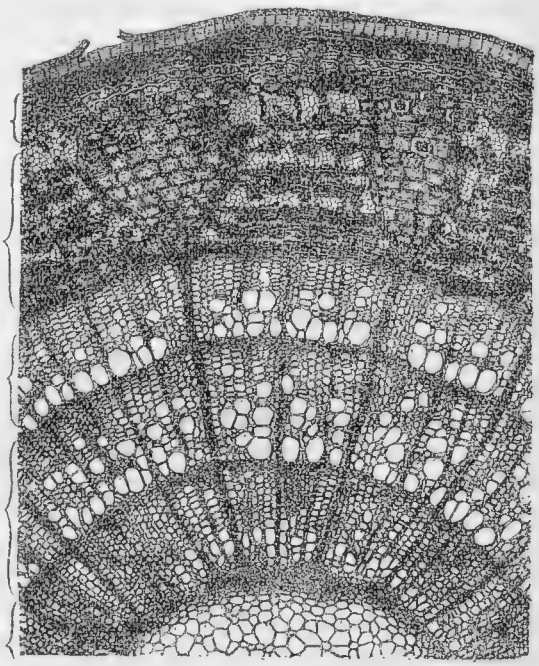
Кольцо древесины въ стволѣ 18-лѣтняго дуба.

Чтобы узнать, какъ устроены сосуды и для чего они служатъ, заглянемъ внутрь дерева. Для того срѣжемъ какое-нибудь дерево поближе къ корню и, сравнявъ хорошенько срѣзанный конецъ, станемъ его разсматривать. Здѣсь мы увидимъ снаружи темное кольцо перерѣзанной коры, а внутри—нѣсколько свѣтлыхъ колецъ, отдѣленныхъ одно отъ другого темными кругами, которые идутъ, уменьшаясь къ серединѣ. Если мы сосчитаемъ число этихъ колецъ, то узнаемъ, сколько лѣтъ было нашему дереву, потому что у дерева каждый годъ нарастаетъ подъ корой по одному такому кольцу. Ихъ называютъ годовыми, или годичными, кольцами. Здѣсь, на рисункѣ, мы видимъ 18 такихъ колецъ, значитъ нашему дереву было 18 лѣтъ. У многихъ породъ деревьевъ годичныя кольца видны очень ясно, напримѣръ, у сосны, ели, дуба и другихъ, ихъ легко можно сосчитать простымъ глазомъ; у другихъ же деревьевъ, напримѣръ, у березы и липы, эти кольца иногда выдѣляются очень не ясно, такъ что сосчитать ихъ можно только при помощи увеличительнаго стекла.

II.

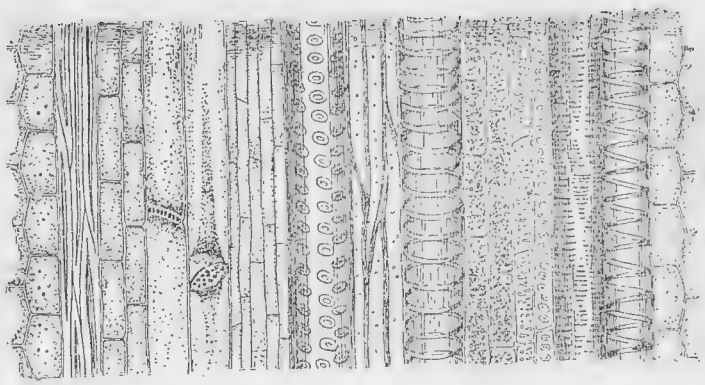
Разсматривая годовыя кольца у срѣзаннаго дерева чрезъ увеличительное стекло, мы нерѣдко увидимъ много тоненькихъ жилокъ (полосокъ), которыя, точно лучи, расходятся во всѣ стороны изъ середины дерева къ корѣ. Жилки эти называются сердцевинными лучами. У нѣкоторыхъ деревьевъ, какъ, напримѣръ, у дуба, сердцевинные лучи бываютъ настолько крупны, что ихъ легко можно увидѣть даже простымъ глазомъ.

Теперь возьмемъ очень острый ножичекъ или, еще лучше, хорошо отточенную бритву и осторожно срѣжемъ тончайшую пластиночку съ того конца нашего деревца, на которомъ мы разсматривали годичныя кольца и сердцевинные лучи. Посмотримъ на срѣзан-



Часть ломтика изъ вѣточки липы.

ную нами пластиночку дерева чрезъ увеличительное стекло и—что за чудеса! — оказывается, что пластинка-то наша вовсе и не пластинка, а сѣтка, въ родѣ кружева, со множествомъ ячеекъ и дырочекъ разнообразной величины, какъ это можно видѣть на рисункѣ (стр. 178).



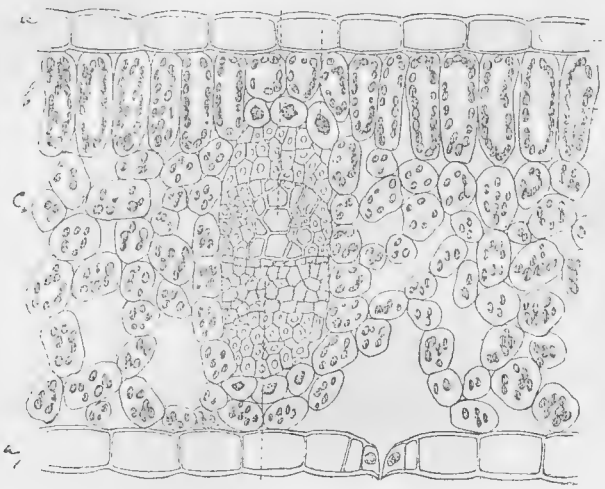
Пластиночка дерева, срѣзанная вдоль.

Отколемъ затѣмъ отъ нашего деревца небольшую щепочку, срѣжемъ вдоль этой щепочки той же бритвой тоненькую пластиночку и станемъ разсматривать ее также подъ увеличительнымъ стекломъ. Оказывается, что она составлена изъ многихъ длинныхъ трубочекъ, то узенькихъ, то широкихъ, которыя плотно прилегаютъ другъ къ другу наподобіе ячеекъ пчелинаго сота. Все дерево—корень, стволъ, сучья и вѣтви — составлено изъ безчисленнаго множества такихъ трубочекъ. Насколько эти трубочки малы и тонки, легко можно себѣ представить изъ того, что, напримѣръ, въ одной спичкѣ — много ли въ ней и всего-то дерева, а между тѣмъ такихъ трубочекъ въ ней находится больше тысячи! Нѣкоторыя изъ этихъ трубочекъ съ обоихъ концовъ закрыты, другія же открыты и, будучи расположены одна надъ другою, представляютъ собою какъ бы непрерывные канальцы, тянущіеся вдоль всего дерева—отъ корней до тончайшихъ верхнихъ вѣтокъ. Нерѣдко эти канальцы сообщаются другъ съ дружкой чрезъ крошечныя боковыя „окошечки“.

III.

Вотъ по этимъ-то канальцамъ и пробирается изъ корней, вверхъ по дереву, жидкій сокъ, которымъ питается растеніе. Гонитъ его кверху такъ называемая корневая сила. Корень обладаетъ способностью не только всасывать своими мочками изъ земли воду съ растворенными въ ней почвенными питательными веществами, но и продавливать ее съ весьма значительною силою вверху по стволу. Вотъ отъ этой-то корневой силы и происходитъ весною вытеканіе сока изъ пораненной березы: сдѣлавъ въ стволѣ березы отверстіе, мы даемъ свободный выходъ соку, на который давитъ снизу корневая сила.

Но не одна только корневая сила служитъ причиною поднятія сока въ деревѣ: когда у дерева раскроются почки и развернутся молодые листья, тогда и листья также принимаютъ участіе въ поднятіи сока. Листья состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ крошечныхъ клѣточекъ, наполненныхъ сокомъ, содержащимъ въ себѣ много воды. Вода, находящаяся въ соку наружныхъ клѣточекъ листа, нагрѣвается теплымъ лѣтнимъ воздухомъ, превращается въ паръ и улетаетъ на воздухъ. Вслѣдствіе этого въ клѣточкахъ образуется свободное мѣсто, которое тотчасъ же заполняется сокомъ изъ сосѣднихъ клѣточекъ листа; въ эти же сосѣднія клѣточки на мѣсто ушедшаго сока тотчасъ же просачивается сокъ изъ слѣдующихъ сосѣднихъ клѣточекъ и т. д. Когда дойдетъ



Клѣточки листа, *a'*—наружныя клѣточки.

очередь до клѣточекъ, прилегающихъ къ жилкамъ листа, то въ эти клѣточки сокъ поступаетъ изъ жилокъ; жилки берутъ сокъ изъ черешка листа; черешокъ — изъ ближайшихъ трубочекъ вѣтки, которыя, въ свою очередь, берутъ сокъ отъ своихъ сосѣднихъ трубочекъ, — и такъ далѣе и такъ далѣе, внизъ по стволу, до самыхъ кончиковъ корней дерева. А такъ какъ листья испаряютъ изъ себя воду почти безостановочно, то, слѣдовательно, у дерева постоянно должно происходить такое перемѣщеніе сока, снизу вверхъ, по стволу. Въ этомъ отношеніи дѣйствіе всѣхъ листьевъ дерева — въ ихъ общей совокупности — можно сравнить съ дѣйствіемъ насоса, который употребляется на водокачкахъ для подъема воды. Эта водоиспаряющая способность листьевъ хорошо извѣстна каждому крестьянину-дровосѣку. Если нужно вырубить въ лѣсу бревно лѣтомъ, когда дерево покрыто листьями, то, срубивъ дерево, онъ не станетъ тотчасъ же очищать его отъ сучьевъ, а оставитъ лежать съ вѣтвями и листьями до тѣхъ поръ, пока листья не завянутъ совсѣмъ. Завянутъ же они тогда, когда высосутъ изъ ствола почти весь водянистый сокъ, вслѣдствіе чего и бревно получится болѣе сухое.

Итакъ, корневая сила заставляетъ подниматься по дереву сокъ, давя на него снизу, испаряющая же способность листьевъ помогаетъ этому сосаніемъ сверху.

Скорость, съ которою поднимается сокъ, бываетъ разная у разныхъ деревьевъ. У нашей березы сокъ требуетъ около 4-хъ дней времени для того, чтобы подняться на высоту одной только сажени.

Вопросы. Для чего нужны дереву сосуды? Благодаря чему питательный сокъ поднимается вверхъ по стволу дерева? Что такое корневая сила дерева? Почему, если весной поранить кору березы, то изъ нея сильно потечетъ сокъ? Какъ помогаютъ поднятію сока листья?

Задачи. Нарисуйте разрѣзъ вѣточки поперекъ, какъ онъ кажется подъ увеличительнымъ стекломъ. Нарисуйте разрѣзъ вѣточки вдоль.

Питательныя вещества въ растеніяхъ.

I.

Съ осени дерево откладываетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ клѣточекъ и трубочекъ — въ корняхъ, стволѣ и сучьяхъ — запасъ питательныхъ веществъ для будущей весны,—для того, чтобы было изъ чего построить будущею весною новые листья и побѣги. Изъ числа такихъ питательныхъ веществъ первое мѣсто принадлежитъ крахмалу,— тому самому крахмалу, которымъ прачки крахмалятъ бѣлье. Но только крахмалъ, употребляемый прачками, выдѣлывается обыкновенно изъ зеренъ риса, которыя содержатъ въ себѣ несравненно больше крахмала, чѣмъ дерево. Ниже, на нашемъ рисункѣ изображены въ сильно увеличенномъ видѣ крупинки крахмала, взя-

таго изъ клубней картофеля. Въ деревѣ крахмалъ находится въ видѣ подобныхъ же крупинокъ или зеренъ. Нѣкоторыя древесныя клѣточки и трубочки бываютъ иногда съ осени биткомъ набиты такими крахмальными зернами, которыя покоятся тамъ, словно въ крошечныхъ амбарчикахъ, въ теченіе всей зимы до весны. Всасываемая весною изъ земли корнями вода содержитъ въ себѣ, въ видѣ раствора, различныя вещества, необходимыя для питанія дерева. Вѣроятно, отъ дѣйствія нѣкоторыхъ изъ этихъ, взятыхъ корнями изъ земли, веществъ, а также при посредствѣ весенней солнечной теплоты, крахмальныя зерна, находящіяся въ деревѣ, начинаютъ превращаться въ сахаръ; сахаръ же этотъ распускается въ водянистомъ сокѣ и придаетъ ему сладкій вкусъ.

Сильно увеличенныя крахмальныя зерна.

II.

Разворачивающіеся изъ почекъ новорожденные листочки жадно сосутъ этотъ сладкій питательный сокъ и, по мѣрѣ того, какъ сосутъ,—разрастаются все больше и больше, пока не достигнутъ своей натуральной величины. Достигнувъ ея и вполнѣ окрѣпнувъ, листья начинаютъ свою очень важную службу дереву, а именно: листья берутъ изъ воздуха, при помощи солнца, то, что дереву необходимо для его жизни и чего не имѣется въ томъ сокѣ, который доставляется корнями изъ земли. Эта воздушная пища соединяется въ листьяхъ съ тѣмъ сырымъ сокомъ, который поднимается въ листья по вѣтвямъ и стволу изъ корней. Послѣ того образовавшійся въ листьяхъ новый питательный сокъ, способный итти на постройку новыхъ частей дерева, спускается изъ листьевъ внизъ по дереву, между корой и древесиной, и образуетъ новый, нынѣшній, годичный слой древесины. Изъ этого сока образуются у дерева новыя почки, а также запасы крахмала и другихъ веществъ для будущаго года.

Вопросы. Какое вещество откладывается съ осени въ клѣточкахъ растеній? Изъ чего образуется въ растеніяхъ сахаръ? Чѣмъ питаются только что развернувшіеся молодые листочки весной?

О хлорофиллѣ въ клѣточкахъ листьевъ.

I.

Давно уже наступило лѣто... Всѣ деревья одѣты густою зеленью, и таинственный сумракъ наполняетъ собою задумчивый лѣсъ. Солнечные лучи едва проникаютъ въ него. Ихъ не пускаютъ туда листья деревьевъ, которые слѣдятъ за движеніями солнца и поворачиваютъ къ нему свою верхнюю глянцовитую сторону. Для ихъ жизни нуженъ и свѣтъ и тепло, и они стерегутъ эти теплые, свѣтлые, все оживляющіе лучи, чтобы съ помощью ихъ приготовить и для всего растенія пищу. Да, въ этихъ зеленыхъ сочныхъ листьяхъ происходитъ теперь важная работа. Отъ нея зависитъ жизнь всего дерева. Прекратится работа листьевъ — прекратится вмѣстѣ съ нею и его жизнь.

Я могъ бы сравнить листья съ кухнею, гдѣ мы готовимъ изъ разныхъ сырыхъ веществъ годную для ѣды пищу. Въ листьяхъ эту пищу готовятъ тысячи крошечныхъ хозяекъ, тысячи уже знакомыхъ вамъ клѣточекъ, изъ которыхъ построены листья.

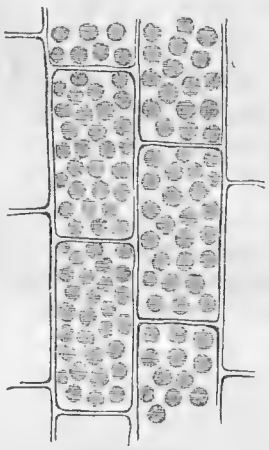
II.

Мохъ.

Если посмотрѣть въ увеличительное стекло на живой листикъ какого-нибудь мелкаго растенія, то глазамъ представится удивительная картина. Лучше всего для этого взять крошечный листокъ мха. Вы, конечно, видѣли мохъ. Каждый стебелекъ его густо покрытъ очень мелкими листочками безъ черешковъ, похожими на чешуйки съ острыми кончиками. Вдоль каждаго изъ листковъ проходитъ одна единственная жилка. Вся остальная часть листика такъ нѣжна и тонка, что просвѣчиваетъ, когда вы смотрите черезъ нее на свѣтъ. Она составлена изъ одного слоя плоскихъ шестиугольныхъ клѣточекъ. Клѣточки прилегаютъ другъ къ другу своими краями совершенно такъ, какъ въ мозаикѣ или какъ деревяжки въ торцовыхъ мостовыхъ. Листья другихъ растеній состоятъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ слоевъ клѣточекъ. Поэтому клѣточки ихъ рѣдко бываютъ видны такъ хорошо, какъ клѣточки въ листикахъ мха. Правильная, одинаковая форма клѣточекъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ красоту. Но особенно удивительно то, что всѣ эти клѣточки, которыя раньше казались однообразно зелеными, на самомъ дѣлѣ безцвѣтны, и только немногія мелкія крупинки или крошечные шарики, лежащіе въ нихъ, дѣйствительно зеленаго цвѣта.

На нашемъ рисункѣ вы можете видѣть эти шарики внутри клѣточекъ. Всѣ они лежатъ внутри того живого полужидкаго вещества, которое наполняетъ собою клѣточки.

Впрочемъ, каждый такой шарикъ есть не что иное, какъ комочекъ подобнаго же вещества, только болѣе плотнаго и не безцвѣтнаго, какъ остальная часть клѣточки, а зеленаго. Поэтому они бросаются прежде всего



Хлорофильныя зерна въ клѣткахъ листа мха.

въ глаза, когда разсматриваешь зеленую клѣточку въ микроскопъ.

Сорвите нѣсколько мягкихъ листьевъ и положите ихъ въ пузырекъ со спиртомъ или, еще лучше, съ бензиномъ. Черезъ день или два бензинъ станетъ зеленымъ, чуднаго изумруднаго цвѣта, а листья побѣлѣютъ: въ бензинъ перейдетъ та самая зеленая краска, которая раньше была въ зеленыхъ шарикахъ. Шарики были пропитаны ею. Она называется „хлорофилломъ“, а сами шарики — „зернами хлорофилла“.

Для растеній зерна хлорофилла имѣютъ большое значеніе. Внутри ихъ-то и приготовляется крахмалъ — главная пища растеній, которая разносится затѣмъ по всему растенію.

Вопросы. Съ чѣмъ можно сравнить листья растеній? Какую роль играютъ въ растеніи зерна хлорофилла? Что необходимо, чтобы въ листьяхъ образовались питательныя вещества для растеній?

Задача. Нарвите свѣжихъ мягкихъ листочковъ съ какого-нибудь дерева и положите ихъ въ пузырекъ со спиртомъ. Наблюдайте, какъ хлорофиллъ будетъ окрашивать спиртъ въ зеленый цвѣтъ.

Растенія, которыя питаются мясомъ.

I.

Мы видѣли, что растенія получаютъ себѣ пищу изъ почвы и изъ воздуха. Но есть на свѣтѣ такія растенія, которыя питаются мясомъ.

Росянка.

На болотахъ можно замѣтить маленькіе красноватые цвѣточки, покрытые длинными, на концахъ булавовидно вздутыми, рѣсничками, точно подушечки съ воткнутыми въ нихъ булавками. Это—листочки росянки.

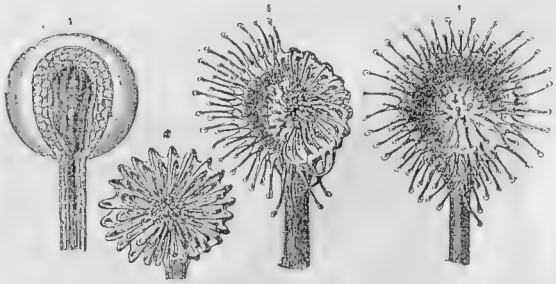
Точно росинки на солнцѣ, блестятъ капли клейкой слизи на головкахъ рѣсничекъ, число которыхъ на каждомъ листочкѣ болѣе сотни,—почему это растеніе и названо росянкой.

Самыя длинныя рѣснички расположены у краевъ листа, а болѣе короткія, постепенно уменьшаясь, занимаютъ его середину. Насѣкомыя, напр., комары или мошки, принимая росинки за капли меда, неосторожно садятся на листья росянки и прилипаютъ къ липкой и тягучей слизи.

Тщетно пытаются они освободиться; но послѣ каждаго движенія все сильнѣе и сильнѣе опутываютъ ихъ клейкія сѣти. Сосѣднія къ тѣлу жертвы рѣснички скоро приходятъ въ движеніе, а затѣмъ постепенно и болѣе отдаленныя наклоняются къ ней, точно щупальца чудовища, и окружаютъ все большимъ количествомъ кислой слизи, которая начинаетъ обильно выдѣляться на концахъ рѣсничекъ. Въ то же время листъ становится сверху вогнутымъ.

Если насѣкомое попало близко къ краю листа, то рѣснички подвигаютъ его понемногу къ серединѣ, чтобы возможно большее число ихъ могло принять участіе въ перевариваніи добычи. Обыкновенно проходитъ два или три часа, пока всѣ рѣснички вполнѣ охватятъ пойманное насѣкомое.

Черезъ нѣсколько дней пищевареніе и всасываніе пищи оканчивается; затѣмъ рѣснички расходятся, и листъ выпрямляется. На его поверхности остаются лишь ножки, крылья, вообще неперевариваемые жесткіе остатки, которые, какъ только листъ обсохнетъ, сдуваются вѣтромъ... Но вотъ на высох-



Рѣснички росянки: 1) железка на концѣ рѣсницы; 2) всѣ рѣснички наклонились къ серединѣ листа; 3) рѣснички на одной половинѣ листа наклонились надъ пойманнымъ насѣкомымъ; 4) всѣ рѣснички листа въ выпрямленномъ состояніи.

шемъ листѣ вновь заблестѣли росинки, и онъ готовъ принять въ свои объятія новую жертву.

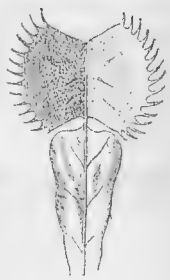
II.

Самое интересное изъ растеній-звѣролововъ это венерина мухоловка изъ семейства росянковыхъ, встрѣчающаяся въ Америкѣ. Какъ у большинства насѣкомоядныхъ растеній, листья венериной мухоловки собраны въ прикорневую розетку и, какъ они, растетъ она въ торфяникахъ. Излюбленное мѣстопребываніе такихъ растеній въ сырыхъ и влажныхъ мѣстахъ, надо полагать, слѣдуетъ объяснить изобиліемъ въ нихъ насѣкомыхъ, особенно мошекъ и комаровъ.

Листъ мухоловки представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ приспособленій для ловли насѣкомыхъ. Широкій плоскій черешокъ какъ бы срѣзанъ у передняго конца, къ которому посредствомъ средней жилки прикрѣплена пластинка листа. Она состоитъ изъ двухъ лопастей, напоминающихъ открытую двустворчатую раковину, и покрыта многочисленными пурпурными железками. На каждой створкѣ листа сидитъ по три длинныхъ щетинки на мягкихъ бугоркахъ, такъ что онѣ

Венерина мухоловка.

могутъ свободно вдавливаться и пригибаться къ его поверхности, точно на шарнирахъ. Края листа усажены острыми зубчиками. Пока опустившееся на листъ насѣкомое бродитъ по его поверхности, не касаясь щетинокъ, онъ лишь медленно начинаетъ



Раскрытый листъ мухоловки.

смыкаться, но стоитъ злополучной букашкѣ задѣть хоть одну изъ щетинокъ, какъ створки почти мгновенно захлопываются по средней жилкѣ, при чемъ зубчики одной плотно входятъ въ промежутки между зубчиками другой, и все сильнѣе и сильнѣе сжимаютъ тѣло жертвы. Обыкновенно сухія железки выдѣляютъ теперь кислую жидкость, и начинается пищевареніе, по окончаніи котораго листъ раскрывается обыкновенно дней черезъ десять-пятнадцать. Если на листья росянки, мухоловки положить кусочекъ мяса, сыру или круто-свареннаго яйца, то они производятъ тѣ же движенія, что и при ловлѣ насѣкомыхъ, и, схвативъ пищу, перевариваютъ ее. Если же на тѣ же листья положить крупинку песку или камешекъ, т.-е. вещества непитательныя, они также охватываютъ ихъ, но затѣмъ вскорѣ, какъ бы сознавъ свою ошибку, вновь расправляются.

Чтобы узнать, является ли животная пища для насѣкомоядныхъ растеній необходимостью, или же служитъ лишь побочнымъ средствомъ къ существованію, было произведено много опытовъ.

Опыты эти показали, что растенія, совершенно лишенныя возможности ловить насѣкомыхъ, нисколько при этомъ не страдали, хотя искусственное кормленіе ихъ животной пищей вы-

зывало у нѣкоторыхъ болѣе роскошное развитіе. Стало-быть, они могутъ совершенно обходиться безъ такой пищи, и она составляетъ для нихъ уже роскошь.

Вопросы. Откуда вообще растенія получаютъ себѣ пищу? Назовите растенія, которыя кромѣ этого питаются еще мясомъ. При помощи чего росянка ловитъ насѣкомыхъ? Почему это растеніе названо *росянкой*. Какое изъ насѣкомоядныхъ растеній встрѣчается въ Америкѣ? Какъ устроенъ листъ мухоловки?

Задача. Попробуйте достать на болотѣ росянку, пересадите ее въ горшокъ и держите въ комнатѣ. Наблюдайте, какъ растеніе будетъ ловить насѣкомыхъ. Попробуйте кормить росянку кусочками мяса.

Какъ растенія разсѣваютъ свои плоды и сѣмена.

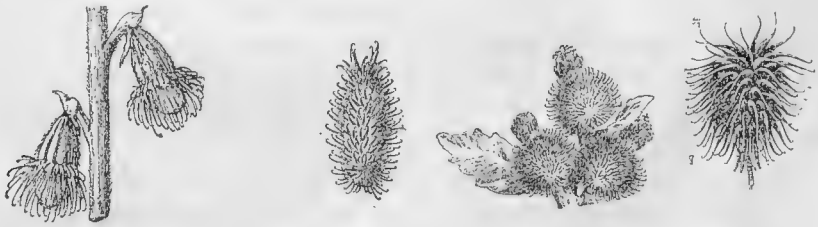
I.

Вы, вѣроятно, знаете, что головки лопушника такъ крѣпко внѣдряются въ платье, что ихъ не сразу оторвешь. Головка лопушника представляетъ собою не одинъ цвѣтокъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ головкѣ одуванчика или василька, сначала была цѣлая кучка мелкихъ цвѣточковъ; это было такъ называемое *соцвѣтіе*. Затѣмъ всѣ цвѣточки превратились въ плоды, и теперь головка представляетъ собою кучку плодовъ или *соплодіе*. Снаружи головка окружена въ нѣсколько рядовъ маленькими, узенькими листочками, каждый листочекъ оканчивается крючочкомъ. Вотъ этими-то крючочками головка лопушника и прикрѣпляется къ платью.

Замѣтивъ приставшую головку, человѣкъ отрываетъ ее и бросаетъ на землю. А между тѣмъ онъ уже отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ того мѣста, гдѣ она къ нему пристала; значитъ, плоды лопушника упадутъ на землю не въ томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ ихъ мать, а подальше отъ него. А этого и надо было лопушнику. Онъ воспользовался проходившимъ мимо человѣкомъ и послалъ съ нимъ своихъ дѣтей въ новое мѣсто, гдѣ они найдутъ себѣ новую, не истощенную ихъ матерью почву. Человѣкъ помимо своей воли оказалъ невѣдомо для себя услугу растенію. Такую же услугу оказываютъ растеніямъ невольно и звѣри. Если около лопуха пробирается какое-нибудь животное,—собака, волкъ, лошадь, — цѣпкія головки лопушника легко пристаютъ къ его шерсти и уносятся прочь. Животное потомъ старается сбросить съ себя головку мордой или лапой или начинаетъ кататься по землѣ, чтобы отдѣлаться отъ несносной помѣхи. Но животное уже отошло отъ куста и унесло отъ него на нѣкоторое разстояніе, иногда довольно далекое, его плоды.

II.

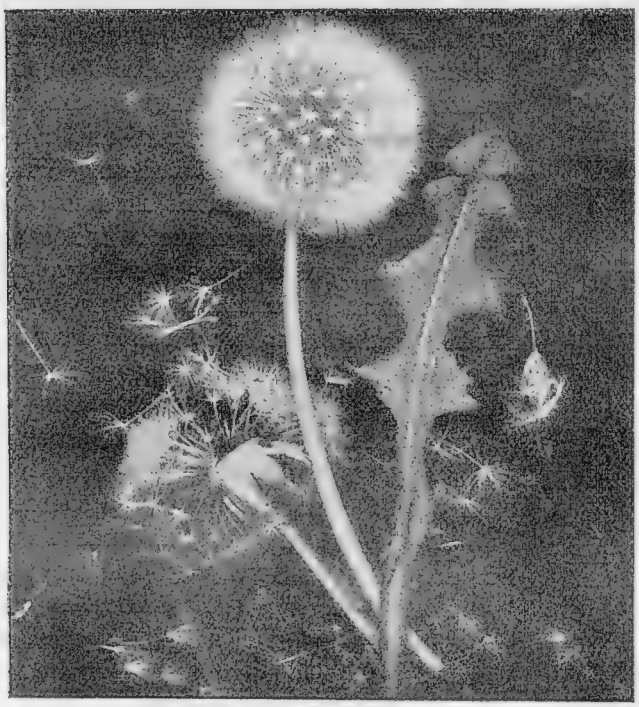
Цѣпкіе плоды встрѣчаются большею частью у низкихъ растеній, у различ-



Репешокъ. Дурнишникъ. Лопухъ. Гравилатъ.

Плоды разныхъ растеній съ прицѣпками при помощи которыхъ они переносятся съ мѣста на мѣсто.

ныхъ травъ; на деревьяхъ, на высокихъ кустарникахъ ихъ обыкновенно не бываетъ. Къ чему послужили бы плодамъ прицѣпки на высокомъ деревѣ или кустарникѣ? Все равно, никакое проходящее мимо животное или человѣкъ не могли бы задѣть ихъ своимъ тѣломъ. Правда, на деревьяхъ садятся птицы, и плоды могли бы пристать къ ихъ тѣлу. Но перья птицъ



Одуванчикъ и его плоды.

плотно прилегаютъ къ нимъ, и цѣпкимъ плодамъ не такъ легко прицѣпиться къ перьямъ, какъ къ шерсти звѣрей.

Какъ же тогда распространяютъ свои плоды деревья и кустарники? У многихъ деревьевъ и высокихъ кустарниковъ не только нѣтъ на плодахъ никакихъ прицѣпокъ, но они даже покрыты совершенно гладкой кожицей. Зато стѣнка этихъ плодовъ сочная, мягкая. Такіе плоды находятся у яблони, груши, сливы, вишни, рябины, черемухи, калины, боярышника и многихъ другихъ растеній. Большинство этихъ плодовъ человѣкъ употребляетъ въ пищу, ихъ ѣдятъ также звѣри и птицы.

Сочная мякоть приноситъ растенію такую же пользу, какую приносятъ прицѣпки цѣпкихъ плодовъ. Благодаря ей, растеніе можетъ далеко разсѣять свои сѣмена. Растеніе желаетъ, чтобы плоды его были съѣдены животными, но не для того, чтобы угостить животныхъ, а для того, чтобы животныя разнесли подальше отъ него его сѣмена. Напримѣръ, дроздъ съѣстъ ягоду рябины. Но только мякоть плода пойдетъ на пользу дрозду. Сѣмена же одѣты твердой, крѣпкой оболочкой, которая ихъ отлично защищаетъ и сѣменамъ ничего не сдѣлается. Птица часто отлетаетъ отъ дерева съ добычей на нѣкоторое разстояніе и потому оставитъ сѣмена въ другомъ мѣстѣ, а не около дерева. И у всѣхъ другихъ сочныхъ плодовъ, которые поѣдаются животными, сѣмена всегда бываютъ защищены твердой оболочкой и не перевариваются желудкомъ животнаго. Птицы поѣдаютъ только мякоть сочныхъ плодовъ растеній, а сѣмена выбрасываютъ всегда нетронутыми обратно. Этимъ способомъ птицы разносятъ сѣмена деревьевъ и кустарниковъ во всѣ стороны и разсѣваютъ ихъ далеко отъ ихъ растенія-матери.

III.

Но есть и такіе плоды, у которыхъ нѣтъ ни сочной мякоти ни прицѣпокъ. Какъ же добиваются растенія съ такими плодами того, чтобы ихъ сѣмена

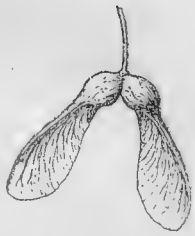
попадали достаточно далеко отъ своей матери? Всѣмъ, конечно, хорошо знакомы плоды *одуванчика* (см. рис. на стр. 186). Это тѣ пушистые шары, которые тотчасъ же разлетаются, стоитъ только слегка дунуть на нихъ. Въ каждомъ такомъ шарѣ множество отдѣльныхъ плодиковъ. Самый плодикъ маленькій, сухой, а на верхушкѣ его сидитъ длинная щетинка съ колескомъ изъ волосковъ на концѣ. Волоски расходятся изъ конца щетинки во всѣ стороны, какъ спицы колеса. Эти-то колесики и образуютъ пушистый шаръ. Въ плодѣ одуванчика нѣтъ сочной мякоти, и онъ не привлекаетъ къ себѣ животныхъ. Нечѣмъ ему также и прицѣпиться къ ихъ тѣлу. Значитъ, плодъ одуванчика не можетъ разсчитывать на помощь животныхъ. Какъ же онъ переносится на другое мѣсто, подальше отъ своей матери?

Стоитъ подуть легкому вѣтру, и пушистый шаръ одуванчика разлетается во всѣ стороны. Вѣтеръ подхватываетъ легкіе плоды и уноситъ ихъ на нѣкоторое разстояніе. Благодаря своему колечку изъ волосковъ, такъ называемой *летучкѣ*, плоды одуванчика очень легки на подъемъ и носятся по воздуху, а не падаютъ сразу внизъ. Такимъ образомъ одуванчикъ приспособилъ свои плоды такъ, чтобы ихъ могъ разносить вѣтеръ. И вѣтеръ далеко разноситъ плоды одуванчика. Потому-то мы и находимъ одуванчики повсюду: на лугахъ, у дорогъ на дворахъ и даже на мостовыхъ города.

V.

У другихъ растеній на плодахъ и сѣменахъ вмѣсто летучекъ бываютъ плоскія крылышки. Такія крылышки находятся на сѣменахъ *сосны*, *ели*, на плодахъ *березы*, *клена*.

Но есть и такіе плоды и сѣмена, у которыхъ какъ будто нѣтъ никакихъ приспособленій къ тому, чтобы они могли разноситься вѣтромъ, а въ то же время нѣтъ ни сочной мякоти ни прицѣпокъ. Значитъ, животныя ихъ тоже не распространяютъ.



Сѣмена клена.

Напримѣръ, плодъ *мака* представляетъ изъ себя круглую коробочку; внутри коробочки находится множество мелкихъ сѣмянъ. Вѣтеръ не можетъ подхватить и унести ихъ изъ коробочки. Какъ же эти сѣмена унесутся прочь отъ растенія?

Когда сѣмена созрѣваютъ, у мака образуется вокругъ верхушки коробочки рядъ круглыхъ дырочекъ. Тутъ-то и приходитъ на помощь вѣтеръ: онъ начнетъ раскачивать коробочку, наклонять ее во всѣ стороны, сѣмена при этомъ высыпаются изъ коробочекъ. Но сѣмена упадутъ уже не около самаго растенія. Когда коробочка сильно раскачивается, сѣмена разбрасываются въ разныя стороны, а не падаютъ прямо внизъ.

Итакъ, мы видимъ, что очень многія растенія воспользовались вѣтромъ и устроили свои плоды и сѣмена такъ, чтобы вѣтеръ помогалъ имъ разсѣвать ихъ. Эти растенія не нуждаются уже въ помощи животныхъ. Поэтому у нихъ нѣтъ на плодахъ ни прицѣпокъ ни сочной мякоти; плоды ихъ не бываютъ яркаго цвѣта и не обладаютъ запахомъ, какъ сочные плоды. Все это было бы для такихъ растеній лишнимъ и потому не развилось у нихъ.

Коробочка мака.

Вопросы. Сѣмена какихъ растеній вашей мѣстности распространяются при помощи животныхъ?

Назовите растенія, сѣмена которыхъ: а) умышленно, б) неумышленно распространяются человѣкомъ? Сѣмена какихъ растеній распространяются вѣтромъ?

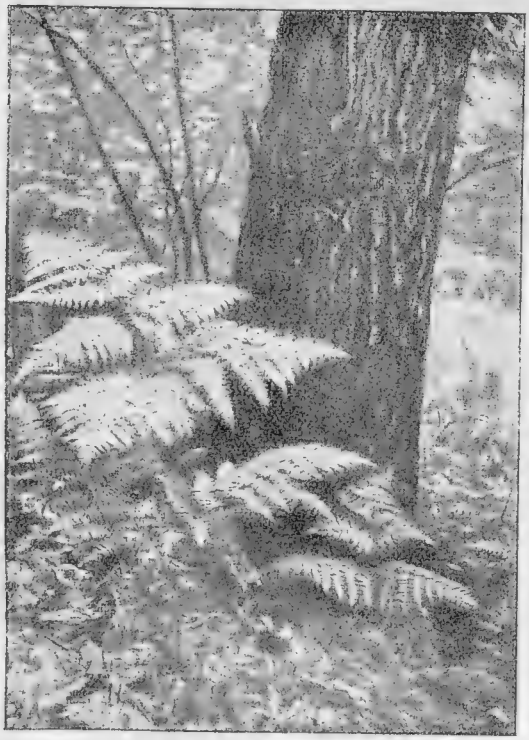
Перечислите всѣ способы, какими растенія разсѣваютъ свои сѣмена.

Задача. Соберите плоды съ растеній вашей мѣстности, разсмотрите ихъ внимательно и рѣшите вопросъ, какимъ образомъ тотъ или другой плодъ переносится съ мѣста на мѣсто.

Растенія, у которыхъ не бываетъ цвѣтовъ.

I.

Мы знаемъ, что сѣмя растенія образуется въ цвѣткѣ. Но цвѣты бываютъ не у всѣхъ растеній. Напримѣръ, въ глухихъ болотистыхъ мѣстахъ нашихъ лѣсовъ растетъ папоротникъ. У него цвѣтовъ не бываетъ, и размножается онъ не сѣменами, а спорами. Посмотримъ, какъ устроенъ папоротникъ и какъ онъ размножается.



Папоротникъ.

Спустимся на дно лѣсного оврага Здѣсь родная почва чернаго папоротника, его любимая мѣстность: рыхлый тучный лиственный перегной, сильная влажность и благодатная тѣнь.

Красивъ папоротникъ въ тѣнистомъ оврагѣ. Передъ яркой его зеленью и правильностью формы блѣднѣютъ всѣ наши травы. Гордымъ пукомъ страусовыхъ перьевъ, слишкомъ на двухъаршинную вышину величественно поднимаются изящныя перистыя *ваіи*, выходящія изъ стройнаго стебля.

Кверху стебель становится тоньше и сочнѣе. Вершиной онъ растетъ; изъ нея выгоняетъ каждогодно перистую корону, и всегда, во всякое время года, эта вершина несетъ массу неразвернутыхъ ваій съ загнутыми внутрь концами, подъ защитой нѣсколькихъ рядовъ бурыхъ пленокъ.

II.

Около половины іюня на вершинѣ стебля развиваются особыя короткія и сочныя ваіи, приносящія плоды. Въ этихъ плодахъ развиваются особыя сѣменныя крупинки — споры. Самые плоды называются спорангіями. Зрѣлыя споры высыпаются изъ спорангій; упавъ на землю, спора лежитъ здѣсь до весны, когда начинаетъ прорастать.

Прорастая, спора даетъ не прямо папоротникъ, а сначала заростокъ.

На нижней поверхности заростка развиваются особенные микроскопическіе органы, соотвѣтствующіе пестикамъ и тычинкамъ цвѣтковыхъ растеній, и только послѣ полнаго развитія ихъ возникаетъ первая ваія, появляются корни и остальныя части папоротника. Наши папоротники—травянистыя растенія. Въ жаркихъ странахъ встрѣчаются папоротники, напоминающія внѣшнимъ видомъ цѣлыя деревья.

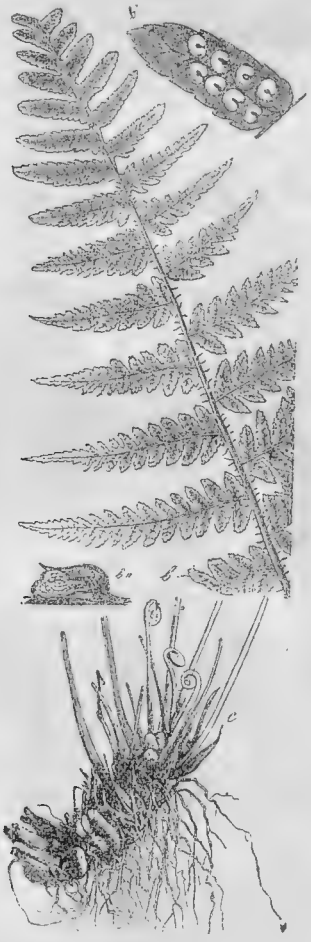
Кромѣ папоротника, спорами размножаются еще лишайники, мохъ, кукуш-

Въ лѣсу лѣтомъ. Съ карт. *И. И. Шишкина.*

кинъ ленъ, а также многочисленный классъ растеній — *грибы*. Всѣ эти растенія называются *безцвѣтковыми*, такъ какъ у нихъ нѣтъ цвѣтовъ.

Вопросы. Назовите нѣсколько цвѣтковыхъ растеній? Назовите, какія вы знаете безцвѣтковыя растенія? Какъ называются листья папоротника? Разскажите, какъ размножается папоротникъ?

Задача. Найдите папоротникъ и срисуйте его.



Папоротникъ *b'*—нижняя сторона ваіи, *b''*—кучка спорангіевъ, *c*—корневище.

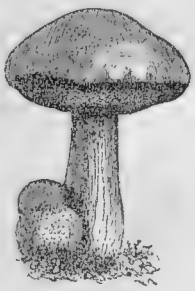
Грибы.

I.

Самые обыкновенные грибы, которые растутъ у насъ въ лѣсу, состоятъ изъ пенька и шляпки. У однихъ грибовъ, напримѣръ, у бѣлаго, у березоваго, у осиноваго, нижняя сторона шляпки похожа на губку желтаго или бѣлаго цвѣта. Ее такъ и называютъ губкой. Если ломать грибъ, то замѣтно, что губка эта состоитъ изъ множества тоненькихъ трубочекъ. Когда грибъ созрѣетъ, трубочки эти внизу открываются; отъ этого-то нижняя сторона шляпки у многихъ старыхъ грибовъ кажется словно истыканной булавкой. Внутри этихъ трубочекъ у гриба образуются споры. Когда же грибъ созрѣетъ, и трубочки его раскроются, тогда споры оттуда высыпаются.

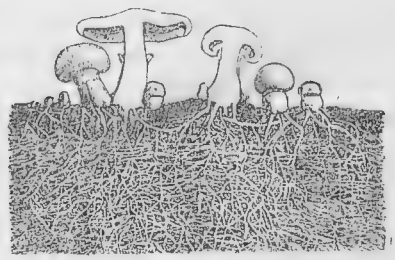
У другихъ грибовъ, напримѣръ, у сыроѣжки, мухомора, рыжика, опенка, на нижней сторонѣ шляпки находятся тоненькія пластинки, которыя расходятся лучами во всѣ стороны. По бокамъ пластинокъ, съ обѣихъ сторонъ образуются споры. Если шляпку зрѣлаго мухомора положить нижней ея стороной на черную бумагу, то черезъ нѣсколько часовъ на бумагѣ появится бѣлый порошокъ; онъ будетъ лежать такими же лучами, какъ расположены пластинки въ шляпкѣ гриба. Порошокъ этотъ — споры мухомора, насѣявшіяся съ пластинокъ шляпки, гдѣ онѣ образовались.

Мухоморъ, сыроѣжку и другіе грибы, у которыхъ внизу шляпки находятся пластинки, называютъ пластинчатыми грибами. А бѣлый, березовый и вообще всѣ грибы, у которыхъ нижняя сто-



Губчатый грибъ.

Пластинчатый грибъ (опенокъ).



Грибница въ землѣ, изъ которой вырастаютъ грибы.

рона шляпки похожа на губку, называютъ губчатыми грибами.

Грибъ - дождевикъ не подходитъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ. Онъ имѣетъ форму шара, внутри котораго образуются споры. Когда дождевикъ созрѣетъ, онъ лопается, и споры вылетаютъ изъ него въ видѣ зеленоватой пыли. То же бываетъ, если наступить ногой на созрѣвшій дождевикъ.

Споры у различныхъ грибовъ бываютъ разнаго цвѣта: бѣлаго, желтаго, бураго и другихъ цвѣтовъ.

Легкія, какъ пыль, споры гриба разносятся вѣтромъ во всѣ стороны на большое разстояніе. Когда спора упадетъ на подходящее мѣсто, гдѣ тепло и сыро, она прорастаетъ

II.

Спора гриба представляетъ изъ себя крошечный пузырекъ; снаружи его находится тоненькая оболочка, а внутри жидкая слизь. Когда спора прорастаетъ, оболочка ея лопается, а слизь выходитъ наружу, въ видѣ небольшого сосочка. Сосочекъ этотъ вытягивается, растетъ и вѣтвится. Такъ получается много мягкихъ и тонкихъ нитей, которыя сплетаются и образуютъ бѣлую паутинку или войлочекъ. Это называется грибницей. Грибница составляетъ самую важную часть гриба. Изъ нея уже вырастаютъ тѣ пеньки со шляпками, которые мы срываемъ.

Такимъ образомъ то, что обыкновенно называютъ грибомъ, т.-е. пенекъ съ шапкою, есть только часть всего растенія,—это одинъ изъ его плодовъ, несущій споры. Такихъ плодовъ вырастаетъ по нѣскольку на каждой грибницѣ. Когда мы срываемъ грибъ, его грибница остается скрытой въ землѣ. Изъ нея очень скоро вырастаетъ новый грибъ. Кто часто собираетъ грибы, тотъ замѣчаетъ мѣста и знаетъ, что, гдѣ сегодня сорванъ грибъ, тамъ назавтра можетъ вырасти другой.

Если въ лѣсу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ грибъ, осторожно раскопать землю, то всегда можно найти въ ней, среди полусгнившей прошлогодней листвы или хвои грибницу, т.-е. тоненькія бѣлыя ниточки, пронизывающія землю въ разныхъ направленіяхъ.

Большинство грибовъ растутъ очень быстро, въ особенности ночью и раннимъ утромъ. Нерѣдко случается находить поутру грибы тамъ, гдѣ ихъ наканунѣ еще не было. Собственно говоря, они были, можетъ-быть, и наканунѣ, но были еще такъ малы, что скрывались въ травѣ или подъ листьями.

Грибы, которые мы собираемъ, растутъ обыкновенно недолго. Многіе грибы черезъ нѣсколько часовъ, какъ появятся, уже сгниваютъ. Березовики и сыроѣжки живутъ дня два или три. Бѣлые живутъ недѣлю и болѣе.

Грибы отличаются отъ другихъ растеній тѣмъ, что никогда не бываютъ зелеными, и тѣмъ, что питаются они иначе, чѣмъ другія растенія.

Всѣ растенія съ листьями и корнями берутъ себѣ питательныя вещества изъ земли и воздуха и сами перерабатываютъ ихъ внутри себя. Грибы же не имѣютъ ни листьевъ, ни корней [1]) и не могутъ сами питаться отъ земли и воздуха. Поэтому они высасываютъ питательныя вещества или изъ другихъ растеній или изъ животныхъ.

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ обыденной жизни пеньки грибовъ часто неправильно называютъ „корнями“ или „корешками“.

Вотъ почему грибы растутъ всегда на мертвыхъ или живыхъ растеніяхъ и животныхъ или на ихъ остаткахъ. Оттого-то мы находимъ такъ много грибовъ въ лѣсу; тамъ много перегною отъ опавшихъ листьевъ; этимъ-то перегноемъ и питаются грибы. Кромѣ того, грибы любятъ сырость и тепло, потому что они помогаютъ гніенію, а свѣта они, напротивъ, не любятъ. Въ лѣсу же какъ разъ много тѣни и много сырости въ землѣ и воздухѣ.

III.

Кромѣ грибовъ съ пеньками и шляпками, существуетъ еще очень много грибовъ безъ пенька и шляпки. Такихъ грибовъ даже гораздо больше.

Ржаной колосъ съ рожками спорыньи.

Нѣкоторые грибы образуютъ просто пятна различнаго цвѣта на корѣ деревьевъ или на листьяхъ. Напримѣръ, ржавчинныя пятна, которыя бываютъ на нѣкоторыхъ листьяхъ, не что иное, какъ особенные маленькіе грибки. Въ увеличительное стекло можно разглядѣть, что эти пятна состоятъ изъ множества нитей, которыя пробираются въ самой мякоти листа. Нити эти—грибница, такая же грибница, какъ и у грибовъ, которые мы собираемъ въ лѣсу. Только на нихъ нѣтъ такихъ плодовъ съ пенькомъ и шляпкой. Но и у нихъ нѣкоторыя нити выступаютъ наружу, вздуваются на концахъ, и въ этихъ вздутыхъ концахъ образуются споры.

Спорынья или черные рожки, которые попадаются иногда въ колосьяхъ ржи и другихъ хлѣбовъ, — это тоже особенные, мелкіе грибки. Они заполнили собой цѣлое зерно и разрослись такъ сильно, что образовали рожокъ, гораздо большій, чѣмъ самыя зерна.

Другіе опасные для хлѣбовъ грибки, это — головня. Грибки эти своими нитями пронизываютъ цвѣты, напримѣръ, у пшеницы или овса, и тогда вмѣсто зерна получается черная, какъ уголь, пыль.

И спорынья и головня — оба ядовитые грибки. Поэтому опасно, когда они смѣшиваются съ чистыми зернами. Если ихъ много попадетъ въ муку, тогда отъ нихъ можно даже заболѣть. Кромѣ того, они разсѣиваются вмѣстѣ съ чистыми зернами и заражаютъ новыя растенія.

Вообще различныя болѣзни нашихъ хлѣбовъ, картофеля и листьевъ нѣкоторыхъ растеній зависятъ по большей части отъ особенныхъ крошечныхъ грибковъ, которые поселяются на этихъ растеніяхъ.

Плѣсень, которая такъ часто заводится у насъ повсюду отъ сырости, есть тоже не что иное, какъ маленькіе грибки. Обыкновенно плѣсень имѣетъ видъ пушистаго налета бѣлаго или сѣраго цвѣта. Она образуется часто на хлѣбѣ и на плодахъ, если они залежатся въ сыромъ мѣстѣ.

Вопросы. Назовите, какіе вы знаете грибы? Назовите нѣсколько съѣдобныхъ грибовъ? Ядовитыхъ? Какъ бываетъ устроена нижняя сторона шляпки у грибовъ? Гдѣ образуются у грибовъ споры? Что такое грибница? Какъ растутъ грибы? Чѣмъ отличаются грибы отъ другихъ растеній?

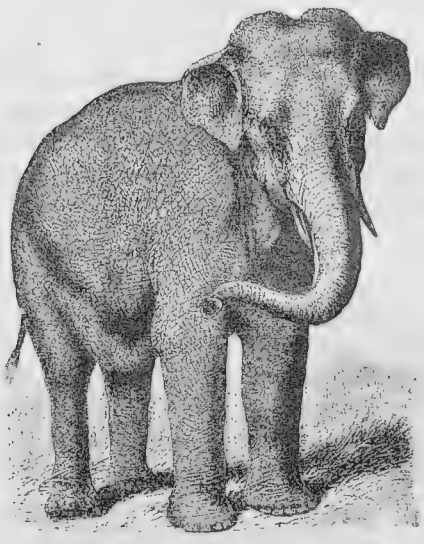
ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О животныхъ.

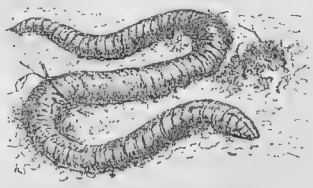
Животныя.

Припомните и назовите, какихъ вы знаете млекопитающихъ животныхъ? Птицъ? Пресмыкающихся? Рыбъ?

Всѣхъ животныхъ, населяющихъ землю, очень много, можно сказать — безчисленное множество. И какое разнообразіе представляютъ они по формѣ и устройству тѣла, по величинѣ, образу, жизни и т. д.! Что можетъ быть, положимъ, общаго между слономъ и дождевымъ червемъ? А вѣдь и тотъ и другой—животное. Или между громаднымъ китомъ и нашимъ комаромъ? Между тѣмъ и тотъ и другой относятся къ одному царству — царству животныхъ.

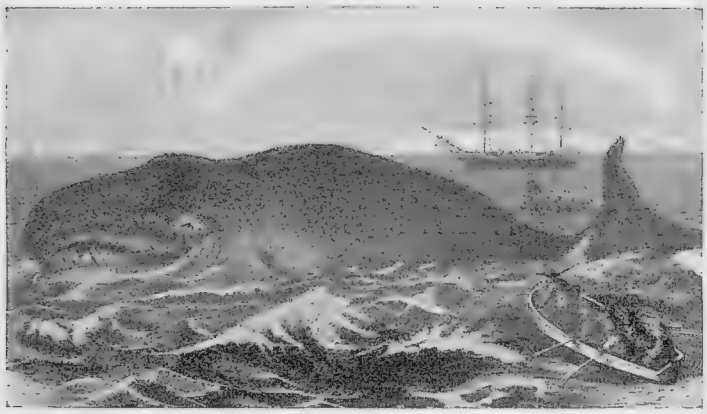


Слонъ.



Дождевой червь.

Люди со временъ глубокой древности пытались проникнуть въ тайны животнаго міра, пытались изучить жизнь животныхъ, узнать, какъ устроено тѣло того или другого животнаго, чѣмъ каждое изъ нихъ питается, какія у него привычки, какое сходство и различіе существуетъ между разными представителями животнаго царства. И вотъ, изучая животныхъ, ученые замѣтили, что у однихъ животныхъ, внутри тѣла есть кости, которыя вмѣстѣ образуютъ костякъ или, какъ чаще говорятъ, *скелетъ*, главную часть котораго составляетъ *позвоночный столбъ*, идущій вдоль спины. Позвоночный столбъ есть и у кошки, и у собаки, и у слона, и у птицъ, рыбъ, ящерицъ, лягушекъ, змѣй. Но есть много и такихъ животныхъ, у которыхъ внутри тѣла нѣтъ костей, нѣтъ позвоночника. Взгляните на любое насѣкомое, хотя бы на муху; посмотрите на паука, на многоножку, на рака. Вы увидите, что тѣло всѣхъ этихъ животныхъ состоитъ изъ маленькихъ, соединенныхъ между собою члениковъ. Внутренняго костяного остова у нихъ нѣтъ.



Китъ.

Ученые согласились всѣхъ животныхъ раздѣлить на два большихъ отдѣла: на такихъ, у которыхъ есть костный скелетъ и позвоночникъ, и такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночника. Первыхъ они назвали *позвоночными*, вторыхъ—*безпозвоночными*. Скелетъ и позвоночный столбъ, однако, бываетъ не всегда костяной, иногда онъ состоитъ изъ хрящей, какъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ рыбъ (осетръ). Есть также и такія рыбы, у которыхъ нѣтъ настоящаго позвоночника даже и хрящевого, а есть только его зачатокъ. Эти животныя стоятъ какъ бы на границѣ между *позвоночными* и *безпозвоночными*, служа переходной ступенью отъ однихъ къ другимъ.

Комаръ.

Животныя, о которыхъ мы читали во II части „Нови“, всѣ имѣютъ позвоночникъ, значитъ будутъ животныя позвоночныя. Теперь познакомимся съ животными безпозвоночными.

Вопросы. Какъ ученые раздѣляютъ всѣхъ животныхъ? Назовите нѣсколько позвоночныхъ животныхъ. Какихъ вы знаете безпозвоночныхъ животныхъ?

Задача. Нарисуйте слона, кита, дождевого червя и комара.

Насѣкомыя.

I.

Весною, когда деревья развертываютъ свои пахучіе листочки и появляются первые цвѣты, выползаютъ изъ своихъ зимнихъ убѣжищъ блестящіе, какъ бы одѣтые въ броню жуки, съ жужжаніемъ летаютъ мохнатые шмели, порхаютъ красивыя бабочки. Всѣ они заняты добываніемъ себѣ пищи, которой служатъ или листья и зерна различныхъ растеній и сладкій сокъ цвѣтовъ, или другія насѣкомыя, а иногда трупы разныхъ животныхъ.

Жуки, шмели, бабочки, различныя букашки и козявки хотя и очень отличаются другъ отъ друга и по величинѣ, и по формѣ, и по образу жизни, но у всѣхъ у нихъ есть и сходство, именно: тѣло ихъ состоитъ изъ головы, груди и брюшка; на головѣ находятся усики, а на груди три пары ногъ. Всѣ такія животныя называются *насѣкомыми*.

II.

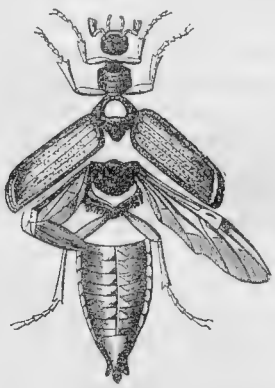
Къ насѣкомымъ принадлежатъ, между прочимъ, бабочки. Онѣ чрезвычайно разнообразны по окраскѣ своихъ крыльевъ; у нѣкоторыхъ крылья очень красивы и ярки. Около нашихъ домовъ, на огородахъ, чаще всего попадается на глаза довольно большая бабочка, у которой крылья сверху бѣлыя съ чернымъ переднимъ краемъ, а снизу желтоватыя. Бабочка эта называется капустницей. У капустницы длинное мохнатое тѣльце чернаго цвѣта; на спинѣ у нея четыре большихъ крыла, на груди три пары ножекъ, на головѣ два глаза, пара усиковъ и длинный свернутый хоботокъ,

Стрекоза. Пчела. Комаръ. Клопъ.

Здѣсь ясно видно, что тѣло всѣхъ этихъ насѣкомыхъ состоитъ изъ члениковъ.

которымъ капустница сосетъ сладкій сокъ цвѣтовъ.

Капустница кладетъ свои яички, числомъ около сотни, чаще всего на листьяхъ капусты, на нижней сторонѣ ихъ. Яички капустницы маленькія, желтыя, тѣсно лежатъ другъ около друга; изъ нихъ выводятся желтые съ черными пятнами червячки, совершенно непохожіе ни на капустницу, ни на какую другую бабочку. У этихъ червячковъ совсѣмъ нѣтъ крыльевъ,



Насѣкомое въ увеличенномъ видѣ и раздѣленное на части.

вмѣсто 6 ножекъ—16, вмѣсто хоботка—крѣпкія челюсти, которыми они гложатъ листъ. Червячки, которые выводятся изъ яичекъ насѣкомыхъ, называются личинками; личинки же бабочекъ обыкновенно зовутся гусеницами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней гусеницы много ѣдятъ, а потому быстро растутъ; въ это время онѣ нѣсколько разъ линяютъ, т.-е. сбрасываютъ съ себя старую кожицу, когда подъ ней образовалась уже новая. Но вотъ гусеницы

Бабочка.

не только перестаютъ ѣсть, какъ во время каждой линьки, а даже совсѣмъ уходятъ съ капусты и направляются обыкновенно къ плетню, въ который и забираются. Здѣсь онѣ ничего не ѣдятъ и въ теченіе двухъ дней успѣваютъ совершенно измѣнить свой видъ; теперь онѣ уже совсѣмъ не похожи на червей: онѣ стали короче и толще. Тѣло ихъ почти неподвижно и стало угловатымъ, толстымъ на одномъ концѣ и острымъ на другомъ: не видно ни головы ни ногъ; только сквозь толстую кожицу просвѣчиваютъ крылья, ножки и усики бабочки, которая какъ будто заключена внутри. Это—куколка. Тутъ же на плетнѣ валяется много высохшихъ шкурокъ, которыя гусеницы сбросили передъ тѣмъ, какъ превратиться въ куколку. Черезъ нѣсколько дней кожа куколки трескается; изъ куколки выходитъ бабочка съ короткими нерасправленными крыльями, которыя быстро расправляются и вырастаютъ.

Итакъ, изъ яичекъ, снесенныхъ бабочкой, вывелись сначала гусеницы, похожія на червячковъ; выросши, онѣ превратились въ куколки, а куколки превратились въ бабочки.

Почти всѣ остальныя насѣкомыя развиваются также съ превращеніемъ, при чемъ у однихъ личинка превращается сначала въ куколку, а потомъ уже во взрослое насѣкомое, у другихъ личинка превращается прямо во взрос-

Бабочка, ея яички, гусеница и куколка.

лое насѣкомое. Превращеніе бываетъ не у однихъ только насѣкомыхъ, а и у многихъ другихъ животныхъ. Такъ, напримѣръ, изъ яицъ лягушки не сразу выводится лягушка, а сначала головастикъ, который мало похожъ на лягушку и только постепенно превращается въ нее. Большинство насѣкомыхъ приноситъ человѣку вредъ тѣмъ, что нападаетъ на различныя растенія, портитъ ихъ. Одни поѣдаютъ листья и цвѣты растеній, другія — плоды, третьи—стебель и корни. На стр. 199, 200, 201, 202 помѣщены рисунки такихъ враговъ нашего земледѣльца. Нарисуйте каждаго изъ нихъ.

Вопросы. Назовите нѣсколькихъ насѣкомыхъ. На сколько частей дѣлится тѣло насѣкомаго? Въ чемъ состоитъ превращеніе насѣкомаго? У какихъ еще животныхъ бываетъ превращеніе?

Задача. Наблюдайте за превращеніемъ насѣкомыхъ такъ, какъ указано ниже.

Гдѣ отыскивать яйца бабочекъ, ихъ гусеницъ и куколокъ. Мѣстонахожденіе яицъ того или иного вида бабочекъ можно опредѣлить, главнымъ образомъ, по растительности, которая послужитъ пищей для будущихъ гусеницъ, такъ какъ каждая бабочка отлично знаетъ, что требуется для ея потомства, чѣмъ оно должно питаться, и потому кладетъ яйца непремѣнно тамъ, гдѣ имѣются достаточные запасы соотвѣтствующей пищи. Такъ, напримѣръ, бабочка махаонъ, или ласточкинъ хвостъ, кладетъ яйца на укропѣ, морковн; адмиралъ кладетъ на кропивѣ; траурный плащъ — на березѣ и ивѣ; лисичка, павлиній глазъ — на кропивѣ и т. д. Кольчатый шелкопрядъ располагаетъ свои яйца лентообразнымъ колечкомъ вокругъ тонкихъ вѣтвей фруктовыхъ деревьевъ, за что она и получила свое названіе. Яблочная плодожорка кладетъ свои яйца въ молодыя груши и яблоки, почему позднѣе, въ зрѣлыхъ уже плодахъ, мы находимъ развившихся гусеницъ, питающихся яблочной или грушевой мякотью. Эти гусеницы, проѣвъ себѣ ходъ, выползаютъ осенью наружу, прячутся въ неровностяхъ и трещинахъ древесной коры и окукливаются на зиму.

Словомъ, тому, кто займется собираніемъ яичекъ, придется осматривать и обыскивать деревья и растенія самымъ тщательнымъ образомъ.

Что же касается гусеницъ, то онѣ оживаютъ съ первыми же теплыми весенними днями, среди прошлогодней листвы, во мху, среди корней и подъ камнями. Если вы ранней весной наберете въ мѣшокъ оттаявшей прошлогодней листвы, принесете ее домой и станете высыпать понемногу изъ мѣшка на бѣлую простыню, постланную на полъ, то сейчасъ же отыщете различныхъ гусеницъ, которыхъ легко замѣтить на бѣломъ фонѣ. Если вы продѣлаете это нѣсколько разъ, беря при этомъ листву изъ разныхъ мѣстъ и изъ-подъ разныхъ деревьевъ и кустовъ, то можно съ увѣренностью сказать, что ваша добыча будетъ обильна и разнообразна.

Собираніе куколокъ можно начать также довольно рано: какъ только сойдетъ съ полей снѣгъ и зазеленѣютъ деревья и поля, повсюду можно уже находить куколокъ сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ. Среди опавшей листвы подъ отдѣльными кустами можно часто найти множество куколокъ различныхъ шелкопрядовъ, совокъ и пядениць.

Богатую добычу можно получить при перекопкѣ земли въ саду, огородѣ и при пахотѣ въ полѣ. Всегда можно найти также что-нибудь при внимательномъ осмотрѣ неровностей и трещинъ коры, корней и вообще древесныхъ стволовъ, а также изгородей и плетней, трещинъ и щелей сараевъ, амбаровъ, ригъ и заборовъ.

При собираніи куколокъ слѣдуетъ избѣгать мять ихъ или таскать въ рукахъ; лучше всего, найдя куколку, сейчасъ же класть ее въ коробочку, устланную хлопкомъ и съ крышкой, проткнутой отверстіями для притока воздуха; куколокъ, окруженныхъ паутиной, слѣдуетъ брать съ послѣдней, отдѣливъ ее отъ мѣста прикрѣпленія ножомъ.

Выкармливаніе гусеницъ. Выкармливаніе гусеницъ и наблюденіе за ихъ развитіемъ и превращеніемъ сначала въ куколку, а потомъ въ прелестное легкокрылое созданіе — бабочку представляетъ большой интересъ для пытливаго человѣка.

Главнымъ условіемъ при выкармливаніи гусеницъ является знакомство съ образомъ жизни соотвѣтствующей бабочки.

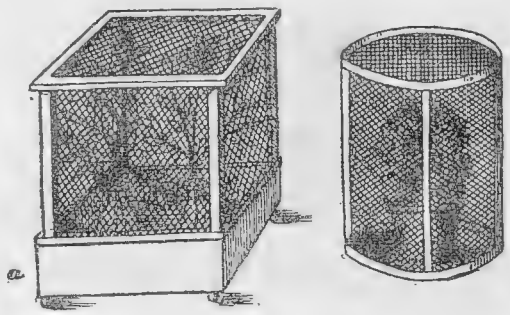
Для успѣшнаго же развитія гусеницъ вообще необходимы свѣжій, немного влажный, воздухъ, тепло и хорошее питаніе, для чего необходимо имѣть всегда свѣжій запасъ тѣхъ травъ, листвы или овощей, которыми питаются тѣ или иныя гусеницы. Поэтому-то и слѣдуетъ хорошенько запоминать или же записывать, на какомъ или подъ какимъ деревомъ или кустарникомъ, на какихъ растеніяхъ или овощахъ найдена гусеница.

Самое лучшее помѣщеніе для гусеницъ, это—деревянный ящикъ любой величины, часть крышки котораго и стѣнки выпилены и затянуты частой проволочной сѣткой или слегка накрахмаленной марлей. На дно ящика кладутъ мелкой, просѣянной и немного смоченной земли и моху; въ землю втыкаютъ вѣтви тѣхъ деревьевъ, листьями которыхъ питаются данныя гусеницы.

Необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы въ садкѣ было чисто и немедленно удалять, напримѣръ, мохъ, начавшій покрываться плѣсенью, такъ какъ гусеницы весьма нѣжны и въ неволѣ легко подвергаются заболѣваніямъ.

Въ деревянныхъ ящикахъ не слѣдуетъ содержать только гусеницъ, живущихъ обыкновенно внутри деревьевъ, въ ихъ мякоти, такъ какъ такія гусеницы легко пробуравятъ его стѣнку и уйдутъ. Такихъ гусеницъ надо помѣщать въ жестянки съ проволочной сѣткой. Этимъ гусеницамъ надо класть въ коробку нѣсколько кусковъ и опилки того дерева, на которомъ онѣ были найдены. Для выращиванія очень маленькихъ гусеницъ удобна средней величины стеклянная банка изъ-подъ варенья съ крѣпко закрывающейся картонной крышкой съ марлевой сѣткой.

Вмѣстѣ съ растеніями, которыми питаются гусеницы, въ банку кладутъ и немного мокраго песку. А чтобы растенія — кормъ гусеницъ — не такъ быстро увядали, банки съ ними можно ставить въ прохладное мѣсто; на солнце же ихъ не слѣдуетъ выставлять вовсе.



Помѣщеніе для выкармливанія гусеницъ.

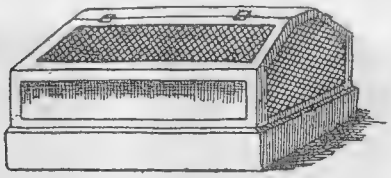
Въ жаркую погоду песокъ и мохъ надо время отъ времени смачивать водой. Часто приходится съ одной вѣтки, уже увядшей, переносить гусеницъ на другую, свѣжую. Въ такихъ случаяхъ гусеницъ не надо снимать со старой вѣтки пальцами, а слѣдуетъ лишь отрѣзать тѣ листья, на которыхъ гусеницы расположились, и булавками прикрѣпить эти старые листья къ свѣжей вѣтви; гусеницы сами перейдутъ уже на свѣжую зелень. Съ особымъ удовольствіемъ гусеницы пожираютъ древесные листья; ихъ-то и слѣдуетъ почаще давать имъ.

Всякій разъ, какъ находите гусеницу, вы должны захватить съ собой также нѣсколько вѣточекъ того растенія, на которомъ или вблизи котораго она сидѣла. Вѣтки эти сохраняйте въ бутылкахъ, наполненныхъ водой.

Если замѣтите, что гусеницы становятся все болѣе и болѣе безпокойными, ничего не ѣдятъ, мѣняютъ окраску кожи, то знайте, что онѣ скоро превратятся въ куколокъ. Тогда ихъ

можно уже перенести въ домикъ для куколокъ. Если же гусеница превратилась въ куколку еще въ ящикѣ для гусеницъ, то въ такомъ случаѣ ее слѣдуетъ оставить въ покоѣ на выбранномъ ею мѣстѣ.

Садокъ для куколокъ. Садокъ для куколокъ можно устроить самому. Берется какой-нибудь простой ящикъ изъ невыстроганныхъ дощечекъ и приспосабливается слѣдующимъ образомъ. Двѣ или три стѣнки его выпиливаются и затягиваются проволочной сѣткой, а за неимѣніемъ ея — канвой или кисеей. Эти стѣнки начинаются пальца на три, на четыре



Садокъ для куколокъ.

выше дна ящика, для того, чтобы на дно его можно было бы посыпать достаточно толстый слой песку. Въ одной изъ стѣнокъ продѣлывается дверца, подвѣшенная на петляхъ и плотно запирающаяся. Такъ какъ однѣ гусеницы окукляются въ землѣ, другія — въ связанныхъ паутиной листьяхъ, третьи дѣлаютъ себѣ коконы изъ мелко разгрызенной коры или втачиваются въ дерево, а иныя, прикрѣпившись гдѣ-либо къ шероховатой поверхности стѣнки или крышкѣ ящика, свѣшиваются головой внизъ и такъ окукливаются, или же, наконецъ, свиваютъ себѣ коконы изъ паутины гдѣ-нибудь въ углу, подъ крышкой ящика, то въ домикѣ, предназначенномъ для куколокъ, необходимо создать, по возможности, самыя разнообразныя условія для удобства окукливанія. Такъ, напримѣръ, слѣдуетъ, если нужно, въ садокъ положить куски коры лиственныхъ деревьевъ, большіе куски гнилого дерева, засыхающіе листья.

Кромѣ того, песокъ, лежащій на днѣ, долженъ быть непремѣнно чистымъ (рѣчнымъ или промытымъ).

Для удобства очистки со дна, хорошо сдѣлать это дно выдвижнымъ, наподобіе того, какъ это дѣлается въ птичьихъ клѣткахъ.

Иныхъ куколокъ, какъ, напримѣръ, маленькихъ бабочекъ, можно оставлять развиваться въ банкахъ для гусеницъ. Главное, чтобы куколки были предоставлены самимъ себѣ, чтобы никто не нарушалъ принятаго ими естественнаго положенія.

О скоромъ появленіи на свѣтъ бабочки можно судить по начинающемуся съ головы измѣненію окраски куколки. Не всегда, впрочемъ, удается изъ куколки получить бабочку; случается, что, вмѣсто ожидаемой бабочки, изъ кокона вдругъ вылетаетъ муха-великанъ или гусеничная муха, такъ какъ мухи эти кладутъ иногда свои яйца въ яички бабочекъ.

Какъ можно кормить бабочку. Послѣ того, какъ изъ кокона появится бабочка, очень интересно, прежде, чѣмъ дать ей свободу, попытаться накормить ее. Особенно любопытно здѣсь то, что это прелестное и хрупкое созданіе можно сдѣлать до нѣкоторой степени ручнымъ.

На первыхъ порахъ крылья бабочки еще малы, слабы и неспособны къ полету. Но они довольно быстро, почти на глазахъ наблюдателя, достигаютъ своей естественной величины и скоро пріобрѣтаютъ упругость и крѣпость, необходимыя для полета. Пока крылья бабочки еще не окрѣпли, нужно взять ее осторожно и, посадивъ ее къ себѣ на руку, дать ей нѣкоторое время поползать, для того, чтобы пріучить ее къ рукѣ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, можно попробовать предложить ей угощеніе.

Угощеніе это должно состоять приблизительно изъ двухъ частей распущеннаго въ водѣ сахара и одной части меда; хорошо еще пустить одну-двѣ капли яблочнаго или грушеваго сыропа. Затѣмъ обмакните въ этотъ растворъ кончикъ вашего пальца и осторожно поднесите его къ головкѣ бабочки. Если она пожелаетъ принять ваше угощеніе, то вытянетъ по направленію къ каплѣ жидкости на вашемъ пальцѣ свой длинный спиральный хоботокъ, который обыкновенно у нея свернутъ, и начнетъ сосать этотъ сладкій сокъ.

Насѣкомыя, вредящія садамъ.

1. Бухарка. 2. Пилильщикъ крыжовниковый, его личинка и кокончикъ. 3. Плодовая моль. 4. Обдирало. 5. Яблочная тля. Самка. Личинка, образовавшаяся изъ яичка. 6. Цвѣтоѣдъ. 7. Яблоновая моль и ея личинка. Листья, пораженные молью. 8. Зимняя пяденица. 9. Златогузка. 10. Плодожорка яблоновая. 11. Шелкопрядъ непарный, его личинка и куколка. 12. Бѣлянка, ея гусеница и куколка.

Задача. Отыщите въ саду этихъ насѣкомыхъ и разсмотрите ихъ.

Насѣкомыя, вредящія хлѣбнымъ полямъ.

1. „Озимая совка“, гусеница и бабочка. 2. Узловой червь и взрослое насѣкомое. 3. Гессенская муха, личинка, ложный коконъ, куколка кокона, вздутія на стеблѣ, поврежденный стебель, надломившійся стебель. 4. Хлѣбный жукъ „крестоносецъ“, его личинка и куколка. 5. Кобылки: самка, безкрылая самка, самецъ. 6. „Хлѣбная совка“ и зерновой червь. 7. Зеленоглазка, ея личинка и поврежденные личинкой хлѣбные злаки. 8. Хлѣбная муха, личинка ея, поврежденная ржаная былинка.

Задача. Постарайтесь найти въ полѣ этихъ насѣкомыхъ и разсмотрите устройство ихъ тѣла.

1. Пилильщикъ и его личинка, личинка пилильщика внутри стебля, надломленный стебель. 2. Колосовая муха, личинка ея, щербатый колосъ тимоѳеевки, щербатый колосъ ржи. 3. Саранча летучая. 4. Шведская муха, личинка, ложный коконъ. 5. „Яровая совка“, гусеница и куколка. 6. Проволочный червь, куколка и взрослое насѣкомое — жукъ. 7. Хлѣбный жукъ „кузька“, его личинка и куколка. 8. Комаръ пшеничный и его личинка. 9. Личинки, сосущія сокъ изъ завязи. 10. Жукъ-трещалка, личинка жука, покрытая слизистымъ покровомъ, личинка безъ слизистаго покрова.

Задача. Постарайтесь найти въ полѣ этихъ насѣкомыхъ и разсмотрите устройство ихъ тѣла.

Насѣкомыя, вредящія огородамъ.

1. Медвѣдка. 2. Бабочка ржаного червя, его лич. и куколка. 3. Морковная муха, личинка и куколка. 4. Луковая муха, ея личинка и куколка. 5. Капустная земляная блоха, ея личинка и куколка. 6. Гороховый долгоносикъ. 7. Майскій жукъ, его личинка и куколка. 8. Тминная моль, ея гусеница и куколка. 9. Льняной червь, его личинка и куколка 10. Крылатыя и безкрылыя травяныя вши (тли). 11. Свекольная земляная блоха. 12. Гороховая зерновка, ея личинка и куколка. 13. Капустный долгоносикъ, его личинка и куколка. 14. Капустная совка, ея личинка и куколка. 15. Капустница, ея личинка и куколка.

Задача. Отыщите въ огородѣ этихъ насѣкомыхъ и разсмотрите ихъ.

Пчелы.

Среди насѣкомыхъ есть не мало и такихъ, которыя приносятъ человѣку пользу, такъ, напримѣръ, пчелы: онѣ доставляютъ намъ медъ и воскъ.

Въ дикомъ состояніи пчелы живутъ въ лѣсу, въ дуплахъ деревьевъ, въ разсѣлинахъ скалъ. Для того, чтобы имѣть возможность постоянно пользоваться медомъ и воскомъ, человѣкъ устраиваетъ пчеламъ постоянное жилище — улей. Улей дѣлаютъ обыкновенно изъ выдолбленной внутри колоды, накрывая ее сверху крышкою и продѣлывая сбоку отверстіе, такъ называемый летокъ; черезъ него пчелы могутъ влетать и вылетать изъ улья. Часто устраиваютъ болѣе сложные ульи въ видѣ деревянныхъ домиковъ, съ перегородками внутри; въ нихъ вставляютъ рамки съ готовою вощиною, которую пчелы быстро наполняютъ медомъ.

I.

Пчелы живутъ большимъ обществомъ, доходящимъ иногда до 40 тысячъ и болѣе. Въ каждомъ ульѣ больше всего такъ называемыхъ рабочихъ пчелъ; кромѣ того, въ ульѣ есть своя царица—матка (самка) и болѣе крупныя пчелы—трутни (самцы).

Съ наступленіемъ весны начинается хлопотливая работа пчелъ. Рано утромъ вылетаютъ онѣ изъ улья, отыскиваютъ первые распустившіеся цвѣты и высасываютъ изъ нихъ сладкій цвѣточный сокъ. Особенно усердно работаютъ пчелы по утрамъ, потому что утромъ цвѣты выдѣляютъ больше сладкаго сока. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ собираютъ и цвѣточную пыль; для этого на ихъ лапкахъ есть щеточки изъ волосиковъ, которыми пчелы сметаютъ цвѣточную пыль въ особыя расширенія, находящіяся на заднихъ лапкахъ и называемыя корзиночками. Уложивъ въ корзиночки пыльцу въ видѣ шариковъ и наполнивъ зобикъ медомъ, пчела быстро летитъ домой, гдѣ складываетъ свою ношу и снова возвращается за добычей. Кромѣ меда и цвѣточной пыли, пчелы носятъ въ улей воду и собираютъ съ почекъ деревьевъ смолистое вещество, называемое узою. Уза служитъ для склеиванія трещинъ, скрѣпленія сотовъ и вообще для закрѣпленія построекъ улья. Медъ и цвѣточная пыль складываются въ ячейки — шестиугольныя восковыя чашечки, изъ которыхъ состоятъ соты; запасы эти идутъ на кормъ личинокъ и взрослыхъ пчелъ. Воскъ выдѣляется въ видѣ тонкихъ, какъ чешуйки рыбы, пластинокъ особыми железками, расположенными на брюшкѣ пчелы. Эти пластинки пчелы пережевываютъ челюстями и лѣпятъ изъ нихъ замѣчательные по правильности соты.

II.

Царица, или матка, отличается отъ рабочихъ пчелъ большею величиною и болѣе длиннымъ брюшкомъ; она не принимаетъ участія въ постройкѣ сотовъ и собираніи меда, а занята только кладкою яичекъ. Яичекъ матка кладетъ ежедневно до 1.200. На третій

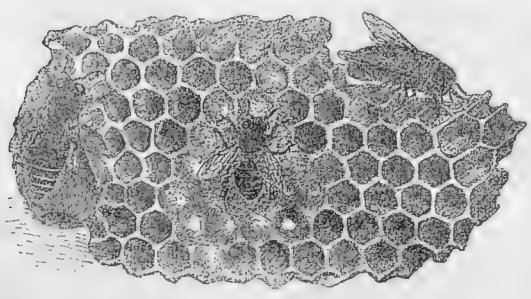
Трутень.

Рабочая пчела.

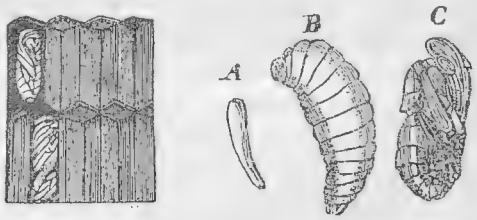
Матка.

Рабочая пчела снизу. *B* -листочки воска, выступающіе между кольцами или члениками брюшка.

день изъ яичка выходитъ бѣлый червячокъ, котораго пчелы - работницы усердно кормятъ, вкладывая ему пищу въ ротъ. Червячокъ въ теченіе 8 дней быстро растетъ, такъ что подъ конецъ заполняетъ своимъ тѣльцемъ всю ячейку; на 9 день онъ перестаетъ ѣсть и свиваетъ себѣ тонкій коконъ; рабочія пчелы покрываютъ его ячейку восковою крышечкою, или, какъ говорятъ, запечатываютъ ячейку. Въ такомъ состояніи коконъ остается отъ 8 до 15 дней; въ это время червячокъ, или личинка, превращается въ пчелу, прогрызаетъ челюстями коконъ и крышечку и вылетаетъ изъ ячейки. Точно такъ же выводятся изъ яичекъ пчелиныя матки и трутни; для нихъ выбираются болѣе просторныя ячейки, особенно для матки, и личинки кормятся болѣе обильною и питательною пищею. Передъ выходомъ изъ ячейки новыхъ матокъ, старая царица начинаетъ обнаруживать признаки сильнаго безпокойства; бѣгаетъ по улью, старается отыскать ячейки, изъ которыхъ должны вылетѣть молодыя матки, чтобы умертвить ихъ. Пчелы старательно оберегаютъ молодыхъ царицъ отъ нападенія старой. Тогда старая собираетъ часть рабочихъ пчелъ своего улья, вылетаетъ съ ними и переселяется въ новое жилище. Такое переселеніе пчелъ называется роеніемъ.



Пчелиные соты. Въ срединѣ—рабочая пчела; направо—трутень; слѣва—матка. Она сидитъ на наружной сторонѣ особой крупной ячейки (открытой внизъ), которая строится пчелами для вывода матки (т. наз. маточникъ).



1. Пчелиныя ячейки. 2. *A*—яичко; *B*—личинка; *C*—куколка пчелы.

Передъ тѣмъ, какъ оставить старый улей, пчелы-развѣдчики разыскиваютъ новое удобное жилище, въ которое и перелетаетъ рой. Въ новомъ ульѣ пчелы особенно усердно принимаются за работу: однѣ летятъ въ поле за медомъ, другія остаются дома и занимаются постройкой сотовъ для складыванія запасовъ меда на зиму и для выводки молодого поколѣнія. Оставшихся въ старомъ ульѣ молодыхъ матокъ рабочія пчелы выпускаютъ по очереди. Молодыя царицы или вылетаютъ изъ улья съ новымъ роемъ или вступаютъ другъ съ другомъ въ бой, продолжающійся до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не умертвитъ другую, запустивъ въ нее свое длинное жало. Если улей лишается своей матки и въ немъ нѣтъ молодой, то между пче-

лами наступаетъ полный безпорядокъ: онѣ перестаютъ работать, жалобно жужжатъ, въ безпокойствѣ бѣгаютъ по улью, какъ бы что-то разыскивая. Но стоитъ только появиться новой царицѣ, какъ печальное настроеніе пчелъ мѣняется и снова становится радостнымъ и дѣятельнымъ.

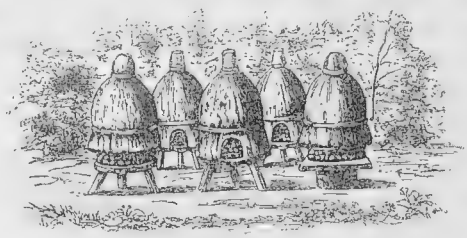
III

Пчелы не любятъ, когда къ нимъ въ улей заползаютъ другія животныя или залетаютъ насѣкомыя. Онѣ немедленно стараются выпроводить непрошеныхъ гостей; если же имъ это не удается, то онѣ быстро залѣпляютъ воскомъ то мѣсто, гдѣ находится животное, и такимъ образомъ заживо погребаютъ его. Такъ поступаютъ пчелы со слизняками, которые часто заползаютъ къ нимъ въ улей. Также тщательно оберегаютъ пчелы населеніе и цѣлость своего улья отъ нападенія болѣе крупныхъ животныхъ: яростно бросаются онѣ на врага и вонзаютъ въ него находящееся на концѣ брюшка жало, не щадя собственной жизни. При вытаскиваніи жала обратно оно отрывается съ частью мышцъ и внутренностей, отчего пчела умираетъ.

Пчелы приносятъ пользу еще тѣмъ, что переносятъ съ цвѣтка на цвѣтокъ пристающую къ нимъ цвѣточную пыль, необходимую растенію для образованія плода или сѣмени. Безъ этой помощи пчелъ многія растенія никогда не приносили бы плодовъ.

Осенью, съ наступленіемъ холодовъ, когда погибаютъ цвѣты, прекращается дѣятельность пчелъ. Зимой пчелы не вылетаютъ изъ улья, бережливо питаясь заготовленными запасами меду. Такъ какъ пчелы очень чувствительны къ холоду, то онѣ сидятъ рядами, плотно прижавшись другъ къ другу. Во время сильныхъ холодовъ пчелы цѣпенѣютъ.

Вопросы. Что доставляютъ намъ пчелы? Гдѣ живутъ пчелы? Какъ называются искусственныя жилища пчелъ? Каково по численности бываетъ населеніе улья? Какъ раздѣляется населеніе улья? Какія изъ пчелъ вылетаютъ за сборомъ сока и пыльцы съ цвѣтовъ? Куда складываютъ пчелы пыльцу? Что такое улей? Для чего онъ служитъ? Гдѣ вырабатывается у пчелъ воскъ? Чѣмъ отличается царица отъ другихъ пчелъ? Что она дѣлаетъ? Въ чемъ состоитъ роеніе пчелъ? Что дѣлаютъ пчелы, если къ нимъ въ улей попадетъ другое животное? Какъ проводятъ пчелы зиму?



Пчелиные ульи.

Муравьи.

I.

Муравьи также относятся къ насѣкомымъ, которыя живутъ обществами. На поляхъ, въ лѣсахъ, у заборовъ въ деревнѣ безпрестанно попадаются маленькія горки, построенныя муравьями. Съ перваго взгляда и не догадаешься, что это правильная постройка. Но стоитъ только всмотрѣться, чтобы удивляться муравьямъ, точно такъ же, какъ и пчеламъ. При постройкѣ муравейника одна часть муравьевъ копаетъ подземное жилье, въ это время другая половина рабочихъ отправляется за лѣсомъ для плотничьей работы. А лѣсъ у нихъ вездѣ подъ руками: земля покрыта прошлогодними листьями, сухими сосновыми иглами, былинками высохшей травы. Все это собирается очень скоро и складывается сначала безъ большого

порядка, однакожъ, такъ, что выходитъ крыша надъ входомъ въ подземелье, изъ котораго другіе безпрестанно выносятъ землю, песчинки, крошечные камешки; всѣмъ этимъ обкладывается и укрѣпляется основаніе деревянной кровли. Со дня на день она увеличивается; но матеріалы не наваливаются одни на другіе безъ всякаго толку. Напротивъ, на первой кровлѣ муравьи ставятъ вторую такъ, чтобы между ними можно было проходить: тутъ тьма перегородокъ, поставленныхъ неправильно, лишь бы прочно было. Это мудреная работа, трудная и очень многосложная. Вся постройка вообще отличается прочностью, да и немудрено,—вѣдь въ муравейникѣ двадцать этажей держатся одинъ надъ другимъ надъ землей, да подъ ними находятся еще двадцать этажей, выкопанныхъ въ землѣ.

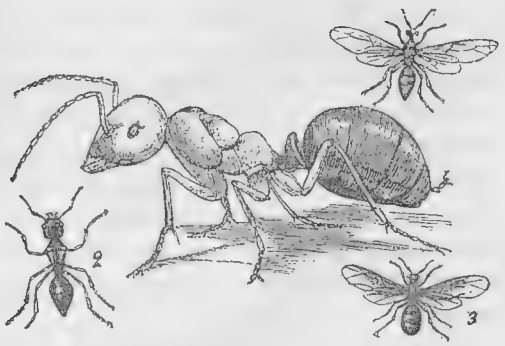
II.

При первомъ взглядѣ на муравейникъ, покажется, что тысячи муравьевъ ползаютъ, бѣгаютъ, суетятся, кишатъ на поверхности своего жилья бего всякаго толку: тотъ тащитъ сухую сосновую иглу, другой стебелекъ сухого листка; тамъ двое или трое волокутъ небольшой сучокъ. Терпѣливо слѣдя за работами муравьевъ, можно замѣтить, что видъ входныхъ отверстій муравейника измѣняется съ часу на часъ. Среди дня муравьи легко встрѣчаются въ этихъ входахъ и расходятся въ нихъ даже со своими ношами; къ ночи эти отверстія мало-по-малу уменьшаются, наконецъ, закрываются совершенно, послѣ чего и всѣ муравьи прячутся внутрь жилья. Внимательно вглядываясь, легко замѣтить, какъ они закрываютъ свои двери: сначала ставятъ столбы по бокамъ входа, и не просто прислоняютъ ихъ къ стѣнамъ, а втыкаютъ въ промежутки разныхъ соломинокъ и иголъ; потомъ задѣлываютъ разстояніе между столбомъ и стѣной матеріалами полегче; наконецъ все это прикрывается кусочками сухихъ листьевъ.

На другой день, пораньше, только что солнце соберется вставать, пойдемъ опять къ муравейнику посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Нѣсколько муравьевъ бродятъ по поверхности. Изъ-подъ маленькихъ навѣсовъ надъ дверьми вылѣзаетъ еще нѣсколько и—начинается работа. Они принимаются отворять двери, вытаскиваютъ столбы, убираютъ соломинки и кусочки листьевъ и складываютъ все это надъ дверью, для того, чтобы въ случаѣ нужды, можно было очень скоро снова задѣлать широко открытый входъ. Эта работа продолжается часа два-три, иногда четыре, а между тѣмъ другіе работники заняты другимъ дѣломъ. И всякій день, въ лѣтнюю пору, повторяется то же самое утромъ и вечеромъ, кромѣ дней дождливыхъ, когда во всѣхъ муравейникахъ всѣ двери заперты наглухо. Если съ утра небо покрыто облаками, муравьи дѣлаютъ только маленькія отверстія въ дверяхъ, и только что начнется дождь, сейчасъ ихъ задѣлываютъ.

III.

Весною, съ наступленіемъ тепла, самка начинаетъ класть маленькія бѣлыя яички, которыя постепенно увеличиваются и изъ которыхъ въ скоромъ времени выходитъ личинка-червячокъ. Личинка муравья нуждается въ нѣжномъ уходѣ; она не можетъ сама ни передвигаться ни брать пищу. Тогда рабочіе муравьи дѣлаются заботливыми кормилицами и нянъками: они укладываютъ личинки по разнымъ отдѣленіямъ муравейника; днемъ въ ясную погоду осторожно переносятъ ихъ, держа челюстями, въ верхнее помѣщеніе, гдѣ теплѣе; на ночь относятъ



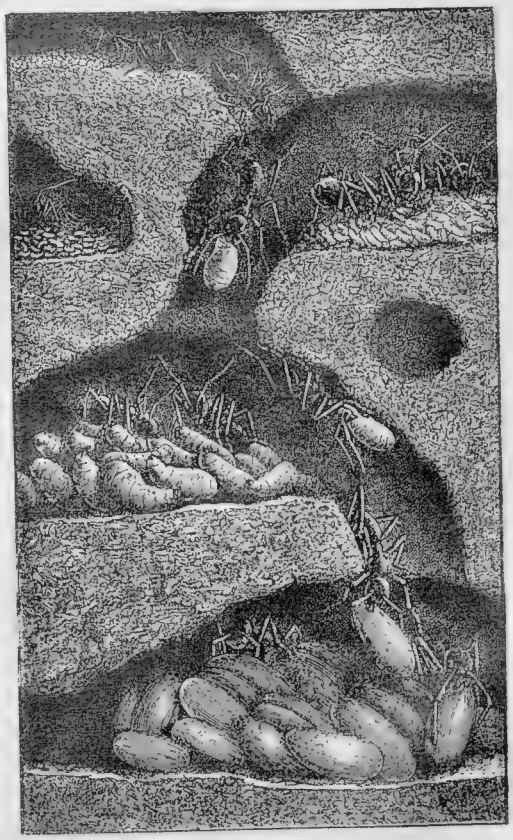
Муравьи. 1—самецъ, 2—рабочій, 3—самка. Посрединѣ муравей въ сильно увеличенномъ видѣ.

обратно внизъ. Нѣсколько разъ въ день муравьи кормятъ личинокъ, подобно тому, какъ птицы кормятъ своихъ птенцовъ. Когда личинка муравья достаточно подрастетъ, она окутывается шелковистыми нитями, выпускаемыми ею изо рта, и образуетъ коконъ овальной формы, бѣлаго цвѣта. Эти коконы, или куколки, извѣстны у насъ подъ названіемъ муравьиныхъ яицъ. Лежа въ шелковистой оболочкѣ, личинка муравья постепенно превращается изъ червячка въ маленькаго муравья. Рабочіе муравьи старательно переносятъ коконы днемъ наверхъ, а вечеромъ внизъ, чтобы доставлять имъ извѣстное количество тепла. Когда же солнце нагрѣваетъ слишкомъ сильно верхнее помѣщеніе муравейника, рабочіе спѣшатъ перенести личинки и коконы въ средніе этажи. Если лѣтомъ проломать крышу муравейника, то мы увидимъ, какъ сверху покатятся внизъ личинки и бѣлые коконы. Сейчасъ же въ муравейникѣ поднимается тревога; со всѣхъ сторонъ сбѣгаются рабочіе, подхватываютъ личинку или коконъ и поспѣшно сносятъ ихъ въ глубину гнѣзда. Какъ только личинки и куколки устроены въ безопасности, муравьи начинаютъ торопливо поправлять свое гнѣздо: собираютъ разбросанныя палочки, снова накладываютъ ихъ одна на другую въ извѣстномъ порядкѣ и въ какой-нибудь часъ исправляютъ свои поврежденія.

Когда наступаетъ время муравью выйти изъ кокона, рабочіе осторожно прогрызаютъ ткань кокона и освобождаютъ молодого муравья отъ его оболочки. Безъ помощи рабочихъ муравей долженъ былъ бы погибнуть, потому что у него нѣтъ достаточно силы, чтобы самому прогрызть ткань кокона. По выходѣ изъ кокона муравей очень слабъ и нуждается въ услугахъ рабочихъ муравьевъ: они приносятъ ему пищу, знакомятъ постепенно съ новымъ жилищемъ и пріучаютъ къ работѣ.

IV.

Питаются муравьи сокомъ растеній, истребляютъ нѣкоторыхъ вредныхъ гусеницъ, поѣдаютъ трупы болѣе круп-



Внутри муравейника.

ныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, мышей, ящерицъ. Иногда муравьи объѣдаютъ почки и молодые побѣги деревьевъ, чѣмъ сильно вредятъ растеніямъ. Особенно любятъ муравьи все сладкое. Муравьи очень смышлены: при встрѣчѣ они могутъ передавать одинъ другому нѣкоторыя сообщенія; повидимому, съ этою цѣлью они останавливаются и трогаютъ другъ друга усиками. Если одинъ изъ муравьевъ нашелъ много корма, онъ поспѣшно возвращается въ муравейникъ и приводитъ своихъ товарищей. Случится ли муравью найти раненаго товарища, онъ опять созываетъ другихъ, и сообща они осторожно переносятъ раненаго въ муравейникъ. Съ помощью крѣпкихъ челюстей муравей тащитъ иногда ношу, которая больше его самого; если эта ноша слишкомъ тяжела, онъ оставляетъ ее, бѣжитъ звать на помощь другихъ муравьевъ. Случается, что муравьи уходятъ очень далеко отъ своего муравейника и все же умѣютъ найти обратно дорогу. Жители одного и того же муравейника, какъ бы великъ онъ ни былъ, легко узнаютъ другъ друга, признаютъ товарища даже послѣ долгой разлуки; чужихъ же муравьевъ къ себѣ не пускаютъ. Если муравей случайно забѣжитъ въ чужой муравейникъ, то его убиваютъ. На своихъ враговъ, даже на человѣка, муравьи нападаютъ храбро, стараясь ранить челюстями и впуская въ ранку ѣдкую жидкость — муравьиную кислоту.

Если два муравейника расположены слишкомъ близко одинъ возлѣ другого и населеніе обоихъ часто встрѣчается въ поискахъ за пищей, то между муравьями возникаетъ война. Муравьи сражаются дружно и въ образцовомъ порядкѣ. Иногда населеніе одного муравейника идетъ войной на другой, въ которомъ живутъ муравьи другой породы, съ цѣлью захватить у непріятеля добычу. Если они побѣдятъ, то уносятъ съ собой запасы корма и куколки муравьевъ. Похищенныя куколки побѣдители бережно складываютъ въ своемъ муравейникѣ. Когда изъ нихъ выйдутъ муравьи, они навсегда остаются въ чужомъ муравейникѣ и обращаются въ рабовъ, исполняющихъ за муравьевъ-хозяевъ различнаго рода работы.

Вопросы. Какое сходство между муравьями и пчелами? Разскажите, какъ устроенъ муравейникъ? Что дѣлаютъ муравьи съ входами въ свое жилище къ ночи? Утромъ? Въ дождливую погоду? Въ какое время самка муравья кладетъ яички? Кто выходитъ изъ яичекъ? Кто ухаживаетъ за ними? Во что обращаются потомъ личинки муравья? Кто помогаетъ молодому муравью выйти изъ кокона? Въ чемъ состоитъ эта помощь? Чѣмъ питаются муравьи? Что можно сказать про смышленость муравьевъ? Разскажите про войну муравьевъ?

Задачи. Наблюдайте муравьевъ въ муравейникахъ, на стволахъ деревьевъ, по дорогамъ, возьмите часть ихъ домой, посадите къ нимъ тлей, мелкихъ и крупныхъ гусеницъ, дайте немного сыропу и т. п. и наблюдайте, что они будутъ дѣлать со всѣмъ этимъ? Что замѣтите вы относительно ихъ бѣганья (быстрота, преодолѣніе трудностей въ пути, остановки)?

Раскопайте въ муравейникѣ куколки (неправильно называемыя „муравьиными яйцами“), удалите ихъ немного въ сторону, если возможно, на солнечное мѣсто, и наблюдайте, что муравьи начнутъ съ ними дѣлать?

Шелковичная бабочка.

I.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и посовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмена эти темно-сѣрыя и такія маленькія, что въ моемъ зо-

лотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя, только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ.

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной пошелъ я въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовникѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были уже не темно-сѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтло-сѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они, видно, почувствовали въ своихъ скорлупахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно было ихъ разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто такъ, какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червячковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги всѣ червячки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползли по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и онѣ перелѣзали на новый кормъ.

II.

Они лежали у меня на полкѣ, и, когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ, что они слѣпы. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, выпуститъ изо рта паутину, и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, подумаетъ, и если хочетъ спуститься—спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлыя сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ, и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго. На пятый день я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на пятый день, точно, одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что вырастаютъ, и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ:

— Раздѣваться началъ, идите!

Я пришелъ и увидалъ, что, точно, этотъ червякъ прицѣпился старою шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову и тужится, извивается, какъ бы выбраться хочетъ, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ — для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я, вѣрно, повредилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ же я не трогалъ, а они всѣ такъ же выбирались изъ своихъ рубашекъ; и только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти, хотя и долго мучились, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они были уже ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На девятый день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ... Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать.

III.

Старшіе взлѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ.

Шелковичные бабочки и черви на вѣткѣ тутоваго дерева. Нижній червь выпускаетъ шелковичную нить и начинаетъ заматываться. Выше его уже готовый коконъ; а внизу — куколка, вынутая изъ кокона.

Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину такъ, что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было, а на другое утро уже его и совсѣмъ не видно было за паутиной: онъ весь обмотался шелкомъ, и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины за эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть, сколько разъ надо мотнуть червячку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300.000 разъ. Значитъ, онъ, не переставая, дѣлаетъ каждую секунду по обороту. Зато уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

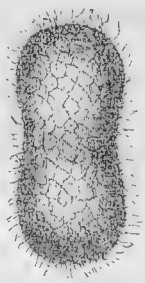
Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми восковыми мертвецами внутри должны выйти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все-таки я на двадцатый день сталъ смотрѣть, что будетъ съ тѣми, которыхъ я оставилъ.

На двадцатый день я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ — что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ: на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже — не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но подумалъ—не такъ ли начинается, и сталъ смотрѣть, что будетъ. И точно: изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на головку съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ — другая, и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ, задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя; 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5000 яичекъ.

IV.

Изъ коконовъ шелковичнаго червя добываютъ шелкъ. Коконы имѣютъ яйцевидную форму, иногда съ перехватомъ посрединѣ. Цвѣтъ коконовъ различный: бѣлый, палевый, желтый и зеленоватый. Разматываютъ шелкъ съ коконовъ такимъ образомъ: прежде всего коконы кладутъ въ горячую воду, чтобы растворить клейкое вещество, склеивающее нить. Потомъ отыскиваютъ концы нитей. Для этого метелочкой изъ прутьевъ водятъ по плавающимъ въ горячей водѣ кононамъ, пока не зацѣпятъ концы такихъ нитей, которыя легко разматываются. Изъ шелковистыхъ нитей получается шелкъ, изъ него приготовляютъ шелковыя матеріи.



Шелковичный коконъ, очищенный для размотки.

Вопросы. Чѣмъ питается шелковичный червякъ? Полное или неполное превращеніе у шелковичной бабочки? Разскажите послѣдовательно, какъ превращается шелковичный червякъ. На что идутъ нити шелковичныхъ червей?

Комнатная муха.

Много есть различныхъ мухъ,—ихъ насчитываютъ болѣе 1000 видовъ: но, безспорно, чаще другихъ встрѣчается знакомая всѣмъ, докучливая комнатная муха.

Въ теплое время года, въ ясные солнечные дни муха находится въ постоянномъ движеніи, перелетая съ мѣста на мѣсто на своихъ прозрачныхъ крыльяхъ. Способность мухи ходить по гладкому оконному стеклу, свободно держаться на потолкѣ, зависитъ отъ устройства ея лапокъ. Каждая лапка оканчивается двумя жесткими согнутыми коготками, между которыми находятся двѣ маленькихъ подушечки, снабженныя волосками, выдѣляющими клейкую жидкость; эти подушечки и волоски позволяютъ мухѣ ползать по самымъ гладкимъ поверхностямъ.

Ножки мухи покрыты щетинками и служатъ ей, какъ щетка, для сметанія пыли съ волосистаго тѣла. Летая обыкновенно по пыльнымъ мѣстамъ, муха нуждается въ такомъ устройствѣ ножекъ; она часто пускаетъ ихъ въ дѣло, очищая свои глаза, ротъ, крылышки и самыя ножки. Большую часть головы мухи занимаютъ два большіе сложные глаза, между которыми помѣщаются три маленькихъ. Ротъ у мухи устроенъ такъ, чтобы сосать жидкую пищу, твердой пищи она принимать не можетъ. Однако можно часто видѣть, какъ мухи садятся на мясо, хлѣбъ и особенно на сахаръ. Въ этомъ случаѣ муха сначала смачиваетъ эти вещества своею слюною и затѣмъ уже всасываетъ ихъ въ растворенномъ жидкомъ видѣ.

Обладая хоботкомъ, приспособленнымъ для сосанія, комнатныя мухи не могутъ насъ кусать, въ чемъ напрасно ихъ обвиняютъ. Прокалываютъ нашу кожу и высасываютъ кровь другія мухи — *жигалки*. По наружному виду мухи-жигалки очень похожи на обыкновенную муху.

Вопросы. Какъ устроены лапки комнатной мухи? Какъ устроены у нея глаза? ротъ? Можетъ ли кусать обыкновенная комнатная муха? Что дѣлаетъ муха съ твердой пищей?

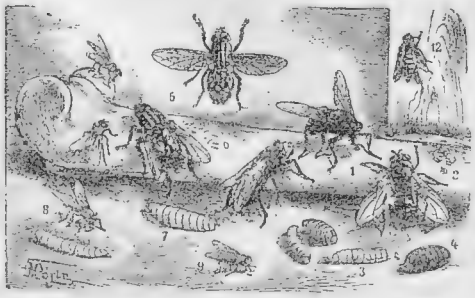
Какъ размножаются мухи.

I.

Солнце въ апрѣлѣ начало уже пригрѣвать и садъ и дворъ; появилась на свѣтъ пара комнатныхъ мухъ—самецъ и самка.

Мухи, какъ и большая часть животныхъ, бываютъ самцы и самки. Самка кладетъ яица, а самецъ нѣтъ,—какъ и у куръ. Муху-самку легко отличить отъ самца по болѣе широкому лбу, нужно только повнимательнѣе смотрѣть.

Обѣ мухи прилетѣли въ домъ со двора, изъ грязнаго угла, и держали себя въ домѣ чрезвычайно нахально. Подадутъ ли обѣдъ,—мухи суются къ кушанью, не ожидая хозяевъ. Онѣ расхаживаютъ по столу и по всему, что на немъ лежитъ.



Муха съ личинками.

Лапка мухи.

Голова мухи.

Черезъ нѣсколько дней, несмотря на всѣ приманки въ комнатахъ, муха-самка вылетѣла на дворъ и положила въ коровникѣ, въ тепломъ навозѣ, штукъ 80 яичекъ. Черезъ 24 часа изъ нихъ вылупились маленькія личинки: онѣ имѣли видъ бѣлыхъ червяковъ, и только что выползли изъ яицъ, какъ тотчасъ же принялись ѣсть. Въ 14 дней онѣ выросли, пополнѣли и стали величиной почти съ ноготь мезинца. Послѣ этого онѣ перестали ѣсть и улеглись неподвижно.

Ихъ кожа побурѣла и окрѣпла, а тѣло приняло видъ боченка. Такъ пролежали личинки еще 14 дней, послѣ чего бурая кожица лопнула съ одного конца, и изъ каждаго боченка выползала муха, ростомъ съ другихъ комнатныхъ мухъ. Мухи, выползши изъ своихъ боченковъ, уже не растутъ. Если вы увидите въ комнатѣ, рядомъ съ обыкновенными мухами, другихъ, поменьше, то не подумайте, что это молодыя мухи; нѣтъ, эти мухи совсѣмъ иныя. Отъ одной пары мухъ, по прошествіи мѣсяца, произошло 40 новыхъ паръ; всѣ онѣ были братья и сестры, хотя никогда не знавали своихъ родителей и не подозрѣвали о своемъ родствѣ.

II.

Новыя самки зажили точно такъ же, какъ жила ихъ мать. Каждая изъ 40 самокъ положила около 80 яицъ; нѣкоторыя только 60, но зато другія до 100. Изъ яичекъ вышли въ іюнѣ мѣсяцѣ 40 разъ по 80 мухъ, то-есть 3.200.

Половину изъ нихъ, слѣдовательно, 1.600, составляли самки. Каждая новая самка положила также по 80 яицъ. Въ іюлѣ развилось изъ нихъ опять 80 разъ по 1.600 мухъ, т.-е. 128.000. Изъ 64.000 паръ произошли 80 разъ по 64.000 новыхъ мухъ, что составляетъ уже 5.120.000. Если въ сентябрѣ довольно тепло и сухо, то августовскія мухи могутъ положить еще разъ яицъ, и тогда образуется рой въ 80 разъ по 2.590.000 мухъ, т.-е. въ двѣсти четыре милліона восемьсотъ штукъ. Такого множества этихъ животныхъ болѣе чѣмъ достаточно для наполненія комнаты такъ густо, что въ ней почти не останется мѣста для воздуха.

Изъ нихъ составилась бы куча съ большой домъ, длиной болѣе 100 футовъ (50 шаговъ) и такой же ширины и вышины. И потому нечего удивляться, что иногда лѣтомъ, несмотря на хлопушку, мыльную воду и другія мухоистребляющія средства, этихъ насѣкомыхъ бываетъ чрезвычайно много, особенно тамъ, гдѣ находится поблизости навозъ: потому что мухи кладутъ яички въ навозъ; только въ немъ могутъ жить и развиваться личинки комнатныхъ мухъ.

III.

Мы бы вовсе не могли спастись отъ мухъ, если бъ въ дѣйствительности было именно такъ, какъ только что сказали. Къ нашему счастію, множество разныхъ животныхъ ловятъ и истребляютъ мухъ въ несмѣтномъ количествѣ. Иныя насѣкомыя уничтожаютъ мухъ еще въ видѣ яицъ и беззащитныхъ личинокъ. Куры и пѣвчія птицы поѣдаютъ личинокъ и куколокъ и самихъ мухъ. Насѣкомое наѣздникъ кладетъ свои яица даже въ живыя личинки мухъ, чтобы доставить своимъ дѣтенышамъ живую пищу. Такимъ образомъ много-много, если десятая часть мушиныхъ яицъ успѣетъ развиться. Несмотря на это, мухъ все-таки очень много. Въ концѣ лѣта на мухъ нападаетъ еще одно растеньице, кропечный плѣсень, который разрастается въ ихъ тѣлѣ и убиваетъ животное. Наконецъ одна холодная осенняя ночь

убиваетъ мухъ цѣлыми милліонами. Тѣло ихъ служитъ пищей жукамъ, червячкамъ и другимъ маленькимъ животнымъ, и только немногія мухи доживаютъ до слѣдующей весны гдѣ-нибудь въ щелкѣ, защищенныя отъ смертельнаго для нихъ зимняго холода.

Вопросы. Гдѣ кладутъ мухи свои яички? Разскажите про превращеніе мухъ. Кто является врагами мухъ?

Вопросы къ отдѣлу о насѣкомыхъ. Перечислите насѣкомыхъ, о которыхъ мы читали въ книжкѣ. Какихъ еще насѣкомыхъ знаете вы? Назовите насѣкомыхъ, которыя вредятъ огородамъ, садамъ, полямъ, лѣсамъ. Назовите полезныхъ насѣкомыхъ? Назовите насѣкомыхъ, живущихъ обществами. Кто изъ животныхъ является главнымъ истребителемъ насѣкомыхъ?

Пауки.

Паукъ-крестовикъ.

I.

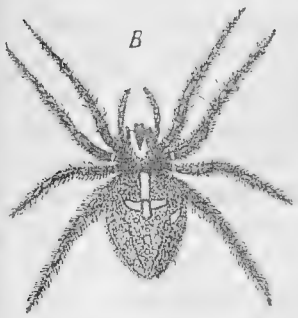
Ранней весной въ щеляхъ стараго садоваго забора или на вѣтвяхъ кустарника вы найдете коконы изъ желтыхъ шелковистыхъ нитей. Внутри кокона лежатъ крошечныя яички и каждое изъ нихъ покоится въ отдѣльной шелковистой оболочкѣ. Это яички садоваго паука, или паука крестовика, положенныя паучихой еще осенью прошлаго года и перезимовавшія въ своей теплой колыбелькѣ.

Пригрѣло весеннее солнышко, и изъ яичекъ вышли крошечные паучки, одѣтые въ зеленое платьице. Едва только они освободились отъ своей шелковистой оболочки, какъ тотчасъ же спустились по тоненькой паутинкѣ и собрались всѣ въ одну кучку на листѣ кустарника. Собравшись въ клубочекъ, паучки выткали вокругъ себя одну общую покрышку изъ тонкаго шелка, гдѣ и залегли на довольно продолжительное время, перепутавшись между собой самымъ невѣроятнымъ образомъ. Попробуйте, однако, прикоснуться къ нимъ соломинкой, и вы увидите, какъ вся эта сплотившаяся въ одну кучу семья мгновенно придетъ въ страшное волненіе. Вся масса ихъ развернется сразу и сотъ шесть или восемь маленькихъ паучковъ разсыплются во всѣ стороны, кто куда попало. Паучки разбѣжались, и каждый изъ нихъ началъ свою самостоятельную жизнь.

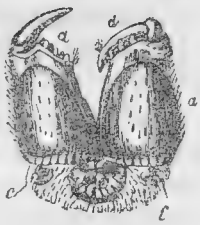
II.

Паучокъ голоденъ. Но онъ умѣетъ устраивать искусную ловушку для добычи. Матеріалъ для постройки онъ носитъ всегда съ собой и потому всегда готовъ приступить къ работѣ по устройству своихъ хитрыхъ тенетъ.

Посмотрите внимательно на паука, и вы увидите, что тѣло его распадается не на три отдѣла, какъ это замѣчается у насѣкомыхъ, а только на два: передній и задній. Голова и грудь паука слились въ одну плотную коробку — *головогрудь*, грудной отдѣлъ которой несетъ четыре пары длинныхъ, одѣтыхъ волосками, членистыхъ ножекъ. При помощи лупы, на переднемъ концѣ головогруди можно замѣтить ротовые органы, а наверху, на самомъ лбу видны восемь глазъ, выступающихъ на поверхности головы въ видѣ крошечныхъ чечевичекъ. Непосредственно подъ краемъ лба прикрѣпляются двѣ верхнія челюсти — сильное оружіе нападенія, острыми кривыми концами котораго паукъ впивается въ свою жертву. На этихъ острыхъ концахъ находятся отверстія, изъ которыхъ изливается въ ранку жертвы капелька ядовитой жидкости. Нижнія челюсти имѣютъ большія щу-



Паукъ крестовикъ.



Голова паука: *a* — челюсти съ зубцами, *c* — глаза.

пальца и достаточно сильны для прокусыванія добычи. При помощи всѣхъ названныхъ частей паукъ умерщвляетъ, раздавливаетъ и высасываетъ добычу.

III.

Паукъ, приготовляющій паутину, представляетъ весьма занимательное зрѣлище. Паутинная нить выходитъ изъ задняго конца тѣла животнаго. Здѣсь на нижней поверхности брюшка, ближе къ концу его, мы находимъ три пары такъ называемыхъ *паутинныхъ бородавокъ*; на поверхности ихъ сидятъ многочисленныя тонкія прядильныя трубочки, числомъ до шестисотъ, выдѣляющія жидкое вещество, быстро затвердѣвающее на воздухѣ въ тончайшую паутинку. Такъ какъ эти нити отдѣльныхъ трубочекъ очень тонки, то паукъ свиваетъ ихъ по нѣскольку въ одну болѣе толстую паутинку и уже изъ этихъ паутинокъ устраиваетъ паутинную сѣть, съ помощію которой онъ ловитъ добычу. Чтобы вполнѣ понять искусство паука, надо разсмотрѣть въ лупу конецъ одной изъ его заднихъ лапокъ, потому что съ помощью этой пары ногъ онъ ведетъ нить, укрѣпляетъ и обрываетъ ее, гдѣ надо, и все это выполняетъ съ полнѣйшей правильностію, хотя и безъ помощи зрѣнія. Задняя нога оканчивается гребневидными подвижными коготками, которые служатъ такими чувствительными органами хватанія, что ихъ можно бы даже сравнить съ концами нашихъ пальцевъ.

Приступая къ работѣ своихъ тенетъ, паукъ прежде всего выбираетъ мѣсто, откуда начать и, прижимаясь къ нему своими прядильными бугорками, оставляетъ тамъ маленькій комочекъ клейкаго шелковистаго вещества. Потомъ, оставаясь спокойнымъ, онъ выпускаетъ изъ бородавокъ тонкую нить, которая, развѣваясь въ воздухѣ, зацѣпляется за какую-либо вѣтку кустарника. Паукъ немедленно чувствуетъ это и, прикрѣпивъ конецъ нити, выходящій изъ его тѣла, къ клейкому комочку, бѣжитъ по натянувшейся нити, прибавляя къ ней паутиноваго вещества. По этой крѣпкой нити онъ можетъ бѣгать, какъ по канату, выпуская новыя развѣвающіяся нити или самъ разнося ихъ съ мѣста на мѣсто. Такимъ путемъ образуется паутина.

Въ центрѣ паутины паукъ виситъ головою внизъ, выжидая добычу. Часто онъ прячется поблизости своихъ тенетъ, гдѣ-нибудь подъ листомъ растенія, протягивая къ себѣ отъ центра тенетъ тончайшую паутинку. Когда какое-нибудь насѣкомое попадается въ паутину и, приставъ къ клейкимъ нитямъ, начинаетъ биться, паукъ по колебанію проведенной къ нему нити сейчасъ же узнаетъ о добычѣ и спѣшитъ къ ней, обматываетъ ее новыми нитями, а затѣмъ убиваетъ ядовитыми крючками своихъ верхнихъ челюстей, прокусываетъ нижними челюстями и высасываетъ.

Самцы у пауковъ значительно меньше самокъ и рѣдко ткутъ паутину.

Лапка паука.

Самка крестовика осенью откладываетъ свои яички и, для защиты отъ сырости, холода и враговъ, окружаетъ ихъ какъ бы кокономъ изъ паутины.

Свое названіе „крестовика“ садовый паукъ получилъ за бѣлыя пятнышки на верхней сторонѣ брюшка, расположеніе которыхъ напоминаетъ фигуру креста.

Вопросы. Откуда появляются молодые паучки? Полное или неполное превращеніе у паука? Какая особенность въ устройствѣ головы и груди у паука? Гдѣ вырабатывается у паука паутина? Какъ онъ строитъ свои тенета? Сколько глазъ у паука? Чѣмъ питается паукъ? Пользу или вредъ приноситъ паукъ?

Задачи. Бросьте небольшую пробку въ паутинную сѣть крестовика и наблюдайте, что будетъ дѣлать послѣ того паукъ. Наблюдайте, что дѣлаетъ паукъ, когда въ паутину попадетъ муха, пчела, оса, что дѣлаетъ при этомъ пойманное животное и паукъ. Нарисуйте паутину.

Черви.

Пахарь-червякъ.

I.

Есть на свѣтѣ животныя, которыя разворачиваютъ и разрыхляютъ землю, а также и удобряютъ ее. Что дѣлаетъ человѣкъ сохой и бороной, то эти животныя дѣлаютъ своимъ тѣломъ. Какія же это животныя?

Животныя эти всѣмъ извѣстны: пашутъ и удобряютъ землю дождевые черви.

Дождевые черви водятся по всей землѣ, кромѣ странъ сырыхъ, холодныхъ и самыхъ сухихъ. Черви эти любятъ сырыя и теплыя мѣста, а холодовъ боятся. Днемъ они живутъ подъ землей, а наружу выползаютъ лишь ночью, и то въ сырую погоду. Ѣдятъ они что придется: ѣдятъ и зерна, и личинокъ разныхъ насѣкомыхъ, и мясо. Главнымъ же образомъ они питаются листьями—и сухими, и свѣжими, и перегнившими. Такихъ листьевъ дождевые черви пожираютъ очень много. Еще пожираютъ дождевые черви много земли. Они могутъ питаться одной землей, если не найдутъ ничего посытнѣй. Они бываютъ сыты землею, потому что въ землѣ всегда почти есть сколько-нибудь перегноя; перегной перемѣшанъ съ пескомъ и глиной; этимъ перегноемъ черви и бываютъ сыты, когда глотаютъ землю, а песокъ, глину и остатки перегноя выбрасываютъ изъ кишки наружу. У него нѣтъ ни глазъ ни ушей; все тѣло мягкое; зубовъ и костей тоже нѣтъ. И при такомъ простомъ устройствѣ дождевые черви пашутъ и удобряютъ землю. И вотъ какимъ образомъ они работаютъ.

II.

Роютъ они свои норки глубоко въ землѣ. Иныя норки тянутся въ глубину на сажень или немного меньше. На самой глубинѣ норки червякъ устраиваетъ себѣ маленькую каморку. Случается, что въ такихъ каморкахъ помѣщается не одинъ, а нѣсколько червяковъ.

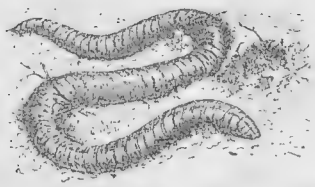
Дождевой червякъ умѣетъ устраивать себѣ жилье и въ мягкой и въ твердой почвѣ. Если почва мягкая, онъ сверлитъ въ ней норку острымъ концомъ своего тѣла. При этомъ онъ быстро ворочаетъ тѣло наподобіе сверла. Такимъ способомъ червяки очень быстро зарываются въ песокъ. Если же почва, гдѣ приходится рыть, твердая, то дождевой червякъ роетъ себѣ норку другимъ способомъ: онъ дѣйствуетъ ртомъ. Кусокъ за кусочкомъ отламываетъ онъ землю и глотаетъ ее. Сколько отломаетъ, столько и проглотитъ. Такъ онъ и уходитъ въ почву все глубже и глубже: онъ выгрызаетъ себѣ ходъ въ землѣ. Кишку свою онъ сплошь набиваетъ землею. Земля постепенно протискивается по

всей кишкѣ, а затѣмъ тутъ же выбрасывается съ другого конца кишки. Такимъ способомъ черви могутъ рыть свои норки въ очень твердой землѣ и проникаютъ въ землю глубоко. Черезъ ихъ кишку проходитъ очень много земли. Въ кишкѣ земля перетирается, дробится, размельчается и смѣшивается съ сокомъ кишекъ. Наружу она выходитъ рыхлой и плодородной.

III.

Кромѣ червя-пахаря существуютъ еще и другіе черви. Изъ нихъ болѣе знакома намъ піявка. Піявокъ въ старину часто употребляли для отсасыванія крови у больныхъ. Теперь врачи дознались, что кровь человѣческая очень драгоцѣнна и ее слѣдуетъ беречь, и піявокъ почти не употребляютъ.

Отмѣтимъ еще червей, живущихъ въ тѣлѣ другихъ животныхъ и нерѣдко въ тѣлѣ человѣка. Таковъ *солитеръ* и другія *глисты*, называемыя *ленточными*. Они также членисты и по виду имѣютъ нѣкоторое сходство съ кольчатыми червями, но внутренніе органы ихъ устроены совсѣмъ иначе. У кольчатыхъ есть ротъ, кишечникъ, а у солитера и ему подобныхъ, ленточныхъ, нѣтъ ни рта ни кишечника. Они всасываютъ пищу всей поверхностью своего тѣла.



Дождевой червь.

Кромѣ того, у дѣтей, рѣже взрослыхъ, встрѣчаются круглыя глисты, въ родѣ струны, ихъ и называютъ *дѣтскими*, или *аскаридами*. Онѣ не глисты, имѣютъ ротъ и кишечникъ.

Вопросы. Перечислите, какихъ вы знаете червей. Чѣмъ отличается устройство тѣла ленточныхъ червей отъ круглыхъ?

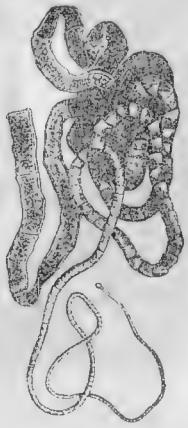
Задача. Замѣтьте, какіе слѣды оставляетъ дождевой червь на садовыхъ дорожкахъ.

Микроскопъ.

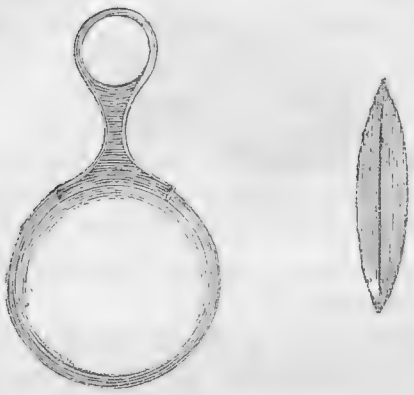
На свѣтѣ очень много такихъ мелкихъ животныхъ, что глазъ человѣка едва различаетъ ихъ, а есть даже и такія, которыхъ человѣческій глазъ и совсѣмъ видѣть не можетъ—такъ они мелки. Про жизнь этихъ животныхъ люди долго ничего не знали. Только

Піявка.

Круглая дѣтская глиста аскарида.



Ленточная глиста — солитеръ.



Лупы.

тогда, когда человѣкъ научился разсматривать самые мелкіе предметы, онъ узналъ, какія есть на свѣтѣ крошечныя животныя и какъ они живутъ.

Глазъ человѣка видитъ далеко не всѣ предметы, которые существуютъ въ природѣ. Предметовъ очень мелкихъ человѣкъ видѣть не можетъ. Мы хорошо видимъ муху, но разсмотрѣть, какъ устроены у нея глаза, мы не можемъ, потому что они для насъ очень мелки. Мы видимъ блоху, но устройство ея головы и лапокъ мы не видимъ: для насъ они также очень мелки. Мы видимъ каплю крови, но

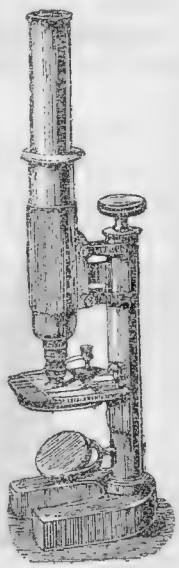
Микроскопъ. Стеклышко, на которое кладется разсматриваемый предметъ. Другое такое же стеклышко лежитъ на столѣ.

изъ чего она состоитъ,—простымъ глазомъ не разсмотришь.

Ученые, однако, придумали, какъ разсмотрѣть мельчайшіе предметы. Если взять чистое круглое стекло, у котораго средина толще, чѣмъ края (такое стекло называется увеличительнымъ, или лупой), и посмотрѣть чрезъ него на какой-нибудь предметъ, то этотъ предметъ будетъ казаться больше, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Обыкновенно лупа увеличиваетъ предметы разъ въ десять, въ двадцать. Въ нее удобно разсматривать предметы, которые мы видимъ плохо, напримѣръ, внутренность цвѣтка, цѣлую муху или мошку, мелкія буквы и рисунки въ книгѣ, кожу на нашемъ пальцѣ и т. п. Простымъ глазомъ эти предметы мы хотя и видимъ, но хорошо, отчетливо разсмотрѣть ихъ часто не можемъ. Чрезъ лупу же многія части будутъ видны хорошо.

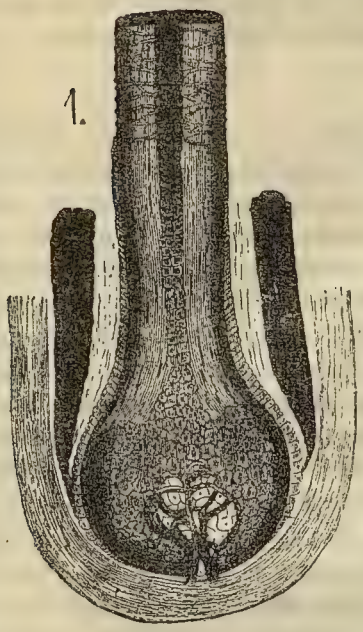
Для того, чтобы разсмотрѣть предметы, которыхъ простымъ глазомъ мы совсѣмъ не видимъ, употребляютъ не одно, а нѣсколько увеличительныхъ стеколъ, вставленныхъ въ металлическую трубку. Такая трубка со стеклами называется *микроскопомъ*.

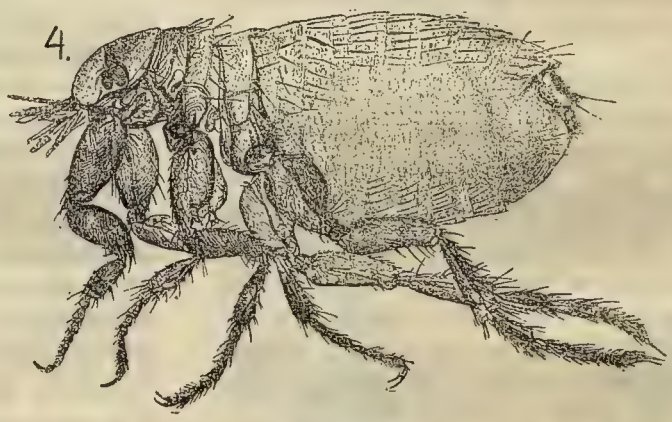
Микроскопъ увеличиваетъ предметы уже не въ десять или двадцать разъ, а въ нѣсколько сотъ разъ. Въ микроскопъ можно видѣть такіе предметы, которыхъ простымъ глазомъ совсѣмъ не видно. Напримѣръ, въ микроскопъ можно видѣть шарики, изъ которыхъ состоитъ наша кровь, а вѣдь эти шарики такъ мелки, что въ одной каплѣ ихъ нѣсколько сотъ тысячъ штукъ.

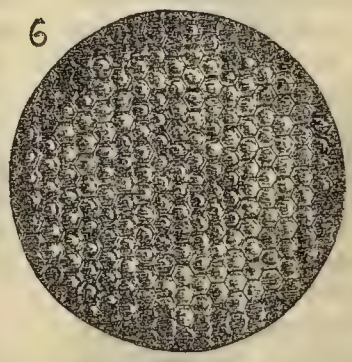


Мпкроскопъ.

Подъ микроскопомъ.







1—корень волоса; 2—муха; 3—лапка мухи; 4—блоха; 5—кровяные шарики; 6—глазъ мухи.

На стр. 219 помѣщено нѣсколько рисунковъ, которые показываютъ, какъ увеличиваетъ даже не особенно сильный микроскопъ.

На рисункѣ № 1 показанъ корень человѣческаго волоса, какъ онъ виденъ въ микроскопъ; на рисункѣ № 2 изображена муха подъ микроскопомъ, на рисункѣ № 3 — лапка мухи, на рисункѣ № 4—блоха, на рисункѣ № 5—кровяные шарики, на рисункѣ № 6—глазъ мухи.

Безъ микроскопа мы не могли бы видѣть мельчайшихъ животныхъ, а безъ этого нельзя было бы узнать, какъ они живутъ.

Ученые, которые изобрѣли микроскопъ, оказали тѣмъ самымъ громадную услугу человѣчеству.

Корненожка.

I.

Зачерпнемъ банкой со дна озера ила съ водой и захватимъ въ ту же банку немного зеленой тины. Поставимъ нашу банку на окно и подождемъ, пока успокоится вода и осядетъ на дно банки вся муть. Теперь всмотритесь внимательно въ воду. Вы увидите, что вода не совершенно чиста. Вмѣстѣ съ водой и иломъ вы зачерпнули множество маленькихъ тварей, которыя плаваютъ теперь въ вашей банкѣ. Однѣ изъ нихъ такъ мелки, что кажутся вамъ едва замѣтными бѣлыми точками, но по движенію ихъ то въ ту, то въ другую сторону вы отличаете ихъ отъ мельчайшихъ соринокъ. Это не соръ, а живыя существа. Они плаваютъ, отыскиваютъ другихъ еще болѣе мелкихъ животныхъ или растенія, которыя служатъ имъ пищей. Они чувствуютъ тепло и свѣтъ, растутъ, размножаются и умираютъ. Тѣхъ, которыя крупнѣе, вы сразу замѣтите, какъ только посмотрите въ воду; но все же они не настолько велики, чтобы ихъ можно было хорошо разсмотрѣть простымъ глазомъ.

II.

Возьмемъ со дна банки капельку воды съ соромъ. Если помѣстить капельку такой воды съ соромъ подъ микроскопъ и заглянуть въ его трубку, то вашимъ глазамъ представится удивительная картина. Мельчайшія песчинки покажутся вамъ довольно крупными, полупрозрачными, бѣлыми и бурыми камешками, мелкія соринки, кусочки травы—настоящими щепками, невзрачная тина — очень красивыми зелеными нитями, переплетающимися другъ съ другомъ. А между всѣмъ этимъ соромъ и нитями тины вы увидите, какъ плаваютъ, вертятся и ползаютъ какія-то странныя существа. Они совсѣмъ не похожи на животныхъ, васъ окружающихъ, на такихъ, къ которымъ привыкъ вашъ глазъ.

Вотъ, напримѣръ, маленькій комочекъ полупрозрачныхъ песчинокъ, такихъ крошечныхъ, что даже въ микроскопъ онѣ кажутся мелкими. Но этотъ комочекъ не остается неподвижнымъ. Понаблюдайте за нимъ нѣкоторое время, и вы замѣтите, что онъ медленно передвигается то въ ту, то въ другую сторону. Его что-то двигаетъ. Вы не замѣчаете причины его движенія, потому что она находится внутри комочка песчинокъ. Внутри его заключено одно изъ удивительныхъ животныхъ, которое называютъ „корненожкою“. Вы сейчасъ узнаете, почему его такъ называютъ. Комочекъ песчинокъ есть только раковинка корненожки; сама корненожка живетъ внутри этой раковинки.

III.

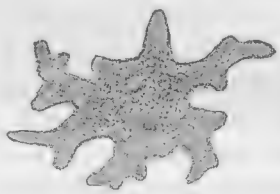
Какъ стѣны вашей комнаты сложены изъ кирпичей, такъ стѣнки раковинки „корненожки“ сложены изъ песчинокъ.

Животное само для себя построило домикъ-комнатку, въ которой оно проводитъ всю свою жизнь. Оно слѣпило какъ будто клеемъ одну песчинку съ другою и притомъ не кое-какъ, не въ безпорядкѣ, а такъ аккуратно, какъ камни въ хорошей мостовой. Сквозь полупрозрачныя стѣнки раковинки просвѣчиваетъ зеленоватое тѣло животнаго. На одномъ концѣ ея есть небольшое окошечко или просто отверстіе, сквозь которое животное можетъ выдвигать свои ноги и руки и при помощи ихъ медленно переползать съ мѣста на мѣсто и схватывать свою пищу.

Не думайте, однако, что эти ноги и руки похожи на ноги или лапы какихъ-нибудь изъ извѣстныхъ вамъ животныхъ. Въ сущности говоря, у маленькаго существа нѣтъ ни ногъ ни рукъ, точно такъ же, какъ нѣтъ ни головы, ни рта, ни сердца, ни желудка, ни вообще какихъ-нибудь внутренностей. Все оно ни больше ни меньше, какъ крошечный комочекъ или капелька слизи, капелька полужидкаго, тягучаго и клейкаго вещества, въ родѣ яичнаго бѣлка, — вотъ и все. Но эта капелька, находящаяся внутри раковинки, не мертвая: она живетъ, можетъ измѣнять свою форму, двигаться, принимать и переваривать пищу. Она сама построила для себя раковинку или свой домикъ, сама отыскивала на днѣ озера песчинки, подбирала ихъ и склеивала одну съ другою. Какъ же живетъ эта капелька, какъ она питается и какъ строитъ свою раковинку?

IV.

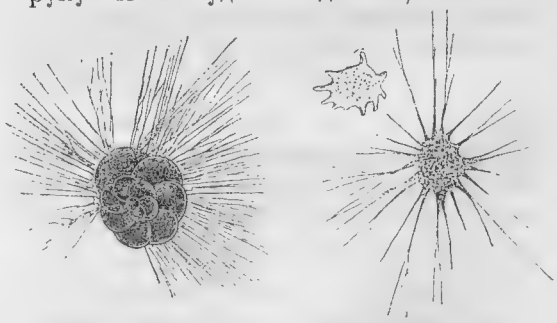
Представьте себѣ, что вы стряхнули съ пера на листъ бумаги каплю чернилъ, посадили, какъ говорится, „кляксу“. Если чернильная капля достаточно велика и если вы сбросили ее съ нѣкоторою силою, то отъ удара о бумагу она растечется мелкими брызгами во всѣ стороны. Вы получите на бумагѣ неправильное круглое пятно, а во всѣ стороны изъ него расползутся короткіе выступы. Такіе же точно выступы по желанію корненожки вытя-



Корненожка.

гиваются и изъ ея тѣла. Они высовываются изъ окошечка раковинки, развѣтвляются, какъ корни какого-нибудь растенія, и замѣняютъ ей ноги и руки. Захочетъ она, — и снова втянетъ ихъ въ себя, спрячетъ въ раковинку, а на мѣстѣ ихъ выпуститъ новые выступы. Вотъ почему получилось названіе „корненожка“: ноги ея похожи на корни. Но эти выступы такъ же жидки, какъ и само тѣло животнаго.

Попадется ей подъ такую ногу или руку что-нибудь съѣдобное, сейчасъ



Корненожки въ сильно увеличенномъ видѣ, какъ онѣ представляются при разсматриваніи въ микроскопъ. Слѣва — корненожка съ раковинкой; справа — двѣ корненожки безъ раковинокъ.

же рука прилипаетъ къ предмету, облипаетъ его со всѣхъ сторонъ, и черезъ двѣ-три минуты мелкая крупинка пищи оказывается уже внутри полужидкой ноги. Корненожка „проглотила“ ее. Теперь эта крупинка мало-по-

малу переходитъ изъ ножки внутрь самаго тѣла животнаго и тамъ переваривается. Она растворяется, измѣняется, превращается въ такое же слизистое вещество, изъ котораго состоитъ тѣло корненожки, и исчезаетъ изъ глазъ.

V.

Если вмѣсто крупинки пищи подъ руку корненожки попадается песчинка, то и она такимъ же образомъ переходитъ внутрь тѣла животнаго, но ее корненожка только проглатываетъ,— переварить твердый камешекъ она не можетъ. Черезъ двѣ-три минуты она снова выталкиваетъ его изъ своего тѣла. Изъ такихъ-то проглоченныхъ песчинокъ, выступающихъ снова на поверхность животнаго, строится его раковинка. Липкое вещество, выдѣляющееся на тѣлѣ животнаго, смачиваетъ песчинки и склеиваетъ ихъ другъ съ другомъ, какъ известь склеиваетъ кирпичи каменныхъ стѣнъ въ нашихъ домахъ.

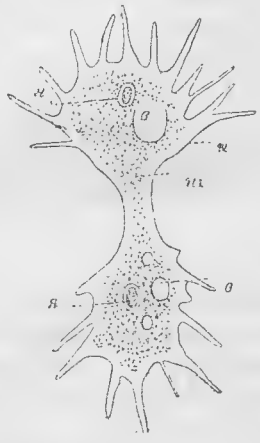
Вы видите, какъ просто устроено это животное, какъ оно обходится безъ рта, безъ рукъ и безъ ногъ. Любое мѣсто на поверхности его тѣла можетъ послужить ему ртомъ, любой выступъ—рукою. Но какъ же оно двигается? Это дѣлается при помощи тѣхъ же самыхъ выступовъ тѣла, которыми оно захватываетъ и проглатываетъ пищу и песчинки. Они служатъ ему то руками, то ногами. Вытянетъ оно такую длинную ножку, прилѣпится кончикомъ ея къ какому-нибудь камешку или къ другому предмету и снова втягиваетъ ее внутрь себя, притягиваетъ къ этому предмету свое крошечное тѣльце.

Такъ медленно, не торопясь, двигается оно по дну. Торопиться ему некуда. Пищи и свѣжей воды вокругъ него вволю, тепла — тоже, а больше ему ничего не надо.

VI.

На корненожку похожа „амеба“. У амебы нѣтъ даже и раковинки, этого домика, куда бы она могла прятаться. Амеба — это простой комочекъ слизи, не покрытый даже раковинкой. Поэтому тѣло ея постоянно измѣняетъ свою форму. Одна и та же амеба можетъ принимать самый различный видъ. То сожмется она въ круглый комочекъ, то вытянется, то выпуститъ изъ своего тѣла во всѣ стороны множество отростковъ, станетъ похожею на звѣздочку. Она двигается такъ же, какъ и корненожки съ раковинками, и точно такимъ же образомъ захватываетъ свою пищу.

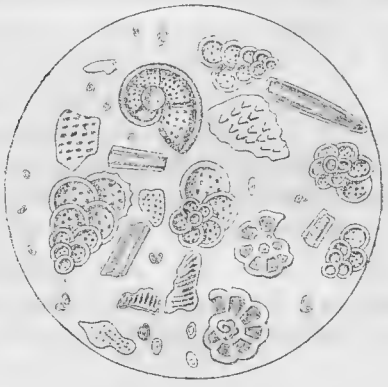
Переваривая эту пищу, амеба растетъ, становится крупнѣе и мало-помалу достигаетъ такой величины, дальше которой она не можетъ расти. Тогда происходитъ съ ней очень интересное измѣненіе: она разрывается на двѣ части, изъ одной крупной амебы получаются двѣ совершенно такихъ же, только вдвое меньшей величины. Онѣ расползаются въ разныя стороны, и каждая изъ нихъ начинаетъ теперь снова ползать, отыскивать пищу, ѣсть и расти. Онѣ вырастаютъ опять въ крупныхъ амебъ и снова разрываются,



Дѣлящаяся амеба.

или, какъ говорятъ, „дѣлятся“, каждая пополамъ; получается четыре амебы. Изъ четырехъ затѣмъ станетъ восемь амебъ, а изъ восьми—шестнадцать и такъ далѣе. Если хватаетъ пищи и воды, то число ихъ быстро растетъ, и черезъ два-три дня изъ одной амебы получаются десятки и сотни тысячъ такихъ же точно амебъ. Вотъ почему въ моряхъ, на просторѣ, гдѣ для всѣхъ хватаетъ пищи и мѣста, корненожки размножаются съ страшною быстротою. Ихъ пустыя мертвыя раковинки покрываютъ мѣстами морское дно густымъ слоемъ. Изъ этого скопленія раковинъ корненожекъ образуется потомъ мѣлъ.

Вопросы. Почему корненожки получили свое названіе? Какія бываютъ корненожки? Какъ питается корненожка? Какъ она передвигается? Размножается? Какъ образовался мѣлъ?



Мѣлъ подъ микроскопомъ.

Пища животныхъ.

Одни животныя такъ устроены, что могутъ ѣсть только мясную пищу. Напримѣръ, левъ или волкъ никогда не насытятся травою.

Другія животныя не станутъ ѣсть мяса, сколько имъ ни давай. Напримѣръ, корову мясомъ не накормишь.

Есть и такія животныя, и малыя и большія, которыя ѣдятъ, что придется.

Какихъ животныхъ больше на землѣ?

Такихъ животныхъ больше, какой пищи больше. А пищи больше растительной.

Въ лугахъ и въ лѣсахъ растетъ много разныхъ травъ и деревьевъ. И корни, и листья, и стволъ, и плоды, — все идетъ въ пищу разнымъ животнымъ. Если бы никакія животныя совсѣмъ не питались травою и другими растеніями, а только пожирали бы другъ друга, то скоро на землѣ и совсѣмъ не было бы живыхъ существъ. Одни существа, кто посильнѣе, уничтожили бы другихъ, кто послабѣе. А потомъ и имъ самимъ ѣсть было бы нечего, и они всѣ вымерли бы. На землѣ живетъ больше всего такихъ животныхъ, которыя питаются растеніями. Плотоядному животному не мало нужно силы, хитрости и ума, чтобы добыть себѣ пищу. Нелегко утолять голодъ и животнымъ травоядному. И имъ приходится работать не мало.

Вопросы. Какія животныя называются плотоядными? Какія травоядными? Какихъ животныхъ больше? Почему?

Задачи. Перечислите всѣхъ, какихъ вы знаете, плотоядныхъ животныхъ? травоядныхъ? всеядныхъ?

Какъ животныя спасаются отъ холода и голода.

I.

Птицы спасаются отъ голода и холода тѣмъ, что улетаютъ въ теплые края, гдѣ для нихъ пищи вдоволь. Многія животныя спасаютъ свою жизнь иначе. Они никуда не переселяются, а остаются и на зиму тамъ, гдѣ жили лѣтомъ, забираются въ какой-либо укромный уголокъ и тамъ цѣпенѣютъ. Они какъ бы засыпаютъ и спятъ до тѣхъ поръ, пока не придутъ снова теплые и сытные дни.

Сурокъ.

Лишь только наступаютъ осенніе холода, сурки, ежи, летучія мыши забираются въ свои норы и обмираютъ. Тѣло у нихъ тогда коченѣетъ, сердце бьется неслышно, они почти не дышатъ, свертываются клубочкомъ и лежатъ недвижно, какъ мертвые. На высокихъ альпійскихъ горахъ, гдѣ снѣгъ не таетъ и лѣтомъ, живутъ такіе сурки, которые спятъ иной разъ мѣсяцевъ восемь въ году. Для своего зимняго спанья они очень искусно выкапываютъ особыя норы; эти норы иной разъ тянутся въ землѣ саженъ пять. Входъ въ зимнюю нору устраивается узкій и на зиму забивается сѣномъ и травою. Въ концѣ хода вырываетъ сурокъ себѣ логовище. Задолго до осени онъ выстилаетъ его сѣномъ; даже сѣно онъ заготовляетъ самъ: зубами подгрызаетъ траву, даетъ ей высохнуть на солнцѣ и затѣмъ несетъ ее въ нору. Къ концу лѣта сурокъ отъѣдается и жирѣетъ, а лишь ударятъ первые холода, онъ забирается въ нору. Въ одной норѣ обыкновенно укладывается на зимнее спанье цѣлая семья сурковъ. Передъ спаньемъ сурокъ плотно забиваетъ выходъ изъ норы на цѣлую сажень; для этого онъ беретъ и глину, и сѣно, и камешки. Когда это дѣло сдѣлано, сурки прижимаются другъ къ дружкѣ, головами къ хвосту, и засыпаютъ. Ихъ сонъ продолжается больше полугода. Когда же весеннее солнышко растопитъ снѣгъ и согрѣетъ землю, просыпаются отъ теплоты и сурки. Сначала просыпаются тѣ звѣрьки, которые помоложе и покрѣпче; дольше другихъ спятъ слабые и старые.

II.

Летучія мыши не строятъ себѣ норъ на зиму, а забираются куда-нибудь на чердаки, въ подвалы, въ расщелины скалъ и висятъ тамъ внизъ головою, пока стоятъ холода. Спятъ зимою и змѣи, лягушки, ящерицы. Онѣ забираются на зиму куда-нибудь въ дупло, подъ камни, въ мохъ и тамъ обмираютъ. Онѣ спятъ то порознь, то кучей. Были случаи,—при проведеніи канавъ открывали подъ корнями деревьевъ цѣлыя скопища змѣй. Животныя эти лежали, какъ мертвыя, свернувшись клубкомъ.

О живучести лягушекъ достовѣрные очевидцы разсказываютъ удивительныя вещи. Были случаи, что лягушку, спящую во мху, раннею весною покрывало водой; когда замерзала вода,—замерзала и лягушка. Нѣсколько дней она находилась во льду, но когда ледъ таялъ, тогда лягушка опять оживала. То же разсказываютъ и о другихъ животныхъ. Рыбы тоже могутъ замерзать и оживать. Это извѣстно всѣмъ рыбакамъ, которые ловятъ зимою рыбу. За-

Летучая мышь.

легаютъ на зиму въ спячку и піявки, и улитки, и червячки, и жуки, и мухи, и безконечное множество всякихъ другихъ маленькихъ животныхъ. Съ наступленіемъ холодовъ они прячутся, кто куда успѣетъ и куда можетъ,—въ щели, въ землю, подъ мохъ. Тамъ они и ждутъ цѣлые мѣсяцы до наступленія теплыхъ дней.

Въ холодныхъ странахъ, напримѣръ, въ сѣверной Сибири, есть озера и рѣчки, которыя лѣтомъ населены всякими животными, а зимою промерзаютъ до дна. Рыбкамъ, лягушкамъ и многимъ другимъ животнымъ зимою некуда и уйти изъ этихъ рѣчекъ и озеръ. Но и холода и морозы не убиваютъ всего населенія ихъ. Правда, многія погибаютъ, но кто покрѣпче, тотъ вытерпитъ,— отлежится, перенесетъ: животныя замерзаютъ, но не умираютъ. Такъ они и пребываютъ въ окоченѣломъ состояніи по нѣскольку мѣсяцевъ. Когда растаетъ ледъ, снова и очень быстро населяется озеро или рѣка. Одинъ путешественникъ по Сибири разсказываетъ, что въ иныхъ озерахъ караси по нѣскольку мѣсяцевъ лежали замерзшіе, а съ наступленіемъ весны оживали опять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вопросы. Какъ разныя животныя спасаются отъ холода и голода? Назовите тѣхъ, которыя переселяются въ теплыя страны. Тѣхъ, которыя засыпаютъ на зиму. Которыя остаются и бодрствуютъ зимой.

Какъ животныя себя защищаютъ.

I.

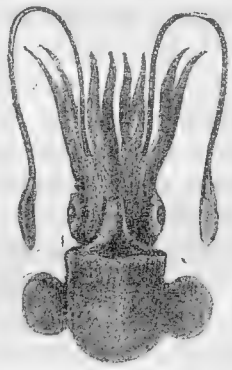
Животныя, которыя питаются мясной пищей, очень ловко умѣютъ ее добывать. Спастись отъ нихъ не всякому звѣрю легко. Но всѣ животныя, и большія и малыя, за свою жизнь бьются крѣпко и до послѣдней капли крови. Жизнь каждому дорога, и ни одно животное не отдаетъ ее даромъ. Каждый звѣрь умѣетъ постоять за себя, каждый изо всѣхъ силъ старается спастись отъ враговъ. Кого спасаютъ быстрыя ноги, кого зоркіе глаза, кого чутье, кто спасается и иначе какъ. Маленькаго ежа спасаютъ его иглы: когда онъ почуетъ опасность, тогда свертывается клубкомъ; тогда его не тронетъ ни волкъ ни собака. Только хитрая лиса знаетъ средство, какъ пронять бѣднаго звѣрька. Зайца не догонитъ и волкъ. Да заяцъ хоть и трусъ, а хитеръ и увертливъ. Онъ умѣетъ путать и сбивать свои слѣды. Одинъ заяцъ, чтобы сбить съ толку охотничьихъ собакъ, выскочилъ самъ изъ норы, побѣжалъ къ пруду и вскочилъ въ воду, пробѣжалъ немного вдоль берега по водѣ, а потомъ выпрыгнулъ на берегъ и снова побѣжалъ по берегу. Заяцъ словно понималъ, что собаки не найдутъ подъ водою его слѣдовъ. Другой заяцъ былъ еще хитрѣе. Гнались за нимъ собаки. Онъ убѣгалъ отъ нихъ со всѣхъ ногъ. Силъ у него совсѣмъ не стало. Вдругъ онъ увидѣлъ на пути нору другого зайца. Недолго думая, онъ вскочилъ туда. Тамъ сидѣлъ хозяинъ норы. Заяцъ выгналъ его оттуда. Собаки замѣтили издали, что заяцъ вскочилъ въ нору и выскочилъ оттуда, не разобрали, что это два зайца разныхъ, и пустились догонять бѣглеца, а въ нору и не заглянули. А первый заяцъ такъ и остался въ норѣ. Тамъ онъ отдохнулъ, а потомъ пустился во-свояси. Другой же заяцъ со свѣжими силами тоже успѣлъ убѣжать отъ уставшихъ собакъ. Разсказываютъ еще, что одинъ заяцъ, спасаясь отъ собакъ, вползъ въ подворотню овчарни и спрятался между овецъ. Другого зайца собаки совсѣмъ ужъ нагоняли въ полѣ. Вдругъ заяцъ повернулъ въ сторону и бросился къ стаду овецъ. Не успѣли собаки опомниться, какъ

заяцъ спрятался въ стадо; онъ пролѣзъ между ногъ овецъ. Его не могли оттуда никакъ выгнать ни собаки, ни охотники, ни пастухи. Овцы испугались собакъ и побѣжали по полю, и заяцъ побѣжалъ съ ними, только изъ стада все-таки не вышелъ. Такъ онъ и спасъ свою жизнь.

Хитрость и умъ спасаютъ отъ смерти многихъ животныхъ. Другихъ спасаютъ острые клыки или крѣпкіе рога. Напримѣръ, всѣ охотники знаютъ, какъ опасно охотиться на кабана: эти звѣри отлично дѣйствуютъ клыками. Кабанъ всегда норовитъ воткнуть клыки снизу въ ноги или въ животъ своего врага. Старые и сильные кабаны бросаются и на лошадей и на человѣка. Особенно плохо приходится на охотѣ собакамъ.

II.

Нѣкоторыя животныя защищаютъ свою жизнь особыми средствами. Такъ, напримѣръ, въ Америкѣ водится одинъ маленькій и красивый на видъ звѣрекъ. Ростомъ онъ немного больше кошки, только лапы у него покороче. Зубы у него не страшные, да и когти не опасные. Казалось бы, и бояться его нечего. А этого звѣрька боятся и люди и другіе звѣри, а самъ онъ не изъ пугливыхъ: даже человѣка подпускаетъ къ себѣ совсѣмъ близко. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ звѣрькѣ одинъ американецъ: „Кухарка наша подмѣтила какъ-то, что въ погребѣ нѣсколько дней сряду пропадаетъ говядина. Она подумала на кошку и стала закрывать всѣ ходы и выходы. Только и это не помогло. Тогда кухарка рѣшила подстеречь вора. Однажды ночью она услыхала въ погребѣ шумъ и пошла посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Тамъ она увидала какого-то маленькаго звѣрька. Звѣрекъ былъ ростомъ съ кошку. Спинка у него была бѣлая, самъ онъ бурый, рыльце вытянутое. Звѣрекъ сидѣлъ и спокойно смотрѣлъ на кухарку. Что это за звѣрекъ — кухарка не знала. Она бросилась на него и ударила его палкой. Только не успѣла она еще ударить его, какъ звѣрекъ повернулся къ ней задомъ и чѣмъ-то прыснулъ ей прямо въ лицо. Вдругъ распространилась по погребу такая смертельная вонь, что нельзя было дышать. Кухарка не знала, куда дѣться отъ вони. Она побѣжала въ домъ; встрѣтилась тамъ хозяйка, почуяла вонь и бросилась бѣжать отъ кухарки. Вонь пошла по всему дому. Всю провизію въ погребѣ пришлось выбросить вонъ,—такъ она провоняла“.



Каракатица.

Имя красивому звѣрьку дано по достоинству: зовутъ его *вонючкой*. У него около хвоста есть особые мѣшочки, изъ которыхъ онъ можетъ прыскать очень вонючую жидкость. Этимъ онъ и спасается отъ враговъ. Даже звѣри не переносятъ такой вони. „Мнѣ случилось однажды ночевать на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, — разсказываетъ одинъ путешественникъ. — Тамъ лежала зарѣзанная овца. Ночью забралась во дворъ вонючка. Собака увидѣла ее и прогнала. Вдругъ по двору пошла такая вонь, что я боялся задохнуться. Даже коровы принялись мычать во все горло“. Обрызганныхъ собакъ по цѣлымъ днямъ никто не пускаетъ во дворъ.

Въ океанахъ водятся слизняки, которыхъ называютъ каракатицами. У этихъ слизняковъ есть въ тѣлѣ мѣшочекъ, наполненный черной краской. Когда каракатицѣ нужно уйти отъ врага, она выпускаетъ краску изъ

этого мѣшка. Вся вода окрашивается отъ этого въ черный цвѣтъ; въ такой водѣ каракатицу не видно. Такъ она и спасается отъ враговъ.

Вопросы. Разскажите, къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ разныя животныя, чтобы спастись отъ опасности.

Животныя, растенія и камни.

Если бы мы заперли въ комнатѣ камень, цвѣтокъ въ горшкѣ и котенка и вернулись туда только черезъ годъ, то что бы мы увидали? Мы увидали бы, что отъ цвѣтка остались одни лишь сухія вѣтви; отъ котенка — шерсть да кости. Камень же остался безъ всякой перемѣны.

Почему же котенокъ умеръ? Потому, что ему не давали ни ѣсть ни пить. А цвѣтокъ почему засохъ? Потому, что его не поливали. Ну, а камень? Камень не умеръ, да вѣдь онъ и не жилъ; ему не надо было ни ѣсть ни пить. Онъ не живое существо.

Котенокъ и цвѣтокъ жили, имъ надо было ѣсть и пить, значитъ, котенокъ и цвѣтокъ—живыя существа.

Вы уже знаете, какъ получился цвѣтокъ: посѣяли сѣмя, оно дало ростокъ; изъ ростка развился стебель, появились листья, затѣмъ — цвѣты. Цвѣты принесутъ сѣмена; сѣмена снова можно посѣять, изъ нихъ вырастутъ такія же растенія. Но, въ концѣ-концовъ, растеніе все же погибнетъ.

Съ котенкомъ почти та же исторія. Котенокъ родился, сначала онъ былъ маленькій, затѣмъ выросъ. Онъ вырастетъ еще и будетъ большимъ здоровымъ котомъ. Но настанетъ и такое время, когда котъ умретъ, какъ умремъ и мы всѣ.

Котъ и цвѣтокъ — живыя существа, но и они очень отличаются другъ отъ друга: цвѣтокъ — растеніе, а котъ — животное.

Растенія бываютъ различныя: цвѣтокъ въ горшкѣ, грибы, травы, кусты, мхи и деревья очень мало похожи другъ на друга. Но у всѣхъ у нихъ есть одинъ общій признакъ; всѣ они не могутъ по своей волѣ, по своему желанію двигаться съ мѣста на мѣсто. Гдѣ упало сѣмя, тамъ оно и прорастетъ; а если растеніе прорастетъ, то на этомъ же мѣстѣ оно и погибнетъ.

Кошка, корова, муха, червякъ, рыбы, — всѣ могутъ двигаться и двигаются, когда и куда захотятъ.

Растеніе своими корнями сосетъ изъ земли пищу и листьями беретъ ее изъ воздуха; поэтому ему не зачѣмъ передвигаться. Животное устроено иначе. Ему нужно искать и ловить себѣ пищу. Рыба гонится за червякомъ, ласточка—за мухой, чижикъ ищетъ зерна. Когда улитка съѣстъ одинъ листикъ, она передвигается на другой.

Но животныя двигаются еще и по другой причинѣ. Если ударить собаку, она побѣжитъ, а можетъ случиться, что и укуситъ васъ. Позовите кошку, она прибѣжитъ; если вы погладите ее, она начнетъ тереться около вашихъ ногъ и мурлыкать. Рыба уплываетъ, когда вы подходите къ водѣ. Неповоротливая улитка плохо видитъ и еще хуже слышитъ, но какъ только вы дотронетесь до ея рожковъ, она быстро свертывается и прячется въ свою раковину.

Растеніе совершенно не то. Развѣ цвѣтокъ боится шума? Развѣ грибъ доволенъ, когда его гладятъ? Конечно, нѣтъ. Растенія не слышатъ, не видятъ, не мыслятъ; они не бываютъ ни веселы ни сердиты. У растеній нѣтъ ни ума ни воли.

Выходитъ, значитъ, что камни не живутъ, растенія живутъ, но не двигаются, не мыслятъ, животныя двигаются, чувствуютъ и мыслятъ.

Задача. Укажите сходство и различіе между животными и растеніями. Укажите различіе между животными, растеніями и камнями.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Человѣкъ.

Какъ устроено тѣло человѣка.

Почему важно знать, какъ устроено тѣло человѣка.

Люди долго не знали, какъ устроено человѣческое тѣло, оттого прежде и не умѣли хорошо лѣчить болѣзни и не знали, какъ нужно жить, чтобы быть здоровымъ и сильнымъ. Въ старину отъ болѣзней вымирали цѣлые города и области, люди гибли сотнями тысячъ.

Но мало-по-малу люди проникали въ тайны природы, знакомились съ устройствомъ человѣческаго тѣла и научались бороться съ страшными своими врагами—повальными болѣзнями; много труда положили на это ученые.

Есть на свѣтѣ страшная болѣзнь—оспа. Лѣтъ полтораста тому назадъ отъ нея погибало множество народу. Но одинъ ученый, докторъ Дженнеръ, открылъ способъ, какъ избѣжать этой болѣзни. Оспу теперь прививаютъ маленькимъ дѣтямъ, и ея никто уже не боится.

Прежде много людей погибало отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ. Укушенные заболѣвали бѣшенствомъ и умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Ученый Пастеръ нашелъ средство, какъ лѣчить отъ бѣшенства. Теперь и эта болѣзнь перестала страшить людей. Научились также люди, какъ избѣжать холеры, чумы и другихъ повальныхъ болѣзней, а главное—научились не давать имъ развиваться. Настанетъ время, когда люди узнаютъ, какъ избавиться отъ распространенія многихъ другихъ болѣзней. Страданія людей тогда уменьшатся, люди будутъ жить гораздо дольше, чѣмъ они живутъ теперь. Съ каждымъ годомъ ученые все больше и больше проникаютъ въ тайники природы и открываютъ новыя средства не только какъ предохранить людей отъ болѣзней, но даже — продлить самую жизнь человѣка.

Вопросы. Благодаря трудамъ какихъ людей узнали, какъ устроено тѣло человѣка? Почему для насъ важно знать объ устройствѣ человѣческаго тѣла?

Части человѣческаго тѣла.

Тѣло человѣка состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Средняя часть тѣла называется туловищемъ. Верхняя половина туловища называется грудью, нижняя — животомъ. Къ туловищу сверху прикрѣплена шея съ головой, а по бокамъ — руки, или верхнія конечности. Внизу къ туловищу прикрѣплены ноги, или нижнія конечности. Голова, грудь и животъ имѣютъ внутри пустоты, или, какъ говорятъ, полости. Въ полости головы находится мозгъ, въ полости груди — легкія и сердце,

въ полости живота—желудокъ, кишки, печень, селезенка и почки. Всякая отдѣльная часть человѣческаго тѣла исполняетъ какую-нибудь службу человѣку и называется органомъ. Такъ, глазъ служитъ для того, чтобы видѣть — органъ зрѣнія, ухо — органъ слуха, желудокъ и кишки — органы пищеваренія, легкія—органы дыханія, сердце — органъ кровообращенія.

Вопросы. Назовите части человѣческаго тѣла. Почему тѣло человѣка называютъ *организмомъ?*

Клѣточка.

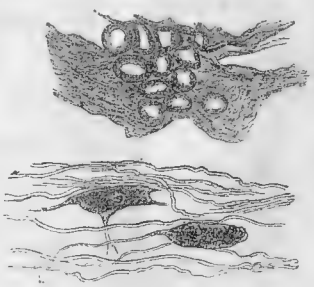
Если мы возьмемъ маленькую частичку человѣческаго тѣла, положимъ, кусочекъ кожи, кости или мозга и посмотримъ его подъ микроскопомъ, то увидимъ, что онъ состоитъ изъ множества еще меньшихъ частицъ. Частицы эти называются *клѣточками.* Простымъ глазомъ клѣточку видѣть нельзя. Какую бы часть человѣческаго тѣла

Клѣточка, сильно увеличенная.

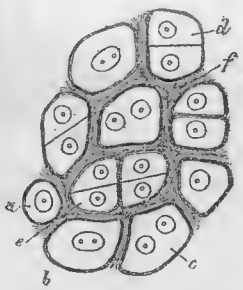
Волокно.

мы ни взяли, мы увидимъ, что она состоитъ изъ клѣточекъ. Такимъ образомъ все тѣло человѣка построено изъ клѣточекъ, какъ стѣна изъ кирпичей. Изъ клѣточекъ состоитъ и тѣло каждаго животнаго. Все живое на землѣ построено изъ клѣточекъ, да и сами клѣточки есть живыя существа: онѣ питаются, растутъ, размножаются, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ даже двигаться. Клѣточки имѣютъ различную форму и различную величину. Нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ сильно удлинены, тогда онѣ называются *волокнами.* Соединяясь между собою, клѣточки образуютъ ткани. Ткань, изъ которой образованы кости, называется *костной,* хрящи образуются изъ хрящевой, жиръ — изъ жировой, мозгъ и нервы — изъ нервной ткани. Кромѣ этихъ, въ тѣлѣ человѣка есть и другія ткани.

Вопросы. Изъ чего построено тѣло человѣка? Что такое волокно? Что образуютъ клѣточки? Какія вы знаете ткани въ тѣлѣ человѣка? Что представляетъ собою клѣточка?



1—Жировая ткань.
2—Нервная ткань.

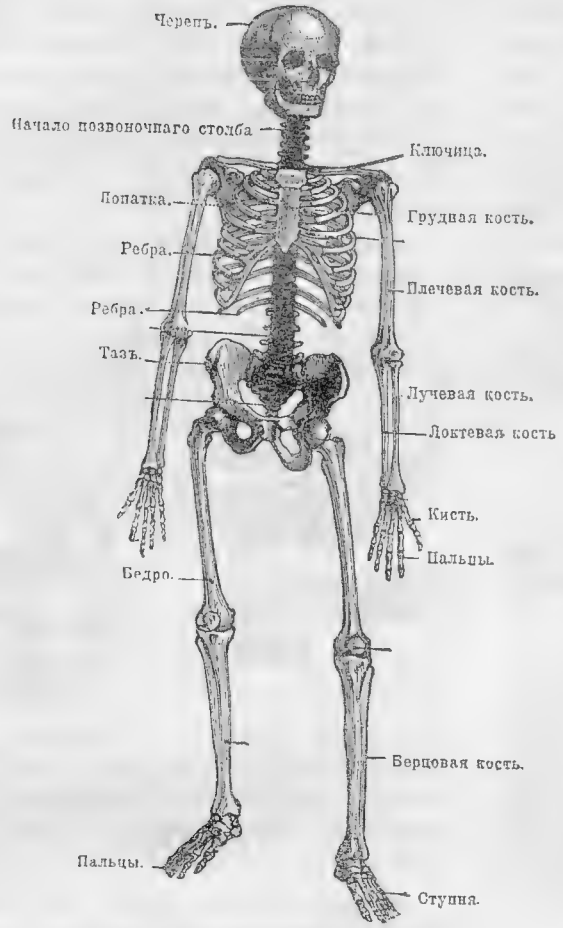


Хрящевая ткань.

Скелетъ.

Внутри нашего тѣла есть кости. Онѣ соединены между собою и составляютъ твердый остовъ тѣла, который называется *скелетомъ.*

На скелетѣ держатся всѣ мягкія части тѣла. Безъ него тѣло не держалось бы, а спалось, какъ тряпка. Скелетъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: кости туловища, кости головы и кости конечностей. Вдоль туловища, сверху внизъ, идетъ *позвоночный столбъ,* онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ костей — *позвонковъ.* Позвонокъ похожъ на кольцо, эти кольца наложены одно на другое, такъ что внутри образуется пустая трубка, въ которой помѣщается спинной мозгъ. Къ среднимъ спиннымъ позвонкамъ прикрѣплены справа и слѣва изогнутыя кости въ видѣ длинныхъ узкихъ пластинокъ. Это — *ребра.* Спереди большая часть реберъ



Скелетъ человѣка.

Позвоночный столбъ.

соединяется съ *грудною костью*. Спинные позвонки, ребра, хрящи и грудная кость — всѣ вмѣстѣ образуютъ какъ бы клѣтку, которая называется *грудной клѣткой*. Въ нижней части позвоночнаго столба нѣтъ реберъ, и онъ опирается на кости *таза*.

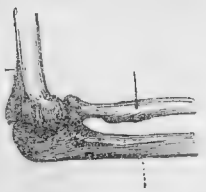
На верхнемъ концѣ позвоночнаго столба находится *черепъ*. Это—костяной ящикъ, въ которомъ лежитъ *головной мозгъ*. Полость черепа соединена съ трубкой позвоночнаго столба. Головной мозгъ соединяется со спиннымъ. Черепъ состоитъ изъ многихъ костей, соединенныхъ между собою.

Задачи. Разсмотрите рисунокъ скелета и скажите, какія кости входятъ въ составъ верхнихъ конечностей? При помощи чего верхнія конечности соединяются съ туловищемъ? При помощи чего соединяются съ туловищемъ нижнія конечности?

Соединеніе костей.

Кости могутъ соединяться другъ съ другомъ такъ, что одна плотно срастается съ другой, напр., кости черепа. Или же онѣ соединяются подвижно, такъ что одна можетъ двигаться отдѣльно отъ другой. Въ этомъ случаѣ онѣ образуютъ *суставъ* или *сочлененіе*, таковы сочлененія въ локтяхъ, въ кистяхъ рукъ, въ плечахъ. Разсмотрите на рисункѣ, какъ соединяются кости въ суставахъ.

Черепъ (буквами обозначены различныя кости, изъ которыхъ состоитъ черепъ).



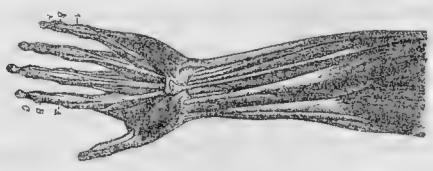
Локтевое сочлененіе.

Мышцы.

Къ костямъ скелета прикрѣпляется мясо. Оно состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, въ видѣ пучковъ, которые называются *мускулами*, или *мышцами*. Отдѣльныхъ мускуловъ въ тѣлѣ человѣка очень много. Они покрываютъ собою всѣ кости, входятъ также и во внутренніе органы.

Каждый мускулъ обыкновенно состоитъ изъ отдѣльныхъ красныхъ волоконъ, покрытыхъ оболочкой. Мускулы оканчиваются очень крѣпкими шнурками—*сухожиліями*. При помощи этихъ сухожилій мускулы и прикрѣпляются къ костямъ. Сухожилія эти каждый изъ васъ можетъ прощупать у себя на рукѣ немного повыше ладони, гдѣ оканчивается лучевая и локтевая кости.

Мускулы служатъ человѣку для движенія. Мышечныя волокна могутъ сокращаться и удлиняться. Когда мускулы сокращаются, ихъ концы сближаются, а съ ними сближаются и кости, къ которымъ прикрѣплены мускулы. Сдѣлайте слѣдующій опытъ. Возьмитесь лѣвой рукой за правую руку по-

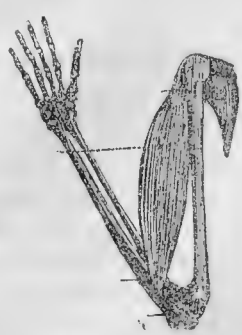


Мускулы и сухожилія руки

Тѣло человѣка безъ кожи. Здѣсь видно, какъ расположены мускулы.

выше локтя и начните сгибать правую руку, вы почувствуете, какъ у васъ подъ рукой что-то увеличивается и твердѣетъ. Это одинъ изъ двигательныхъ мускуловъ, онъ идетъ отъ плеча къ началу лучевой кости. Когда эта мышца сокращается, она тянетъ лу-

Напряженіе мышцы.



Мышца между плечевой (направо) и локтевой (налѣво) костями.

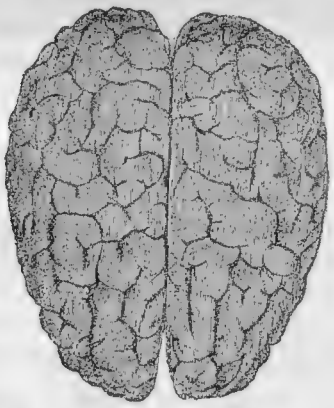
чевую кость, которая поднимается вмѣстѣ съ предплечьемъ. Конечно, мышца не можетъ уменьшиться въ длинѣ, не увеличившись въ толщинѣ, потому-то мы и чувствуемъ, какъ она увеличивается и твердѣетъ.

Мы говорили уже, что въ тѣлѣ человѣка мускуловъ очень много. Одни изъ нихъ двигаютъ руки и ноги, другіе сгибаютъ и разгибаютъ пальцы, а есть и такіе, которые повертываютъ голову, сгибаютъ позвоночный столбъ, когда человѣкъ кланяется, поднимаютъ ребра и т. д.

Вопросы. Для чего служатъ мускулы? Откуда видно, что въ тѣлѣ человѣка мускуловъ очень много? Что такое сухожилія?

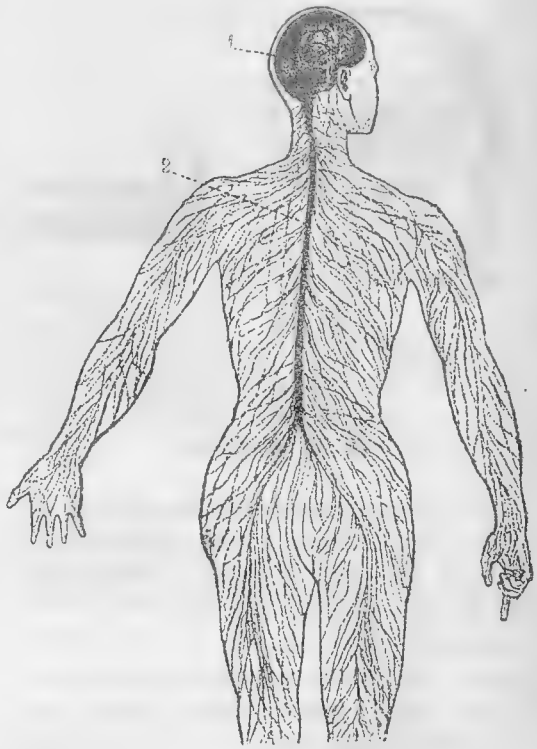
Нервы.

Мы говорили, что кости двигаются отъ сокращенія мускулъ. Мускулы, сокращаясь и расширяясь, приводятъ въ



Головной мозгъ (если смотрѣть на него сверху).

движеніе кости. Но и мышцы сами собой двигаться не могутъ. Движеніями мускуловъ завѣдуютъ бѣлыя нити, идущія отъ головного и спинного мозга—*нервы*. Въ полости черепа помѣщается головной мозгъ, въ каналѣ позвоночнаго столба проходитъ спинной мозгъ. Какъ изъ головного, такъ и изъ спинного мозга выходятъ нервы,



Нервы расходятся по всему тѣлу. 1—головной мозгъ, 2—спинной.

которые расходятся по всему тѣлу въ видѣ сначала толстыхъ, а затѣмъ, по мѣрѣ развѣтвленія, все болѣе и болѣе тонкихъ шнурковъ и нитей. Самыя тонкія нервныя нити проходятъ въ мускулахъ. По нимъ, какъ по телеграфнымъ проволокамъ, передается раздраженіе отъ мозга, это раздраженіе переходитъ въ мускулы, они сокращаются и приводятъ въ движеніе разныя части тѣла.

Нервы бываютъ двухъ родовъ. Одни идутъ изъ мозга въ мускулы, другіе—отъ органовъ чувствъ въ мозгъ. Органы чувствъ — это органы, которые даны человѣку для познанія всего его окружающаго. У человѣка пять различныхъ чувствъ: *зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе*. Каждое изъ этихъ чувствъ имѣетъ свой органъ. Органъ зрѣнія—глазъ, органъ слуха—ухо, органъ обоянія — носъ, органъ вкуса — языкъ,

органъ осязанія — кожа всего тѣла, а въ особенности — кожа пальцевъ. Отъ этихъ органовъ раздраженіе передается въ мозгъ по тѣмъ нервамъ, которые идутъ къ мозгу: черезъ глазъ нервы раздражаются отъ свѣта, черезъ ухо отъ звука, черезъ носъ отъ запаха, черезъ языкъ отъ вкуса и черезъ кожу отъ прикосновенія.

Какъ происходитъ передача раздраженія по нервамъ, поясникъ примѣромъ. На столѣ лежитъ книга. Я хочу взять ее. Въ этомъ случаѣ мозгъ раздражаетъ тѣ нервы, которые идутъ отъ него въ мускулы руки. Раздраженіе черезъ нервы передается мускуламъ руки, они сокращаются, и вотъ рука протягивается къ книгѣ, пальцы сгибаются извѣстнымъ образомъ, захватываютъ книгу и поднимаютъ ее со стола. Возьмемъ другой примѣръ. Вы поднесли къ моему пальцу горящую спичку. Пламя спички коснулось кожи пальца, она раздражилась, человѣкъ почувствовалъ боль. Это раздраженіе по нерву передалось въ мозгъ. Отъ мозга моментально раздраженіе передалось мускуламъ руки, они быстро сократились, рука отскочила отъ спички. Такимъ образомъ раздраженіе отъ предметовъ внѣшняго міра по нервамъ передается въ мозгъ, а отъ мозга по другимъ нервамъ передается мускуламъ. Они сокращаются и вызываютъ различныя движенія частей тѣла.

Вопросы. Сколько органовъ чувствъ у человѣка? Назовите ихъ. Изъ чего можно заключить, что черезъ каждую точку въ тѣлѣ человѣка проходитъ нервъ? Съ чѣмъ можно сравнить нервы человѣка?

Забота о мускулахъ.

По всѣму тѣлу человѣка проходитъ цѣлая сѣть толстыхъ и тонкихъ трубочекъ, по которымъ течетъ кровь. Трубочки эти (о нихъ подробно мы будемъ говорить дальше) называются кровеносными сосудами. Кровь служитъ для питанія нашего тѣла. Что это значитъ? Мы говорили, что мускулы во время работы то сокращаются, то удлиняются. При сокращеніи мышца нагрѣвается, при чемъ внутренній составъ ея измѣняется: внутри сокращенной мышцы накопляются излишнія или негодныя вещества, которыя должны быть изъ нея удалены. Они уносятся кровью. Въ то же время кровь приноситъ на мѣсто испорченныхъ веществъ новыя, взамѣнъ тѣхъ, которыя мышцы теряютъ при работѣ.

Чѣмъ больше работаетъ мускулъ, тѣмъ сильнѣе приливаетъ кровь, тѣмъ больше мускулъ получаетъ новыхъ веществъ, питаніе мышцы увеличивается, при чемъ въ мускулѣ происходитъ образованіе новыхъ волоконъ. Мускулъ становится толще, сильнѣе. Вотъ у булочниковъ и у кузнецовъ сильныя руки, потому что булочники съ усиліемъ мѣсятъ тѣсто, а кузнецы ударяютъ тяжелымъ молотомъ. Къ мускуламъ ихъ рукъ приливается много крови, они становятся толстыми и сильными. А кто много ходитъ, у того бываютъ толстыя икры и крѣпкія ноги. Вотъ почему для человѣка полезно движеніе, и вредно бездѣйствіе, продолжительное сидѣніе на одномъ мѣстѣ. У такого человѣка мускулы становятся тонкими, слабыми.

Вопросы. Что полезно дѣлать послѣ продолжительнаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, положимъ, въ классѣ на урокѣ? Полезны ли для человѣка такія работы, какъ рубка дровъ, гребля веслами? Если эти работы полезны, то почему?

Какъ питается тѣло человѣка.

I.

Въ тѣлѣ человѣка постоянно нѣкоторыя вещества измѣняются, портятся и замѣняются новыми, кромѣ того, разрушаются нѣкоторыя клѣточки, на мѣсто которыхъ появляются новыя. Потеря однѣхъ клѣточекъ и тканей и замѣна ихъ другими въ тѣлѣ человѣка происходитъ постоянно въ теченіе всей жизни. Новыя вещества и новыя клѣточки приносятся кровью. Кровь, такимъ образомъ, постоянно должна имѣть въ себѣ тотъ матеріалъ, изъ котораго строятся утраченныя частицы тѣла. Откуда же она беретъ этотъ матеріалъ? Кровь беретъ этотъ матеріалъ изъ пищи. Если человѣкъ не будетъ принимать пищи, то въ крови не будетъ строительнаго матеріала, разрушенныя частицы тѣла не будутъ замѣняться новыми. Тѣло будетъ уменьшаться въ вѣсѣ, человѣкъ будетъ худѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ чувствовать голодъ. Голодъ какъ бы подсказываетъ человѣку, что ему нужно пополнить ту убыль, которая произошла въ его тѣлѣ. Чѣмъ больше этой убыли, тѣмъ сильнѣе чувствуется голодъ. Безъ пищи человѣкъ можетъ оставаться всего нѣсколько дней, а затѣмъ наступаетъ смерть.

II.

Всякій изъ насъ замѣчалъ, что послѣ обѣда въ тѣлѣ чувствуется теплота: оно согрѣвается. Послѣ принятія пищи человѣкъ чувствуетъ себя сильнѣе, бодрѣе. Силы у него прибываетъ. Такимъ образомъ пища пополняетъ убыль въ тѣлѣ человѣка, поддерживаетъ теплоту и прибавляетъ человѣку силы.

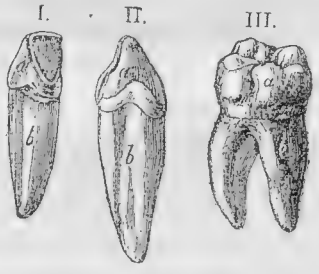
Органы, черезъ которые пища поступаетъ въ тѣло человѣка и тамъ перерабатывается, называются *органами пищеваренія*. Посмотримъ, какъ они устроены и какъ происходитъ питаніе тѣла.

III.

Пища прежде всего поступаетъ въ ротъ. Здѣсь она измельчается или, какъ говорятъ, пережевывается, для чего служатъ зубы и языкъ. Зубы перетираютъ и измельчаютъ куски пищи, а языкъ все время подкладываетъ ихъ на зубы и не даетъ имъ сваливаться съ нихъ. Съ боковъ пищу удерживаютъ мускулистыя щеки. Зубы у человѣка не одинаковы. Передніе служатъ для того, чтобы откусывать куски пищи, у нихъ острый рѣжущій край. Они и называются поэтому *рѣзцами*. Ихъ у человѣка 8: четыре на верхней челюсти и четыре на нижней. Для жеванія служатъ боковые зубы, или, какъ ихъ называютъ, *коренные*, ихъ у человѣка 20: по пяти съ каждой стороны каждой челюсти. Коренные зубы на своей поверхности имѣютъ тупые бугорки, ими-то пища и перетирается подобно тому, какъ жернова перетираютъ хлѣбныя зерна. Между коренными зубами и рѣзцами находится по одному острому, въ видѣ клина, зубу. Это—клыки. Они помогаютъ раздирать куски пищи.

IV.

Во время пережевыванія пища все время смачивается слюною, которая



Зубы человѣка. I—рѣзецъ; II—клыкъ; III—коренной зубъ: *a*—коронка; b—корень.

выдѣляется изъ слюнныхъ железъ. Железы эти помѣщаются въ полости рта. Слюна помогаетъ размельчать пищу, но главная ея работа — это измѣнять пищу. Въ пищѣ очень часто бываетъ крахмалъ, этотъ-то крахмалъ слюна и измѣняетъ: она обращаетъ его въ сахаръ. Такое измѣненіе важно потому, что сахару легче пройти черезъ стѣнки пищеварительнаго канала въ кровь, чѣмъ крахмалу. Что слюна обращаетъ крахмалъ въ сахаръ, въ этомъ легко убѣдиться каждому изъ васъ. Возьмите въ ротъ кусочекъ бѣлаго хлѣба, въ немъ всегда есть крахмалъ, и попробуйте его долго жевать, не проглатывая. Черезъ нѣкоторое время вы почувствуете, что кусочекъ становится сладкимъ. Это значитъ, что крахмалъ въ немъ обратился въ сахаръ.

V.

Мы уже говорили, что при жеваніи помогаетъ языкъ. Но языкъ исполняетъ и другую службу человѣку. Языкомъ человѣкъ узнаетъ вкусъ предметовъ. Поверхность языка наощупь кажется шероховатой. Если же посмотрѣть на нее въ лупу, то окажется, что вся она покрыта небольшими бугорками, или, какъ ихъ называютъ, *вкусовыми сосочками*. Въ этихъ бугоркахъ развѣтвляются концы вкусовыхъ нервовъ. Пища, находясь во рту, раздражаетъ эти сосочки, и мы узнаемъ вкусъ ея. Не будь у насъ языка, намъ трудно было бы отличить хорошую пищу отъ дурной, вредной. Вредная пища по большей части бываетъ непріятна и на вкусъ. Языкъ, такимъ образомъ, является, какъ бы контролеромъ надъ пищей. Если пища дурная, то при помощи языка мы сейчасъ же почувствуемъ это и выплюнемъ ее, а хорошую пищу проглотимъ.

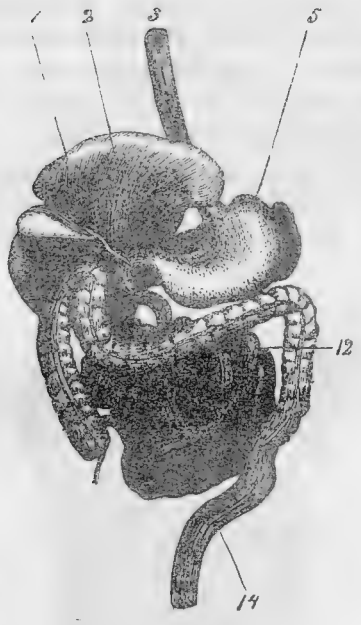
Кромѣ языка, мы узнаемъ, хороша или дурна пища еще черезъ носъ. Носъ служитъ органомъ обонянія, посредствомъ него мы узнаемъ запахъ предметовъ. Дурная и вредная пища, кромѣ непріятнаго вкуса, имѣетъ еще и непріятный запахъ. Носъ помѣщается какъ разъ надо ртомъ. Онъ также контролируетъ пищу и указываетъ намъ, хороша она или нѣтъ.

Языкъ. A, B, C -сосочки.

VI.

Когда пища хорошо измельчится во рту, перетрется, смочится слюною, тогда она передвигается къ задней части рта. Мускулы, которые проходятъ въ стѣнкахъ этой части рта, начнутъ сокращаться, и пища проталкивается въ трубку, идущую сверху внизъ по грудной полости. Трубка, о которой мы сейчасъ упомянули, называется *пищеводомъ*.

Пройдя грудную полость, пищеводъ вступаетъ въ полость живота, здѣсь онъ расширяется и образуетъ мускулистый мѣшокъ — желудокъ. Въ стѣнкахъ пищевода проходятъ мускулы въ видѣ колецъ. Когда пища попадаетъ въ пищеводъ, кольца эти сокращаются отъ верха книзу и проталкиваютъ пищу все ниже и ниже, пока она не попадетъ въ желудокъ. Когда въ же-



Пищеварительный каналъ 3—пищеводъ, 5—желудокъ, 2—выходъ изъ желудка, 12—тонкія кишки, 14—прямая кишка, 1—печень.

лудокъ попадетъ пища, тогда стѣнки его начинаютъ сокращаться и расширяться.

При этихъ движеніяхъ пища хорошо размѣшивается, перетирается и соединяется съ сокомъ, который выдѣляется изъ стѣнокъ желудка. Сокъ этотъ называется *желудочнымъ*, онъ имѣетъ большое значеніе для пищеваренія.

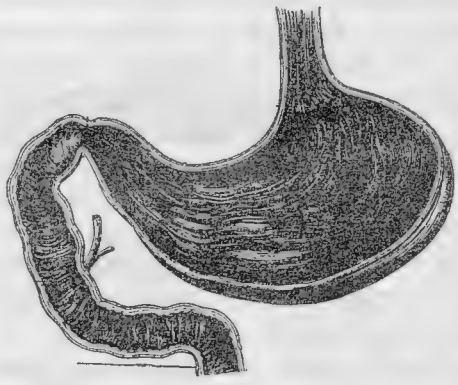
VII.

Мы говорили, что въ пищѣ бываетъ крахмалъ, но, кромѣ крахмала, въ ней находится еще и другое вещество, которое называется *бѣлкомъ*, оно названо такъ потому, что похоже на бѣлокъ куринаго яйца. Бѣлковыя вещества въ обыкновенномъ видѣ не растворяются въ жидкости и, слѣдовательно, не могутъ прососаться въ кровь. Желудочный же сокъ дѣлаетъ ихъ растворимыми и такимъ образомъ помогаетъ бѣлковымъ веществамъ попадать потомъ въ кровь. Когда пища въ желудкѣ перетрется и смѣшается съ желудочнымъ сокомъ, она получаетъ видъ однообразной полужидкой кашицы. Эта кашица черезъ нижній конецъ желудка проходитъ въ кишки, или *кишечный каналъ*. Кишечный каналъ, сначала тонкій, а затѣмъ толстый, проходитъ черезъ всю полость живота и оканчивается внизу выводнымъ отверстіемъ. Онъ очень длинный, въ нѣсколько аршинъ. Поэтому онъ идетъ не по прямой линіи, а поворачивая то въ ту, то въ другую сторону, такъ что заполняетъ собою всю полость живота. Пища, какъ только выйдетъ изъ желудка, соединяется съ сокомъ поджелудочной железы и желчью. Желчь вырабатывается въ печени. Печень — большая железа красноватаго цвѣта. Она лежитъ также въ брюшной полости около желудка съ правой стороны. И желчь служитъ для измельченія пищи. Въ пищѣ бываютъ жиры. Въ чистомъ видѣ они такъ же, какъ и бѣлки и крахмалъ, нерастворимы. Желчь дѣлаетъ ихъ растворимыми.

VIII.

Соединяясь съ желчью, пища дѣлается совсѣмъ готовою. Говорятъ, она переварилась. Теперь она медленно начинаетъ двигаться по кишечному каналу.

Стѣнки кишечнаго канала покрыты множествомъ маленькихъ возвышеній—



Разрѣзъ желудка. Видны складки его стѣнокъ.

бугорковъ, которые называются *ворсинками*. Ворсинки всасываютъ изъ пищевой кашицы питательныя вещества, которыя отсюда и поступаютъ въ кровь. Пища же, подвигаясь по кишечнику, становится все, суше и суше, питательныхъ веществъ въ ней становится все меньше и меньше. Пройдя весь кишечный каналъ, она становится уже негодной для питанія и выбрасывается черезъ нижнее отверстіе вонъ. Питательныя вещества изъ пищи поступили въ кровь, которая разноситъ ихъ по всему организму, обновляетъ его, освѣжаетъ, поддерживаетъ питаніе всѣхъ тканей и органовъ.

Вопросы. Почему человѣку необходимо питаться? Что чувствуетъ человѣкъ послѣ принятія пищи? Куда поступаетъ переваренная въ желудкѣ пища? Какою должна быть пища, чтобы она могла попасть въ кровь? Какія главныя составныя части всякой пищи? Что дѣлаетъ съ пищей желудочный сокъ? желчь? Какое значеніе имѣетъ языкъ? носъ? Опишите путь, который совершаетъ пища въ тѣлѣ человѣка.

Вредная пища и отравленіе.

I.

Человѣкъ ѣстъ животную пищу (мясное, рыбное, молочное, яйца) и растительную пищу (хлѣбъ, мучное, плоды, овощи, грибы). Всякую пищу надо приготовлять какъ слѣдуетъ: хлѣбъ надо хорошо пропекать, мясо, рыбу, грибы, овощи надо хорошо проваривать или прожаривать. Хорошо приготовленная пища лучше перевариваетъ въ желудкѣ, а пища сырая или недоваренная очень часто разстраиваетъ желудокъ. Кромѣ того, въ сырой пищѣ, напримѣръ, въ сыромъ мясѣ, нерѣдко заводятся крошечныя живыя твари, невидимыя простымъ глазомъ. Если ихъ проглотить живыми, то онѣ могутъ причинить разныя тяжкія болѣзни. Когда мясо варятъ, эти вредныя твари погибаютъ отъ жара, и тогда мясо становится безопаснымъ.

Такія же крошечныя твари водятся въ стоячей водѣ, напримѣръ, въ прудахъ; поэтому не слѣдуетъ пить такую воду сырою и не слѣдуетъ разводить ею квасъ, а надо сначала прокипятить ее и остудить.

Отъ нечистой воды происходятъ страшныя болѣзни — *тифъ* и *холера*. Воду для питья надо брать совершенно чистую изъ ключей, изъ быстрыхъ, свѣтлыхъ рѣчекъ или изъ глубокихъ колодцевъ, выкопанныхъ въ чистой землѣ, вдали отъ кладбищъ и отхожихъ мѣстъ. А когда болѣзнь уже появилась въ народѣ, тогда и такую чистую воду лучше прокипятить передъ питьемъ, чтобы уничтожить заразу. Зараза просачивается въ воду изъ грязной земли или попадаетъ изъ воздуха вмѣстѣ съ пылью.

II.

Желудокъ не разбираетъ, что намъ полезно и что вредно. Съѣдимъ ли мы хлѣбъ, полезное лѣкарство или какой-нибудь отвратительный ядъ, какъ мышьякъ или ядовитые грибы и такъ далѣе, — желудокъ принимаетъ все безъ разбора.

Если человѣкъ, по несчастью, проглотитъ что-нибудь ядовитое, надо немедленно позвать доктора, а самимъ употребить всѣ старанія, чтобы больного вырвало. Съ рвотою выйдетъ изъ желудка тотъ ядъ, который еще не успѣлъ просочиться въ кровь.

Чтобы больного вырвало, надо дать ему выпить побольше теплой воды и щекотать въ глоткѣ перомъ или пальцемъ, обмакнутымъ въ постное масло. Противъ нѣкоторыхъ ядовъ есть лѣкарства—противоядія; но нѣтъ такого противоядія, которое одинаково хорошо дѣйствовало бы противъ всѣхъ

ядовъ. Однако есть два средства, которыя хорошо дѣйствуютъ противъ многихъ ядовъ и никогда не приносятъ вреда. Это — *теплое молоко* и *сырые яичные бѣлки*.

Когда больного вырветъ, надо дать ему выпить побольше молока и сырыхъ яичныхъ бѣлковъ, сболтанныхъ съ теплой водой.

Вопросы. Почему вредно ѣсть сырое мясо и пить сырую воду? Откуда слѣдуетъ брать воду для питья? Какія страшныя болѣзни бываютъ отъ плохой воды? Что нужно дѣлать, если человѣкъ проглотилъ вредную пищу?

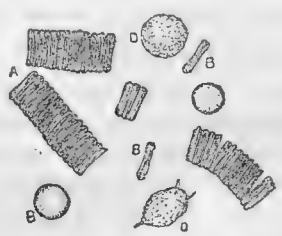
Кровь и кровообращеніе.

I.

Кровь служитъ для питанія тѣла. Питается же каждая частица въ тѣлѣ, поэтому нѣтъ въ тѣлѣ такого мѣста, куда бы не приливала кровь. Она наполняетъ всѣ части нашего тѣла. Отъ нея части эти бываютъ теплыми, отъ нея же и кожа имѣетъ красноватый цвѣтъ. Сдѣлаемъ такой опытъ. Перевяжемъ туго бечевкой палецъ. Скоро мы замѣтимъ, что палецъ начинаетъ холодѣть и дѣлаться блѣднымъ. Пройдетъ немного времени, палецъ изъ блѣднаго станетъ синимъ и совсѣмъ холоднымъ. Отчего это произошло? Это произошло отъ того, что кровь перестала приливать въ палецъ, ее не допустила туго стянутая бечевка. Палецъ сдѣлался безжизненнымъ, какъ бы мертвымъ. Но стоитъ отпустить бечевку, кровь опять пойдетъ въ палецъ, онъ сдѣлается теплымъ и розоватымъ. То же самое произойдетъ и съ рукой и съ ногой, если ихъ чѣмъ-нибудь туго перевязать. Значитъ, кровь даетъ тѣлу теплоту и жизнь. Если человѣкъ здоровъ, то теплота крови у него всегда бываетъ одинакова. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ кровь становится горячѣе. Тогда говорятъ, что у человѣка жаръ. Теплая кровь и у большинства животныхъ. Но есть животныя, у которыхъ кровь холоднѣе, чѣмъ у человѣка, напримѣръ, у лягушки, ящерицы, змѣи, рыбы.

II.

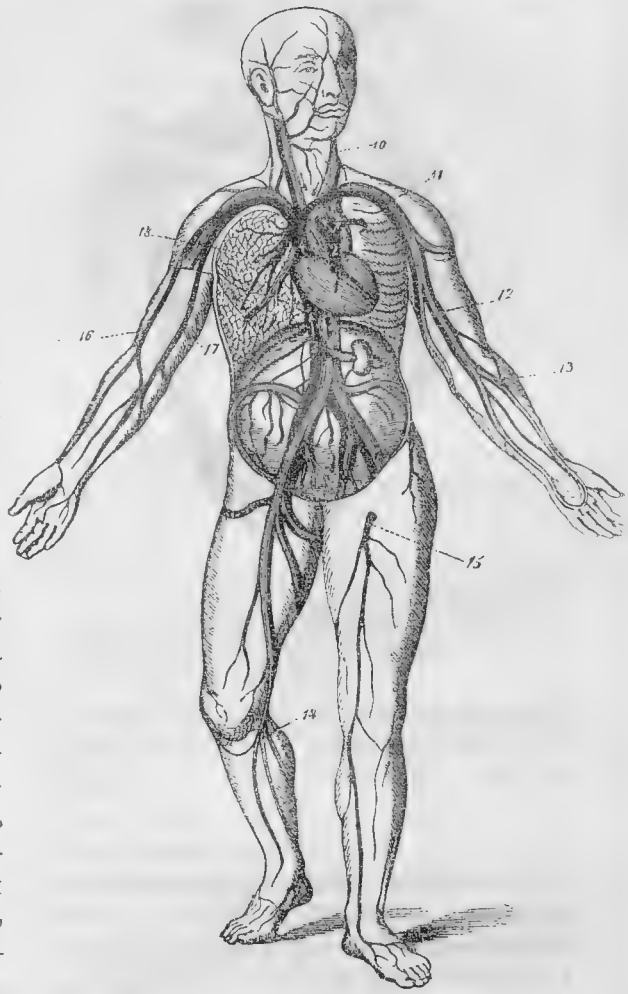
Что же такое кровь? По виду это—красная, густая липкая жидкость. Но если мы посмотримъ на каплю крови въ микроскопъ, то увидимъ, что она состоитъ изъ безцвѣтной жидкости и клѣточекъ, или *кровяныхъ тѣлецъ*, которыя плаваютъ въ ней. Одни изъ этихъ тѣлецъ краснаго цвѣта, ихъ больше, другія безцвѣтны—это бѣлыя кровяныя тѣльца, ихъ гораздо меньше, чѣмъ красныхъ. Всѣ вообще кровяныя



Кровь подъ микроскопомъ: A—столбикъ красныхъ тѣлецъ; B—красное тѣльце въ профиль; D—бѣлые шарики.

тѣльца такъ малы, что въ одной каплѣ крови ихъ находится нѣсколько сотъ тысячъ штукъ. Красныя кровяныя тѣльца имѣютъ видъ кружочковъ, которые въ серединѣ вдавлены, а по краямъ утолщены. Бѣлыя же кровяныя тѣльца имѣютъ видъ мягкихъ комочковъ въ видѣ шарика. Они немного больше красныхъ тѣлецъ и состоятъ изъ безцвѣтнаго вещества. Бѣлыя тѣльца постоянно измѣняютъ свою форму: выпускаютъ отростки, снова вбираютъ ихъ въ себя, вытягиваются въ длину и такимъ образомъ двигаются. Эти-то бѣлыя тѣльца, или клѣточки, и идутъ на постройку новыхъ частицъ въ тѣлѣ человѣка. Какое бы мѣсто въ тѣлѣ человѣка мы ни поранили, изъ раны вездѣ потечетъ

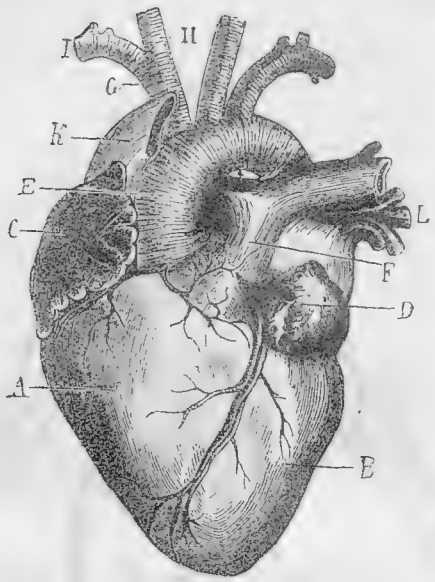
кровь, потому что въ тѣлѣ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы не было крови, она проникаетъ въ каждую точку тѣла. Но это не значитъ, что кровь просто налита въ тѣлѣ, какъ жидкость въ какомъ-нибудь сосудѣ. Кровь находится въ особыхъ трубкахъ, которыя пронизываютъ все тѣло. Трубки эти называются кровеносными сосудами. Толщина ихъ бываетъ различная. Самыя толстыя толщиною въ палецъ, а самыя тонкія въ нѣсколько разъ тоньше волоса, ихъ поэтому и называютъ *волосными* кровеносными сосудами. Они-то и проходятъ въ каждой точкѣ тѣла. Кровь никогда не находится въ покоѣ, она постоянно, пока человѣкъ живъ, движется по кровеноснымъ сосудамъ. По однимъ сосудамъ она течетъ медленно, спокойно, а по другимъ она движется толчками. На рукѣ немного повыше ладони можно прощупать пальцемъ такое мѣсто, гдѣ эти толчки движущейся крови чувствуются отчетливо. Про это мѣсто говорятъ: „здѣсь бьется пульсъ“. На нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ кожей человѣка замѣтны синенькія жилки (на рукахъ, ногахъ, на лицѣ). Эти жилки—тоже кровеносные сосуды. Сколько бы мы ни давили пальцемъ на эти жилки, толчковъ мы никогда не почувствуемъ. Это потому, что кровь въ нихъ течетъ медленно, спокойно.



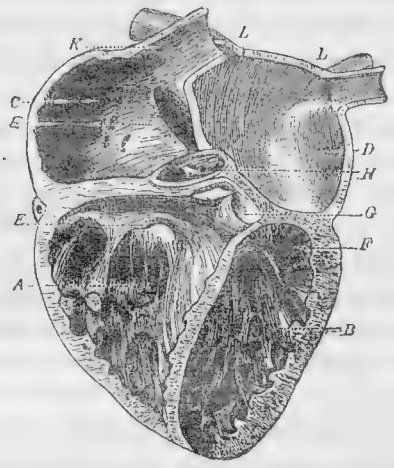
Кровеносные сосуды въ тѣлѣ человѣка.

III.

Самые большіе изъ кровеносныхъ сосудовъ находятся внутри груди и живота. Оттуда они расходятся по всему тѣлу, при этомъ чѣмъ дальше они идутъ, тѣмъ все тоньше и тоньше становятся, пока, наконецъ, не сдѣлаются волосными сосудами. Всѣ сосуды, въ которыхъ кровь движется толчками, идутъ изъ одного мѣшка, величиною съ кулакъ. Мѣшокъ этотъ лежитъ въ средней части груди. Онъ называется *сердцемъ*. Стѣнки сердца толстыя. Онѣ состоятъ изъ сильныхъ мускуловъ. Пока человѣкъ живетъ, мускулы эти постоянно сокращаются и расширяются. Эти сокращенія и расширенія можно слышать, если приложить ухо къ груди человѣка. Говорятъ: „у человѣка бьется сердце“. Когда мускулы сердца сократятся, сердце вытолкнетъ кровь, которая находится внутри его, въ кровеносные сосуды. Кровь толчкомъ побѣжитъ по тѣмъ сосудамъ, которые начинаются отъ сердца, эти сосуды называются *артеріями*. По артеріямъ кровь доходитъ до волосныхъ сосудовъ. Изъ волосныхъ сосудовъ кровь идетъ въ сосуды ко-



Сердце съ выходящими изъ него и входящими въ него кровеносными сосудами. *A* и *C*—правая половина сердца; *B* и *D*—лѣвая половина сердца; *E*—главная артерія, по которой кровь течетъ изъ сердца (а о р т а).



Видны четыре отдѣленія сердца: *A* — правый желудочекъ; *C*—правое предсердіе; *B*—лѣвый желудочекъ; *D*—лѣвое предсердіе.

торые проводятъ ее опять въ сердце. Это — тѣ синенькія жилки, про которыя мы уже говорили. Онѣ называются *венами*. Кровь течетъ въ нихъ тихо. Послѣ того, какъ сердце сократилось и вытолкнуло кровь въ артеріи, оно начинаетъ расширяться, въ это время оно наполняется опять кровью, которая приливаетъ уже изъ венъ. Такъ и путешествуетъ кровь по тѣлу. Изъ сердца по артеріямъ до волосныхъ сосудовъ, отъ нихъ по венамъ опять въ сердце. Кровь дѣлаетъ какъ бы кругъ. Путешествіе ея по тѣлу называется *кровообращеніемъ*.

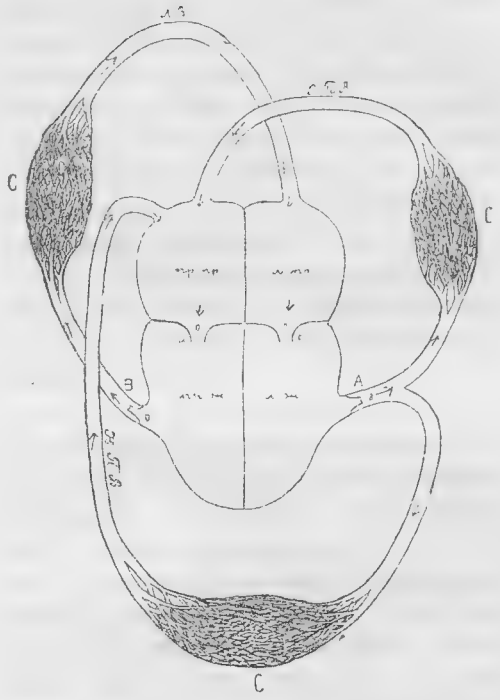
IV.

Сердце внутри имѣетъ двѣ перегородки. Одна идетъ сверху внизъ и раздѣляетъ полость сердца на правую и лѣвую части. Другая перегородка идетъ слѣва направо и дѣлитъ каждую изъ частей еще на двѣ части: на верхнюю и нижнюю, такъ что всего въ сердцѣ четыре отдѣленія, какъ бы четыре комнаты: двѣ вверху и двѣ внизу. Верхнія отдѣленія называются *предсердіями*, нижнія—*желудочками*. Посмотрите на рисунокъ, вы увидите, что одно предсердіе будетъ лѣвое, другое—правое; точно такъ же и желудочки сердца: одинъ правый, другой—лѣвый. Перегородки сердца устроены такъ, что изъ лѣвой части въ правую попасть нельзя, потому что въ этой перегородкѣ нѣтъ отверстія; изъ верхней же части въ нижнюю перейти можно, потому что въ перегородкѣ, которой отдѣляется каждое предсердіе отъ соотвѣтствующаго желудочка, есть отверстіе. Изъ одного предсердія въ другое пройти нельзя; также и изъ желудочка въ желудочекъ нельзя пройти, между ними нѣтъ дверей. А изъ предсердія въ желудочекъ пройти можно: между ними есть отверстія, есть дверки.

Кровь на своемъ пути дѣлаетъ два круга: изъ лѣваго желудочка сердца (см. рис. стр. 241) она идетъ по всему тѣлу, затѣмъ въ правое предсердіе,— это одинъ кругъ. Изъ праваго предсердія въ правый желудочекъ, откуда въ легкія, а изъ нихъ въ лѣвое предсер-

діе,—это другой кругъ. Первый кругъ гораздо больше второго. Онъ называется большимъ кругомъ кровообращенія, второй — малымъ. Изъ сердца кровь идетъ толчками, въ волосныхъ сосудахъ она идетъ медленно. Медленно течетъ и по венамъ. Вотъ почему, если разрѣзать артерію, то кровь изъ раны будетъ бить сильной струей; если же разрѣзать вену, то кровь потечетъ медленно. Ее въ этомъ случаѣ легко и остановить. Тогда какъ изъ артеріи кровь остановить гораздо труднѣе.

Вопросы. Что получаетъ изъ крови тѣло человѣка? Что можно сказать про теплоту крови у здороваго человѣка? Изъ чего состоитъ кровь? Чѣмъ красныя кровяныя тѣльца отличаются отъ бѣлыхъ? Какіе бываютъ кровеносные сосуды? Какъ движется кровь по разнымъ сосудамъ? На сколько частей раздѣляется сердце? Какія отдѣленія сердца соединяются между собой и какія не соединяются? Сколько круговъ кровообращенія?



Два круга кровообращенія. Въ серединѣ сердце, раздѣленное на четыре части: *пр. пр.*—правое предсердіе; *л. пр.*—лѣвое предсердіе; *пр. ж.*—правый желудочекъ; *л. ж.*—лѣвый желудочекъ; *A*—артеріи, *B*—вены, *C*—волосные сосуды.

Дыханіе человѣка.

Углекислота.

Мы сказали, что кровь очищается въ легкихъ. Очищаетъ ее тамъ воздухъ. Мы уже знаемъ, изъ какихъ газовъ состоитъ воздухъ—изъ кислорода и азота, знаемъ также, что для жизни человѣка нуженъ кислородъ. Онъ поддерживаетъ въ тѣлѣ человѣка тепло. Безъ него человѣкъ не можетъ прожить и двухъ минутъ. Если въ воздухѣ почему-нибудь уменьшится кислорода, человѣку трудно будетъ дышать, онъ будетъ задыхаться. Когда же въ воздухѣ кислорода достаточное количество, человѣкъ дышитъ легко и чувствуетъ себя бодро.

Въ тѣлѣ человѣка образуется постоянно одинъ очень вредный газъ, который выходитъ вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ. Газъ этотъ—углекислота. Посмотримъ, что это за газъ.

Налейте въ стаканъ немного известковой воды, которую можно купить въ любой аптекѣ, и попробуйте дуть въ нее ртомъ. Вы сейчасъ же увидите, что вода помутнѣетъ. Эта муть есть не что иное, какъ очень мелкій порошокъ мѣла.

Значитъ, въ выдыхаемомъ нами воздухѣ есть что-то такое, что превращаетъ известь, растворенную въ известковой водѣ, въ мѣлъ.

Если бросить кусокъ мѣла въ крѣпкій уксусъ, то этотъ мѣлъ скоро покроется пузырьками какого-то газа.

Пузырьки этого газа будутъ отрываться отъ мѣла и всплывать кверху. Это есть тотъ самый газъ, который выходитъ изъ сельтерской воды или крѣпкаго кваса, когда откупорена бутылка. Его назвали „углекислотою“, или „углекислымъ“ газомъ, потому что онъ всегда появляется въ воздухѣ,

когда горитъ уголь. Въ извести его нѣтъ. Если кусочекъ извести бросить въ уксусъ, то она просто распустится. Наоборотъ, въ мѣлу есть углекислый газъ, который выгоняется изъ него уксусомъ. Если мѣлъ просто накалить, то углекислый газъ уйдетъ изъ него отъ жара, и тогда вмѣсто мѣла останется опять простая известь.

Стало-быть, углекислый газъ есть и въ выдыхаемомъ нами воздухѣ. Отъ него-то известь известковой воды и превратилась въ мѣлъ.

Углекислый газъ постоянно образуется въ тѣлѣ животныхъ и выходитъ вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ. Онъ не поддерживаетъ жизни, и животное въ этомъ газѣ быстро задыхается. Въ запертой комнатѣ, въ которой скопилось много народу, воздухъ всегда скоро портится. Тамъ становится душно. Почему? Потому, что въ такой комнатѣ накопляется мало-по-малу углекислый газъ.

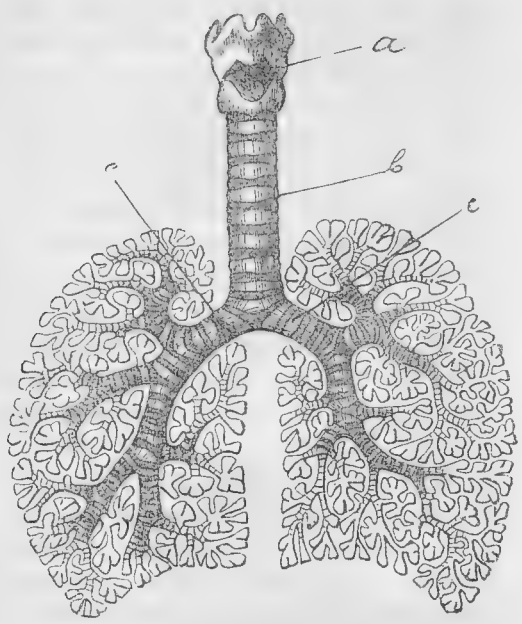
Въ обыкновенномъ воздухѣ тоже есть углекислый газъ, но его тамъ очень мало; примѣрно, четыре части его приходится на 10 тысячъ частей обыкновеннаго воздуха. Но количество его постоянно мѣняется. Въ городахъ, гдѣ скопляется много народу, углекислаго газа больше, чѣмъ за городомъ. Оттого-то лѣтомъ, пользуясь лѣтними каникулами, кто можетъ, уѣзжаетъ за городъ въ деревню или на дачу. Еще меньше углекислоты высоко надъ землею — въ горахъ, но всего меньше ея надъ моремъ. Въ воздухѣ надъ самымъ моремъ углекислаго газа совсѣмъ нѣтъ. Поэтому-то такъ легко и дышится на морѣ.

Вопросы. Какой газъ выдыхаетъ изъ себя человѣкъ? Что получится, если известь соединится съ углекислотой? Какъ изъ мѣла выдѣлить чистую известь? Почему трудно становится дышать, когда въ комнатѣ собирается много народа? Въ какихъ мѣстахъ воздухъ содержитъ меньше углекислоты? Почему люди стремятся лѣтомъ уѣхать за городъ?

Органы дыханія.

При дыханіи воздухъ поступаетъ въ тѣло человѣка черезъ ротъ и носовую полость. Сначала онъ идетъ въ глотку. Это — полость въ видѣ воронки, лежащая сзади рта. Изъ глотки внизъ ведутъ два отверстія. Одно—заднее, мы про него уже говорили. Это то, отъ котораго начинается пищеводъ и черезъ которое проходитъ пища. Другое отверстіе находится впереди, сейчасъ за ртомъ. Въ это-то отверстіе и поступаетъ вдыхаемый нами воздухъ. Отъ отверстія начинается трубка, ведущая въ грудную полость. Трубка эта вся составлена изъ хрящевыхъ полуколецъ, затянутыхъ съ задней стороны мягкой мускулистой перепонкой. Трубка эта называется дыхательнымъ горломъ. Мы легко можемъ прощупать ее у себя съ передней стороны шеи, сейчасъ же подъ кожей. Верхняя часть дыхательнаго горла, тотчасъ за входнымъ отверстіемъ, немного расширена и называется гортанью. Въ гортани находится тотъ аппаратъ, при помощи котораго мы можемъ издавать звуки и произносить слова, говорить.

Войдя въ грудную полость, дыхательное горло дѣлится на двѣ вѣтви, правую и лѣвую, ихъ называютъ бронхами (см. рис. стр. 243). Вѣтви эти также состоятъ изъ хрящевыхъ колецъ. Онѣ также развѣтвляются, при чемъ новыя вѣтки, въ свою очередь, опять дѣлятся на меньшія, которыя вѣтвятся все дальше и дальше, пока не получится очень маленькихъ вѣточекъ, такихъ маленькихъ, что простымъ глазомъ ихъ и не разсмотришь. Въ общемъ дыхательное горло съ своими вѣтвями напоминаетъ дерево со множествомъ вѣтвей и вѣточекъ. Каждая мельчайшая

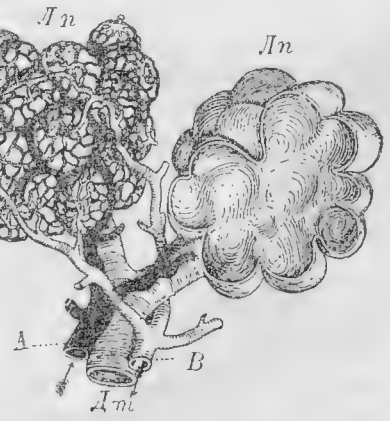


Органы дыханія: *a*—гортань, *b*—дыхательное горло, *c* бронхи и ихъ развѣтвленія въ легкихъ.

вѣточка оканчивается пустымъ пузырькомъ изъ мягкой эластичной ткани. Вѣтки дыхательнаго горла и пузырьки образуютъ легкія. Они одѣты перепонкой и лежатъ внутри нашей грудной полости.

Въ легкихъ густою сѣтью проходятъ тѣ волосные сосуды, по которымъ испорченная кровь идетъ изъ праваго желудочка сердца. Волосные сосуды проходятъ въ стѣнкахъ легочныхъ пузырьковъ. Такъ какъ и стѣнки легочныхъ пузырьковъ и стѣнки волосныхъ сосудовъ очень тонки, то воздуху, проникшему въ легочные пузырьки, легко очистить кровь, проходящую по волоснымъ сосудамъ въ легкихъ. Что же происходитъ съ кровью, когда она очищается? Происходитъ вотъ что: красные кровяные шарики берутъ изъ воздуха кислородъ и несутъ его въ каждую клѣточку тѣла. Клѣточки тѣла—живыя существа, а мы уже говорили, что ни одно живое существо не можетъ жить безъ кислорода. Не могутъ жить безъ него и клѣточки. Взявши изъ воздуха легкихъ кислородъ, красные шарики отдаютъ ему угольную кислоту. Ее красные шарики берутъ изъ клѣточекъ, какъ негодный, вредный газъ. Такимъ образомъ красные шарики, когда бѣгутъ изъ легкихъ, черезъ сердце, по всему тѣлу разносятъ клѣточкамъ кислородъ. Когда же возвращаются черезъ сердце опять въ легкія, то собираютъ по клѣточкамъ угольную кислоту и несутъ ее въ легкія. Поэтому воздухъ, который мы выдыхаемъ изъ легкихъ, содержитъ въ себѣ мало кислороду и много угольной кислоты. Воздухъ этотъ будетъ уже испорченъ, дышать имъ нельзя. Вотъ почему, когда въ комнатѣ бываетъ много народу, то трудно становится дышать, въ тѣлѣ чувствуется усталость, головная боль. Люди поглотили кислородъ изъ воздуха, наоборотъ, выдѣлили много угольной кислоты.

Вопросы. Какимъ путемъ воздухъ проникаетъ въ легочные пузырьки? Гдѣ находится голосовой аппаратъ? Что дѣлается съ воздухомъ, который поступаетъ въ легкія? Какую работу исполняютъ красные кровяные шарики? Опишите, какъ устроены легкія?

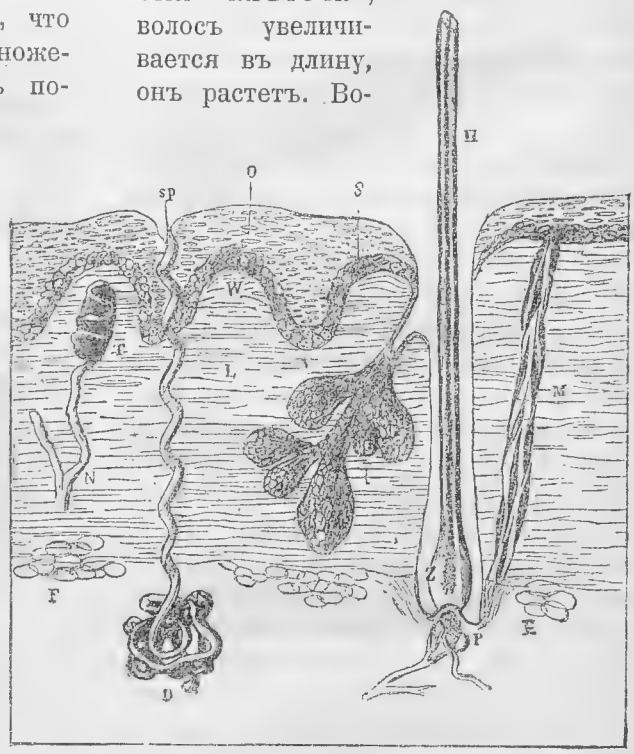


Два легочныхъ пузырька *Лп.* (сильно увеличены). На лѣвомъ пузырькѣ изображена сѣть волосныхъ сосудовъ, на которые распался кровеносный сосудъ (*А*), приносящій испорченную кровь.

Кожа.

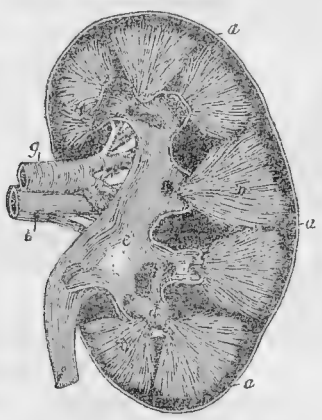
Кожа одѣваетъ снаружи все тѣло человѣка и такимъ образомъ защищаетъ внутреннія нѣжныя части и органы нашего тѣла. Кожа состоитъ изъ трехъ слоевъ: наружнаго, средняго и внутренняго. Въ среднемъ слоѣ кожи густою сѣтью проходятъ волосные кровеносные сосуды, черезъ которые кровь и здѣсь, какъ въ легкихъ, выдѣляетъ угольную кислоту и принимаетъ кислородъ, т.-е. очищается. Поэтому и говорятъ, что человѣкъ дышитъ также и кожею. Кромѣ угольной кислоты, въ среднемъ слоѣ кожи изъ крови выдѣляется еще вода, которая собирается на поверхности кожи въ видѣ маленькихъ капелекъ пота. Если посмотримъ на кожу въ увеличительное стекло, то замѣтимъ, что на поверхности ея разсѣяно множество ямочекъ, ихъ называютъ порами. Отъ каждой поры (см. рисунокъ) внутри кожи идетъ извилистая трубочка, въ видѣ штопора. Эта трубочка образуетъ какъ бы клубочекъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ кровеносными сосудами. Изъ нихъ въ клубочекъ просасывается лишняя влага, которая черезъ трубочку выходитъ наружу. Влага эта выходитъ постоянно; обыкновенно она сейчасъ же обращается въ паръ и улетучивается. Но иногда влаги выходитъ сразу очень много, она не успѣетъ обратиться въ паръ и тогда скапливается на поверхности кожи въ видѣ капель пота. Говорятъ, человѣкъ вспотѣлъ. Въ толщѣ кожи, кромѣ потовыхъ железокъ, находятся еще железки въ видѣ гроздьевъ винограда. Въ этихъ железкахъ вырабатывается сало. Оно выходитъ наружу и смазываетъ кожу, отчего она дѣлается мягкой. Безъ кожнаго сала кожа сдѣлалась бы жесткой и стала бы трескаться. Очень важно, чтобы поры, черезъ которыя выходитъ потъ, и отверстія, черезъ которыя выходитъ сало, были всегда открыты. Но иногда на кожѣ скопляется грязь, она замазываетъ эти отверстія. Черезъ нихъ не могутъ уже тогда выходить ни потъ, ни сало, ни угольная кислота. Кровь будетъ плохо очищаться, человѣкъ можетъ заболѣть.

Изъ средняго слоя кожи выходятъ и волосы. Нижній конецъ волоса расширенъ и сидитъ на бугоркѣ; къ этому бугорку (онъ называется волосяной луковицей) подходятъ кровеносные сосуды. Здѣсь постоянно образуются новыя клѣточки, волосъ увеличивается въ длину, онъ растетъ. Во-



Человѣческая кожа въ разрѣзѣ: *O*—верхній слой, *A*—собственно кожа, *N*—нервъ и осязательное тѣльце, *T*—*W*—кожный сосочекъ, *D*—потовая железа съ выводящимъ каналомъ и порою, *Sp*, *t*—сальная железа, *H*—волосъ, *Z*—волосяная луковица, сидящая на волосяномъ росткѣ, къ которому подходятъ сосуды, *B*—внутренній слой кожи.

лось можетъ расти до извѣстной длины, затѣмъ онъ выпадаетъ, а на его мѣсто изъ луковицы начинаетъ расти новый. Въ среднемъ слоѣ кожи проходитъ много нервныхъ волоконъ. Нѣкоторыя изъ этихъ волоконъ оканчиваются длинненькими тѣльцами. Эти первы и тѣльца служатъ для осязанія. Дотрогиваясь кожей до предмета, мы узнаемъ, каковъ этотъ предметъ: гладкій или шероховатый, холодный или теплый, круглый или плоскій. Говорятъ, мы осязаемъ предметъ. Кожа служитъ органомъ осязанія.



Почка, разрѣзанная отвѣсно.

Мы сказали, что лишняя влага изъ крови выходитъ черезъ кожу въ видѣ пота. Но еще больше выходитъ влаги изъ крови черезъ почки въ видѣ мочи. У человѣка двѣ почки. Это большія железы. Онѣ лежатъ въ полости живота по обѣ стороны позвоночнаго столба. Въ почки входятъ кровеносные сосуды и выдѣляютъ здѣсь лишнюю влагу. Влага эта собирается въ трубочки, изъ которыхъ состоятъ почки; изъ трубочекъ почекъ она по двумъ каналамъ скопляется въ особомъ пузырѣ, а затѣмъ выходитъ наружу, это—моча. Такимъ образомъ кровь очищается также и въ почкахъ.

Вопросы. Сколько слоевъ въ кожѣ? Что находится въ среднемъ слоѣ кожи? Какую важную роль играетъ кожа? Почему необходимо всегда содержать въ чистотѣ кожу нашего тѣла? Что такое почки? Для чего онѣ служатъ? Сколько ихъ? Гдѣ онѣ находятся?

Задачи. На рисункѣ (стр. 244) изображенъ разрѣзъ кожи. Укажите на немъ сальныя и потовыя железки, корень волоса и осязательныя тѣльца.

Органы чувствъ.

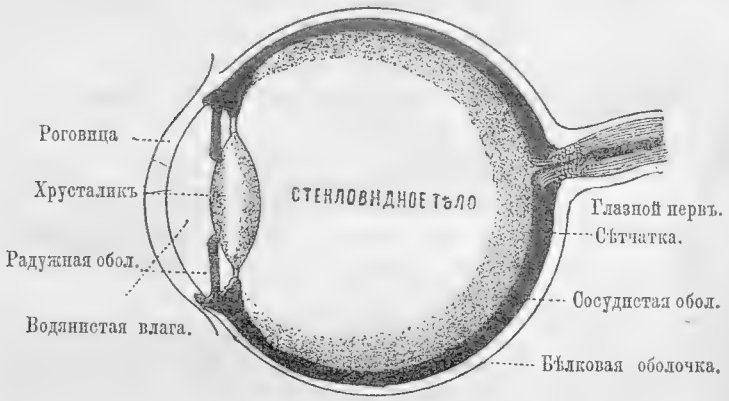
I.

Мы узнаемъ предметы окружающаго насъ міра при помощи нашихъ чувствъ: зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія. Если бы у человѣка не было этихъ чувствъ, то онъ не зналъ бы, что его окружаетъ въ мірѣ. Мы уже говорили, что каждое чувство имѣетъ свой органъ. Припомните и скажите, что служитъ органомъ зрѣнія? органомъ слуха? вкуса? обонянія? осязанія?

Посмотримъ теперь, какъ устроенъ каждый изъ этихъ органовъ.

Органъ зрѣнія — глазъ лежитъ въ костяной впадинѣ черепа. Она называется *глазной* впадиной, или *глазницей*. Глазъ—органъ очень нѣжный, поэтому около него находится нѣсколько придатковъ, которые оберегаютъ его отъ всего, что можетъ подѣйствовать вредно, испортить этотъ нѣжный органъ. Такъ, сверху надъ глазами находятся брови. Онѣ не даютъ стекать на глаза со лба ѣдкому поту и отводятъ его въ сторону. Безъ бровей потъ стекалъ бы прямо на глаза и разъѣдалъ бы ихъ. Сверху и снизу надъ каждымъ глазомъ находятся маленькія крышечки — *вѣки*. Какъ только глазу грозитъ какая-нибудь опасность или же попадаетъ очень яркій свѣтъ, вѣки моментально сходятся и закрываютъ глазъ. Дѣлается это очень быстро, какъ говорятъ, въ одинъ мигъ. Приставьте быстро къ глазу палецъ, и вы увидите, что вѣки сомкнутся очень

быстро, помимо вашей воли. Но и черезъ сомкнутыя вѣки въ глазъ могутъ попасть очень мелкіе предметы, напр., пыль; чтобы этого не произошло, по краю вѣкъ растутъ мелкіе волоски — *рѣсницы*. Черезъ нихъ не пройдутъ и самые мелкіе предметы. Но, несмотря на вѣки и рѣсницы, на глазъ все-таки иногда падаетъ пыль. Ее нужно смыть. Для этого служатъ слезы. Онѣ выдѣляются изъ особыхъ железъ, которыя лежатъ около глазъ. Вѣки время отъ



Отвѣсный разрѣзъ человѣческаго глаза.

времени приходятъ въ движеніе сами собой, помимо нашей воли—*мигаютъ*. Это бываетъ тогда, когда на глазъ попадаетъ пыль. Движеніемъ вѣкъ пыль смывается. Иначе пыли накопилось бы много, и глазъ плохо бы видѣлъ. Это все равно, какъ человѣкъ протираетъ очки, когда на нихъ насядетъ пыль. Слезы, обмывъ глазъ, стекаютъ потомъ по особому канальцу въ полость носа. Если же слезъ сразу выдѣляется очень много, онѣ не успѣваютъ пройти въ полость носа и выливаются наружу. Говорятъ, человѣкъ плачетъ.

Брови, вѣки, рѣсницы, слезныя железы, — все это придатки, окружающіе глазъ. Самый же органъ зрѣнія, глазъ, имѣетъ форму шара или яблока, онъ такъ и называется *глазнымъ яблокомъ*. Стѣнки глазного яблока (см. рис.) состоятъ изъ трехъ оболочекъ. Наружная оболочка, бѣлаго цвѣта, называется бѣлковой оболочкой. Передняя часть бѣлковой оболочки, черезъ которую въ глазъ проходятъ лучи свѣта, прозрачна. Она болѣе выпукла и напоминаетъ собою часовое стекло. Вторая оболочка глазного яблока богата кровеносными сосудами, поэтому ее и называютъ сосудистой. Передняя часть сосудистой оболочки не выпуклая, а плоская, благодаря чему между нею и прозрачной частью бѣлковой оболочки образуется пространство, наполненное водянистой влагой. Плоская часть сосудистой оболочки у разныхъ людей бываетъ разнаго цвѣта: чернаго, сѣраго, каряго, голубого и называется радужной оболочкой. Въ серединѣ радужной оболочки находится круглое отверстіе — *зрачокъ*. За радужной оболочкой, внутри глазного яблока, лежитъ прозрачное тѣло, въ видѣ чечевицы — *хрусталикъ*. Черезъ зрачекъ проходятъ въ глазъ лучи свѣта. Съ задней стороны въ глазное яблоко входитъ глазной нервъ, онъ идетъ отъ головного мозга. Глазной нервъ проходитъ черезъ бѣлковую и сосудистую оболочки и развѣтвляется по внутренней поверхности, образуя, такимъ образомъ, третью оболочку — *сѣтчатую*. Внутренность глазного яблока наполнена прозрачной студенистой массой.

Предметы человѣкъ можетъ видѣть только тогда, когда они освѣщены солнцемъ или свѣтомъ изъ какого-нибудь другого источника свѣта. Въ темной комнатѣ, куда не проходитъ ни одинъ лучъ свѣта, мы ничего не видимъ.

Отъ каждаго свѣтящагося предмета исходятъ и расходятся во всѣ стороны

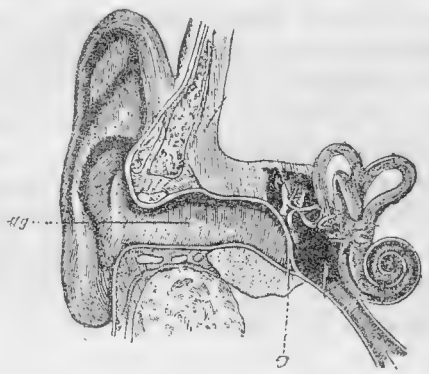
лучи свѣта. Будетъ ли это солнце, луна, лампа, свѣча—все равно, во всѣ стороны отъ нихъ идутъ лучи свѣта. Попадая на предметъ, эти лучи отражаются отъ него и идутъ назадъ опять въ разныя стороны. Если на пути этихъ отраженныхъ лучей будетъ глазъ человѣка, то они попадутъ въ зрачокъ, пройдутъ черезъ хрусталикъ и стекловидное тѣло и дойдутъ до сѣтчатой оболочки. Здѣсь эти лучи нарисуютъ тотъ самый предметъ, отъ котораго они идутъ. Отраженіе предмета получится на сѣтчатой оболочкѣ, все равно, какъ изображеніе предмета получается въ зеркалѣ. Сѣтчатая оболочка отъ этого раздражится, раздраженіе по глазному нерву передастся въ мозгъ. Человѣкъ узнаетъ, какой предметъ передъ его глазами, онъ будетъ *видѣть* его.

У нѣкоторыхъ людей хрусталикъ въ глазу бываетъ испорченъ: онъ или слишкомъ выпуклъ или слишкомъ плоскъ, отчего изображеніе предметовъ не приходится на сѣтчатой оболочкѣ, и человѣкъ видитъ плохо. Чтобы исправить этотъ недостатокъ, передъ глазами нужно носить особыя стекла. Такія стекла называются *очками*.

II.

Органъ слуха — ухо. По бокамъ головы у человѣка есть два отверстія. Отверстія эти окружены ушными раковинами. Отъ ушного отверстія внутрь идетъ трубочка—слуховой проходъ, который съ внутренней стороны затянутъ тонкой кожицей—*барабанной перепонкой*. Эта перепонка отдѣляетъ *слуховой проходъ* отъ средняго уха, за которымъ начинается самая важная часть органа слуха — внутреннее ухо. Въ средней части уха есть три маленькихъ косточки, которыя идутъ другъ за дружкой, соединяясь между собой. Одна крайняя косточка упирается въ барабанную перепонку, другая крайняя косточка съ другой стороны упирается въ перепонку, которой затянутъ входъ во внутреннее ухо. Эти косточки образуютъ какъ бы мостикъ, по которому можно пройти отъ слухового прохода во внутреннее ухо. Во внутреннемъ ухѣ уже развѣтвляется слуховой нервъ.

Всякій звукъ происходитъ отъ сотрясенія воздуха. Когда мы говоримъ, поемъ, кричимъ, стучимъ, играемъ, то мы приводимъ въ движеніе воздухъ.



Разрѣзъ уха: *yg* — слуховой проходъ, *tf*—барабанная перепонка; справа отъ барабанной перепонки—среднее и внутреннее ухо.

Воздухъ движется волнами, которыя расходятся во всѣ стороны. Какъ лучи свѣта расходятся отъ свѣтящагося предмета во всѣ стороны, такъ и воздушныя волны расходятся во всѣ стороны отъ звучащаго предмета. Звуковая волна попадаетъ въ слуховое отверстіе, проходитъ слуховой проходъ и ударяетъ въ барабанную перепонку. Она сотрясается, и это сотрясеніе по косточкамъ средняго уха переходитъ во внутреннее ухо, гдѣ развѣтвляется слуховой нервъ, который отъ этого раздражается и передаетъ раздраженіе головному мозгу,—человѣкъ *слышитъ* звуки. Ушная раковина служитъ для того, чтобы собирать звуковыя волны и направлять ихъ въ слуховое отверстіе. Безъ раковины человѣкъ слышалъ бы гораздо

хуже. У животныхъ ушныя раковины могутъ двигаться. Онѣ направляются всегда въ ту сторону, откуда несется звукъ. Особенно это замѣтно бываетъ у лошадей, про которыхъ говорятъ въ этомъ случаѣ, что онѣ прядутъ ушами. Человѣкъ ушными раковинами двигать не можетъ.

III.

Другіе органы чувствъ. Органомъ *обонянія* служитъ верхняя часть носовой полости, гдѣ развѣтвляется обонятельный нервъ. Обоняніемъ мы узнаемъ запахъ предметовъ. Органомъ *вкуса* служитъ языкъ. На поверхности языка есть маленькіе бугорки-сосочки. Въ этихъ сосочкахъ оканчиваются развѣтвленія вкусового нерва. Органомъ *осязанія* служитъ кожа, въ которой развѣтвляются осязательные нервы.

Вопросы. На какой части человѣческаго тѣла, главнымъ образомъ, сосредоточены органы чувствъ? Съ чѣмъ и при помощи чего соединяется каждый органъ чувства? Какую пользу приносятъ человѣку брови? рѣсницы? вѣки? Зачѣмъ нужны слезы? Опишите устройство глазного яблока. Что идетъ отъ каждаго свѣтящагося тѣла? Для чего нѣкоторые люди носятъ очки? Разскажите, какъ устроенъ органъ слуха? Для чего нужна ушная раковина? Что служитъ органомъ обонянія? Органомъ вкуса? Органомъ осязанія?

Какой вредъ человѣку отъ вина.

I.

Многіе люди не видятъ вреда отъ водки, особенно если человѣкъ пьетъ понемногу, рѣдко бываетъ пьянъ. Но поскольку бы ни пилъ человѣкъ, онъ все равно, хотя и медленно, но отравляетъ свой мозгъ и тѣло виннымъ ядомъ, *алкоголемъ*.

Винный ядъ вина или водки не приноситъ никакой пользы человѣку, хотя нѣкоторые и думаютъ, что водка согрѣваетъ человѣка или помогаетъ пищеваренію, и поэтому пьютъ водку передъ обѣдомъ или зимой въ дорогѣ. Вредъ же отъ водки огромный. Я постараюсь объяснить вамъ, какъ и почему вредна водка или вино и почему они не могутъ принести пользы.

II.

Возьмите крѣпкаго спирту (это и есть винный ядъ — алкоголь съ водой), помочите имъ кожу на рукѣ, — сначала вы почувствуете холодъ, а потомъ намоченное мѣсто начнетъ горѣть и покраснѣетъ. Если спиртъ взять на языкъ, то языкъ станетъ сильно жечь. Стѣнки нашего желудка очень нѣжны, и алкоголь на нихъ еще сильнѣе дѣйствуетъ,— отъ алкоголя бываетъ въ желудкѣ и кишкахъ воспаленіе. Отъ этой болѣзни люди нерѣдко умираютъ.

Въ водкѣ и винахъ виннаго яду меньше, чѣмъ въ крѣпкомъ спиртѣ, но зато вѣдь сколько выпиваетъ водки или вина пьющій человѣкъ! Винный ядъ мало-по-малу портитъ нѣжныя стѣнки желудка, жжетъ ихъ, и на нихъ образуются язвочки, желудокъ воспаляется. Желудочный сокъ также портится отъ алкоголя и уже не можетъ хорошо переваривать пищу. Вотъ почему водка не можетъ помогать пищеваренію, а только мѣшаетъ ему.

Въ желудкѣ алкоголь нисколько не измѣняется, а такимъ же ядомъ просачивается въ кровь и разносится кровью по всему тѣлу человѣка. Нигдѣ алкоголь не нуженъ, нигдѣ онъ не идетъ въ дѣло, и вездѣ мѣшаетъ нужной, хорошей пищѣ переходить въ кровь, а крови — передѣлываться въ кости, мускулы и другія ткани человѣческаго тѣла.

Только изъ здоровой крови образуются кости, мускулы, сухожилія и

тому подобное; но если кровь заражена алкоголемъ, то кости перестаютъ укрѣпляться, мускулы или превращаются въ жиръ или слабѣютъ, и вокругъ нихъ нарастаетъ слой жира. Отъ этого-то мускулы не могутъ хорошо сокращаться, и тѣло человѣка не можетъ какъ слѣдуетъ двигаться, человѣкъ слабѣетъ и дѣлается вялымъ.

III.

Съ кровью же винный ядъ попадаетъ въ сердце и заставляетъ его быстрѣе биться. У сердца и безъ того много работы, такъ что лишняя работа утомляетъ его, и оно дѣлается слабымъ. Отъ алкоголя же сердце жирѣетъ, а ожирѣвшее сердце очень слабо работаетъ, слабо разсылаетъ кровь по всему тѣлу человѣка.

Когда винный ядъ съ кровью притекаетъ къ легкимъ, то онъ просачивается въ легкія, разъѣдаетъ ихъ нѣжные легочные пузырьки. Отъ этого легкія легко могутъ быть простужены, и человѣкъ начнетъ кашлять.

У здороваго человѣка всѣ жилки и сосудики, по которымъ протекаетъ кровь, одинаково ровно расширяются. У пьющаго человѣка жилки расширяются сильнѣе, чѣмъ нужно, стѣнки ихъ ослабѣваютъ, дѣлаются тоньше и могутъ даже лопнуть. Это очень опасно, отъ этого человѣкъ можетъ умереть.

Когда человѣкъ выпьетъ водки, то кровь сильно приливаетъ къ его кожѣ и согрѣваетъ ее, но въ то же время сама-то кровь, протекая такъ близко отъ наружнаго холоднаго воздуха, быстро охлаждается. Вотъ почему человѣкъ, который пьетъ въ морозъ, только обманываетъ себя; онъ на первое время согрѣвается, но потомъ скоро еще сильнѣе начнетъ мерзнуть.

IV.

Человѣкъ, ожирѣвшій отъ водки, часто толстѣетъ, но выглядитъ нездоровымъ, вялымъ, пока не выпьетъ вина. Ему уже нужна водка, чтобы ослабѣвшее сердце сильнѣе забилось, чтобы кровь побѣжала быстрѣе. Послѣ выпитой водки человѣкъ ободряется, чувствуетъ себя сильнымъ, а черезъ нѣсколько часовъ силы падаютъ, и снова хочется пить, чтобы поднять силы, чтобы не было того сквернаго тяжелаго чувства, которое всегда бываетъ вмѣстѣ со слабостью, не было бы горечи во рту, головной боли. Человѣкъ пьетъ, снова ободряется на время, а затѣмъ снова слабѣетъ.

Когда винный ядъ вмѣстѣ съ кровью попадаетъ въ мозгъ, то мозгъ уже не можетъ правильно работать. Пьяный человѣкъ шатается, мысли у него путаются, онъ говоритъ всякій вздоръ, поетъ, ругается, часто дерется, а то вдругъ у всѣхъ прощенія проситъ, плачетъ, а самъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Пьяный не можетъ соображать, что онъ дѣлаетъ; изъ добраго онъ порою дѣлается звѣремъ, теряетъ всякое подобіе человѣка, у него ужъ нѣтъ ни доброй души, ни свѣтлаго ума, ни ясной совѣсти, ни осторожности, ни воли надъ собой; это уже не человѣкъ, онъ хуже всякаго животнаго. Того, что дѣлаетъ человѣкъ въ пьяномъ видѣ, онъ по большей части не помнитъ, а когда протрезвится, ему стыдно и вспоминать, что онъ надѣлалъ.

V.

Пьяный человѣкъ и себя уберечь не можетъ; онъ падаетъ, зашибается, засыпаетъ на улицѣ, на полотнѣ желѣзной дороги, гдѣ его легко могутъ переѣхать, засыпаетъ зимой на снѣгу и тамъ или отмораживаетъ себѣ ноги, руки или до-смерти замерзаетъ. Пья-

ный съ ножомъ и съ топоромъ совсѣмъ совладать не можетъ: и себя можетъ поранить и на другихъ, въ пьяной злобѣ, наскочитъ, — мало ли такихъ случаевъ было.

Да не одно это зло отъ пьянства,— пьянство это такая болѣзнь, что и на дѣтяхъ и на внукахъ она отражается. У пьяницы дѣти бываютъ хворыя, золотушныя, многія родятся глухими, нѣмыми, дурачками, у нѣкоторыхъ бываетъ падучая. Всякими болѣзнями такія дѣти заболѣваютъ скорѣе, выносятъ ихъ хуже, чѣмъ дѣти здоровыхъ родителей. Многимъ изъ дѣтей пьяницъ переходитъ отъ отца страсть къ водкѣ, такъ что и они потомъ тоже спиваются.

Вотъ сколько зла приносятъ водка и вино! Поэтому надо пьющимъ всѣми силами бороться со своимъ желаніемъ пить; надо, чтобы и всѣ непьющіе словомъ и дѣломъ помогали пьющимъ отстать отъ своей вредной привычки.

Вопросы. Перечислите весь вредъ, который приноситъ человѣку водка. Только ли себѣ причиняетъ вредъ человѣкъ, пьющій водку? Кто еще можетъ страдать отъ этого?

Какой вредъ человѣку отъ табаку.

I.

Въ табакѣ есть ядъ—*никотинъ*. Этотъ ядъ настолько силенъ, что одна капля его убиваетъ собаку, а пѣвчія птицы часто умираютъ отъ табачнаго дыма въ комнатахъ, гдѣ много накурено. Кромѣ того, въ табакъ для вкуса и запаха фабриканты прибавляютъ разныя травы и тому подобное; многія изъ этихъ примѣсей также ядовиты.

Когда мальчикъ въ первый разъ начинаетъ курить, у него дѣлается тошнота, головная боль, рвота. Это дѣйствуетъ табачный ядъ. Но мало-по-малу курильщикъ привыкаетъ къ этому яду и не только не чувствуетъ себя худо, когда покуритъ, но ему кажется, что безъ табака онъ и обойтись не можетъ.

Когда куришь, то табакъ вмѣстѣ съ слюной попадаетъ въ желудокъ. Табачный ядъ ослабляетъ стѣнки желудка, онѣ уже не могутъ такъ хорошо двигаться и перетирать пищу. Отъ этого бываютъ болѣзни желудка, тошнитъ, голова кружится, нѣтъ позыва на пищу.

Изъ желудка табачный ядъ просачивается въ кровь и съ кровью вмѣстѣ идетъ въ сердце. Сердце отъ никотина начинаетъ сжиматься неправильно; оно то усиленно бьется, то замираетъ, и отъ этой неправильной, усиленной работы скоро портится и ослабѣваетъ. Курильщикъ чувствуетъ боль въ лѣвомъ боку, у него дѣлается одышка.

Кровь могла бы еще очиститься отъ табачнаго яда, когда будетъ проходить по легкимъ, но и въ легкія, когда человѣкъ куритъ, при вдыханіи попадаетъ табачный ядъ. И въ легкихъ кровь поэтому не очищается отъ никотина, но еще вбираетъ его въ себя. Табачный ядъ, проходя по легкимъ, портитъ ихъ нѣжную ткань. Никотинъ особенно дурно дѣйствуетъ на людей со слабыми легкими: они скоро начинаютъ отъ табаку кашлять, у нихъ дѣлается одышка, а у нѣкоторыхъ появляется даже кровохарканіе.

Испорченная никотиномъ кровь приливаетъ и къ мозгу, а мозгъ, отравленный табачнымъ ядомъ, не можетъ такъ правильно работать, какъ раньше. Вскорѣ послѣ куренія у человѣка дѣлается головокруженіе, упадокъ силъ.

Чтобы подбодриться, человѣкъ снова куритъ и первое время послѣ куренія чувствуетъ бодрость, потому что сердце начинаетъ вдругъ сильнѣе биться и быстрѣе разсылаетъ по тѣлу кровь, но сердце быстро утомляется, и потому

опять является слабость. И снова тянетъ покурить. Отъ куренья способности курильщика дѣлаются слабѣе, и вѣчно онъ не въ духѣ, пока ему не удастся затянуться.

У многихъ курильщиковъ портятся глаза и слухъ отъ табачнаго яда.

II.

Мало того, что курящій портитъ свое здоровье, онъ портитъ здоровье всѣхъ своихъ близкихъ, отравляя табачнымъ ядомъ воздухъ, которымъ они дышатъ. Всякій знаетъ, какъ трудно дышать въ комнатахъ, гдѣ много накурено. Особенно вреденъ этотъ испорченный воздухъ некурящимъ женщинамъ и больше всего дѣтямъ, такъ какъ у нихъ и легкія, и желудокъ, и сердце, и мозгъ слабѣе, чѣмъ у взрослыхъ мужчинъ.

Вы можете понять, какъ вреденъ табакъ самимъ курящимъ мальчикамъ. Курящія дѣти дѣлаются вялыми, плохо ѣдятъ, блѣднѣютъ, дурно спятъ ночи, голова у нихъ часто болитъ и кружится. Даже учиться они начинаютъ хуже, такъ какъ ихъ способности притупляются.

Много и несчастій отъ куренія бываетъ, особенно, когда курятъ тайкомъ и по задворкамъ мальчуганы. И вы, вѣрно, не разъ слыхали, что пожары бывали отъ папироски, отъ брошенной спички. На моихъ глазахъ полдеревни выгорѣло: мальчуганы за сараемъ курили да спичку незатушенную бросили. День былъ знойный, вѣтреный, подъ Петровки; мужики и бабы были на покосѣ. Пока увидали дымъ да посбѣжались, ужъ и тушить нечего. Вся та часть деревни, что по вѣтру была, вся повыгорѣла.

Да, вреда отъ табаку много, пользы же никакой. Надо бы перестать всѣмъ курить. Говорятъ, что трудно, да вѣдь вредъ-то отъ табака какъ великъ! Только отвыкать отъ куренья надо сразу; надо понять весь вредъ отъ табачнаго яда, да и сказать себѣ: „Нѣтъ, будетъ курить, надо и себя пожалѣть, надо о ребятахъ, о домашнихъ подумать“.

Такъ лучше и не пробуйте курить и товарищамъ отсовѣтуйте. Вѣдь сладости въ табакѣ никакой нѣтъ, вреда же, какъ видите, очень много. А что другіе взрослые да товарищи курятъ, такъ вѣдь мало ли кто что худое дѣлаетъ, не перенимать же вамъ?

Благо хорошее перенять, отъ худого примѣра уберечься!

Задачи. Перечислите весь вредъ, который приноситъ людямъ табакъ.

Не знаете ли вы случаевъ изъ окружающей васъ жизни, которые показывали бы, какой большой вредъ приносятъ людямъ спиртные напитки и табакъ?

III. Родиновѣдѣніе.

Страны свѣта.

I.

Когда мы находимся на открытомъ мѣстѣ, мы ясно видимъ, какъ гдѣ-то вдали небо сливается съ землей. Оглядываясь во всѣ стороны, мы всюду видимъ то же самое. Намъ кажется тогда, будто мы находимся въ срединѣ большого круга, на края котораго опирается небесный сводъ. Края этого круга, гдѣ небо сходится съ землей и дальше которыхъ ничего не видно, называютъ *горизонтомъ* или *кругозоромъ*. Если мы въ томъ же мѣстѣ поднимемся выше, напр., взойдемъ на колокольню, тогда мы будемъ видѣть дальше во всѣ стороны. Слѣдовательно, горизонтъ нашъ тогда становится шире.

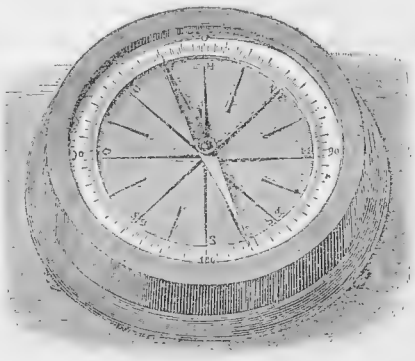
Сторона горизонта, гдѣ восходитъ солнце, называется *востокомъ*. Противоположная ей сторона, гдѣ солнце заходитъ, называется *западомъ*. Та сторона горизонта, *надъ которой* солнце бываетъ въ полдень, называется *югомъ*. Противъ юга находится *сѣверъ;* на сѣверѣ солнце никогда не бываетъ.

Эти четыре стороны горизонта — востокъ, западъ, югъ и сѣверъ—называются *странами свѣта*. По нимъ опредѣляютъ, въ какомъ направленіи лежитъ на землѣ одно мѣсто отъ другого.

Страны, которыя лежатъ отъ насъ *на востокъ*, т.-е. въ томъ направленіи, откуда къ намъ приходитъ солнце, мы называемъ *восточными* странами. Страны, лежащія *на западъ* отъ насъ, т.-е. въ томъ направленіи, гдѣ солнце садится, мы называемъ *западными* странами. Къ югу отъ насъ будутъ *южныя*, а къ сѣверу — *сѣверныя* страны.

II.

Но по солнцу можно узнавать страны свѣта только при ясномъ небѣ. Когда же небо пасмурное, тогда ихъ опредѣляютъ при помощи особаго прибора, называемаго *компасомъ*. Компасъ—это круглая коробочка, по большей части металлическая, со стекломъ, какъ въ часахъ. Въ срединѣ коробочки есть остріе; на него надѣта намагниченная стрѣлка такъ, что она совсѣмъ сво-



Компасъ.

бодно можетъ вертѣться на остріѣ. Эта стрѣлка имѣетъ важное свойство: когда компасъ стоитъ спокойно, стрѣлка сама собою повертывается такъ, что одинъ ея конецъ указываетъ на сѣверъ, а другой—на югъ. Если даже ее отвести въ сторону, напр., чтобы она однимъ концомъ глядѣла на востокъ, а другимъ — на западъ, то она сейчасъ же опять повернется на прежнее мѣсто. Такимъ образомъ по компасу можно во всякое время узнать страны свѣта. Обыкновенно одинъ конецъ стрѣлки, тотъ, который указываетъ на сѣверъ, дѣлаютъ синимъ.

Сѣверъ, югъ, востокъ и западъ—*главныя* страны свѣта. Между ними находятся второстепенныя страны свѣта. Между сѣверомъ и востокомъ находится *сѣверо-востокъ*, между сѣверомъ и западомъ—*сѣверо-западъ*, между югомъ и востокомъ—*юго-востокъ*, между югомъ и западомъ—*юго-западъ*.

Вопросы. Что называется горизонтомъ? Когда горизонтъ становится шире? Сколько странъ свѣта? Перечислите ихъ. Какъ можно опредѣлить страны свѣта въ ясную погоду? Въ пасмурный день? Разскажите, какъ устроенъ компасъ. Перечислите второстепенныя страны свѣта.

Задачи. Опредѣлите, куда выходитъ каждая стѣна класса. Въ какомъ направленіи находится школа отъ вашего дома? А домъ отъ школы? Въ какомъ направленіи течетъ рѣка въ вашей мѣстности? Въ какомъ направленіи идетъ улица, гдѣ стоитъ вашъ домъ? Гдѣ стоитъ ваша школа?

Планъ.

I.

Когда мы хотимъ хорошо разсмотрѣть какую-нибудь мѣстность, то лучше всего взойти на гору или на высокую колокольню. Оттуда сверху сразу можно увидать все, что находится далеко кругомъ. Если смотрѣть съ горы или съ высокой колокольни на городъ, то онъ виденъ оттуда весь, точно на ладони. Видны улицы, какъ идутъ онѣ во всѣ стороны; видны переулки, которые пересѣкаютъ улицы; видны площади, церкви; видна рѣка, какъ извивается она, точно лента, и перерѣзываетъ улицы. Оттуда, сверху, лучше можно разглядѣть, какъ ближе и удобнѣе пройти изъ одного мѣста города въ другое.

Если взять карандашъ и бумагу, то можно оттуда же сверху срисовать всѣ улицы, переулки, площади, рѣку—какъ расположены они на самомъ дѣлѣ. Тамъ, гдѣ виднѣется улица, можно нарисовать просто полоску, ограниченную двумя линіями. Тамъ, гдѣ улица заворачиваетъ вправо или влѣво, надо чтобы и на рисункѣ полоска, изображающая улицу, заворачивала вправо или влѣво. Если улица становится гдѣ-нибудь шире и образуетъ площадь, надо, чтобы и на рисункѣ было въ этомъ мѣстѣ шире. Рѣку изображаютъ въ видѣ ленты, съ такими же точно изгибами, какіе есть на ней на самомъ дѣлѣ. Такой рисунокъ цѣлаго города называется *планомъ* города. Планъ города очень полезенъ, потому что по плану всегда можно разсмотрѣть расположеніе города, т.-е. какъ въ немъ идутъ улицы, гдѣ протекаетъ рѣка, въ какихъ мѣстахъ проведены черезъ нее мосты и т. д. По плану, даже въ незнакомомъ городѣ, всегда можно, никого не спрашивая, узнать самому, какъ пройти на какую-нибудь улицу.

II.

Но если рисовать планъ только на глазъ, то такой планъ будетъ неточный. Чтобы планъ былъ вѣрный, надо смѣрить длину всѣхъ улицъ и разстоянія между ними и такъ же точно все размѣрить на планѣ.

Но на листѣ бумаги нельзя помѣстить улицу или рѣку во всю длину,

поэтому длину того, что помѣщаютъ на планѣ, обыкновенно уменьшаютъ такъ, чтобы все помѣстилось на листѣ бумаги. Для этого берутъ какую-нибудь маленькую мѣрку и условливаются, что она будетъ замѣнять собою большую мѣру длины, положимъ, берутъ дюймъ и говорятъ, что онъ будетъ замѣнять собою 100 саж. Такъ что, если улица имѣетъ въ длину 500 саж., то на планѣ она будетъ длиною въ 5 дюймовъ, если ширина площади въ городѣ, положимъ, 150 саж., то на планѣ она будетъ $1^1/_2$ дюйма. Такая маленькая мѣрка, которая берется для плана вмѣсто большой, называется *масштабомъ*.

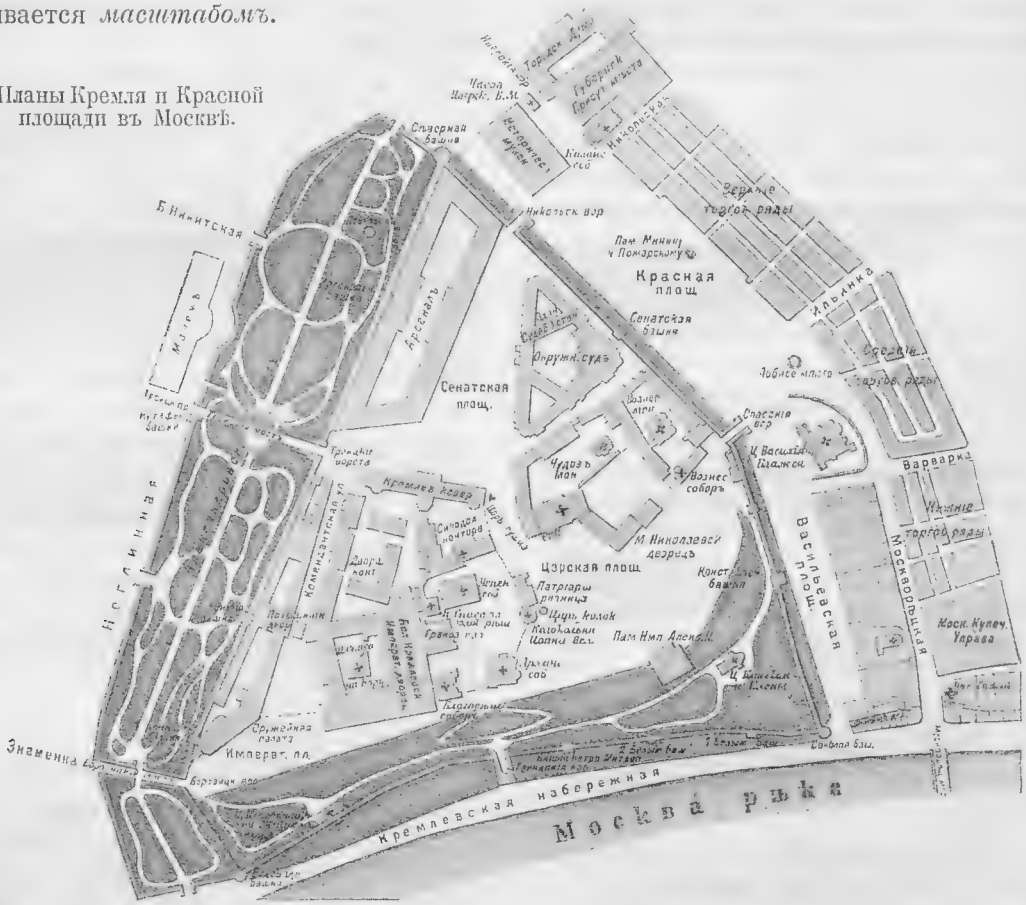
Масштабы бываютъ разные, смотря по тому, какой величины мѣстность хотятъ нанести на планъ. Иногда въ дюймѣ выражаютъ 100 саж., иногда версту, а иногда 5, 10, 25, 50, 100 верстъ.

Вопросы. Что такое планъ мѣстности? Что нужно сдѣлать, чтобы начертить планъ какой-нибудь мѣстности? Что такое масштабъ?

Задача. Начертите планъ вашей комнаты. Класса.

На планѣ вверху всегда помѣщаютъ сѣверную часть мѣстности. Какая часть тогда помѣстится внизу плана? справа? слѣва?

Планы Кремля и Красной площади въ Москвѣ.



Вопросы. Въ какомъ направленіи отъ Кремля находится Москва-рѣка? Красная площадь? Васильевская площадь? Москворѣцкая улица? Соборъ Василія Блаженнаго? Лобное мѣсто? Манежъ? Никитская улица? Неглинная? Какое зданіе находится въ сѣверо-западномъ углу Кремля? Въ юго-западномъ углу? Въ какой части Кремля находится Архангельскій соборъ?

Географическая карта.

Если мы умѣемъ нарисовать планъ города, то можемъ также нарисовать и планъ большой мѣстности, въ которой находится нѣсколько городовъ, деревни, поля, лѣса и рѣки. Для такого плана масштабъ берется значительно меньшій. Напр., берутъ дюймъ, означающій сто верстъ. Города на такомъ планѣ изображаются просто кружочками, а рѣки—въ видѣ извилистыхъ линій. Если два города лежатъ одинъ отъ другого на разстояніи 100 или 200 верстъ, то на планѣ разстояніе между ними 1 или 2 дюйма. Такой планъ цѣлой страны называютъ *географической картой*.

Если бы мы могли подняться на воздушномъ шарѣ высоко надъ землей и посмотрѣли бы оттуда внизъ на землю, то мы увидали бы все въ крошечномъ, сильно уменьшенномъ видѣ. Мы, можетъ-быть, увидали бы сразу нѣсколько городовъ, которые казались бы маленькими пятнышками среди зеленыхъ пространствъ полей и лѣсовъ. Рѣки казались бы оттуда тоненькими лентами, которыя извиваются среди полей и лѣсовъ и проходятъ черезъ города. И если бы мы сумѣли нарисовать въ маленькомъ видѣ все, что видно съ этой высоты, то мы получили бы тогда географическую карту видимой нами мѣстности.

Чтобы нарисовать карту какой-нибудь страны, нужно прежде всего знать, въ какомъ направленіи лежитъ одно мѣсто отъ другого, т.-е. лежитъ ли оно къ сѣверу, къ югу, къ востоку или къ западу. Если какой-либо городъ лежитъ къ сѣверу отъ другого, то на картѣ его рисуютъ, какъ и на планѣ выше; если же онъ находится южнѣе, его рисуютъ ниже. Мѣста, лежащія на востокъ, рисуютъ направо; а мѣста, лежащія на западъ, рисуютъ налѣво.

Такимъ образомъ на картѣ страны свѣта всегда обозначаютъ такъ: вверху изображаютъ сѣверъ, внизу — югъ, справа — западъ, слѣва — востокъ.

Вопросы. Что называется географической картой? Какъ изображаются на картахъ города? рѣки? Какой берется масштабъ для географическихъ картъ?

Русское государство.

Русское государство — одно изъ самыхъ большихъ государствъ на бѣломъ свѣтѣ. Больше него одна только Англія. Раскинулось оно въ двухъ частяхъ свѣта — Европѣ и Азіи. На всей землѣ могло бы помѣститься только 22 такихъ большихъ государства. А если океановъ да морей не считать, а считать одну сушу, то на всей землѣ хватитъ мѣста только шести такимъ большимъ государствамъ. Россія протянулась отъ нѣмецкой границы до Камчатки, почти на одиннадцать тысячъ верстъ. Петербургъ стоитъ на берегу моря Балтійскаго, а это море — часть Атлантическаго океана. Камчатка же омывается волнами океана Великаго. Значитъ, Россійское государство протянулось въ длину отъ океана до океана. На нѣсколько тысячъ верстъ оно протянулось и въ ширину: въ Европейской Россіи отъ берега Ледовитаго океана, гдѣ находится губернія Архангельская, до моря Чернаго, гдѣ Крымъ, или до моря Каспійскаго, гдѣ сухія степи астраханскія, считается больше пяти тысячъ верстъ.

Отъ Петербурга до Великаго океана, черезъ всю Сибирь идетъ Великая Сибирская желѣзная дорога. Если ѣхать по ней безостановочно, да безъ пересадокъ, да дѣлать верстъ 40 въ часъ, то отъ конца до конца Россіи придется ѣхать почти двѣ недѣли. А если пѣшкомъ итти по 20 верстъ въ сутки, то на это понадобится 395 дней или 13 мѣсяцевъ. Чтобы всю

КАРТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Вопросы. Какую часть всего земного шара занимаетъ русское государство? Какую часть суши занимаетъ она? Перечислите нашихъ сосѣдей? Чѣмъ отличаются наши западные и восточные сосѣди отъ южныхъ? Какіе океаны омываютъ своими водами берега Россіи? Укажите на картѣ морскія и сухопутныя границы Россіи? Какой длины всѣ наши границы? Покажите на этой картѣ границу между Европейской и Азіатской Россіей?

Наши сосѣди.

На такомъ большомъ протяженіи не мало у Россіи разныхъ сосѣдей,—дру-

Россію вокругъ объѣхать. надо сдѣлать 65 тысячъ верстъ, а это почти то же, что два раза объѣхать вокругъ всей земли.

тихъ державъ. Со стороны западной граничитъ Россія съ Норвегіей, Швеціей, Германіей, Австріей, Румыніей. Съ южной стороны Россія касается Турціи, Персіи, Афганистана, Бухары, Китая и Кореи. На востокѣ, за Камчаткой, наши сосѣди — американцы. Но между ними и нами—Великій океанъ. Значитъ, у Россіи 12 разныхъ сосѣдей: на западѣ и востокѣ народы образованные, а на югѣ—такіе народы, какъ афганцы да бухарцы, образованіемъ не славятся; это люди темные; есть среди нихъ племена даже полудикія; китайцы же хотя и образованные, но ихъ образованіе на свой ладъ. Такъ что и выходитъ, что русская земля помѣстилась-раскинулась какъ бы между свѣтомъ образованія и темнотой.

Вопросы. Перечислите нашихъ сосѣдей. Какіе сосѣди у насъ на западѣ, востокѣ и югѣ? Есть ли у насъ сосѣди на сѣверѣ? Почему?

Поверхность Россіи.

Есть страны на землѣ, гдѣ все горы да горы. А въ русскомъ великомъ государствѣ очень мало горъ, да и тѣ больше по краямъ его. Недалеко отъ русской границы, въ Австріи, есть горы Карпатскія, — отъ нихъ доходятъ до Россіи только отроги. Въ Крыму есть горы Крымскія. Между Чернымъ и Каспійскимъ морями, словно огромная стѣна, стоятъ горы Кавказскія. Ихъ гряда длиною больше тысячи верстъ. Еще длиннѣе горы сибирскія, которыя тянутся вдоль всей Сибири между Россіей и Китаемъ. Въ кавказскихъ и сибирскихъ горахъ есть вершины выше 5 верстъ и на нихъ даже лѣтомъ не таетъ снѣгъ, а въ горахъ сибирскихъ, въ Камчаткѣ, есть и огнедышащія горы. Сибирскія горы называются по-разному: Памиръ, Тянь-Шань, Алтай, Становыя, Яблоновыя, Камчатскія, Хинганъ. Огороженная горными хребтами да опоясанная морями и океанами, тянется отъ океана до океана *великая равнина русская*, которая зовется великою восточно-европейской и сибирской низменностями. Отъ самой границы нѣмецкой тянется эта равнина далеко въ Сибирь. Она словно для пашенъ и для полей устроена: горъ на ней нѣтъ, холмовъ мало, поч-

ва во многихъ мѣстахъ черноземная. И разселяться народу по ней было удобно. Только на границѣ между Европой и Азіей пересѣкаютъ эту равнину горы Уральскія, которыя тянутся поперекъ Россіи отъ Ледовитаго океана къ морю Каспійскому. Но эти горы невысокія и между ними и моремъ Каспійскимъ есть проходъ. А за горами Уральскими опять начинается равнина да степь. Идетъ она до великой сибирской рѣки Оби, идетъ и за нею до такой же рѣки Енисея. За этой рѣкой начинаются гористыя мѣста — нагорья да хребты, да такъ до самаго Великаго океана. По просторной русской землѣ есть гдѣ разгуляться широкой душѣ.

Вопросы. Перечислите всѣ горы, которыя идутъ по краямъ русской земли? Перечислите горы, которыя тянутся по Сибири? Какими горами отдѣляется Европейская Россіи отъ Азіатской? Почему по русской землѣ удобно было разселяться народу? Покажите на картѣ тѣ мѣста, гдѣ находятся у насъ горы.

Наши рѣки.

По русской равнинѣ текутъ рѣки великія. По западную сторону Уральскихъ горъ течетъ 12 большихъ русскихъ рѣкъ. Самыя большія рѣки текутъ въ моря Черное и Каспійское, а рѣки поменьше — въ море Балтійское и въ Ледовитый океанъ. На самой почти границѣ русской земли впадаетъ въ Черное море старинная славянская рѣка—Дунай. Въ ту же сторону, куда и она, течетъ Днѣпръ рѣка, на которой стоитъ славный городъ Кіевъ. Въ то же море течетъ (сквозь море Азовское) Донъ рѣка. А въ море Каспійское текутъ судоходная, огромная Волга-матушка и богатая рыбою Уралъ рѣка. Днѣпръ — длиною 1.600 верстъ, Донъ — 1.500 вер., Волга — 3.450 вер., Уралъ — 2.100 вер. Эти рѣки словно разсѣкаютъ всю равнину русскую по сю сторону Уральскихъ горъ какъ бы на полосы. Волга не даромъ зовется матушкой: она вмѣстѣ со своими притоками орошаетъ одинъ милліонъ съ четвертью квадратныхъ верстъ. На ней и на ея притокахъ и на притокахъ этихъ притоковъ выстроены большіе города русскіе: на Волгѣ—Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній, Казань, Симбирскъ, Самара, Саратовъ, Астрахань. На ея притокахъ—Пермь, Вятка, Уфа, Пенза, Рязань, Владиміръ, Москва и др. Въ Волгу вливается великая рѣка Кама, которая со своими притоками подходитъ къ самымъ Уральскимъ горамъ. Другими своими притоками Волга, какъ и Днѣпръ, подходитъ къ тѣмъ рѣкамъ, которыя текутъ въ море Балтійское. Между этими рѣками понадѣланы судоходные каналы (напр., Маріинскій). Большія рѣки текутъ и въ Сѣв. Ледовитый океанъ, напр., Печора, Мезень, Онѣга, Сѣв. Двина, на которой стоитъ у устья г. Архангельскъ. Но эти рѣки текутъ по очень малолюднымъ мѣстамъ и потому мало кто ими пользуется. Зато великое дѣло дѣлаютъ рѣки, текущія въ море Балтійское. Среди этихъ рѣкъ важнѣе другихъ Нева-рѣка, на которой 200 лѣтъ тому назадъ заложенъ имп. Петромъ I г. Петербургъ. Длиною Нева 70 верстъ, но зато она несетъ воду изъ великихъ русскихъ озеръ — Ладожскаго, Онежскаго, Ильменя. Такихъ огромныхъ озеръ нѣтъ во всей Европѣ. Между Ладожскимъ озеромъ и Ильмень - озеромъ — Волховъ-рѣка, а на ней знаменитый русскій городъ Новгородъ. Еще текутъ въ Балтійское море рѣка Нарова съ озеромъ Чудскимъ и Псковскимъ, гдѣ стоитъ г. Псковъ, да р. Зап. Бугъ, да Зап. Двина (на ней г. Рига) р. Нѣманъ и Висла, текущія по Польше. А по ту сторону Уральскихъ горъ те-

СѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
Обь
Енисей
Лена
Якутскъ
Лена
Становой хребетъ
Яблоной хребетъ
Тобольскъ
Томскъ
Красноярскъ
Иркутскъ
Чита.
Николаевскъ
Хинганъ
Владивостокъ
Тянь-Шань
АЗІАТСКАЯ РОССІЯ

Первый мостъ черезъ Волгу.

кутъ поперекъ Сибири въ Ледовитый океанъ огромныя рѣки сибирскія — Обь, Енисей, Лена со своими притоками. А въ Великій океанъ течетъ громадная рѣка Амуръ, на границѣ Китая и Россіи. Всѣ эти рѣки гораздо больше Волги.

Рѣки для страны то же, что жилы для человѣческаго тѣла. По рѣкамъ идетъ жизнь, идетъ и торговля.

Задача. Назовите и покажите на картѣ рѣки Россіи.

Волга.

I.

Волга самая большая рѣка въ Россіи. Ея длина отъ *истоковъ* до *устья* [1]) около $3^1/_2$ тысячъ верстъ. Волга начинается въ Тверской губ. Тамъ есть небольшая деревушка „Волгино Верховье“. Эта деревушка стоитъ на холмѣ, а подъ нею находится болото. Изъ болота вытекаетъ ручей, и этотъ-то ручей и есть начало Волги. Онъ протекаетъ черезъ три озера; потомъ сливается съ другой рѣчкой (*Селижаровкой*), и послѣ этого Волга становится уже судоходной рѣкой.

Сначала Волга долго течетъ все на востокъ, хотя часто изгибается и дѣлаетъ извороты. Отъ города Казани Волга сразу мѣняетъ свой путь. Она поворачиваетъ къ югу и долго течетъ въ этомъ направленіи, пока, наконецъ, не вольется въ Каспійское море.

Волгу, какъ и всякую большую рѣку, дѣлятъ на три части. Часть рѣки, ближе къ истокамъ [1]), называютъ *верхнимъ* теченіемъ, или *верховьемъ*; часть, ближайшую къ устью, — *нижнимъ* теченіемъ; а остальную часть рѣки между ними называютъ *среднимъ* теченіемъ.

II.

Въ верхнемъ теченіи Волга еще не очень большая рѣка. Въ среднемъ теченіи въ нее впвается много другихъ рѣкъ. Это *притоки* Волги. Они приносятъ въ нее массу воды, и послѣ каждаго большого притока Волга становится все шире и многоводнѣе. Около города Ярославля ширина Волги уже около версты, а у Саратова ширина ея достигаетъ 4 верстъ, такъ что отъ одного берега чуть виденъ другой. Самые большіе притоки Волги: *Ока* и *Кама*.

Волга протекаетъ черезъ 9 губерній. По берегамъ ея расположено много городовъ, деревень и пристаней. Если плыть *внизъ по теченію* Волги, то первая важная пристань будетъ *Рыбинскъ*. Во время плаванія тамъ можно видѣть нѣсколько тысячъ разныхъ

[1]) Устьемъ называется конецъ рѣки.

[1]) Истокомъ называется начало рѣки.

„На Волгѣ". Съ картины *Н. Н. Дубовскаго.*

большихъ и малыхъ судовъ, которыя останавливаются здѣсь для перегрузки товаровъ. До Рыбинска ходятъ только небольшія суда, а отъ Рыбинска дальше внизъ идутъ большія суда.

Изъ Рыбинска внизъ мы поѣдемъ мимо богатыхъ городовъ, *Ярославля, Костромы, Нижняго - Новгорода.* Нижній - Новгородъ стоитъ *при сліяніи* Оки и Волги. Онъ важенъ своей ярмаркой, самой большой въ Россіи.

За Нижнимъ-Новгородомъ мы замѣтимъ большую разницу между правымъ берегомъ Волги и лѣвымъ [1]). Правый берегъ высокій, лѣвый — низкій. На правомъ берегу будемъ встрѣчать города и деревни, на лѣвомъ же почти одни только луга, покрытые высокой травой. Такія однообразныя, безлѣсныя пространства, большіе луга, покрытые травою, называются *степями.* Оттого правый берегъ рѣки, начиная отъ Нижняго-Новгорода, называютъ *нагорнымъ*, а лѣвый — *луговымъ* или *степнымъ.* Весной во время половодья луговой берегъ заливается верстъ на 20. При этомъ Волга постепенно подмываетъ и разрушаетъ правый берегъ и образуетъ песчаные наносы (отмели) на лѣвомъ низменномъ берегу.

[1]) Правымъ берегомъ рѣки называется тотъ, который находится у насъ справа, когда мы плывемъ *по теченію.* Если же плыть противъ теченія, тогда правый берегъ будетъ у насъ слѣва и, наоборотъ, лѣвый—справа.

III

Приближаясь къ городу Самарѣ, Волга дѣлаетъ большой изгибъ, похожій на дугу и называемый *Самарскою лукою* [1]). Здѣсь на правомъ берегу на цѣлыхъ 90 верстъ тянутся живописныя *Жигулевскія горы (Жигули).* Онѣ поднимаются мѣстами на 100 и болѣе саженъ и кое-гдѣ покрыты лѣсомъ. Это самое красивое мѣсто на Волгѣ.

Жигулевскія горы на Волгѣ.

Далѣе мы проѣзжаемъ мимо Саратова и, наконецъ, пріѣзжаемъ въ Царицынъ. Это очень важная Волжская пристань. За Царицыномъ Волга круто повора-

[1]) Лукой называется вообще изгибъ рѣки.

На Волгѣ.

чиваетъ къ юго-востоку. Это уже нижнее теченіе Волги. Здѣсь Волга уже не одна рѣка; *русло* [1]) ея раздѣляется на множество отдѣльныхъ *рукавовъ*. Одни рукава потомъ снова сливаются съ главной рѣкой, другіе текутъ отдѣльно до самаго моря. Между рукавами образуются низменные острова, поросшіе густыми камышами. И рукава и острова между ними каждый годъ послѣ половодья мѣняютъ свои очертанія. На одномъ изъ острововъ, верстахъ въ 80 отъ Каспійскаго моря, стоитъ городъ Астрахань. За Астраханью Волга разбивается почти на 200 рукавовъ и, наконецъ, вливается въ Каспійское море.

VI.

Волга принимаетъ въ себя около 200 притоковъ. Притоки Волги, въ свою очередь, имѣютъ свои притоки. Напр., Ока имѣетъ притокъ Москву-рѣку, на которой стоитъ городъ, Москва. Притоки Волги и ихъ притоки расходятся по Россіи, какъ жилки на листѣ, и охватываютъ собой цѣлую треть Россіи. Кромѣ того, нѣкоторые притоки Волги соединяются *каналами* съ другими рѣками, которыя текутъ въ Балтійское море и Бѣлое море. Благодаря каналамъ, суда по Волгѣ и ея притокамъ могутъ проходить прямо въ другія рѣки.

По Волгѣ везутся товары со всѣхъ концовъ Россіи. Но большая часть грузовъ идетъ ввверхъ по теченію рѣки — къ Петербургу и Москвѣ. Въ прежнее время суда вверхъ по рѣкѣ тащились *бурлаками*, которые тянули ихъ бечевою, съ помощью лямокъ. Теперь же суда обыкновенно тащатся *буксирными* пароходами. Дойдя до Рыбинска, весь грузъ перегружаютъ на мелкія суда, которыя потомъ идутъ по рѣкамъ и каналамъ къ Петербургу. Большая часть этихъ мелкихъ судовъ уже не возвращается назадъ; ихъ разбираютъ въ Петербургѣ на постройки и дрова.

Въ нижнемъ теченіи Волги и въ самомъ Каспійскомъ морѣ ловятъ очень много рыбы. Изъ крупныхъ рыбъ тутъ ловится бѣлуга, осетръ, севрюга и стерлядь. Рыба эта въ разныхъ видахъ (свѣжая, соленая, вяленая, копченая), а также икра, визига, рыбій клей отправляются отсюда по Волгѣ для всей Россіи.

Волга имѣетъ важное значеніе для Россіи. Она первая рѣка въ Россіи по

[1]) Русло — углубленіе, по которому течетъ рѣка.

промышленности и торговлѣ. По ней, не переставая, кромѣ зимы, идутъ суда съ товарами. Волга кормитъ многихъ людей въ Россіи. Одни приволжскіе жители занимаются тѣмъ, что подвозятъ къ ея пристанямъ разные товары. Другіе нагружаютъ и разгружаютъ товары. Третьи строятъ суда. Четвертые занимаются разными издѣліями, потому что ихъ легко можно сбывать, благодаря Волгѣ. Берега Волги усѣяны богатыми селами и торговыми городами. Русскій народъ давно угадалъ значеніе своей великой рѣки и назвалъ ее „матушкой и кормилицей Волгой".

Вопросы. На какія части обыкновенно дѣлятъ рѣку? Что называется истокомъ рѣки? Устьемъ? Гдѣ начинается Волга? Черезъ сколько губерній протекаетъ она? Какой берегъ рѣки будетъ правымъ? Какой лѣвымъ? Каковъ правый берегъ Волги? Каковъ лѣвый? Какія замѣчательныя горы на Волгѣ? Что называется русломъ рѣки? Куда направляются товары по Волгѣ? Перечислите города по Волгѣ. Какая крупная рыба ловится на низовьяхъ Волги? Чѣмъ занимаются приволжскіе жители?

Народы Россіи.

I.

Въ такомъ громадномъ государствѣ, какъ наша родина, живетъ и народу много. Всѣхъ жителей въ Россіи свыше 150 милліоновъ человѣкъ. И хоть живутъ всѣ эти люди въ одномъ государствѣ, но не всѣ они одинаковы и по наружному виду, и по языку, и по вѣрѣ, и по обычаямъ, и привычкамъ. Въ разныхъ частяхъ государства живутъ и народы разные. Это и понятно. Страны, которыя входятъ въ составъ русскаго государства, очень разнообразны: то степь, то дремучій лѣсъ, то снѣжныя горныя цѣпи, то ровная песчаная пустыня, то берегъ

Народы славянскаго племени.

Великоросс. Малоросс.

Бѣлоросс. Полякъ.

Народы тюрко-татарскаго племени.

Башкиръ. Татары.

Якутъ. Киргизъ.

Финнъ.

Эстляндецъ.

Лопарь.

вѣчно шумящаго моря, то вѣчная зима, то вѣчное лѣто. А вѣдь у каждаго народа вырабатывается и образъ жизни, и привычки, и характеръ сообразно той природѣ, среди которой онъ живетъ. Если человѣкъ живетъ среди суровой природы, гдѣ рѣдко свѣтитъ солнце, гдѣ мало тепла и свѣта, то и характеръ у него замкнутый, угрюмый, и самъ онъ мало подвижный, спокойный, напр., финляндецъ. Совсѣмъ другое дѣло, если человѣкъ живетъ на югѣ, гдѣ круглый годъ тепло, небо ясно, солнце почти круглый годъ льетъ свои живительные лучи, и характеръ у человѣка дѣлается—подвижный, живой, веселый. Если природа скупо одѣлитъ человѣка своими дарами, человѣку много приходится работать, чтобы добыть себѣ пропитаніе, у него вырабатывается наклонность къ упорному труду, терпѣливость, выносливость.

Черемисъ.

Вогулъ.

Зырянинъ.

Мордвинка.

Остякъ.

Самоѣдъ.

Въ томъ же случаѣ, когда природа щедро одѣляетъ человѣка своими благами, человѣку мало нужно трудиться, чтобы добыть пропитаніе, у него не вырабатывается и той выносливости и того упорства въ трудѣ, онъ безпеченъ, лѣнивъ, не способенъ на тяжелый трудъ. Насколько разнообразна природа въ различныхъ частяхъ русскаго государства, настолько разнообразны и народы, входящіе въ него.

II.

Русское государство образовалось не сразу. Оно росло и развивалось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Сначала было лишь маленькое московское княжество, съ городомъ Москвой и прилегающими къ нему землями. Затѣмъ къ московскому княжеству стали присоединяться и другія земли, оно стало расти, пока не выросло до такихъ

Народы тунгузскаго племени.

Орочень. Гиляк. Тунгузъ.

громадныхъ размѣровъ, какъ теперь. Присоединялись земли, присоединялся народъ, жившій на нихъ, отчего и получилось въ Россіи много разныхъ народовъ. Если сосчитать, сколько различныхъ народовъ живетъ въ Россіи, то получится громадная цифра: 81 народъ; среди нихъ есть такіе, которые были и остаются до сихъ поръ дикарями, какъ, напримѣръ, сѣверныя племена самоѣдовъ, чукчей и др.; есть такіе, которые по образованности своей нисколько ни уступаютъ образованнымъ нашимъ сосѣдямъ—нѣмцамъ, шведамъ и др.

Главную часть населенія Россіи составляетъ народъ *русскій*. Русскіе принадлежатъ къ народамъ *славянскаго* племени. Къ этому же племени, кромѣ русскихъ, принадлежатъ еще и другіе народы: *поляки, чехи, болгары, сербы*. Народы славянскаго племени составляютъ больше $^2/_3$ всего населенія Россіи, а именно изъ каждыхъ 100 человѣкъ населенія 70 человѣкъ принадлежатъ къ славянскому племени, или, какъ говорятъ, народы славянскаго племени составляютъ 70 процентовъ всего населенія Россіи. Русскій народъ, въ свою очередь, дѣлится на три группы: *великороссовъ*, *малороссовъ* и *бѣлороссовъ*.

Великороссы занимаютъ господствующее положеніе въ странѣ, имъ принадлежитъ первое мѣсто какъ по численности, такъ и по значенію въ жизни государства. Они населяютъ нашъ сѣверный край, затѣмъ центрально-промышленный районъ (губернію Московскую и окружающія ее сосѣднія губерніи), мѣстность по Волгѣ (Поволжье) и Прiуралье (губерніи, примыкающія къ Уральскимъ горамъ).

Малороссы по численности составляютъ вторую вѣтвь русскаго народа. Они населяютъ Малороссію, или Украйну, т.-е. губерніи Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую и Черниговскую, а также встрѣчаются и въ губерніяхъ, лежащихъ на югѣ Россіи: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской.

Бѣлороссы — самая малочисленная вѣтвь русскаго народа. Они живутъ въ сѣверо-западномъ краѣ, губерніяхъ Могилевской, Витебской, Минской, а также въ прилегающихъ къ нимъ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Черниговской и Смоленской.

Послѣ народовъ славянскаго племени второе мѣсто по численности въ Россіи занимаютъ народы *тюрко-татарскаго* племени, куда относятся: *та-*

Народы монгольскаго племени.

Калмыкъ. Бурятъ.

Кавказскіе народы.

Грузинка. Имеретинецъ.

Чеченецъ. Кабардинецъ.

тары, башкиры, чуваши, киргизы, сарты, якуты, турки.

Третью группу по численности составляютъ народы *финскаго племени.* Къ нимъ принадлежатъ: *финляндцы, корелы, эсты, лопари, мордва, черемисы, вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки* и *самоѣды.*

На четвертомъ мѣстѣ стоятъ народы *тунгузскаго* племени: *тунгузы, орочане, гольды, ламуты, гиляки, манджуры.*

Дальше идутъ народы *монгольскаго* племени: *буряты* и *калмыки.*

Много отдѣльныхъ народностей живетъ на Кавказѣ. Они составляютъ особую *кавказскую* группу народовъ, какъ-то: *грузины, имеретины, мингрельцы, гурійцы, лезгины, черкесы, чеченцы, кабардинцы, ингуши.*

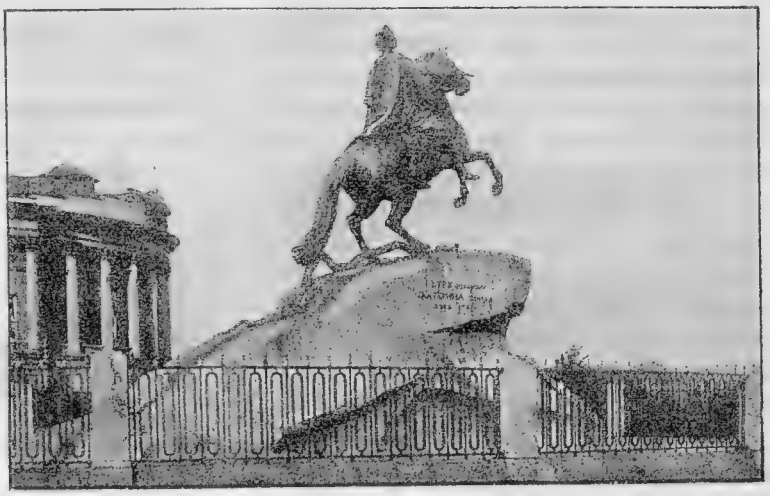
Наконецъ въ Россіи живутъ еще народы *семитскаго* племени, это евреи и караимы.

Первые живутъ почти повсемѣстно въ Россіи, вторые — преимущественно въ Крыму.

Вопросы. Отчего зависитъ образъ жизни, привычки и характеръ людей? Почему населеніе Россіи очень разнообразно? Сколько всего народу живетъ въ Россіи? Кто составляетъ главную часть населенія Россіи? Перечислите народы славянскаго племени? Тюрко-татарскаго? Финскаго? Тунгузскаго? Монгольскаго? Какіе народы живутъ на Кавказѣ?

Петербургъ.

Петербургъ—столица Россіи. Въ немъ живетъ Государь Императоръ. Раньше столицей Россіи была Москва, но съ Петра Великаго, основателя Петербурга, столица перенесена сюда: здѣсь стали жить русскіе государи. Петербургъ стоитъ на берегу рѣки Невы. Эта рѣка широкой лентой, болѣе полверсты шириной, течетъ по всему городу. Петербургъ построенъ на обоихъ



Памятникъ Петру Великому.

Петропавловская крѣпость на берегу Невы.

берегахъ ея и на ея островахъ. Нева течетъ въ Балтійское море и впадаетъ въ него у самаго города. Море часто угрожаетъ Петербургу наводненіемъ. Когда подуетъ сильный вѣтеръ съ моря, вода въ Невѣ повышается. Иногда случается, что рѣка выходитъ совсѣмъ изъ своихъ береговъ и заливаетъ нижніе этажи домовъ. Петербургъ—самый большой городъ въ Россіи; въ немъ около 1.400.000 человѣкъ жителей. Въ немъ находятся всѣ высшія государственныя учрежденія: тамъ собирается Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, тамъ же находится Сенатъ, Святѣйшій Синодъ и министерства. Въ Петербургѣ находится Академія Наукъ, университетъ, женскій медицинскій институтъ и множество другихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Въ Петербургѣ также очень много фабрикъ и заводовъ. Громадное количество въ немъ красивыхъ и богатыхъ зданій, великолѣпныхъ и богатыхъ соборовъ. Изъ Петербурга идутъ желѣзныя дороги въ Москву, Варшаву, Ревель, Финляндію и на востокъ черезъ Вологду къ Уральскимъ горамъ. Ежегодно въ Петербургъ приходитъ много иностранныхъ и русскихъ судовъ, на которыхъ привозится сюда на милліоны рублей всевозможныхъ

Зданіе Государственной Думы.

товаровъ. На Невѣ и ея берегахъ постоянно кипитъ жизнь, особенно тамъ, гдѣ останавливаются суда. Недалеко отъ Петербурга въ Финскомъ заливѣ лежитъ островъ Котлинъ, на которомъ стоитъ сильнѣйшая крѣпость Кронштадтъ.

Вопросы. На какой рѣкѣ расположенъ Петербургъ? Куда впадаетъ эта рѣка? Какая опасность часто угрожаетъ Петербургу? Какія учебныя заведенія есть въ Петербургѣ? Съ какими городами Петербургъ соединенъ желѣзными дорогами? Какой островъ лежитъ недалеко отъ Петербурга? Какой городъ стоитъ на этомъ островѣ?

Московскій Кремль.

Москва.

I.

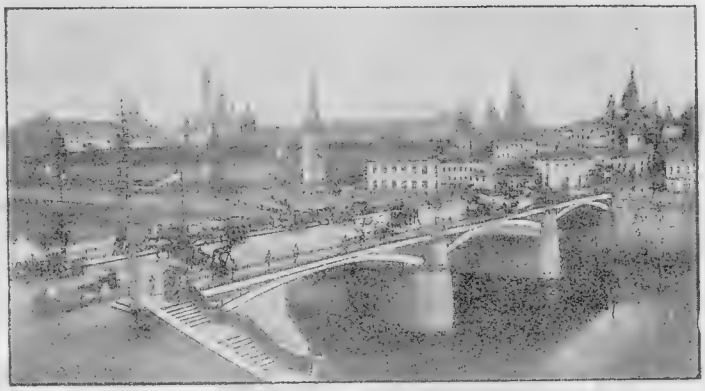
Уже за десятки верстъ близость Москвы даетъ знать о себѣ. Мимо оконъ вашего поѣзда часто мелькаютъ другіе, встрѣчаемые поѣзда, развозящіе изъ Москвы ея товары и пассажировъ по всѣмъ направленіямъ; на станціяхъ, пропуская вашъ поѣздъ, также стоятъ безконечно длинные товарные поѣзда, нагруженные лѣсомъ, зерномъ, скотомъ, нефтью и всѣмъ, что нужно для Москвы и что идетъ въ нее въ обмѣнъ за ея фабричныя издѣлія. Если вы подъѣзжаете къ ней лѣтомъ, поѣздъ то и дѣло останавливается на маленькихъ станціяхъ или просто платформахъ безъ всякой станціи, съ одной будочкой, гдѣ продаютъ билеты. Чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ чаще эти остановки и тѣмъ больше и больше прибываетъ въ поѣздѣ пассажировъ. По сторонамъ дороги мелькаютъ фабрики и заводы, дачные домики, сосны, березки, иногда шоссейная или проселочная дорога, или широкая просѣка, прорубленная въ лѣсу, по бокамъ которой изъ-за хвои сосенъ выглядываютъ зеленыя и красныя крыши.

Памятникъ А. С. Пушкину въ Москвѣ.

II.

Но вотъ вдали завиднѣлась и самая Москва. Прежде всего бросается въ глаза громадный золоченый куполъ храма Спасителя; если день ясный и солнечный, то куполъ этотъ горитъ на солнцѣ, какъ исполинская свѣча, и виденъ верстъ за 18. Потомъ какъ-то вдругъ показываются церкви, дома, фабричныя трубы, высокія колокольни,

деревья далекихъ и близкихъ садовъ, но все это еще задернуто дымкой тумана, который всегда виситъ надъ большимъ городомъ. Поѣздъ то мчится среди правильно симметричныхъ зимнихъ грядъ огородовъ, кольцомъ опоясывающихъ Москву, то съ шумомъ и свистомъ проносится по товарнымъ станціямъ съ безконечными вереницами пустыхъ и груженыхъ вагоновъ, мимо кладбищъ, бѣлыхъ и красныхъ фабричныхъ корпусовъ съ высокими трубами, пересѣкаетъ по мостамъ или вровень съ мостовыми пыльныя улицы, по которымъ медленно тянутся подводы съ боченками, ящиками, тюками, и, наконецъ, останавливается подъ крышей вокзала. Наконецъ вы въ Москвѣ. Нанимаете извозчика и ѣдете въ центръ. По большей части всѣ дороги отъ вокзаловъ къ центру города идутъ по наиболѣе люднымъ и оживленнымъ улицамъ. Куда вы ни посмотрите, впередъ, назадъ, — все идутъ и ѣдутъ, благодаря чему Москва производитъ сразу впечатлѣніе города съ большимъ населеніемъ.



Москворѣцкій мостъ.

III.

Въ южной части города протекаетъ Москва-рѣка, образующая въ чертѣ города двѣ большихъ петли. Она мелка, несудоходна и въ самомъ центрѣ города, несмотря на каменистую набережную, имѣетъ довольно жалкій видъ; но все-таки она придаетъ городу живописность.

На ея лѣвомъ высокомъ берегу, въ самомъ центрѣ города, стоитъ знаменитый Кремль, извѣстный не только всѣмъ русскимъ, но и иностранцамъ. Слово „кремль“ значитъ крѣпость.

Если смотрѣть на Кремль съ одного изъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Москву-рѣку выше или ниже Кремля, то передъ вашими глазами открывается высокій зеленѣющій обрывъ, внизу котораго тянется массивная зубчатая ограда съ выступающими башнями причудливой архитектуры; изъ нихъ особенно выдаются двѣ угловыя башни, круглыя въ нижней своей половинѣ, а въ верхней состоящія изъ невысокихъ ярусовъ, уступами поставленныхъ другъ на друга и все суживающихся кверху. Чѣмъ-то средневѣковымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восточнымъ, фантастическимъ вѣетъ отъ этихъ башенъ, воздвигнутыхъ еще въ XV столѣтіи. За стѣной, на высокомъ холмѣ бѣлѣютъ кремлевскіе соборы съ массивными куполами и высоко поднимается къ не-

Колокольня Ивана Великаго.

Спасская башня.

бу осьмигранный внизу и круглый вверху столбъ знаменитой колокольни Ивана Великаго, прикрытой громадной золоченой шапкой съ высокимъ крестомъ. Слѣва, рядомъ съ

Церковь Василія Блаженнаго.

соборами — большой кремлевскій дворецъ, а справа, нѣсколько въ отдаленіи,—памятникъ императору Александру II. За этимъ первымъ планомъ сзади поднимаются шпили и шпицы другихъ башенъ, между которыми есть очень высокія, и виднѣются главы и кресты находящихся въ Кремлѣ монастырей: Чудова и Вознесенскаго.

Кромѣ перечисленныхъ зданій, въ Кремлѣ находится еще одинъ такъ называемый Малый или Николаевскій дворецъ, громадное зданіе суда, нѣсколько угрюмыхъ тяжелыхъ зданій,

Торговые ряды.

въ которыхъ помѣщаются арсеналъ и казармы. Между зданіями широкія улицы и площади, довольно безлюдныя. У подножія Ивана Великаго на гранитномъ пьедесталѣ стоитъ Царь-колоколъ; неподалеку видна и Царь-пушка, короткая, съ толстыми стѣнками и толстыми массивными колесами.

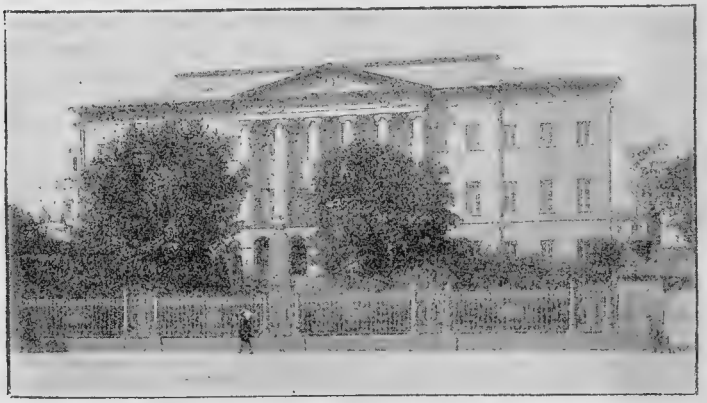
IV.

Съ сѣверо-восточной стороны Кремля находятся двое воротъ: Никольскія и

Спасскія. Ворота эти ведутъ на Красную площадь, самую большую и красивую площадь Москвы. По другую ея сторону, противъ кремлевской стѣны, тянется великолѣпное зданіе новыхъ торговыхъ рядовъ, передъ которыми стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому; съ сѣвера возвышается величественный Историческій музей съ двумя высокими башнями, а на южномъ концѣ, за прежнимъ лобнымъ мѣстомъ, находится самый замѣчательный архитектурный памятникъ Москвы—Покровскій соборъ или церковь Василія Блаженнаго, построенная при царѣ Иванѣ Грозномъ. Храмъ Василія Блаженнаго, кремлевскіе соборы, остатки царскихъ теремовъ, сохранившіеся въ Кремлевскомъ дворцѣ, и домъ бояръ Романовыхъ на Варваркѣ—самые замѣчательные памятники московской старины.

Домъ бояръ Романовыхъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Кремля, за Красною площадью, расположился такъ называемый Китай-городъ, также обнесенный высокой бѣлой стѣной съ нѣсколькими ведущими внутрь воротами и проходами. Здѣсь всего три улицы: Никольская, Ильинка и Варварка. Китай-городъ—центръ московской торговли и, главнымъ образомъ, оптовой.



Московскій университетъ.

V.

Выйдя изъ Китай-города, мы очутимся во второмъ кольцѣ Москвы—Бѣломъ городѣ. Собственно, это неполное кольцо; часть его отрѣзана Москвой-рѣкой, за которой расположено Замоскворѣчье. Когда-то этимъ кольцомъ и кончалась Москва. Тогда городъ былъ обнесенъ каменной стѣной съ воротами. Теперь на мѣстѣ этой стѣны протянулась линія бульваровъ. Въ чертѣ бульваровъ лучшая часть Москвы. Памятниковъ старины здѣсь меньше, но зато здѣсь находятся многія изъ ея важнѣйшихъ зданій: городская дума, Румянцевскій музей, театры, университетъ и т. д., а въ Замоскворѣчьѣ, въ Лаврушенскомъ переулкѣ—Третьяковская галлерея, представляющая лучшее во всей Россіи собраніе картинъ русскихъ художниковъ. Часть Москвы, которая тянется за бульварами, называется Земляномъ городомъ, который отдѣляется отъ окраинъ широкой Садовой улицей.

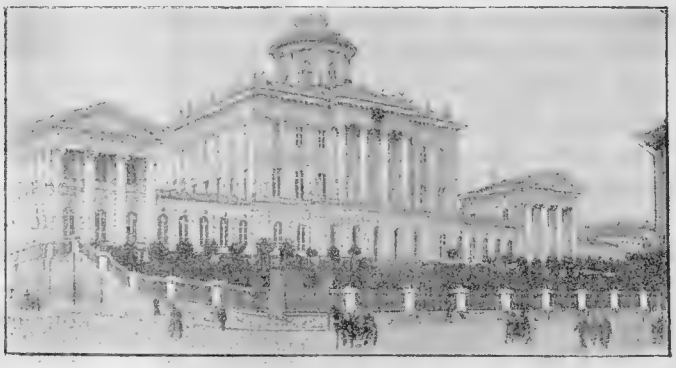
VI.

Большую часть населенія Москвы составляетъ простой народъ, ежегодно

Третьяковская галлерея.

ветъ 1.360.000 человѣкъ. Въ самой Москвѣ насчитывается болѣе 1.000 фабрикъ и заводовъ, среди которыхъ преобладаютъ бумагопрядильныя фабрики съ тысячами рабочихъ. Общее количество торговыхъ и промышленныхъ заведеній всякаго рода превышаетъ 26.000. А общее количество людей, занятыхъ торгово-промышленной дѣятельностью, достигаетъ 500 тысячъ человѣкъ. Вотъ почему Москва считается самымъ крупнымъ торгово-промышленнымъ центромъ Россіи.

тысячами приливающій въ Москву за поисками заработковъ. Кромѣ простого рабочаго народа, идущаго на фабрики, въ рабочіе, поступающаго въ услуженіе, въ Москвѣ живетъ много и интеллигентныхъ лицъ, которыхъ Москва притягиваетъ какъ крупный умственный центръ. Всего въ Москвѣ жи-



Румянцевскій музей.

Красныя ворота.

Вопросы. Что встрѣчаетъ путешественникъ, подъѣзжая къ Москвѣ? Въ какой части Москвы расположенъ Кремль? Опишите, что находится въ Кремлѣ. Гдѣ лежитъ Китай-городъ и Бѣлый городъ? Изъ кого состоитъ большая часть населенія Москвы?

Отъ Москвы до Кіева.

I.

Отъ Москвы до Курска дорога не представляетъ изъ себя чего-нибудь интереснаго, кромѣ развѣ того, что московская Русь, Великороссія, постепенно переходитъ въ степныя равнины, въ начинающееся южное приволье. Изъ по-

падавшихся на пути городовъ красивѣе другихъ Серпуховъ и Орелъ. Но, подъѣзжая къ Курску, уже начинаешь чувствовать, что здѣсь что-то другое, свое, чего не было раньше, — необозримымъ ковромъ раскинулись пашни и въ первый разъ выглянули хохлацкія мазанки.

Курскъ очень красивый городъ, и можно только пожалѣть, что онъ такъ далеко отъ вокзала, или, вѣрнѣе, что такъ далеко вокзалъ отъ города.

Малороссійская хата.

Кіевскій поѣздъ унесъ насъ дальше, къ благословенному Приднѣпровью. По сторонамъ дороги—опять безконечныя поля и поля: кое-гдѣ по балкамъ и около воды—какіе-то жалкіе кустики, вербы и, должно-быть, ветлы, а можетъ-быть, и дубы, — издали трудно разобрать. Попалось нѣсколько пирамидальныхъ тополей, но особеннаго впечатлѣнія они не производили,—дерево какъ дерево, ничего такого, что бросалось бы въ глаза.

Вечеретъ. Деревушки начинаютъ попадаться чаще. Около хатокъ разведены садочки. Яблони стоятъ въ полномъ цвѣту, точно обсыпаны мукой. Это не наши жиденькія волжскія яблони, которыя выглядываютъ такими заморышами. Воздухъ бьется въ окно вагона душистой струей. Къ Конотопу мы подъѣзжаемъ на солнечномъ закатѣ. Самый городъ далеко, а къ полотну дороги прижались сплошной стѣной все тѣ же цвѣтущія яблони. Изъ окна вагона можно разсмотрѣть все нехитрое хохлацкое хозяйство,—хатки такія маленькія, съ крошечными, кривыми оконцами, кривой завалинкой, а соломенныя крыши походятъ на нахлобученныя по самые глаза шапки. Все остальное хозяйство — изъ одного плетня, и только кое-гдѣ навѣсъ или стойло для скота. Одни садики скрашиваютъ все; но такіе садики, къ сожалѣнію, не вездѣ. Сравнивать это жилье съ нашимъ великорусскимъ, особенно съ сѣвернымъ, какъ-то даже смѣшно. Нужно очень сильное воображеніе, чтобы восхищаться этими птичьими гнѣздами, кое-какъ слѣпленными изъ прутьевъ и глины.

Впрочемъ, это чисто желѣзнодорожное впечатлѣніе, а, какъ говорятъ, по Днѣпру и особенно въ Полтавской губерніи, — хатки очень красивы.

II

Съ Курска малороссійскій говоръ начинаетъ постепенно смѣнять великорусскую рѣчь, и южное мягкое произношеніе пріятно отзывается въ ухѣ. Въ Конотопѣ на вокзалѣ показались и первые настоящіе хохлы — въ свитахъ; въ бѣлыхъ, необъятныхъ шароварахъ и черныхъ бараньихъ шапкахъ хохлацкаго фасона. Медленныя движенія, медленный взглядъ исподлобья и какая-то флегма являются рѣзкимъ контрастомъ съ оставшейся назади

московской вертлявостью и пробойностью.

— Соловей... слышите, соловей?..— проговорила моя сосѣдка, когда поѣздъ медленно подходилъ къ нѣжинскому вокзалу.

Я торопливо выскочилъ на платформу слушать настоящаго курскаго соловья. Кругомъ стояла теплая, мглистая южная ночь, какой не бываетъ на нашемъ сѣверѣ,—синяя, бездонная глубь надъ головой искрилась и переливалась какимъ-то внутреннимъ мерцаніемъ, а звѣзды плавали въ ней, какъ золотыя искры. Внизу разлилась молочная, теплая мгла, прозрачная, дремлющая мгла, и среди этой мглы величаво поднимались пирамидальные тополи. Да, это были они, главная краса благословенной Малороссіи. Хороша была и ночь, и эти тополи, и цвѣтущія шпалеры яблоней; но все это получило чарующую южную прелесть только отъ соловьиной пѣсни, которая страстными и зовущими трелями дрожала и переливалась въ воздухѣ.

III.

Ночь пролетѣла незамѣтно.

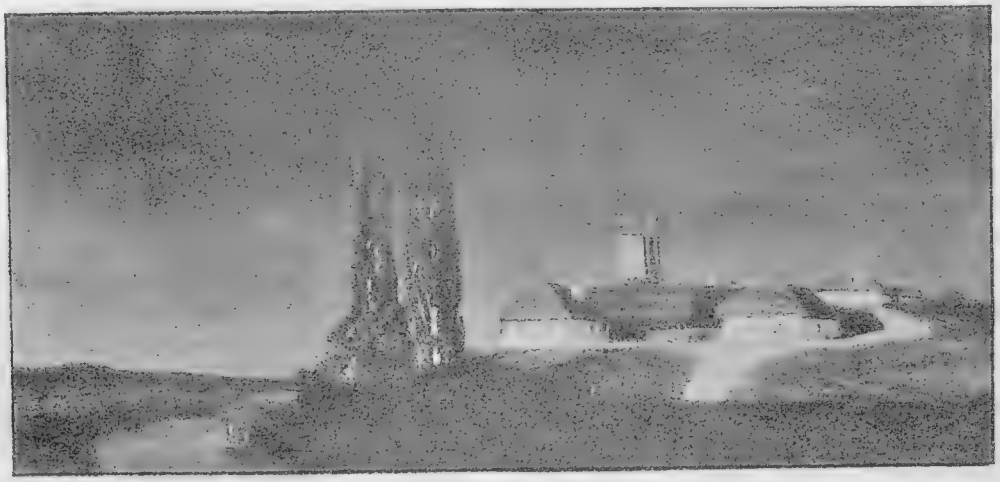
— Скоро ужъ Кіевъ... — говоритъ кто-то.—Посмотрите, вонъ сколько богомоловъ и странниковъ идетъ... Всѣ съ котомками, съ палочками.

— Это все хохлы,—объясняетъ кто-то.—Теперь разстановка у нихъ,—пахота кончилась, а страда еще начнется черезъ недѣлю, ну, и бредутъ къ мощамъ.

Желѣзная дорога въ этомъ мѣстѣ пересѣкала шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись вереницы богомольцевъ и богомолокъ. Лапти, босыя ноги, сгорбленныя спины съ котомками, длинныя палки въ рукахъ, загорѣлыя на солнцѣ и покрытыя потомъ и пылью лица,—вотъ эта бродящая по угодникамъ Русь, одинаковая вездѣ и вездѣ имѣющая въ себѣ что-то неотразимо-привлекательное, какъ проявленіе высшихъ духовныхъ требованій.

Мѣстность принимаетъ замѣтно холмистый характеръ, попадается даже сосновый боръ, настоящій сосновый боръ, который стоитъ здѣсь, какъ подошедшее съ далекаго сѣвера войско. Скоро потянуло свѣжестью,— близокъ Днѣпръ. Утро великолѣпно, и южное небо высоко поднимается надъ головой. Что-то такое радостное и бодрое въ самомъ воздухѣ, который курится ароматомъ распустившейся зелени.

— Вотъ и Кіевъ...



Украинская ночь. Съ картины *А. И. Куинджи.*

Кіевъ и Днѣпръ.

IV.

Поѣздъ съ какимъ-то побѣднымъ гуломъ выползъ изъ лѣса и быстро началъ спускаться въ широкую, зеленую равнину, дымившуюся утреннимъ туманомъ. А вотъ и Днѣпръ, красавецъ Днѣпръ, который здѣсь такъ великолѣпно разлился между низкими островами. Вонъ и правый гористый берегъ; а тамъ дальше, вверхъ по теченію, на самомъ верху горъ красуются бѣлыя церкви, и жарко горятъ золоченые главы и кресты. Самаго города, настоящаго Кіева, не видно,— онъ за горой, изъ-за которой можно разсмотрѣть только домики предмѣстья, Николаевскій мостъ черезъ Днѣпръ и часть утонувшаго въ синеватой дымкѣ Подола. Картина великолѣпная, единственная въ своемъ родѣ...

Поѣздъ сдержаннымъ ходомъ вползаетъ на великолѣпный мостъ, и правый берегъ начинаетъ быстро приближаться къ намъ. Все затянуто густой зеленью, которая лѣпится по кручамъ и скатамъ и залегаетъ сплошными массами въ глубокихъ выемкахъ, гдѣ основной кряжъ точно разсѣдается, чтобы образовать эти красивые зеленые уголки. Направо, въ двухъ шагахъ отъ моста, въ такой разсѣлинѣ совсѣмъ спряталась небольшая церковка, а рядомъ съ ней выше креста поднимаетъ свою голову гигантъ-тополь.

— Это Выдубецкій монастырь, — объясняетъ кто-то,—а повыше на горкѣ—Іёна...

— Что это такое: Іёна?

— А монастырекъ такой... Въ немъ старецъ Іёна все объясняетъ. Къ нему всѣ ходятъ, потому угодный старецъ. А тамъ вонъ дальше, на горкѣ-то— Лавра...

Низкій лѣвый берегъ и часть острововъ заняты какими-то поселками. По рѣкѣ медленно бороздятъ маленькія лодки, гдѣ-то далеко свиститъ пароходъ... А Днѣпръ, могучій, синій

Днѣпръ, идетъ такъ тихо и важно и пропадаетъ гдѣ-то на горизонтѣ въ золотистой утренней мглѣ.

Вода, горы и могучая южная растительность составляютъ главную красоту Кіева, а пирамидальные тополи придаютъ ему немного восточный видъ. Глазъ невольно ищетъ плоскихъ восточныхъ кровель и узкихъ, кривыхъ улицъ; но здѣсь все ново, все съ иголочки,—широкія улицы, новые дома,—однимъ словомъ, самый европейскій городъ, а издали уже доносится раздражающій нервы лязгъ и трескъ мостовой.

Вопросы. Какіе города между Москвой и Кіевомъ? Съ какого города на пути изъ Москвы въ Кіевъ замѣчается рѣзкая перемѣна въ природѣ и населеніи? На какой рѣкѣ стоитъ Кіевъ. Что составляетъ красоту Кіева?

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Вечеръ въ Малороссіи.

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки подъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ.
И, распѣваючи, дѣвчата
Домой на вечерю спѣшатъ.
Семья ихъ ждетъ—и все готово.
Звѣзда вечерняя встаетъ,—
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.
Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все: однѣ дѣвчата
Да соловейко не затихъ.

Т. Г. Шевченко.

Пѣвецъ Украйны, Т. Г. Шевченко.

Могила Тараса Шевченко.

Тамъ, гдѣ льется Днѣпръ широкій,
Крестъ надъ кручею стоитъ;
Подъ крестомъ пѣвецъ Украйны
Вѣчнымъ сномъ спокойно спитъ;
Спитъ онъ крѣпко,—не проснется,
Но душа его жива:
Имъ пропѣтыхъ чудныхъ пѣсенъ
Не забудутся слова;
Въ нихъ онъ край родной, любимый—
Украину воспѣвалъ
И участья къ бѣднымъ людямъ
У счастливыхъ вызывалъ,—
И за это на Украйнѣ
И теперь не позабытъ
И въ землѣ родной спокойно
Надъ Днѣпромъ широкимъ спитъ;
Спитъ онъ крѣпко, а по степи
Льется пѣсни звукъ живой,
А подъ кручей Днѣпръ могучій
Плещетъ пѣнистой волной!

И. А. Бѣлоусовъ.

Крымъ.

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй и тополей прохлада—
Все чувство путника манитъ,
Когда въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,

И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага.

Задача. Покажите на картѣ Крымъ.

А. С. Пушкинъ.

Крымъ. Кипарисовая аллея.

Море.

I.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,

Морской прибой во время бури на Черномъ морѣ.

Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.

II.

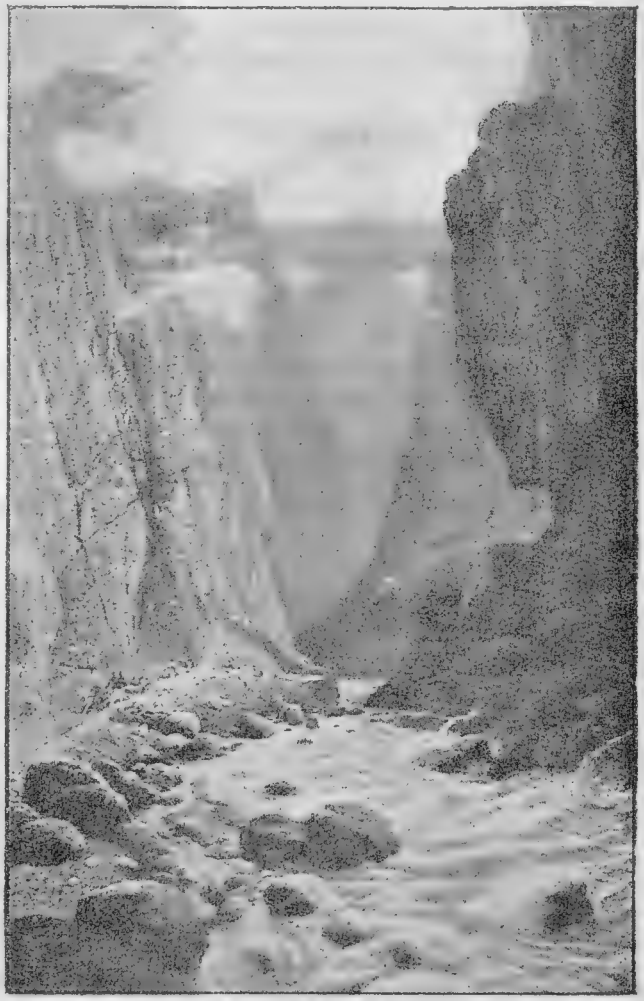
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

В. А. Жуковскій.

Задача. Покажите на картѣ Черное море?

Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,



Въ горахъ Кавказа. Рѣка Терекъ.

Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

А. С. Пушкинъ.

Задача. Покажите на картѣ Кавказъ.

Терекъ.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
„Разступись, о старецъ море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я сынамъ твоимъ въ забаву
Разорилъ родной Дарьялъ
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ".

М. Ю. Лермонтовъ.

Задача. Покажите на картѣ рѣку Терекъ.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ, вижу, даль степей зеленѣется; и на граняхъ ихъ, выше темныхъ тучъ, цѣпи горъ стоятъ великанами. По степямъ въ моря рѣки катятся, и лежатъ пути во всѣ стороны. Посмотрю на югъ — нивы зрѣлыя, что́ камышъ густой, тихо движутся; мурава луговъ ковромъ стелется, виноградъ въ садахъ наливается. Гляну къ сѣверу — тамъ, въ глуши пустынь, снѣгъ, что́ бѣлый пухъ, быстро кружится; подымаетъ грудь море синее, и горами ледъ ходитъ по морю. И поля цвѣтутъ и лѣса шумятъ, и лежатъ въ землѣ груды золота!..

И. С. Никитинъ.

IV. Четыре времени года.

Осень.

I.

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы—
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора! Очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

А. С. Пушкинъ.

II.

Скучная картина!
Тучи безъ конца,
Дождикъ такъ и льется;
Лужи у крыльца;
Чахлая рябина
Мокнетъ подъ окномъ;
Смотритъ деревушка
Сѣренькимъ пятномъ.
Что ты рано въ гости,
Осень, къ намъ пришла?
Еще проситъ сердце
Свѣта и тепла!

А. Н. Плещеевъ.

III.

Ласточки пропали,
А вчера съ зарей
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится.
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.
Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь поневолѣ,
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ.

А. А. Фетъ.

Задача. По этимъ четыремъ стихотвореніямъ нарисуйте осеннюю картину.

Послѣ жнитва.

Рожь сжата,—полегче тутъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга, скрипя,
подъѣзжаетъ,—
Савраска глядитъ
на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ
золотыхъ.
— Богъ помочь! А
гдѣ же Гришуха?—
Отецъ мимоходомъ
сказалъ.
— Въ горохахъ,—
сказала старуха.
— Гришуха! —
отецъ закричалъ.
На небо взглянулъ. — Чай, не
рано?

Задача. Написать разсказъ къ картинкѣ.

Испить бы...—Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался;
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
Бѣжитъ!.. У!.. Бѣжитъ пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава! —
Гришуха черенъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова.
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ),
Попотчевалъ бабушку, матку,
Сестренку, — вертится вьюномъ!
Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

Н. А. Некрасовъ.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли;
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу;
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы;
Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли, колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ,— и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?..“
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
„Вашему пахарю моченьки нѣтъ“.

Н. А. Некрасовъ.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта;
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами...
И кички съ острыми углами,

Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты—
Вся деревенская краса
Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ, хитрая приманка,
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса... „Гдѣ! какая дрянь?
Ты вотъ на ступицу-то глянь!“
Торгашъ плечистый повторяетъ,
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ.
— Сложи полтину,— говоритъ:—
Возьму и дегтю, вотъ мазницы...
„Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гамонокъ-то свой не прячь!“
Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы.
И *Лазаря* поютъ слѣпцы,
Собирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ биткомъ толпой гулякъ
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
„Охъ, православные! я пьянъ!“
Въ бумажномъ колпакѣ и въ блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
Народъ дурачитъ шарлатанъ
И корчитъ рожу... „Какъ обманъ!—
Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою.—
Коню не двадцать лѣтъ, а пять!
Жены, дѣтей мнѣ не видать!“
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Писк дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ.
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

И. С. Никитинъ.

Зимнее утро.

Вечеръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь облака едва смотрѣла...

Первый снѣгъ. Съ картины *Столицы*.

А нынче — посмотри въ
окно!
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ
лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ
чернѣетъ,
И ель сквозь инѣй зеле-
нѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ бле-
ститъ.

А. С. Пушкинъ.

Къ какому стихотворенію относится эта картинка?

Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ:
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
— Эй, пошелъ, ямщикъ!.. — „Нѣтъ
мочи.
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передъ мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой".
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ.
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
„Кто ихъ знаетъ; пень иль волкъ!"
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Вишь, глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу — духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ,
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ,
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

А. С. Пушкинъ.

Морозъ.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

Зимою. Съ картины *Клевера.*

Глядитъ,—хорошо ли метели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ сломанной ели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли!
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ,
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идетъ,—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
„Метели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря, океаны,—
Построю дворцы изо льда.
Задумаю,—рѣки большія
Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
Гдѣ быстрыя, шумныя воды
Недавно свободно текли,—
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ прошли.
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро:
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро".

Н. А. Некрасовъ.

Задача. Скажите пословицу и загадку про морозъ.

Легенда о елкѣ.

Существуетъ одна легенда, которая гласитъ слѣдующее о происхожденіи обычая зажигать свѣчи на рождественской елкѣ.

Близъ пещеры, въ которой родился Спаситель міра, росли три дерева: ель, олива и пальма. Въ тотъ святой вечеръ, когда зажглась на небѣ путеводная звѣзда, возвѣстившая многострадальному міру о появленіи на свѣтъ Того, Который принесъ съ собой „вѣсть надежды благодатной", — въ тотъ вечеръ

Ликовала вся природа,
Величава и свѣтла,
И къ ногамъ Христа-Младенца
Всѣ дары свои несла.

Въ числѣ прочихъ принесла свои „золотистые плоды" и росшая при пещерѣ олива. Также и пальма предлагала свой „зеленый шатеръ", какъ защиту отъ зноя и непогоды. Только ель одна печально стояла

...Въ унынiи тихомъ,
Боязлива и скромна,

тщетно думая и не зная, чтобы ей принести въ даръ Младенцу Іисусу. Печально поникли ея вѣтви, и „отъ стыда и тайныхъ мукъ" обильно за-

капали у нея слезы прозрачной смолой.

Эти слезы увидала
Съ неба звѣздочка одна,
Тихимъ шопотомъ подругамъ
Что-то молвила она.

И вдругъ свершилось чудо: звѣзды посыпались съ неба огненнымъ дождемъ и усѣяли елку по всѣмъ ея вѣткамъ, сверху донизу. Тогда она, радостно затрепетавъ, гордо подняла свои вѣтви и впервые явилась міру въ ослѣпительномъ блескѣ... Съ тѣхъ поръ и пошелъ у людей обычай убирать елку въ рождественскій вечеръ яркими огнями свѣчей. Съ тѣхъ поръ

Каждый годъ она сіяетъ
Въ день великій торжества
И огнями возвѣщаетъ
Свѣтлый праздникъ Рождества.

Елка и птичка.

Въ блестящемъ уборѣ, въ огняхъ и цвѣтахъ,
Зеленая елка стояла,
Свѣтло отражаясь въ большихъ зеркалахъ
Богатаго пышнаго зала,
И вяла, тиха и печальна, она,
По лѣсу родному тоскою полна.
Нарядные люди ходили кругомъ,
Веселыя дѣти играли...
И думала елка о лѣсѣ своемъ,
Гдѣ птички весной щебетали:
Не слышать ей больше, какъ птички поютъ,
Не видѣть, какъ гнѣздышко весело вьютъ...
Вдругъ въ клѣткѣ прозрачной, подъ сводомъ окна,
Знакомую птичку узнала,
И дрогнула всѣми вѣтвями она:
„Скажи, какъ сюда ты попала
Въ такую жъ тоску и неволю, какъ я,
О, птичка лѣсная, малютка моя!“
И жалобно птичка щебечетъ въ отвѣтъ:
— Поймали меня еще лѣтомъ.
Съ тѣхъ поръ здѣсь томлюсь, и свободы мнѣ нѣтъ,
Простилась я съ солнечнымъ свѣтомъ.
И душно, и тѣсно мнѣ въ клѣткѣ сидѣть,
И пѣсенъ свободныхъ не хочется пѣть.
„А я лишь недавно покинула лѣсъ,
И вотъ безъ корней умираю.
Безъ тучекъ, безъ вѣтра, безъ вольныхъ небесъ
Я вяну, я сохну, страдаю.
Меня оторвали отъ милой земли,
Насильно изъ лѣса сюда привезли.
Я рада, малютка, что ты здѣсь со мной:
А то я одна тосковала...
О, спой мнѣ ту пѣсню, что ранней весной
Въ душистомъ лѣсу ты пѣвала:
Ты пѣла ее на зарѣ, поутру;
Подъ звуки той пѣсни я легче умру...“
Все смолкло. На елкѣ погасли огни;
Во мракѣ роскошная зала,
И елка неясно чернѣла въ тѣни,
Лѣсной ароматъ разливала.
Тутъ птичка-малютка въ ночной тишинѣ
Запѣла о свѣтлой, цвѣтущей веснѣ,
И слушала елка, какъ птичка поетъ...
Ей грезились радости мая;
Казалось, черемуха снова цвѣтетъ...
И вяла она, умирая.
На утро ее неживую нашли,
Въ куски изрубили и въ печкѣ сожгли...

Е. Бекетова.

Весна.

Уходи, зима сѣдая!
Ужъ красавицы весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!
Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней—царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!
А что̀ шума, что̀ гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,

И чиликанья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣй!
У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..
Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ ужъ пчелъ рои шумятъ
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

А. Майковъ.

Весна идетъ.

Конецъ приходитъ долгой зимѣ. Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла бѣлая пелена снѣга, и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже мартъ на исходѣ, и апрѣль на дворѣ. Прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревьевъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя лѣтнія квартиры—самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матеріаломъ, ломая для того крѣпкими бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсядутся они всѣмъ соборомъ, всегда попарно, и какъ будто начнутъ совѣщаться о будущемъ житьѣ-бытьѣ.

Воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутные ручьи. Наконецъ наступаетъ совершенная ростопель: юго-западный теплый вѣтеръ такъ и съѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: уже на черной скатерти полей кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сувоевъ. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ; наступило водополье.

С. Т. Аксаковъ.

Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ,
Мы — молодой весны гонцы.
Она насъ выслала впередъ!“
Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Весна.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса;
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. С. Пушкинъ.

II.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою!
Чиста небесная лазурь,

Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора метелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.
И сердце сильно такъ въ груди
Стучитъ, какъ будто ждетъ чего-то,
Какъ будто счастье впереди,
И унесла зима заботы!
Всѣ лица весело глядятъ.
„Весна!“—читаешь въ каждомъ взорѣ,
И тотъ, какъ празднику, ей радъ,
Чья жизнь — лишь тяжкій трудъ и горе.
Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье
Мнѣ говорятъ, кто больше всѣхъ
Природы любитъ обновленье.

А. Н. Плещеевъ.

Вскрытіе рѣки.

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа—смотрѣть на разливъ полой воды. „Рѣка тронулась...“ передается изъ устъ въ уста, и все село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода,— и долго-долго стоятъ пестрыя, кое-какъ одѣтыя толпы, смотрятъ, любуются, сопровождая каждое движеніе льда своими предположеніями или веселыми возгласами. Даже въ городахъ, напримѣръ, въ Москвѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всѣ ея берега и мосты бываютъ усыпаны народомъ; одни смѣняются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перила мостовъ, черезъ рѣшетки набережной, глядятъ — не наглядятся на свою пополнѣвшую Москву-рѣку, которая въ водополье дѣйствительно похожа на порядочную рѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ въ это время года не только величественное, но и странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованіе, и вдругъ — широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго снѣжнаго пространства поше-

Ростепель. Съ картины *Ю. Ю. Клевера.*

Ледъ пришелъ. Съ картины *Столицы*.

велилась, откололась и пошла... пошла со всѣмъ, что на ней находилось въ то время: съ обледянѣвшими прорубями, навозными кучами, вѣхами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми!

Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрипомъ, ползетъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на дыбы, какъ будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ... Рѣка прошла!.. Освобожденная отъ полугодового плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ.

С. Т. Аксаковъ.

Весна.

Весна! Выставляется первая рама—
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей,
Вонъ даль глубокая видна,
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

А. Н. Майковъ.

Наканунѣ свѣтлаго праздника.

I.

Я ѣхалъ къ Ростову
Высокимъ холмомъ;
Лѣсокъ малорослый
Тянулся на немъ:
Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слѣва — долина
Какъ скатерть равна.
Пестрѣлъ деревнями,
Дорогами долъ,
Онъ все понижался
И къ озеру шелъ.
Ни озера, дѣти,
Забыть не могу,

Ни церкви на самомъ
Его берегу:
Тутъ чудо-картину
Я видѣлъ тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II.

Начну по порядку:
Я ѣхалъ весной,
Въ Страстную субботу,
Предъ самой Святой.
Домой поспѣшая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра мнѣ встрѣчался
Рабочій народъ.
Скучая смертельно,
Рѣшалъ я вопросъ:
Кто плотникъ, кто слесарь,
Маляръ, водовозъ?
Не трудное дѣло!
Идутъ кузнецы —
Кто ихъ не узнаетъ?
Они молодцы
И пѣть и ругаться,
Да день не такой!
Идетъ кривоногій
Гуляка-портной:
Въ одномъ сюртучишкѣ,
Фуражка, какъ блинъ, —
Гармонія, трубка,
Утюгъ и аршинъ!
Смотрите — красильщикъ!
Узнаешь сейчасъ:
Носъ выпачканъ охрой
И сурикомъ глазъ;
Онъ кисти и краски
Несетъ за плечомъ,
И словно ландкарта
Передникъ на немъ.
Вотъ пильщики: сайку
Угрюмо жуютъ
И словно солдаты
Всѣ въ ногу идутъ,
А пилы стальныя
У добрыхъ ребятъ,
Какъ рыбы живыя,
На плечахъ дрожатъ!
Я добраго всѣмъ имъ
Желаю пути,
Въ родныя деревни
Скорѣе прійти,
Омыть съ себя копоть
И потъ трудовой
И встрѣтить Святую
Съ веселой душой...

III.

Стемнѣло. Болтая
Съ моимъ ямщикомъ,
Я ѣхалъ все тѣмъ же
Высокимъ холмомъ;
Взглянулъ на долину,
Что къ озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:
На каждой тропинкѣ,
Ведущей къ селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу
Огни озарили:
Куда-то идетъ
Съ пучками горящей
Соломы народъ.
Куда? Я подумать
О томъ не успѣлъ,
Какъ колоколъ громко
Отвѣтъ прогудѣлъ!
У озера ярко
Горѣли костры, —
Туда направлялись
Нарядны, пестры,
При свѣтѣ горящей
Соломы, толпы...
У Божьяго храма
Сходились тропы, —
Народная масса
Сдвигалась, росла...
Чудесная, дѣти,
Картина была!..

Н. А. Некрасовъ.

Пасхальное яичко.

„Христосъ Воскресе!“ говоримъ мы другъ другу, при наступленіи Свѣтлаго праздника, и эти слова звучатъ ра-

достно для насъ, потому что въ нихъ надежда на будущую жизнь.

„Тамъ за гробомъ,—училъ Христосъ,—есть жизнь безконечная, жизнь безъ болѣзней и печалей; но творите добрыя дѣла, потому что каждому воздастся по дѣламъ его".

Въ память этого въ первыя времена христіанства установился обычай: когда наступитъ Свѣтлый день, встрѣчаясь, люди радостно восклицаютъ: „Христосъ воскресе!" и дарятъ другъ другу яичко.

Какой смыслъ въ этомъ подаркѣ? Почему дарятъ именно яичко, а не что-нибудь другое?

Подождите, и вы получите нѣсколько яичекъ: тутъ будутъ сахарныя, стеклянныя, фарфоровыя, бумажныя, будутъ и обыкновенныя куриныя, окрашенныя въ разные цвѣта. Какое самое лучшее изъ нихъ?

Конечно, куриное, потому что только въ немъ одномъ и заключается истинный смыслъ пасхальнаго подарка.

Возьмемъ свѣжее, невареное яичко и разобьемъ скорлупу: бѣлокъ жидокъ, прозраченъ; желтый шарикъ, плавающій въ немъ, состоитъ также изъ жидкаго вещества. Выпустимъ содержимое яйца на блюдечко: бѣлокъ расплывется неправильно во всѣ стороны, а желтокъ только сплюснется въ лепешечку, но не расплывется. Очевидно, онъ покрытъ оболочкой, но она такъ тонка и прозрачна, что мы не видимъ ее. Смотрите, на желткѣ какое-то маленькое, круглое, бѣлое пятнышко. Замѣтьте его. Послѣ узнаемъ, что это такое.

II.

Положите подъ курицу искусственныя яички и съ ними свѣжее куриное: искусственныя только запачкаются, изъ куринаго же выйдетъ черезъ двадцать одинъ день прехорошенькій живой цыпленокъ.

Откуда онъ взялся? На двадцатый день мы смотрѣли яички: скорлупы ихъ были цѣлы. Никто не могъ посадить туда цыпленка. Ясно, что въ эти двадцать одинъ день въ яичкѣ, подложенномъ подъ курицу, произошло нѣчто совсѣмъ особенное.

Куда дѣвались бѣлокъ и желтокъ? Ихъ не осталось и слѣда въ яичкѣ, изъ котораго вышелъ цыпленокъ. Съѣсть ихъ никто не могъ. Слѣдовательно, изъ желтка и бѣлка, въ которыхъ мы не замѣчали никакихъ признаковъ жизни, образовалось живое существо — цыпленокъ.

Сдѣлаемъ еще опытъ. Возьмемъ сырыя и вареныя яйца, а въ числѣ сырыхъ возьмемъ самыя свѣжія и такія, которыя снесены мѣсяцъ назадъ. Подложимъ ихъ подъ насѣдку. Будемъ ее кормить, поить, холить, чтобы она хорошо высиживала.

Пришелъ двадцать первый день. Вареныя яички остались такими же, только поусохли и протухли.

Въ сырыхъ яичкахъ, въ старыхъ, залежавшихся, все перепуталось. Противный запахъ указываетъ, что они совсѣмъ испортились. Напротивъ, въ свѣжихъ яичкахъ почти во всѣхъ хорошенькіе живые цыплятки.

III.

Вы скажете, можетъ-быть, что цыплятки завелись въ нихъ оттого, что мы подложили ихъ подъ курочку?

Сдѣлаемъ еще опытъ. Положимъ свѣжее яичко въ такой ящикъ, который можно бы было нагрѣвать до теплоты нашего собственнаго тѣла. Будемъ стараться только объ одномъ, чтобы въ ящикѣ эта теплота не увеличивалась и не уменьшалась. И ровно на двадцать первый день изъ яичка выйдетъ цыпленокъ.

Вотъ видите ли, для того, чтобы желтокъ и бѣлокъ куринаго яичка превратились въ цыпленка, нужна

только небольшая, но постоянная теплота.

Этого мало; нужно, чтобы самое яичко было свѣжее, неиспорченное; нужно, чтобы въ желткѣ было непремѣнно то бѣлое пятнышко, о которомъ мы говорили. Это бѣлое пятнышко и есть зачатокъ будущаго цыпленка. Оно все состоитъ изъ двухъ слоевъ мелкихъ, прозрачныхъ пузырьковъ, съ еще болѣе мелкими крупинками внутри. Кромѣ этихъ пузырьковъ, ничего тутъ нѣтъ. Но, тѣмъ не менѣе, это живое существо. Въ немъ невидимо для нашего глаза природа собрала всѣ части цыпленка, но его нѣтъ еще. Жизнь дремлетъ въ этомъ существѣ. Оно погружено въ глубокій сонъ.

IV.

Положите яичко подъ курочку. Едва оно согрѣлось, прошелъ часъ, другой бѣлое пятнышко неузнаваемо. Жизнь забила въ немъ живымъ ключомъ. Пройдетъ еще нѣсколько часовъ — если только яичко не остыло отъ нашей небрежности — и въ бѣломъ пятнышкѣ мы увидимъ первыя неясныя очертанія цыпленочка.

Пройдетъ еще немного времени, и мы увидимъ глаза, мозгъ; мы увидимъ сердце бьющееся, живое сердце, съ прозрачными трубочками, идущими отъ него, въ которыхъ течетъ алая кровь.

Скажите же мнѣ теперь, неужели стеклянное, фарфоровое и другія подобныя дорогія яички лучше этого простого куринаго? Какъ бы они ни были разукрашены, но въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть жизни. Это тѣ же камни.

А сколько чуднаго, какія волшебныя превращенія находимъ мы въ простомъ куриномъ яичкѣ! Бѣлое неподвижное пятнышко, какъ будто мертвое, плаваетъ въ желткѣ нѣсколько недѣль, и вдругъ, подъ вліяніемъ тепла, оно начинаетъ превращаться въ живое существо.

Вотъ почему только сырое куриное яичко можетъ назваться настоящимъ пасхальнымъ.

Древніе христіане, поздравляя другъ друга въ годовщину Воскресенія Христа изъ мертвыхъ, обмѣнивались яичками, которыя лучше всего напоминали имъ объ этомъ великомъ событіи — воскресеніи изъ мертвыхъ.

Яичко было для нихъ знакомъ будущей новой, молодой жизни.

* * *

Любо весной человѣку!
Солнышко ясно горитъ,
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы;
Поле сохи запросило,
Травушки—просятъ косы.

Н. А. Некрасовъ.

Зеленый шумъ.

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!
Играючи, расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако; все зелено: и воздухъ и вода!
Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса,
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистная
И бѣлая березонька съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ.

Шумятъ они по-новому,
По-новому, весеннему.
Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

Н. А. Некрасовъ.

Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты, скажешь, встала раньше насъ!
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ,
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.
А птички?—Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь.
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ.
Да, чу! къ заутренѣ звонятъ.
А вотъ и солнышко взошло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ
И ярко смотритъ изъ-за горъ.
Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

А. В. Жуковскій.

Лѣтній вечеръ.

I.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И, алымъ, тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ, въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

II.

Итакъ, совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,

Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ;
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда—
И вотъ онъ всходитъ, въ долъ глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

В. А. Жуковскій.

Вечеръ на сѣнокосѣ.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.
Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.
Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.
По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь впотьмахъ.
Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсельникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой,
Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ, не глядитъ,
Пляшетъ—присядаетъ,
Соловьемъ свиститъ.
Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ.
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ.
Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,
Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

И. С. Никитинъ.

Пѣсня косаря.

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее,
И—прости-прощай,
Село родное!
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ...
Что внизъ по Дону,
По набережью
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки;
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тѣбѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой острою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Захотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,

Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой
Вы засохнете.
Нагребу копенъ,
Намету стоговъ,—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

А. В. Кольцовъ.

Сѣнокосъ.

Около лѣса коситъ молодой статный крестьянинъ. Недѣлю назадъ онъ купилъ въ земскомъ складѣ косу и всю недѣлю жилъ жизнью своей новой подруги, всячески ухаживая за нею. Всю недѣлю она лежала у него, обвернутая въ бумагѣ, на печкѣ. Отъ этого она прокалилась, какъ въ огнѣ. Затѣмъ онъ артистически отклепалъ ее и теперь во время косьбы не нарадуется на свою любимицу. Она словно не рѣжетъ траву, а скользитъ по ней и все запѣваетъ что-то удалое.

Отдѣльно отъ другихъ на бугоркѣ косятъ двое—среднихъ лѣтъ мужикъ и мальчикъ. У мужика ровныя, спокойныя движенія и сосредоточенное съ плохой растительностью лицо. Онъ коситъ спокойно, полу-медленно, но основательно, широко разставляя ноги и ритмически раскачиваясь всѣмъ туловищемъ то направо, то налѣво. За нимъ коситъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти. Онъ коситъ первый годъ. И ему хочется не отстать отъ отца, вслѣдствіе чего онъ торопится, нервничаетъ и весь дергается, какъ въ конвульсіяхъ, обливаясь потомъ и весь побагровѣвъ отъ напряженія.

— Ну, Ѳедя, какъ у тебя идетъ дѣло? — спрашиваетъ, оборачиваясь, отецъ.

— Ничево, идетъ!

— Да ты не торопись, сынокъ, а полегонечку. Вотъ такъ. Много не забирай... А вотъ за этотъ тебя бы привязать надоть,—говоритъ отецъ, улыбаясь и указывая на оставшійся посреди прокосья торчащій высокій стебель.

Подобно подросткамъ, косятъ и женщины, т.-е. неровно, торопливо и надрываясь. Въ косьбѣ же, главнымъ образомъ, нужна равномѣрно направленная большая мышечная сила. При косьбѣ все участвуетъ въ работѣ: и руки, и ноги, и спина, и плечи.

Всякую работу,—пояснялъ мнѣ крестьянинъ Андрей,—можно дѣлать или руками или ногами. А сѣно косить надо всѣмъ Андреемъ...

Но изъ женщинъ попадаются такія мастерицы, что не уступятъ и мужикамъ. Но это искусство дается женщинамъ съ великимъ трудомъ.

Въ крестьянскую рабочую пору съ ея неотложностью и спѣшностью каждая старуха, каждый ребенокъ, каждый атомъ мышечной силы дорогъ въ хозяйствѣ. А потому иногда косятъ и старухи.

При сѣнокосѣ сосредоточивается все упорство и трудовая напряженность крестьянства.

Косятъ часовъ до 7-ми, до 8-ми, пока начнетъ припекать солнце.

Нѣкоторые доходятъ почти до безсилія. Но всѣ утромъ жадничаютъ въ работѣ до крайней степени, потому что косить наилучше, пока трава еще въ росѣ. Такъ и говорятъ: „косить одну росу, двѣ росы“ и т. д. По росѣ трава мягче, не такъ пружинитъ, и ее лучше беретъ коса. При солнцѣ же, кромѣ того, что жара донимаетъ, еще и труднѣе косить: трава дѣлается сухой, жесткой и упругой.

Для солнца во время сѣнокоса есть другая работа не менѣе важная, чѣмъ косьба,—это сушка сѣна. Работа эта не требуетъ особенныхъ усилій и въ родѣ прогулки. И потому для этого деревня снаряжаетъ бабъ и мужиковъ, и дѣтей, и слабыхъ, и больныхъ, и старухъ, и стариковъ, которые цѣлыми днями ворошатъ на солнопекѣ граблями или легкими ворошилками еще не просохшее сѣно.

Если часть сѣна высохла и есть сомнѣніе относительно вёдра, его стараются какъ можно скорѣе убрать. И начинается самая горячая и ожесточенная работа. Сѣно быстро сгребаютъ, сваливаютъ въ валы и охапками сносятъ въ сарай, или наваливаютъ сѣно, какъ копну, на два длинныхъ шеста и несутъ его на носилкахъ, или тащатъ волокомъ, обвязавъ веревкой. Но все это только въ томъ случаѣ, если деревня подъ бокомъ. Въ большинствѣ же случаевъ предаются одному изъ высокихъ наслажденій и перевозятъ сѣно на телѣгахъ, блаженствуя на нихъ, какъ на душистой перинѣ.

И въ этотъ критическій періодъ работаютъ иногда по 20 часовъ и болѣе въ сутки.

— Господи, измучишься до того, что не чаешь, когда и домой дотащишься,— говорятъ обыкновенно крестьянки, наиболѣе изнуряющіяся во время покоса.

Но остановиться въ работѣ, дать передышку,—объ этомъ нечего даже и думать. Надо пользоваться каждой минутой, ибо одинъ Богъ знаетъ, что завтра будетъ.

И до поздней ночи на селѣ раздаются голоса и стукъ телѣгъ, а въ избахъ горитъ огонь и работниковъ ждетъ ужинъ.

А какая подымается на лугахъ суматоха и отчаянная спѣшка, если изъза горизонта иной разъ поползетъ синѣющая туча, и набѣжитъ вѣтеръ, и запахнетъ свѣжестью. Свѣтопреставленіе и только!

— Скорѣй! Проворнѣй! Дождь находитъ! — раздаются предостерегающе-отчаянные крики.

Уже никто не ходитъ, никто не говоритъ, а всѣ мечутся, кричатъ и вопятъ, изъ себя выходятъ. Платки сбиваются съ головъ, платья развѣваются. Всѣ возбуждены. Всѣ обливаются потомъ.

А туча все пухнетъ и темнѣетъ...

Уже слышатся отдаленные раскаты грома. Вѣтеръ набѣгаетъ порывистѣе, и кажется, что никто уже не считаетъ другого старше себя.

— Скорѣй, Петька, Дунька! Что ротъ разинули! Сгребай! Наворачивай! Тащи! — слышатся отчаянные крики, какъ на пожарѣ.

Солнца уже не видно. Большую часть неба уже заволокло и закрыло мутно-темною тучею.

Отчетливо уже пахнетъ дождемъ. Въ воздухѣ темнѣетъ. Гроза приближается. Съ каждымъ ударомъ грома энергія работающихъ на лугахъ все усиливается и превращается, наконецъ, въ какое-то трудовое изступленіе.

Но вотъ и конецъ всѣмъ упованіямъ и всѣмъ стараніямъ.

Набѣжалъ порывъ вѣтра, метнулъ платки, взъерошилъ и разбросалъ неубранное сѣно и, точно, выплеснулъ изъ ведра на землю нѣсколько боль, шихъ, тяжелыхъ капель. Блеснула ослѣпительная молнія. Въ рощѣ что-то оглушительно дрогнуло, разорвалось-загрохотало. И надъ лугами косо задвигалась густая сѣтка. Березовая роща, избы на горѣ, колокольня въ сосѣднемъ селѣ—все вдругъ куда-то исчезло, точно провалилось. Тьма и хаосъ кругомъ!

Тьма и хаосъ и въ сердцахъ крестьянъ, сбившихся у копенъ и промокшихъ до нитки.

Сѣнокосъ. Съ картины *Зейденберга.*

Жгучая досада охватываетъ всѣхъ почти до слезъ.

— Ну, какъ тутъ не согрѣшишь?— слышатся отчаянные голоса. — Работали-работали и нà тебѣ!

Въ большинствѣ же случаевъ отношеніе народа ко всякимъ невзгодамъ кроткое и терпѣливое.

— Ничего! Это Божья воля! Богъ задождилъ, Богъ и выведритъ! Богъ въ свое время уберетъ. У Него, у Милостивца, все наготовѣ...

А. П. Сергѣенко.

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется;
Загорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.
Ополчается
Громомъ-бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
Заодно съ весной
Пробуждаются

Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали—
Богу-Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
Посмотрю-пойду
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая,
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко —
Жатва кончена;
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

А. В. Кольцовъ.

Страда деревенская.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Немудрено, что ты вянешь безъ времени,
Все выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!
Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная,—
Солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается;
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ.
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую,—
Некогда кровь унимать!
Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки;
Баба туда—растрепалися косыньки,—
Надо ребенка качать!

Н. А. Некрасовъ.

Пахота.

День выдался точно по заказу: не жаркій и не вѣтреный, а какъ разъ для пахоты. Передъ этимъ были дожди, и земля, пропитавшаяся влагой и

слегка провѣтрившаяся, представляла собою наилучшій видъ для пахоты подъ озими.

— Ну, какъ нынѣ пахота? — спросишь у знакомаго крестьянина.

И на лицѣ пахаря точно электрическая лампочка засіяетъ.

— Ужъ такая разлюбезная пахота, что лучше и желать нельзя. Благодать, а не пахота. Дождичкомъ эту землю, какъ слѣдоваетъ, проняло и пропитало. Она и разрыхлѣла и стала разсыпчатой. А гдѣ земля понавознѣе, такъ тамъ прямо таки, какъ чай въ накладку. Одно удовольствіе, а не пахота.

И когда пахарь говорилъ о рыхлости и разсыпчатости земли, выраженіе лица у него было такое, какое бываетъ у тонкихъ гастрономовъ, вспоминающихъ о какихъ-нибудь особенныхъ вкусныхъ кушаньяхъ.

А между тѣмъ этому восторженному любителю приходится пройти ежедневно десятки верстъ по топкой землѣ, постоянно лавируя и напряженно придерживая въ рукахъ ручки плуга или сохи.

Въ нашей мѣстности пашутъ преимущественно плугами. Соха все болѣе и болѣе вытѣсняется.

— Въ сохѣ вѣдь семьдесятъ семь недуговъ, — говорятъ мужики. — Жарко, она разсохнется, и то одно изъ нея вылетитъ, то другое. То тутъ не ладно, то тамъ не складно. Надо пахать, а ты сбирай, лѣчи ее и прилаживай. Да и больно хитрое устройство въ ней. Чего-чего только въ ней не наворочено? Потому и работать съ нею труднѣе. Все ее держи да держи на рукахъ. Всѣ руки отмотаешь. И только взрослому мужику совладать съ нею. Да и лошади куда тяжелѣе, чѣмъ въ плугѣ. И пашетъ плугъ чище. На немъ и баба и мальчонка могутъ работать. Ты. его только правильно наставь и держи за ручки. А соха, что лошадь горячая: постоянно надо управлять ею...

Таково мнѣніе крестьянства о сохѣ. И, тѣмъ не менѣе, въ Россіи есть еще цѣлыя области, гдѣ до сихъ поръ пашутъ сохою. И пашутъ не только мужики, но и бабы и дѣвушки, гдѣ бываетъ недохватка въ мужскихъ рукахъ...

Улица въ деревнѣ. Съ картины *В. Маковскаго.*

Иногда пахарь такъ умается въ работѣ, что придирается къ первому проявленію усталости со стороны лошади и останавливаетъ соху.

— Устала, сердешная?.. Ну стой, отдохни малость, — говоритъ кротко крестьянинъ и усаживается на пашнѣ.

Увидитъ это сосѣдъ и заразится примѣромъ. Пойдетъ

Задача. Напишите разсказъ къ картинкѣ?

къ сосѣду и тоже присядетъ. Сидятъ, наслаждаются отдыхомъ, закурятъ и начнутъ калякать.

— Пахота нынѣ первый сортъ.

— Чего лучше? Какъ макъ разсыпается.

— А Филатовы уже боронуютъ.

Собесѣдникъ вздыхаетъ.

— Чего имъ не бороновать? Двѣ лошади...

Проходитъ пауза. Синія струйки табачнаго дыма вьются и ползутъ въ хрустально чистомъ воздухѣ.

— Старыя сѣмена для сѣва?

— Гдѣ же имъ быть старымъ? Съ Вознесенья покупаемъ. Вѣдь семейство, знаешь, какое? Не маленькое. И нонѣ урожай плохъ... И изъ-за чего только мы съ тобой, братъ, ковыряемся да ковыряемся. Работаемъ, работаемъ, а ѣсть-то и нечего.

Раздаются два вздоха. И опять пауза.

А черезъ нѣсколько минутъ оба пахаря опять у своихъ плуговъ идутъ, покачиваясь въ одинъ ритмъ съ лошадью.

Вѣтеръ паруситъ рубаху. Въ поднебесьи пролетаютъ птицы. По желѣзнодорожному мосту съ грохотомъ пробѣгаютъ поѣзда. Пахарь ничего не замѣчаетъ. Онъ весь въ своей работѣ.

П. А. Сергѣенко.

Въ деревнѣ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ
Землю взрывая, бредутъ поселяне;
Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ;
Дорого, любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Трудная дружно спорится работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: „поскорѣй, поскорѣй!“
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно, весь день тому весело будетъ.

Н. А. Некрасовъ.

Сѣвъ.

На сѣвъ выѣзжаютъ съ телѣгами, а у кого земли въ обрѣзъ, приносятъ зерно въ мѣшкахъ.

Вотъ выходятъ на сѣвъ крестьянинъ и крестьянка, оба пожилые, оба нѣсколько какъ бы обиженные судьбою. Нѣкогда были достатки, были дѣти и были надежды на тысячи возможностей. Теперь ни достатковъ, ни дѣтей, ни надеждъ. Только заботы да нужда. И старики почти всегда вмѣстѣ, точно пара старыхъ колесъ въ телѣгѣ. Вмѣстѣ имъ не такъ трудно везти телѣгу жизни. Впрочемъ, старики еще крѣпкіе и работящіе. Онъ идетъ съ лукошкомъ, она несетъ въ мѣшкѣ сѣмена для сѣва и пучокъ соломы для помѣтокъ, гдѣ уже засѣяно. Пришли на свое поле. Чѣмъ оно отличается отъ множества другихъ длинныхъ полосокъ шоколаднаго цвѣта,—только Богъ да русскій крестьянинъ могутъ узнавать. Старуха снимаетъ съ плечъ мѣшокъ съ зерномъ, старикъ ставитъ лукошко на землю и насыпаетъ въ него, благословясь, золотистой ржи; затѣмъ вкладываетъ голову, точно лошадь въ хомутъ, въ полотняную петлю сѣяльника, выпрямляется, крестится, набираетъ полную пригоршню сѣмянъ и, призвавъ Бога на помощь, дѣлаетъ рукою сильное круговое движеніе. Золотистыя зерна вѣеромъ развѣваются по пашнѣ.

Сѣвъ начался.

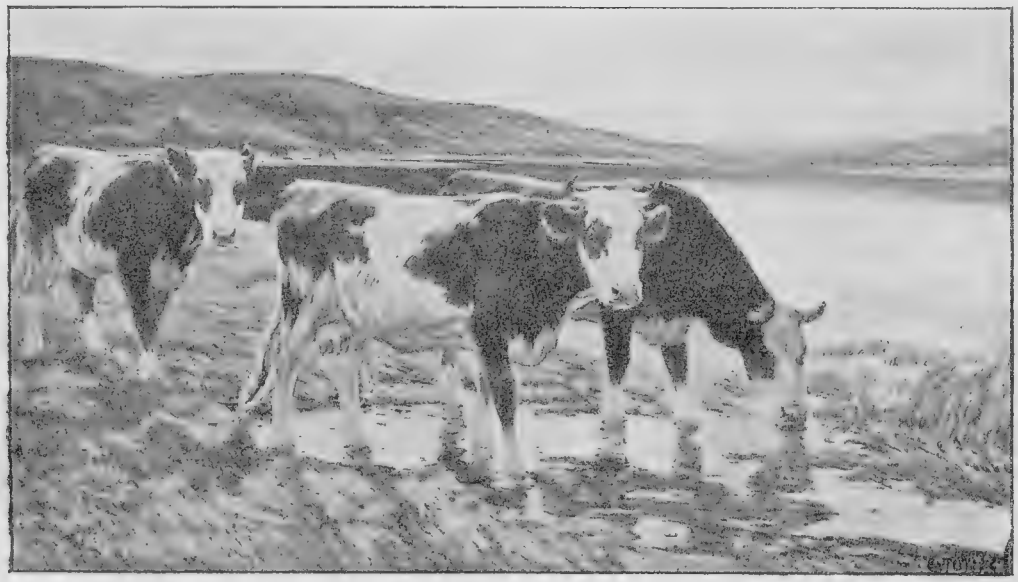
Старикъ мѣрно шагаетъ, точно присѣдая иногда и прицѣливаясь; ловкимъ и рѣшительнымъ движеніемъ онъ пропускаетъ сквозь пальцы сѣмена, которыя разлетаются въ воздухѣ желтоватой дымкой.

Сѣятель уходитъ все дальше, все уменьшается и издали кажется жестикулирующимъ спорщикомъ, сердито размахивающимъ рукою.

П. А. Сергѣенко.

Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка,
Отъ зари алый свѣтъ разливается.



На берегу.

Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ...
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ-рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...

А востокъ все горитъ—разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! Отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце, да утро веселое!

И. С. Никитинъ.

Отъ дождя. Съ картины. *В. Маковскаго.*

Задачи. 1) Придумайте разсказъ къ этой картинкѣ. 2) Вспомните о томъ, какъ вы въ первый разъ ходили купаться.

9. Разсказы изъ нашего прошлаго.

Русская равнина.

Около тысячи лѣтъ тому назадъ наша родина во многомъ отличалась отъ теперешней Россіи. И природа, и люди, и жизнь этихъ людей — все было иное. Дика и сурова была наша равнина, что тянется отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Чернаго моря. Во многихъ мѣстахъ только и видно было во всѣ стороны, что лѣсъ да болота. Лѣса были густые, дремучіе, мрачные. Во множествѣ рыскали по нимъ дикіе звѣри. Но людей было мало. Человѣку трудно было забираться въ глубь дикаго лѣса. Удобнѣе можно было передвигаться только на лодкахъ по рѣкамъ и рѣчкамъ. Рѣкъ и рѣчекъ, къ счастью, было не мало: всюду блестѣли онѣ среди лѣсныхъ чащъ, извиваясь на далекія разстоянія. По рѣчнымъ берегамъ стояли небольшіе поселки. Жили въ нихъ бѣдные и малопонятливые финны, питавшіеся рыбной и звѣриной ловлей. Потомки этихъ финновъ и до сихъ поръ живутъ на сѣверной и восточной окраинахъ Россіи; тысячу же лѣтъ ному назадъ они населяли и всю среднюю Россію (между прочимъ, жили и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва). Подальше къ югу, тамъ, гдѣ уже недалеко до Чернаго моря, гдѣ Днѣпръ и Донъ становятся большими и широководными рѣками, лѣса рѣдѣли, начиналась правильная степь, вся покрытая высокими травами. Съ этой-то стороны и вступили впервые на русскую землю наши предки, славяне, которые пришли сюда издалека, отъ горъ Карпатскихъ. Это были здоровые, сильные люди, высокаго роста, со свѣтлыми волосами и глазами. Они шли на нашу равнину цѣлыми племенами и разсаживались по берегамъ рѣкъ небольшими поселками: каждая семья вмѣстѣ съ служившими ей рабами составляла отдѣльный поселокъ, всѣ жители котораго повиновались старшему въ семьѣ человѣку. Жили въ небольшихъ деревянныхъ хижинахъ. Жизнь была простая и грубая. Только и было заботы, какъ бы прокормиться, защитить себя и свое жилище отъ дикаго звѣря или недобраго человѣка. Пищу добывали изъ сосѣдней рѣки и лѣса: рыболовство и звѣроловство издавна были знакомы славянину. Начали славяне понемногу заниматься и земледѣліемъ. Одеждой служили имъ звѣриныя шкуры, но славяне умѣли уже дѣлать и разныя ткани, которыя шли и на одежду и на паруса для лодокъ. Для охоты и войны славяне употребляли еще луки и стрѣлы, которыя намазывались сокомъ ядовитыхъ травъ; но имъ были знакомы уже и желѣзныя орудія — ножи, топоры и копья, которые раньше дѣлались изъ камня или кости.

Какъ жилъ славянинъ болѣе тысячи лѣтъ назадъ.

На высокомъ сухомъ берегу рѣки, на расчищенной отъ лѣса площадкѣ семья устраивала себѣ жилища, пользуясь тѣмъ, что было для этого подъ рукою. Изъ сваленныхъ деревьевъ мужчины клали срубъ, женщины изъ нарубленнаго хвороста дѣлали плетень и обмазывали его глиною, тѣмъ и другимъ помогали дѣти-подростки. Бревна или колья, дернъ и срѣзанный у рѣки тростникъ шли на покрытіе. Деревянные гвозди, хворостъ и лыко служили для скрѣпы. Изъ собранныхъ по сосѣдству камней складывали внутри хижины очагъ или печь для приготовленія пищи. Здѣсь же вблизи жилья ставили постройки для скота и различныхъ запасовъ и копали въ землѣ ямы для храненія хлѣба.

Всѣ постройки были очень просты и грубы. Жить въ нихъ можно было только тѣмъ, кто былъ невзыскателенъ, терпѣливо переносилъ неудобства и лишенія всякаго рода. Но такое жилище, столь непривлекательное для насъ, удовлетворяло переселенцевъ, такъ какъ оно вполнѣ отвѣчало потребностямъ ихъ: въ немъ можно было переспать ночь, укрыться отъ непогоды и согрѣться у пылающаго очага. Но, кромѣ защиты отъ стихій, хижина служила и для охраны отъ дикихъ звѣрей и могущаго сдѣлать нападеніе врага. Поэтому на случай опасности въ хижинахъ дѣлалось много выходовъ; поэтому жилища обносились насыпью изъ земли, валомъ, и частоколомъ.

Если врагъ былъ сильный и многочисленный и защищаться отъ него въ такомъ городищѣ было нельзя, то одни мужчины спѣшили вмѣстѣ съ женщинами, дѣтьми и стариками укрыться въ глубинѣ лѣса; другіе, спѣшно зарывъ наиболѣе цѣнное въ землю, бросались къ рѣкѣ, чтобы скрыться тамъ подъ водою. Держа во рту длинный пустой внутри тростникъ, они дышали черезъ него, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выжидали ухода врага, оставивъ поселокъ на разграбленіе. Но въ этой лѣсной чащѣ врагъ появляется не часто.

Уединенно, замкнуто живетъ въ лѣсной глуши семья, рѣдко видя у себя чужого человѣка. Но когда появляется странникъ, ему рады, его встрѣчаютъ дружелюбно, окружаютъ заботливостью и радушно его угощаютъ. Эти посѣщенія и празднества съ игрищами и пирами даютъ пріятный перерывъ однообразной полной тяжелаго труда жизни переселенческой семьи.

Вставъ съ восходомъ солнца, поѣвъ, семья принимается за работы. Ихъ распредѣляетъ старикъ — главарь — сообразно силѣ, умѣнью и способностямъ каждаго. Одни спускаются къ рѣчкѣ, чтобы половить рыбы; другіе уходятъ къ стаду, въ лѣсъ; третьи—на пашню; четвертые отправляются на охоту. Захвативъ стрѣлы и лукъ, рогатину и копье, ножъ и топоръ, а также собаку, въ челнокѣ охотники направляются по рѣчкѣ, слѣдя среди зарослей, не попадется ли дичь или боберъ. Причаливъ къ берегу, ставъ у камня лицомъ къ востоку, поклонившись на четыре стороны, они взываютъ къ лѣснымъ силамъ о помощи въ охотѣ. Совершивъ заклинаніе, по проложенной тропѣ они входятъ въ лѣсъ, гдѣ у нихъ въ разныхъ мѣстахъ разставлены западни, выкопаны ямы для звѣрей, растянуты сѣти для птицъ. Но мало птицы и звѣря стало въ этихъ мѣстахъ, гдѣ они охотятся часто, нужно проникнуть въ глубь лѣса, куда не ступала еще нога человѣка. Расчищая путь топоромъ и ножомъ, охотники продираются въ самую чащу, внимательно прислушиваясь къ лаю собаки, присматриваясь къ звѣринымъ слѣдамъ.

Оставшіеся въ усадьбѣ нѣсколько мужчинъ и женщинъ съ главаремъ тоже не остаются безъ труда. Заботливо за всѣмъ слѣдить главарь, всѣмъ даетъ указанія. Жена-хозяйка помогаетъ ему. Нужно подумать о пропитаніи семьи на текущій день, нужно изготовить кушанье, сварить или испечь, если есть, мясо или рыбу, достать изъ ямы зерно, смолоть его на ручной мельницѣ, замѣсить и испечь хлѣбъ или лепешки, надоить молока. Нужно найти время или самой хозяйкѣ или тѣмъ женщинамъ, которымъ она поручитъ, заняться пряденьемъ, тканьемъ изъ шерсти и льна и изготовленіемъ одеждъ для всѣхъ. На женщинахъ же лежитъ обязанность выходить, выкормить и воспитать малыхъ дѣтей.

Въ разнообразномъ трудѣ проходитъ день, и, когда время клонится къ вечеру, съ разныхъ сторонъ возвращаются въ поселокъ члены семьи.

Кончены работы на пашнѣ, нарублено въ лѣсу все, что нужно для домашнихъ подѣлокъ, наловлена рыба, и сушатся сѣти, окончена, и довольно удачно, охота. На лодкѣ пристаютъ къ берегу охотники, съ радостью бѣжитъ, таща за собою звѣря, подростокъ, съ гордостью показываетъ крупную птицу взрослый. Старикъ-главарь внимательно всматривается, что сегодня дала охота. Въ избѣ уже пылаетъ на очагѣ огонь, дымъ поднимается вверхъ, стелется по крышѣ и выходитъ вонъ въ прорубленныя отверстія малыхъ оконъ. На очагѣ котелокъ съ варевомъ. Вокругъ этого котелка собирается вся семья и, дѣлясь впечатлѣніями дня, подкрѣпляется пищею и затѣмъ ложится спать, чтобы крѣпкимъ сномъ набрать силъ для новаго дня.

Солнце садится. Надъ рѣчкой ложатся туманы. Еще немного, и надвинувшаяся ночь охватитъ мрачныя глубины лѣса. Безмолвная тишь спускается надъ заснувшимъ поселкомъ. Только по временамъ ее нарушаетъ бодрствующее населеніе лѣса. То пискнетъ точно ребенокъ сычъ, то тоскливо прокричитъ филинъ, то раздастся хлопанье крыльевъ и жалобный крикъ птицы, попавшей въ когти ночного хищника, то вдругъ прорѣжетъ ночную тишь яростный лай собаки, которая своимъ чуткимъ ухомъ различила осторожную поступь подходящаго къ стаду крупнаго звѣря.

Вопросы. Что заставило славянъ переселяться съ Карпатъ въ Приднѣпровья? Гдѣ селились славяне? Почему? Изъ чего они строили свои избы? Какую пользу приносили такія избы? Какъ спасались славяне отъ враговъ? Опишите трудовой день славянина. Назовите вещи, бывшія въ семьѣ славянина. Какія чувства долженъ былъ испытывать славянинъ, когда надъ его поселкомъ спускалась мрачная лѣсная ночь?

Сосѣди славянъ.

Поселившись на русской равнинѣ, славяне не остались тамъ одинокими. Со всѣхъ сторонъ постоянно навѣдывались къ нимъ пріѣзжіе люди изъ сосѣднихъ странъ. Всѣхъ приманивали сюда богатства русской равнины: рыбы, меду, лѣса, шкуръ звѣриныхъ съ дорогимъ мѣхомъ было здѣсь множество, а все это очень цѣнилось народами, привыкшими вести большую торговлю. Изъ Азіи, изъ-за Каспійскаго моря ѣхали на Русь богатые арабы, по дальнимъ странамъ развозившіе на продажу азіатскіе товары. Съ Чернаго моря пріѣзжали греческіе купцы, а съ далекаго сѣвера, съ Балтійскаго моря, оттуда, гдѣ теперь находится Швеція, приплывали по рѣкамъ и рѣчкамъ, пересѣкая всю нашу равнину на своихъ ладьяхъ, нѣмцы. Они были и купцы и суровые воины въ одно и то же время. Этихъ нѣмцевъ славяне

называли тогда варягами. Всѣ эти заѣзжіе торговцы встрѣчались на русскихъ рѣкахъ, вымѣнивали другъ у друга товары, привлекая и славянъ къ участію въ этой торговлѣ. Торговля тогда была мѣновая: пріѣдутъ иноземные купцы съ товарами, славянинъ вынесетъ имъ припасенные мѣха, медъ, воскъ — вообще разное сырье, а отъ нихъ беретъ себѣ за это иноземныя ткани, желѣзное оружіе, бусы. Былъ и еще одинъ товаръ въ то грубое время: торговали и людьми, отдавая ихъ въ рабство.

Чѣмъ чаще становились торговыя сношенія съ окрестными народами, тѣмъ замѣтнѣе стала измѣняться и жизнь самихъ славянъ. Отъ заѣзжихъ купцовъ славяне узнавали нравы и обычаи другихъ народовъ. Стали заводиться и у славянъ новые порядки. Отдѣльные поселки начали соединяться въ цѣлые союзы — волости. Къ пріѣзду иноземныхъ купцовъ славяне начали собираться въ одни и тѣ же мѣста, которыя для безопасности огораживались валомъ и заборомъ. Такія мѣста стали называться *городами*. Съѣзжаясь въ города для торговли, жители окрестныхъ поселковъ собирались тамъ и на общіе сходы или совѣты для обсужденія разныхъ общихъ дѣлъ. Такіе сходы назывались вѣчами. Что рѣшатъ на городскомъ вѣчѣ, то должны были исполнить и жители всѣхъ окрестныхъ поселковъ. Такъ городскія вѣча начали править окрестными волостями.

Славянинъ IX—X вѣка.

Но скоро на славянъ пришла бѣда: изъ Азіи нахлынулъ на Русь дикій кочевой народъ — печенѣги. Это были лихіе наѣздники, всю жизнь проводившіе на коняхъ и кормившіеся отъ своихъ табуновъ конскимъ мясомъ и кобыльимъ молокомъ, а также отъ военной добычи. Цѣлой ордой переходили они съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за удобными пастбищами для своихъ коней. Нигдѣ не устраивались осѣдло и жили въ легкопереносимыхъ войлочныхъ кибиткахъ (вѣжахъ). Ничто не могло ихъ остановить въ ихъ передвиженіяхъ. Рѣки они переплывали на кожаныхъ мѣшкахъ, набитыхъ сѣномъ и привязанныхъ къ хвостамъ коней. Встрѣчаясь съ непріятелемъ, бросались на него съ дикой отвагой, устрашали всѣхъ однимъ своимъ видомъ—смуглыми лицами, съ узкими, какъ щелки, глазами и выдающимися скулами. Русскія степи приманили ихъ къ себѣ тучными травами. Печенѣги растянулись по всей южной Руси отъ Волги и Дона до Днѣпра. Тогда-то не стало

Печенѣгъ съ добычей.

житья русскимъ славянамъ. Хищные кочевники все грабили и жгли на своемъ пути. Запылали славянскіе города и поселки. Нельзя было никуда спокойно двинуться, о безопасномъ провозѣ товаровъ по степнымъ рѣкамъ нечего было и думать. Всюду купцовъ сторожили печенѣжскіе отряды. Торговыя сношенія славянъ съ арабами и греками пришли въ упадокъ. Надо было позаботиться о самозащитѣ.

Вопросы. Какова была природа въ древней Русской землѣ? Откуда пришли сюда славяне и какъ они жили? Какіе народы и зачѣмъ приходили къ славянамъ? Какое значеніе имѣли для славянъ приходы народовъ? Откуда явились печенѣги? Каково было славянамъ отъ сосѣдства съ печенѣгами?

Образованіе русскаго государства.

На помощь славянамъ явились закаленные въ бояхъ варяги. Имъ было невыгодно, что печенѣги безпокоили славянъ, съ которыми они вели торговлю. Варяги сами страдали отъ упадка въ южной Руси торговли; вѣдь они тоже участвовали въ этой торговлѣ, проѣзжая съ товарами по русскимъ рѣкамъ. И вотъ вооруженные отряды варяжскихъ воиновъ по призыву славянъ начинаютъ селиться въ славянскихъ городахъ для того, чтобы защищать славянскія поселенія отъ набѣговъ кочевниковъ. У варяговъ было много хорошаго оружія, они были испытанные воины, ихъ помощь была для славянъ очень полезна. Славяне согласились платить варягамъ дань, признавать ихъ власть надъ собой, лишь бы можно было спокойнѣе жить подъ ихъ защитой. Предводители варяжскихъ отрядовъ, сѣвшіе по славянскимъ городамъ, назывались *князьями*. Каждый князь приходилъ со своимъ отрядомъ воиновъ, съ которымъ онъ и воевалъ и пировалъ неразлучно. Эти отряды назывались *дружиной* княжеской.

Не сразу всѣ славянскія волости получили себѣ варяжскихъ князей. Сначала князья появились въ сѣверныхъ городахъ: Новгородѣ, Бѣлоозерѣ, Изборскѣ (по лѣтописному преданію это были братья—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ). Скоро, однако, такіе князья стали встрѣчаться и въ городахъ южныхъ, гдѣ въ нихъ всего болѣе нуждались. Самымъ сильнымъ княземъ сдѣлался на югѣ князь кіевскій. Сначала въ Кіевѣ сѣли два варяжскихъ воина Аскольдъ и Диръ и стали править городомъ. Но правили они недолго. На ладьяхъ по Днѣпру пріѣхали въ Кіевъ изъ Новгорода князья варяжскіе — Олегъ съ малолѣтнимъ племянникомъ Игоремъ (сыномъ Рюрика). Олегъ убилъ Аскольда и Дира, которые не хотѣли уступать Кіева, и самъ началъ княжить въ этомъ городѣ. Многія славянскія племена признали надъ собой власть Олега и начали платить ему дань, а Олегъ держалъ въ страхѣ враговъ славянъ, ходилъ въ далекіе походы до самой Греціи и возобновилъ торговыя сношенія славянъ съ сосѣдними странами. Такъ образовалось на югѣ Россіи Кіевское княжество. А подъ властью кіевскаго князя въ скоромъ времени объединились и другія племена и области восточныхъ славянъ, которые стали называться „русскими“.

Вопросы. При какихъ обстоятельствахъ у славянъ появились князья? Какого они были рода? Въ какихъ городахъ появились первые князья? Назовите первыхъ князей? Что вы знаете про Олега?

Дѣятельность первыхъ русскихъ князей.

Главнымъ дѣломъ варяжскихъ князей съ ихъ дружинами была борьба съ степными кочевниками. Чтобы задер-

Пріѣздъ варяговъ.

жать ихъ набѣги, по берегамъ рѣкъ стали строить небольшіе городки, окруженные частоколомъ и рвомъ, наполненнымъ водою; въ этихъ городахъ постоянно находился отрядъ воиновъ, въ случаѣ же набѣга печенѣговъ сюда стекалось и окрестное населеніе со своимъ скарбомъ. По тропамъ, гдѣ обычно шли печенѣги, рубили лѣсъ на полтора-два аршина отъ земли, устраивали засѣки, а въ полѣ строили вышки, чтобы оттуда извѣщать о набѣгахъ врага. Торговля русскихъ съ другими народами, кромѣ грековъ, почти прекратилась. Съ греками же торговля, наоборотъ, усилилась. Этому помогли сами князья. Они большую часть дани, которая собиралась съ подвластныхъ племенъ, отправляли на продажу въ Константинополь. Дань эту князья добывали двояко: ее или привозили въ Кіевъ покоренныя племена, какъ говорилось, „повозомъ“, или же князь самъ съ дружиной своей ходилъ за нею „на полюдье“, т.-е. собиралъ ее по людямъ.

Вопросы. Что заставило славянъ пригласить къ себѣ князей? Чѣмъ прежде всего занялись первые князья?

Вѣра славянъ.

I.

Наши предки были язычники, вѣрили во многихъ боговъ, ставили имъ идоловъ на горахъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ, а храмовъ не строили. Какъ малыя дѣти, славяне совсѣмъ не понимали, что творится вокругъ нихъ въ природѣ, вездѣ имъ чудились могучія существа, добрыя и злыя. Самымъ сильнымъ богомъ благодѣтелемъ было у нихъ солнце: оно своимъ свѣтомъ прогоняло ночную тьму, своимъ теплом отогрѣвало застывшую за зиму землю, вызывало къ жизни растительность. Солнце звалось Даждь-богомъ, а также Дидъ-ладо (Дидъ—дѣдъ, Ладо—радость, свѣтъ) и считалось за живое существо, которое ведетъ постоянную борьбу съ холодомъ и тьмою. Богъ покровитель скота назывался Волосъ. Вѣтры, что

разносятъ тучи и освобождаютъ отъ нихъ солнце, считались божествомъ — Стрибогомъ. Но самымъ главнымъ богомъ былъ Перунъ; онъ управлялъ свѣтомъ, посылалъ на землю громъ и молнію, войну и миръ. Ужасенъ въ гнѣвѣ своемъ страшный богъ-громовикъ, поражающій огненными стрѣлами. Чтобы задобрить сердитое, могучее существо, славяне сжигали въ

Праздникъ Ивана Купала.

жертву Перуну животныхъ, а порою, особенно послѣ побѣдъ надъ врагами,— плѣнниковъ и даже своихъ дѣтей. Жертвы эти выбирались по жребію. Огонь, думали наши предки, передаетъ сожженную жертву божеству, и оно, насытившись кушаньемъ, станетъ подобрѣе, пошлетъ удачу въ дѣлахъ, побѣду на войнѣ. На дверяхъ домовъ славяне выжигали знакъ бога-грома— молотъ, какъ теперь у насъ изображаютъ кресты.

II.

Въ честь боговъ устраивались праздники и проводились очень весело: пѣли пѣсни, водили хороводы, гадали. Солнцу славяне праздновали много разъ въ году. Въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, и дни прибываютъ, былъ праздникъ Коляды. Въ это время ходили изъ дома въ домъ, славили божество и собирали подаяніе, чтобы принести ему жертву. Этотъ языческій обрядъ сохранился и до сихъ поръ во многихъ деревняхъ, гдѣ колядуютъ въ сочельникъ подъ Рождество. Затѣмъ шелъ цѣлый рядъ весеннихъ праздниковъ въ честь бога — солнца. Весну (во время теперешней масленицы) встрѣчали пѣснями, водили хороводы, а зиму сожигали, сдѣлавши для этого соломенное чучело. До сихъ поръ весною празднуется „Красная горка“ съ пѣснями, горѣлками, плясками и хороводами, остатками древнихъ языческихъ обычаевъ. Въ разгарѣ лѣта, когда солнце еще въ полной силѣ, но уже наступаетъ поворотъ къ осени, совершался праздникъ Купалы. Теперь его называютъ Иваномъ Купалой, потому что онъ приходится на Ивановъ день. Въ этотъ праздникъ брали колесо, обвертывали его соломой, зажигали и скатывали съ горы: скатывающееся внизъ огненное колесо знаменовало солнце, сходящее съ лѣтней своей высоты. Вечеромъ въ день Купалы собирали травы, зажигали костры, прыгали черезъ нихъ, купались въ рѣкѣ, приносили въ жертву солнцу бѣлаго пѣтуха, птицу, привѣтствующую разсвѣтъ, а чучело соломенное—холодъ и смерть—топили въ водѣ.

И до сихъ поръ въ иныхъ деревняхъ остались нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ и сохранились повѣрья, будто деревья въ эту ночь ходятъ съ мѣста на мѣсто, свѣтятся клады, цвѣтетъ папоротникъ.

III.

Главные боги, думали славяне, живутъ на небѣ; но и на землѣ было у нихъ еще много божествъ: въ лѣсу — лѣшій, въ домѣ—дѣдушка домовой, въ водѣ — водяной и русалки. Русалокъ считали за души умершихъ, которыя весной выходятъ изъ могилъ на свѣтлое солнышко, водятъ хороводы и играютъ. Главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ. Вѣрили славяне въ вѣдьмъ, колдуновъ, кудесниковъ, волхвовъ—любимцевъ боговъ; думали, что они могутъ предсказывать будущее, портить людей, заговаривать, гадать. Еще и понынѣ живы въ народѣ многія изъ этихъ суевѣрій. Было у славянъ божество — Живый, которое весною обращалось въ кукушку; поэтому у нея спрашивали, кому сколько лѣтъ жить. Про года на кукушкѣ и до сихъ поръ загадываютъ. Въ старину почитали огонь и воду, думали, что они имѣютъ цѣлебную силу. И теперь народъ считаетъ грѣхомъ плевать на огонь и воду. Молились славяне еще и Чуру (значитъ дѣдъ): „Чуръ, меня защити!“ Это было божество доброе. И до сихъ поръ народъ, пугаясь нечистой силы, говоритъ: „Чуръ меня!“ т.-е. зоветъ на защиту Чура, самъ того не подозрѣвая. Славяне вѣрили въ загробную жизнь и думали, что она походитъ на земную. Поэтому съ покойникомъ вмѣстѣ зарывали пожитки его и боевого коня. Во многихъ мѣстахъ трупы не предавались землѣ, а сжигались, и тогда вмѣстѣ съ умершимъ клали на костеръ одежду его, утварь, пищу. Есть извѣстіе, что на кострѣ вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ сжигалась добровольно и его жена. Пепелъ собирался въ посудину и ставился на распутьѣ. Такъ какъ мертвецы были некрещеные, то потомъ завелось повѣрье, будто на перекресткахъ собирается нечистая сила. Послѣ погребенія на могилахъ справляли тризну, т.-е. поминки: ѣли блины, плясали, боролись, бѣгали взапуски; родные въ знакъ печали рѣзали и царапали свои лица.

Вопросы. Назовите боговъ, въ которыхъ вѣрили славяне? Какіе праздники справляли славяне? Какіе изъ славянскихъ языческихъ праздниковъ сохранились до настоящаго времени?

Распространеніе христіанства.

I.

Тѣ изъ славянъ, которые по торговымъ и другимъ дѣламъ ѣздили въ сосѣднія земли, мало-по-малу перенимали у сосѣдей ихъ обычаи, привычки и даже вѣру. У сосѣднихъ народовъ были различныя свои вѣры, не похожія на языческія вѣрованія славянъ и не похожія одна на другую. Многіе изъ нихъ признавали единаго Бога; булгары были магометане, ихъ священной книгой былъ Коранъ Магомета; магометане были и хазары; тѣ и другіе приняли эту вѣру отъ арабовъ. Но у хазаръ можно было встрѣтиться и съ людьми другихъ вѣръ; самъ каганъ со своимъ дворомъ принялъ отъ еврейскихъ купцовъ іудейство, Моисеевъ законъ. На западѣ и на югѣ были христіане, нѣмцы-католики, подчинявшіеся римскому папѣ, и греки-православные, главою которыхъ былъ константинопольскій патріархъ.

Со всѣми этими вѣрами знакомились наши предки, но самое сильное вліянія на нихъ имѣла греческая вѣра. Хазары и булгары сами недавно приняли новую вѣру и не прониклись еще ею настолько, чтобы начать проповѣдывать другимъ; у грековъ же христіанство было введено уже давно, и имъ было очень важно обратить въ свою вѣру воинственный сосѣдній на-

родъ, т.-е. русскихъ, чтобы подчинить его своему вліянію. Когда русскіе купцы и послы пріѣзжали въ Константинополь, греки водили ихъ по своимъ церквамъ, показывали имъ свои святыни, въ томъ числѣ св. Софію, и проповѣдывали имъ свое ученіе. Мало-помалу греческая вѣра начала проникать въ русскую землю.

Прежде всего крестились у грековъ отдѣльные русскіе люди, ѣздившіе въ Царьградъ. Въ Кіевѣ постепенно слагалась община христіанъ; при князѣ Игорѣ, сынѣ Олега, тутъ уже было нѣсколько христіанскихъ церквей. Съ теченіемъ времени число христіанъ росло; вдова Игоря, княгиня Ольга, сама приняла крещеніе и старалась склонить къ тому же своего сына Святослава, но безуспѣшно: онъ любилъ войну и походы, воевалъ съ греками и не хотѣлъ и слышать о греческой вѣрѣ.

Русскіе христіане не подвергались никакимъ гоненіямъ. Язычники ихъ не преслѣдовали, давали имъ жить свободно и открыто исповѣдывать ихъ вѣру и совершать ихъ богослуженіе. Язычники боялись оскорблять христіанскаго Бога и Его служителей — духовенство, чтобы они не наслали на нихъ какихъ-нибудь бѣдствій. Они старались задобрить и своихъ и чужихъ боговъ, старались жить въ ладу со своими волхвами и съ чужими священниками. Они не считали истинными только однихъ своихъ боговъ и свою вѣру.

II.

При Владимирѣ Святомъ положеніе измѣнилось: самъ Владимиръ принялъ крещеніе. Владимиръ воевалъ съ греками, ходилъ въ Крымъ, осаждалъ Корсунь; но корсунскій походъ окончился тѣмъ, что греческіе цари выдали за Владимира свою сестру царевну Анну, а Владимиръ принялъ крещеніе. Когда Владимиръ и Анна отправлялись домой, греки послали съ ними на Русь своихъ проповѣдниковъ, которымъ русскій князь долженъ былъ содѣйствовать.

Вмѣстѣ съ Владимиромъ греческіе проповѣдники прибыли въ Кіевъ. Пользуясь поддержкой князя, они крестили княжескую дружину, крестили и кіевлянъ; по преданію, это было въ 988 году. Изъ Кіева проповѣдники разошлись во всѣ стороны; началось насажденіе новой вѣры въ русской землѣ. При Владимирѣ успѣла креститься только половина Руси, по Днѣпру. Позднѣе христіанство пошло сильнѣе, проникло и къ финнамъ. На все это нужно было время. Языческія понятія и обычаи еще долго жили въ русскомъ народѣ, нѣкоторыя же повѣрья и до сихъ поръ живутъ среди темнаго народа.

Вопросы. Гдѣ и какъ наши предки могли узнать вѣры другихъ народовъ? Какія вѣры имъ были извѣстны? Гдѣ и какъ славяне познакомились съ христіанской вѣрой? Кто были первые христіане на Руси? Какъ распространялось на Руси христіанство?

Кіево-Печерская лавра.

I.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства появилось на Руси и монашество. Благочестивые люди, желая посвятить себя всецѣло Богу, удалялись отъ міра. Они поселялись вдали отъ селъ и городовъ, большею частью въ глуши лѣсовъ, и проводили время въ постѣ и молитвахъ. Слава объ ихъ святой жизни распространялась вокругъ. Къ нимъ начинали приходить ученики. Около кельи подвижника ученики строили свои кельи, воздвигали небольшую церковь и обносили стѣною. Впослѣдствіи братія избирала изъ своей среды

игумена, вводился уставъ, и такимъ образомъ основывался монастырь. Князья, бояре и другіе зажиточные люди покровительствовали монастырямъ. Они дѣлали вклады деньгами и дарили имѣнія. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, монастыри богатѣли, замѣняли свои деревянныя постройки каменными, пріобрѣтали цѣнную церковную утварь. Въ тяжелые годы, во время голода или разоренія отъ войны, монастыри помогали окрестному населенію.

II.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей въ древней Руси была Кіево-Печерская лавра. Она была основана болѣе восьмисотъ лѣтъ назадъ святымъ Антоніемъ. Преподобный Антоній съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ склонность къ монашеской жизни. Онъ ходилъ странникомъ по греческимъ монастырямъ; въ одномъ изъ нихъ, на Аѳонской горѣ, онъ постригся въ монахи. Возвратясь въ Россію, онъ поселился вблизи Кіева въ пещерѣ на берегу Днѣпра. Вѣсть объ его строгой подвижнической жизни привлекла къ нему много учениковъ. Церковныя службы совершались въ небольшой пещерной церкви. Когда число монашествующей братіи сильно возросло, преподобный Антоній, любя уединеніе, поставилъ вмѣсто себя игумена, а самъ удалился въ другую пещеру, откуда и не выходилъ до самой смерти. Великій князь Изяславъ I отдалъ братіи всю занятую ими гору. Тогда были построены монастырскія зданія и небольшая деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери. Такъ какъ первая братія монастыря жила въ пещерахъ, то и самый монастырь получилъ названіе пещернаго или печерскаго.

III.

Много потрудился для Кіево-Печерскаго монастыря второй игуменъ его, святой Ѳеодосій. Еще при жизни святого Антонія Ѳеодосій былъ избранъ игуменомъ. Несмотря на свой санъ, онъ былъ для братіи примѣромъ смиренія и труда. Онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и ходилъ въ ветхой одеждѣ. Отъ братіи онъ требовалъ безусловнаго послушанія. Ѳеодосій ввелъ общежительный уставъ, который предписывалъ всѣмъ монахамъ одинаковую черную одежду, общую трапезу, постоянные труды и молитву. По этому уставу ни одинъ изъ монаховъ не долженъ былъ имѣть никакой собственности. Изъ монастырскихъ средствъ Ѳеодосій удѣлялъ десятую часть доходовъ бѣднымъ; онъ устроилъ на особомъ дворѣ нѣчто въ родѣ пріюта и больницы, гдѣ призрѣвались нищіе и калѣки. Онъ былъ

Монастырь. Съ карт. *Васнецова.*

Видъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ.

человѣкъ твердой воли, дѣятельный и энергичный. Князья и бояре уважали его за святую жизнь и мудрость. Когда преподобный Ѳеодосій скончался, то былъ погребенъ въ пещерѣ, куда часто уединялся для молитвы.

Основанная Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Кіево-Печерская лавра много принесла пользы русской землѣ. Изъ среды братіи этого монастыря вышло не мало епископовъ, проповѣдниковъ, иконописцевъ. Въ числѣ печерскихъ монаховъ былъ и преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ.

Вопросы. При какихъ обстоятельствахъ появились у насъ первые монастыри? Какъ жили тогда монахи? Какую пользу приносили странѣ первые монастыри? Кто былъ основателемъ Кіево-Печерской лавры? Кто былъ вторымъ игуменомъ этой лавры? Разскажите о жизни свв. Антонія и Ѳеодосія. Какихъ вы еще знаете знаменитыхъ монаховъ Кіево-Печерской лавры?

Грамота и просвѣщеніе.

I.

Когда св. Владиміръ обратилъ въ христіанство свой народъ, болгары прислали на Русь грамотныхъ служителей церкви съ духовными книгами на родномъ языкѣ. Такъ вмѣстѣ съ христіанствомъ появились у насъ, на Руси, первыя книги и первые грамотные люди.

Но дикъ былъ еще народъ: первое время боялись грамоты. Св. Владиміръ открылъ въ Кіевѣ первую русскую школу на 300 человѣкъ, чтобы подготовлять грамотныхъ священниковъ; для начала пришлось силой вербовать учениковъ; матери, приводя сыновей, плакали и причитали, какъ надъ покойниками: они думали, что надъ ихъ дѣтьми Богъ знаетъ что сдѣлаютъ. Люди знатные, близкіе къ князю, стали первые

обучать своихъ дѣтей; ихъ примѣру понемногу слѣдовали и другіе.

II.

Стали и у насъ писать и переписывать книги. О печатаніи въ старину и помину не было; не водилось и такой легкой и дешевой бумаги, какая имѣется у насъ теперь. Вмѣсто нея писали на толстыхъ, прочныхъ листахъ пергамента; пергаментъ выдѣлывался изъ бараньей, свиной и козьей кожъ и стоилъ очень дорого. Вмѣсто перьевъ употребляли трости, которыя привозили изъ Греціи.

Иноки въ монастыряхъ много поработали надъ книгами. Кіево-Печерская лавра славилась на всю Русь своими книжками.

Наши иноки любили переводить съ греческаго историческія книги; въ этихъ книгахъ описывались дѣянія греческихъ царей, жизнь и дѣла народовъ и великихъ людей. По примѣру грековъ, старцы, начитанные и много видавшіе на своемъ вѣку, начали сами записывать въ книги то, что дѣлалось на Руси; они описывали дѣянія русскихъ князей, войны съ сосѣдними народами, народныя бѣдствія, неурожаи, пожары и проч. Чего старцы сами не видали, про то имъ разсказывали заѣзжіе богомольцы и странники. Толпами стекались богомольцы къ святынямъ монастырскимъ, особенно въ Кіевскую лавру; и монахъ-книжникъ узналъ изъ ихъ разсказовъ, что дѣлается въ разныхъ концахъ русской земли. Старцы записывали событія въ книги по годамъ, отъ этого самыя книги стали называться лѣтописями.

Нѣкоторые русскіе князья были большими любителями книгъ. Сыновья и внуки св. Владимира собирали въ свои хоромы десятки писцовъ, которые переписывали имъ рукописи. Многіе князья сами помогали писцамъ: переписывать книги считали дѣломъ богоугоднымъ,—книги просвѣщали христіанъ. Иные изъ князей никогда не выѣзжали изъ отечества, а знали до пяти иностранныхъ языковъ.

Вопросы. Гдѣ была открыта у насъ первая школа? Какъ относился народъ къ школамъ? Кто занимался перепиской книгъ? Что такое лѣтопись?

Ярославъ Мудрый.

Сынъ св. Владимира, Ярославъ Владимировичъ, оставилъ по себѣ хорошую память,—память князя храбраго и еще больше мудраго. Онъ старался

Кіевъ.—Печерская лавра.

населить пространную, но бѣдную жителями русскую землю и обстроить ее городами для защиты отъ враговъ, особенно на югѣ со стороны степей. Въ 1036 году печенѣги въ безчисленномъ множествѣ осадили Кіевъ, но Ярославъ послѣ злой сѣчи отбилъ ихъ и такъ поразилъ, что послѣ они уже не нападали на русскую землю. До Ярослава Кіевъ былъ маленькій городокъ; Ярославъ распространилъ его, обвелъ стѣнами и то пространство, гдѣ прежде было поле и гдѣ русскіе бились съ печенѣгами. По примѣру Царяграда Ярославъ построилъ въ Кіевѣ церковь св. Софіи. При Ярославѣ, говоритъ лѣтописецъ, стала вѣра христіанская плодиться и расширяться, завелись и монастыри. Ярославъ очень любилъ церковные уставы, любилъ духовенство, особенно монаховъ, читалъ священныя книги день и ночь, собралъ ихъ много, заставлялъ переводить съ греческаго языка на славянскій, переписывать уже переведенныя и давать читать охотникамъ. Лѣтописецъ, такимъ образомъ, сравниваетъ дѣло Ярослава съ дѣломъ отца его, св. Владимира: „Какъ одинъ вспашетъ землю, другой посѣетъ, а третьи жнутъ и ѣдятъ хлѣбъ, такъ и Владиміръ вспахалъ и умягчилъ землю, т.-е. просвѣтилъ ее крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, принимая книжное ученіе“.

При Ярославѣ явились первые писанные русскіе законы, которые называются „Русскою Правдой“.

Изданіе „Русской Правды“ было великимъ дѣломъ — ея законы надолго сдѣлались главнымъ руководствомъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ во всей русской землѣ.

Вопросы. Что добраго сдѣлалъ Ярославъ для своего народа? Что такое „Русская Правда?“

Ярославъ Мудрый.

Усобицы князей.

Ярославъ Владимировичъ умеръ, оставивъ по себѣ пятерыхъ сыновей, которымъ отдалъ всѣ русскія области въ нераздѣльное владѣніе: старшій братъ, великій князь, владѣлъ главнымъ княжествомъ, старшимъ столомъ, какъ тогда говорили, Кіевомъ; другіе братья владѣли другими волостями по старшинству; они не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; но когда умиралъ старшій или великій князь въ Кіевѣ, то его мѣсто заступалъ не старшій его сынъ, а братъ; на мѣсто этого брата долженъ былъ садиться слѣдующій за нимъ по старшинству, и такъ всѣ князья передвигались по старшинству изъ одной волости въ другую, изъ худшихъ волостей въ лучшія, а худшія должны были доставаться уже слѣдующему поколѣнію, племянникамъ, которые по смерти своихъ дядей также должны были передвигаться по старшинству; за ними третье поколѣніе— троюродные и т. д. Но дѣло извѣст-

ное, что въ семьяхъ между близкими родственниками бываютъ большіе споры и ссоры, особенно когда рѣчь пойдетъ объ имѣніи; наши князья не дѣлились, но постоянно у нихъ шли толки о волостяхъ, гдѣ кому сидѣть, чѣмъ кому владѣть, потому что смерть каждаго князя вела къ передвижкѣ по лѣтамъ, кто старше. Законовъ не было, былъ только обычай; смотрѣли, какъ прежде бывало, какая волость прежде считалась почетною, старшею; старшіе дядья съѣдутся, распорядятъ волости, кому чѣмъ владѣть; младшіе племянники недовольны, особенно когда увидятъ, что старшій или великій князь хочетъ сдѣлать больше добра ближнимъ родственникамъ, сыновьямъ, старается дать имъ получше волость, посадить около себя. Тогда начинаются крики о жестокой обидѣ, берутся за оружіе, чтобы охранить свою честь, свое старшинство, не потерять правъ на самый старшій столъ — Кіевъ. Оружіемъ доставляютъ себѣ управу, потому что когда въ семьѣ отецъ живъ, то дѣти его слушаются; слушаются, хотя уже не такъ, племянники стараго дядю; но братья мало слушали брата, хотя и повторяли: „старшій братъ мнѣ вмѣсто отца“. Когда же старшими пойдутъ двоюродные и троюродные братья, тѣхъ уже слушаютъ только тогда, когда это выгодно. Войною ищутъ себѣ управы; но на войнѣ одинъ побѣждаетъ, другой побѣждается, побѣжденнаго не щадятъ, его выгоняютъ изъ хорошей волости, иногда вовсе выгоняютъ изъ русской земли; но онъ не можетъ остаться въ покоѣ, ищетъ перваго удобнаго случая, чтобы отомстить за свою обиду и добыть волость въ русской землѣ. Иногда старшій дядя неспособенъ, тогда младшій братъ, племянникъ, способный, храбрый, перенимаетъ на себя старшинство; но этому противятся другіе, выставляя, что дѣло идетъ не по обычаю, что младшему нельзя дать старшинства, и опять начинается междоусобная война. Вслѣдствіе этихъ междоусобій, изгнаній счеты—кто старше, кто моложе, перепутываются и отъ этого новые споры и междоусобія.

Князья ведутъ междоусобныя войны; главное вниманіе ихъ обращено на то, чтобы не потерять своей чести, старшинства, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, кому не слѣдуетъ, младшій не захватилъ себѣ старшаго стола, старшей волости, при первомъ подозрѣніи берутъ въ руки оружіе; а тутъ за Днѣпромъ въ степяхъ попрежнему живутъ кочевники, которые безпрестанно нападаютъ на русскія земли и опустошаютъ ихъ. Печенѣги исчезли при Ярославѣ Владимировичѣ, но были смѣнены половцами, и мало того, что половцы сами по себѣ опустошали Русь, князья въ своихъ ссорахъ призывали къ себѣ на помощь половцевъ и давали имъ жечь, грабить и вести въ полонъ жителей.

Вопросы. Изъ за чего происходили междоусобія князей? Какъ эти междоусобія отзывались на жизни русскаго народа?

Владимиръ Мономахъ.

I.

Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ—внукъ Ярослава Владимировича отъ сына его Всеволода; Мономахомъ же его называли потому, что мать его была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха. По-русски Мономахъ значитъ единоборецъ. Своимъ нравомъ и дѣлами Мономахъ пріобрѣлъ большую любовь народа. За что же его любили? Другіе князья ссорились между собою, воевали. Мономахъ не ссорился, уступалъ старшинство, мирилъ поссорившихся и во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Въ своемъ

княжествѣ онъ не давалъ сильнымъ обижать слабыхъ и бѣдныхъ людей самъ судилъ. При грубости тогдашнихъ нравовъ люди сильные не умѣли сдерживать своего гнѣва; осердится сильный человѣкъ на слабаго подчиненнаго и велитъ убить; послѣ и будетъ жалѣть, да не поможетъ. Мономахъ написалъ наставленіе своимъ дѣтямъ, чтобы они не убивали ни праваго ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ; Мономахъ отличался щедростью необыкновенною; несмотря, однако, на эту щедрость, казна его всегда была полна, потому что онъ былъ добрый хозяинъ и не довѣрялъ слугамъ, а самъ содержалъ весь порядокъ въ домѣ. Больше всѣхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго князя Владимира Святославича: „Если пойдете куда по чужимъ землямъ (наказываетъ Мономахъ своимъ дѣтямъ), не давайте слугамъ обижать народъ ни въ селахъ ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете — напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, знатный или простой человѣкъ или посолъ“. Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ.

II.

Не было князя добрѣе, ласковѣе Владимира Мономаха для своихъ; не было грознѣе его для враговъ русской земли, половцевъ: какъ только завидятъ враги знамя его, такъ и бѣгутъ безъ оглядки. Это былъ богатырь, не знавшій устали: большую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей провелъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ походовъ совершилъ онъ 83. Каждый день до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною о дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, судилъ людей; въ полдень ложился спать, и потомъ опять тѣ же дѣла. Въ мирное время страстно любилъ онъ охоту: дикихъ лошадей въ лѣсахъ вязалъ онъ живыхъ своими руками; дикій быкъ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью.

III.

Не могли нарадоваться на такого богатыря русскіе люди того времени; но любили его особенно за то, что это богатырство употреблялось противъ половцевъ, что Мономахъ былъ стражемъ русской земли. Съ весны, какъ только покажется трава въ степяхъ, уже надобно было ждать нашествія половцевъ, и Мономахъ думалъ, какъ бы предупредить половцевъ походомъ въ ихъ собственныя кочевья. Однажды онъ далъ знать о своемъ намѣреніи старшему двоюродному брату Святополку, княжившему въ Кіевѣ. Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, но та отвѣчала: „Не время весною итти въ походъ: отнимешь только поселянъ отъ работы“. Святополкъ послалъ сказать Владимиру: „Надобно намъ съѣхаться вмѣстѣ и подумать съ дружиною“. Съѣхались, недалеко отъ Кіева, и сѣли въ одномъ шатрѣ, Святополкъ со своею дружиною, а Владиміръ со своею, и всѣ молчали. Наконецъ Владиміръ сказалъ Святополку: „Братъ, ты старшій, начни говорить, какъ бы намъ промыслить о русской землѣ“. Святополкъ отвѣчалъ: „Лучше ты начни говорить, братецъ“. Владиміръ сказалъ: „Что мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя и моя дружина; они скажутъ, что я хочу погубить поселянъ, оторвать ихъ отъ работъ; но удивляюсь я тому, что поселянъ жалѣете и ихъ лошадей, а того не подумаете, что на весну начнетъ крестьянинъ пахать съ лошадью, и при-

Послѣ побоища съ половцами. Съ карт. *Васнецова.*

детъ половчинъ, застрѣлитъ мужика, лошадь его и жену и дѣтей возьметъ, и гумно сожжетъ: объ этомъ вы не думаете!“ Вся дружина отвѣчала: „И въ самомъ дѣлѣ такъ!“ Святополкъ сказалъ: „Я готовъ съ тобою, братецъ!“ а Владимиръ сказалъ ему: „Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты русской землѣ!“

Владимиръ и Святополкъ послали и къ другимъ князьямъ звать ихъ въ походъ: „Пойдемъ на половцевъ: либо живы будемъ, либо мертвы“. Многіе явились на зовъ съ пѣхотою и конницею, и пошли, Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, послѣ чего взяли много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, кибитки со всею рухлядью и рабами.

Когда умеръ Мономахъ въ 1125 году, то весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери. Прославилъ онъ русскую землю, какъ солнце, говоритъ лѣтописецъ: слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ кочевникамъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ за русскую землю.

Вопросы. Какъ жилъ Владимиръ Мономахъ у себя дома? Что совѣтовалъ Мономахъ дѣтямъ въ своемъ наставленіи имъ? Какъ жилъ Владимиръ Мономахъ внѣ дома? Съ кѣмъ и за что воевалъ Мономахъ? Какъ относился народъ къ Мономаху?

Татарское нашествіе.

I

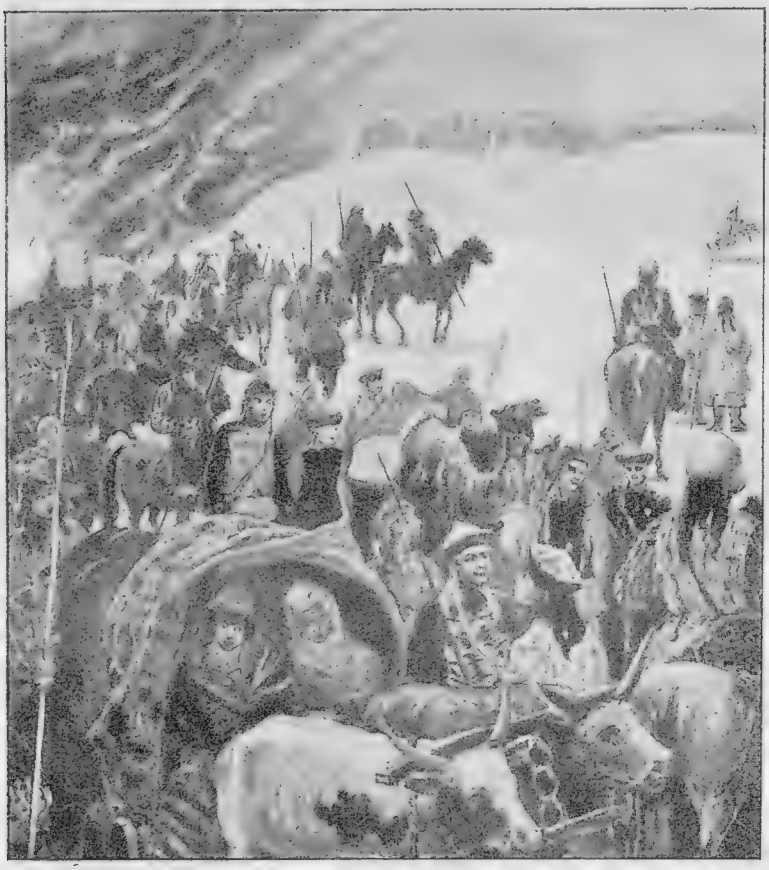
Татары пришли въ Россію изъ Азіи. Это было въ началѣ XIII вѣка. Пройдя черезъ Каспійскія ворота, татары сначала завладѣли сѣверной частью Кавказа, а потомъ проникли въ южныя степи Россіи. Здѣсь они встрѣтились съ половцами. Половцы обратились за помощью къ сосѣднимъ русскимъ князьямъ. Русскіе князья оказали помощь половцамъ и выступили противъ татаръ, но были разбиты.

Та же участь постигла и половцевъ. На этотъ разъ въ Россію приходили только передовые отряды татарскаго полчища, которые вскорѣ и вернулись обратно за Уралъ. Но спустя 13 лѣтъ, въ 1237 году, татары вновь пришли

въ Россію и пришли уже несмѣтной толпой, подъ предводительствомъ Батыя. Батый рѣшилъ покорить всю страну, лежавшую на западъ отъ Урала. Онъ явился съ 300 тыс. воиновъ, съ ихъ семьями и всѣмъ имуществомъ.

II.

Сначала татары появились со стороны приволжской Болгаріи, которую



Татарское нашествіе.

и завоевали. Въ слѣдующемъ году татары вторглись въ восточныя окраины Рязанской земли и скоро плѣнили всю Рязань. Съ побѣжденныхъ татары потребовали по своему обычаю десятину, т.-е. десятую часть со всего и со всѣхъ; съ князей и простыхъ людей требовали десятую часть коней бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ. Рязанскіе князья отвѣтили:

— Когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше!

Татары начали тогда опустошать и грабить Рязанскую землю. Одно ополченіе русскихъ князей за другимъ падало подъ ихъ ударами. Жители затворялись по городамъ, дѣятельно готовились къ осадѣ и защищались до послѣдней капли крови. Но татары и въ осадѣ городовъ оказывались столь же знающи, опытны и храбры, какъ и въ открытомъ бою.

3 февраля 1237 г. войско татаръ подступило къ Владимиру на Клязьмѣ. Нѣсколько наѣздниковъ татарскихъ приблизились къ Золотымъ воротамъ и стали спрашивать у жителей:

— Великій князь Юрій въ городѣ ли?

Владимирцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ градъ стрѣлъ.

— Не стрѣляйте! — закричали изъ татарскихъ рядовъ.

Когда выстрѣлы прекратились, татары подвинулись еще ближе къ воротамъ города. Передъ собой они влекли блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго человѣка.

— Узнаете ли вашего княжича?!—кричали въ толпѣ татаръ.

Владимирцы присмотрѣлись къ плѣннику и узнали сына ихъ князя Юрія, княжича Владимира, сидѣвшаго на княженіи въ Москвѣ. Этотъ горестный видъ ясно сказалъ владимирцамъ, что передовой оплотъ ихъ княжества, Москва, сторожившій пути съ кіевскаго юга, взятъ татарами, что, слѣдовательно, нечего надѣяться на помощь оттуда.

III.

Межъ тѣмъ Татары, оставивъ наблюдать за Владимиромъ отрядъ войска, пошли съ главными силами къ другому укрѣпленному пункту Владимирской земли — Суздалю — и взяли его. Возвратившись къ Владимиру, татары начали ставить лѣса и пороки (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, а въ ночь нагородили тынъ около всего города для защиты своего лагеря отъ выстрѣловъ съ городскихъ стѣнъ.

7 февраля начался приступъ. Къ полудню татары овладѣли новымъ городомъ и зажгли его. Владимирцы отступили за стѣны стараго или Печернаго города. Князь Всеволодъ, видѣвшій, что отбиться нельзя, рѣшилъ сдать городъ на милость побѣдителя, думая, что татары хоть пощадятъ тогда жителей. Съ малой дружиной, неся въ знакъ покорности дары, вышелъ онъ изъ города, но татары зарѣзали его.

Видя тогда неминуемую гибель, епископъ Митрофанъ и вся княжеская семья, со множествомъ бояръ и простыхъ людей, заперлись въ Богородичной церкви „на палатяхъ“, т.-е. на хорахъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около нея и въ самую церковь и зажгли. Всѣ бывшіе на хорахъ задохнулись отъ дыма и сгорѣли или были перебиты.

Изъ Владимира татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ.

Въ 1239 г. татары наводнили южную Русь, въ 1240 году палъ Кіевъ. Къ этому году почти вся русская земля оказалась завоеванною татарами.

IV.

Покоривъ Русь, татары прислали особыхъ чиновниковъ, чтобы переписать мужское населеніе, подлежавшее обложенію. За ⁷данью ѣздили баскаки съ отрядами татаръ. Баскаки распоряжались въ завоеванной землѣ какъ дома, забирали, что имъ нравилось, грабили и избивали неподатливыхъ. Часто возмущенный народъ сопротивлялся переписямъ и билъ татаръ; часто нападали на баскака и мстили ему за грабежи. Тогда ханъ шелъ

Пріемъ у хана.

самъ или посылалъ цѣлую орду наказать мятежныхъ подданныхъ, и цѣлыя области подвергались новому разоренію. Чтобы утвердиться на видномъ княжескомъ столѣ, князья ѣздили въ Орду, а великокняжескимъ престоломъ обыкновенно располагалъ самъ ханъ; добивавшіеся этого званія кандидаты являлись къ нему съ подарками для него, для его женъ и мурзъ; приходилось дарить всѣмъ и всюду; а кто больше давалъ, тотъ обыкновенно получалъ просимое. Въ ханской ставкѣ князей подвергали унизительнымъ об-

Черниговскій князь Михаилъ, погибшій въ Ордѣ.

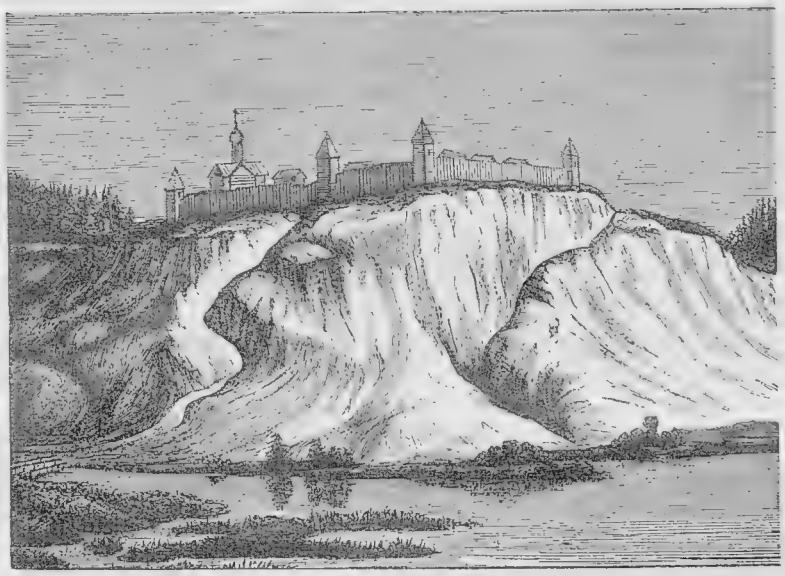
рядамъ; они преклоняли колѣни предъ ханомъ, ихъ заставляли проходить между священныхъ огней и идоловъ. Татары боялись, что посѣтители носятъ заговоръ и зелья, чтобы вредить хану, и думали уничтожить чары своими священными предметами. Одни князья выполняли молча эти обряды. Другіе князья поступали иначе. Такъ, черниговскій князь Михаилъ отказался исполнить эти обряды и принялъ мученическую смерть. Татары убили его.

Вопросы. Какъ татары покорили Русь? Какая перемѣна произошла на Руси, когда она подпала подъ власть татаръ? Какъ держали себя русскіе князья по отношенію къ ханамъ?

Александръ Невскій.

I.

Въ тяжелыя времена татарской неволи особенно прославился одинъ изъ русскихъ князей—Александръ Невскій, князь новогородскій. Новгородъ татары не разорили, они не дошли до него. Но городу этому пришлось вести борьбу съ своими западными сосѣдями — шведами и нѣмцами. Сначала Русь отдѣлена была отъ шведовъ Балтійскимъ моремъ, а по сушѣ — теперешней Финляндіей; здѣсь новгородцы и столкнулись съ шведами, такъ какъ тѣ и другіе стали распространять свое вліяніе на полудикія финскія племена: вести съ ними торговлю, подчинять ихъ себѣ, обращать ихъ въ свою вѣру,—шведы въ католическую, а новгородцы (населявшіе крайнюю сѣверо-западную русскую область) — въ православную. Изъ-за этого соперничества шведы и начали противъ новгородцевъ войну, которой сочувствовалъ и самъ папа—глава всей католической церкви: войну съ язычниками-финнами и православными-русскими папа объявилъ богоугоднымъ дѣломъ, и шведскій военачальникъ Биргеръ повелъ своихъ воиновъ противъ новгородцевъ въ *крестовый походъ*, т.-е. въ походъ за вѣру, на защиту христіанства; участвующіе въ такой войнѣ нашивали на своей одеждѣ крестъ въ знакъ того, что они идутъ за христіанскій крестъ, отчего они и назывались *крестоносцы*. Княземъ въ Новгородѣ былъ въ то время молодой Александръ; онъ встрѣтилъ шведовъ на рѣкѣ Невѣ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе въ 1240 г.; за это его прозвали Невскимъ.



Древняя Москва.

Скоро ему пришлось воевать съ еще болѣе опаснымъ врагомъ Новгорода, съ ливонскими нѣмцами. Рядомъ съ новгородской областью на западѣ, по берегамъ рѣки Западной Двины и Рижскаго залива, жили (и до сихъ поръ живутъ) латыши, ливы, эсты и другія финскія племена. Сюда еще въ XII в. стали проникать нѣмцы: сначала купцы съ товарами, потомъ монахи-проповѣдники, наконецъ, и рыцари-крестоносцы. Такъ какъ жители этой страны туго принимали христіанство, то среди нѣмецкихъ рыцарей образовался особый орденъ (общество) для того, чтобы силой распространить въ Ливоніи (странѣ ливовъ) католичество. Они завоевали всю эту страну, подчинили себѣ туземцевъ и образовали особое государство, столицей котораго сдѣлалась основанная ими въ 1201 г. Рига. Вотъ эти-то ливонскіе нѣмцы и стали нападать на сосѣднія русскія области. Они уже завоевали Псковъ и хотѣли итти дальше, когда Александръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ новгородской ратью; битва произошла на льду Чудскаго озера (отчего она и получила названіе „Ледового побоища“). Трудно было русскимъ сражаться съ рыцарями, съ ногъ до головы покрытыми стальными доспѣхами; они стали подаваться передъ стройными рядами нѣмецкой конницы, но въ эту минуту на нихъ ринулся Александръ съ запаснымъ полкомъ и смялъ непріятеля.

Возвышеніе московскихъ князей.

Князья московскіе лучше всѣхъ другихъ сумѣли воспользоваться татарами для своихъ выгодъ. Москва, незамѣтный городъ, досталась младшему сыну Александра Невскаго, Даніилу. Ловкій и изворотливый, этотъ князь успѣлъ увеличить свой маленькій удѣлъ двумя городами: Переяславлемъ (Залѣсскимъ) и Коломною. Сынъ его Юрій добился и великокняжескаго престола, а братъ Юрія Иванъ, по прозванію Калита, сталъ уже самымъ сильнымъ княземъ въ Россіи. При потомкахъ Калиты около Москвы собрались всѣ русскія земли, и основалось огромное Московское государство. Но чѣмъ же взяли верхъ сыновья Даніила Юрій и Иванъ? Чтобъ достигнуть власти, имъ пришлось бороться съ Тверью. Юрій долго жилъ въ Ордѣ и задарилъ хана Узбека такъ, что тотъ выдалъ за него сестру свою. Тогда съ татарскими отрядами онъ отправился разорять Тверскую область. Князь тверской Михаилъ, его двоюродный дядя, встрѣ-

тилъ его съ войскомъ и разбилъ; жена Юрія, сестра хана, попалась въ плѣнъ и скоро умерла въ Твери. Юрій опять поѣхалъ къ хану; туда же вызвали на судъ и Михаила. Сыновья Михаила уговаривали отца не ѣхать, но онъ отвѣчалъ: „Придется же когда-нибудь умереть, лучше мнѣ теперь положить душу за многія души: не поѣду, такъ много христіанъ изобьютъ татары". Ханъ Узбекъ велѣлъ своимъ вельможамъ разсудить дядю съ племянникомъ. Но всѣ судьи наперед закуплены были Юріемъ. Михаила несправедливо обвинили въ томъ, что онъ отравилъ свою плѣнницу, сестру хана; на него надѣли колодки, надъ нимъ тѣшились при всемъ народѣ; наконецъ убійцы, подъ начальствомъ Юрія, замучили несчастнаго князя. Юрій, однако, недолго былъ въ милости у хана; онъ удержалъ 2.000 р. серебра, назначенныхъ въ дань татарамъ. Сынъ Михаила Дмитрій обвинилъ его передъ Узбекомъ и убилъ, когда тотъ пріѣхалъ для оправданія въ Орду; но и самъ былъ казненъ ханомъ за это самоуправство. Братъ Дмитрія Александръ остался княжить въ Твери. Видя гибель отца и брата, онъ уже не искалъ суда у хана. Съ неосторожной запальчивостію онъ дозволилъ народу избить въ Твери всѣхъ татаръ, собиравшихъ дань, вмѣстѣ съ ихъ баскакомъ. Братъ Юрія Иванъ Калита воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прислужиться хану. Съ 50.000 татаръ онъ пожегъ огнемъ и поплѣнилъ всю Тверскую область. Осталась цѣла Москва да Новгородъ, который откупился дарами и 20.000 серебра. Александръ бѣжалъ; во всѣхъ городахъ передъ нимъ заперты были ворота; одни псковичи его приняли. Тогда, по настоянію Калиты, митрополитъ Ѳеогностъ проклялъ и отлучилъ отъ Церкви псковичей. „Братья мои и друзья, — сказалъ имъ Александръ, — пусть не будетъ на васъ проклятія ради меня; уѣду изъ вашего города и разрѣшаю васъ отъ клятвы, какую вы мнѣ дали, только не выдавайте моей княгини". Псковичи со слезами отпустили Александра въ Литву, но когда гроза прошла, онъ вернулся и, все тоскуя по своей Твери, поѣхалъ выпрашивать милости у хана. У Калиты было не мало друзей между татарами; Александра казнили въ Ордѣ. Такъ возвысилась Москва. Калита выставлялъ себя вѣрнымъ слугою хана Узбека, собиралъ для него подать со всѣхъ русскихъ городовъ, но не забывалъ и себя. Онъ такъ обогатилъ свою казну, что могъ покупать цѣлыя волости, а другія, какъ, напримѣръ, Ростовъ, забиралъ силою. Онъ уговорилъ митрополита Петра переѣхать изъ Владимира въ Москву; съ тѣхъ поръ Москва стала не только великокняжескимъ городомъ, но и церковною столицею Россіи. Послѣ недолгаго княженія двухъ сыновей его вступилъ на московскій престолъ его внукъ Дмитрій Іоанновичъ Донской (княжилъ отъ 1364 до 1380 года). Онъ особенно прославился своею битвою съ татарами.

Основаніе Троицко-Сергіевской лавры.

Одинъ изъ самыхъ большихъ и почитаемыхъ монастырей на Руси — Троицко-Сергіевская лавра. Стоитъ онъ уже давно, болѣе 500 лѣтъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выстроилъ себѣ келью святой Сергій Радонежскій.

Св. Сергій былъ родомъ изъ знатной боярской семьи. До принятія монашескаго сана его звали Варѳоломеемъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ ребенокъ пересталъ участвовать въ играхъ своихъ товарищей и удалялся отъ нихъ, чтобы на свободѣ читать

Прп. Сергій. Съ карт. *В. М. Нестерова.*

священныя книги; онъ старался воздерживаться отъ мясной пищи и строго соблюдать постъ. Когда Варѳоломею исполнилось 20 лѣтъ, онъ задумалъ уйти въ монастырь; но родители его были стары и больны; старшіе сыновья не хотѣли поддерживать ихъ; кроткій Варѳоломей не рѣшился бросить стариковъ и жилъ съ ними до самой ихъ смерти. Похоронивъ родителей, онъ могъ, наконецъ, исполнить свое завѣтное желаніе удалиться отъ міра.

Въ то время монастыри часто строились вблизи городовъ и селъ, и монахамъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ мірянами. А Варѳоломею хотѣлось поселиться въ пустынѣ. Онъ уговорилъ своего старшаго брата Стефана отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ дремучіе лѣса, окружавшіе Москву, и поселиться тамъ. Послѣ долгихъ поисковъ они нашли, наконецъ, въ 60 верстахъ отъ Москвы мѣсто, которое имъ понравилось. На берегу рѣчки

они выстроили себѣ келью и маленькую церковь. Вскорѣ Варѳоломей былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Сергія. Жутко было жить въ дикомъ лѣсу, гдѣ подолгу не случалось видѣть человѣческаго лица, гдѣ ничего не было слышно, кромѣ завыванія звѣрей. Не выдержалъ такой жизни Стефанъ и ушелъ въ Моску. Сергій остался одинъ. Еще страшнѣе и тоскливѣе стало вокругъ кельи; одни дикіе звѣри заглядывали къ пустыннику, но онъ не боялся ихъ и кротостью своею приручалъ ихъ къ себѣ. Жилъ онъ такъ два года, пока слава объ его святой жизни не распространилась далеко вокругъ. Стали приходить къ нему другіе монахи съ просьбою дозволить поселиться въ его пустынѣ. Сергій не отказывалъ; такимъ образомъ собралось вокругъ него 12 старцевъ, и основался монастырь. Въ тѣ времена въ монастыряхъ часто не было общежитія: каждый монахъ жилъ въ своей кельѣ, имѣлъ свое собственное имущество. Сергій находилъ это неправильнымъ; онъ ввелъ у себя такой уставъ, какой былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ при Ѳеодосіи и Антоніи: братія все имѣла общее, всѣмъ должна была дѣлиться. Вначалѣ монастырь былъ очень бѣденъ; самое необходимое приходилось добывать при помощи тяжелыхъ трудовъ, такъ какъ Сергій не позволялъ просить по деревнямъ милостыни. Одежда у монаховъ и у самого Сергія была очень грубая и бѣдная; утварь домашняя и даже церковная—все деревянная. И теперь ее можно видѣть въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Но такъ длилось недолго. Слава о Сергіи и его обители быстро разносилась; множество богомольцевъ стало стекаться къ нему. Между приходящими было много богатыхъ людей; они приносили съ собою драгоцѣнные подарки и украшали церковь. Мало-по-малу монастырь разбогатѣлъ: при немъ устроилась больница и странно-пріимный домъ; бѣдняки находили тамъ пріютъ и помощь. Не только простой народъ, но и бояре любили и уважали св. Сергія. Пользовался онъ и у митрополита московскаго такимъ почетомъ, что тотъ хотѣлъ его сдѣлать послѣ себя митрополитомъ. Смиренный подвижникъ отказался отъ этой чести, говоря, что съ юности не привыкъ къ роскоши и золоту. Такимъ же довѣріемъ и почетомъ пользовался Сергій и у князей: мирилъ ихъ во время ссоръ, давалъ совѣты при тяжелыхъ обстоятельствахъ. Всѣми уважаемый и почитаемый, Сергій дожилъ до 78 лѣтъ; онъ скончался тихо, окруженный и оплакиваемый братіей и множествомъ народа.

Освобожденіе отъ татарскаго ига.

I.

Къ концу XIV вѣка, когда московскіе князья, забравъ подъ свою власть другія княжества, образовали одно обширное и сильное княжество Московское, татарское царство, наоборотъ, значительно ослабѣло, ибо въ немъ происходили постоянные раздоры. Появилось разомъ два хана, которые и боролись за власть. Этимъ воспользовалась Москва. Татарскій ханъ Мамай назначилъ великимъ княземъ тверского князя. Тверской князь пошелъ войной на московскаго князя Дмитрія, но былъ разбитъ имъ. Мамай разсердился на Дмитрія и послалъ противъ него Мурзу Бегича. Бегичъ также потерпѣлъ пораженіе. Тогда Мамай рѣшилъ напомнить русскимъ времена Батыя. Расчетъ его, однако, не оправдался. Дмитрій приготовился къ борьбѣ. Удѣльные князья охотно стали подъ его знамена: всѣ созна-

вали, что настало время дать открытый отпоръ татарамъ. Побѣда надъ Бегичемъ внушила русскому народу, что татары могутъ быть побиты. Въ 1380 году на Куликовскомъ полѣ, на берегу Дона, произошла битва.

Подъ начальствомъ Дмитрія собралось огромное русское войско, какого прежде не видано (до 150.000 или даже до 200.000), и стало у Коломны, а Мамай со своими ордами расположился за Дономъ. Онъ послалъ къ московскому князю требовать дани, какую русскіе платили при Узбекѣ. Дмитрій готовъ былъ посылать хану дары, но не согласился давать прежней дани. 20 августа онъ двинулся на Оку, гдѣ соединился съ братомъ своимъ Владимиромъ Андреевичемъ. 6 сентября наши войска уже достигли Дона. При вѣсти о выступленіи Дмитрія Іоанновича въ походъ по всей Москвѣ начался плачъ; русскія жены тосковали о своихъ дѣтяхъ, которыя пошли съ княземъ на острыя копья. „Бѣдныя наши дѣти!—говорили онѣ.—Лучше бы намъ не родить ихъ, чѣмъ рождать на вѣрную смерть“. Между тѣмъ Сергій, игуменъ Троицкаго монастыря, тогда только что построеннаго, послалъ къ Дмитрію ободрительную грамоту и свое благословеніе. „Ступай, князь,—писалъ онъ,—Богъ и святая Богородица тебѣ помогутъ“. Дмитрій устроилъ полки и сталъ держать совѣтъ. Одни говорили: „Иди, князь, за Донъ“, а другіе, напротивъ, совѣтовали: „Не ходи, сильно умножились враги наши; тутъ не одни татары, а литва и рязанцы“. Но великій князь именно для того и спѣшилъ впередъ, чтобъ не дождаться, пока Ягелло подастъ помощь Мамаю. Онъ велѣлъ мостить мосты на Дону и испытывать бродъ, и въ ночь сталъ переправляться черезъ рѣку. На другой день, при всходѣ солнца, былъ густой туманъ, но въ третьемъ часу прояснилось; русскіе уже стояли за Дономъ въ чистомъ полѣ, при устьѣ Непрядвы. Это случилось 8 сентября. Скоро начали появляться татары. Отъ множества войскъ, которыя сошлись на этомъ полѣ, извѣстнымъ подъ названіемъ Куликовскаго, задрожала земля, загудѣли окрестные холмы. „Богъ намъ прибѣжище и сила!“ воскликнулъ Дмитрій и вступилъ въ битву съ врагами. Такой битвы не слыхано отъ начала Руси. На цѣлыхъ десять верстъ все залито было кровью, отъ наваленныхъ труповъ не было проѣзда конямъ; тамъ русскій гнался за татариномъ, здѣсь татаринъ одолѣвалъ русскаго: все перемѣшалось въ свалкѣ. Наше пѣшее войско лежало избитое, трупъ на трупѣ. Татары одолѣвали. Но въ засадѣ, въ лѣсу, скрывались еще свѣжіе русскіе полки, подъ начальствомъ Владимира Андреевича и московскаго воеводы, Дмитрія Волынскаго. Засадное войско ударило на татаръ. Съ этими новыми силами русскіе окрѣпли и сломили враговъ. Они гнали ихъ до рѣки Мечи (красивая Меча въ Тульской губ.) и захватили весь ихъ станъ.

Владимиръ Андреевичъ, рѣшивъ побѣду, сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы. Ратники собрались, но между ними не было великаго князя. Владимиръ Андреевичъ просилъ со слезами отыскать брата и обѣщалъ тому, кто найдетъ его, большую награду. Всѣ разсѣялись по полю. Двое воиновъ нашли Дмитрія; усталый, онъ лежалъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева и едва дышалъ; его панцырь былъ избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны. Владимиръ Андреевичъ тотчасъ поскакалъ къ нему и съ радостью извѣстилъ его о побѣдѣ.

Мамай бѣжалъ въ Орду, гдѣ побитъ былъ другимъ ханомъ, Тохтамышемъ. Этотъ Тохтамышъ, захвативъ всю власть надъ татарами, пошелъ на

Москву, два года спустя послѣ Куликовской битвы, обманомъ взялъ ее и разорилъ въ то время, какъ Дмитрій въ Костромѣ собиралъ войско. Куликовская побѣда стоила дорого: въ живыхъ осталось не болѣе 40.000, и московскому князю невозможно было вступить въ новую борьбу съ татарами; Русь снова на нѣкоторое время обложена была данью. Но слава этой побѣды осталась въ памяти народной. Дмитрій получилъ названіе „Донского".

II.

Куликовская битва показала, какую силу даетъ народу объединеніе его въ одно цѣлое; главнымъ же объединителемъ былъ московскій князь; поэтому побѣда очень возвысила Москву и ея князя въ глазахъ русскихъ.

Блестящая побѣда на Куликовомъ полѣ не избавила, однако, русскихъ отъ подчиненія Ордѣ; но татары поняли, что времена Батыя не вернутся; они стали нападать осторожнѣй и хитрѣй, стремясь застигнуть русскихъ врасплохъ. Дани стали они получать меньше, чѣмъ раньше. Наконецъ Россія совсѣмъ освободилась отъ власти татаръ. Произошло это приблизительно черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы. Въ Москвѣ княжилъ тогда Иванъ III. Золотая Орда тогда уже распалась на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ: Казанское царство и Крымское царство. Татары такъ ослабѣли, что вятскіе ушкуйники спустились какъ-то по Волгѣ и разграбили ханскую столицу Сарай. Московскій великій князь пересталъ платить дань хану и только изрѣдка посылалъ подарки. Татарскій ханъ Ахматъ пошелъ было на Россію войной, но дорогой вернулся обратно. Вскорѣ онъ былъ убитъ. Это время и считается временемъ окончательнаго освобожденія Руси отъ татарскаго ига. Послѣ того, хотя татары еще долго безпокоили русскій народъ своими набѣгами, но они уже не могли теперь завоевать всей русской земли, а только грабили ея пограничныя области.

Вопросы. Какія обстоятельства содѣйствовали освобожденію Руси отъ татарскаго ига? Разскажите, чѣмъ прославилъ себя Дмитрій Донской и Иванъ III-й?

Іоаннъ IV Грозный.

I.

Іоанну IV было только три года, когда отецъ его умеръ. Мать его также скоро умерла, и управленіе страной перешло къ боярамъ. Каждому изъ нихъ хотѣлось получить всю власть, и они стали ссориться и преслѣдовать другъ друга, расхищая казну государеву, грабили и притѣсняли народъ. О молодомъ государѣ бояре не заботились, не учили какъ слѣдуетъ, обращались съ нимъ нерѣдко очень грубо, дразнили его, а иногда позволяли ему все и потакали его дурнымъ наклонностямъ. И вышелъ изъ него человѣкъ злой и жестокій. Будучи еще ребенкомъ 12 лѣтъ, Іоаннъ любилъ смотрѣть на мученія животныхъ и для потѣхи бросалъ ихъ съ крыльца или высокаго терема на землю. Сдѣлавшись нѣсколько старше, онъ сталъ и надъ людьми тѣшиться. Съ толпой товарищей онъ скакалъ на коняхъ по улицамъ и рынкамъ и со смѣхомъ давилъ народъ. Бояре не останавливали его и были довольны, что молодой государь не трогаетъ ихъ и даетъ имъ своевольничать.

Во время своего сиротливаго дѣтства Іоаннъ IV много перечиталъ книгъ о царствахъ и правленіи.

II.

17 лѣтъ онъ вдругъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и торжественно вѣнчался на царство по тому обряду,

какъ вѣнчались императоры. Іоаннъ IV—первый вѣнчанный царь-самодержецъ всея Руси.

Затѣмъ государь принялся за дѣла. Помня многіе безпорядки правителей, онъ смотрѣлъ на бояръ недовѣрчиво; онъ нашелъ, что мало одной боярской думы для совѣта; государь пожелалъ, чтобы земскіе люди изъ всѣхъ областей и уѣздовъ государства сами разсказали ему о положеніи народа. Въ 1550 году съѣхались выборные изъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ государства; они составили земскій соборъ. Выборные докладывали государю и боярамъ о нуждахъ людей разныхъ сословій, объ управленіи намѣстниковъ и проч. Государь принималъ все это къ свѣдѣнію.

III.

Съ тѣхъ поръ много разъ собирались земскіе соборы. Земскіе люди сильно жаловались царю, что ихъ одолѣваютъ разбойники и разные лихіе люди; намѣстники же со своими судьями плохо съ ними справляются; берутъ за судъ большія пошлины; жаловались, что намѣстники тяготятъ народъ неправильными и жестокими поборами.

Государь началъ сокращать произволъ намѣстниковъ; онъ разрѣшилъ въ каждомъ уѣздѣ жителямъ выбирать губныхъ старостъ изъ своихъ людей; староста обязанъ былъ ловить и судить разбойниковъ и преступниковъ. Многимъ областямъ государь позволилъ обходиться совсѣмъ безъ намѣстника; жители ихъ сами избирали своихъ правителей и судей; но зато они должны были отвѣчать круговой порукой за сборъ всѣхъ податей и оброковъ и доставку ихъ въ Москву; деньги же, что прежде давали на кормъ намѣстнику, они отдавали въ казну въ видѣ особаго налога.

IV.

Затѣмъ намѣстниковъ стали понемногу замѣнять *воеводами*.

Между воеводой и намѣстникомъ была большая разница; намѣстникъ правилъ самовластно; многіе пошлины и налоги шли въ его пользу. Воевода не получалъ никакихъ кормовъ; всѣ пошлины и налоги онъ собиралъ для казны; судилъ преступниковъ вмѣстѣ съ губнымъ старостой изъ мѣстныхъ жителей, съ которыми онъ долженъ былъ совѣтоваться.

Но было между ними и сходство: воевода, какъ и намѣстникъ, не получалъ жалованья, поэтому и онъ пользовался приношеніями жителей.

Вопросы. Что было хорошаго и дурного въ дѣтствѣ Ивана IV? Что дѣлалъ Иванъ IV, чтобы улучшить управленіе въ Россіи?

Филиппъ, митрополитъ московскій.

I.

Иванъ Грозный еще съ дѣтскихъ лѣтъ не довѣрялъ боярамъ и подозрѣвалъ измѣну съ ихъ стороны. Подозрѣнія и невоздержанная жизнь сильно измучили и самого царя. На него находили какіе-то припадки, и онъ тогда бывалъ самъ не свой, и конца не было гнѣву его и казнямъ.

Приближенные царскіе не понимали того, что царь — больной человѣкъ. Они ни въ чемъ не останавливали его и даже всему потакали. Оттого много крови пролилось на Руси въ то время.

Вотъ царь и задумалъ позвать Филиппа въ московскіе митрополиты. Филиппъ былъ тогда игумномъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Филиппъ пріѣхалъ, но отъ званія митрополита сталъ отказываться. Царь, епископы и бояре уговаривали его

Иванъ Грозный (со статуи Антокольскаго).

Тогда Филиппъ открыто сталъ укорять епископовъ, зачѣмъ они до сихъ поръ молча смотрятъ на поступки царя и не говорятъ ему правды.

— Не смотрите на то, что бояре молчатъ, — говорилъ Филиппъ, — они связаны житейскими выгодами, а насъ Господь для того и отрѣшилъ отъ міра, чтобы мы служили истинѣ, хотя бы и души наши пришлось положить за паству.

Епископы молчали, а иные, чтобы угодить царю, возстали на Филиппа за его рѣчи. Никто не смѣлъ говорить Ивану правды,—одинъ только Филиппъ. Пришелъ Филиппъ къ царю и сказалъ:

— Я повинуюсь твоей волѣ, но оставь опричину, иначе мнѣ быть въ митрополитахъ невозможно. Самъ Господь сказалъ: аще царство раздѣлится—запустѣетъ!—Твое дѣло не угодное Богу. На такое дѣло нѣтъ и не будетъ тебѣ нашего благословенія!

II.

А опричину грозный царь завелъ незадолго передъ тѣмъ. Боясь измѣны, онъ раздѣлилъ всю землю русскую на „опричину“ и на „земщину“, а русскихъ людей — на „опричныхъ“ и „земскихъ“. Были города и волости опричные, были земскіе. Опричники — это значитъ особые, избранные царемъ люди, которымъ онъ можетъ довѣрять и съ помощью которыхъ истребляетъ своихъ враговъ.

Опричники должны были охранять царя отъ измѣнниковъ и уничтожать измѣну, а на самомъ дѣлѣ они только больше раздражали царя и потакали ему. Сначала ихъ была тысяча, а потомъ стало 6 тысячъ, потомъ же—еще больше. Они дѣлали что хотѣли, оговаривали и убивали людей земскихъ ихъ слову вѣрили, а земскимъ не вѣрили. Помѣстья отбирались отъ земскихъ, отдавались опричникамъ. Случалось, что земскихъ высылали цѣлыми толпами въ глухія и пустынныя мѣста. Шли женщины, дѣти, старики и погибали дорогой, а то и на мѣстѣ, потому что тамъ нечѣмъ было жить. Такъ однажды было послано 12 тысячъ семействъ и многія изъ нихъ погибли. А въ помѣстьяхъ земскихъ хозяйничали опричники и разоряли. Тѣ нищали, словно непріятель посѣтилъ ихъ землю.

Оттого-то особенно много и лилось крови и творилось неправды. Оттого-то Филиппъ и сталъ говорить царю противъ опричины. Царь выслушалъ его и сказалъ:

— Возсташе на меня мнози. Мои же меня хотятъ поглотити!

— Никто не замышляетъ противъ твоей державы,— отвѣчалъ Филиппъ,— свидѣтель намъ — всевидящее око Бо-

жіе. Показывай намъ примѣръ добрыми дѣлами. Нашъ общій владыко Христосъ повелѣлъ любить Бога и ближняго, какъ самого себя.

Царь разсердился и сталъ грозить Филиппу своимъ гнѣвомъ. Онъ приказывалъ ему быть митрополитомъ, а Филиппъ не уступалъ и все твердилъ:

— Пусть же не будетъ опричины; соедини всю землю воедино, какъ прежде было.

Епископы умоляли Филиппа не отказываться, кланялись Ивану и просили его утолить свой гнѣвъ на Филиппа. А царь сердился и требовалъ, чтобы Филиппъ непремѣнно ставился въ митрополиты и чтобы онъ далъ запись — въ дѣло опричины не мѣшаться.

Но, въ концѣ-концовъ, все же Филиппъ согласился принять санъ митрополита, потому что желалъ постоять за правду и на своемъ высокомъ мѣстѣ.

III.

25 іюля 1566 года Филиппъ былъ поставленъ въ митрополиты.

Нѣкоторое время казней и мученій не было, но потомъ онѣ опять начались. Филиппъ видѣлъ все это, но онъ хоть и не требовалъ теперь, чтобы опричины не было, а все же не молчалъ. Онъ заступался за опальныхъ и старался укрощать гнѣвъ царя. Тотъ оправдывался и говорилъ, что вокругъ него — тайные враги.

— Молчи, отче, молчи, — говорилъ ему Иванъ,— и только благословляй насъ по нашему изволенію!

— Наше молчаніе, — отвѣчалъ Филиппъ,— ведетъ тебя къ грѣху и гибели всенародной. Господь заповѣдалъ намъ душу свою полагать за други свои.

— Не прекословь державѣ нашей, а не то мой гнѣвъ постигнетъ тебя, или оставь свой санъ!

— Я не просилъ тебя о санѣ, не посылалъ къ тебѣ ходатаевъ, никого не подкупалъ. Зачѣмъ взялъ меня изъ пустыни? Если ты дерзаешь поступать противъ закона — твори, какъ хочешь, а я не буду слабѣть, когда приходитъ время подвига.

Царь не взлюбилъ Филиппа. Еще больше возненавидѣли его любимцы царевы и опричники.

IV.

Прошло года полтора съ небольшимъ, и между царемъ и митрополитомъ вышла большая размолвка. Случилось это 31 марта 1568 года, въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Иванъ пріѣхалъ туда къ обѣднѣ съ толпою опричниковъ. Всѣ они и самъ онъ были въ черныхъ ризахъ и высокихъ монашескихъ шапкахъ. Послѣ окончанія обѣдни Иванъ подошелъ къ святителю и сталъ просить благословенія. Но святитель молчалъ и какъ будто не видѣлъ царя. Царь сказалъ ему то же самое и во второй и въ третій разъ, но Филиппъ все молчалъ. Наконецъ царскіе бояре сказали:

— Святой владыка! Царь Иванъ Васильевичъ требуетъ благословенія отъ тебя.

Тогда Филиппъ, взглянувъ на царя, сказалъ:

— Кому ты думаешь угодить, измѣнивши благолѣпіе лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы! Мы здѣсь приносимъ безкровную жертву, а ты проливаешь христіанскую кровь твоихъ вѣрныхъ подданныхъ. Доколѣ въ русской землѣ будетъ господствовать беззаконіе? У всѣхъ народовъ, и у татаръ и у язычниковъ, есть законъ и правда,— только на Руси ихъ нѣтъ. Во всемъ свѣтѣ есть защита отъ злыхъ и милосердіе. Только на Руси не милуютъ невинныхъ и праведныхъ людей. Опомнись! Хоть Богъ и возвысилъ тебя въ этомъ мірѣ, но и ты— смертный человѣкъ. Взыщется отъ

рукъ твоихъ неповинная кровь! Если будутъ молчать живыя души, то камни возопіютъ подъ твоими ногами и принесутъ тебѣ судъ!

— Филиппъ!—грозно сказалъ царь.— Ты испытываешь наше благодушіе, хочешь противиться нашей державѣ. Я щадилъ васъ, мятежниковъ; теперь я заставлю васъ раскаяться.

— Не могу повиноваться твоему повелѣнію паче Божьяго повелѣнія,— возразилъ святитель.— Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть!

И святитель ушелъ въ алтарь. Сильно разгнѣвался грозный царь.

На другой же день начались великія казни и мучительства.

V.

Свирѣпство день ото дня росло. Казни шли цѣлыхъ 4 мѣсяца, а въ іюлѣ случилась еще одна размолвка между святителемъ и царемъ.

Иванъ пріѣхалъ съ толпою опричниковъ въ Новодѣвичій монастырь. Служилъ митрополитъ. Одинъ опричникъ надѣлъ въ церкви тафью (шапку). Святитель увидѣлъ это, не стерпѣлъ и воскликнулъ, обратившись къ царю:

— Развѣ прилично благочестивому держать агарянскій законъ?

— Какъ? Что? Кто? — воскликнулъ Иванъ.

— Одинъ изъ ополченія твоего, изъ лика сатанинскаго нарушаетъ законъ!

Опричникъ поскорѣе снялъ шапку и спряталъ, а царь опять сильно разгнѣвался на святителя, ушелъ изъ церкви, собралъ духовенство и повелѣлъ имъ судить митрополита и лишить его сана. Собрали судъ, и онъ хотѣлъ сдѣлать все такъ, чтобы низложить Филиппа какъ будто по его винѣ, за его дурное поведеніе. Послали особыхъ людей въ Соловки, чтобы уличать Филиппа въ „нечистыхъ дѣлахъ“. Тамъ былъ въ это время игуменомъ Паисій. Посланцы стали его застращивать и стали обѣщать ему епископскій санъ, если Паисій станетъ свидѣтельствовать противъ митрополита Филиппа.

Паисій не устоялъ, согласился. Привели его къ царю. Собрали соборъ. Судъ сдѣлалъ то, чего царь добивался и чего хотѣлъ отъ суда.

Не нашлось такихъ, которые встали бы за правду, какъ стоялъ за нее Филиппъ. У святителя было уже не мало враговъ. Противъ него показывалъ и новый игуменъ соловецкій Паисій, потому что ему пообѣщали епископскій санъ, коли онъ станетъ свидѣтелемъ противъ митрополита.

Соборъ духовныхъ осудилъ Филиппа.

VI.

На судѣ Филиппъ сказалъ царю:

— Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дѣло? Мнѣ уже за 60 лѣтъ. Я жилъ честно и безпорочно,— хочу и душу мою предать Богу, судьѣ твоему и моему. Лучше мнѣ принять безвинно мученія и смерть, нежели быть митрополитомъ при такихъ мучительствахъ и беззаконіяхъ. Вотъ я дѣлаю по-твоему! Вотъ мой жезлъ, бѣлый клобукъ, мантія. Я больше не митрополитъ. А вамъ,—сказалъ святитель собору,— оставлю повелѣніе: пасите стадо ваше и бойтесь убивающихъ душу болѣе, чѣмъ убивающихъ тѣло...

Филиппъ пошелъ было къ дверямъ, чтобы уйти, но Иванъ остановилъ его и сказалъ:

— Ты хитро хочешь избѣгнуть суда! Нѣтъ, не тебѣ судить себя самого! Дожидайся суда другихъ и осужденія. Ты долженъ еще служить обѣдню въ Михайловъ день.

Насталъ этотъ день. Филиппъ сталъ служить обѣдню. Вдругъ вошли въ церковь опричники и пріостановили богослуженіе, а затѣмъ стали читать всенародно приговоръ церковнаго суда.

Соборъ лишилъ святителя его сана.

Воины вошли въ алтарь, набросились на митрополита, сняли съ него митру, сорвали облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую рясу, и повели вонъ изъ церкви.

Воины вели его, а опричники заметали за нимъ слѣды метлами.

У паперти ужъ поджидали митрополита дровни. Его посадили на дровни и повезли его въ Богоявленскій монастырь.

Народъ бѣжалъ за нимъ слѣдомъ и плакалъ, а митрополитъ благословлялъ бѣгущихъ, осѣнялъ ихъ крестнымъ знаменьемъ во всѣ стороны.

А опричники кричали, ругались и били святителя своими метлами.

VII.

Прошло нѣсколько дней. Привезли святителя изъ монастыря и стали ему читать окончательный приговоръ. Въ этомъ приговорѣ обвиняли Филиппа въ разныхъ небывалыхъ грѣхахъ и преступленіяхъ. Обвиняли даже въ волшебствѣ.

Въ концѣ-концовъ, церковный судъ приговорилъ его къ вѣчному заключенію.

Филиппъ не оправдывался и не защищался. Онъ только сказалъ:

— Перестаньте творить богопротивныя дѣла!

Послѣ того старца увели, забили его ноги, по царскому приказанію, въ деревянныя колодки, а на руки надѣли желѣзные кандалы, заточили въ монастырь, и тамъ морили голодомъ.

А черезъ годъ проѣздомъ въ Новгородъ царь приказалъ своему любимому опричнику Малютѣ Скуратову итти и задушить Филиппа, что тотъ и сдѣлалъ.

Ссылка митрополита Филиппа.

Первый русскій печатникъ.

I.

Первымъ печатникомъ на Руси былъ дьяконъ московской церкви Иванъ Ѳедоровъ. Печатному дѣлу онъ научился у иностранцевъ.

Иностранцы охотно поступали къ русскимъ царямъ на службу. Иванъ Грозный отвелъ имъ въ Москвѣ для жительства особую слободу, которая стала называться Нѣмецкой слободой.

Иванъ Ѳедоровъ часто заходилъ въ Нѣмецкую слободу и подолгу бесѣдовалъ съ иностранцами.

Особенно внимательно слушалъ Иванъ Ѳедоровъ разсказы о началѣ книгопечатанія на Западѣ, объ Іоаннѣ Гутенбергѣ, объ этомъ великомъ человѣкѣ, который изобрѣлъ типографскій станокъ и подвижныя буквы. „Въ чужихъ краяхъ давно уже книги печатаютъ,—говорили иноземцы,—давно ужъ тамъ во всѣхъ городахъ типографскіе станки заведены, и печатается на нихъ книгъ множество; а тамъ, гдѣ книгъ много, гдѣ онѣ доступны не однимъ только богачамъ, тамъ и свѣдущихъ людей больше, не то, что на Руси, гдѣ книга въ диковинку“.

Часто ходилъ онъ въ Нѣмецкую слободу и разспрашивалъ у своихъ пріятелей-иноземцевъ, какъ устроенъ типографскій станокъ, какъ отливаются формы печатныхъ буквъ, про все подробно разспрашивалъ онъ, и иноземцы дѣлились съ нимъ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣли. И вотъ въ свободное отъ церковной службы время, онъ, бѣдный, никому неизвѣстный дьяконъ, зажигалъ у себя лучину и при ея тускломъ свѣтѣ пробовалъ отливать формы литеръ, вырѣзалъ рисунки... Работа, въ которую онъ вкладывалъ всю свою душу, шла успѣшно. Онъ постигъ искусство печатать книги, и въ сердцѣ его загорѣлось горячее желаніе подѣлиться своимъ искусствомъ, послужить имъ своей родинѣ.

II.

Дошелъ до него слухъ, что царь Иванъ Васильевичъ ищетъ друкаря (печатника). Не помня себя отъ радости, поспѣшилъ онъ тогда къ окольничему Алексѣю Адашеву и умолялъ его доложить о немъ государю. Царь призвалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ о книгопечатаніи, спрашивалъ его, гдѣ научился онъ этому дѣлу. Онъ разсказалъ ему, какъ научился печатному дѣлу, показалъ и образцы своего искусства. И дивились всѣ его искусству. Царь тутъ же приказалъ начать постройку печатнаго двора, далъ Ивану Ѳедорову рабочихъ и казны не жалѣлъ... „Сколько хочешь казны бери,—говорилъ царь,—только выстрой мнѣ друкарню, пускай и у насъ будутъ печатныя книги, какъ въ Греціи, въ Венеціи и другихъ прочихъ земляхъ“.

„Не жалѣй казны на это дѣло, много ея у московскаго царя“, говоритъ онъ, отпуская Ивана Ѳедорова.

III.

Первая печатная книга („Апостолъ“) вышла изъ типографіи въ началѣ марта 1564 года. Для разсмотрѣнія ея въ царской палатѣ собрались бояре и лица духовнаго чина.

Царь, закрывъ книгу, подзываетъ Ивана Ѳедорова къ столу, ласково говоритъ съ нимъ и приказываетъ приступить къ печатанію „Часовника“.

Русскій народъ былъ теменъ, онъ подозрительно относился ко всякимъ „новшествамъ“, а новшества, заимствованныя изъ чужихъ земель, считалъ „богопротивными затѣями“ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на измѣну родной старинѣ... И когда изъ печати вышелъ

„Апостолъ“, когда темные люди увидѣли эту первую печатную книгу, увидали во множествѣ экземпляровъ, они задались вопросомъ: „Эта новая печатная книга, можетъ ли она замѣнить прежнюю, рукописную? — Прежняя книга писалась съ благоговѣніемъ, со страхомъ Божіимъ, молитву шептали уста переписчика, когда онъ выводилъ буквы въ рукописной книгѣ. Божье благословеніе было на его работѣ. А новую книгу верстакъ друкарскій работалъ. Отъ Бога ли эта работа? Не будетъ ли великимъ грѣхомъ молиться по этой новой книгѣ, можно ли замѣнить святое богоугодное дѣло деревяннымъ станкомъ?“

IV.

Люди, которымъ удавалось побывать въ самой друкарнѣ, съ удивленіемъ разсказывали о той быстротѣ, съ которой работалъ типографскій станокъ, выпуская одну за другой печатныя страницы; не мало дивились они и подвижнымъ буквамъ, изъ которыхъ какое хочешь слово можно составить.

Да ужъ не волшебство ли это? Ужъ не сидитъ ли у него въ станкѣ нечистая сила? Волшебство и есть, конечно, не отъ Бога такое дѣло, самъ дьяволъ помогаетъ Ивану Ѳедорову...

Молва о томъ, что на печатномъ дворѣ живетъ дьяволъ, быстро разнеслась по Москвѣ. И надъ головой перваго русскаго книгопечатника собиралась гроза...

V.

Темная лѣтняя ночь спустилась надъ Москвой. Въ эту душную лѣтнюю ночь, когда на небѣ не было ни звѣздочки, къ печатному двору медленно, словно

Памятникъ Ивану Ѳедорову въ Москвѣ.

крадучись, направлялись какія-то двѣ фигуры. По временамъ онѣ останавливались, словно прислушивались, все ли тихо, и затѣмъ снова шли. Вдругъ среди ночной тьмы возлѣ самаго печатнаго дрова съ лѣвой стороны блеснула искра... такая же искра прорѣзала ночной мракъ и съ правой его

стороны. И въ то же мгновеніе темныя фигуры двухъ людей быстро отскочили отъ зданія и бросились бѣжать въ разныя стороны...

Вдругъ раздался со двора отчаянный крикъ Петра Мстиславца: „Горитъ, друкарня горитъ!“

Иванъ Ѳедоровъ сразу очнулся. Опрометью бросился онъ въ сѣни, изъ сѣней на дворъ... друкарня съ двухъ сторонъ была объята пламенемъ...

— Бѣжимъ скорѣй,— шепталъ Петръ Мстиславцевъ,— злодѣи подожгли друкарню, они убьютъ насъ... Бѣжимъ черезъ задній дворъ...

„Колдунъ, чернокнижникъ, — раздавались голоса съ улицы,— Самъ Богъ покаралъ тебя за ересь, Самъ Богъ погубилъ дьявольское дѣло“...

Иванъ Ѳедоровъ съ Петромъ Мстиславцемъ бѣжали въ Литву и тамъ поступили въ типографію. Въ 1909 году въ Москвѣ Ивану Ѳедорову поставленъ памятникъ.

Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ.

Царь Ѳеодоръ и Годуновъ.

Ивану Грозному наслѣдовалъ его второй сынъ Ѳеодоръ Ивановичъ (1584—1598). А младшій сынъ, 2-лѣтній Дмитрій, получилъ вмѣстѣ съ матерью въ удѣлъ гор. Угличъ съ уѣздомъ.

Ѳеодоръ съ дѣтства отличался набожностью; постился, молился, ходилъ въ церковь; любилъ звонить на колокольнѣ. Не оказывалъ онъ ни способности ни охоты къ дѣламъ правленія. Иванъ Васильевичъ зналъ характеръ своего сына и, умирая, поручилъ своимъ боярамъ блюсти за молодымъ царемъ. Изъ бояръ больше силы имѣли тогда Борисъ Годуновъ, Никита Романовъ и семья Шуйскихъ.

Бояринъ Романовъ былъ уже старъ и скоро умеръ. Другіе Романовы были оттѣснены отъ дѣлъ правленія, а главнымъ правителемъ сдѣлался шуринъ царя Ѳеодора, бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Предки Годунова были дворяне незнатные и вели свой родъ отъ татарина, крещенаго св. Петромъ митрополитомъ. Борисъ былъ оченъ уменъ, способенъ и необыкновенно ловокъ въ обхожденіи съ людьми. Онъ служилъ опричникомъ, но сумѣлъ и вѣрность Грозному царю показать, и народъ не обирать, и боярской крови не проливать. Правителемъ онъ сталъ еще ловчѣе. Бояре не любили его за то, что онъ, не будучи знатнымъ, выслужился выше всѣхъ, но и они его слушались за его умъ и умѣнье вести дѣла. Зато мелкое дворянство и москов-

ское населеніе стояли за него, видя его умѣлое правленіе.

Въ царствованіе Ѳеодора совершилось важное дѣло въ церковномъ правленіи. Вотъ уже второй государь на Руси короновался и правилъ какъ императоры цареградскіе, а равнаго имъ по званію пастыря Церкви въ Москвѣ не было; русская Церковь подчинялась патріарху константинопольскому. Царь Ѳеодоръ рѣшилъ, что Москвѣ, столицѣ православія, необходимо имѣть своего патріарха. Въ это званіе константинопольскій патріархъ посвятилъ тогдашняго митрополита Іова, большого друга Годунова.

Счастливо прошло бы время Ѳеодора; но ужасное событіе смутило весь народъ. Въ Угличѣ царевичъ Дмитрій найденъ былъ на дворѣ своихъ хоромъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Мѣстные жители самосудомъ расправились съ тѣми, кого заподозрили въ убійствѣ. Нарядили судъ въ Угличѣ разслѣдовать дѣло, но ничего нельзя было разобрать въ показаніяхъ свидѣтелей; ужъ очень растерялись они тогда; сами не могли припомнить, что своими глазами видѣли, что потомъ слышали. Слѣдователи пришли къ рѣшенію, что царевичъ самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ болѣзни (у него была падучая). Послѣ суда по всей русской землѣ прошли разные темные слухи о гибели царевича, но пока смущались и болтали втихомолку.

У Ѳеодора не было дѣтей; Дмитрій былъ наслѣдникомъ его. Думали, что кому-нибудь изъ бояръ, кто самъ мѣтилъ на престолъ, понадобилось устранить Дмитрія.

Царствованіе Бориса.

Въ 1598 г. царь Ѳеодоръ скончался, не оставивъ наслѣдника. Царскій родъ прекратился. Началась между боярами борьба — кому быть царемъ. Сильны были князья Шуйскіе, изъ роду удѣльныхъ князей — потомковъ Рюрика; сильны были также фамиліи Романовыхъ и Годуновыхъ. Москвичи заявили, что хотятъ царемъ Бориса Годунова. Борисъ пожелалъ, чтобы созванъ былъ земскій соборъ — выборные отъ всѣхъ русскихъ областей и городовъ. Соборъ тоже избралъ на царство Бориса.

Въ первые годы царствованія Бориса Годунова все шло хорошо. Но потомъ случился большой неурожай; голодъ открылся по всей русской землѣ; народъ питался травой, трупами животныхъ и даже людей. Много тысячъ людей погибло отъ голода и болѣзней. Въ это время бояре — враги Бориса — пустили страшные слухи въ народѣ: что это Годуновъ подослалъ убійцъ къ царевичу Дмитрію. Заволновался народъ. „Теперь насъ Богъ наказываетъ за грѣхъ Бориса“, такъ говорили въ народѣ.

Борисъ, до тѣхъ поръ мягкій въ обращеніи съ боярами, сталъ подозрительнымъ и суровымъ. Попала въ опалу и ссылку цѣлая семья Романовыхъ—Ѳеодоръ Никитичъ съ братьями. Ѳеодора Никитича заставили постричься въ монахи подъ именемъ Филарета.

Первый самозванецъ.

I.

Въ Польшѣ явился самозванецъ, будто бы спасшійся отъ убійцъ царевичъ Дмитрій [1]). Онъ объявилъ себя законнымъ русскимъ царемъ и съ войскомъ изъ поляковъ и казаковъ при-

[1]) Кто на самомъ дѣлѣ былъ первый самозванецъ — до сихъ поръ не выяснено. Самъ онъ, повидимому, вѣрилъ, что онъ — царскій сынъ. Вѣроятно, бояре, желая свергнуть Годунова, рѣшили выставить противъ него самозванца; выбрали подходящаго человѣка, обманули его и выдвинули противъ Бориса.

шелъ на Русь. Бояре передались ему. Войска Бориса сражались.

Борисъ умеръ, оставивъ престолъ молодому сыну Ѳедору. Въ Москву явились посланные самозванца и прочли народу грамоту отъ него, съ обѣщаніемъ всякихъ льготъ.

Народъ не зналъ, кому вѣрить. Вышелъ къ народу бояринъ Василій Шуйскій, который велъ въ Угличѣ слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Дмитрія, и объявилъ, что въ слѣдственномъ донесеніи онъ говорилъ неправду и что на самомъ дѣлѣ къ царевичу Дмитрію послалъ убійцъ Годуновъ, но царевича спасли. Тогда народъ схватилъ Ѳедора Годунова и изъ дворца перевелъ въ прежній домъ Годуновыхъ; а потомъ два боярина, передавшіеся самозванцу, убили молодого царя вмѣстѣ съ его матерью.

II.

Самозванецъ торжественно въѣхалъ въ Москву и сталъ царемъ.

На престолѣ самозванецъ оказалъ большой умъ и способность къ государственнымъ дѣламъ и правилъ на славу. Онъ старался прекратить взяточничество и поборы чиновниковъ, заботился о распространеніи образованія. Обращался онъ со всѣми ласково, самъ принималъ ото всѣхъ прошенія, каждаго выслушивалъ. Часто царь ходилъ по улицамъ пѣшкомъ, заходилъ въ мастерскія, бесѣдовалъ со встрѣчными. Въ народѣ полюбили новаго царя. И въ боярской думѣ удивлялись его уму.

III.

Но боярамъ онъ не понравился. И бояре стали понемногу возстановлять противъ него народъ.

Царь дружилъ съ католиками — поляками, которые помогли ему достигнуть престола: женился на польской паннѣ. Бояре всѣмъ этимъ пользовались; пустили слухъ, что царь хочетъ обратить Русь въ католическую вѣру.

Тотъ же бояринъ Василій Шуйскій сталъ потихоньку говорить, что новый царь — не сынъ Грознаго, а самозванецъ. Царь узналъ и отдалъ Шуйскаго на судъ выборнымъ людямъ—земскому собору. Соборъ осудилъ Шуйскаго и приговорилъ къ ссылкѣ, но царь его простилъ.

Бояре стали дѣйствовать осторожнѣе. Сначала они привлекли на свою сторону войско. Потомъ бояринъ Шуйскій поднялъ въ народѣ бунтъ противъ поляковъ; народу сказали, что поляки притѣсняютъ царя. Народъ сталъ бить поляковъ, а тѣмъ временемъ бояре убили самозванца-царя.

Бояринъ Василій Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ.

Задача. Сравните самозванца съ Борисомъ Годуновымъ.

„Лихолѣтье“.

I.

Простой народъ не взлюбилъ „боярскаго царя“ (такъ прозвали Василія). Въ народѣ охотнѣе шли за новыми самозванцами. Опять явился на Руси человѣкъ, увѣрявшій, что онъ — царь Дмитрій, спасшійся отъ бояръ; а за нимъ объявились и еще самозванцы.

Къ нимъ приставало много народу, недовольнаго порядками московскаго государства. Ко второму самозванцу пристали казаки. Шли противъ „боярскаго царя“ и противъ московскихъ бояръ мелкіе дворяне съ окраинъ государства, а за ними поднимался и простой народъ: обѣднѣвшіе крестьяне, бѣжавшіе крѣпостные люди. Ходили въ народѣ грамоты, въ которыхъ звали боярскихъ холоповъ избивать своихъ бояръ. Смута пошла во всемъ государствѣ.

У второго самозванца дѣла пошли плохо. Тутъ многіе изъ русскихъ людей, не желая имѣть царемъ Василія Шуйскаго, выбрали русскимъ царемъ королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда. При этомъ Владиславу поставили условія: чтобы православіе въ московскомъ государствѣ было почитаемо и оберегаемо попрежнему; чтобы важныхъ дѣлъ Владиславъ не рѣшалъ безъ боярской думы и безъ земскаго собора. Дворяне, кромѣ того, потребовали, чтобы крѣпостнымъ людямъ и холопамъ вольности не давать.

Явились на Русь поляки поддерживать Владислава. Шуйскій не умѣлъ съ ними справиться. Тогда народъ рѣшилъ его „ссадить съ престола“. Василій покорился, но потомъ снова сталъ подбирать сторонниковъ, чтобы вернуть престолъ. Тогда его насильно постригли въ монахи.

II.

Москва осталась безъ царя. Присягнули пока боярской думѣ. Бояре рѣшили отдаться Владиславу. Призвали въ Москву польское войско, и Москва дала Владиславу присягу.

Пошли долгіе переговоры съ польскимъ королемъ. Онъ не хотѣлъ отпускать своего сына въ Москву, хотѣлъ самъ править Русью. Но на это русскіе не соглашались. А тѣмъ временемъ все государство пришло въ безпорядокъ: хозяйничали толпы гулящихъ людей и разбойниковъ, своевольничали польскіе отряды. Правилъ Русью за отсутствіемъ царя боярскій совѣтъ, но ничего не сумѣлъ сдѣлать.

Тогда въ городахъ и областяхъ, не видя конца смутѣ, не ожидая добра ни отъ самозванцевъ, ни отъ поляковъ, ни отъ бояръ, народъ рѣшилъ сообща взяться за устроеніе государства. Стали города переписываться столковываться объ общемъ дѣлѣ, собирать ополченія. Много помогли въ это время патріархъ Гермогенъ и монахи Троице-Сергіевой лавры; они разсылали по всѣмъ городамъ грамоты, призывая народъ соединиться для спасенія вѣры и отечества.

Во главѣ сталъ Нижній-Новгородъ. Былъ тамъ выборнымъ старостой Кузьма Мининъ, простой торговецъ по званію, но человѣкъ съ крупнымъ умомъ и съ большими способностями къ управленію. Онъ съ нѣсколькими товарищами много думалъ и бесѣдовалъ о дѣлахъ государства и о томъ, какъ помочь бѣдѣ.

III.

Пришла грамота въ Нижній-Новгородъ изъ Троице-Сергіевой лавры; ее торжественно прочитали въ соборѣ. Собралась на площади сходка; народъ сталъ судить да рядить, какъ помочь бѣдѣ. Тутъ выступилъ впередъ Кузьма Мининъ и сказалъ: „Если въ самомъ дѣлѣ хотимъ помочь московскому государству, такъ нужно не жалѣть ничего, продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество“. Горячая рѣчь сильно подѣйствовала. Нижегородцы рѣшили отдать третью часть имущества; каждый несъ на городскую площадь, что могъ: кто платье, кто деньги, кто посуду. На эти деньги и сокровища стали набирать ополченіе.

IV.

Вѣсть объ этомъ разнеслась по другимъ городамъ, и ратники толпами приходили въ Нижній; многіе присылали и денегъ. По совѣту Минина, начальникомъ выбрали князя Пожарскаго. А Минину поручили завѣдывать хозяйственною частью.

При ополченіи было временное земское правительство. Всѣ города прислали своихъ выборныхъ. Составился большой совѣтъ (земскій соборъ). Земскіе выборные думали и о военныхъ дѣлахъ, какъ лучше вести борьбу съ поляками, и о земскихъ дѣлахъ: назначали сборы на войско, давали льготы разореннымъ, ставили по городамъ и уѣздамъ воеводъ.

Когда уже пришло довольно войска въ Нижній, Пожарскій съ Мининомъ выступили весною 1612 г. въ походъ. Дорогою къ нижегородскому ополченію присоединились рати другихъ городовъ, и всѣ онѣ двинулись къ Москвѣ. На помощь полякамъ, явилось было новое войско, но Пожарскій не допустилъ его до города; послѣ трехдневнаго боя польское войско должно было вернуть назадъ. Затѣмъ русскіе занялись осадою Москвы.

Два мѣсяца продолжалась осада; наконецъ сильный голодъ вынудилъ поляковъ сдаться. Москва была очищена отъ враговъ, и Пожарскій съ торжествомъ вступилъ въ городъ.

Немедленно разосланы были отъ Пожарскаго и отъ бывшихъ при немъ земскихъ выборныхъ по всѣмъ городамъ грамоты, чтобы присылали новыхъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій—выбирать царя.

V.

Въ началѣ 1613 г. съѣхались выборные, составился большой земскій соборъ. Послѣ долгихъ разговоровъ и споровъ согласились на томъ, чтобы отдать престолъ молодому боярину Михаилу Романову, сыну Ѳеодора Никитича (митрополита Филарета). Единогласно провозгласили Михаила Ѳеодоровича государемъ.

Вопросъ. Какое время и почему названо „Лихолѣтьемъ“?

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Со старинаго портрета.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.

I.

Молодому царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову было всего 16 лѣтъ, а труды ожидали его огромные. Русская земля бы вся разорена отъ смуты; можно было проѣхать по ней сотни верстъ, и живой души не встрѣтить; по дорогамъ виднѣлись лишь пустыя деревни; по нимъ бродили голодные волки. Страшно было взглянуть на Москву: что ни улица, то развалины и пожарище; соборы и церкви обезображены; дворцы въ разрушеніи. Казна государства была пуста; не съ чѣмъ было приступать къ дѣламъ. Многочисленные отряды поляковъ, казаковъ и крымскихъ татаръ рыскали по ра-

зоренной странѣ и грабили то, что уцѣлѣло отъ смуты.

За время смуты Смоленскъ захватили поляки, Новгородъ—шведы.

II.

Земскій соборъ, выбравшій Михаила царемъ, не разошелся, а попрежнему занимался вмѣстѣ съ царемъ всѣми государственными дѣлами. Черезъ два года выборные уѣхали по домамъ, но тотчасъ же города прислали новыхъ выборныхъ. И такъ дѣло шло во все царствованіе Михаила; выборные отъ всѣхъ сословій земли русской дружно помогали царю возстановлять порядокъ въ государствѣ. По всякому важному дѣлу земскій соборъ общимъ совѣтомъ дѣлалъ свое постановленіе; и всѣ указы разсылались отъ имени царя и земскаго собора.

Прежде всего разослали по городамъ грамоты, наказывали, какъ можно скорѣй собирать всякія подати, пошлины и недоимки. Богатыхъ людей просили жертвовать и давать взаемъ казнѣ, что смогутъ, деньгами и припасами.

Съ этими средствами приступили къ отстройкѣ Кремля и другихъ московскихъ зданій, роздали жалованье войскамъ; стали собирать разбѣжавшихся ратныхъ людей и вновь записывать ихъ въ службу.

III.

Первые годы царя Михаила воеводы преслѣдовали и уничтожали казацкія и татарскія шайки. Очистивъ государство отъ этихъ враговъ внутреннихъ, обратились къ врагамъ внѣшнимъ — полякамъ и шведамъ. Со шведами скоро покончили миромъ: они вернули намъ Новгородъ, но зато мы должны были уступить имъ всѣ берега Финскаго залива. Русь оказалась отрѣзанной отъ Балтійскаго моря.

Польскій королевичъ Владиславъ долго не хотѣлъ отказываться отъ московскаго престола. Съ казаками и польскимъ войскомъ подходилъ онъ къ самой Москвѣ, пробовалъ осаждать Троицкую лавру, но его отовсюду отбили. Тогда поляки согласились на миръ. А миръ былъ такъ необходимъ русской землѣ, что царь поневолѣ уступилъ Смоленскъ и Черниговъ, зато поляки вернули плѣнныхъ; а между плѣнными былъ отецъ государя, Филаретъ Романовъ. Онъ былъ тотчасъ посвященъ въ патріархи; данъ былъ ему титулъ „Великаго государя“, и онъ сталъ вмѣстѣ съ Михаиломъ править. Тогда и грамоты часто писались отъ имени „великихъ государей Михаила Ѳеодоровича и Филарета патріарха“.

Вопросъ. Чѣмъ отличалось управленіе Михаила Ѳеодоровича отъ управленія другихъ царей московскихъ?

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Алексѣй Михайловичъ.

Въ самомъ началѣ царствованія второго царя изъ дома Романовыхъ Алексѣя Михайловича притѣсненія правителей довели народъ въ Москвѣ до открытаго волненія. Царь успокоилъ народъ, обѣщая правосудіе. Законы

существовавшіе тогда, были неудовлетворительны. Они изданы были очень давно и уже не годились для новыхъ обстоятельствъ, а относительно многихъ предметовъ вовсе не было законовъ. Алексѣй Михайловичъ поручилъ поэтому нѣсколькимъ лицамъ исправить прежніе законы, дополнить ихъ новыми, чтобы „людямъ московскаго государства всякихъ чиновъ, отъ большаго до меньшаго, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ равны всѣмъ“. Затѣмъ созваны были въ Москву выборные люди отъ всей земли, и по совѣту съ ними новые законы были окончательно установлены. Книга этихъ законовъ называется *Уложеніемъ* Алексѣя Михайловича. Это былъ первый сборникъ законовъ, не только о судѣ, но и о доходахъ казны, о службѣ ратныхъ людей, о правахъ сословій и о другихъ предметахъ государственнаго устройства.

Задача. Разскажите, какіе вы знаете еще писанные русскіе законы.

Школы и просвѣщеніе.

I.

Послѣ татарскаго разоренія просвѣщеніе русскаго народа пріостановилось. Въ нашихъ лѣтописяхъ долго ничего не говорилось о школахъ.

Конечно, грамотные люди были на Руси; но учились они кое-гдѣ, кое-какъ: у дьячковъ церковныхъ, у престарѣлыхъ отставныхъ священниковъ. Бояре и богатые московскіе жители обучались у дьяковъ приказовъ московскихъ (т.-е. чиновниковъ), а эти дьяки въ старое время были самые сильные въ грамотѣ и письмѣ люди; они же и царевичей обучали азбукѣ и чтенію по Часослову и Псалтири.

На священникахъ малограмотность особенно тяжело отзывалась. Въ старину городскіе и сельскіе прихожане сами выбирали себѣ священниковъ: намѣтятъ изъ среды своей человѣка добраго и нравственнаго, укажутъ ему учиться грамотѣ. Школъ и семинарій не было; значитъ, учился онъ у кого Богъ приведетъ. Потомъ шлютъ избранника къ архіерею. Архіерей, испытавъ его въ чтеніи и знаніи службы, рукополагалъ во священники.

Не мало жаловались архіереи на малограмотныхъ ставленниковъ. Одинъ новгородскій архіерей писалъ въ Москву митрополиту: „Пришлютъ мнѣ мужика посвящать во священники; дамъ ему Часословъ, еле бредетъ по буквамъ; я ему Псалтирь, — и того не разумѣетъ. Отошлю назадъ; а люди плачутся безъ священника, — „земля наша такова, владыко, — говорятъ, — нѣтъ грамотныхъ“.

II.

Первыя хорошія школы завелись въ русскихъ земляхъ, покоренныхъ Польшей, въ Малороссіи да въ Бѣлой Руси. У поляковъ были хорошія школы, по образцу школъ западныхъ народовъ, съ низшими и высшими науками; въ школахъ учили латинскіе монахи.

Издавна при православныхъ церквахъ южной Руси бывали братства изъ прихожанъ; вначалѣ братства заботились о красотѣ храма, объ устройствѣ празднествъ и трапезъ для бѣдныхъ. Потомъ они стали устраивать пріюты, странноприимные дома, печатать и распространять православныя книги, а главное—устраивать школы.

Трудно было начинать это дѣло: ни своихъ учителей, ни программъ, ни учебниковъ не было; все это пришлось перенимать у поляковъ. Братства устроили школы по образцу польскихъ: преподавали въ нихъ латинскій и греческій языки и всѣ науки, какъ въ

школахъ западныхъ; но законъ Божій по строго православному ученію, учили даже, какъ обличать латинянъ, спорить съ ними. Первыхъ учителей взяли изъ вѣрныхъ православію учениковъ польскихъ школъ; потомъ явились и свои учителя. Образованные малороссы стали переводить много книгъ для чтенія русскимъ.

Кіевскую братскую школу скоро передѣлали въ высшую или академію, и стала она первой русской высшей школой. Лучшіе ученики ея поступали въ монахи, и посвящали себя вполнѣ дѣлу просвѣщенія народа.

III.

При царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ кіевскихъ монаховъ выписывали въ Москву; имъ поручали исправлять священныя книги для печати; они были лучшими помощниками патріарховъ и въ книжномъ дѣлѣ и когда вводили благочиніе въ церковной службѣ и пѣніе по нотамъ. Кіевскіе монахи устроили первыя школы въ Москвѣ, обучали молодыхъ бояръ и дворянъ древнимъ языкамъ и разнымъ наукамъ. Въ одной изъ школъ при монастырѣ учился впослѣдствіи Ломоносовъ.

Самъ государь Алексѣй Михайловичъ обучалъ своихъ дѣтей гораздо лучше, чѣмъ прежде обучались царевичи и царевны. Царевичи обучались латинскому и польскому языкамъ, наукамъ, даже искусству складывать стихи.

Вмѣстѣ со школами появились въ Москвѣ кое-какіе новые обычаи. Заѣзжіе нѣмцы устроили при дворѣ театральныя представленія. Забава понравилась. Нѣмцамъ поручили обучить нѣсколькихъ русскихъ театральному искусству, и въ Москвѣ устроился русскій придворный театръ. Появились иностранные музыканты, игравшіе на трубахъ и скрипкахъ.

По домамъ богатыхъ бояръ завелась иностранная мебель вмѣсто прежнихъ скамей и лавокъ; стали русскіе покупать часы, зеркала.

Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву.

IV.

Нѣмецкая слобода около Москвы, въ которой поселились нѣмецкіе мастера, купцы и приказчики, становилась все больше и многолюднѣй. Многіе русскіе люди не чуждались иноземцевъ, знакомились съ ними.

Послѣ разгрома Смутнаго времени русскіе люди готовы были многое измѣнить на Руси; съ любопытствомъ присматривались они къ жизни иноземцевъ, къ порядкамъ въ другихъ государствахъ и полагали, что многое слѣдуетъ перенять у нихъ. Находили, что нужно позаботиться объ образованіи, въ которомъ отстали отъ иноземцевъ; находили, что для пользы народа необходимо завести новые промыслы и ремесла, чтобы русскіе люди получали больше доходовъ; со старыми доходами подати народу тяжело было платить.

Но были люди другихъ мыслей; такіе люди полагали, что кіевляне, какъ и греки, не тверды въ православіи; кіевскіе монахи, говорили они, только портятъ московское православіе, учиться у нихъ не слѣдуетъ; не слѣдуетъ ничего перенимать у иноземцевъ, потому что они чужой вѣры; а жить нужно по старинѣ, по простотѣ; предки не учились греческимъ и кіевскимъ наукамъ, и намъ не слѣдуетъ учиться.

Патріархъ Никонъ и расколъ въ русской Церкви.

I.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича патріархомъ московскимъ былъ Никонъ. Патріархъ Никонъ былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ сынъ крестьянина и родился въ селѣ близъ

Никонъ, патріархъ московскій.

Нижняго-Новгорода. При крещеніи его назвали Никитой. Нелегко жилось ему въ дѣтствѣ. Онъ рано остался сиротой, и отецъ его женился во второй разъ на женщинѣ сварливой и злой. Сразу не взлюбила она своего пасынка. Не видалъ отъ нея Никита ни одной ласки, не слыхалъ ни одного добраго слова, слыхалъ только брань до попреки. И сталъ онъ самъ озлобляться противъ нея и противъ всѣхъ. Онъ сдѣлался упрямымъ, угрюмымъ, неразговорчивымъ, сталъ удаляться отъ всѣхъ и подолгу предаваться своимъ грустнымъ думамъ. Когда же онъ выучился читать, то сталъ находить отраду и утѣшеніе въ книгахъ. Не понравились мачехѣ его занятія, и не было конца ея преслѣдованіямъ. Невтерпежъ стало Никитѣ, и скрылся онъ отъ нея въ ближній монастырь. Впослѣдствіи, выйдя изъ монастыря и вернувшись на родину, онъ женился и имѣлъ троихъ дѣтей. Къ великому своему горю, онъ скоро ихъ потерялъ. Это его такъ потрясло, что онъ уговорилъ жену постричься въ монахини, самъ же тоже удалился въ скитъ на Бѣлое море и постригся тамъ подъ именемъ Никона. Слава его подвижни-

ческой жизни пошла далеко. Заслуги его были такъ велики, что его скоро сдѣлали игумномъ этого монастыря. По обычаю того времени, онъ долженъ былъ явиться въ Москву, представиться царю Алексѣю Михайловичу. Его умъ, рѣшительная рѣчь и начитанность понравились царю, и онъ оставилъ Никона въ Москвѣ. Потомъ Никонъ былъ посвященъ въ митрополиты Новгорода. Въ Новгородѣ вспыхнулъ въ это время страшный бунтъ. Своими рѣшительными, разумными дѣйствіями Никонъ усмирилъ мятежниковъ и этимъ пріобрѣлъ еще большее расположеніе царя. По желанію Алексѣя Михайловича, Никонъ вернулся въ Москву и былъ посвященъ въ патріархи.

II.

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ обратилъ вниманіе на церковныя книги. Прежде церковныя книги не печатались, а списывались монахами съ древнихъ греческихъ рукописныхъ книгъ. Черезъ переписываніе въ книги вкрались ошибки. Когда же въ Россіи появилось книгопечатаніе, ошибки изъ рукописныхъ книгъ перешли и въ печатныя. Такъ, въ этихъ книгахъ говорилось, что при совершеніи крестнаго знаменія нужно складывать два пальца, а не три; имя Іисусъ по ошибкѣ писалось „Исусъ“. Замѣтивъ подобныя ошибки, Никонъ созвалъ соборъ изъ духовныхъ лицъ для исправленія этихъ книгъ. Отпечатавъ потомъ исправленныя книги, Никонъ разослалъ ихъ по церквамъ и велѣлъ молиться по нимъ, старыя же приказалъ отбирать. Но не такъ легко ввести какое-нибудь измѣненіе. Для этого недостаточно силы и власти, нужно и терпѣніе, котораго у Никона не было. Никонъ былъ человѣкъ властолюбивый, упрямый, крутой. Было у него много друзей, но было и много недруговъ. Не любило Никона духовенство за его слишкомъ крутое обращеніе съ нимъ. Никонъ всегда слѣдилъ, чтобы духовные строго относились къ своимъ обязанностямъ, аккуратно исполняли службу, неисполнительныхъ патріархъ преслѣдовалъ. Когда же Никонъ потребовалъ уничтожить старыя книги, въ душеспасительность которыхъ вѣрилъ народъ, многіе изъ духовенства открыто возстали противъ него. Къ духовенству присоединились и другіе враги Никона—бояре, которые не любили Никона за его властолюбіе и высокомѣріе. Поднялся ропотъ на патріарха и среди простого народа. Въ числѣ недовольныхъ особенно выдѣлялись Никита Пустосвятъ и Аввакумъ. Они называли Никона еретикомъ и беззаконникомъ. Аввакумъ писалъ книги противъ Никона и распространялъ ихъ въ народѣ. Никита и другіе недовольные убѣждали народъ не брать грѣха на душу, не молиться по новымъ книгамъ, лучше совсѣмъ не ходить въ православную церковь. Тогда многіе стали, дѣйствительно, отдѣляться отъ православной Церкви. Никонъ жестоко преслѣдовалъ недовольныхъ; они бѣжали отъ преслѣдованій изъ городовъ и деревень и селились въ лѣсахъ. Здѣсь они устраивали цѣлыя общины, строили скиты, принимали къ себѣ священниковъ и продолжали молиться по старымъ книгамъ. Эти-то люди, отдѣлившіеся отъ православной Церкви, и получили названіе раскольниковъ или старовѣровъ. Самая же смута церковная называется расколомъ. Раскольниковъ много и теперь въ нашемъ отечествѣ, особенно въ средней и сѣверной Россіи.

III.

Тяжело было патріарху. Всѣ были противъ него, только царь былъ на его сторонѣ. Скоро патріархъ лишился и

Судъ надъ Никономъ.

его расположенія. Бояре и духовенство уже давно старались поссорить царя съ Никономъ; исполнить это теперь было нетрудно. Властолюбіе Никона уже тяготило царя; бояре же при всякомъ удобномъ случаѣ наговаривали царю на Никона, указывали на его недостатки, его властолюбіе. Царь все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ своему любимцу. Скоро произошелъ окончательный разрывъ царя съ патріархомъ. Ссора начинается тѣмъ, что Никона не приглашаютъ на одно изъ придворныхъ празднествъ; Никонъ посылаетъ слугу узнать въ чемъ дѣло; съ посланнымъ обходятся грубо; Никонъ требуетъ у царя объясненія и правосудія; царь обѣщаетъ объясниться, но избѣгаетъ свиданія съ Никономъ. Дошло даже до того, что набожный царь не пришелъ однажды въ церковь. Тогда только Никонъ понялъ, что царь на него гнѣвается и что пришелъ конецъ его власти. Скоро послѣдовало и запрещеніе царя именовать Никона великимъ государемъ. Тяжелый ударъ былъ нанесенъ этимъ самолюбію Никона; оскорбленный до глубины души, онъ всенародно въ соборѣ отказывается отъ патріаршества. Народъ приходитъ въ смятеніе; Никона уговариваютъ остаться; онъ упорствуетъ; царю даютъ знать о случившемся; царь посылаетъ узнать, почему патріархъ оставляетъ свой санъ; Никонъ отвѣчаетъ, что уходитъ отъ царскаго гнѣва. Въ тотъ же день онъ уѣзжаетъ въ свой любимый монастырь. Въ душѣ Никонъ не думалъ оставлять сана. Онъ хотѣлъ, чтобы царь самъ созналъ свою несправедливость и пришелъ его уговаривать; но царь не показался. Въ это время сильнѣе прежняго поднялись раскольники; пока Никонъ былъ въ силѣ, они боялись дѣйствовать смѣло; съ его паденіемъ голоса раскольниковъ стали раздаваться рѣшительнѣе; появилось много ложныхъ ученій; расколъ росъ и распространялся по всей Руси. Для уничтоженія раскола и суда надъ Никономъ, самовольно отказавшимся отъ

патріаршества, нужно было созвать духовный соборъ, такъ какъ только онъ могъ судить патріарха. Самъ царь со слезами на глазахъ явился на этомъ соборѣ обвинителемъ своего бывшаго друга. Никона обвиняли, главнымъ образомъ, въ своеволіи и неподчиненіи царю. Царь ни въ чемъ не уступалъ Никону, не уступалъ и Никонъ. Нужно было Никону только немного смириться, и царь былъ бы готовъ простить его. Но упрямый патріархъ гордо стоялъ, поднявъ голову, опершись на свой посохъ; на обвиненія онъ отвѣчалъ обвиненіями; этимъ еще больше онъ вооружилъ противъ себя царя и соборъ. Наконецъ послѣдовало рѣшеніе собора: книги, исправленныя Никономъ, соборъ одобрилъ; раскольниковъ заставили покаяться; непокорныхъ отправили на крайній сѣверъ. Никонъ былъ осужденъ: его лишили сана и простымъ монахомъ отправили въ дальній монастырь.

IV.

Тяжело показалось Никону въ ссылкѣ. Онъ привыкъ къ власти, — здѣсь ея не было, онъ привыкъ ко всеобщему уваженію, — его оскорбили и унизили. Сильно подѣйствовало это на его упрямый характеръ; перенесенныя страданія подорвали его здоровье: онъ замѣтно слабѣлъ; не выдержалъ, наконецъ, старецъ; сломилось его упрямство. Посылаетъ онъ слезное посланіе царю Алексѣю съ жалобой на свою тяжелую жизнь и съ просьбой смягчить его участь. Однако до самой кончины Алексѣя Михайловича Никонъ оставался въ монастырѣ. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича ему позволено было вернуться въ Москву. Радостно принялъ больной дряхлый старикъ эту вѣсть и отправился въ дорогу. Часть пути ему пришлось совершить водою. Онъ былъ уже настолько слабъ, что не сидѣлъ, а лежалъ въ лодкѣ. Вездѣ по берегамъ изъ селъ и деревень стекался народъ, прося у старца благословенія, и онъ осѣнялъ слѣдовавшую за нимъ толпу крестнымъ знаменіемъ. Когда лодка приблизилась къ Ярославлю, толпа бросилась въ воду и вытащила лодку на берегъ. Никонъ былъ уже въ совершенномъ изнеможеніи и ничего не могъ говорить. Народъ цѣловалъ ему руки и ноги. День склонялся къ вечеру; благовѣстили къ вечернѣ. Никонъ ободрился, оглянулся вокругъ себя и началъ оправляться, какъ будто готовясь въ путь. Тутъ стало понятно, что наступаетъ его послѣдній часъ, и ему начали читать отходную. Никонъ сложилъ руки на груди и скончался. Въ это время по дорогѣ изъ Москвы ѣхала царская карета, высланная царемъ Ѳеодоромъ навстрѣчу бывшему патріарху.

Казачество.

I.

Безправное состояніе всѣхъ, и въ особенности низшихъ классовъ населенія, бѣдность и нищета приводили въ отчаяніе и озлобляли русскаго человѣка, привыкшаго вообще къ терпѣнію. Невмочь многимъ приходились казенное тягло, воеводское управленіе, крестьянская неволя. Поэтому въ то время возникали бунты и мятежи въ разныхъ городахъ, не исключая и самой столицы; многіе крестьяне, холопы, посадскіе люди легко бросали свои дома, деревни, города и бѣжали, куда глаза глядятъ, лишь бы избавиться отъ невыносимой службы, тягла и неволи. Такіе бѣглецы получили общее названіе „гулящихъ людей“. Правительство высылало особыхъ сыщиковъ съ той цѣлью, чтобы разыскивать бѣглыхъ, наказывать ихъ и во-

дворять на старомъ мѣстѣ жительства; въ Москвѣ полагали, что такой мѣры достаточно для прекращенія бѣгства людей цѣлыми массами съ родныхъ, насиженныхъ мѣстъ. Часть гулящихъ людей уходила въ степь, въ лѣса, на Волгу и занималась тамъ разбоемъ.

II.

Но больше всего гулящіе люди шли на привольный Донъ, въ казацкія станицы. Всѣхъ привлекало тамъ вольное житье казаковъ, не знавшихъ ни тягла, ни обязательной службы, ни воеводскаго управленія. У казаковъ было свое выборное управленіе. Они раздѣлялись на сотни и десятки, которыми завѣдывали сотники и десятники. Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ казаки сходились на сходку, которая называлась у нихъ „кругомъ“. Во главѣ всѣхъ казаковъ стоялъ выбираемый кругомъ атаманъ съ есауломъ — помощникомъ. Казаки признавали власть московскаго правительства, считались состоящими у него на службѣ, но не отличались большой преданностью и покорностью правительству.

Такъ жили коренные природные казаки, которые начали селиться на Дону съ XV вѣка.

III.

Бѣглый людъ, толпами приходившій сюда въ XVII вѣкѣ, также называлъ себя казаками; старожилы не препятствовали имъ селиться рядомъ: мѣста было много. Отъ нихъ сторонились только зажиточные, домовитые казаки, желавшіе жить въ ладу съ московскимъ правительствомъ, которое не признавало этихъ новыхъ самозванцевъ, „воровскихъ“ казаковъ, какъ оно ихъ называло. И сами казаки презрительно звали ихъ „голытьбой“. Эта пришлая голытьба приносила вмѣстѣ съ собой ненависть къ тому порядку, отъ котораго она бѣжала, — ненависть къ боярамъ, приказнымъ, воеводамъ и богатымъ людямъ, которыхъ она считала главными виновниками своихъ бѣдъ.

Отомстить имъ, этимъ „ворогамъ“, устроить во всемъ государствѣ такое же вольное житье, какъ на Дону, было ихъ постояннымъ желаніемъ. И дѣйствительно, добывая себѣ хлѣбъ набѣгами, воровствомъ и разбоями по берегамъ Дона и Волги, голытьба нападала на богатыхъ людей, разоряла воеводскіе и помѣщичьи усадьбы и дворы, но не трогала обыкновенно посадскихъ, рабочій и бѣдный людъ.

Голытьба увлекала съ собой „къ воровству“ и домовитыхъ казаковъ. Иногда такіе набѣги принимали широкіе размѣры, когда нѣсколько тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ какого-нибудь удалого атамана отправлялись „воровать“ по Дону и Волгѣ.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи.

Въ XVI вѣкѣ малороссійское казачество разрослось въ такую грозную силу, что поляки поневолѣ стали побаиваться казаковъ и пытались лишить ихъ тѣхъ правъ, которыми они пользовались. Они опредѣлили число ихъ и занесли ихъ въ списокъ — реестръ; поэтому эти казаки стали называться реестровыми; всѣ остальные казаки должны были обратиться въ крестьянъ и работать на польскихъ пановъ. Казаки, конечно, не могли съ этимъ мириться: вѣдь положеніе крестьянъ было ужасно; они терпѣли отъ своихъ пановъ страшныя притѣсненія. Къ этому присоединилось еще гоненіе за вѣру: уніаты и католики стали всячески издѣваться надъ православными. Тогда вся Украйна заволновалась; то

тамъ, то сямъ стали вспыхивать возстанія; недоставало только человѣка съ сильной волей, умомъ и талантливостью, чтобы сплотить всѣхъ этихъ недовольныхъ въ одну могучую, грозную силу.

Человѣкъ этотъ явился; это былъ Зиновій Богданъ Хмельницкій. Не безъ причины Богданъ Хмельницкій сдѣлался заклятымъ врагомъ Польши. Онъ самъ на себѣ испыталъ всю тягость польской неволи. Хмельницкій жилъ съ семьей на своемъ хуторѣ близъ Чигирина. Хуторъ этотъ понравился пану Чаплинскому; онъ отнялъ его у Хмельницкаго со всѣмъ добромъ, сына его засѣкъ до смерти, а съ женою его повѣнчался. Напрасно искалъ Хмельницкій правды на судѣ. Тогда онъ поѣхалъ съ жалобой къ польскому королю, но король былъ безсиленъ противъ самовластнаго панства. „У васъ, казаковъ, есть сабли“, сказалъ онъ.

Вернувшись изъ Польши, Хмельницкій собралъ самыхъ надежныхъ казаковъ и сталъ съ ними подготовлять возстаніе. На Хмельницкаго донесли пану Чаплинскому, его главному врагу, и смѣлый заговорщикъ чуть не поплатился жизнью. Онъ, однако, сумѣлъ отвести глаза панамъ и ускользнулъ на Запорожье, а оттуда въ Крымъ къ хану, у котораго просилъ помощи. Богданъ такъ умѣлъ воодушевить казаковъ, что всѣ они готовы были итти за нимъ и, конечно, выбрали его своимъ предводителемъ, гетманомъ. Услыхали поляки, что поднялись на нихъ казаки, что Хмельницкій ведетъ сильное войско; но гордые паны были самонадѣянны: они мечтали нѣсколькими ударами сабель, нѣсколькими пушечными выстрѣлами разогнать казаковъ. Поѣхали они на войну съ холопами, какъ на пиръ, повезли съ собою и серебро, и посуду, и поваровъ, и провизію, и одежды. Зато и поплатились они за свое легкомысліе. Въ первой же битвѣ при Желтыхъ Водахъ поляки потерпѣли полнѣйшее пораженіе.

Поляки встрепенулись, выбрали трехъ знатнѣйшихъ предводителей и послали тогда сильное войско на казаковъ. Казаки вновь обратили ихъ въ бѣгство и опять завладѣли богатою добычею.

Въ это время умеръ польскій король. Хмельницкій понадѣялся на свои побѣды, думалъ, что новый король дастъ казакамъ тѣ льготы, которыхъ они добивались. Онъ пріостановилъ борьбу и торжественно возвратился въ Кіевъ. Народъ встрѣтилъ его, какъ своего избавителя, пушечною пальбою, молебствіемъ, привѣтствіями. Но борьба еще далеко не кончилась. Когда король прислалъ своихъ пановъ и стали толковать объ условіяхъ мира, оказалось, что поляки ни въ чемъ не хотятъ уступить „хлопамъ“.

Тогда поднялась вся Украйна. Кто только могъ, шелъ подъ знамена Хмельницкаго. Безбородые юноши и сѣдые старики, всѣ, у кого цѣлы были руки и ноги, двинулись на своихъ притѣснителей. Самъ король выступилъ противъ Хмельницкаго, но казаки опять побѣдили, разбили польское войско и чуть не взяли въ плѣнъ короля. Полякамъ пришлось хлопотать о мирѣ, и они заключили договоръ съ Хмельницкимъ, по которому обязались увеличить число реестровыхъ казаковъ до 40 тысячъ, исправно платить имъ жалованье, на разныя должности выбирать въ Украйнѣ православныхъ, а кіевскому митрополиту управлять церковными дѣлами и засѣдать въ сенатѣ. Богданъ распустилъ войско, думая, что достигъ цѣли, спасъ своихъ братьевъ отъ притѣсненій, но не тутъ-то было. Какъ только поляки почувствовали себя въ безопасности, они опять отказались отъ своихъ обѣщаній, стали притѣснять хлоповъ, вымещать на

нихъ всѣ свои неудачи, а митрополита такъ и не пустили въ свой сенатъ.

Пришлось Хмельницкому снова начинать войну, но на этотъ разъ счастье его оставило: татары ему измѣнили, а у пановъ нашелся человѣкъ, который могъ помѣриться съ Богданомъ. Это былъ Іеремія Вишневецкій, одинъ изъ самыхъ жестокихъ пановъ, непримиримый врагъ хлоповъ и казаковъ. Въ одной битвѣ татары, шедшіе неохотно въ бой, побѣжали, и казацкое войско было разбито. Хмельницкій съ трудомъ собралъ новыя силы, потому что народъ не вѣрилъ ему, какъ прежде, и онъ уже не могъ съ прежнимъ успѣхомъ бороться съ врагами. Хлопы опять оказались въ полной кабалѣ у пановъ, и вторая неволя стала горше первой.

Тогда Хмельницкій задумалъ искать помощи у царя московскаго Алексѣя Михайловича; онъ завелъ сношенія съ Москвою и узналъ, что русскій царь охотно готовъ принять Украйну подъ свое покровительство. Въ Переяславлѣ назначили общую раду 8 января 1654 г. Собрался народъ, вышли послы московскаго царя, гетманъ и вся войсковая старшина, т.-е. высшіе казацкіе чины; Богданъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Выбирайте изъ четырехъ государей,—говорилъ онъ:—султанъ турецкій не разъ уже засылалъ къ намъ пословъ, ханъ крымскій тоже, но оба они, и тотъ и другой—басурманы; смотрите, чтобы не случилось съ нами, какъ съ греками, которые терпятъ всякія насилія. Третій — король польскій, но о тѣхъ бѣдахъ, какія мы терпѣли отъ ляховъ, и говорить нечего. Четвертый—государь московскій, православный царь восточный, одной съ нами вѣры, одного закона и благочестія; онъ милостиво прислалъ къ намъ своихъ близкихъ людей и готовъ принять насъ подъ свою державную руку. Если его не выберемъ, то и не будетъ намъ другого убѣжища!

— Хотимъ подъ царя восточнаго, православнаго! — закричали всѣ. — Не хотимъ доставаться ни басурману ни ляху!

Такъ и закрѣпила себя Украйна за русскимъ царемъ и получила большія льготы: реестровыхъ казаковъ было положено 60 тысячъ, гетмана казаки могли себѣ избирать сами, такъ же и остальное начальство; царь московскій обязался защищать Украйну и отъ поляковъ, и отъ татаръ.

Послали казаки своихъ пословъ въ Москву, и царь утвердилъ этотъ договоръ.

Дѣтскіе годы Петра Великаго.

Дѣтство Петра Великаго.

30 мая 1672 года у царя Алексѣя Михайловича отъ второй его жены, Наталіи Кирилловны, родился сынъ. Его окрестили и назвали Петромъ. Царь на радостяхъ сложилъ съ народа недоимки, осужденныхъ помиловалъ, бѣднѣйшимъ роздалъ деньги, придворнымъ и гражданамъ устроилъ во дворцѣ

угощеніе. Три дня звонили въ колокола, палили изъ пушекъ и служили благодарственное молебствіе.

Царевичу дали въ кормилицы княгиню Львову и приставили къ нему двухъ мамокъ и нѣсколько нянекъ. Царевичъ росъ на глазахъ матушки царицы, она въ немъ души не чаяла. По третьему году къ нему былъ приставленъ иноземецъ, Павелъ Гавриловичъ Мезеніусъ. Мезеніусъ прежде служилъ разнымъ иностраннымъ королямъ, бывалъ въ разныхъ странствованіяхъ и походахъ и много видалъ на своемъ вѣку. Онъ умѣлъ заохотить царевича своими разсказами и забавами и былъ гораздъ на дѣтскія выдумки. Изъ боярскихъ дѣтей набрали царевичу полкъ „ребятокъ“ - однолѣтокъ, и по приказу царя Мезеніусъ знакомилъ ихъ съ „воинскимъ дѣломъ“. Въ день рожденія царевичу подарили много всякихъ игрушекъ: саблю, пистолетъ, ружье, барабанъ и многое другое. Царевичъ больше всего порадовался саблѣ; сейчасъ пристегнулъ ее къ поясу и пошелъ гремѣть ею по царскимъ покоямъ; не разстается съ ней ни днемъ ни ночью,— куда ни пойдетъ и саблю тащитъ за собой, а на ночь, засыпая, кладетъ подъ изголовьице. Заводилъ онъ съ своими ребятками разныя военныя потѣхи: забьетъ въ барабанъ, дѣти бѣгутъ строиться въ шеренгу, идутъ въ ногу „разъ-два“, каждый выдѣлываетъ ружейныя штуки; или затрубитъ въ рогъ,— всѣ вскакиваютъ на палочки и, топоча ногами, скачутъ будто на коняхъ, царевичъ машетъ саблей, а ребята, глядя на него, продѣлываютъ то же самое. Всѣми забавами орудовалъ Мезеніусъ. Онъ знакомилъ царевича съ ратнымъ дѣломъ у чужестранныхъ королей и разсказывалъ объ иноземцахъ. По четвертому году царевичъ лишился отца; его мѣсто заступилъ старшій сынъ Ѳеодоръ.

Зотовъ обучаетъ Петра.

Какъ учился Петръ.

I.

Царевичу Петру минуло пять лѣтъ; пришло время посадить его за указку. Стали ему искать подходящаго учителя,— нравомъ кроткаго, смирнаго и сильнаго въ божественномъ писаніи. Доложили царю Ѳеодору, что сыскался такой учитель,— Никита Моисеевичъ Зотовъ. Позвали его во дворецъ и велѣли ему дожидаться. Зотовъ не зналъ, по какому дѣлу его потребовали. Вошелъ комнатный и спросилъ: „Кто здѣсь Никита Зотовъ?“ Зотовъ объявился. „Государь изволитъ тебя спрашивать“. Оробѣвшій Зотовъ не можетъ съ мѣста двинуться. Комнатный взялъ его за руку и повелъ. У дверей Зотовъ перекрестился и вошелъ въ царскіе покои. Царь Ѳеодоръ принялъ милостиво и пожаловалъ къ рукѣ. Тутъ

прежній учитель Семенъ Полоцкій приказалъ ему писать. Онъ сѣлъ и сталъ писать. Потомъ сказалъ ему читать. Семенъ Полоцкій сказалъ: „Хорошо, ступай къ царицѣ". Зотова повели къ царицѣ Наталіи. Когда онъ вошелъ, царица подвела Петра къ Зотову и сказала: „Прослышала я, что ты житья благаго и въ божественномъ писаніи силенъ, прими его и научи божественной мудрости, страху Божью, благочинному житью и писанію". Услыша повелѣніе царицы, Зотовъ упалъ къ ногамъ царевича и сказалъ: „Не достоинъ я принять на себя такое великое дѣло". Царица велѣла ему встать и сказала: „Прими отъ рукъ моихъ отрока, не отрицайся, я слышала о твоей добродѣтельной жизни и смиреніи", и пожаловала его къ рукѣ, а на утро велѣла приходить обучать царевича.

II.

На другой день приходитъ Зотовъ въ покои царевича, а тамъ уже сидятъ: царь Ѳеодоръ, царица Наталія, царскіе родичи и патріархъ. Патріархъ прочелъ молитву, окропилъ царевича святой водой, благословилъ и передалъ Зотову. Зотовъ поклонился царевичу до земли, посадилъ на мѣсто и началъ ученье. Послѣ ученья учителя богато одарили: царь пожаловалъ ему дворъ, царица—двѣ пары новаго платья и весь уборъ къ нему, а патріархъ—сто рублей деньгами.

Петръ учился бойко. Послѣ Часослова, Псалтири, Дѣянія святыхъ апостоловъ и Евангелія онъ сталъ учиться писать по прописямъ. Въ свободное время Зотовъ училъ его *исторіи и географіи*. Зотовъ разсказывалъ ему о дѣяніяхъ великихъ князей. Говорилъ ему о разныхъ наукахъ, какія государю надлежитъ знать. А чтобы науки давались ему легче, Зотовъ показывалъ на картинкахъ: башни, города, крѣпости, сраженія, портреты королей, славныхъ воиновъ, рисунки разныхъ звѣрей и птицъ всякихъ. Этими картинками Зотовъ украсилъ всѣ стѣны; идетъ Петръ по комнатамъ и читаетъ, что каждая картинка обозначаетъ; Петру было занятно такое ученье. Мальчикъ онъ былъ живой, смышленый, что затвердитъ или увидитъ, сейчасъ къ дѣлу приложитъ.

Иной разъ выйдетъ царевичъ на улицу, соберетъ своихъ ребятъ-одногодѣтокъ и начнетъ въ войну играть: строить заводы, крѣпости, нападаетъ на города, беретъ ихъ приступомъ. Или же разобьетъ свою команду на двѣ кучи, одною самъ командуетъ, а другую ведетъ кто-нибудь изъ сверстниковъ, кто поспособнѣе, и начинается бой. Бояре прозвали его ребятъ *потѣшными*.

III.

Среди такихъ его потѣхъ умеръ царь Ѳеодоръ и не указалъ, кому царствомъ править — Ивану царевичу или Петру царевичу. Иванъ царевичъ былъ слабъ тѣломъ и обиженъ разумомъ, а Петру царевичу еще не вышли года. Бояре собрались во дворецъ; одни стали за Ивана, другіе — за Петра. Чтобы не вышло смуты какой, патріархъ спросилъ народъ: „Кому царствомъ править?"—„Петра, Петра хотимъ!" закричалъ народъ. Когда спросили Ивана, онъ сказалъ: „Надлежитъ быть царемъ брату моему Петру, потому его мать царица Наталія жива".

Царевичъ Петръ былъ выбранъ на царство, а за его малолѣтствомъ управляла мать его. Народъ и всѣ чины присягнули имъ на вѣрность.

Задача. Передайте содержаніе каждой части разсказа.

Нѣмецкая слобода.

Издавна, по вызову царей, являлись въ Россію изъ чужедальнихъ странъ

иноземные люди. Селились подъ Москвой отдѣльной слободой „Нѣмецкой“. При Петрѣ „Нѣмецкая слобода“ состояла изъ двухъ прямыхъ улицъ, имѣя нѣсколько церквей и школъ. Проживали тутъ люди всякаго званія и мастерства: литейщики, оружейники, пушкари, ратники, аптекаря, доктора и всякій другой народъ. Въ этой слободѣ жили начальники иноземнаго войска, Гордонъ и Лефортъ, а также Тиммерманъ, Брантъ и другіе. Лефортъ свелъ однажды Петра въ Нѣмецкую слободу и перезнакомилъ со всѣми иностранцами. Съ этого времени Петръ часто посѣщалъ Нѣмецкую слободу.

Послѣ денныхъ трудовъ Петръ шелъ отдохнуть и повеселиться къ иностранцамъ. Собирались по очереди, то у одного, то у другого; всего чаще собирались у Лефорта. Съ Петромъ хаживали въ слободу Шереметьевъ, Голицынъ, Апраксинъ, Нарышкинъ и другіе. Въ слободкѣ жили, кромѣ Тиммермана, Бранта, Лефорта, Гордона съ женой, трактирщикъ Монсъ съ дочками и другіе. Жизнь у нихъ была простая, вольная. Не было тѣхъ строгостей, какъ въ Москвѣ. Мужчины, женщины, дѣвицы сходились запросто. Придутъ, сядутъ, угощаются виномъ, пивомъ, медомъ, сластями. Послѣ угощеній хоромъ пѣсни поютъ или музыку заводятъ, каждый въ свой инструментъ играетъ, либо танцуютъ. Петръ не отставалъ отъ другихъ. У Лефорта онъ познакомился съ дочками Монса. Младшая дочь Аннушка спрашивала Петра: „Что это дѣвокъ и бабъ не видать на Москвѣ? У насъ, въ Нѣметчинѣ, дѣвки ходятъ по улицѣ безъ опаски, безъ зазору, бываютъ въ театрахъ, на гуляніяхъ, играютъ съ парнями, танцуютъ, ходятъ подъ ручки; на лица свои бѣлилъ и румянъ не кладутъ, ходятъ безъ покрывала. У насъ это не зазорно, а у васъ даже въ церковь нельзя показаться безъ кокошника или покрывала, а покажется дѣвка на улицѣ и совсѣмъ пропащей сочтутъ“. Петру было занятно слушать эти рѣчи, а еще занятнѣе было, когда Гордонъ или Лефортъ заводили разговоры объ иноземномъ войскѣ, о томъ, какъ оно у нихъ обучено, какъ одѣто; о томъ, что корабли ихъ точно терема большіе — по морямъ и рѣкамъ ходятъ, разомъ тысячъ 20—30 пудовъ поднимаютъ; говорили еще о томъ, что самые лучшіе корабли строятся въ Голландіи, что голландцы на этотъ счетъ первые мастера въ свѣтѣ, что между однимъ городомъ и другимъ у нихъ проложены шоссейныя (мощеныя) дороги, что рѣки соединены каналами, что въ каждомъ селѣ есть школа, кирха (церковь), докторъ, аптека, что дѣти съ малолѣтства обучены грамотѣ, ариѳметикѣ, географіи и о многомъ другомъ говорили. По душѣ ему была эта жизнь. И въ этихъ забавахъ забывалъ онъ про свою тревожную жизнь. А какъ вспомнитъ и бояръ, и стрѣльцовъ, и бѣдноту, и темноту народа, и станетъ на душѣ его смутно, тяжело, и захочется ему, чтобы все было хорошо, какъ тамъ въ Нѣметчинѣ, у иноземцевъ. А какъ это сдѣлать и не знаетъ, а одному несподручно поднять такое дѣло. Отъ этихъ разговоровъ еще пуще стала забирать его охота учиться. Онъ и самъ бы не прочь съѣздить въ чужія страны поучиться многому, да не приспѣло еще время. И сталъ онъ заходить въ Нѣмецкую слободу чаще и чаще; Петръ понемногу перенялъ покрой ихъ платья, сталъ одѣваться въ нѣмецкій кафтанъ, а Лефортъ одѣлъ потѣшное войско въ иноземное платье, всѣхъ по одному образцу.

Изъ разговоровъ съ иностранцами увидѣлъ Петръ большіе недостатки въ русскомъ государствѣ: у насъ и войско плохо вооружено, плохо обучено, и промыслы и торговля плохо идутъ, и

управленіе плохое — воеводы и приказные только взятки умѣютъ брать; въ народѣ невѣжество, суевѣрія. И понялъ онъ, что нужно русскимъ учиться у иноземцевъ, нужно заводить въ Россіи европейскіе порядки и европейское просвѣщеніе.

Петръ Великій. Со стат. *М. М. Антокольскаго.*

Путешествіе Петра за границу.

I.

Если наши домосѣдливые предки въ древности выѣзжали изъ отечества, то почти исключительно на востокъ: въ Византію и въ Палестину. Насчетъ Запада было вообще такое мнѣніе, что тамъ живутъ еретики, латыняне; а съ ними не слѣдуетъ ѣсть и пить вмѣстѣ и даже давать имъ свою посуду, ибо они де поганые: ѣдятъ лой и хвостъ бобровъ. Боялись этихъ латынянъ особенно потому, что, какъ говорили, если русскій человѣкъ къ нимъ поѣдетъ, то свою вѣру забудетъ.

Однако эти опасные латыняне давали чувствовать нужду въ своихъ услугахъ: они изобрѣли порохъ, пушки, прославились умѣньемъ лѣчить, наконецъ, они умѣли строить каменныя церкви. Все это было нужно. Пришлось намъ звать къ себѣ нежелательныхъ гостей въ качествѣ учителей. Всякій разъ посольствамъ нашимъ бывалъ наказъ привезти пушкарей, литейщиковъ, архитекторовъ и даже музыкантовъ, но рѣдко удавалось заполучать этихъ нужныхъ людей.

II.

Бывало и такъ, что правители наши посылали русскихъ людей учиться за море. Такъ, при Грозномъ Быковъ посланъ былъ „въ науку за море въ Германію: тамъ пребывалъ не мало лѣтъ и объѣздилъ всю землю нѣмецкую“. Борисъ Годуновъ посылалъ молодыхъ людей въ Англію, Францію и Австрію. Наконецъ между Москвой и Нѣмецкой слободой, куда подозрительные предки наши выдѣлили иностранцевъ, образовалось болѣе общительности. Прежде побывать москвичу въ Нѣмецкой слободѣ было зазорно: онъ тамъ могъ видѣть „вещи неподобныя: какъ нѣмцы пьютъ табакъ ртомъ и носомъ“ и какъ ихъ жены выходятъ съ мужьями къ чужимъ людямъ. Послѣ такого посѣщенія русскій молодой человѣкъ уже не могъ разсчитывать на хорошую невѣсту и терялъ свое доброе имя. Но при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ зазоръ этотъ кончился, и царевичъ Петръ много времени проводилъ съ нѣмцами.

III.

Петръ возросъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него возросло желаніе вывести Рос-

сію изъ того страннаго и смѣшного положенія, въ которомъ она находилась въ глазахъ Европы. И это не былъ ложный стыдъ: Петръ понималъ, что надъ ними смѣяться стоило. Сколько столѣтій мы нуждались въ иностранцахъ, сколько разъ призывали ихъ и не могли ничему научиться! Но какъ это сдѣлать? Чего недоставало намъ? Многаго, а именно: науки и науки. Учиться у иностранцевъ за границей, учиться изо всѣхъ силъ нужно было русскимъ людямъ.

Въ то время, какъ на Западѣ никто не сомнѣвался во вращеніи земли вокругъ солнца, Россія чуть не поголовно вѣрила въ трехъ пресловутыхъ китовъ и представляла себѣ небо въ видѣ семи колпаковъ. Убить предразсудки, ввести положительныя науки, обогатить, укрѣпить государство — вотъ чего страстно хотѣлось Петру. Россія — это была огромная школа, а Петръ — учитель. Но насколько былъ просвѣщенъ самъ Петръ, чтобы просвѣщать своихъ учениковъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ отправимся мы за нимъ въ его заграничное путешествіе.

IV.

Маленькій, очень маленькій домикъ занялъ этотъ великій человѣкъ въ Голландіи, надѣлъ на себя рабочую куртку, такую же шляпу, завелъ матросскую трубку, пилъ пиво и дружилъ съ простыми рабочими, работалъ, не покладая рукъ. Все ремесло кораблестроенія изучалъ онъ какъ нельзя болѣе старательно и потребовалъ себѣ аттестата, по которому царь могъ служить шкиперомъ, плотникомъ или столяромъ. Онъ привезъ съ собою и молодыхъ людей, чтобы работали подобно ему и получили подобные же аттестаты. Зорко смотрѣлъ онъ за всѣми ими и изъ всѣхъ ихъ особенно полюбилъ Меньшикова, который ужъ хорошо рубилъ мачты своими здоровенными руками. Царь бралъ топоръ и состязался съ любимцемъ. Увлекаясь мастерствомъ, не забывалъ царь другихъ нуждъ своихъ и другихъ сторонъ заграничной жизни. Привлекали его медицинскія училища, музеи, кунсткамеры. Вотъ беретъ онъ своихъ спутниковъ и отправляется знакомиться съ анатоміей. Онъ смотритъ внимательно, учится, а молодые москвичи морщатся и сторонятся. Крутой царь рѣшается проучить ихъ по-своему, по-московски, и заставляетъ брезгливыхъ юношей зубами тянуть жилы изъ трупа; средство сильное, но не приведшее къ желаемому результату: москвичи не заинтересовались медициной.

V

Посмотримъ теперь на молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ учиться за границу, посмотримъ, что они тамъ дѣлали и чѣмъ становились по пріѣздѣ въ Россію. Главною цѣлью ихъ должно было стать хорошими моряками. Въ первый разъ отправлено было въ Италію 28, въ Англію и Голландію — 22 человѣка изъ придворныхъ спальниковъ. Изнѣженные московскіе юноши ѣхали не съ особеннымъ удовольствіемъ. Одинъ выражается такъ: „Опредѣленъ я въ первое мое несчастіе въ науку за море“. Однако надо было терпѣть это несчастіе. И вотъ другой пишетъ изъ Голландіи: „Житіе мое самое бѣдственное и трудное. Наука самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего въ той наукѣ трудиться, ничего понять не могу, потому что языка здѣшняго не знаю, да къ тому же на водѣ я каждый разъ весьма боленъ морскою болѣзнью“. И вотъ многіе изъ этихъ учащихся стали проситься назадъ въ свои боярскія хоромы. Немногіе изъ нихъ научились тому, для чего были посланы.

Реформы Петра.

I.

Съ первыхъ же дней по возвращеніи изъ-за границы Петръ круто повернулъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, объявивъ для начала безпощадную войну наружнымъ формамъ русской жизни.

По наружному виду русскіе рѣзко отличались отъ всѣхъ европейцевъ. Бороды и усовъ русскіе не стригли и за грѣхъ брадобритіе почитали. Одежду носили широкую и длинную, располагающую къ нѣгѣ и покою, и совсѣмъ неудобную для работы.

На другой же день послѣ пріѣзда Петра изъ-за границы царедворцы и вельможи явились во дворецъ поклониться государю, съ пріѣздомъ его поздравить. Петръ привѣтливо здоровался со всѣми, не позволялъ кланяться въ ноги, многихъ обнялъ и поцѣловалъ, но тутъ же, къ всеобщему ужасу, собственною рукою, смѣясь, обрѣзалъ бороды самымъ знатнѣйшимъ вельможамъ. За царемъ и придворные смѣялись, но у многихъ изъ нихъ на лицѣ былъ страхъ написанъ, а изъ глазъ капали слезы.

Черезъ нѣсколько дней, на большомъ пиру, среди общаго веселья, то же самое повторилось: царскій шутъ съ ножницами въ рукахъ схватитъ за бороду то одного боярина, то другого и мигомъ обрѣжетъ завѣтное украшеніе. Три дня спустя на вечерѣ у Лефорта бородачей уже не видно было. Послѣ того царскимъ указомъ предписано: брить бороды всѣмъ, кромѣ крестьянъ и духовенства.

Многіе старики, обрившіе бороду, наказывали роднымъ положить ее съ ними въ гробъ, чтобы не явиться на Страшномъ Судѣ въ грѣховномъ видѣ. Другіе спрашивали отцовъ духовныхъ:

Задача. Разскажите, что здѣсь изображено.

брить ли бороду, или, для спасенія души, платиться за бороду головою. Митрополитъ Дмитрій Ростовскій на это такъ отвѣтилъ: „Коли сбрить бороду, такъ она еще и отрасти можетъ, а если снять голову, такъ та не отрастетъ уже больше“.

II.

Объявилъ Петръ войну и длиннополымъ кафтанамъ. На одномъ пиру царь собственноручно обрѣзалъ у многихъ длинные рукава и сказалъ, что такое платье мѣшаетъ въ работѣ, да и на пиру не годится: легко задѣть что-нибудь и опрокинуть. Издалъ царь указъ, чтобы всѣ, кромѣ крестьянъ и духовенства, носили бы короткое платье европейскаго покроя.

Въ концѣ 1698 года была установлена бородовая пошлина для тѣхъ, кто желалъ спасти свои бороды. Сохранился мѣдный знакъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ усовъ и бороды, со словами *деньги взяты*. Въ 1705 году царь предоставилъ на выборъ — или отказаться отъ бороды или платить за нее ежегодную дань.

III.

Петръ запретилъ родителямъ устраивать браки безъ согласія на то дѣтей. Затѣмъ Петръ запретилъ держать женщинъ взаперти. Всѣ сколько-нибудь знатные люди должны были выѣзжать въ гости непремѣнно съ женами и дочерьми.

Для того, чтобы женщины и мужчины могли часто встрѣчаться, поговорить другъ съ другомъ и весело время провести, Петръ завелъ *ассамблеи* — вечернія собранія, на которыхъ непремѣнно должны были бывать и женщины. Каждый знатный человѣкъ долженъ былъ устраивать у себя по временамъ такія собранія, долженъ былъ приготовить для гостей нѣсколько комнатъ, музыку и кое-какое угощеніе. Въ назначенный день сходились званые и незваные, всякаго сословія люди, и князья, и купцы, и ремесленники. Каждый приходилъ и уходилъ когда угодно. Встрѣчать гостя, усаживать, провожать его запрещено было. Каждый гость могъ веселиться, какъ ему угодно. Мужчины играли въ шашки, курили, пили, толковали; молодежь (и женщины и мужчины) плясали подъ музыку. Отказываться отъ пляски женщины не могли, кто только пойдетъ, сдѣлаетъ положенное число поклоновъ, съ тѣмъ и надо было итти плясать, хоть будь онъ самый незнатный человѣкъ. Нерѣдко Петръ самъ заходилъ въ ассамблею, усаживался играть въ шашки съ какимъ-нибудь иностраннымъ морякомъ, курилъ, пилъ пиво, толковалъ съ разными людьми, и все это запросто, по-дружески, безъ всякихъ чиновъ.

Всѣ эти нововведенія не нравились большинству народа. Они были противны вѣковымъ обычаямъ и къ тому же вводились съ большой строгостью. Петръ былъ суровый и властный по натурѣ своей, и стремился перемѣнить нравы русскихъ людей не добромъ, а принужденіемъ. Несогласныхъ и ослушныхъ онъ наказывалъ съ большой жестокостью. Въ народѣ сильно роптали; распространяли слухи, что изъ-за границы вернулся не настоящій царь, что тамъ нѣмцы подмѣнили его.

Великая Сѣверная война.

I.

Главной заботой Петра по возвращеніи изъ-за границы было сближеніе Россіи съ Западной Европой. Онъ видѣлъ, какъ хорошо устроились народы на Западѣ; видѣлъ, что западные народы искуснѣе во всемъ; зналъ, что Россія давно стремилась къ лучшему устроенію жизни, и рѣшилъ твердыми и быстрыми шагами пойти по дорогѣ, на-

мѣченной еще его предшественниками. Для сближенія съ Западной Европой, для торговли съ Англіей, Германіей и Франціей нужно было имѣть морскія гавани на Балтійскомъ морѣ; часть этого моря еще съ основанія русскаго государства принадлежала Россіи; но потомъ отнята была шведами. Безуспѣшно пытались возвратить его цари Иванъ Грозный и Алексѣй Михайловичъ. Петръ рѣшилъ собрать всѣ силы и добиться своего. Черезъ 2 года послѣ возвращенія изъ-за границы уже началась Великая Сѣверная война со шведами, продолжавшаяся болѣе 20 лѣтъ. Швеція была сильнымъ государствомъ, имѣла прекрасно обученное войско. Петръ зналъ это и вошелъ въ союзъ съ Польшей и Даніей, которыя обѣщали помогать ему въ этой войнѣ.

Въ 1700 году Петръ подступилъ съ своими войсками къ Нарвѣ, шведской крѣпости, стоящей на берегу Балтійскаго моря. Взять Нарву, однако, не удалось Петру. Шведское войско во главѣ съ королемъ Карломъ разбило русскихъ. Вся наша артиллерія досталась шведамъ. Неудача сраженія, однако, не сломила волю Петра. Онъ не унывалъ. „Господа шведы побьютъ насъ, можетъ-быть, и не разъ,—говаривалъ онъ своимъ:—но мы у нихъ же научимся, какъ ихъ побѣждать“. Карлъ, думая, что русскимъ уже не оправиться послѣ пораженія, пошелъ въ Польшу и остался тамъ на нѣсколько лѣтъ.

Петръ этимъ воспользовался, собралъ новое большое войско и снова двинулся на берега Балтійскаго моря.

Вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Меньшиковымъ Петръ явился у устья Невы, взялъ шведскую крѣпость Орѣшекъ (теперь Шлиссельбургъ), и русскіе водворились на завѣтныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Это было лѣтомъ 1703 года. Немедленно они стали строить новый городъ С.-Петербургъ, будущую столицу Россіи.

Карлъ изъ Польши вернулся въ Россію и пошелъ на Москву. Подъ Полтавой Петръ далъ ему сраженіе и разбилъ его на голову. Шведское войско почти все погибло. Многихъ забрали въ плѣнъ. Карлъ бѣжалъ въ Турцію.

II.

Послѣ Мамаева побоища никакая битва такъ не радовала русскихъ, какъ полтавская: всѣ поняли, что шведы уже намъ не опасны. Много шуму надѣлала эта битва и за границей. Европейцы повѣрили теперь, что русскіе—не дикари въ родѣ татаръ или самоѣдовъ, а сильный народъ, способный на великія дѣла.

Послѣ Полтавской побѣды еще 12 лѣтъ Швеція не заключала мира съ Россіей. Война шла потихоньку. Наши войска укрѣпились въ Эстляндіи, Лифляндіи, взяли часть Курляндіи и Финляндіи (Выборгъ). Петръ получилъ гораздо больше, чѣмъ ожидалъ въ началѣ войны; не только устье Невы, а и берега Балтійскаго моря принадлежали ему.

Еще съ основанія Петербурга приступили къ постройкѣ кораблей на новыхъ водахъ. Нашъ молодой флотъ началъ грозить шведамъ съ моря и одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ. Наконецъ уже послѣ смерти Карла шведы потеряли надежду вернуть свои земли. Въ 1721 г. они заключили съ Петромъ миръ (Ништадтскій). Завоеванныя земли остались за Россіей.

Пышными праздниками привѣтствовали миръ въ обѣихъ русскихъ столицахъ. Во время праздниковъ Сенатъ поднесъ царю-побѣдителю титулъ императора и прозваніе Великаго. Московское государство съ тѣхъ поръ называется Россійской имперіей.

Вопросы. Для чего нужно было русскимъ Балтійское море? Изъ-за чего произошла война со шведами. Кто по-

могалъ Петру въ этой войнѣ? Почему эта война называется сѣверной? Сколько лѣтъ она продолжалась? Какое значеніе имѣла она для Россіи?

Основаніе Петербурга.

Основаніе Петербурга.

(1703 г.).

I.

Великій русскій поэтъ Пушкинъ удивительно хорошо изобразилъ Петра въ ту минуту, когда царю пришла мысль построить новую столицу:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася, бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...

Надо было видѣть, что такое этотъ лѣсъ и эти туманы.

Лѣсъ—холодный, дремучій, сплошное болото. А гдѣ было и сухое мѣсто, рѣка ежегодно грозила его затопить.

Стоило подняться вѣтру на морѣ, и рѣка оказывалась будто запруженной, морскія волны не пускали ея въ море, гнали ее назадъ, и она бурно разливалась по низкимъ болотистымъ берегамъ.

И вотъ на такомъ-то мѣстѣ русскій царь задумалъ строить городъ.

На новыхъ мѣстахъ не оказалось прежде всего земли. Мохъ и болото—на такомъ мѣстѣ не построишь дома. Надо сначала засыпать болото, высушить его, а потомъ строить.

Надо наносить земли и набросать ее туда, гдѣ она вязнетъ въ грязи и тинѣ. А потомъ и деревья мѣстныя очень плохія.

Лѣсу было сколько угодно, но не строевого, а мелкаго, кривого, почти гнилого уже на корню.

Дуба совсѣмъ не было.

По всѣмъ окрестностямъ Петербурга росли всего два дуба, и за это попали въ большую честь. Царь приказалъ обнести ихъ рѣшеткой, между ними выстроили домикъ, и царь наѣзжалъ сюда лѣтомъ любоваться на море. Въ одномъ изъ дубовъ онъ приказалъ вырубить дупло, и здѣсь хранилась разная посуда на случай царскихъ пріѣздовъ.

Итакъ, значитъ, ни земли ни дерева настоящаго. И еще меньше — камня. Это уже настоящая драгоцѣнность для новой крѣпости. И камень тѣмъ дороже, что онъ требуется и на постройки и еще больше—на улицы, на дороги.

Засыпать болото одной землей мало, надо вымостить камнемъ, иначе не подойдешь и не подъѣдешь къ постройкамъ.

Начались работы. Кругомъ гораздо больше дикихъ звѣрей, чѣмъ людей.

Медвѣди, волки, лисицы, рыси кишатъ въ лѣсахъ.

Особенно много волковъ. Они бродятъ громадными стаями. Они—хозяева всего края. Они долго и потомъ будутъ отвоевывать свою власть у людей, забѣгать въ городъ, нападать на жителей и причинять большія бѣды...

Хлѣба не было. Приходилось выписывать его издалека и ждать подъ страхомъ голодной смерти или жестокихъ болѣзней.

Въ одной народной пѣснѣ поется такъ:

Поутру то было ранымъ-рано,
На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лучей, озеръ подымалися—
Подымалися добры молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые
На капавушку на Ладожску,
На работушку государеву.
Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцевъ,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со дѣтками.

И всѣ эти бѣдные люди оплакиваютъ добра молодца, будто онъ идетъ на муки и на смерть.

И пѣсня говорила правду.

Почти всѣхъ, кто шелъ строить новую столицу, пришлось провожать, прощаться съ ними навсегда.

Указы царь разсылалъ по всему царству, до самыхъ окраинъ, до захолустьевъ Сибири.

Отовсюду, со всѣхъ концовъ Россіи тянутся въ Петербургъ толпы народа. Идутъ люди неохотно, съ мукой и слезами. Они рады убѣжать, и часто бѣгутъ, будто отъ тюрьмы и каторги.

По расчетамъ современниковъ, постройка петербургской крѣпости стоила жизни ста тысячамъ людей.

Такъ дорого обошлось основаніе Петербурга.

Но вотъ городъ основанъ, его надо заселить.

Откуда взять населеніе? Кто охотно пойдетъ въ далекій, холодный, пустынный край?

Приходится—все равно, какъ и рабочихъ — переселять въ Петербургъ строгими указами.

Прежде всего царь опредѣлилъ, сколько купцовъ и дворянъ должны переѣхать изъ городовъ и селъ въ Петербургъ. За купцами и дворянами слѣдовали мастеровые, простые граждане.

Переселенцы переѣзжали, жили въ Петербургѣ нѣкоторое время, потомъ ихъ свидѣтельствовали. Если между ними оказывались бѣдняки, люди маломочные, не сумѣвшіе какъ слѣдуетъ обжиться на новомъ мѣстѣ, имъ разрѣшалось выѣхать изъ Петербурга на родину.

Но другимъ это запрещалось подъ страхомъ суровой кары.

Даже временно покидать Петербургъ нельзя было безъ разрѣшенія Сената, и то не больше, какъ на пять мѣсяцевъ.

II.

Петербургомъ Петръ доволенъ до глубины души. „Истинно, что въ раю здѣсь живешь“, пишетъ онъ въ письмѣ.

И онъ не можетъ не быть доволенъ.

Его завѣтная мечта очень скоро исполняется. О чемъ мечталъ Петръ очень хорошо выразилъ тотъ же Пушкинъ.

Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,—
И запируемъ на просторѣ...

Перваго флага Петербургъ дождался чрезвычайно скоро.

Прошло едва полгода съ тѣхъ поръ, какъ заложенъ Санктъ-Петербургъ, и уже въ устьяхъ Невы встрѣчали голландскій корабль.

Это было цѣлое событіе.

Царь съ великой радостью узналъ о прибытіи перваго иноземнаго корабля въ его край. Приблизиться кораблю къ Петербургу было не безопасно: въ заливѣ находились мели, требовался проводникъ, лоцманъ.

И вотъ что дѣлаетъ царь.

Онъ наряжается матросомъ, садится въ шлюпку и ѣдетъ на корабль. Здѣсь онъ поздравляетъ голландскаго шкипера на голландскомъ языкѣ съ прибытіемъ,—съ первымъ прибытіемъ въ новый портъ, и объявляетъ, что онъ присланъ губернаторомъ проводить корабль до пристани, иначе можно наѣхать на мель.

Шлюпка и корабль счастливо пристаютъ у пристани, на Васильевскомъ островѣ, у дома перваго петербургскаго губернатора Меньшикова.

Здѣсь шкиперу и всѣмъ матросамъ отводится квартира.

Царь вводитъ голландцевъ въ домъ губернатора, усаживаетъ ихъ за столъ, за готовый уже обѣдъ, среди знаменитыхъ вельможъ.

И здѣсь только голландцы догадываются, кто ихъ провожатый. Но имъ не пришлось особенно изумляться. Они знали, что русскій царь былъ въ Голландіи, работалъ какъ простой плотникъ, бывалъ и матросомъ.

А Петръ между тѣмъ радушно угощалъ ихъ, самъ пилъ съ ними, и обѣдъ шелъ очень весело.

Вторымъ приплылъ къ Петербургу англійскій корабль.

Царь усердно угощалъ гостей, подробно разспрашивалъ ихъ объ ихъ путешествіи, объ ихъ товарахъ, пилъ за здоровье короля, англійскаго парламента, за здоровье шкипера и матросовъ.

Первый корабль пріобрѣлъ особенную славу, былъ названъ „Петербургомъ“, всегда пользовался въ русской столицѣ особымъ пріемомъ и особыми выгодами. Плавалъ онъ въ Петербургѣ около пятидесяти лѣтъ, и всѣ знали, что это за корабль.

И мы понимаемъ, почему такъ Петръ былъ счастливъ.

Петербургъ — дверь въ Западную Европу. Такъ называли новую столицу уже современники Петра.

Балтійское море — самая близкая и удобная дорога въ широкій просвѣщенный міръ. И оказалось, что эта дорога торная. Ее поспѣшили признать сами европейцы. Они немедленно явились въ гости къ царю и его царству, лишь только услышали объ его новомъ городѣ.

Такъ возникъ Петербургъ. Много, страшно много работали надъ нимъ и царь и русскій народъ: одинъ никого не зналъ цѣлые годы,—и какъ государь, и какъ полководецъ, и какъ простой работникъ, — а другой отдавалъ все самое сильное, самое дорогое, что было у него, на новый далекій городъ.

Задачи. 1) Разскажите о природѣ мѣстности, гдѣ строился Петербургъ. 2) Разскажите о тѣхъ трудныхъ усло-

Первоначальный Петербургъ.

віяхъ, при которыхъ строился Петербургъ? 3) Какое значеніе имѣетъ Петербургъ для Россіи?

Государственное управленіе при Петрѣ.

I.

При Петрѣ Великомъ произошло много перемѣнъ въ управленіи государствомъ.

Старое управленіе не годилось для новыхъ порядковъ, для быстрыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій царя. Прежде всего перемѣнилось управленіе въ областяхъ.

Петръ раздѣлилъ всю Россію на 12 губерній; губерніи дѣлились на провинціи, а провинціи—на уѣзды. Во главѣ губерній стали губернаторы, а во главѣ провинцій—воеводы. При губернаторѣ состоялъ совѣтъ изъ дворянъ, выбранныхъ дворянствомъ всей губерніи; при воеводѣ состоялъ дворянинъ земскій комиссаръ. Эти дворяне смотрѣли за областнымъ хозяйствомъ и сборомъ податей. Такъ, въ областяхъ поставили два ряда начальниковъ, изъ которыхъ высшіе наблюдали за низшими.

II.

Старая боярская дума была распущена. Петръ цѣнилъ своихъ совѣтниковъ не по роду боярскому, а по выслугѣ и трудолюбію. Вмѣсто думы царь учредилъ сенатъ. Въ сенатѣ засѣдало 12 и болѣе сенаторовъ, всѣ люди высшихъ чиновъ въ государствѣ; тутъ Меньшиковъ, бывшій простолюдинъ, сидѣлъ рядомъ съ князьями Долгорукими и Голицыными. Въ сенатѣ составлялись законы и указы. Всѣ вѣдомства и власти въ государствѣ были подчинены сенату. Главнымъ лицомъ въ сенатѣ былъ генералъ-прокуроръ, „око царское“, какъ его прозвалъ Петръ I. Обязанности прокурора—наблюдать, чтобы дѣла рѣшались строго по закону, чтобы сенаторы поступали правильно, и докладывать обо всемъ государю.

Петръ старался такъ устроить управленіе, чтобы вездѣ дѣла рѣшались съ общаго совѣта, а не по приказу одного начальника. Этотъ порядокъ ввелъ онъ и въ духовное вѣдомство. Когда скончался патріархъ Адріанъ, государь не указалъ ему преемника, а черезъ нѣсколько лѣтъ повелѣлъ править русскою Церковью „Святѣйшему Синоду“. Членами этого великаго собранія стали всѣ митрополиты, нѣсколько архіепископовъ и нѣкоторые протоіереи. Синоду подчинили все духовное вѣдомство, церкви, монастыри, образованіе духовенства.

III.

Петръ много заботился объ увеличеніи казны, безъ которой немыслимо было содержаніе войскъ и управленіе государствомъ, и заботы его увѣнчались успѣхомъ: въ 1710 г. доходъ казны равнялся 3 милліонамъ рублей, въ 1752 году, въ годъ смерти Петра, въ казну поступило уже 10 милліоновъ рублей, т.-е. за 15 лѣтъ доходъ увеличился болѣе, чѣмъ втрое. Великой заслугой царя было и то, что, заботясь объ увеличеніи казны, онъ указалъ народу новые источники доходовъ, о чемъ мало заботились въ допетровское время.

Справедливо говорятъ и теперь, что Россія есть богатѣйшая страна въ мірѣ, только богатства ея до сихъ поръ еще не изучены и малоразработаны. Совершенно такъ же думалъ и Петръ. И вотъ главной его цѣлью въ развитіи народной промышленности является отысканіе и разработка нетронутыхъ богатствъ страны, *дабы Божіе благословеніе подъ землею втуне не осталось.* Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ обнародовалъ,

что всѣ имѣютъ право искать и обрабатывать всякіе металлы и минералы и устраивать заводы даже на чужой землѣ. Впервые въ это время принялись у насъ за обработку каменнаго угля, стали разрабатывать торфъ. Этимъ сберегалось лѣсное топливо, особенно корабельные лѣса, которые нужны были для флота. Трудно указать промысловое дѣло, о которомъ не подумалъ бы неутомимый преобразователь. Онъ заботится о стекляннномъ производствѣ, о лучшемъ способѣ обжигать кирпичъ, о пеньковомъ и льняномъ промыслахъ; онъ велѣлъ учить ткать полотна, скатерти, салфетки, тикъ, велѣлъ обучать производству писчей бумаги, шелковыхъ тканей, парчи, лентъ, тесьмы, шнурковъ. При немъ усилено было винодѣліе и шелководство; началось разведеніе табаку; заведенъ лучшій въ Россіи холмогорскій скотъ; улучшено овцеводство, для чего изъ-за границы выписывались овцеводы и посланы туда учиться молодые люди; устроены суконныя фабрики для снабженія сукномъ войска; заведены конскіе заводы.

IV.

Вмѣстѣ съ заботами объ обогащеніи народа и шли заботы объ образованіи. Изданъ указъ, по которому дворяне, не обучавшіеся письму, чтенію и ариѳметикѣ, не могутъ жениться. Приказано обучать грамотѣ всякаго чина гражданскихъ дѣтей, для чего учредить при архіерейскихъ домахъ школы; дѣвочекъ сиротъ велѣно обучать грамотѣ и рукодѣлью въ женскихъ монастыряхъ. Въ теченіе всего царствованія посылались молодые люди за границу для науки. Велѣно переводить разныя учебныя книги и устроены типографіи; заведены газеты, театръ, библіотека, наконецъ, ассамблеи, или собранія, куда съѣзжались лица обоего пола и вяскаго званія. Благодаря этимъ ассамблеямъ стало исчезать прежнее затворничество женщинъ. Главнымъ увеселеніемъ были танцы, игры въ шахматы, шашки и непринужденная бесѣда.

Такъ, настойчивыми трудами Петра Великаго и его послѣдователей Россія стала сильной европейской державой, и въ ней стали распространяться полезныя знанія, промышленность и торговля. Съ тѣхъ поръ европейцы стали относиться къ русскому народу съ большимъ уваженіемъ.

Вопросы. Перечислите всѣ преобразованія, какія были сдѣланы Петромъ Великимъ? Какъ относился Петръ Великій къ просвѣщенію народа?

Екатерина II, Великая.

I.

Дочь нѣмецкаго владѣтеля, Екатерина привезена была въ Россію 14 лѣтъ отроду и скоро выдана была замужъ за наслѣдника русскаго престола. Она отлично научилась русскому языку, усвоила себѣ русскіе обычаи и всей душой полюбила свое новое отечество. Веселымъ нравомъ своимъ и обходительностью она расположила къ себѣ всѣхъ. Большую часть времени Екатерина проводила въ чтеніи. Она прочитала знаменитѣйшія сочиненія того времени на разныхъ языкахъ и пріобрѣла такимъ образомъ громадныя знанія.

Мужъ ея, Петръ III, недолго царствовалъ. Екатерина заставила его отречься отъ престола и сдѣлалась сама императрицею.

Новая государыня была женщина образованная, талантливая и дѣятельная. Дѣйствовала она осторожно, осмотрительно. Продолжая преобразованія въ государствѣ, она не дѣйствовала такъ круто и сурово, какъ Петръ Великій. И въ обращеніи съ людьми Екатерина не похожа была на вспыль-

чиваго Петра: она всегда была сдержанной и привѣтливой.

II.

Она очень заботилась о томъ, чтобы пріобрѣсти любовь и довѣріе всѣхъ сословій, особенно дворянъ.

Въ началѣ своего царствованія она была противъ крѣпостного права и мечтала освободить крестьянъ. Но бояре и дворяне возстали противъ этого, говоря, что „дворянство составляетъ опору и орудіе самодержавной власти“, а потому государыня не можетъ лишать ихъ крѣпостныхъ.

Покровительствуя дворянамъ, государыня издала „Жалованную грамоту дворянству“. По грамотѣ крестьяне дѣлались полною собственностью своихъ господъ: помѣщики могли ими распоряжаться, какъ всякою своею вещью. Крестьянамъ Екатерина запретила даже жаловаться на своихъ господъ подъ страхомъ жестокаго наказанія и ссылки на каторгу, въ сибирскіе рудники.

Число крѣпостныхъ при Екатеринѣ II значительно увеличилось. Она ихъ дарила вельможамъ вмѣсто жалованья.

Тѣмъ дворянамъ и боярамъ, которые помогли ей вступить на престолъ, Екатерина подарила 18.000 душъ, а за все свое долгое царствованіе она роздала около милліона душъ обоего пола.

Потемкинъ и заселеніе Новороссійскаго края.

I.

Въ царствованіе Екатерины Великой Россія окончательно утвердилась на югѣ. Этимъ Россія много обязана Григорію Александровичу Потемкину, бывшему главнымъ начальникомъ Новороссіи въ теченіе семнадцати лѣтъ.

II.

Потемкинъ былъ сыномъ небогатаго помѣщика; сначала онъ учился въ университетѣ, а потомъ поступилъ въ военную службу, къ которой у него оказались большія способности. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный и энергичный; главной же чертой его характера было честолюбіе: онъ во что бы то ни стало хотѣлъ возвыситься. Въ это время началась война русскихъ съ Турціей; она продолжалась шесть лѣтъ и была очень удачна для Россіи. Потемкинъ все время добровольно принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, проявляя большую храбрость и распорядительность. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы; хорошіе помощники были ей нужны; она оцѣнила его умъ и огромныя способности и приблизила его къ себѣ. Потемкинъ началъ принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ; но главное вниманіе онъ обратилъ на югъ Россіи.

Россія получила отъ Турціи часть черноморскаго побережья. Доступъ къ морю для каждой страны очень важенъ: онъ облегчаетъ сношенія съ другими государствами, поднимаетъ промышленность и торговлю,—слѣдовательно, обогащаетъ страну, дѣлаетъ ее привлекательнѣе для поселенцевъ. Но Крымъ все еще былъ грозой Новороссіи, хотя и было уже много сдѣлано для защиты отъ него русскихъ земель. Въ то время въ Крыму было двѣ партіи: одна держалась Турціи, другая—Россіи; онѣ враждовали между собой и старались посадить на ханскій престолъ каждая своего приверженца. Потемкинъ воспользовался тѣмъ, что ханомъ былъ русскій сторонникъ, и уговорилъ его отречься отъ престола и отдать Крымъ Россіи. Присоединеніе Крыма было событіемъ чрезвычайно важнымъ: съ этихъ поръ заселеніе юга пошло очень быстро.

Въ своихъ заботахъ о Новороссіи Потемкинъ главное вниманіе обращалъ на постройку городовъ; онъ создалъ цѣлый рядъ ихъ; самые большіе изъ нихъ — Херсонъ, Николаевъ и Екатеринославъ, возраставшіе очень быстро благодаря усиліямъ Потемкина. Херсонъ и Николаевъ были первыми гаванями на югѣ. Потемкинъ мечталъ превратить Новороссію въ богатую, густо населенную страну, покрытую великолѣпными городами. Конечно, достичь этого въ короткое время онъ не могъ, но все же имъ было сдѣлано много: заселеніе Новороссіи было сильно двинуто впередъ; положено было прочное основаніе торговлѣ и промышленности края. И въ этомъ заслуга Потемкина передъ Россіей.

Просвѣщеніе при Екатеринѣ Второй.

При Екатеринѣ сдѣланы были большіе успѣхи по распространенію просвѣщенія. Въ первые годы своего царствованія она много заботилась объ этомъ. „Хотите ли предупредить преступленія,—говорила Екатерина,—сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось въ народѣ. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими—это воспитывать дѣтей какъ слѣдуетъ“. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ были основаны различныя учебныя заведенія.

Екатерина II первая изъ государей позаботилась объ образованіи женщинъ; она открыла первое казенное училище для дѣвушекъ — Смольный институтъ. Она много передумала о воспитаніи дѣтей; она говаривала, что прежде всего нужно заботиться о душѣ ребенка, объ его нравственности, а потомъ уже учить его; да и учить его слѣдуетъ мягко, безъ строгостей, не оскорбляя бранью, не наказывая.

Для бѣдныхъ людей она приказала открывать на казенный счетъ въ Петербургѣ, Москвѣ и по губернскимъ городамъ народныя школы грамотности; мѣстами открывали школы въ нѣсколько классовъ (уѣздныя училища), гдѣ преподавали и науки.

При Екатеринѣ былъ учрежденъ Воспитательный домъ (въ Петербургѣ и Москвѣ) для сирыхъ и брошенныхъ дѣтей.

Въ царствованіе Екатерины явилось много писателей, печаталось много книгъ, стали издавать журналы, переводили сочиненія знаменитыхъ французскихъ писателей. Сама императрица много писала: въ нравоучительныхъ сказкахъ и комедіяхъ она осмѣивала пороки, доказывала необходимость просвѣщенія и тѣмъ содѣйствовала улучшенію нравовъ.

Вопросъ. Какъ смотрѣла Екатерина II на просвѣщеніе народа?

Суворовъ.

I.

Отецъ Александра Васильевича Суворова былъ заслуженный генералъ, крестникъ Петра Великаго и человѣкъ образованный. Еще въ дѣтствѣ Суворовъ выказывалъ большую охоту къ военной службѣ, съ восторгомъ читалъ исторіи различныхъ войнъ и все думалъ, какъ бы ему сдѣлаться знаменитымъ полководцемъ. Такъ какъ онъ былъ слабаго тѣлосложенія, то отецъ долго не соглашался отдать его въ военную службу. Наконецъ отецъ согласился, и 15 лѣтъ отроду молодой Суворовъ поступилъ въ военную службу простымъ солдатомъ и цѣлыхъ девять лѣтъ прослужилъ до офицерскаго чина. Произошло это потому, что въ то время дворяне записывали своихъ дѣтей въ военную службу чуть не съ колыбели, и они безъ всякой службы

Суворовъ.

получали чины за чинами. Суворовъ же былъ записанъ въ полкъ только 12 лѣтъ. Служа рядовымъ, Суворовъ по образу жизни нисколько не отличался отъ простыхъ солдатъ: ходилъ на караулы, стоялъ на часахъ во всякую погоду, ѣлъ простую пищу. Будучи слабаго здоровья, онъ укрѣпилъ себя тѣмъ, что каждый день по нѣскольку разъ обливался холодною водою, вставалъ до солнечнаго восхода, спалъ на сѣнѣ или соломѣ, укрывшись легкимъ плащомъ, и никогда не носилъ шубы. Живя всегда съ рядовыми, онъ изучилъ хорошо нравы солдатъ, ихъ языкъ, привычки, совершенно сроднился съ ихъ бытомъ и сталъ для нихъ своимъ человѣкомъ.

Впослѣдствіи, когда онъ былъ генераломъ и, наконецъ, фельдмаршаломъ, образъ жизни его оставался все тѣмъ же. Суворовъ попрежнему дѣлилъ со своими войсками всѣ невзгоды и лишенія походной жизни. Однажды во время зимняго похода солдатамъ не поспѣли во-время шинели, и они мерзли въ кителяхъ; вмѣстѣ съ другими дрожалъ въ китель и Суворовъ. Только тогда, когда привезли шинели, надѣлъ и онъ свою суконную куртку. Суворовъ любилъ солдатъ; онъ старался воспитать и облагородить ихъ души: устраивалъ школы, самъ составлялъ учебники (ариѳметику, молитвенникъ, краткій катихизисъ), самъ училъ въ этихъ школахъ не только новобранцевъ, но и солдатскихъ дѣтей. Для полезнаго развлеченія солдатъ онъ устроилъ театръ. Доброта Суворова къ солдатамъ особенно сказывалась въ томъ, что онъ рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Между тѣмъ въ то суровое, жестокое время многіе полководцы наказывали солдатъ безъ пощады, били ихъ до-полусмерти, такъ что часто солдаты умирали подъ палками.

II.

Проведя почти всю жизнь или въ казармахъ или въ лагеряхъ, Суворовъ, даже будучи фельдмаршаломъ, сохранялъ привычки лагерной жизни: онъ спалъ всегда на соломѣ и не любилъ богатыхъ помѣщеній, роскошной мебели и въ особенности зеркалъ. Въ образѣ жизни Суворова было много странностей и причудъ. Онъ часто въ глухую полночь будилъ войска для дальнѣйшаго похода крикомъ „кукареку“, хлопая при этомъ въ ладоши, какъ пѣтухъ крыльями; зимой одѣвался по-лѣтнему, а лѣтомъ ходилъ часто въ одной рубашкѣ, пристегивая къ ней ордена. Несмотря на эти странности, солдаты, видя любовь къ себѣ Суворова, уважали его, довѣрялись ему всею душой, любили, какъ отца родного, и готовы были итти за нимъ въ огонь и воду. „Когда батюшка нашъ Суворовъ съ нами, то и побѣда наша“.

Суворовъ дѣлалъ со своими пѣхотинцами переходы по 70 верстъ въ сутки; при этомъ солдаты были всегда въ такомъ порядкѣ, что каждую минуту были готовы къ бою. Неутомимость, выносливость и храбрость суворовскихъ солдатъ, одушевляемыхъ

примѣромъ начальника, были удивительны. „Для русскаго солдата,—говаривалъ самъ Суворовъ,—нѣтъ средины между смертью и побѣдой. Коли сказано впередъ, я не знаю, что значитъ отступленіе, усталость, голодъ или холодъ“.

Уже имя Суворова было страшно непріятелямъ. Подъ его предводительствомъ войско какъ будто вырастало, сила его увеличивалась вдвое. Суворовъ одержалъ множество побѣдъ. Болѣе всего прославился онъ въ царствованіе сына Екатерины II, Павла I, во время похода въ Италію. Онъ былъ посланъ туда противъ французовъ, захватившихъ всю Италію и собиравшихся итти на другія государства. Въ одинъ годъ онъ одержалъ надъ французами множество побѣдъ, побилъ лучшихъ ихъ полководцевъ, взялъ у нихъ много плѣнныхъ и оружія. Но особенно прославился тутъ Суворовъ переходомъ черезъ высочайшія горы, отдѣляющія Италію отъ сосѣднихъ странъ. Вершины этихъ горъ заходятъ за облака и вѣчно покрыты снѣгомъ. Въ страшный холодъ, безъ съѣстныхъ припасовъ, русскимъ приходилось карабкаться по узкимъ тропинкамъ на крутизны и скалы, спускаться по обрывамъ въ глубокія пропасти; притомъ надо было еще сражаться съ французами, занявшими всѣ проходы. Въ этомъ походѣ особенно сказалось то громадное вліяніе, какое имѣлъ Суворовъ на своихъ солдатъ. Однажды, въ началѣ похода солдаты при видѣ высокихъ горъ, черезъ которыя нужно было перейти, начали роптать. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ приказалъ вырыть могилу и затѣмъ, ставъ передъ рядами солдатъ, сказалъ, что онъ не перенесетъ ихъ позора и проситъ положить его въ могилу. Солдаты бросились къ нему, падали передъ нимъ на колѣни, цѣловали его руки и клялись умереть съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, послѣ этого солдаты не проронили ни одного слова жалобы или неудовольствія. Какъ велики были трудности похода, можно судить по знаменитому переходу черезъ такъ называемый Чортовъ мостъ.

Мостъ этотъ былъ перекинутъ черезъ горную рѣчку, протекающую между двумя громадными скалами. Для того, чтобы попасть на него, нужно было пройти черезъ узкое отверстіе, пробитое въ скалѣ, и затѣмъ по узкой, крутой тропинкѣ спуститься къ мосту. Какъ разъ у отверстія стояли французы со своими пушками, и если бы русскіе пошли этимъ путемъ, то всѣ были бы перебиты поодиночкѣ. Тогда Суворовъ приказалъ солдатамъ взобраться на вершину скалы, черезъ которую было пробито отверстіе, и оттуда спуститься внизъ къ мосту. Съ неимовѣрными усиліями русскіе взобрались на вершину. Французы были такъ поражены ихъ неожиданнымъ появленіемъ, что, боясь быть отрѣзанными отъ своихъ войскъ, расположенныхъ по ту сторону моста, поспѣшно отступили за мостъ, не успѣвъ его разрушить, а только испортивъ. Тогда завязалась оживленная перестрѣлка. Нѣкоторые солдаты, несмотря на быстроту теченія, спрыгнули съ утесовъ въ рѣчку и по поясъ въ водѣ перебрались на другую сторону; другіе взбирались на скалы, чтобы оттуда удобнѣе стрѣлять въ непріятеля; третьи начали чинить испорченный мостъ. За неимѣніемъ матеріаловъ для починки были взяты старыя бревна отъ сарая, находившагося поблизости. Бревна эти связывались офицерскими поясами. Благодаря молодецкой отвагѣ, русскіе подъ градомъ пуль перебрались на другой берегъ и заставили французовъ отступить.

Много трудовъ и лишеній пришлось перенести русскимъ войскамъ во время этого похода, но, ободряемые и вооду-

шевляемые любимымъ вождемъ, они бодро шли впередъ и, несмотря на всѣ препятствія, съ торжествомъ воротились въ отечество. Въ награду за подвиги Суворову былъ пожалованъ титулъ свѣтлѣйшаго князя съ прозваніемъ Италійскаго, даровано высшее, почетнѣйшее достоинство россійскаго генералиссимуса; повелѣно было отдавать ему воинскія почести, подобныя царскимъ, даже въ присутствіи государя. „Достойному — достойное“, говорилъ императоръ въ своемъ рескриптѣ.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ похода въ Италію Суворовъ скончался на 72 году своей жизни.

Наполеонъ I.

I.

Когда у насъ оканчивалось правленіе Екатерины II, во Франціи происходили народныя волненія, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ. Среди этихъ волненій погибли король съ королевой и многими родичами, погибло много знатнаго и незнатнаго люда. Многіе знатные французы бѣжали тогда въ другія государства. Убѣдили они нѣмцевъ и англичанъ вступиться во французскія дѣла, чтобы усмирить французскій народъ. Началась война.

Французы вознегодовали на такое вмѣшательство, воспрянули духомъ и начали наносить нѣмцамъ пораженіе за пораженіемъ. Но нѣмцы (австрійцы и прусаки) не отступали, и война затянулась. Въ эту войну у французовъ отличалось много замѣчательныхъ генераловъ, но скоро славнѣй всѣхъ сталъ самый молодой—Наполеонъ Бонапартъ.

Наполеонъ былъ родомъ итальянецъ; родился онъ въ 1767 году на островѣ Корсикѣ, когда островъ былъ завоеванъ французами. Семья его была бѣдная, и Наполеонъ учился во Франціи на казенный счетъ. Лѣтъ шестнадцати онъ вышелъ въ артиллерійскіе офицеры, и съ первой войны сталъ быстро отличаться. Способности у Наполеона были необыкновенныя, память такая, что онъ сразу запоминалъ цѣлые ряды цифръ. Онъ могъ диктовать указы и депеши, рѣшать дѣла и дѣлать распоряженія часовъ по 16 сряду безъ отдыха. Проведя цѣлый день на полѣ сраженія, онъ ночь до разсвѣта сидѣлъ на совѣтѣ съ подчиненными; часто приходилось будить изнемогавшихъ отъ усталости генераловъ, а Наполеонъ, бодрый и свѣжій, говорилъ и рѣшалъ за всѣхъ. Солдаты боготворили своего необычайнаго вождя. Скоро и весь французскій народъ преклонился передъ нимъ.

Вихремъ носился Наполеонъ по непріятельскимъ землямъ, захватывалъ цѣлыя области, перемѣнялъ въ нихъ управленіе и порядки.

II.

Наполеонъ Бонапартъ добивался все большихъ и большихъ почестей. Французскій народъ охотно поддавался власти этого необыкновеннаго человѣка и, наконецъ, сдѣлалъ Наполеона императоромъ. Честолюбивый, властный Бонапартъ началъ смѣнять государей въ Европѣ, раздавалъ цѣлыя королевства своимъ братьямъ и родичамъ. Нѣмцы и англичане не могли стерпѣть его самовластія, начали заключать противъ Франціи союзы.

Нашъ императоръ Александръ I, смѣнившій Павла Петровича, помогалъ сперва Австріи, потомъ Пруссіи.

Сильнымъ противникомъ Наполеона была еще Англія. Это государство находится на островахъ, и моря защищаютъ его отъ непріятельскихъ армій. Грозный императоръ не могъ напасть на англичанъ со своими войсками и придумалъ иной способъ по-

дорвать силу Англіи. Англичане богатѣли, главнымъ образомъ, своей торговлей; у нихъ были свои торговые города во всѣхъ частяхъ свѣта; всевозможные товары развозили они на своихъ корабляхъ по всѣмъ европейскимъ государствамъ. Запугалъ всѣхъ Наполеонъ своими побѣдами и заставилъ государей подписать условіе, что они обязуются не принимать въ своихъ владѣніяхъ англійскихъ колоніальныхъ товаровъ. Этимъ онъ хотѣлъ подорвать англійскую торговлю. Принялъ это условіе и императоръ Александръ I; но Россія не могла его выполнять. Отъ разрыва съ Англіей вся наша торговля должна была остановиться; золото и серебро дорожали, а кредитный рубль подешевѣлъ до до 25 коп.

Россія отказалась отъ невыгоднаго условія. Наполеонъ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ началъ собирать огромныя арміи, какихъ еще не видали въ Европѣ. Въ войнѣ съ Россіей онъ винилъ одного императора Александра, который будто бы оскорбляетъ Францію, не принимая его дружбы.

Такъ началась великая „отечественная“ война 1812 г.

Вопросъ. Изъ-за чего и при какихъ условіяхъ произошла отечественная война?

Отечественная война 1812 г.

I.

Наполеонъ собралъ для войны съ Россіей болѣе 600 тысячъ войска. До 20 европейскихъ народовъ считались въ это время его вольными и невольными союзниками. Всѣ они должны были прислать ему свои арміи. За огромной арміей слѣдовали огромные обозы и десятки тысячъ нестроевыхъ отрядовъ и рабочихъ.

Наполеонъ не сомнѣвался въ успѣхѣ. „Мы теперь идемъ въ Москву, — говорилъ онъ знакомымъ. — До скораго свиданія“.

Тяжело было положеніе нашего отечества. У насъ не было никакихъ союзниковъ, а войска всего 200 тыс. Разные невѣжды пугали народъ кометой, которая въ тотъ годъ появилась: говорили, что она предвѣщаетъ гибель государству. Всѣ иностранцы были увѣрены, что Россія погибнетъ. Но на Руси никто не падалъ духомъ. „Не положу оружія, пока хоть одинъ непріятель останется въ моемъ государствѣ“, объявилъ императоръ Александръ и призвалъ всѣхъ русскихъ

Наполеонъ I.

Военный совѣтъ на Филяхъ въ 1812 году.

людей на защиту государства. Купцы и капиталисты жертвовали деньги, дворяне стали вооружать земскія ополченія.

II.

10 іюня 1812 года французская армія перешла р. Нѣманъ и вступила на русскую землю. Главныя силы пошли прямо на Москву; одинъ отрядъ повернулъ съ сѣверу, чтобы грозить Петербургу.

Начальникомъ русскихъ войскъ былъ Барклай-де-Толли; онъ рѣшилъ, что нельзя давать французамъ большихъ сраженій, такъ какъ они сильны числомъ, а нужно беречь русскую армію. Наши постоянно отступали передъ французами; по дорогѣ жгли запасы, сѣно, даже села и деревни; крестьяне помогали въ этомъ солдатамъ, забирали что могли и уходили вслѣдъ за арміей, оставляя непріятелю пустыя поля и заброшенное жилье.

Французы проѣдали все свое, что везли изъ-за границы: огромные запасы быстро исчезали, а Наполеонъ велъ ихъ все впередъ; онъ думалъ, что внутри Россіи найдетъ же, наконецъ, и русскій хлѣбъ.

По дорогѣ русскіе небольшими стычками тревожили французовъ. Храбрый генералъ Дохтуровъ съ немногими полками защищалъ Смоленскъ противъ главной арміи Наполеона; а въ это время наша армія успѣла переправиться черезъ Днѣпръ и пошла по большой Московской дорогѣ, опустошая все кругомъ.

Послѣ переправы нашихъ Дохтуровъ поджегъ въ городѣ казенные магазины съ мукой и фуражемъ и вышелъ изъ Смоленска. Голоднымъ, измученнымъ французамъ и передохнуть нельзя было въ горѣвшемъ городѣ.

III.

Пошли дальше. Скоро въ нашемъ войскѣ послышался ропотъ: нашимъ стало обидно все отступать, ни разу хорошенько не помѣрившись съ Наполеономъ. Думали, что иностранецъ Барклай не хочетъ дать русскимъ случая отличиться. Государь понялъ,

что необходимо назначить русскаго командира; онъ велѣлъ Кутузову принять главное командованіе, а Барклаю стать подъ начальство Кутузова. Солдаты обожали Кутузова; онъ былъ любимый ученикъ Суворова.

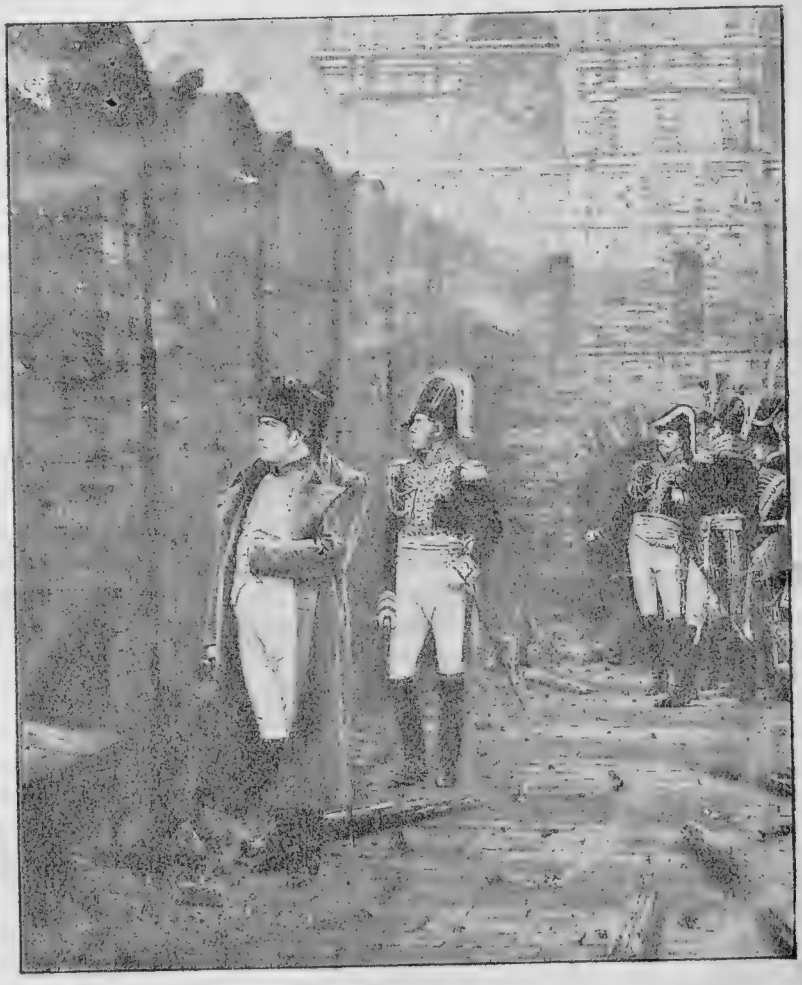
Но и русскій вождь не рѣшился первое время напасть на огромную армію. Только въ 100 верстахъ отъ Москвы, близъ Бородина, приказалъ онъ готовиться къ сраженію.

26 августа 100 тыс. русскихъ выстроились противъ 130 тыс. французовъ. Бой былъ ужасенъ; залпы орудій слились въ одинъ гулъ, подобный непрерывнымъ раскатамъ грома; земля тряслась; небо помрачилось; люди гибли тысячами каждую минуту. Съ обѣихъ сторонъ полегло около 100 тысячъ человѣкъ. Бой начался съ восходомъ солнца, и къ закату русское войско, потерявъ половину людей, твердо стояло все на тѣхъ же мѣстахъ. Побѣда осталась нерѣшенной.

Наше войско переночевало на полѣ сраженія; а на другой день Кутузовъ приказалъ отступить. Черезъ три дня армія стояла подъ Москвой. Солдаты и народъ ждали новаго сраженія подъ стѣнами столицы. Но генералы хорошо понимали, что войска не хватитъ для защиты громаднаго, широко раскинувшагося города.

1 сентября въ подмосковной деревнѣ Филяхъ генералы собрались въ избѣ, которую занималъ Кутузовъ. Разложили планы на столѣ, стали говорить, какъ и гдѣ разставлять войска. Какъ ни соображали, все выходило невыгодно для нашей арміи. Кутузовъ долго молчалъ. Наконецъ онъ тяжело вздохнулъ и приподнялся.

— Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія. Хуже будетъ, если мы погубимъ армію. Знаю, что на меня обрушится вся отвѣтственность, но для блага отечества я охотно жертвую собой. Приказываю отступить.



Наполеонъ смотритъ на пожаръ Москвы съ кремлевской стѣны.
Съ карт. *В. В. Верещагина*

На другой день наша армія перешла по московскимъ улицамъ на Рязанскую дорогу. Вслѣдъ за нею выѣхали и послѣдніе жители; кто побогаче, тѣ успѣли повыѣхать и раньше. Французы подошли къ Москвѣ со стороны Смоленска. Наполеонъ ждалъ нѣсколько часовъ у заставы, когда же поднесутъ ему ключи отъ Кремля. Но ему доложили, что Москва пуста. Вмѣсто спокойныхъ квартиръ и свѣжихъ запасовъ французы нашли въ Москвѣ пустые дома и магазины; по улицамъ бродили только русскіе арестанты и колодники, выбѣжавшіе изъ тюремъ, когда вывели гарнизонъ.

Огромные пожары начались въ городѣ. По цѣлымъ недѣлямъ не тускнѣло зарево надъ Москвой.

IV.

Скоро голодъ началъ одолѣвать французовъ въ опустошенномъ городѣ; начали ѣсть, что попало, даже воронъ и галокъ. Пробовали они ходить въ деревни за провизіей, но народъ былъ ожесточенъ гибелью Москвы; народъ вооружался поголовно, и французовъ убивали всюду, гдѣ встрѣчали. Начались болѣзни, моръ, военная дисциплина упала среди французской арміи.

Наполеонъ началъ посылать къ Кутузову гонцовъ, предлагая заключить миръ. Кутузовъ отвѣчалъ, что никто въ Россіи не думаетъ о мирѣ.

6 октября Наполеонъ рѣшился выйти изъ Москвы на югъ; онъ хотѣлъ пробраться въ южныя губерніи, гдѣ хранились громадные запасы хлѣба. Но Кутузовъ занялъ своей арміей дороги на Тулу и Калугу; нѣсколькими удачными битвами онъ заставилъ французовъ отступить на разоренную Смоленскую дорогу и началъ преслѣдовать ихъ шагъ за шагомъ. Отряды нашихъ ратниковъ, крестьяне съ вилами и косами безпрестанно нападали со всѣхъ сторонъ на обозы, на французскія партіи, которыя пробовали забраться въ жилыя, не разоренныя мѣста. Снѣга и трескучіе морозы донимали измученныхъ французовъ.

Подъ Вязьмой, подъ Краснымъ, около Смоленска французы потерпѣли страшныя пораженія. У рѣки Березины думали окружить ихъ армію со всѣхъ сторонъ. Но Наполеонъ проявилъ здѣсь свой великій талантъ полководца: онъ хитро обманулъ нашего генерала Чичагова, заблаговременно навелъ мостъ черезъ рѣку и спасъ на другомъ берегу остатки своей арміи.

Всего тысячъ 60 жалкихъ, полумертвыхъ отъ голода и холода солдатъ перевелъ Наполеонъ обратно черезъ русскую границу. Но этимъ война еще не кончилась. Императоръ Александръ думалъ, что Наполеонъ все еще опасенъ. Ради мира въ Европѣ его необходимо низложить съ престола, рѣшилъ нашъ императоръ. Онъ пріѣхалъ къ своей арміи и 1 января 1812 г. самъ перевелъ ее за границу. Сперва Пруссія, а потомъ и Австрія отложились отъ Наполеона и заключили съ нами союзъ противъ него.

V.

Наполеонъ, дѣйствительно, былъ еще силенъ; онъ въ короткое время собралъ до полумилліона солдатъ. Но слава объ его непобѣдимости уже померкла; да и французскій народъ истомился и разорился отъ войнъ; не было ни въ солдатахъ ни въ командирахъ прежняго одушевленія.

Весь 1812 г. союзники (Россія, Австрія и Пруссія) сильно тѣснили Наполеона; войска ихъ вошли во Францію. Въ мартѣ 1814 г. самый Парижъ сдался императору Александру. Наполеонъ принужденъ былъ подписать отреченіе отъ престола: затѣмъ его удалили на островъ Эльбу (близъ береговъ Италіи). Черезъ годъ, однако, неукротимый вождь снова явился во Францію. Гро-

Отступленіе французовъ въ 1812 году. Съ кар. *И. М. Прянишникова.*

мадныя силы союзниковъ опять осилили его. Послѣ неудачной битвы французы перестали его слушаться. Наполеонъ сдался англичанамъ. Его отвезли на дальній островъ Св. Елены. Тамъ онъ и скончался въ 1821 г.

Задача. Передайте содержаніе каждой части разсказа.

Оборона Севастополя.

I.

Городъ Севастополь прославился своей геройской обороной во время Крымской войны. Война эта началась подъ конецъ царствованія императора Николая I (брата Александра I) и была очень тяжела для Россіи. Ее возбудили Англія и Франція. Оба эти государства желали подорвать могущество Россіи и стали подстрекать противъ нея Турцію. Случай представился. Во владѣніяхъ турецкаго султана въ Іерусалимѣ католики стали притѣснять православныхъ. Султанъ принялъ сторону католиковъ и велѣлъ передать католическому патріарху ключи отъ храма Господня. Православные лишились возможности свободно поклоняться гробу Господню. Сильно оскорбленные, они обратились за помощью къ императору Николаю Павловичу. Императоръ считалъ себя покровителемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, жившихъ въ Турецкой имперіи. Онъ вступился за своихъ единовѣрцевъ и потребовалъ, чтобы нарушенныя права православныхъ были возстановлены. Султанъ упорствовалъ, надѣясь на своихъ союзниковъ. Дѣло кончилось войною.

Русскія войска вступили въ европейскія и азіатскія владѣнія турокъ и начали дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Тогда Англія и Франція съ своей стороны объявили войну Россіи. На наше отечество поднялась страшная сила. Россія одна, безъ союзниковъ, должна была бороться противъ нѣсколькихъ государствъ. Русскимъ войскамъ пришлось отступить изъ Европейской Турціи. Въ Малой Азіи борьба велась въ продолженіе всей Крымской

войны. Враги имѣли огромный флотъ и, благодаря этому, начали нападеніе одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ. Ихъ суда неожиданно появлялись въ сѣверныхъ моряхъ Россіи и даже у отдаленныхъ береговъ Сибири. Правда, во всѣхъ этихъ мѣстахъ имъ не удалось причинить русскимъ большого вреда. Приступы ихъ были отбиты, но они мѣшали намъ соединить всѣ силы на югѣ Россіи, куда было направлено главное нападеніе. Кромѣ того, на своемъ громадномъ флотѣ непріятели легко и быстро подвозили себѣ и войска, и продовольствіе, и боевые снаряды. Между тѣмъ въ Россіи не было тогда желѣзныхъ дорогъ; сообщеніе происходило медленно; требовалось немало времени, чтобы подвезти все нужное изъ центра Россіи къ ея окраинамъ. Такимъ образомъ, когда сильный непріятельскій флотъ вошелъ въ Черное море и подошелъ къ берегамъ Крыма, тамъ находилось мало войска, и оно было вооружено гораздо хуже непріятельскаго.

II.

Союзныя войска высадились на берегъ, разбили русскую армію, которая хотѣла преградить имъ путь, и двинулись къ Севастополю, нашей лучшей гавани въ Крыму. Севастопольская бухта глубоко врѣзывается въ берегъ; на ея южной сторонѣ лежитъ городъ, а на противоположной, сѣверной, было немного строеній и нѣсколько укрѣпленій. Въ бухтѣ стоялъ весь нашъ военный флотъ. Онъ былъ вдвое меньше непріятельскаго и состоялъ изъ деревянныхъ парусныхъ кораблей. Такія суда двигались медленно и не могли бороться съ сильными непріятельскими пароходами. Нечего было и думать о морской битвѣ съ врагомъ. Рѣшено было пожертвовать флотомъ для спасенія города. Тогда часть кораблей въ два ряда затопили поперекъ бухты, чтобы загородить входъ въ нее съ моря. Морякамъ жалко было смотрѣть на гибель своихъ кораблей; иныя суда съ пробитымъ дномъ долго не тонули,— наконецъ погружались въ воду, поднимая волны вокругъ себя. Только верхушки мачтъ виднѣлись на поверхности.

Какъ приморскій городъ, Севастополь былъ хорошо защищенъ съ моря укрѣпленіями при входѣ въ бухту, но со стороны суши совершенно открытъ. Между тѣмъ непріятель подвигался съ этой стороны; казалось, что городъ не можетъ сопротивляться. На дѣлѣ вышло иначе. Значительную часть гарнизона, который былъ невеликъ, составляли моряки. Ихъ храбрый начальникъ, адмиралъ Корниловъ, воодушевилъ жителей. Они бросились на работу вмѣстѣ съ солдатами, трудились безъ отдыха, и въ пять дней выстроили укрѣпленія вокругъ города. Работами руководилъ генералъ Тотлебенъ; онъ сумѣлъ обратить Севастополь въ хорошо защищенную крѣпость. Укрѣпленія наши представляли большею частью пространства, обнесенныя рвомъ и валомъ; изъ отверстій вала высовывались пушки. Тутъ же, за валомъ, въ землянкахъ жили офицеры и солдаты во все время осады. Такъ приготовились русскіе защищаться отъ непріятеля. Онъ шелъ опустошать ихъ родную землю, разорять ихъ родные города, и они готовы были пролить свою кровь за родину. Больше всего пролилось крови въ Севастополѣ. Взять этотъ городъ сдѣлалось цѣлью враговъ. Борьба въ остальныхъ мѣстахъ Крыма не имѣла особеннаго значенія.

III.

12 сентября 1854 года непріятель осадилъ съ суши южную часть Севастополя и открылъ страшный огонь; въ то же время союзный флотъ подошелъ съ моря и съ своей стороны началъ осыпать городъ ядрами. Громъ

выстрѣловъ потрясалъ воздухъ. Непріятельскія ядра съ зловѣщимъ свистомъ падали на наши укрѣпленія или, перелетая въ городъ, разбивали крыши домовъ. Пули жужжали со всѣхъ сторонъ. Много убитыхъ и раненыхъ падало въ укрѣпленіяхъ и на улицахъ города. Ночью ядра, какъ огненные змѣи, бороздили небо. Несмотря на это, работа у солдатъ кипѣла: одни стрѣляли изъ пушекъ, другіе поправляли разбитыя укрѣпленія и возводили новыя, иногда подъ страшнымъ огнемъ непріятеля. Падали одни, на ихъ мѣсто становились другіе. Защитники Севастополя не боялись смерти и дѣлали чудеса храбрости. Солдаты такъ привыкли къ бомбамъ, что смотрѣли на нихъ безъ всякаго страха и даже встрѣчали шутками. Находились смѣльчаки, которые, рискуя жизнью, бросались тушить фитиль у упавшей бомбы, если ее не разрывало сразу. Одинъ солдатъ высыпалъ на упавшую бомбу мѣшокъ земли, который несъ на спинѣ, затушилъ этимъ горѣвшій фитиль и спасъ такимъ образомъ себя и своихъ товарищей. Въ другой разъ бомба упала у самой двери порохового погреба: могъ произойти страшный взрывъ; подскочилъ солдатъ и столкнулъ ее подъ гору прикладомъ ружья. Скатившись, бомба разорвалась, но не причинила никому вреда.

Иногда непріятель шелъ на приступъ, чтобы отбить у насъ то или другое укрѣпленіе; начинался рукопашный бой; наши солдаты сражались такъ, что удивляли своею храбростью самихъ враговъ. Часто съ своей стороны русскіе дѣлали вылазки. Отряды въ нѣсколько сотъ человѣкъ подкрадывались къ непріятелю и причиняли ему большой вредъ неожиданными нападеніями. Особенно часто ходилъ на вылазки матросъ Кошка. Его знали всѣ въ Севастополѣ: такъ онъ прославился своими удалыми выходками. Напримѣръ, одинъ разъ Кошка замѣтилъ, что непріятельскіе рабочіе ушли изъ своего передового укрѣпленія; онъ забрался туда одинъ и унесъ ихъ инструменты. Въ другой разъ Кошка подкрался къ ямѣ, въ которой сидѣли четыре англичанина и готовили себѣ обѣдъ. Онъ бросился на нихъ съ крикомъ: „Ребята, ура!“ Англичане бѣжали, а Кошка схватилъ ихъ оружіе и обѣдъ и невредимо вернулся назадъ. Особенной отвагой отличались еще такъ называемые „пластуны“. Это были казаки, которые ловко подкрадывались къ укрѣпленіямъ непріятеля, развѣдывали о всѣхъ его движеніяхъ, а иногда брали въ плѣнъ часовыхъ и приводили въ городъ. Нельзя не вспомнить также маленькихъ защитниковъ Севастополя. Нѣсколько мальчиковъ служили рядомъ съ отцами въ укрѣпленіяхъ, разносили пищу солдатамъ и подавали заряды. У одного изъ нихъ, ребенка 10 лѣтъ, убили отца, но онъ остался на своемъ мѣстѣ и до конца осады стрѣлялъ изъ маленькой пушки. Немало нашлось и женщинъ, которыя сдѣлали все, что могли, чтобы помочь защитникамъ Севастополя. Когда всѣ жители съ южной стороны переѣхали на сѣверную, куда попадало меньше ядеръ, нѣсколько матросокъ продолжали жить у самыхъ укрѣпленій. Онѣ стирали бѣлье солдатамъ, готовили пищу и разносили воду на укрѣпленіяхъ, не боясь ни пуль ни ядеръ. Каждый день убивало кого-нибудь изъ дѣтей или женщинъ, но это ихъ не останавливало. Въ госпиталяхъ сестры милосердія ухаживали за ранеными и дѣлали перевязки. Севастопольскіе госпитали представляли страшную картину. Раненыхъ приносили туда сотнями; иные тутъ же умирали, другимъ доктора, не зная отдыха, дѣлали операціи. Въ госпиталяхъ не хватало мѣста для этихъ страдальцевъ. Цѣлые обозы съ ранеными тянулись изъ Севастополя; ихъ везли во всякую погоду

по дурнымъ дорогамъ въ другіе города Россіи, иногда очень далеко. Тамъ они находили пріютъ и уходъ.

IV.

Такъ прошли зима и весна; наступило лѣто. Севастополь не сдавался врагамъ. Въ числѣ убитыхъ пали одинъ за другимъ храбрые начальники севастопольскаго гарнизона: адмиралы—Корниловъ, Истоминъ и Нахимовъ, любимецъ матросовъ. Всѣ трое не жалѣли трудовъ, не боялись смерти и дѣлали все, что могли, для спасенія города. И войска и жители горько жалѣли объ этой потерѣ. Въ августѣ главнокомандующій всѣхъ нашихъ войскъ въ Крыму, князь Горчаковъ, далъ непріятелю сраженіе подъ Севастополемъ, думая отбить его отъ города. Русскіе были разбиты. Положеніе Севастополя стало еще тяжелѣе. Всѣ поняли, что спасти его нѣтъ возможности. Всякимъ усиліямъ есть предѣлъ. Тогда построили мостъ черезъ бухту съ южной стороны на сѣверную, чтобы перевести туда войска. Между тѣмъ непріятель готовился къ штурму. 24 августа началась страшная стрѣльба. Безчисленныя ядра сыпались въ городъ. Дымъ выстрѣловъ застилалъ ясное небо, такъ что солнца не было видно. Люди гибли тысячами! Наконецъ не стало возможности чинить разбитыхъ укрѣпленій.

27 августа 1855 года стрѣльба вдругъ прекратилась: непріятель пошелъ на штурмъ. Полки его со всѣхъ сторонъ двинулись на Севастополь. Русскіе еще разъ, въ послѣдній разъ, сразились съ отчаянной храбростью. Самое страшное нападеніе было направлено на Малаховъ курганъ, наше главное укрѣпленіе. Его защитники сопротивлялись отчаянно, но не могли сладить съ многочисленнымъ непріятелемъ. Малаховъ курганъ былъ взятъ. На немъ поднялось французское знамя. Бой прекратился. Рѣшено было оставить Севастополь. Всю ночь шла переправа; войска двигались по мосту; давка была страшная, а бомбы продолжали разрываться надъ отступающими. Пароходы и лодки перевозили солдатъ и послѣднихъ жителей. Когда кончилась переправа, русскіе развели мостъ, потопили послѣднія суда и зажгли городъ. Непріятель вошелъ въ него черезъ три дня, когда пожаръ потухъ.

Такъ палъ Севастополь послѣ 11-мѣсячной осады, но слава его защитниковъ сохранилась навсегда. Непріятель, изнуренный осадой, не могъ больше продолжать борьбы и согласился на миръ. Отчасти его побудили къ тому наши успѣхи въ Малой Азіи, гдѣ русскіе взяли приступомъ сильную крѣпость Карсъ. Миръ заключилъ уже императоръ Александръ II, преемникъ императора Николая, скоропостижно скончавшагося во время осады. Императоръ Александръ II не забылъ христіанъ, жившихъ въ Турецкой имперіи. По его требованію, султанъ торжественно обѣщалъ не угнетать болѣе своихъ христіанскихъ подданныхъ и дать имъ извѣстныя права. Императоръ принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки; самой важной изъ нихъ было обязательство не имѣть на Черномъ морѣ военнаго флота и не строить крѣпостей по берегамъ (черезъ нѣсколько лѣтъ императору Александру II удалось добиться отмѣны этого условія). Обѣ стороны уступили другъ другу свои завоеванія, въ томъ числѣ и Севастополь былъ возвращенъ Россіи.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. Городъ поднялся изъ развалинъ и такъ же живописно, какъ прежде, раскинулся вдоль бухты; но на его улицахъ до сихъ поръ встрѣчаешь разрушенные дома рядомъ съ новыми зданіями. Въ городѣ находится музей, въ которомъ собраны портреты севастопольскихъ героевъ и ихъ оружіе, всевозможныя карты и другія воспоминанія объ осадѣ.

Могилы адмираловъ находятся въ самомъ городѣ, въ храмѣ св. Владимира, а по другую сторону бухты лежитъ Братское кладбище, гдѣ надъ общей могилой севастопольскихъ защитниковъ высится часовня св. Николая.

Вопросъ. Изъ-за чего и при какихъ обстоятельствахъ произошла Севастопольская война?

Какъ было отмѣнено крѣпостное право.

I.

Послѣ смерти Николая I на престолъ вступилъ сынъ его Александръ II.

Вступивъ на престолъ, Александръ II занялся преобразованіемъ всей жизни въ Россіи. Началъ онъ съ самаго главнаго—освобожденія крестьянъ.

Крѣпостное право существовало на Руси болѣе 200 лѣтъ, но крестьяне никогда не считали, что они вѣчно будутъ въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Въ народѣ повсюду была крѣпкая вѣра въ то, что помѣщики владѣютъ крестьянами *временно*, что освобожденіе близко. Съ каждымъ новымъ царемъ поднимался сейчасъ же слухъ въ народѣ, что вотъ новый царь освободитъ крѣпостныхъ.

II.

И вотъ, когда умеръ Николай I и на престолъ вступилъ его наслѣдникъ, Александръ II, повсюду снова заговорили крестьяне о близкой волѣ. Разнесся слухъ, что молодой царь, еще будучи наслѣдникомъ, порѣшилъ освободить крестьянъ.

Съ нетерпѣніемъ ждали воли и лучшіе люди изъ образованнаго общества. Съ горечью и нетерпѣніемъ повторяли они слова нашего знаменитаго поэта Пушкина:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря?

III.

И заря свободы, наконецъ, дѣйствительно, взошла... Александръ II ждалъ только окончанія Севастопольской войны, чтобы приняться за освобожденіе крестьянъ. Послѣ заключенія мира онъ поѣхалъ въ Москву и тамъ московскимъ дворянамъ объявилъ, что онъ намѣренъ освободить крестьянъ, при чемъ просилъ помочь ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Въ Петербургѣ была учреждена особая редакціонная комиссія, которая, разсматривая дворянскіе планы освобожденія изъ разныхъ губерній, исправляла ихъ и сводила воедино всѣ мнѣнія.

Предсѣдателемъ комиссіи Александръ II назначилъ генералъ-адъютанта Ростовцева. Ростовцевъ оправдалъ довѣріе царя. Всѣ его силы были посвящены крестьянскому дѣлу, интересы котораго онъ горячо отстаивалъ. Въ трудныя минуты онъ одобрялъ и поддерживалъ государя. Но непосильная работа быстро подкосила его здоровье. Совсѣмъ больной, онъ все-таки работалъ. Не будучи въ состояніи ѣздить въ комиссію, онъ устраивалъ собранія у себя. „Силы мои слабѣютъ,—неоднократно повторялъ онъ,—но васъ я не оставлю до самой своей смерти. Одинъ саванъ отдѣлитъ меня отъ крестьянскаго вопроса“.

За нѣсколько минутъ до своей смерти онъ не переставалъ ободрять царя, находившагося около его постели. „Не бойтесь, государь!“ были его послѣднія слова.

IV.

Когда редакціонная комиссія окончила свои занятія, длившіяся годъ и

нѣсколько мѣсяцевъ, дѣло было передано на разсмотрѣніе въ главный комитетъ по крестьянскому вопросу. Предсѣдателемъ этого комитета былъ Константинъ Николаевичъ, родной братъ государя. Всю свою душу вложилъ онъ въ крестьянское дѣло и въ трудныя минуты горячо поддерживалъ и ободрялъ государя.

19 февраля 1861 года манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ, а 5 марта онъ былъ объявленъ по всѣмъ церквамъ. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божье благословенье на твой свободный трудъ — залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“, такъ заканчивался этотъ знаменитый манифестъ.

При чтеніи манифеста въ церквахъ вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, безмолвно падала на колѣни.

V.

Спокойно и радостно встрѣчалъ русскій народъ по всему лицу земли русской „про желанную свободу дорогую вѣсть“. Не умолкая цѣлый день, какъ въ Свѣтлый праздникъ, торжественно гудѣли колокола, люди цѣловались другъ съ другомъ и говорили „Христосъ воскресе“.

По Положенію 19 февраля 1861 года крестьяне становились свободными, всякая власть помѣщика надъ ними была теперь совершенно отмѣнена. Крестьяне получили право, какъ порознь, такъ и цѣлыми обществами, заключать съ частными лицами и казной договоры, вступать въ обязательства и брать подряды; они могли свободно заниматься торговлей, устраивать фабрики и другія промышленныя заведенія, получили право иска, жалобы и суда. Наказывать ихъ не позволялось.

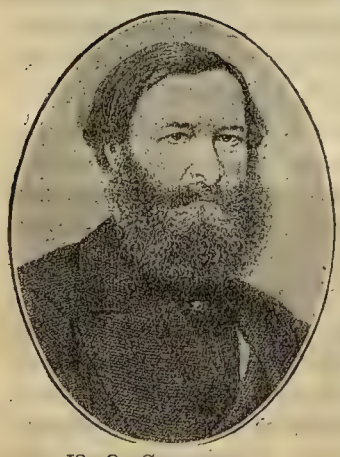
Императоръ Александръ II читаетъ манифестъ 19 февраля 1861 года.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ.

Я. И. Ростовцевъ.

Н. А. Милютинъ.

Императоръ Александръ II.



Ю. Ѳ. Самаринъ.

Кн. В. А. Черкасскій.

иначе какъ по суду или по законному распоряженію установленныхъ властей. Они получили право переходить въ другія сословія, воспитывать дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и поступать на государственную службу по нѣкоторымъ вѣдомствамъ.

Что же касается земли, то крестьяне обязывались выкупить у помѣщиковъ свои надѣлы. Размѣры надѣловъ по разнымъ губерніямъ и уѣздамъ были различной величины, потому что въ различныхъ мѣстахъ была неодинакова и густота населенія и цѣнность земли. Тамъ, гдѣ населеніе было очень густо и дорога земля, нарѣзался надѣлъ меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ населеніе было рѣдко и земля дешева.

Для выкупа надѣла казна давала крестьянамъ помощь и переводила ихъ долгъ помѣщику на себя, при чемъ дѣлала разсрочку выплаты на 49 лѣтъ.

Вопросы. Какъ относились крестьяне къ крѣпостному праву? Какъ относились къ нему лучшіе изъ помѣщиковъ? Кого вы знаете изъ главныхъ дѣятелей освобожденія крестьянъ? Какъ народъ отнесся къ волѣ?

Земская и городская реформы.

I.

Однимъ изъ важныхъ преобразованій императора Александра II было введеніе „Земскаго положенія“. Оно измѣнило все мѣстное управленіе въ губерніяхъ. Въ каждой мѣстности есть нужды и потребности, общія для всѣхъ жителей: для всѣхъ одинаково необходимо, чтобы существовали больницы, богадѣльни, школы, чтобы проѣзжія дороги хорошо содержались и многое другое. На такое общественное хозяйство нужны деньги. Деньги эти собирались съ самого населенія и назывались земскими налогами. До реформы сборомъ земскихъ налоговъ и управленіемъ мѣстными дѣлами завѣдывало само правительство. Всѣ эти обязанности были возложены, главнымъ образомъ, на губернаторовъ и на мѣстную полицію. Дѣла были запутаны, вести ихъ было трудно. Никакой общественной работы нельзя было сдѣлать безъ разрѣшенія начальства. Это разрѣшеніе не всегда могъ дать губернаторъ. Приходилось обращаться въ Петербургъ, къ высшимъ властямъ, и дѣло, такимъ образомъ, затягивалось. Александръ II рѣшилъ, что мѣстные жители должны сами завѣдывать своими дѣлами: они хорошо знаютъ, что нужно для ихъ края, какія улучшенія слѣдуетъ сдѣлать и сколько денегъ они могутъ собрать. Для веденія общественнаго хозяйства и были основаны уѣздныя и губернскія земскія учрежденія.

II.

По положенію императора Александра II, жители каждаго уѣзда, безъ различія сословій, съѣзжались разъ въ три года и составляли избирательный съѣздъ. Право участвовать въ немъ имѣлъ каждый мужчина не моложе 25 лѣтъ, который владѣлъ въ уѣздѣ извѣстнымъ количествомъ земли. Этотъ съѣздъ изъ своей среды выбиралъ уѣздныхъ гласныхъ; уѣздные гласные выбирались на три года и должны были разъ въ годъ съѣзжаться на уѣздное земское собраніе. Здѣсь они большинствомъ голосовъ рѣшали всѣ хозяйственныя дѣла, которыя касались ихъ уѣзда. Уѣздное земское собраніе назначало, сколько надо собрать денегъ съ уѣзда, и раскладывало эти налоги на имущества жителей. Оно распоряжалось устройствомъ и содержаніемъ уѣздныхъ земскихъ больницъ, школъ, путей сообщенія и многимъ другимъ. Привести въ исполненіе свое рѣшеніе

и постоянно вести дѣла собраніе поручало нѣсколькимъ лицамъ; лица эти выбирались на три года и составляли уѣздную земскую управу, которая ежедневно засѣдала въ уѣздномъ городѣ.

Кромѣ того, уѣздное собраніе каждаго уѣзда выбирало изъ числа своихъ членовъ губернскихъ гласныхъ тоже на три года. Эти выборные отъ всѣхъ уѣздовъ съѣзжались вмѣстѣ разъ въ годъ и составляли губернское земское собраніе. Губернское собраніе большинствомъ голосовъ рѣшало хозяйственныя дѣла всей губерніи. Оно раскладывало губернскіе земскіе налоги на жителей, распоряжалось имуществомъ, принадлежащимъ губерніи, общественными зданіями, сооруженіями, разными благотворительными учрежденіями, заботилось о страхованіи построекъ и скота, о путяхъ сообщенія и о многомъ другомъ. Губернское собраніе выбирало на три года губернскую земскую управу и поручало ей веденіе дѣлъ.

III.

Такимъ образомъ императоръ Александръ II далъ Россіи мѣстное самоуправленіе. Онъ привлекъ людей всѣхъ сословій къ участію въ мѣстныхъ дѣлахъ. Земство принесло большую пользу странѣ; оно основало немало новыхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій и увеличило число прежнихъ. Земскія учрежденія существуютъ и дѣйствуютъ до сихъ поръ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями.

Подобнымъ образомъ было преобразовано и управленіе городовъ. Для нихъ было издано „Городовое положеніе“.

„Городовое положеніе“ дало городскимъ жителямъ право самимъ заботиться объ улучшеніи своего города. Городское управленіе дѣйствуетъ до сихъ поръ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями.

Вопросы. Что такое земское самоуправленіе? Какія дѣла лежатъ на обязанности земства? Какое право дало городамъ „Городовое положеніе“?

Судебная реформа.

I.

Императоръ Александръ II далъ новое устройство русскимъ судамъ. Въ старыхъ судахъ дѣла часто рѣшались несправедливо, велись письменно и очень медленно, а приговоры долго не исполнялись. Александръ II рѣшилъ исправить эти недостатки.

Для рѣшенія мелкихъ дѣлъ были учреждены мировые судьи. Они ближе всего стояли къ народу. Мировыхъ судей выбирало само населеніе на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Такихъ судей было нѣсколько въ каждомъ уѣздѣ. Каждый изъ нихъ завѣдывалъ отдѣльнымъ участкомъ. При разборѣ дѣла мировой судья прежде всего долженъ былъ попытаться примирить спорящія стороны. Отсюда произошло самое названіе мировыхъ судей. Если попытка не удавалась, начинался судъ. Онъ происходилъ публично: всякій желающій могъ войти и слушать, какъ ведется дѣло. Судъ велся устно: обѣ спорящія стороны и свидѣтели на словахъ давали показанія, а судья постановлялъ рѣшеніе. При такомъ простомъ порядкѣ дѣла рѣшались быстро.

Недовольные рѣшеніемъ судьи могли жаловаться на него въ мировой съѣздъ. Этотъ съѣздъ состоялъ изъ мировыхъ судей всѣхъ участковъ и почетныхъ мировыхъ судей, которые тоже выбирались уѣздными земскими собраніями. Съѣздъ могъ измѣнить рѣшеніе судьи. Если одна изъ сторонъ опять находила неправильность въ рѣшеніи дѣла, то могла перенести его въ Правительствующій Сенатъ. Сенатъ былъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ государства; онъ не разбиралъ собственно

рѣшеніе суда, но если находилъ неправильность въ самомъ веденіи дѣла, то передавалъ его въ другой мировой съѣздъ для новаго разбирательства.

II.

Таковъ былъ порядокъ для веденія менѣе важныхъ дѣлъ. Болѣе крупныя дѣла разбирались совсѣмъ другими учрежденіями, въ которыя судьи назначались правительствомъ. На нѣсколько уѣздовъ былъ учрежденъ одинъ окружный судъ. Въ немъ разбирались дѣла гражданскія и уголовныя. Дѣло называется гражданскимъ, когда двое или нѣсколько лицъ спорятъ о своемъ правѣ, напримѣръ: о правѣ на имущество, о правѣ требовать исполненія какого-нибудь обязательства отъ другого лица; уголовнымъ дѣло называется тогда, когда идетъ рѣчь о наказаніи за преступленіе, напримѣръ, за кражу, убійство, поджогъ и т. д. Въ окружныхъ судахъ дѣло велось публично и устно. Недовольные рѣшеніемъ окружнаго суда могли жаловаться въ судебную палату. Судебная палата дѣйствовала одна на нѣсколько губерній. Она могла измѣнить рѣшеніе окружнаго суда. На рѣшеніе судебной палаты могла быть принесена жалоба въ Правительствующій Сенатъ. Если Сенатъ находилъ неправильность въ рѣшеніи дѣла, онъ передавалъ его въ другую судебную палату для новаго разбирательства.

Въ разборѣ уголовныхъ дѣлъ принимали участіе такъ называемые присяжные засѣдатели. Всѣ мѣстные жители, безъ различія сословій, по очереди исполняли эту обязанность. Александръ II думалъ, что для того, чтобы судить, виновенъ ли человѣкъ или нѣтъ, нужны только здравый смыслъ и совѣсть. Присяжные засѣдатели присутствовали на судѣ, выслушивали дѣло, затѣмъ совѣщались между собой и рѣшали, виновенъ ли или невиновенъ подсудимый. Дѣло судей было опредѣлить по законамъ наказаніе, котораго заслуживалъ подсудимый, если онъ былъ обвиненъ. По жалобѣ недовольной стороны Сенатъ могъ отмѣнить рѣшеніе суда присяжныхъ, если находилъ неправильность въ самомъ веденіи дѣла. Въ такомъ случаѣ онъ передавалъ дѣло на разсмотрѣніе суда съ другими присяжными засѣдателями.

III.

Такимъ образомъ императоръ Александръ II привлекъ само населеніе къ участію въ судѣ. Мировые судьи выбирались самимъ населеніемъ. Среди присяжныхъ засѣдателей засѣдали рядомъ лица всѣхъ сословій. Судъ сдѣлался устнымъ и публичнымъ; это много способствовало его правильности. Кромѣ того, судьи были сдѣланы несмѣняемыми, т.-е. не могли быть уволены иначе, какъ по суду, за какіе-нибудь проступки. Поэтому судья могъ по совѣсти произносить приговоръ и не бояться оскорбить сильныхъ и вліятельныхъ лицъ. Наконецъ правильности рѣшенія много способствовалъ самый порядокъ разбирательства: каждое дѣло могло быть разсмотрѣно нѣсколько разъ, а, слѣдовательно, ошибка всегда могла быть исправлена. Судебные уставы императора Александра II значительно улучшили русскіе суды. Въ настоящее время мировые судьи остались только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ; другія судебныя учрежденія дѣйствуютъ до сихъ поръ, но съ нѣкоторыми измѣненіями.

Вопросъ. Какія перемѣны произведены въ судебномъ дѣлѣ императоромъ Александромъ II.

Воинская повинность.

До Александра II воинская повинность была очень тяжела для народа. Ее несли крестьяне и мѣщане, а дворяне

были отъ нея свободны. Солдатъ долженъ былъ служить 25 лѣтъ; такимъ образомъ онъ почти на всю жизнь отрывался отъ семьи и отъ родныхъ мѣстъ, а когда подъ старость возвращался домой, часто оставался одинокимъ и безъ средствъ къ существованію. Кромѣ того, самая служба въ войскахъ была тогда очень тяжела. Понятно, что всякій, кто могъ, старался избавиться отъ воинской повинности. По закону можно было откупиться отъ нея, внеся въ казну извѣстную сумму денегъ, или нанять за себя охотника. Такъ поступали всѣ, кто былъ побогаче, а бѣдные поневолѣ шли въ солдаты. Александръ II понялъ необходимость облегчить народу воинскую повинность и улучшить составъ самаго войска. Императоръ считалъ, что защищать отечество есть долгъ каждаго гражданина, какого бы сословія онъ ни былъ: была введена всеобщая воинская повинность.

Ежегодно всѣхъ молодыхъ людей на 21-мъ году начали призывать къ набору. Число ихъ въ Россіи было такъ велико, что на дѣйствительную службу брали только часть, а остальныхъ зачисляли въ ополченіе. Записанные въ ополченіе оставались дома, но въ случаѣ войны могли быть призваны на службу. Благодаря этому, русское войско могло увеличиться, по первому требованію, до громадныхъ размѣровъ. Жеребій, который тянули въ особомъ воинскомъ присутствіи, рѣшалъ, кому отбывать воинскую повинность. Въ этомъ же присутствіи свидѣтельствовали молодыхъ людей и принимали на службу только здоровыхъ. Срокъ службы сокращенъ. По уставу императора Александра II солдатъ долженъ былъ служить 7 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ и 15 лѣтъ числиться въ ополченіи. Отказываться отъ воинской повинности не дозволялось никому, но зато были установлены льготы. Онѣ давались тѣмъ молодымъ людямъ, которые были необходимы въ семьѣ, напримѣръ, единственному сыну у родителей или старшему сыну при малолѣтнихъ братьяхъ. Получившіе льготу по закону шли въ солдаты только въ томъ случаѣ, если не хватало тѣхъ, которые льготы не имѣли. Этого никогда не случалось: обыкновенно получившихъ льготу прямо зачисляли въ ополченіе. Кромѣ того, по уставу давалась отсрочка для окончанія курса тѣмъ молодымъ людямъ, которые достигали призывного возраста, находясь въ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ, чѣмъ выше было то учебное заведеніе, которое проходилъ молодой человѣкъ, тѣмъ короче былъ для него срокъ службы. Сама служба въ войскахъ сдѣлалась гораздо легче. Содержаніе солдатъ стало лучше, чѣмъ прежде. Благодаря короткому сроку службы, солдатъ возвращался назадъ полный силъ, и если онъ былъ крестьяниномъ, то вступалъ во владѣніе прежнихъ надѣловъ.

Воинскій уставъ императора Александра II дѣйствуетъ до сихъ поръ почти безъ измѣненій.

Вопросъ. Какую перемѣну произвелъ императоръ въ воинской повинности?

VI. Практическія упражненія въ развитіи письменной рѣчи.

№ 1. Напишите вопросы къ разсказу „**Прыжокъ**“ (стр. 3) [1]).

№ 2. Напишите вопросы къ разсказу „**Акула**“ (стр. 4).

№ 3. Напишите вопросы къ разсказу „**Совѣсть заговорила**“ (стр. 6).

№ 4. Напишите вопросы къ разсказу „**Украла**“ (стр. 7).

№ 5. Напишите вопросы къ разсказу „**Олененокъ**“ (стр. 10).

№ 6. Напишите вопросы къ разсказу „**На волю**“ (стр. 12).

№ 7. Напишите планъ къ разсказу „**Солдаткино житье**“ (стр. 18) [2]).

№ 8. Напишите планъ къ разсказу „**Возвращеніе на родину**“ (стр. 25).

№ 9. Напишите планъ къ разсказу „**Пріѣздъ въ родное гнѣздо**“ (стр. 40).

№ 10. Напишите кратко содержаніе разсказа „**Голуби**“, передавъ разсказъ отъ третьяго лица (стр. 42).

№ 11. Напишите кратко содержаніе разсказа „**Воробей**“, передавъ разсказъ отъ третьяго лица (стр. 43).

№ 12. Напишите краткое содержаніе разсказа „**Пріѣздъ въ родное гнѣздо**“, передавъ разсказъ отъ третьяго лица (стр. 40).

№ 13. По баснѣ „**Волкъ и Котъ**“ напишите, что сдѣлалъ волкъ каждому крестьянину (стр. 59).

№ 14. По баснямъ: „**Пустынникъ и Медвѣдь**“ (стр. 60), „**Трудолюбивый Медвѣдь**“ (стр. 62) и „**Квартетъ**“ (стр. 62) напишите разсказъ про медвѣдя.

№ 15. По баснямъ: „**Зеркало и Обезьяна**“ (стр. 56), „**Мартышка и Очки**“ (стр. 61) и „**Квартетъ**“ (стр. 62) написать разсказъ про обезьяну.

№ 16. Напишите краткое содержаніе разсказа „**Прыжокъ**“ (стр. 3).

№ 17. Напишите краткое содержаніе разсказа „**Акула**“ (стр. 4).

№ 18. Напишите краткое содержаніе разсказа „**Совѣсть заговорила**“ (стр. 6).

№ 19. Напишите краткое содержаніе разсказа „**Олененокъ**“ (стр. 10).

№ 20. Напишите краткое содержаніе разсказа „**На волю**“ (стр. 12).

№ 21. Придумайте продолженіе разсказа „**Акула**“ (стр. 4). Какъ мальчики вернулись на корабль и что они разсказывали про купанье въ морѣ.

№ 22. По разсказу „**Совѣсть заговорила**“ (стр. 6) опишите думы

---

[1]) Образцомъ такихъ вопросовъ могутъ служить вопросы къ разсказу „Воробей“ (стр. 44).

[2]) Примѣромъ можетъ служить планъ къ разсказу „Воробей“ (стр. 44).

дѣвочки послѣ того, какъ Гриша бросилъ въ нее камень.

№ 23. По разсказу „**Украла**“ (стр. 7) опишите жизнь Саши дома.

№ 24. По разсказу „**Солдаткино житье**“ (стр. 18) опишите, какъ Ѳедюшку отдали въ школу.

№ 25. По статьямъ „**Олененокъ**“ (стр. 10) и „**Перепелка**“ (стр. 75) напишите, что вы думаете про охоту.

№ 26. По разсказу „**Бѣжинъ лугъ**“ (стр. 79) опишите жизнь деревенскихъ мальчиковъ.

№ 27. По разсказу „**Въ лѣсу**“ (стр. 102) напишите „**Лѣсъ ночью**“.

№ 28. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Отчего бываетъ вѣтеръ**“ (стр. 129).

№ 29. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Погода**“ (стр. 135).

№ 30. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Климатъ**“ (стр. 135).

№ 31. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Три вида воды**“ (стр. 141).

№ 32. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Путешествіе воды**“ (стр. 142).

№ 33. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Какъ люди летаютъ по воздуху**“ (стр. 146).

№ 34. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Теплота**“ (стр. 147).

№ 35. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Какъ измѣряютъ теплоту**“ (стр. 152).

№ 36. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Великій работникъ — паръ**“ (стр. 154).

№ 37. Напишите все, что вы знаете про воздухъ.

№ 38. Напишите все, что вы знаете про воду.

№ 39. Напишите все, что вы знаете про теплоту.

№ 40. Напишите все, что вы знаете про богатства, скрытыя подъ землей.

№ 41. Напишите названіе деревьевъ, кустовъ, травъ, хлѣбныхъ растеній, огородныхъ овощей, садовыхъ цвѣтовъ, которые встрѣчаются въ вашей мѣстности.

№ 42. Напишите все, что вы знаете про питаніе растеній.

№ 43. Напишите, что вызнаете о строеніи растеній.

№ 44. Напишите, что вы знаете о хлорофиллѣ растеній.

№ 45. Напишите названія извѣстныхъ вамъ безцвѣтковыхъ растеній.

№ 46. Опишите жизнь какого-нибудь насѣкомаго.

№ 47. По статьямъ „**Каменный уголь**“ (стр. 159) и „**Откуда взялся каменный уголь**“ (стр. 161) напишите разсказъ о томъ, откуда и какъ добывается каменный уголь.

№ 48. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Страны свѣта**“ (стр. 252).

№ 49. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Планъ**“ (стр. 253).

№ 50. По статьѣ „**Русское государство**“ (стр. 255) напишите все, что вы знасте о нашемъ государствѣ.

№ 51. Напишите, что вы знаете о Волгѣ.

№ 52. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Народы Россіи**“ (стр. 263).

№ 53. По вопросамъ къ статьѣ „**Петербургъ**“ (стр. 266) опишите этотъ городъ.

№ 54. По статьѣ „**Москва**“ (стр. 268) напишите, что вы знаете про Москву.

№ 55. Напишите отвѣты на вопросы къ статьѣ „**Отъ Москвы до Кіева**“ (стр. 272).

№ 56. По разсказамъ: „**Русская равнина**“ (стр. 302) и „**Какъ жилъ славянинъ болѣе тысячи лѣтъ назадъ**“ (стр. 303) напишите разсказъ: „Природа и жизнь въ древней Руси“.

№ 57. По разсказу „**Распространеніе христіанства**“ (стр. 309) и „**Кіево-Печерская лавра**“ (стр. 310) напишите разсказъ: „Христіане въ древней Руси“.

№ 58. По разсказу „**Владиміръ Мономахъ**“ (стр. 315) напишите разсказъ: „Заслуги Владимира Мономаха“.

№ 59. По разсказу „**Татарское нашествіе**“ (стр. 317) напишите разсказъ: „Жизнь русскихъ подъ татарскимъ игомъ“.

№ 60. По разсказамъ: „**Кіево-Печерская лавра**“ (стр. 310) и „**Основаніе Троицко-Сергіевской лавры**“ (стр. 322) напишите разсказъ: „Какъ въ старину жили въ монастыряхъ“.

№ 61. По разсказу „**Освобожденіе отъ татарскаго ига**“ (стр. 324) написать разсказъ: „Кто изъ князей и при какихъ обстоятельствахъ освободилъ Россію отъ татарскаго ига“.

№ 62. По разсказамъ: „**Первый самозванецъ**“ (стр. 335) и „**Лихолѣтье**“ (стр. 336) напишите разсказъ: „Защитники отечества въ Смутное время“.

№ 63. По разсказамъ: „**Алексѣй Михайловичъ**“ (стр. 339), „**Школы и просвѣщеніе**“ (стр. 340), „**Патріархъ Никонъ**“ (стр. 342) и „**Богданъ Хмѣльницкій**“ (стр. 346) написать разсказъ: „Важныя событія въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

№ 64. По разсказамъ: „**Дѣтство Петра Великаго**“ (стр. 348), „**Какъ учился Петръ**“ (стр. 349) и „**Нѣмецкая слобода**“ (стр. 350) написать разсказъ: „Дѣтство и юность Петра Великаго“.

№ 65. По разсказу „**Реформы Петра**“ (стр. 354) написать: „Какія перемѣны произвелъ Петръ въ повседневной жизни русскихъ людей“.

№ 66. По разсказамъ: „**Великая Сѣверная война**“ (стр. 355) и „**Основаніе Петербурга**“ (стр. 357) написать: „Для чего и какъ Петръ построилъ Петербургъ“.

№ 67. По разсказу „**Суворовъ**“ (стр. 363) написать разсказъ: „Чѣмъ прославился Суворовъ“.

№ 68. По разсказамъ: „**Наполеонъ I**“ (стр. 366) и „**Отечественная война**“ (стр. 367) написать разсказъ: „При какихъ обстоятельствахъ произошла отечественная война и кто изъ русскихъ отличился въ этой войнѣ“.

№ 69. По разсказу „**Оборона Севастополя**“ (стр. 371) написать разсказъ: „Герои Севастополя“.

№ 70. По разсказу „**Какъ было отмѣнено крѣпостное право**“ написать разсказъ: „Главнѣйшіе участники въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія“.

№ 71. Напишите о писателяхъ, портреты которыхъ помѣщены въ этой книгѣ (стр. 17, 27, 33, 37, 41, 49, 57, 69, 97) по плану: 1) имя, отчество, фамилія писателя; 2) сколько лѣтъ онъ прожилъ; годъ его рожденія и смерти; его произведенія; какое изъ этихъ произведеній вамъ особенно понравилось и чѣмъ оно вамъ понравилось.

№ 72. Напишите разсказъ къ картинкѣ „**Бояринъ**“ (стр. 354).

№ 73. Напишите разсказъ къ картинкѣ „**На свиданіи съ сыномъ**“ (стр. 26).

№ 74. Опишите внутренность избы, изображенной на картинкѣ, помѣщенной на 28 стр.

№ 75. Напишите разсказъ къ картинкѣ „**Бандуристъ**“ (стр. 39).

№ 76. Опишите рыбную ловлю по картинкѣ на 38 стр.

№ 77. Напишите разсказъ къ картинкѣ „**Старые друзья**“ (стр. 43).

№ 78. Напишите разсказъ къ картинкѣ „**Сестра милосердія**“ (стр. 57).

№ 79. Напишите, какъ вы въ первый разъ пришли въ школу учиться.

№ 80. Напишите, какъ вы въ первый разъ купались.

№ 81. Напишите, какъ вы ходили въ лѣсъ за ягодами.

№ 82. Опишите день на сѣнокосѣ.

№ 83. Опишите уборку хлѣба.

№ 84. Опишите крестьянскую сходку.

№ 85. Напишите, какъ вы первый разъ были въ городѣ.

№ 86. Напишите, какъ вы первый разъ были въ деревнѣ.

№ 87. Напишите, какъ вы первый разъ говѣли.

№ 88. Напишите, какъ вы были въ ночномъ.

№ 89. Опишите пожаръ, который вы сами видѣли.

№ 90. Опишите школьную елку, на которой вы сами были.

№ 91. Опишите рекрутскій наборъ, который вы сами видѣли.

№ 92. Опишите похороны, которыя вы сами видѣли.

№ 93. Напишите, что хорошаго и дурного видѣли вы на деревенскихъ праздникахъ.

№ 94. Опишите школьный праздникъ, на которомъ вы сами были.

№ 95. Напишите, произведенія какого писателя вамъ особенно нравятся и почему?

№ 96. Напишите, кто изъ историческихъ людей вамъ особенно нравится и чѣмъ.

№ 97. Напишите, какого товарища вы считаете хорошимъ. Почему?

№ 98. Напишите, кѣмъ бы вы хотѣли быть, когда вырастете большимъ. Почему?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Изъ жизни дѣтей и взрослыхъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	Стр.
Прыжокъ. *Л. Н. Толстой*	3
Акула. *Л. Н. Толстой*	4
Совѣсть заговорила. *П. В. Засодимскій*	6
Украла. *Гринченко*	7
Черемуха. *Л. Толстой*	9
Оленёнокъ. *Д. Мамина-Сибирякъ*	10
На волю. *К. Баранцевичъ*	12
Саша. *Н. А. Некрасовъ*	15
За грибами. *С. Т. Аксаковъ*	16
Ягоды. *С. Т. Аксаковъ*	17
Солдаткино житье. *Л. Н. Толстой*	18
На хуторѣ. *А. Ефименко*	22
Къ нянѣ. *А. С. Пушкинъ*	24
Возвращеніе на родину. *А. С. Пушкинъ*	25
Дѣтство веселое. *И. С. Никитинъ*	26
Въ бурю. *А. Н. Плещеевъ*	28
Дѣтство Ильи Ильича Обломова. *И. А. Гончаровъ*	29
Какъ учился Обломовъ. *И. А. Гончаровъ*	32
Ермило-мельникъ. *Н. А. Некрасовъ*	35
Букань. *Д. Н. Мамина-Сибирякъ*	37
Перебендя. *Т. Г. Шевченко*	39
Пріѣздъ въ родное гнѣздо. *Д. В. Григоровичъ*	40
Голуби. *И. С. Тургеневъ*	42
Воробей. *И. С. Тургеневъ*	43
Тревоги маленькой куропатки. *А. Додэ*	44
На войнѣ. *В. М. Гаршинъ*	47
Родная. *Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ*	50
Свѣтлое будущее. *С. Г. Фругъ*	51
Нарушеніе завѣта. *Аполлонъ Коринфскій*	52
Христіашка. *С. Я. Надсонъ*	53

Басни дѣдушки Крылова.

Лисица и виноградъ	55
Лжецъ	—
Зеркало и Обезьяна	56
Оселъ и Соловей	—
Гуси	58
Демьянова уха	59
Лебедь, Щука и Ракъ	—
Чижъ и Голубь	—
Волкъ и Котъ	—
Пустынникъ и Медвѣдь	60
Свинья	61
Мартышка и очки	—
Квартетъ	62
Трудолюбивый медвѣдь	—
Двѣ собаки	63
Прудъ и Рѣка	—
Пословицы русскаго народа	64
Загадки	66

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній. *Л. Н. Толстой*	67
Разлука. *Л. Н. Толстой*	72
Перепелка. *И. С. Тургеневъ*	75
Бѣжинъ лугъ. *И. С. Тургеневъ*	79
Сохачъ. *Д. Н. Мамина-Сибирякъ*	86
Музгарко. *Д. Н. Мамина-Сибирякъ*	90
Слѣпой мальчикъ. *В. Г. Короленко*	96
Въ лѣсу. *А. Серафимовичъ*	102
Пожаръ на кораблѣ. *К. М. Станюковичъ*	106
Сигналъ. *В. М. Гаршинъ*	111
По слѣдамъ оленя. *Сетонъ-Томпсонъ*	116

II. Природовѣдѣніе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Воздухъ	126
Вѣтеръ	127
Отчего бываетъ вѣтеръ	128
Какіе бываютъ вѣтры	129
Буранъ. *А. С. Пушкинъ*	130
Приказы вѣтра. *По Рубакину*	131

Стр.

Погода 132
Климатъ 135
Изъ чего состоитъ воздухъ. . . . . —
Вредный воздухъ. *Л. Толстой* 138
Вода 139
Три вида воды 140
Путешествіе воды. *К. Д. Ушинскій* . . . 141
Изъ чего состоитъ вода 142
Ошибка. *И. Воскобойниковъ* 143
Какъ люди летаютъ по воздуху 144
Теплота. *Изъ „Книги взрослыхъ“* 146
Какъ теплота переходитъ отъ одного предмета къ другому. *Оттуда же* 147
Какъ измѣняются отъ тепла предметы. *Оттуда же.* 148
Какъ измѣряютъ теплоту. *Оттуда же* . . 150
Великій работникъ — паръ. *Изъ „Книги взрослыхъ“* 152
Стефенсонъ—изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. *Оттуда же* 154

Что есть въ землѣ.

Глина. 157
Песокъ. *А. Гердъ* 158
Перегной. *А. Гердъ* 159
Каменный уголь. . . . . —
Откуда взялся каменный уголь. 161
Соль 162
Горныя породы. *По книгѣ Е. Горбуновой* 164
Металлы. *То же.* 166

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Въ зеленомъ царствѣ.

Главныя части растеній 168
Самая важная часть растенія 170
Насѣкомыя и растенія. *Ю. Вагнеръ.* . . . 171

Изъ жизни растеній.

Что есть въ почвѣ. 172
Чѣмъ питаются растенія. 174
Составъ растенія 175
Какъ построены растенія. *По Ю. Вагнеру.* 176
Сосуды. *По Кайгородову* 178
Питательныя вещества въ растеніяхъ. *По Кайгородову* 180
О хлорофиллѣ въ клѣточкахъ листьевъ. *По Ю. Вагнеру* 181
Растенія, которыя питаются мясомъ. *По Френкелю* 183
Какъ растенія разсѣваютъ свои плоды и сѣмена. *По Порѣцкому* 185
Растенія, у которыхъ не бываетъ цвѣтовъ. *По Ю. Вагнеру* 188
Грибы. *По книгѣ В. Львова* 190

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О животныхъ.

Животныя 193
Насѣкомыя 194
Гдѣ отыскивать яйца бабочекъ, ихъ гусеницъ и куколокъ. *По книгѣ В. А. Попова* 196
Выкармливаніе гусеницъ. *То же* 197
Садокъ для куколокъ. *То же.* 198
Какъ можно кормить бабочку. *То же* . . —
Насѣкомыя, вредящія садамъ 199
Насѣкомыя, вредящія хлѣбнымъ полямъ . 200
Насѣкомыя, вредящія огородамъ 202
Пчелы 203
Муравьи 205
Шелковичная бабочка. *Л. Н. Толстой* . . 208
Комнатная муха. *По Ю. Вагнеру.* 211
Какъ размножаются мухи. *То же* 212

Пауки.

Паукъ-крестовикъ 214

Черви.

Пахарь-червякъ 216
Микроскопъ 217
Подъ микроскопомъ. (Рисунокъ) 219
Корненожка. *Ю. Вагнеръ.* 220
Пища животныхъ. *По Рубакину* 223
Какъ животныя спасаются отъ холода и голода. *То же.* . . . . . —
Какъ животныя себя защищаютъ. *То же* . 225
Животныя, растенія и камни 227

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Человѣкъ.

Какъ устроено тѣло человѣка.

Почему важно знать, какъ устроено тѣло человѣка 228
Части человѣческаго тѣла . . . . . —
Клѣточка 229
Скелетъ . . . . . —
Соединеніе костей. 230
Мышцы 231
Нервы 232
Забота о мускулахъ 233
Какъ питается тѣло человѣка 234
Вредная пища и отравленіе 237
Кровь и кровообращеніе. 238

Дыханіе человѣка.

Углекислота 241
Органы дыханія 242
Кожа 244
Органы чувствъ 245
Какой вредъ человѣку отъ вина 248
Какой вредъ человѣку отъ табаку 250

III. Родиновѣдѣніе.

	Стр.
Страны свѣта	252
Планъ	253
Географическая карта	255
Русское государство	—
Наши сосѣди	256
Поверхность Россіи	257
Наши рѣки	258
Волга	260
Народы Россіи	263
Петербургъ	266
Москва	268
Отъ Москвы до Кіева. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ*	272
Вечеръ въ Малороссіи. *Т. Г. Шевченко.*	276
Могила Тараса Шевченко. *И. А. Бѣлоусовъ.*	—
Крымъ. *А. С. Пушкинъ*	—
Море. *В. А. Жуковскій*	277
Кавказъ. *А. С. Пушкинъ*	278
Терекъ. *М. Ю. Лермонтовъ*	279
Русь. *И. С. Никитинъ*	—

IV. Четыре времени года.

Осень. *А. С. Пушкинъ*	280
Осень. *А. Н. Плещеевъ*	—
Осень. *А. А. Фетъ*	—
Послѣ жнитва. *Н. А. Некрасовъ*	—
Несжатая полоса. *Н. А. Некрасовъ*	281
Ярмарка. *И. С. Никитинъ*	
Зимнее утро. *А. С. Пушкинъ*	282
Вѣюнъ. *А. С. Пушкинъ*	283
Морозъ. *Н. А. Некрасовъ*	—
Легенда о елкѣ	284
Елка и птичка. *Е. Бекетова*	285
Весна. *А. Майковъ*	—
Весна идетъ. *С. Т. Аксаковъ*	286
Весеннія воды. *О. И. Тютчевъ*	—
Весна. *А. С. Пушкинъ*	—
Весна. *А. Н. Плещеевъ*	—
Вскрытіе рѣки. *С. Т. Аксаковъ*	287
Весна. *А. И. Майковъ*	288
Накануѣ свѣтлаго праздника. *Н. А. Некрасовъ*	—
Пасхальное яичко. *По М. Богданову*	289
Любо весной человѣку. *Н. А. Некрасовъ*	291
Зеленый шумъ. *Н. А. Некрасовъ*	—
Утренняя звѣзда. *А. В. Жуковскій*	292
Лѣтній вечеръ. *В. А. Жуковскій*	
Вечеръ на сѣнокосѣ. *И. С. Никитинъ*	293
Пѣсня косаря. *А. В. Кольцовъ*	—
Сѣнокосъ. *П. А. Сергѣенко*	294
Урожай. *А. В. Кольцовъ*	296
Страда деревенская. *Н. А. Некрасовъ*	297
Пахота. *П. А. Сергѣенко*	—
Въ деревнѣ. *Н. А. Некрасовъ*	299
Сѣвъ. *П. А. Сергѣенко*	300
Утро. *И. С. Никитинъ*	—

V. Разсказы изъ нашего прошлаго.

Русская равнина. *Изъ „Русской Исторіи въ картинахъ", изд. Историч. Комиссіи при Учебн. Отд.*	302
Какъ жилъ славянинъ болѣе тысячи лѣтъ назадъ. *Н. Г. Тарасовъ*	303
Сосѣди славянъ. *Изъ „Русской Исторіи въ картинахъ"*	304
Образованіе русскаго государства. *Оттуда же*	306
Дѣятельность первыхъ русскихъ князей. *Оттуда же*	—
Вѣра славянъ	307
Распространеніе христіанства. *Изъ „Русской Исторіи въ картинахъ"*	309
Кіево-Печерская лавра. *Изъ „Книги взрослыхъ"*	310
Грамота и просвѣщеніе	312
Ярославъ Мудрый. *По Соловьеву и друг.*	313
Усобицы князей. *По Соловьеву и друг.*	314
Владимиръ Мономахъ. *По Соловьеву и друг.*	315
Татарское нашествіе. *По Соловьеву и друг.*	317
Александръ Невскій	320
Возвышеніе московскихъ князей	321
Основаніе Троицко-Сергіевской лавры. *Изъ „Книги взрослыхъ".*	322
Освобожденіе отъ татарскаго ига	324
Іоаннъ IV, Грозный	326
Филиппъ, митрополитъ московскій. *По Рубакину*	327
Первый русскій печатникъ. *По Волковой*	332
Царь Ѳеодоръ и Годуновъ	334
Царствованіе Бориса	335
Первый самозванецъ	—
„Лихолѣтье"	336
Михаилъ Ѳеодоровичъ	338
Алексѣй Михайловичъ	339
Школы и просвѣщеніе	340
Патріархъ Никонъ и расколъ въ русской Церкви	342
Казачество	345
Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. *Изъ „Книги взрослыхъ".*	346
Дѣтство Петра Великаго	348
Какъ учился Петръ	349
Нѣмецкая слобода	350
Путешествіе Петра за границу	352
Реформы Петра	354
Великая Сѣверная война	355
Основаніе Петербурга	357
Государственное управленіе при Петрѣ	360
Екатерина II, Великая	361
Потемкинъ и заселеніе Новороссійскаго края	362
Просвѣщеніе при Екатеринѣ Второй	363
Суворовъ. *Изъ „Книги взрослыхъ"*	—
Наполеонъ I	366
Отечественная война 1812 г	367
Оборона Севастополя	371
Какъ было отмѣнено крѣпостное право	375
Земская и городская реформы. *Изъ „Книги взрослыхъ"*	378
Судебная реформа. *Изъ „Книги взрослыхъ"*	379
Воинская повинность. *Изъ „Книги взрослыхъ"*	380

VI. Практическія упражненія въ развитіи письменной рѣчи. 382

Третья и четвертая часть книги знакомятъ съ родиной, съ ея природой и жизнью людей, поскольку эта послѣдняя зависитъ отъ природы страны.

Изъ пятой части ученики узнаютъ о нѣсколькихъ наиболѣе важныхъ и въ то же время могущихъ быть осмысленно усвоенныхъ событіяхъ изъ прошлаго нашей родины. Помѣщенные здѣсь краткіе очерки, прочитанные вмѣстѣ съ учителемъ, дополненные и разъясненные послѣднимъ въ нужныхъ случаяхъ, облегчатъ дѣтямъ трудъ самостоятельнаго чтенія по исторіи.

Шестая часть даетъ матеріалъ для развитія письменной рѣчи. Организуя занятія, долженствующія научить дѣтей письменному изложенію мыслей, надо имѣть въ виду, что таковая цѣль достигается отнюдь не однѣми только письменными работами. Чтеніе дѣтьми образцовыхъ произведеній и ихъ устный разсказъ составляютъ необходимое условіе для развитія письменной рѣчи. Поэтому внимательная проработка матеріала, вошедшаго въ первую часть настоящей книги, т.-е. выразительное чтеніе, заучиваніе наизусть, составленіе плановъ, устный пересказъ прочитаннаго, составленіе разсказовъ по картинкамъ и т. п., должна самымъ благопріятнымъ образомъ отразиться на развитіи у дѣтей умѣнья владѣть письменной рѣчью.

Письменному исполненію задачъ, вошедшихъ въ шестую часть книги, обязательно предпосылается устное ихъ исполненіе. Ученики сообща обсуждаютъ, какъ лучше написать, и потомъ уже пишутъ. Всѣ ошибки, насколько только можно предвидѣть ихъ, обязательно должны быть предупреждены. Ученикамъ рекомендуется, кромѣ того, обращаться за справками какъ къ учителю, такъ и къ книгамъ, дабы до минимума свести вѣчно грозящую маленькому писателю опасность грамматическихъ ошибокъ.

Данный нами во всѣхъ трехъ книжкахъ «Нови» матеріалъ для первоначальныхъ занятій по русскому языку при основательной проработкѣ его въ классѣ и на экскурсіяхъ потребуетъ не менѣе трехъ лѣтъ занятій. Поэтому для школы съ трехлѣтнимъ обученіемъ «Новь» и предназначается прежде всего. Опытъ, однако, показалъ, что въ три года нельзя изложить того элементарнаго курса обученія, который считается нынѣ минимальнымъ, хотя при особенно благопріятныхъ условіяхъ (богатство наглядныхъ пособій, занятіе съ однимъ отдѣленіемъ и т. п.) можетъ быть проработанъ и тотъ матеріалъ, который мы даемъ въ трехъ книжкахъ «Нови». Основательное же изученіе его и исполненіе всѣхъ работъ, указанныхъ въ книгахъ, потребуетъ уже четырехлѣтняго курса обученія. За такой курсъ теперь, какъ извѣстно, и высказываются всѣ ближайшіе работники начальной школы.

Москва. 18 марта
1910 г.

Н. Тулуповъ.

П. Шестаковъ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Н. В. ТУЛУПОВЪ и П. М. ШЕСТАКОВЪ.

„Библіотека Новой Школы“.

Иллюстрированные сборники разсказовъ и стихотвореній для самостоятельнаго чтенія учащихся на 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ году обученія. Цѣною отъ 3 до 10 к.

Книжки для чтенія на первомъ году обученія:

№№	Цѣна.
• 1. Красная шапочка	3 к.
• 2. Мальчикъ съ пальчикъ	3 „
• 3. Снѣгурка	3 „
• 4. Три медвѣдя	3 „
• 5. Про плутовку лису	3 „
• 6. Про мышь зубастую да про воробья богатаго	3 „
• 7. Гуси-лебеди	3 „
• 8. Аленушка	3 „
• 9. Страшная коза	3 „
•10. Колобокъ	3 „
•11. Воробушекъ	3 „
•12. Про котятъ и зайцевъ	3 „
•13. Дѣти въ деревнѣ	3 „
•14. Дѣти въ городѣ	3 „
•15. Медвѣди	3 „
•16. Семилѣтка	3 „
•17. Въ родной деревнѣ	3 „
18. Разсказы и сказки о животныхъ	3 „
•19. Разсказы и стихи	3 к.
20. Рождественскій сборникъ	3 „
21. Разсказы. Басни. Стихотворенія	3 „
•22. Шведскія сказки. 1 сборникъ.	3 „
•23. А. С. Пушкинъ. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ	3 „

Книжки для чтенія на второмъ году обученія:

• I. Весна-красна	3 к.
• II. Весенніе гости	3 „
• III. Зимою	3 „
• IV. Лѣтомъ	3 „
• V. Осенью	3 „
• VI. Про лису и про зайца	3 „
• VII. Про воробья и про гуся	3 „
• VIII. Рождественская елка	4 „
• IX. Про журавля и лебедя	3 „
• X. Сказки и стихи	3 „
• XI. Весною	3 „
• XII. Шведскія сказки. 2 сборн.	5 „
• XIII. Шведскія сказки. 3 сборн.	3 к.
• XIV. Басни дѣдушки И. А. Крылова. Второй сборникъ	3 „
• XV. Свѣтлый день	4 „
• XVI. Разсказы и стихи о животныхъ	3 „
•XVII. С. Т. Аксаковъ. Аленькой цвѣточекъ	5 „

Книжки для чтенія на третьемъ году обученія:

• 1. На святкахъ	4 к.
• 2. Большое и малое	4 „
• 3. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 3-й сборникъ	3 „
• 4. Басни дѣдушки И. А. Крылова. 4-й сборникъ	3 „
• 5. Животныя и человѣкъ	5 „
• 6. В. Ѳ. Капелькинъ. Степь	4 „
• 7. Его же. Пернатые странники	4 „
• 8. Императоръ Наполеонъ I	4 „
• 9. Оборона Севастополя	4 „
•10. А. С. Пушкинъ. Скупой рыцарь.	3 „

Учен. Ком. М. Н. Пр. всѣ перечислен. здѣсь книжки ДОПУЩЕНЫ въ ученич. библіотеки начальн. училищъ.

Первая ступень въ литературу.

Хрестоматія для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и домашняго обученія. Снимки съ карт. извѣстн. художниковъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Учен. Комит. М. Н. Пр. **допущена** въ качествѣ пособія для средн. учебн. зав. (См. окт. кн. 1908 г. „Журн. М. Н. П.“)
Гл. Упр. воен.-учебн. зав. **допущена**, какъ пособіе для классн. преподаванія въ первыхъ двухъ классахъ кад. корпусовъ.
(Отн. Гл. Упр. в.-у. з. отъ 13 августа 1908 г., за № 18022).

Новь.

Книга для первоначальныхъ занятій по русскому языку въ школѣ и семьѣ. Со многими рисунками и снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. **Часть I.** М. 1909 г. Ц. 25 к.

То же. — Часть II. Ц. 50 к.

Гл. Упр. воен.-учебн. зав. РЕКОМЕНДОВАНЫ, какъ пособіе для приготовительныхъ и первыхъ двухъ класс. кад. корпус.

То же. — Часть III. Ц. 75 к.

Наша родина.

Географическая хрестоматія. 387 рисунк. въ текстѣ, 2 географическ. карты и 8 діаграммъ въ краскахъ. М. 1908 г., стр. 632. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.

М. Н. Пр. **допущена** въ ученич. библіот. городск., по Полож. 1872 г., учил. (Отн. Мин. за № 32267 отъ 16 дек. 1908 г.).

Толковый и орѳографическій школьный словарь.

М. 1909 г. Ц. 20 к.

Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНЪ въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

„Слово“.

Сборникъ первоначальныхъ упражненій для выработки навыковъ правильнаго письма и развитія устной рѣчи. **Книжка 1.** Изд. 2-е. М. 1910 г. Цѣна 15 коп.

М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ („Журн. М. Н. П.“, декабрь 1909 г.).

ЖУРНАЛЪ „ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ“.

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Изданія годъ III.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, КРОМѢ ЛѢТА, ВСЕГО 20 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.
Подписная цѣна на журналъ 2 р. 50 к. въ годъ и 1 р. 50 к. на полгода.
Адресъ редакціи: Москва, Полянка, Успенскій переулокъ, домъ № 8.
Редакторы-издатели *Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.*

Н. В. ТУЛУПОВЪ.

Наглядный букварь

для обученія русской и церковно-славянской грамотѣ и первоначальному счисленію. Съ 137 рисунками. Изд. 15-е. 434-я тысяча экземпляровъ. М. 1910 г. Ц. 15 к.

Мин. Нар. Просв. **допущенъ** къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.
Собственною Его Императорскаго Величества Канцел. по учрежд. Императрицы Маріи **одобренъ** въ качествѣ руководства для начальнаго обученія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Прописи правописанія.

Для начальныхъ школъ и младшихъ классовъ городскихъ училищъ. Изд. 8-е. 104-я тысяча. М. 1910 г. Ц. 15 к.

Мин. Нар. Просв. **допущены** къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ начальныхъ школахъ и младшихъ классахъ городск., по Положенію 1872 г., училищъ.

Разсказы о животныхъ.

Со многими рисунками. Тигръ. Ц. 6 к. Левъ. Ц. 6 к. Слонъ. Ц. 6 к. Китъ. Ц. 6 к.

Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНЫ въ ученич. библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Собраніе родныхъ сказокъ.

По Аѳанасьеву и другимъ сборникамъ. Рисунки худ. С. И. Ягужинскаго. Изд. 4-е. М. 1909 г. Ц. 1 р. 20 к.

На междунар. научно-промышл. выст. „Дѣтскій Міръ“ 1904 г. въ С.-Петерб. удостоено высш. нагр.—почетнаго диплома

Родныя сказки.

Шесть сборниковъ русскихъ сказокъ для дѣтей. Со многими рисунками. Ц. каждаго сборн. 15 коп.

Мин. Нар. Пр. **допущены** въ ученическія библіотеки начальн. народн. училищъ. На международной научно-промышленной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“. 1904 г. въ С.-Петербургѣ удостоено высшей награды—почетнаго диплома.

Съ требованіями на всѣ вышеозначен. книги обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:
въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Екатеринбургѣ, Варшавѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону и Иркутскѣ, а также въ контору журнала „Для народнаго учителя“ (Москва, Полянка, Успенскій п., д. № 8).